

А. Бондаренко

ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

ВОЕННЫЕ
КОНТРАЗВЕДЧИКИ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

Н К В

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРАЗВЕДКИ

„СМЕРШ“

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1993

(1793)

Александр Бондаренко

ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 94(47):351
ББК 63.3-36
Б 81

знак информационной продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04282-7

© Бондаренко А. Ю., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Военная контрразведка — это огромная
тяжелая работа...*

В. Богомолов. Момент истины

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разведка стара как мир, подтверждение чему находится даже в Библии. Во все времена и для любого государства наибольший интерес представляли вооруженные силы и военные планы соседей, но до конца XVIII века ни в каких странах не существовало специальной разведывательной службы, а разного рода разведывательные структуры в армиях создавались исключительно в военное время. Зато в XIX столетии эти структуры постепенно, но повсеместно превратились в постоянно действующие службы, обеспечивающие вооруженные силы необходимой информацией о противнике.

Ну а борьбу с «военным шпионством» издавна вела военная контрразведка.

Хотя контрразведка — антагонист разведки, она существует и активно действует параллельно и одновременно с ней, но все-таки эти две службы можно уподобить родным сестрам, первая из которых безусловная красавица, всеми почитаемая и превозносимая, а вторая... Нет, она отнюдь не дурнушка, но внешне далеко не столь эффектна, к тому же — строга, порой резка в обращении, скрытная и многознающая... Простейшее тому подтверждение: каждый без труда может вспомнить имена «легендарных разведчиков», но, говоря про контрразведку, мало кто блеснет знаниями далее «майора Пронина» и героев книги «Момент истины» («В августе сорок четвертого»). Притом «сестры» эти связаны кровными узами и друг без друга существовать не могут — достаточно сказать, что контрразведка лишится объекта своей работы, а разведка без должного противодействия просто деградирует, исчезнет само понятие «искусство разведки»... Взаимосуществование разведки и контрразведки — ярчайший пример диалектического «единства

и борьбы противоположностей». Еще его можно уподобить странной шахматной игре, когда «игрок», предугадав очередной ход противника, его не ждет, но спешит не в очередь сделать свой упреждающий ход, причем не всегда для противника видимый...

Наша книга посвящена той из «сестер», которая менее знаменита «в обществе», — военной контрразведке. Ее подробную, но малоизвестную дотолем историю мы и хотим поведать читателю.

Известно, что история любой из спецслужб — дело непростое и вообще темное. В большинстве случаев заинтересованному читателю предлагаются сборники очерков, в которых нередко очень ярко и увлекательно, но в допустимых, разумеется, пределах рассказывается о неких легендарных операциях, славных делах или громких провалах, о героях «тайной войны», изобличенных предателях и тому подобном. Безусловно, такая информация нужна и полезна, она востребована, она создает «имидж» ведомства. Вот только «историей» конкретной спецслужбы подобную книгу можно называть с большой натяжкой. Ведь по объему работы и привлеченному количеству сотрудников все эти «легендарные операции» представляют собой лишь какие-то доли процента общей деятельности данной спецслужбы. Да, они принесли огромную пользу, пресекли деятельность опасного агента противника, были эффектны и эффективны, при определенных условиях вызвали огромный общественный резонанс, но если их сравнивать со всей остальной работой, проведенной в то же самое время другими подразделениями данного ведомства по всем прочим направлениям, то это окажется даже не «верхушкой айсберга», но экзотическим цветком, на «верхушке» выросшим.

Так что не упомянуть об этих операциях нельзя, но сводить всю историю исключительно к ним — просто наивно...

Книга, которую вы сейчас раскрыли, является именно историей российской (советской) военной контрразведки, изложенной от «предыстории» (событий XIX — начала XX века), драматических подробностей ее создания в 1918 году и первых успехов в борьбе со шпионажем против Красной армии, до оперативных разработок нынешних дней. Но главное — в книге конкретно и подробно рассказано о самой этой организации: как и для чего именно она создавалась, какие коллизии разворачивались вокруг этого, из каких структур состояла, какие задачи и по каким направлениям решала в каждый конкретный период своего суще-

ствования... Особый интерес представляют вопросы роли и места органов военной контрразведки в структурах госбезопасности и военного ведомства, в их взаимоотношениях с командованием и политическим аппаратом войск, с руководством и другими подразделениями госбезопасности, с высшим партийным и государственным руководством, а также вопросы роли ВКП(б) — КПСС и влияния партии на обеспечение безопасности страны и армии.

Наличие всей этой информации коренным образом отличает данную книгу от подавляющего большинства произведений аналогичного жанра и определяет круг ее читателей как людей, серьезно интересующихся историей спецслужб, историей вооруженных сил, а также историей нашего Отечества, ибо вряд ли нужно объяснять, что деятельность специальных служб является одним из важных слагаемых политической истории.

Можно было бы сказать, что это первая книга подобного направления, но оно не совсем так. 19 декабря 2008 года военная контрразведка торжественно отметила свое 90-летие. К этой дате по инициативе руководства 3-го Департамента ФСБ России коллективом авторов было подготовлено и выпущено в свет двухтомное подарочное издание «Военная контрразведка. История, события, люди»*, не предназначенное для свободной продажи. Вскоре книга эта получила высокую оценку профессионалов — она была удостоена премии ФСБ России 2009 года за лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности в номинации «Художественная литература и журналистика».

Автору этих строк посчастливилось стать литературным редактором двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди». Эта работа позволила мне не только познакомиться с большим объемом материалов по истории военной контрразведки, но и натолкнула на идею создания самостоятельной книги на ту же тему, которая бы существенно отличалась от специфического двухтомника, предназначенного для ветеранов и действующих сотрудников спецслужб, как по расширенному содержанию, так и по характеру изложения материала.

Так возникла идея этой книги, основанной на рассекреченных документах и материалах военной контрразведки и службы безопасности ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ —

* Военная контрразведка. История, события, люди: В 2 т. М., 2008.

ФСБ, полученных при содействии Департамента военной контрразведки и Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, на воспоминаниях и интервью сотрудников спецслужб и исторических деятелей, а также — фрагментах из ряда книг серьезных и надежных авторов, давших объективные оценки глобальных событий и исторических личностей. Но применительно к тем вопросам, которым реально посвящено наше повествование, авторская позиция и оценки везде присутствуют однозначно.

Обращение в нашем издании к материалам двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди» также является вполне обоснованным и оправданным — подобные ссылки не только обеспечивают в ряде моментов необходимую точность формулировок, но и подтверждают достоверность и проверенность представленной информации, особенно фактической и документальной. А значит, есть надежда, что мы сумели описать историю военной контрразведки достаточно подробно и максимально объективно.

Однако все равно ждатель от нашей книги «исповедального» рассказа о военной контрразведке и раскрытия всех ее «супертайн» читателю не следует — время для этого, как говорится, еще не пришло. Подобных «открытий» нет и в других книгах, что бы при том ни декларировали их авторы, предлагающие свои версии развития тех или иных событий. А иная оригинальная версия, как свидетельствует опыт исследователя, способна увести от истины гораздо дальше, нежели простое умолчание, порождающее догадки, порой и небезосновательные. Но что делать, если спецслужбы изначально скрывают буквально всё: свой кадровый состав, агентуру и реальную численность, методы своей работы, собственную осведомленность по тем или иным вопросам? Хотя наша книга как раз и посвящена именно этим наиболее закрытым моментам — но, повторим еще раз, в разумных, допустимых пределах.

Пример? Пожалуйста! Известно ли вам, что именно из структур военной контрразведки произошли отечественные Служба внешней разведки и нынешние Пограничные органы ФСБ — бывшие погранвойска? А знаете, какой отдел 3-го Главного управления КГБ СССР оперативно обеспечивал ГРУ Генерального штаба — военную разведку? И что был такой период, когда в функции военной контрразведки борьба с иностранным шпионажем в армии не входила?

Так что есть надежда, что даже подготовленный читатель сможет найти здесь для себя еще немало неизвестного, неожиданного и достаточно интересного...

Автор книги выражает искреннюю признательность

В. П. Галицкому,

С. А. Коренкову,

В. И. Лазареву,

Н. Н. Лузану,

В. Г. Макарову,

Н. П. Маркину,

О. К. Матвееву,

В. И. Носатову,

В. Н. Серede,

А. А. Сучилину,

А. С. Терещенко,

И. Л. Устинову,

В. С. Христофорову,

К. И. Яхиену

и ряду других уважаемых товарищей, имена которых по некоторым причинам пока еще называть нельзя, за оказанную помощь и предоставленные материалы, которые легли в основу этой книги.

Глава первая

«ДЕЛО ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ...»

Любое явление в своем развитии имеет предысторию, и было бы ошибочно считать, что именно 19 декабря 1918 года, на пустом месте, у нас в стране возникла военная контрразведка. Впрочем, долгое время официально принятая точка зрения оставалась примерно таковой — так же, как писалось и про вооруженные силы, вдруг «родившиеся в боях под Псковом» 23 февраля того же 1918 года. На самом деле, как известно, регулярная армия в России была сформирована минимум три столетия тому назад, а после Октябрьской революции достаточно большая часть ее офицеров и генералов перешла в Красную армию, по этой самой причине не только разгромившей белых на полях Гражданской войны, но и перенявшей очень многие из старых традиций — не только морально-нравственного плана, но и затрагивающих область военного строительства.

Если есть армия, то неизбежно проводится и поиск вражеских лазутчиков, раскрытие возможных перебежчиков и предателей в ее рядах, дезинформация неприятеля — то есть работа по контрразведывательному обеспечению вооруженных сил. Так было и при Петре I, и еще раньше — в стрелецком войске, в княжеских дружинах, ну и так далее, — с учетом, разумеется, определенных коррективов, вносимых временем и обстановкой. Нового тут ничего выдумать нельзя и без привлечения специалистов, без их опыта не обойтись. Поэтому, как бы кто и когда ни старался это отрицать, но современные органы обеспечения безопасности в войсках неразрывно связаны как с советской военной контрразведкой — особыми отделами и «Смерш», так и с контрразведывательными структурами царской России.

Хотя как самостоятельная структура военная контрразведка впервые появилась лишь перед Отечественной вой-

ной 1812 года, когда на основе так называемого «Учреждения для управления Большой действующей армией» была создана Высшая воинская полиция. 27 января 1812 года император Александр I подписал три секретных документа: приложение к данному «Учреждению...» — «Образование высшей воинской полиции», а также «Инструкцию начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» и «Инструкцию директору высшей воинской полиции».

Высшая воинская полиция выполняла в интересах действующей армии функции разведки и, как это называлось, контршпионажа, а также полицейские обязанности на территориях недавно вошедших в состав империи западных губерний. Подчинена она была начальнику Главного штаба 1-й Западной армии (в 1812 году эту должность последовательно занимали генералы Н. И. Лавров, Ф. О. Пауллуччи и А. П. Ермолов), а непосредственно ею руководил Я. И. де Санглен, родившийся в Москве сын французского эмигранта, впоследствии — действительный статский советник, что равнялось армейскому званию генерал-майора.

Де Санглен Яков Иванович (1776—1864). Обучался в Лейпцигском и Берлинском университетах; с 1811 года — директор Особенной канцелярии министра полиции (высший орган российской Военной разведки), в 1812—1816 годах — директор Высшей воинской полиции (российская военная контрразведка). Статский советник. Переводчик, литератор, военный историк.

Свидетельство современника:

«Я. И. де Санглен казался мне человеком честным и благородным, сколько я мог заметить в продолжении 40-летнего знакомства, не имея с ним впрочем никаких дел, кроме бесед и литературных сношений. Бескорыстие его доказывается тем, что он кончил жизнь почти в бедности, пользуясь только какою-то ничтожною пенсией. Жил он лет десять один-одинешенек в двух-трех низеньких комнатах, на даче, в Красном Селе (под Москвой), питаясь в день чашкою кофе и тарелкою супа с куском жаркого... Заставал я его всегда за кучею газет... Начальник некогда тайной полиции, он никак не мог освободиться от того страха, который прежде наводил на других».

*Михаил Петрович Погодин,
издатель, историк, журналист и писатель*

О некоторых эпизодах контрразведывательной работы, проводимой перед самым вторжением французов, Яков

Иванович рассказал в своих мемуарах, опубликованных в журнале «Русская старина» в 1883 году:

«...Государь, призвав меня, сказал:

— Я получил от берлинского обер-полицмейстера Грунера уведомление, что здесь уже несколько месяцев скрываются французские офицеры, шпионы; их должно отыскать.

Я спросил Государя, не известны ли имена их, или не означены ли какие-либо их приметы.

— Нет, — отвечал Государь, — но их отыскать должно; ты знаешь, я тебе одному верю; веди дело так, чтобы никто о нем не знал.

Я поручил трем моим чиновникам ходить каждый день по разным трактирам, там обедать, все рассматривать, выглядывать и мне о том докладывать; виленскому же полицмейстеру Вейсу поручил строгое наблюдение за приезжими из Польши... Я сам стал ходить в знаменитейший тогда трактир Кришкевича. Здесь я заметил одного крайне развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не щадил шампанского и бранил Наполеона направо и налево. Возвратясь домой, я приказал полицмейстеру Вейсу попросить его ко мне. Я потчевал его чаем; узнал, что ему хотелось бы возвратиться с двумя товарищами в Варшаву, но что, вероятно, теперь никого не выпустят. Я воспользовался этим случаем, предложил ему мои услуги, призвал начальника моей канцелярии Протопопова, чтобы записать их имена и заготовить им паспорта. Между тем приказал полицмейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы; в случае нужды трубы и печи; а гостя своего задержал разными разговорами; он назвал себя шляхтичем Дранжевским, никогда не служившим в военной службе.

Является полицмейстер, вызывает меня; я вышел, приказав караулу гостя не выпускать. Вейсом были привезены найденные в трубе печи и под полом следующие бумаги: 1) Инструкция генерала Рожнецкого, данная поручику Дранжевскому; 2) Патент на чин поручика, подписанный Наполеоном; 3) замшевый пояс, с вложенными в него червонцами пятью тысячами; 4) Записки самого Дранжевского о нашей армии и наших генералах. Дело было ясно; недолго продолжался его допрос; он вынужден был к сознанию»*.

* Санглен Я. И., *де*. Записки: 1776—1831 // Русская старина. 1883. № 3. С. 541—542.

Согласимся — сработано грубо и без санкции прокурора, но эффективно. А сколь был наивен наполеоновский агент! Отправляясь, как говорят разведчики, «в поле», с нелегальной миссией, он повез с собой не только инструкцию, содержание которой ему следовало бы запомнить, но даже и патент на свой офицерский чин. Может быть, затем, чтобы его, офицера, не повесили, как было принято вешать простых шпионов? Бог знает! Но по крайней мере все улики оказались налицо, искать не надо...

А вот и еще эпизод из мемуаров де Санглена, в котором задействован генерал-адъютант императора Наполеона — дивизионный генерал граф Луи Мари Жак Альмарик Нарбонн-Лара.

«Нарбонн от императора Наполеона прислан был к императору российскому с поздравлениями со счастливым его приездом в Вильну. От поставленного мною полицмейстера в Ковне майора Бистрома получил я через эстафету уведомление о приезде Нарбонна проселками, дабы он не видел наших артиллерийских парков и прочего, что и было исполнено.

По приезде Нарбонна в Вильну приказано было мне Государем иметь за ним бдительный надзор.

Я поручил Вейсу дать ему кучеров и лакеев из служащих в полиции офицеров. Когда Нарбонн по приглашению императора был в театре, в его ложе, перепоили приехавших с ним французов, увезли его шкатулку, открыли ее в присутствии императора, списали инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили ее Государю. Инструкция содержала вкратце следующее: узнать число войск, артиллерии и пр., кто командующие генералы? Каковы они? Каков дух войск и каково расположение жителей? Кто при Государе пользуется большою доверенностью? В особенности узнать о расположении духа самого императора, и нельзя ли свести знакомство с окружающими его?»*

Можно повторить то же самое: да, грубовато... Хотя думается, что нечто подобное может быть проведено и сегодня. Но что еще более интересно, это то, что к тайным операциям были причастны «первые лица» государств: император Наполеон дает разведывательное задание своему генерал-адъютанту, а император Александр не только руководит работой своей контрразведки, но и сам присутст-

* Санглен Я. И., *де*. Записки: 1776—1831 // Русская старина. 1883. № 3. С. 544.

ует при вскрытии шкатулки иностранного посланника, уступив ему свою ложу в театре — понятно, что не подобало российскому императору сидеть там на пару с французским дивизионным генералом...

Так как во главе 1-й Западной армии находился военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, то де Санглен вскоре стал громко именоваться «директором Высшей воинской полиции при военном министре» и подчиняться Барклаю непосредственно. Когда же тот сложил с себя полномочия министра, а вскоре и вовсе убыл из армии, Яков Иванович также покинул театр боевых действий, возвратившись в Петербург. Высшую воинскую полицию возглавил барон П. Ф. Розен, переведенный в военное ведомство из Министерства полиции.

В остальных армиях — во 2-й Западной, в 3-й Резервной, Обсервационной и в Дунайской — подобных органов не существовало, но так как обе Западные армии объединились в конце июля 1812 года, то Высшая воинская полиция почти сразу работала уже в интересах двух армий, а во время Заграничного похода — и всей объединившейся действующей армии.

А вот некоторые конкретные результаты работы военной контрразведки в 1812 году: «Во время военных действий были выявлены: в Риге — купец К. Цебе, находившийся там под видом доктора по заданию прусского генерала Г. Д. Л. Йорка; в Петербурге — И. де Мобургень, посланный Сокольницким; в Главной квартире русской армии — И. Левкович, направленный туда в июле 1812 года; в Радзивиллове — отставной польской службы капитан Скрыжиневский; в Смоленске — Ружанский; на Дону — руководитель особой разведгруппы граф А. Платер. После оставления французами Москвы был задержан И. М. Щербачев, связанный с разведкой Наполеона в период оккупации города, а также канцелярист Орлов»*.

В 1812—1814 годах барон Розен был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, а затем — алмазными знаками к нему, орденом Святого Владимира 3-й степени, прусским орденом Красного Орла 2-й степени, переведен из соответствующего статского чина в полковники, что также являлось поощрением. К тому же «за открытие фальшивых, французской фабрики, российских ассигнаций в городах Дрездене и

* *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 58.

Лейпциге, был награжден от Государя Императора перстнем с алмазными украшениями». Впоследствии он дослужился до чина действительного статского советника.

Получаемые сведения по шпионажу поступали в Военно-ученый комитет при Военном министерстве, также образованный 27 января 1812 года, — одно из его подразделений собирало и учитывало получаемую информацию, но непосредственно разыскной работы здесь не проводилось.

Высшая воинская полиция была упразднена к 1815 году. Интересно, кстати, что в царствование Александра I была и просто «Высшая полиция» — или «Комитет по делам высшей полиции», который осуществлял «нечувствительное» наблюдение даже за первыми лицами империи, в том числе и высшими военными чинами. Внимания ее, в частности, не избежал военный генерал-губернатор Петербурга граф М. А. Милорадович — один из блистательнейших генералов, любимый в войсках и популярный в обществе. Самое удивительное, что по своей губернаторской должности он же руководил и тайным сыском в столице империи.

После «Семеновской истории» — солдатского возмущения в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года — было решено учредить Тайную военную полицию, которая бы отслеживала настроения не только нижних чинов, но и офицерского состава гвардии. Решение по тому времени беспрецедентное! Лейб-гвардия — это отборная, привилегированная часть воинства, одной из главных задач которой была непосредственная охрана государя, являвшегося шефом большинства гвардейских полков. Офицерами гвардии, за редким исключением, были потомственные дворяне, представители буквально всех аристократических семей, многих из которых император Александр I знал лично.

Идея принадлежала командиру гвардейского корпуса генерал-адъютанту И. В. Васильчикову, герою Отечественной войны, лихому гусару, заслужившему на полях сражений чин генерал-лейтенанта и орден Святого Георгия 2-й степени. По его рекомендации Тайную военную полицию возглавил библиотекарь гвардейского Генерального штаба и правитель канцелярии Комитета о раненых М. К. Грибовский — к тому времени уже опытный полицейский агент, сумевший стать даже членом коренной управы предекабристского Союза благоденствия.

Сообщения агентов — таковых было двенадцать — заносились в секретные ведомости «о быте, настроениях и

разговорах в полках», в которые собирались сведения по нижеследующим вопросам:

«1) получают ли нижние чины все положенное им от казны довольствие сполна и в установленные сроки;

2) не нарушаются ли права солдатских артелей на принадлежащие им суммы;

3) как начальники относятся к подчиненным, какие налагают наказания;

4) как и в какое время проводятся учения;

5) какие имеют место разговоры и суждения среди нижних чинов, какие циркулируют слухи;

6) каково обхождение начальников с подчиненными офицерами, и какие разговоры последние ведут о своих начальниках;

7) какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров»*.

Эти задачи коренным образом отличались от задач Высшей воинской полиции, но, как читатель увидит впоследствии, оказались очень схожи с направлениями деятельности советской военной контрразведки.

Наиболее известный агент этой полиции — корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов, который был завербован лично командиром гвардейского корпуса. Поставленное задание он успешно выполнил, быстро узнав о существовании тайного общества, «конституцией занимающегося». Но заговорщики — в частности полковник Ф. Н. Глинка, адъютант графа Милорадовича, ведавший его секретной канцелярией, — переиграли злосчастного корнета. На очной ставке с ним, проведенной самим генерал-губернатором, поручик Н. Д. Сенявин, сын знаменитого адмирала, заявил, что приглашал Ронина не в тайное общество, но в масонскую ложу, а про конституцию корнет придумал в корыстных целях. Масонские ложи тогда еще запрещены не были — указ выйдет в 1822 году, так что ничего противозаконного... Старания Глинки и его единомышленников, высочайшие связи и славное имя адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина — генерал-адъютанта и сенатора, а также тот досадный факт, что неудачливый агент, надеясь на успех, потратил на установление связей с предполагаемыми заговорщиками немало личных денег генерала Васильчикова, не только погубили карьеру Ронина, с позором исключенного из полка и сосланного под

* *Лапин В. В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 221.

надзор в деревню, но и поставили жирный крест на самой идее Тайной военной полиции, задуманной дилетантами в больших чинах.

Из истории известно, что тайное общество (слово «тайна» в нашем Отечестве всегда было одним из самых любимых, но недаром же знаменитая французская писательница Жермена де Сталь саркастически заявила: «В России все тайна, но ничто не секрет»), в которое оказались вовлечены десятки офицеров гвардии и армии, фактически беспрепятственно действовало на протяжении целого десятилетия — до того самого рокового дня, когда мятежные полки вышли на Сенатскую площадь и были расстреляны картечью.

Не будем давать оценок политическим воззрениям и планам декабристов — речь в нашей книге не о том. Однако дать оценку деятельности спецслужб, не предотвративших вооруженный мятеж, представляется затруднительным.

«Фельдъегерь, доставивший весть о кончине Александра I, привез вместе и доносы Майбороды*, и именные списки членов тайного общества. Копия с этих списков была отправлена в Варшаву к новому императору [Константину Павловичу]... [Николай Павлович] знал о существовании тайного общества, о цели его: он имел именной список большей части членов общества. О том знали и граф Милорадович, и много приближенных к великому князю Николаю, которому адресованы были важнейшие бумаги в Петербург, откуда сообщаемы были в Варшаву. Какие же меры были приняты к уничтожению предстоявших опасностей заговора или грозившего восстания?! Решительно никакие. Во всем выказывалось колебание, недоумение, все предоставлено было случаю: между тем как, по верным данным, следовало только арестовать Рылеева, Бестужевых, Оболенского и еще двух или трех декабристов — и не было бы 14 декабря»**, — писал барон А. Е. Розен, поручик лейб-гвардии Финляндского полка.

Известно, что император Александр I, получив донос Шервуда***, произнес сакраментальную фразу: «Не мне их судить». В общем, можно сказать, что «в деле декабристов» со всей остротой проявилось извечное неумение или нежелание властей должным образом распорядиться полу-

* *А. И. Майборода* — капитан Вятского пехотного полка, донес на тайное общество и своего полкового командира П. И. Пестеля.

** *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 120.

*** *И. В. Шервуд* — унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка.

ченной от спецслужб информацией. Подобных примеров в истории, и не только российской, не счесть. Но критиковать власти предрержащие не принято, сколь бы ни были они порой беспомощны и бездарны. Всегда будут виноваты другие — на другом уровне.

«События 14 декабря и страшный заговор, подготовивший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть»*, — в первые же дни царствования Николая I констатировал генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф, начальник 1-й кирасирской дивизии.

Личность эта уже и тогда была весьма примечательна. Отважный боевой офицер, флигель-адъютант императора, Александр Христофорович в 1807—1808 годах находился в составе русского посольства в Париже, выполнял поручения по линии военной разведки. В 1812 году прославился как командир «летучего» кавалерийского отряда и уже летом заслужил генеральский чин; осенью 1813 года отряд, которым командовал Бенкендорф, освободил от французов Голландию. Теперь генерал вступил на новую стезю, подав императору проект «Об устройстве внешней полиции».

Граф Бенкендорф Александр Христофорович (1781—1844). В службе с 1798 года. С 1803 года участвовал в боевых действиях на Кавказе, в войне с Францией 1806—1807 годов, в турецкой войне 1806—1812 годов, Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе, а также в турецкой войне 1826—1828 годов. С 1821 года — начальник 1-й кирасирской дивизии. 25 июля 1826 года назначен шефом Корпуса жандармов, командующим Императорской Главной квартирой и начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Генерал от кавалерии, сенатор, член Государственного совета и Комитета министров.

Оценка императора Николая I: «В течение одиннадцати лет он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими».

Итак, в июле 1826 года Александр Христофорович был назначен главным начальником вновь учрежденной «высшей полиции». Это назначение обессмертило имя Бенкендорфа, отныне — одного из ближайших сподвижников государя, ставшего за свои заслуги и графом, и генералом от

* Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 95.

кавалерии, членом Государственного совета и Комитета министров, награжденного всеми российскими орденами, вплоть до самого высшего — Святого апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, а также ордена Святого Георгия III и IV класса.

«В 1826 году власть получила достаточно эффективный на первых порах инструмент надзора за обществом и своим собственным аппаратом. Круг обязанностей Третьего отделения был, как известно, очень широк — от “распоряжений” по делам высшей полиции до сбора сведений “о всех без исключения происшествиях”. Штат этого учреждения немногочисленный: 20 человек на момент создания и 58 при упразднении, но, исполненный служебного рвения, обладал достаточным опытом для своей работы. Главнo-управляющий Третьего отделения А. Х. Бенкендорф, будучи человеком светским, все текущие дела доверял директору канцелярии своего ведомства, профессионалу высочайшего класса, М. Я. фон Фоку, который взял с собой большинство прежних коллег по Особой канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел, существовавших при Александре I. Помимо Третьего отделения, мозгового центра политического сыска, деятельность которого была строго засекречена, тайная полиция получила и “явный” исполнительный орган — Корпус жандармов»*.

О личности графа Бенкендорфа, работе Третьего отделения и службе жандармов можно рассказывать немало, но нас интересует только контрразведывательный аспект, который в данной организации отнюдь не являлся главным. К тому же, как мы говорили, спецслужбы по-настоящему умеют хранить свои секреты, а потому документальных сведений об этой работе, о заграничной и внутренней агентуре Третьего отделения почти не сохранилось. Известно, что проживающими в России иностранцами занималась его так называемая 3-я экспедиция и что при Департаменте полиции, к которому в 1880 году перешли функции упраздненного Третьего отделения, было создано специальное подразделение, именуемое «Заграничная агентура». Их возможности в определенной степени использовались для проведения контрразведывательной деятельности, хотя гораздо больше охранные структуры интересовались разно-

* *Щербакова Е. И.* В начале славных дел. Из истории становления политической полиции // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 9—10.

го рода революционерами и террористами. Неудивительно — разведывательная служба в те времена пребывала на совершенно ином уровне, нежели это будет в XX столетии, и противодействие ей, скорее всего, было достаточно адекватным...

В соответствии с российскими законами государственной изменой считались преступные действия российских граждан — от тайной переписки с неприятелем до предательской сдачи крепостей, — совершенные во время войны. Поэтому как самостоятельное подразделение военная контрразведка в России XIX века возникала лишь во время вооруженных конфликтов, да и то не всякий раз.

Столь одностороннее понимание существа вопроса нередко приводило к весьма плачевным результатам. В частности, отсутствие, говоря современным языком, контрразведывательного обеспечения Польской армии позволило начаться предательскому и кровавому восстанию в Варшаве в 1831 году.

Главнокомандующий Польской армией цесаревич Константин Павлович, как и его брат Александр I, любил поляков, но, в отличие от подозрительного по характеру покойного императора, очень им доверял. Великий князь буквально выпестовал Польскую армию, прекрасно ее подготовил и вооружил, а потому наивно был уверен в ответной любви и преданности к нему поляков. Но в польских полках служило немало офицеров, воевавших под знаменами Наполеона за воссоединение и призрачную независимость своей отчизны и, мягко говоря, не питавших теплых чувств к Российской империи... К тому же личность цесаревича — несдержанного, своевольного, грубого и капризного, да еще и выказывающего полное презрение к конституции Царства Польского, — импонировала далеко не всем. Участники собраний на офицерских квартирах и в казармах не только мечтали о возрождении независимой Польши, но и ругали великого князя, искренне желая от него избавиться...

Вспомните седьмой пункт «интересов» той самой неудавшейся Тайной военной полиции, которую учреждали генералы Васильчиков и Милорадович: «...какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров». Если бы Константин Павлович знал про эти разговоры, то не был бы столь доверчив и благодушен.

Всё же отзвуки антиправительственных «суждений» в конце концов дошли до великого князя, но, как и в де-

ле декабристов, власти, которые он представлял в Царстве Польском, «распорядиться» информацией не сумели — можно предположить, что она была не очень убедительной. В результате цесаревич чуть было не заплатил за свою доверчивость жизнью, погибли некоторые из ближайших его сотрудников. Мятеж, созревший в казармах, выплеснулся на варшавские улицы и вскоре охватил буквально всю Польшу... Начавшееся 17 ноября 1830 года восстание было разгромлено только в начале осени 1831-го: 26 августа, в годовщину Бородина, русские войска штурмом овладели Варшавой, а 20 сентября остатки разбитой повстанческой армии бежали в Пруссию, где были разоружены.

И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк, —

писал Александр Сергеевич Пушкин, но от того не легче восстания вполне можно было избежать...

Про Восточную войну 1853—1856 годов, более известную как Крымская, вообще говорить не хочется... Кажется, из всех наших спецслужб тогда хорошо сработала только «научно-техническая разведка», представленная «косым Левшой» Н. С. Лескова, тульским оружейником, подковавшим блоху и сообщившим, что «англичане ружья кирпичом не чистят!». Увы, и его не услышали! А в остальном — планы и действия союзников, вторгшихся на русскую территорию, были для нашего командования полнейшей неожиданностью, тыловые казнокрады действовали с поразительной наглостью, вследствие чего армия нуждалась буквально во всем... Война в итоге завершилась позорной сдачей Севастополя, гибелью флота, фактической потерей Черного моря и унижением России...

Как сказал В. О. Ключевский: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Прошло двадцать лет и, как свидетельствуют И. И. Васильев и А. А. Зданович в своем труде «Защита военных и государственных секретов России до начала XX века»*, «когда в самом начале русско-турецкой войны 1877—1878 годов нашему командованию стали известны факты об организуемых извне раз-

* Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. 3. С. 146.

ведывательно-подрывных акциях против основной Дунайской армии, все свелось к рекомендациям офицерскому корпусу усилить бдительность и по возможности своими средствами противодействовать замыслу противников, действующих в интересах англичан...». В работе этой приводится очень интересное письмо, которое 4 мая 1877 года начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий направил курьером командиру 12-го корпуса генерал-лейтенанту П. С. Ванновскому, кстати, будущему военному министру (1882—1898). Предупредив адресата о коварных планах неприятельской разведки, Артур Адамович делает следующий вывод: «Имею честь покорнейше просить учредить самый бдительный надзор за всеми лицами, не принадлежащими к армии... К сему считаю долгом присовокупить, что желательно было бы, дабы начальники отдельных частей подтвердили своим офицерам о необходимости быть при настоящих серьезных обстоятельствах сдержанными и с посторонними лицами должны уклоняться от разговоров, имеющих военный интерес».

О нравы прекраснодушного XIX столетия! Помнится, когда облаченный во фрак Пьер Безухов болтался по Бородинскому полю, никто не только не заподозрил в нем шпиона, но даже не поинтересовался: «Кто вы, милостивый государь, что тут делаете?», зато все охотно отвечали на его вопросы... И вот теперь, в конце столетия, начальник вышестоящего штаба «покорнейше просит» корпусного командира учредить «бдительный надзор» за всеми праздношатающимися на театре боевых действий, а офицерам рекомендовать «уклоняться от разговоров» с ними! Неужели этому надо было учиться?!

Кстати, обратимся к событию, произошедшему ровно за пять веков до Балканской войны: 1380 год, битва на поле Куликовом. Успех ее, как известно, решил «засадный полк», внезапно вступивший в бой в критический момент сражения, что, помимо всего прочего, морально сломило противника. Но о какой внезапности могла бы идти речь, если бы по берегам Дона и Непрядвы невозбранно бродили «лица, не принадлежащие к армии», а русские ратники вели бы с ними «разговоры, имеющие военный интерес»?

Так почему же то, что было понятно всем и каждому во времена великого князя Дмитрия Донского, оказалось забыто при императоре Александре II? Ответа, к сожалению, не найти...

Между тем мир катился к мировой войне. Многоразличные политические события, стремительный прогресс и, в частности, развитие военного дела существенно повысили роль разведки. На заре XX столетия, вслед за британской МИ-6*, возникали как поганки после дождя и другие разведслужбы: германская, австро-венгерская, французская...

Действие рождает противодействие, и в то же самое время, а то и раньше, потому что контрразведка очень часто действует на опережение, стали появляться и органы контршпионажа. В том числе и в России, разведывательная работа против которой проводилась со всех буквально направлений — европейского, азиатского, дальневосточного.

По свидетельству руководителя австро-венгерской контрразведки Максимилиана Ронге, в конце XIX столетия в России работало порядка сотни венских агентов. В 1897 году, например, Петербургским охранным отделением была раскрыта резидентура австрийской разведки, которую возглавлял действительный статский советник в отставке Парунов. Его агентами были адъютант коменданта Петропавловской крепости капитан Турчанинов, чиновник Главного штаба армии поручик Шефгет, исполняющий обязанности начальника Четвертого отделения Главного интендантского управления Лохвицкий и даже секретарь при помощнике шефа жандармов Кормилин, а также и другие лица, в большинстве своем близкие к вооруженным силам. В списке особенно интересовавших их вопросов были численность, дислокация и вооружение войсковых частей... Все шпионы были задержаны, изобличены и осуждены — за исключением капитана Турчанинова, который покончил с собой в тюремной камере.

В конце января 1902 года был арестован старший адъютант штаба Варшавского военного округа подполковник А. Н. Гримм, который с 1895 года «инициативно» — то есть он сам предложил свои услуги противнику — работал на германскую и австро-венгерскую разведки из материального интереса. Лишенный чинов и дворянского достоинства, изменник был приговорен к двенадцати годам каторжных работ. Варшавский округ тогда был форпостом, передовым во всех отношениях отрядом Русской армии — его можно уподобить последующей Группе советских войск в Германии, и также вызывал огромный интерес противника.

* МИ-6 (англ. *Military Intelligence, MI6*) — британский государственный орган внешней разведки.

В 1902—1904 годах в России, а позже — уже со шведской территории, очень деятельно работал японский военный атташе подполковник Мотодзиро Акаси, который не только получал разведывательную информацию от своих агентов, но и занимался подрывной работой. В частности, он немало сделал для финансирования так называемой Первой русской революции — вплоть до поставок оружия и боеприпасов «рабочим дружинам», членов которых тогда официально именовали столь знакомым нам словом «боевики».

Кстати, еще один очень интересный момент. В книге «На службе трех императоров»* генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал, что «с января 1900 года в Морской академии начались занятия военно-морской игры с целью проверки нашей боевой подготовки на Дальнем Востоке». Николай Алексеевич вспоминал, как в течение трех месяцев флотоводцы и военачальники отработывали сценарий возможной войны, которую адмирал А. А. Вирениус, командовавший «японской стороной», начал внезапным ночным нападением на русские суда, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Занятия, по два раза в неделю, продолжались в течение трех месяцев, но за это время в Морской академии ни разу не побывали ни Николай II, по указанию которого проводилась оперативная игра, ни военный и морской министры, ни начальник Главного штаба. Тщательная проработка всех вопросов показала, что к войне на Дальнем Востоке Россия не готова; по итогам оперативной игры был составлен объемный по размеру секретный отчет.

Вопреки предупреждениям военных специалистов российское руководство все равно втянулось в вооруженный конфликт с Японией. Мало того! Напав в ночь на 27 января 1904 года на русскую эскадру в Порт-Артуре, японцы точно повторили план, разработанный адмиралом Вирениусом в 1900 году. «Быть может, секретный отчет об этой игре попал в руки японцев», — предполагал генерал Епанчин.

Что ж, блистательный пример работы разведки: воспользоваться для нападения на противника им же разработанным планом! Но где была военная контрразведка?! Увы! В самом начале века «борьбой с иностранным шпионажем в вооруженных силах, то есть военной контрразведкой, частично занималось Третье (охранное) отделение Департамента полиции Министерства внутренних дел. Основной

* *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 265.

задачей Третьего отделения являлась борьба с революционным движением в стране и российской эмиграцией за рубежом. МВД ограничивалось лишь периодическим направлением циркуляров, в которых поручало жандармским управлениям и охранным отделениям усилить наблюдение за иностранными разведчиками. При этом какие-либо инструкции по организации и проведению этой работы оно не давало, да и не в состоянии было дать»*.

Как писал в своих лекциях генерал-майор Николай Степанович Батюшин, стоявший у истоков российской военной контрразведки, она «находилась всецело в руках политического сыска (жандармов), являясь его подсобным делом. Этим и объясняется то обстоятельство, что борьба с неприятельскими шпионами велась бессистемно, шпионские процессы являлись редкостью»**.

Батюшин Николай Степанович (1874—1957). Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны с 19 октября 1904 года; с 30 июня 1905 года — старший адъютант штаба Варшавского военного округа, возглавлял разведывательную службу. В октябре 1914 года — начальник разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта; с 6 октября 1915 года — генерал для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта. В начале 1917 года возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе фронта. Генерал-майор. С конца 1918 года — в Белом движении; после сдачи Крыма — в эмиграции.

Из служебной аттестации 1899 года:

«Отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом как в обращении к старшим и начальникам, так и вообще ко всем младшим себя... Здоров, вынослив и неутомим... Самолюбив и чуток к правде и справедливости. Самостоятелен, энергичен, к делу службы относится с любовью и принимает решения на основании здраво-логических выводов, не нуждается в посторонней помощи».

Не имеет смысла уточнять, что у политической полиции своя сфера деятельности, у военной контрразведки — своя, и каждое из этих направлений имеет определенные

* *Алексеев М.* Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1. С. 102.

** *Батюшин Н. С.* У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 168—169.

особенности. Это понимали многие, и в военном ведомстве давно уже вызревала идея создания собственного специального органа для борьбы с иностранным военным шпионажем.

Наконец, 20 января 1903 года военный министр генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин направил на имя Николая II докладную записку, в которой говорилось: «Совершенствующаяся с каждым годом система подготовки армии, а равно предварительная разработка стратегических планов на первый период кампании приобретают действительное значение лишь в том случае, если они остаются тайной для предполагаемого противника; поэтому делом первостепенной важности является охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам. Между тем, судя по бывшим примерам, обнаружение государственных преступлений военного характера до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств; ввиду сего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны...»*

После этой пространной преамбулы следовали конкретные предложения по созданию органа, которому будет поручено заниматься контрразведывательной деятельностью в интересах вооруженных сил, и вывод: «Таким образом, деятельность данного органа распадается: на руководящую, намечающую вероятные пути тайной разведки иностранного правительства и устанавливающую надзор за ними, и исполнительную, состоящую в непосредственном наблюдении за этими путями. Для первой деятельности необходимы специалисты военного дела, вполне знакомые с организацией наших военных учреждений, родом и степенью важности подлежащих их ведению тайн; для второй деятельности необходимы специалисты по тайному розыску, т. е. агенты-сыщики.

В соответствии с этим при Главном штабе полагалось бы учредить особое разведочное отделение...»**

На следующий день Николай II начертал на полях до-

* Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 120.

** Там же.

кладной записки «Согласен», — и тем было положено начало регулярной контрразведывательной службе Главного штаба. Создавалась она негласно, должна была действовать в строжайшей тайне, а потому для конспирации названа была не контрразведкой, но Разведочным отделением, хотя даже и под таким названием в официальной структуре Главного штаба отсутствовала. В общем, взяли и назвали, так сказать, кошку мышкой, думая, что всех обманули: «в России все тайна...»

Изначально в состав отделения помимо его начальника входили «старший наблюдательный агент», «шесть наружных наблюдательных агентов», «агент-посыльный», два агента «для собраний справок и сведений и для установок (выяснение фамилий лиц, взятых по наблюдению)», девять «внутренних агентов» и два «почтальона». «Наружные агенты» осуществляли наблюдение за «объектами» на улице, «внутренние» — «на квартирах, в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, ресторанах и проч.».

Поскольку главные центры шпионажа — военные атташаты иностранных государств — находились в столице России и главной задачей новой службы должно было стать противодействие их разведывательным усилиям, то Санкт-Петербург и его окрестности определялись основным районом деятельности нового органа контрразведки. Его руководителем стал ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, специалист по тайному розыску, бывший начальник Тифлисского охранного отделения.

Лавров Владимир Николаевич (1869 — после 1911). Окончил 2-е Константиновское военное училище, служил в Забайкальском казачьем войске. В 1897 году окончил курсы при Отдельном корпусе жандармов, служил в Тифлисском губернском жандармском управлении (ГЖУ), занимался организацией оперативно-розыскной работы. С августа 1902-го по конец мая 1903 года — начальник русской секретной полиции в Грузии. 4 июня 1903 года переведен в распоряжение начальника Главного штаба Русской армии, возглавлял Разведочное (контрразведывательное) отделение Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В 1911 году, выйдя в отставку в чине генерал-майора, поселился во Франции, где руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе — «организацией № 30», действовавшей по Германии. Сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

Из послужного списка: «Не имеет недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, ни он, ни его жена».

Как и все жандармские офицеры, он окончил военное училище, служил в войсках (срок офицерской службы для будущих жандармов должен был составлять не менее шести лет), а потом, сдав экзамены, поступил на курсы, после окончания которых был зачислен в Корпус жандармов...

Четвертого июня 1903 года Лавров был переведен в распоряжение начальника Главного штаба и приступил к работе. Кстати, в целях соблюдения конспирации все чины Разведочного отделения официально числились как «стоящие в распоряжении начальника Главного штаба».

Об эффективности и направленности работы отделения можно судить хотя бы по тому, что уже в течение второй половины 1903 года под наблюдением оказались: «1. Австро-венгерский военный агент, князь Готфрид Гогенлоэ-Шиллингсфюрст; 2. Германский военный агент, барон фон-Лютвиц; 3. Японский военный агент, подполковник Мотодзиро Акаси; 4. Служащий в Департаменте торговли и мануфактур, коллежский секретарь Сергей Иванов [сын]* Васильев; 5. Начальник Девятого отделения Главного интендантского управления действительный статский советник Петр Никандров [сын] Есипов».

Австро-венгерский, германский и японский военные агенты являлись официальными представителями основных противников России на то время и в перспективе. А наши соотечественники, попавшие под наблюдение в результате сообщений от «заграничных источников», оказались агентами иностранных разведок: коллежский секретарь (гражданский чин, соответствующий поручику) Васильев продавал чертежи из конструкторского бюро Главного артиллерийского управления, а статский генерал Есипов в одном лишь 1903 году передал в Вену (не бесплатно, разумеется), 440 листов очень подробных, «одноверстовых», топографических карт российской территории. Изменники были изобличены и понесли, как принято говорить, заслуженное наказание.

Особо пристальное внимание военные контрразведчики обращали на деятельность японского военного агента подполковника Мотодзиро Акаси. И безуспешно: 26 де-

* Формулировка, нередко употребляемая в официальных документах вместо отчества: «Иванов сын» — Иванович, «Никандров сын» — Никандрович.

кабря 1903 года, как сообщила «наружка»*, он получил по почте письмо: «Буду на другой день в то же время. Ваш 1».

Блаженные времена для контрразведки! От такого текста за версту пахнет конспиративным шпионским посланием, и руководство Разведочного отделения поспешило принять соответствующие меры по усилению наблюдения, так что вскоре выяснилось, что квартиру помощника военного агента — капитана Тано регулярно посещает некий русский офицер в чине ротмистра. В военной форме — только так в те времена обязаны были ходить военнослужащие — неизвестный чуть ли не каждую субботу, во второй половине дня, приезжал к японцу и оставался у него примерно на час. Тогда же к своему помощнику приезжал и сам Акаси... Установить личность ротмистра не составило труда: им оказался штаб-офицер по особым поручениям при главном интенданте ротмистр Ивков, который, разумеется, был взят под наблюдение, и вскоре оно принесло еще более неожиданные результаты. Оказалось, что «доверительные» отношения Ивков поддерживает не только с японским военным агентом, но и с его германским коллегой, а также с представителем наших союзников — французским военным агентом. Как видно, офицер любил деньги превыше всякой меры...

Двадцать шестого января 1904 года, в то самое время (учитывая разницу часовых поясов), когда японцы внезапно напали на русскую эскадру в Порт-Артуре, японская военная миссия переехала из Петербурга в Стокгольм, откуда Акаси не только продолжил привычную разведывательную работу против России, но и расширил ее рамки, занявшись поддержкой разномастных террористов.

А ровно месяц спустя, 26 февраля, ротмистр Лавров под благовидным предлогом пригласил большого друга Японии (а также Германии и Франции) Ивкова в Санкт-Петербургское охранное отделение, где ему было предъявлено обвинение в государственной измене. Ивков «после некоторого колебания признал себя виновным, показав, что он передавал Акаси и Тано различные секретные сведения военного характера частью из мобилизационного плана, частью составленные по случайным данным», как записано в протоколе допроса. Признался он и в шпионаже на другие иностранные державы.

Но все-таки в каждом русском офицере — даже в таком,

* «Наружная агентура», служба наружного наблюдения.

как Ивков, жили хоть какие-то понятия чести... Предатель не стал ждать суда, на котором он был бы подвергнут позору лишения чинов, орденов и дворянского достоинства, и покончил с собой в тюремной камере...

В то же самое время был взят под наблюдение военной контрразведки британский военно-морской атташе Кальторн — выяснилось, что представитель дружественной державы добывал через своих агентов секретную информацию по русскому флоту; в разработку попала графиня Комаровская, принадлежавшая к известной аристократической фамилии...

Хотя по своему численному составу Разведочное отделение Главного штаба было весьма немногочисленно, не имело филиалов и не считалось центральным органом военной контрразведки, его заметные успехи вскоре вызвали профессиональную ревность Департамента полиции. Вроде бы совсем еще недавно контршпионаж был жандармам без надобности, но тут вдруг проснулось желание — и с тех, очевидно, пор соперничество между контрразведкой и органами внутренних дел можно считать традиционным. Причем, как известно, не только для нашей страны.

В конце весны 1904 года в структуре полицейского департамента было организовано так называемое Совершенно секретное отделение дипломатической агентуры. Оно было настолько секретным, что о его организации в Главном штабе узнали с большим опозданием, и поначалу это приводило к недоразумениям. Когда же все выяснилось, началась неравная конкуренция — на стороне Департамента полиции были «административный ресурс», выразившийся в поддержке министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве, а также мощь всего аппарата общей и тайной полиции. Нет смысла объяснять, что Разведочное отделение не могло располагать необходимыми по количеству и качеству специфическими силами и средствами для ведения контрразведывательной работы — наблюдения, перлюстрации корреспонденции и прочего. Исходя из этого, руководству Разведочного отделения было предложено присоединиться к Департаменту полиции... После же отказа от такого предложения зона деятельности военной контрразведки оказалась весьма ограничена... Опять-таки пример традиционного отношения к делу, когда ведомственные интересы превалируют над государственными.

Между тем «к началу Русско-японской войны ни Разведочное отделение Главного штаба, ни Департамент поли-

ции МВД не смогли противостоять наплыву иностранных шпионов, и в первую очередь, японских. Помимо Главного штаба, борьба с иностранным шпионажем была возложена в армии на разведывательные отделения штабов военных округов, а на флоте — на Главный морской штаб (инострannую его часть). Как показала практика, “...шпионская деятельность иностранных государств” не встречала существенных препятствий со стороны военных органов, так как “совсем не было отпуска на контрразведку (содействие в иных случаях Департамента полиции было лишь на бумаге)”»*.

А на бумаге все почему-то выглядит несколько внушительнее, нежели в действительности. Те же самые «разведывательные отделения штабов военных округов», которые занимались разведкой «внешней и внутренней» — разведкой и контрразведкой, — состояли лишь из начальника отделения, одного или двух его помощников и нескольких вольнонаемных чиновников. Всё же работали — и не без успехов. В Варшавском округе, например, с 1900 по 1910 год было выловлено более 150 немецких и австрийских шпионов разного сорта.

Русско-японская война показала необходимость реформирования Русской армии. В частности, уже 21 июня 1905 года была учреждена должность начальника Генерального штаба, который непосредственно подчинялся царю с правом личного ему доклада, а 25 июня было объявлено о формировании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) — центрального аппарата Генштаба, за счет выделения из Главного штаба ряда управлений. Разведочное отделение входило в управление генерал-квартирмейстера, который считался ближайшим помощником начальника Генштаба. Впрочем, российские реформы — процесс безостановочный и непредсказуемый. В 1908 году начальник Генштаба был переподчинен военному министру и докладывать императору мог уже только в присутствии своего начальника; со следующего года военный министр вообще остался единственным докладчиком государю по всем делам ведомства. Если учесть, что министр — лицо более политическое, нежели военное, то особой пользы это не принесло...

«Конфронтация Департамента полиции и... Разведочного отделения Главного штаба продолжалась до 1905 года

* *Алексеев М.* Указ. соч. Т. 1. С. 107.

и к январю окончательно парализовала деятельность последнего. В одном из рапортов от 14 января того же года начальник Разведочного отделения докладывал: “При таких условиях Отделение не может выполнять возложенных на него задач, а потому прошу указания относительно направления дальнейшей деятельности Отделения”. Нам не известна реакция Главного штаба. Годовой отчет за этот год начинается с горького признания: “В истекающем 1905 году Разведочное отделение осталось все в том же стесненном положении, которое создал ему Департамент полиции в предшествующем году”. Сотрудники Департамента полиции продолжали по-прежнему разработку тех объектов, которые считали важными, постоянно вторгаясь в сферу деятельности ГУГШ»*.

Однако русское реформирование не только непредсказуемо, но и всеобъемлюще: в июне 1906 года было упразднено Секретное отделение Департамента полиции. Соответственно, деятельность военной контрразведки опять активизировалась. Ее сотрудники под руководством В. Н. Лаврова, теперь уже полковника, добились существенных результатов в борьбе с военным шпионажем в столице. Венцом работы Лаврова на посту начальника Разведочного отделения стало разоблачение шпионской деятельности агента австро-венгерской разведки барона Унгерн-Штернберга — он передал противнику проект закона о контингенте новобранцев, обсуждавшийся на закрытом заседании Государственной думы, после чего его куратор, военный атташе, майор граф Спанноки был выдворен из страны. Впрочем, австрийцы утверждали, что отношения барона и графа были чисто дружеские и ни о каком шпионаже речи просто и быть не могло — хотя в разведке всегда так говорили и говорить будут...

Кстати, тема иностранного шпионажа волновала тогда и общественное мнение, свидетельством чему стал знаменитый рассказ А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», написанный в январе, а уже в феврале того же 1906 года опубликованный в журнале «Мир Божий». Сам автор считал его лучшим из своих рассказов, «уже первые рецензенты высоко оценили этот “превосходный и тонко разработанный психологический рассказ”, давший “живой портрет человека из нового, малоизвестного... мира”**». Стоит

* Там же. С. 48—49.

** *Куприн А. И.* Собрание сочинений. М., 1994. Т. 3. С. 508.

обратить внимание на эти очень точные, даже можно сказать провидческие слова рецензента газеты «Одесские новости»*: «человек из нового, малоизвестного мира». В наступившем XX веке спецслужбы стали играть роль, дотоле немислимую по своим масштабам и значимости.

Ну а пока иностранные разведки еще только стремились активизировать свою работу на русской территории, что в конце концов заставило руководство нашей страны задуматься о создании целой системы контрразведывательных органов и соответствующей законодательной базы — как для обеспечения работы контрразведки, так и относительно ответственности за шпионаж.

В это время на «контрразведывательное поле» вновь выходит Министерство внутренних дел, что на сей раз было вполне оправданно — одними своими силами Разведочное отделение ГУГШ и соответствующие службы в округах не могли справиться с возрастающими задачами. К тому же сотрудникам и руководителям молодой военной контрразведки явно не хватало знаний и опыта розыскной работы, да и вышестоящее военное руководство в этом мало чем могло им помочь...

Директор Департамента полиции МВД действительный статский советник М. И. Трусевич направил в подчиненные ему розыскные органы, так называемые охранные отделения, специальный циркуляр об усилении борьбы со шпионажем, требуя также отчитаться о работе, проделанной в этом направлении за последние три года, обобщить практику оперативного розыска и характерные способы ведения военного шпионажа иностранными государствами против России. В большинстве случаев ответ руководителей охранных отделений был неутешительно однообразен: «...особой агентуры с целью борьбы с военным шпионством не имеется, и этого рода деятельность не велась». В то же время в докладах из Варшавы, Одессы, жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги и некоторых других содержалась интересная информация, и руководитель тайной полиции поставил на этих документах отметку: «Подлежит обсуждению в комиссии по контрразведке».

Инициатором создания такой комиссии — точнее, проведения межведомственного совещания по борьбе со шпи-

* Геккер Н. Из текущей беллетристики // Одесские новости. 1906. 9 марта.

онажем — был П. А. Столыпин, министр внутренних дел, шеф Корпуса жандармов и одновременно председатель Совета министров. Идея совещания родилась у него после того, как в августе 1908 года начальник Генштаба генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын направил в Министерство внутренних дел разработанный его офицерами проект «Инструкции по контрразведке», в котором предлагался определенный порядок деятельности и взаимодействия всех заинтересованных ведомств.

Изучив документ, Петр Аркадьевич согласился с необходимостью ликвидации «пробелов» в сфере безопасности, но решительно отверг предложение военного командования о возложении «исполнительных функций всецело на жандармские и полицейские учреждения» при руководящей роли штабов военных округов. Столыпин отвечал, что, по его мнению, «контрразведка, в сущности, является лишь одной из отраслей политического розыска», а так как в штабах военных округов нет квалифицированных кадров, знакомых с «технической стороной розыска», то, с его точки зрения, взаимодействие со штабами могли бы осуществлять районные (региональные) охранные отделения. При этом расходы розыскных учреждений МВД для найма специальных агентов должно нести военное ведомство.

В декабре 1908 года была созвана Комиссия по контрразведке, работу которой возглавил М. И. Трусевич. Всесторонне проанализировав ситуацию, члены комиссии пришли к выводу о необходимости создания особых контрразведывательных органов (разрозненные действия подразделений тайной полиции, Генштаба и Морского Генерального штаба, а также разведотделений штабов приграничных округов были неадекватны масштабам военного шпионажа противостоящих России государств).

Комиссия констатировала: «Полное отсутствие денежного отпуска... недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей контрразведкой, неимение каких бы то ни было инструкций и правил, наконец, отсутствие пригодных агентов всех степеней, — все это не соответствовало успеху контрразведки».

В итоговом протоколе комиссии подчеркивалось: «Наиболее рациональной мерой контрразведки является организация правильной и широко поставленной секретной агентурной службы», имеющей сильные оперативные позиции в зарубежных центрах шпионажа, а также среди иностранных разведчиков, действующих в России. На ос-

нове выводов комиссии впоследствии была разработана инструкция по ведению негласного расследования дел по шпионажу.

В частности, был сделан вывод, что особое внимание следовало уделить иностранным военным атташе, за которыми «необходимо периодическое наружное наблюдение (агентов же германских, австрийских, английских, японских, шведских, турецких, североамериканских, итальянских и германского офицера, состоящего при Особе Его Величества, необходимо обеспечить и внутренним наблюдением)».

При получении оперативных данных под наблюдение надлежало брать также дипломатический и консульский персонал, иностранных граждан и их связи среди русских подданных. Очень важным было указание — кстати, не утрачивающее своей актуальности и по сей день — обратиться «особенное внимание» на всех «военных секретносителей», живущих не по средствам.

Комиссия пришла к выводу о необходимости учреждения в структуре тайной полиции специальных «контрразведочных» органов, входящих в соответствующие районные охранные отделения. Она признала возможным направлять на должности помощников начальников военно-разыскных отделений, которые формировались в семи стратегических центрах России — Петербурге, Варшаве, Киеве, Вильно, Одессе, Иркутске и Владивостоке, — строевых обер-офицеров по распоряжению начальников окружных штабов и с согласия директора Департамента полиции.

К сожалению, эти предложения так и остались на бумаге, потому что в момент подписания итогового протокола М. И. Трусевич был уже освобожден от должности директора Департамента полиции. Его преемник Н. П. Зуев большой склонности к оперативной работе не проявлял, генерал-лейтенант П. Г. Курлов — товарищ (заместитель) министра и командир Отдельного корпуса жандармов — не относил вопрос контрразведки к числу первоочередных, а «звезда» Столыпина, отношения которого с государем все больше осложнялись, закатывалась...

Все могло бы вообще сойти на нет, как нередко сходят у нас многие наиважнейшие вопросы, однако развитие событий свидетельствовало, что оставаться без четко налаженной системы военной контрразведки России уже было просто нельзя. Непосредственным поводом для очередного обращения к теме явилось сообщение начальника

Люблинского губернского жандармского управления о том, что, по агентурным данным, австро-венгерская разведка усиленно занимается организацией складов оружия и подготовкой кадров для подрывной деятельности на российской территории в военное время. Это, а также ряд других аналогичных сообщений буквально вынудили жандармское руководство обратиться к военному министру с предложением о создании второй межведомственной Комиссии по контрразведке. Что ж, пока гром не грянет — мужик не перекрестится...

Заседания комиссии, председателем которой был теперь Павел Григорьевич Курлов, проходили 29—30 июля 1910 года и уже окончательно заложили основы системы органов борьбы со шпионажем. Категорически отвергнув идею образования контрразведывательных отделений в структуре Департамента полиции, Курлов предложил передать контрразведку исключительно в ведение Военного министерства, куда откомандировывать для ее проведения опытных в розыском деле жандармских офицеров. Свое предложение он обосновывал так: «Исходя из положения, что Департамент полиции не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранной армий и вследствие этого не может руководить контрразведывательной службой... наиболее правильным было учреждение контрразведывательных отделений, [каковые] отделения состоят в непосредственном ведении военного начальства, а органы Департамента полиции оказывают лишь содействие и помощь».

Курлов также предложил, чтобы офицеры-жандармы «могли бы быть в отделении лишь вспомогательной силой и вести контрразведку по указаниям стоящего во главе отделения офицера Генерального штаба».

Соответствующие предложения ушли в военное ведомство, но только 8 июня 1911 года военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов утвердил разработанное Генштабом Положение о контрразведывательных отделениях. В соответствии с этим документом к Разведочному отделению Генерального штаба в Петербурге, которое еще в августе 1910 года возглавил подполковник Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандаков, добавилось 11 отделений при штабах военных округов; в отделе генерал-квартирмейстера Генштаба при Особом делопроизводстве начал действовать «центральный регистрационный орган», где сосредоточивались материалы по вопросам борьбы с военным шпионажем.

Инструкция начальникам контрразведывательных отделений военных округов, разработанная Генеральным штабом в июне 1911 года, определяла, что «военным шпионством является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах, об укрепленных силах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщений, производимый с целью передачи их иностранным державам». В документе указывались основные задачи, стоящие перед военной контрразведкой, и конечная цель ее деятельности: «привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц... или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами».

В условиях мирного времени агентура, с которой работали контрразведывательные органы, подразделялась на следующие категории:

а) «консульская агентура», внедренная или завербованная из числа обслуживающего персонала или родственников служащих иностранных представительств, расположенных на территории России;

б) «штабная агентура», занимавшаяся личным составом военных и военно-морских учреждений Вооруженных сил России как в центре, так и на местах;

в) «внутренняя агентура», обслуживавшая общественные места, расположенные вблизи учреждений, посещаемых «военными чинами» (торговые лавки, чайные, рестораны и т. п.), а также точки, подходящие для проведения «свиданий» агентов иностранных разведок «с лицами, дающими им сведения».

Вопрос «штабной агентуры», представлявшей для военной контрразведки наибольший интерес, потому как агентура противника в первую очередь интересуется штабами, оставляя передовые окопы для войсковой разведки, оказался наименее реализованным. Кадровые офицеры изначально были негативно настроены к любому виду оперативного поиска в своей среде.

И все-таки «созданные во второй половине 1911 года контрразведывательные отделения при военных округах сравнительно быстро сумели обеспечить себя необходимым количеством агентуры и направить ее на выявление немецких, австрийских, японских и иных шпионов. Так, виленское контрразведывательное отделение на 1 января 1913 года в своем распоряжении имело уже 48 агентов,

работавших по выявлению и разработке австрийских и немецких шпионов. Из них 39 человек работали на русской пограничной территории. Остальные 9 агентов виленского контрразведывательного отделения работали за границей. Из числа этих агентов трое работали в Эйдкунене, двое — в Кёнигсберге, один — в Столупянах, один — в Инстербурге, один — в Просткене (Восточная Пруссия) и один — в Вене»*. Буквально на первых же порах, при содействии агентов в Эйдкунене и Кёнигсберге, контрразведчикам удалось раскрыть и обезвредить резидента немецкой разведки.

Успешно сработала и «консульская агентура», которую удалось внедрить в иностранные дипломатические представительства. В частности, агенты, находившиеся в посольстве Великобритании в Санкт-Петербурге, получили доступ к секретной переписке посла и военного агента и таким путем смогли не только выяснить позицию англичан по ряду политических вопросов, но и раскрыть некоторые источники их тайной информации в России. Как оказалось, союзники тайно собирали агентурные сведения о русской армии — впрочем, не будем морализировать, потому как ведь и посольство дружеской Великобритании находилось под плотным наблюдением русской военной контрразведки... Что ж делать, как говорится — доверяй, но проверяй, и не случайно в советских спецслужбах бытовало такое ироничное выражение, как «здоровое недоверие».

В то же время в соответствующих органах проводилась работа по пересмотру действующего в России законодательства о государственной измене путем шпионства. Оно, как и современное законодательство, имело немало «лазеек», с помощью которых агентам противника удавалось уйти от уголовной ответственности. В частности, в книге Н. С. Батюшина говорится, что хотя с 1900 по 1910 год разведывательным отделением Варшавского военного округа была раскрыта деятельность 150 иностранных шпионов, но до суда удалось довести только 17 дел по тридцати трем обвиняемым.

В конце концов 5 июля 1912 года Николай II утвердил Закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства». «В понятие шпионажа по новому закону стало входить собирание или способствование собиранию иностранными государствами сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России

* *Алексеев М.* Указ. соч. Т. 2. С. 51.

или ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны. Шпионаж против России по этому закону стал являться тягчайшим видом государственной измены, и наказание за шпионские деяния увеличилось с 8 до 15 лет каторжных работ»*.

Не стоит думать, что с этих пор все наладилось и контрразведывательная работа по ограждению российских военных секретов от устремлений иностранных разведок пошла как по маслу... Довольно скоро, в январе 1913 года, сменив генерала Курлова, товарищем министра внутренних дел, а также заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов был назначен генерал-майор Свиты его императорского величества В. Ф. Джунковский. Он был человеком военно-придворного направления, весьма характерного для начала минувшего XX века: выпускник Пажеского корпуса, он в 1884 году начал офицерскую службу в лейб-гвардии Преображенском полку — первом полку гвардии; был адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, в 1897 году побывал на театре боевых действий греко-турецкой войны в роли уполномоченного Красного Креста. Воистину «звездным» стал для Джунковского кровавый 1905 год: в апреле Владимир Федорович получил чин полковника и был пожалован во флигель-адъютанты к его императорскому величеству, в июле назначен московским вице-губернатором, а в ноябре, в полковничьем чине, стал губернатором древней столицы и весьма успешно управлял ею и Московской губернией до самого начала 1913 года. Большой его заслугой считается то, что во время восстания 1905 года «Москва не осталась без воды и беспорядки не распространились на губернию».

Как истинный дилетант, попавший в спецслужбу, Джунковский сразу решил приступить к ее коренному реформированию — дилетанты на руководящих постах всегда стремятся реформировать по своему разумению то, что случайно оказывается у них в руках. Его искреннее возмущение, в частности, вызвало наличие в армейских рядах жандармской агентуры. Поясним, ссылаясь на воспоминания самого Владимира Федоровича: «По всей России, с согласия военного министра Сухомлинова и большинства командующих войсками округов, существовала войсковая агентура под руководством офицеров Корпуса жандармов,

* *Алексеев М.* Указ. соч. Т. 2. С. 53.

а иногда даже и унтер-офицеров. Секретные сотрудники выбирались из нижних чинов офицерами Корпуса жандармов случайно или по рекомендации ротных командиров. На их обязанности было являться к офицеру, заагентурившему его, и докладывать обо всем, что делается в его части, о чем говорят между собой нижние чины, каково настроение и т. д.»*.

Понятно, что не всё в этой работе обстояло гладко — добиваясь результатов, стремясь отличиться, иные жандармские чины прибегали к провокациям, раздували ничего не стоившие «дела», но это были вполне понятные издержки большой работы, да и соответствующие начальники всегда имели возможность распорядиться полученной информацией по своему разумению, дать делу ход или его притупить.

Обратимся к событиям недавней тогда Первой русской революции, когда «деструктивные силы» — большевики и их единомышленники — наносили очень грамотные «точечные удары». Стремясь подорвать престиж Николая II в армии, они выбрали для этого именно те самые части, где будущий император в свое время проходил действительную военную службу, а потому его авторитет был чрезвычайно высок и преданность личного состава престолу сомнений не вызывала.

Так вот, когда в конце мая 1906 года в Кронштадте восстали военные моряки и рабочие корабельных заводов, в лейб-гвардии Преображенском полку стали усиленно распространяться слухи, что их, по примеру лейб-гвардии Семеновского полка во время Московского восстания 1905 года, бросят на подавление возмущения... 9 июня 1-й батальон полка — тот самый, которым Николай II командовал в бытность свою наследником престола, собрался на митинг, чтобы подготовить петицию и подать ее царю. Кто именно «мутил воду», неизвестно, но ясно, что без посторонней помощи не обошлось: в подготовленной бумаге насущные солдатские нужды (освободить преображенцев от несения полицейской службы, уволить в запас отслуживших свой срок, ввести бесплатный проезд по железной дороге для отпускников) смешались с политическими требованиями («ненаказуемость за политические убеждения» и «выписывать для читальни передовые газеты и журналы»)

* Колоколов Б. Г. Дилетант в голубом мундире, или Третий путь генерала Джунковского // Красная звезда. 2007. 25 апреля.

и даже с откровенным популизмом в стиле пресловутого «приказа № 1», добившего армию в 1917 году («отменить принудительное отдавание чести нижними чинами», «разрешить свободное увольнение со двора»).

Командир дивизии генерал-майор С. С. Озеров успокоил солдат, обещав передать петицию императору, и сказал, что никто из них наказан не будет. Казалось, инцидент исчерпан, но кто-то из нижних чинов передал подготовленную бумагу в большевистскую газету, которая опубликовала «жареный материал».

После того «верхи» стали трактовать происшедшее как бунт... Ну а раз так, то был суд, нескольких зачинщиков приговорили к каторжным работам, более 150 человек на два-три года отправили в дисциплинарный батальон, а сам «Государев» батальон раскассировали, удалив из гвардии всех его солдат и офицеров. Тем самым было нанесено смертельное оскорбление не только Преображенскому полку, но и всему гвардейскому корпусу.

А ведь можно было поступить и совершенно по-иному! Так, когда осенью 1907 года во время манежных занятий начались беспорядки в лейб-гвардии Гусарском полку — опять-таки в том эскадроне, которым некогда командовал будущий Николай II, кавалерийские начальники решили «не давать хода этому делу и не накладывать на виновных никаких взысканий, ограничившись объяснением их проступка в доступных пониманию солдат выражениях...»*.

В общем, получив информацию, воинские начальники приняли ее к сведению и по-умному ею распорядились, зная, сколь предан престолу лейб-гвардии Гусарский его императорского величества полк. На том все и закончилось — без громких скандалов, судебных разбирательств и в конечном итоге без «потери» государем одного из лучших гвардейских полков и очередного недовольства всего гвардейского корпуса.

Генерал Джунковский, к сожалению, не понимал, что «иметь информацию» и «распоряжаться» ею — понятия совершенно разные. Вместо того чтобы заняться наведением порядка в своем ведомстве и в итоге получать достоверную информацию из войск, он вздумал разрешить вопрос «радикально».

«Когда я столкнулся со всем этим ужасом, — вспоминал он, — то решил немедленно упразднить всякую агентуру в

* *Бондаренко А. Ю.* Лейб-гусары. М., 2003. С. 295.

войсках. Но это было не так легко сделать, так как благодаря моим предшественникам, особенно генералу Курлову, военное высшее начальство проникнуто было уверенностью в необходимости пользования такой агентуры. Я никак с этим примириться не мог и решил действовать самым энергичным образом... Я сделал распоряжение по Департаменту полиции об упразднении агентуры в войсках и составлении проекта инструкций по наблюдению за настроением в войсках на совершенно новых началах*.

Это решение было поддержано почти всеми командующими войсками округов, которые не стремились выносить сор из избы, наивно полагая, что сами будут в состоянии контролировать настроения солдатской массы...

В результате в «Наставлении по контрразведке в военное время», утвержденном главнокомандующим Русской императорской армией генералом от кавалерии великим князем Николаем Николаевичем 6 июня 1915 года, было указано: «Воспрещается устанавливать наблюдение одних нижних чинов за другими, а равно устанавливать наблюдение вообще за офицерскими чинами без особых на то личных указаний генерал-квартирмейстера».

И ведь не подумаешь, что в это время уже целый год как шла война! Нет сомнения, что подобный запрет был на руку не только представителям антиправительственных сил, немало делавших для разложения воюющей армии, но и спецслужбам противника. В данном конкретном случае интересы оппозиционных партий и «германцев» совпадали, хотя имели различную конечную цель. Не случайно ведь получалось, что после «братаний» и совместных митингов на позициях русские солдаты бросали свои окопы, а немецкие и австрийские продолжали исправно воевать.

Но это уже произойдет несколько позже, а пока наши потенциальные противники продолжали наращивать свои разведывательные усилия. Например, в 1913 году «из 30 австрийских офицеров, легально посетивших Россию, шесть являлись установленными разведчиками. Но помимо них австрийский Генштаб засылал своих шпионов в Россию под видом мирных обывателей, коммерсантов, журналистов, представителей торговых и промышленных фирм. Австрийские разведчики, выезжавшие в Россию для сбора разведывательных сведений, выдавали себя за путешест-

* Колоколов Б. Г. Указ. соч.

венников, туристов, отпускников. Особо популярным прикрытием было изучение ими русского языка»*.

К примеру, в октябре того года военные контрразведчики организовали наблюдение за прибывшими в Москву капитанами австрийского Генштаба Рудольфом Кюнцелем и Вильгельмом Понтером — по учетным данным контрразведки было установлено, что последний, еще в чине лейтенанта, побывал в России в 1911 году, проездом в Турцию. Австрийские генштабисты отправились в поездку по России в начале ноября предвоенного 1913 года. Они посетили Санкт-Петербург, крупный промышленный и торговый центр Нижний Новгород, Вильнюс и Варшаву — места дислокации штабов приграничных военных округов, откуда отправились в разведывательную поездку по Поволжью, Средней Азии и Закавказью... Как потом отмечал начальник КРО (Контрразведывательного отделения) Московского военного округа подполковник Отдельного корпуса жандармов Туркестанов**, борьба с такого рода разведкой является почти бесполезной, потому что офицеры эти не всегда ведут записи, а производят разведку маршрутов и дислокации войск на память, получая также изустные сведения от своих соотечественников, живущих в каждом уголке России...

Ну как тут не вспомнить очаровательного поручика Дранжевского с его письменной инструкцией и патентом на чин, подписанным Наполеоном! За прошедшее столетие техника шпионажа здорово шагнула вперед, при этом основное движение произошло на рубеже XIX—XX веков.

В частности, можно сказать, что теперь в своей контрразведывательной деятельности русский Генштаб стремился применять тактику проникновения в разведывательные органы противника — так, к сотрудничеству был привлечен полковник Альфред Редль, один из руководителей разведки австро-венгерского Генштаба... Немалую роль в этой работе сыграли и русские военные агенты, находившиеся за границей.

Информация, полученная разведкой, определила решения политиков.

«Германия же практически была в курсе всех политических и военных дел России, используя для этого возмож-

* *Авдеев В. А., Карпов В. Н.* Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915—1917 гг. М., 2009. С. 59.

** Вариант написания фамилии — *Туркистанов*.

ности аппарата военного атташе, а также всякого рода коммерческие и промышленные фирмы, в которых под видом инженеров и специалистов “трудилась” немецкие разведчики. Именно знание германским Генштабом программы перевооружения русской армии в 1914—1917 годах, ее сильных и слабых сторон послужило одной из причин вступления в войну Германии на стороне Австро-Венгрии именно в 1914 году (“теперь или никогда”). Берлин пришел к выводу о том, что после перевооружения России к 1917 году Германия будет не в состоянии выиграть войну против нее»*.

* * *

Первая мировая война высветила многие ранее не столь очевидные изъяны в системе организации контршпионажа — в том числе в вопросах подготовки и комплектования органов военной контрразведки, невысокую квалификацию их руководящих кадров.

Наконец, после горького опыта поражений весны — лета 1915 года, по инициативе великого князя Николая Николаевича была образована очередная комиссия — ее возглавил действительный статский советник Р. Г. Моллов — для выработки нового положения о контрразведке. Изучение ею все того же вопроса показало явную несогласованность действий начальников разведывательного и контрразведывательного отделений военных штабов. Казалось, они должны были работать в тесном контакте и взаимодействии, но на практике эти подразделения были совершенно самостоятельны и одно не знало, чем занимается другое. Когда же вопросы розыска и разведки пересекались, то между начальниками начиналась бюрократическая переписка и розыск двигался воистину черепашим шагом.

Стало ясно, что серьезной ошибкой являлся и сам секретный характер существования контрразведывательных отделений, в результате чего они не могли «рассчитывать на весьма необходимые в их делах поддержку и содействие правительственных учреждений, а тем более общества».

В числе других причин, мешавших контрразведывательной работе, были и малочисленность аппаратов КРО, и отсутствие реальной исполнительной власти у их начальников — жандармских офицеров, которые в случае необходимости наблюдения за армейскими офицерами должны

* *Авдеев В. А., Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 21.

были получать санкцию на оперативные действия у состоящих при соответствующих генерал-квартирмейстерах чинов Генерального штаба или у самих генерал-квартирмейстеров. Возникали у контрразведчиков и проблемы взаимодействия с руководством губернских жандармских управлений, которые должны были проводить следственные действия по представлению КРО.

Дельных предложений было много, но даже в условиях войны и смертельной опасности, нависшей над страной, побороть всемогущую российскую бюрократию оказалось невозможно. Решение проблем затянулось до февраля 1917 года, после чего, понятно, необходимость в этом отпала сама собой...

И все же борьба русских военных контрразведчиков с разведками противника была довольно результативной.

К середине 1915 года контрразведка располагала именными списками двадцати трех разведывательных органов армий противника, где готовилась агентура для массовой заброски в русский тыл. Весомый вклад в борьбу с иностранным шпионажем вносили и русские военные агенты за границей. Например, полковник Семенов, военный агент в Румынии, собрал подробные сведения о шестнадцати филиалах немецкой разведывательной службы и представил списки более чем на 150 лиц, подозреваемых в агентурных связях с немцами. Контрразведчикам удалось также провести масштабную операцию по пресечению деятельности германского разведывательно-диверсионного центра в Китае... Только на Юго-Западном фронте до марта 1916 года было разоблачено 87 австрийских и немецких шпионов, а заграничной агентуре КРО штаба 7-й армии удалось выявить 37 агентов немецкой шпионской организации, руководимой неким Вернером.

Тайная война на фоне событий Первой мировой войны заслуживает отдельной большой книги...

В числе истинных подвижников, стоявших у истоков российской военной контрразведки, можно назвать уже известного читателю генерал-майора Н. С. Батюшина, длительное время возглавлявшего разведку и контрразведку Варшавского военного округа, а также военного юриста полковника А. С. Резанова, во многом благодаря которому в 1912 году Сенатом была принята новая редакция статьи уголовного законодательства о шпионаже, — он также немало заботился о подборе и подготовке кадров контрразведчиков непосредственно в период войны.

Уже находясь в эмиграции, Николай Степанович Батюшин, размышляя о причинах неудач русского оружия в Первой мировой войне, писал: «Если нашу тайную разведку мирного времени на основании утверждений наших противников можно считать хорошо поставленной, то далеко того нельзя сказать про тайную разведку военного времени. Главное тому объяснение — недооценка на верхах этого могучего средства в руках командования»*. В данном случае генерал имел в виду не только внешнюю разведку, но и внутреннюю — контрразведку.

Действительно, единый орган руководства контрразведкой так и не был создан не только в Русской императорской армии вообще, но даже и в действующей армии. Существовавшее в Главном управлении Генштаба подразделение продолжало оставаться регистрационным и отчетным подразделением, а не руководящей инстанцией. Полное игнорирование военным руководством опытных специалистов разведки и контрразведки, которые рассматривались как рядовые офицеры Генштаба, неиспользование их специальных знаний и опыта привели к тому, пишет Батюшин, что «мы заплатили сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства».

А вот еще одно свидетельство, из воспоминаний выдающегося русского военного контрразведчика, действительного статского советника Владимира Григорьевича Орлова:

«Неспециалисту практически невозможно осознать, насколько велико было германское влияние в России во время войны. Многие политики и другие общественные деятели осознанно или неосознанно работали на германскую разведку.

Германским шпионским центром во время войны была гостиница «Астория» в Петрограде. Здесь работали германские шпионы Зигфрид Рай, Кацнельбоген и барон Лерхенфельд. Вся информация направлялась в Стокгольм, а затем в Берлин. Все административные должности занимали германские солдаты и офицеры. Их концерн принимал заказы на строительство крепостей по ценам более низким, чем у конкурентов, и нес фантастические убытки. Таким образом, они узнавали самые сокровенные военные секреты, которые немедленно передавали через Стокгольм в Берлин.

Российские компании по производству электрообору-

* Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 164.

дования — “Сименс и Хальске”, “Сименс—Шуккерт” и АЕГ, являвшиеся филиалами германского “Электро-треста”, получали заказы, связанные со строительством российских кораблей. Эти фирмы не только служили источником информации для германского верховного командования, но и выполняли, по документальным данным российского Генерального штаба, определенные задания, вследствие чего завершение строительства военных кораблей во время войны задерживалось...

...наиболее прочно немцы обосновались в банках. Оттуда они руководили деятельностью всей сети вражеских шпионов в России. Крупнейшая банковская группа — Внешнеторговый банк, Сибирский банк, Петроградский международный банк и Дисконтный банк полностью контролировалась немцами, равно как и другие коммерческие и торговые банки, являвшиеся филиалами германских банков»*.

Хотя приведенная цитата является лишь маленьким фрагментом (!) большого обзора, можно понять, что германская шпионская сеть была завязана на весьма влиятельных финансово-промышленных кругах и таких сферах государственного руководства, которые военным контрразведчикам оказались просто не по зубам.

Кстати, подобная ситуация ничего не напоминает?

Всё же из рассказанного выше можно понять, что в императорской России была создана неплохая основа для формирования контрразведывательных органов. Были не только люди, самоотверженно и результативно занимавшиеся контршпионажем, была продумана и буквально выстрадана теоретическая база, определены принципы для создания военной контрразведки... Можно сказать без преувеличения, что наработки начала XX столетия в большинстве своем не потеряли актуальности и сейчас.

Глава вторая

ВРЕМЯ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

События, происходившие на территории бывшей Российской империи после февраля 1917 года, известны нам весьма однобоко: до недавнего времени все мероприятия

* Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 55—57.

Временного правительства в области государственной, международной и военной политики оценивались как реакционные, антипатриотические, а потому и не заслуживающие серьезного внимания.

Действительно, Временное правительство было беспомощно и антинационально, что в итоге и привело к победе большевиков — хотя очень возможно, что в тех условиях это был далеко не самый худший вариант развития событий... Но не будем заниматься политологическими анализами, ибо книга наша посвящена совершенно другой теме, а военная контрразведка состоит на службе существующего государства, являясь одной из его структур. Тем, очевидно, большее контрразведчикам видеть и сознавать, как государство, которому они служат, само себя уничтожает.

Первым и воистину сокрушительным ударом по одному из государственных устоев, армии, нанесенным как бы в обход Временного правительства (тогда это был еще «Временный комитет Государственной думы»), явился присопамятный «Приказ № 1» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Хотя он достаточно лаконичен, полностью приводить его не будем и ограничимся лишь несколькими пунктами:

«...4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем районных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям...»

Что может эффективнее способствовать развалу армии, нежели подрыв доверия солдат к своим командирам? Армия изначально держится на дисциплине и подчиненности, ответственности старших за судьбу младших. Именно приказ командира подавляет важнейший для всего живого инстинкт самосохранения, и человек вне зависимости от воинского звания — солдат, офицер, генерал — по одному слову идет на смерть. Если же солдат начнет сомневаться в правомочности командира отдать приказ — армии не будет. Будет толпа вооруженных людей, а что они сделают, куда направят свое оружие — бог весть!

В своих воспоминаниях «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» председатель Думы

М. В. Родзянко писал: «Разложение и уничтожение бое-способной армии могло быть на руку тем, для кого силь-ная скованная армия представляла внушительную угрозу, то есть для Германии, и вот почему я ни одной минуты не сомневаюсь в немецком происхождении приказа № 1-й»*. Далее автор со слов командира одной из пехотных дивизий генерала Барковского приводит пример того, как отпеча-танный текст приказа «в огромном количестве был достав-лен в расположение его войск из германских окопов».

Как же это стало возможным? Прокор в действиях во-енной контрразведки? Безусловно! Конечно, можно гово-рить о существовавших тогда трудностях и объективных обстоятельствах, рассуждать о том, что «рыба гниет с голо-вы». Это так, и тот же М. В. Родзянко писал, что «к борьбе с возникшей немедленно после объявления войны немец-кой пропагандой Правительством не было ничего не орга-низовано, не подготовлено. Старая привычка повелевать и думать, что в том напряженном состоянии, в котором на-ходилась страна, можно ограничиться приказом и требовать бессознательного исполнения, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней поли-тики Правительство посеяло само первые семена возник-шей потом революции»**.

Что ж, самодержавная уверенность руководства в соб-ственной непогрешимости и всеобщей любви к нему под-данных давно уже стала в нашем Отечестве традицией; ка-жется, словно бы испокон веков народ существует для государства, а не наоборот. И как бы плохо ни работал госаппарат, виноватым в этом оказывается не бездарное руководство, а кто угодно другой...

Но факт остается фактом: германской и иной деструк-тивной пропаганде военная контрразведка России в Пер-вую мировую войну противостоять не могла. Вроде бы и не в том с официальной точки зрения была ее задача, а шпи-онов ловить и изменников выявлять, однако со стороны противника пораженческой пропагандой в рядах россий-ской армии занимались именно разведывательные орга-ны. «Германия желала ослабить русскую армию, разорвать страну на части и иметь свою партию, которая, как она считала, будет слушать подсказки с Вильгельмштрассе... — писал британский разведчик бригадный генерал Джордж

* Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 74.

** Там же. С. 19.

Хилл, который в разные времена подолгу работал в России. — Поэтому большевикам активно помогали агитаторы, находившиеся на содержании у германской секретной службы»*.

История — наука сложная и очень политизированная. В 1917 году и особенно в «постперестроечные» времена большевиков именовали «платными агентами немцев», предъявляли им разные обвинения подобного рода. Однако перечитайте последнюю фразу британского разведчика: она соответствует истине в гораздо большей степени. Политика, как известно, дело грязное, но выгодное. Достичь своих целей за чужой счет, а потом «кинуть» тайного «спонсора» — самое милое дело! В свое время наивные шведы финансировали великую княжну Елизавету Петровну, прозрачно намекавшую о возможности пересмотра итогов Северной войны; доверчивый Фридрих Великий возлагал большие надежды на будущую Екатерину Великую... И кто чего дождался? Список можно завершить большевиками — с их помощью Германии удалось вывести Россию из мировой войны, но это была пиррова победа, потому как вскоре уже правительство РСФСР выступало в поддержку Баварской Советской республики, а В. И. Ленин телеграфировал И. В. Сталину: «...гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад, на помощь коммунистам»**.

Большевики тогда грезили мировой революцией и охотно принимали помощь любых спонсоров, явно недооценивающих их «политические аппетиты», ибо Россия планировалась ими в качестве отправного пункта на пути, четко сформулированном строкой из «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим...»

Военные и политические цели различных сторон переплетались в тугой клубок, а потому важнейший, но свое временно не понятый урок Великой, как называли ее в ту пору, войны состоит в том, что военная контрразведка не заниматься политикой не может. Между прочим, большевики оказались в этом плане прекрасными учениками, о чем мы и расскажем далее...

Впрочем, пропаганда эта была не столь уже «мирной и безобидной». Историк Русской императорской армии А. А. Керсновский свидетельствовал, что «в ночь на 1 марта

* Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 124.

** Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2009. С. 140.

распропагандированные флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2-го на 3-е на гельсингфорсском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров эскадры... По списку, заготовленному “Адмирал-штабом”*, были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь столь досадивших немцам разведки и контрразведки), и этим наш Балтийский флот был выведен из строя”**. Вот ведь как получилось: с одной стороны, наши спецслужбы здорово «досаждали» противнику, но с другой — не нам досталась победа...

И все-таки, даже в то время безвременья, при бездарном Временном правительстве и стремительном нарастании активности деструктивных сил (мы не даем политических оценок, но говорим об объективной реальности, придерживаясь официальных позиций, ибо с иной, «антигосударственной», точки зрения рассказывать об органах обеспечения безопасности государства просто невозможно; поэтому в следующих главах автор обречен перейти на пробольшевистские позиции), военная контрразведка продолжала свою работу. Мало того, можно утверждать, что именно тогда для этой работы создавались наиболее выгодные условия.

В частности, уже 4 марта 1917 года, на второй день существования Временного правительства, исправляющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов направил письмо на имя военного и морского министра А. И. Гучкова, где говорилось, что «из-за прекращения деятельности разыскных органов Министерства внутренних дел, оказывавших содействие Военному министерству в борьбе со шпионажем», необходимо реорганизовать военную контрразведку для сохранения «непрерывности ее действий».

Депутат Государственной думы и лидер партии октябристов Александр Иванович Гучков был человеком хотя и штатским, но обстрелянным: в 1899—1902 годах участвовал в Англо-бурской войне, в Русско-японскую был уполномоченным Красного Креста, а потому мнил себя великим полководцем. А. А. Керсновский назвал Гучкова «честолюбивым заговорщиком», наконец-то удовлетворившим «свою давнишнюю мечту руководить российской вооруженной силой сообразно своим личным симпатиям и ан-

* Штаб ВМС Германии.

** Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 261.

типатиям». По мнению историка, «воинской иерархии для проходимца министра не существовало»*.

Назначение штатского человека главой военного ведомства, чего никогда не случалось в российской истории, было трагическим извращением Временного правительства, своеобразным продолжением «Приказа № 1», который, кстати, Гучков отменил в самом скором времени. Но, разумеется, пользоваться авторитетом в рядах сражающихся войск этот партикулярный «назначенец» не мог, и армии он не понимал, как армия не понимала и не принимала его.

Хотя определенная логика в таком назначении была: государственное руководство (и не только в России) давно уже боялось новоявленных бонапартов: блистательные генералы слишком хорошо выглядели и были весьма популярны на фоне достаточно тусклых в своем большинстве «политических» фигур — юристов, финансистов и прочих. От суворовых или скобелевых пытались избавиться любым путем, зато при дворе процветали безликие, но исполнительные сухомлиновы, которые не имели не только «политических амбиций», но и ни малейшей возможности таковые реализовать, ибо не обладали волей, решимостью и какой-либо поддержкой в войсках... Но правители забывали, что армия главным образом предназначена для войны и должна к ней постоянно и всесторонне готовиться. «Паркетные военачальники» успешно росли в чинах и должностях, получали награды за преданность и усердие, а в случае войны занимали соответствующие их рангу должности. И тут оказывалось, что к командованию фронтом, армией или корпусом они совершенно непригодны! Столь блистательные во дворце, эти «полководцы» были совершенно бездарны на театре военных действий. Напоминать, к каким трагедиям это приводило, смысла не имеет.

«Брожение в армии началось на почве недовольства высшим командным составом... а также, несомненно, было результатом многолетней упорной агитации в войсках. Впоследствии недовольство это перенеслось на доблестное, ни в чем не повинное младшее офицерство и своим последствием имело ужасное пролитие дорогой нам офицерской крови, свидетелями чего мы все были с содроганием и отвращением при полном разложении армии, после февральского переворота»**.

* Там же. С. 269.

** Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 43.

В общем, найти среди многочисленного российско-го генералитета подлинных Суворова или Скобелева, к тому же еще и преданного «идеалам свободы и демократии», Временное правительство не смогло, а потому выдвинуло военного министра из своей «политической» среды. Но уже через два месяца Гучкова на этом посту заменил очередной желающий «поручить армией» — А. Ф. Керенский, подписавший приказ, гарантировавший всем военнослужащим «права граждан»: во внеслужебное время «открыто исповедовать» свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды. Этот приказ офицерство восприняло как очередной удар по устоям армии... Вот он, реванш извечной зависти штатских к тем, кто имеет честь носить военный мундир!

Гучков изначально поступил так, как и следует поступать политическому деятелю: 9 марта военный министр обратился к войскам... через газеты. Ранее такого не бывало. «Слушайте ваших начальников, помня, что армия без дисциплины врагу не страшна, — призвал министр с печатных страниц. — Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду. Верьте своим офицерам».

Прямо-таки лермонтовский мотив — слова злосчастного Грушницкого: «...и под серой солдатской шинелью может биться благородное сердце!» Неужели таким путем, подобными рассуждениями можно было повлиять на безграмотную солдатскую массу?! Влияние газет Гучков, очевидно, переоценивал — хотя фронтовики, сориентированные большевиками, и требовали «свободы печати», но отнюдь не потому, что их смущала цензура, а потому, что твердо знали: если к бумажке приложить полковую печать с двуглавым орлом, то для деревни это будет неоспоримый документ. Так пусть печать и будет «свободна» для общего пользования!

К тому же утверждения новоиспеченного главы военного ведомства шли вразрез с положениями столь лестного для солдат приказа, якобы передававшего всю власть в армии им самим — то есть органу с заманчивым названием «Совет рабочих и солдатских депутатов».

Одиннадцатого марта Гучков вновь обратился к войскам «через прессу»: «Враг угрожает столице. Петроград и его окрестности наводнены германскими шпионами... Они скрываются всюду. Нет звания, которым шпион не назывался бы, нет занятия, которым он не старался бы при-

крыть свое гнусное дело. Он переодевается во всякую форму и, скрываясь в толпе, мутит и волнует робких и слабых.

Нужна контрразведка. Генеральный штаб это дело наладит. Граждане и воины, не спутайте этих верных людей с агентами сыска бывшего режима. Новой власти сыска не нужно. Она управляет в согласии с волей народа. Но она не допустит, чтобы среди вас работали агенты Вильгельма. Следите за собой. Не выдавайте плана обороны».

Подобное министерское прекрасноразумие никак не представляется убедительным, однако можно сказать, что таким образом Гучков «легализовал» существование контрразведывательной службы. Ведь до Февральской революции она была настолько засекречена, что не могла рассчитывать на содействие ни общества, ни даже правительственных учреждений. Временное правительство, которое надеялось победоносно завершить войну, увидело в военной контрразведке чуть ли не главный свой резерв для выполнения этой задачи.

Между тем не снималась с повестки дня и необходимость борьбы с германским и австрийским шпионством — активность спецслужб противника после крушения царизма лишь возросла. Обратимся опять-таки к прессе тех дней. В своем интервью, опубликованном в вечернем выпуске «Биржевых новостей» 15 марта, известный нам полковник А. С. Резанов говорил: «Немцы со свойственной им системностью (в газете «систематичностью». — А. Б.) не замедлили использовать то ослабление надзора, которое было вызвано последними событиями, и усилили свою шпионскую деятельность в России»*.

В этой связи уже 12 и 13 марта Генштаб направил в штабы фронтов, во все военные округа и в Ставку приказ Гучкова, в котором предписывалось «принять самые энергичные меры к усилению работы органов контрразведки» и сохранить — впредь до особого распоряжения! — весь ранее работавший личный состав. При этом министр стремился нацелить военную контрразведку на борьбу не только с неприятельским шпионажем, но и с разрастающимся хаосом в стране и в армии.

Девятнадцатого марта вопрос о контрразведке был рассмотрен Временным правительством. Так как жандармские учреждения были ликвидированы, задачу борьбы с иностранным шпионажем было решено полностью возло-

* Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 66.

жить на военное ведомство. Однако разработка правовых и организационных основ контрразведывательной службы была поручена комиссии, в которую вошли представители не только Военного и Морского министерств, но также и МИД, МВД, Министерства торговли и промышленности и прокуратуры Петроградской судебной палаты.

Через месяц были разработаны два «Временных положения о контрразведывательной службе» — одно для внутренних округов, другое для армий и фронтов, «Временное положение о курсах контрразведывательной службы при ГУГШ» и штатное расписание для всех контрразведывательных органов, которые тут же и вступили в силу. «Временное положение о морской контрразведывательной службе на театре военных действий» было утверждено в конце июня. Подготовленный тогда же проект «Временного положения о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований» был утвержден Временным правительством 17 июня, накануне начала наступления на Юго-Западном фронте — последнего наступления русской армии... Полный текст этого документа был опубликован в «Вестнике Временного правительства», а его основные положения изложены на страницах ряда газет. Причем даже «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» не преминули сообщить читателям о том, что реорганизованная контрразведка не причастна к политическому сыску, а контрразведчики «на трудном, ответственном и почетном поприще выполняют свой патриотический долг».

Это, конечно, звучит прекрасно, но вспомним о той самой «германской пропаганде», о которой писал Родзянко, о недавних кровавых событиях, произошедших в войсках. Понятно, что призывы на уровне «Русс, сдавайся!» были неэффективны, а вот революционная агитация и демократические лозунги многих брали за живое... Нет сомнения, что на данном этапе интересы противника и большевиков совпадали, но это совсем не значит, что последние работали на противника. Как видно, с «деструктивной» — от кого бы она ни шла — пропагандой и ее последствиями не могло и не умело бороться не только царское, но и Временное правительство, фактически «выпустившее джинна из бутылки»... Последующие попытки подавить убеждения пулеметами привели к обратному результату.

Итак, контрразведывательная служба получила новые

правовые и организационные основания для своей деятельности: теперь она существовала и действовала легально, в государственно-правовом поле, — как действовали спецслужбы других стран; права и обязанности ее сотрудников были определены верховной властью и доведены до всеобщего сведения граждан.

После принятия всех этих документов «организация контрразведывательной службы определялась в соответствии со структурой вооруженных сил — она делилась на сухопутную и морскую.

Сухопутная контрразведка состояла из двух автономных структур: тыловой и на театре военных действий. Главными оперативными подразделениями оставались, как и прежде, Контрразведывательное отделение Генерального штаба (КРО ГУГШ) — в тылу, Контрразведывательное отделение штаба Верховного главнокомандующего (КРО Ставки) и контрразведывательные пункты — на фронте.

Согласно “Временным положениям”, на КРО ГУГШ возлагались обязанности общегосударственного масштаба: организация контрразведывательной службы за рубежом, противодействие шпионажу со стороны иностранных дипломатических служб, обеспечение в контрразведывательном отношении центральных государственных учреждений, разработка имеющих общегосударственную значимость дел по шпионажу. У КРО Ставки были обязанности обыкновенного оперативного органа, обслуживающего район дислокации штаба Верховного главнокомандующего — такое подразделение существовало с января 1916 года.

“Временные положения” определили круг функциональных обязанностей двух новых центральных подразделений: при ГУГШ — Центрального бюро, которое существовало с 1915 года как высшее регистрационное и отчетное контрразведывательное отделение Генштаба, и при Ставке — контрразведывательная часть штаба Верховного главнокомандующего. КРЧ Ставки должна была осуществлять единую линию по контрразведке на театре военных действий, обобщать материалы, идущие с мест, намечать общие меры борьбы со шпионажем во фронтовых условиях, разрабатывать инструкции и инспектировать работу местных подразделений. Задачи Центрального бюро ГУГШ были гораздо шире: сюда стекались все материалы по контрразведке, и обязанностью ЦБ были их систематизация и анализ, и разработка на этой основе соответствующих методических

и аналитических документов для местных подразделений на фронте и в тылу»*.

Таким образом, российская военная контрразведка превращалась в единую систему. Казалось бы, трудитесь, граждане контрразведчики, вылавливайте шпионов — но тут как раз подоспело то самое «особое распоряжение» касательно «ранее работавшего личного состава», о котором говорилось в приказе министра. В соответствии с ним было определено, что начальники и помощники начальников контрразведывательных отделений, а также руководители центральных подразделений назначались из числа «офицеров Генерального штаба и лиц, имеющих юридическое военное или гражданское образование». Было также определено, что «чинами для поручений и наблюдателями», то есть оперативными работниками в отделениях, «не могут быть лица, служившие по политическому розыску» (то есть в Корпусе жандармов или в полиции). Между тем именно эти бывшие офицеры-агентуристы Отдельного корпуса жандармов, откомандированные в военное ведомство, были наиболее профессионально подготовленной частью военной контрразведки Русской армии — напомним: еще все-таки сражающейся армии. Кто же стоял за таким решением, кто был в нем заинтересован? «Реформу» приказано было осуществить не позднее 5 мая.

После появления приказа в ряды контрразведки пришло большое количество юридически образованных лиц, в том числе унтер-офицеров и солдат, служивших на положении вольноопределяющихся. Не имея опыта оперативно-розыскной работы, они считали эту службу своим патриотическим долгом и в большинстве своем были твердо уверены, что контрразведка должна быть «вне политики».

«Уже к лету функционировали контрразведывательные отделения Ставки и всех фронтов — Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского, двенадцати номерных и Особой армий. К осени контрразведывательные пункты были открыты во всех армейских корпусах и в городах, имевших военно-стратегическое значение; были сформированы центральный аппарат и местные отделения морской регистрационной службы, обслуживающей Балтийский и Черноморский флоты вместе с прилегающими к ним крепостями и военными портами. Во внутренних военных округах контрразведка расширялась за счет от-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 23—24.

крытия новых пунктов. При этом, однако, из-за кадровых перемен реально дееспособными оставались лишь соответствующие подразделения в Главном управлении Генштаба, Петроградском и Московском военных округах, а также военно-морская контрразведка.

В Генштабе руководство разведкой и контрразведкой возглавил опытный военный разведчик генерал-квартирмейстер ГУГШ Н. М. Потапов, обер-квартирмейстером с лета 1917 года был назначен генерал Г. Г. Гиссер, его помощником по КРЧ стал полковник Генерального штаба Н. Ф. Раевский, сотрудник разведывательного отдела. Должность начальника Центрального КРО ГУГШ занял подполковник Н. М. Медведев, его первым помощником с июня назначен П. А. Кавторадзе, известный смелыми разведывательными акциями на Дальнем Востоке в 1916 году. Руководителем Центрального бюро ГУГШ с июня 1917 года вместо жандармского полковника князя Туркестанова стал бывший прокурор Либавского окружного суда А. А. Чернявский. Контрразведывательную часть Ставки было поручено возглавить опытному разведчику Терехову*.

Потапов Николай Михайлович (1871—1946). Окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в гвардейской артиллерии; в 1897 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С марта 1901 года — помощник военного агента в Вене, с июня 1903 года — военный агент в Черногории. С началом мировой войны представлял русское командование при черногорском Главном командовании. С августа 1916 года — начальник эвакуационного управления Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). С апреля 1917 года — генерал-квартирмейстер ГУГШ. Генерал-лейтенант. Был одним из первых представителей высшего военного командования, который пошел на сотрудничество с большевиками. 23 ноября 1917 года назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством; с декабря 1917 года — управляющий делами Наркомвоена. С июня 1919 года — председатель Военного законодательного совета (с апреля 1920-го — Совещания) при Реввоенсовете (РВС). В 1922—1925 годах участвовал в операции ГПУ «Трест», выступая в качестве «военного руководителя МОЦР» — «Монархической организации Центральной России». В декабре 1930 года зачислен в резерв. В июне 1936 года возвращен в кадры РККА —

* Там же. С. 24.

начальник отдела переводной литературы Управления Государственного военного издательства при НКО СССР. Комбриг. С 1938 года — в отставке.

Комментарий историка

«Николай Михайлович Потапов принадлежал к той категории русского офицерства, которую после революции старались не замечать. Белые потому, что блестящий офицер, генерал, без принуждения и открыто стал на сторону красных — де-факто Потапов один из создателей Красной армии, а красные потому, что признавать факт создания Рабоче-Крестьянской Красной армии силами “бывших”, а не крестьян или рабочих было не модно...»

*Клуб выпускников Коломенского (Михайловского)
артиллерийского училища*

Гиссер Георгий Георгиевич (1872 — после 1934). В 1892 году окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1899 году — Николаевскую академию Генерального штаба; с июня 1902-го по март 1904 года служил в штабе Виленского военного округа. Участвовал в Русско-японской войне. 23 августа 1914 года назначен командиром 197-го пехотного Лесного полка; 5 октября 1915 года «за отличие в делах» произведен в генерал-майоры. С ноября 1915 года — начальник штаба 2-го армейского корпуса; с ноября 1916 года — генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии. 22 июня 1917 года назначен 2-м обер-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба. С февраля по октябрь 1918 года служил в Красной армии; с конца февраля — военный агент в Швеции; 2 сентября отозван от занимаемой должности и вызван в Россию. С 1918 по 1922 год принимал участие в антибольшевистских формированиях на Восточном фронте, затем эмигрировал в Швецию.

От автора

Никаких характеристик Г. Г. Гиссера обнаружить не удалось. Но стоит обратить внимание на такой момент: соавторами в его многочисленных научных работах были будущий генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (1878—1918), легендарный вождь Белого движения; генерал-лейтенант Борис Михайлович Колюбакин (1853—1924), служивший у Колчака, но оставшийся в СССР и погибший в тюрьме; инженер-генерал Константин Иванович Величко (1856—1927) — до конца своих дней заведовавший кафедрой фортификации Военно-инженерной академии РККА. Три варианта генеральских судеб после Октября; у

генерал-майора Гиссера получился четвертый. Но был еще и пятый вариант: служба в Красной армии, закончившаяся делом «Весна» — или 1937 годом.

Современному читателю вряд ли нужно объяснять, что работа в условиях российских реформ, когда без четко продуманного плана меняется все и сразу, да еще и ставится с ног на голову, по-настоящему успешной быть не может. Так что результатов, соответствующих масштабам преобразований, не было и о каких-то больших успехах и «громких» операциях военной контрразведки эпохи Временного правительства нам, к сожалению, рассказать невозможно.

Особой военной активности неприятеля на его Восточном фронте не наблюдалось, зато линия фронта от Балтийского до Черного моря сотрясалась от политических страстей, а пресса и ежедневные митинги разносили по миру российские тайны, те самые государственные и военные секреты, которые по долгу службы должна была беречь контрразведка. Внутренние неурядицы наносили удары по государству более мощные, чем армия шпионов.

В общем, как тут не вспомнить нелепое римское «*Pereat mundus et fiat justitia*» («Пусть погибнет мир, но свершится правосудие!»). Мир, «старый мир», действительно погибал, но военные контрразведчики старались оставаться «вне политики» и гордились чистотой своих «белых одежд». А вот что писал с фронта в апреле 1917 года некий солдат 31-го Алексопольского пехотного полка: «Если еще будут продолжать долго, то мы даем честное слово, что 15 мая бросим фронт, и тогда пусть погибают не только солдаты, находящиеся в первой линии, но и вся Россия*». В общем, «свобода» в высшем понимании!

И как же следовало поступать военным контрразведчикам, ознакомившимся с таким письмом? Разобраться, кто «распропагандировал» солдата? Уж слишком глобально сказано о «гибели России». Потом, если выяснится, что это противник, — принимать соответствующие меры. А если же какие-то доморощенные агитаторы его так настроили — то извиниться за беспокойство? Да уж, «*Pereat mundus*» в российском изложении!

А кругом всё действительно рушилось: государство, армия и даже само общество. Строительство «демократического государства» и продолжение «доставшейся в наследство» от старого режима войны оказались делами

* Солдатские письма 1917 года. М., 1927. С. 48.

«несовместными», как гений и злодейство. Несмотря на заверения и патриотические призывы, Временное правительство и Советы всех уровней своей политикой объективно способствовали развалу страны и армии, успеху большевиков, основным интересом для которых являлся захват власти.

Понятно, что в этих условиях военная контрразведка не могла долго оставаться в стороне от борющихся за власть сил, то есть «вне политики». Как это заведено, раньше всех активность стали проявлять в столице (впрочем, Петроград реально являлся средоточием всех страстей и основных событий).

Уже в апреле руководитель контрразведки Петроградского военного округа подполковник Генштаба Б. Н. Никитин, «назначенец» марта 1917 года, по собственной своей инициативе стал засылать агентуру во дворец Кшесинской, где размещался ЦК РКП(б), установил наружное наблюдение за наиболее видными большевиками и перлюстрацию их заграничной переписки. Кстати, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Л. Г. Корнилов, к которому изначально обратился Никитин за разрешением на открытое преследование большевиков силами контрразведки, на то своего согласия не дал. Опытный военный разведчик, отважный боевой командир медлил и раздумывал, а когда наконец он попытался взять инициативу в свои руки, оказалось поздно...

Кстати, хотя о Никитине вспоминают лишь вскользь и в отрицательном плане, личность эта заслуживает большего внимания. Вот как писал о нем президент Общества изучения истории отечественных спецслужб А. А. Зданович:

«Выпускник Военной академии Генерального штаба, подполковник имел собственное мнение по многим вопросам, фронтовой опыт, а главное, принимал очень близко к сердцу опасность разложения армии революционными партиями. Вероятно, поэтому он довольно быстро привнес политику в контрразведку, всех противников войны до победного конца зачислил в германские шпионы или их пособники. С такими взглядами Никитин начал воссоздавать разрушенный аппарат.

Всего за несколько недель он развернул некогда немногочисленное контрразведывательное отделение в целый департамент, набрал в штат более двадцати опытных юристов, по преимуществу судебных следователей, сто во-

семьдесят (!) секретных агентов и вскоре развил бурную деятельность»*.

Действуя на свой страх и риск, подполковник Никитин начал «тайную войну» с большевиками. 1 июля в КРО Петроградского округа было проведено совещание, на котором решили отложить разработку 913 (!) находящихся в производстве дел и начать аресты большевиков по обвинению в государственной измене. В ночь на 5 июля отряд юнкеров, приведенный Никитиным, разгромил редакцию газеты «Правда», а 6 июля — типографию «Труд», где печатались большевистские издания. Был захвачен и дворец Кшесинской. «Дворец был взят без единого выстрела. Большевики бежали, оставив все свои документы»**. Изъятые во время погромов материалы были взяты в контрразведку.

Хотя историки с осуждением писали, что, мол, контрразведка взяла на себя «несвойственные ей» жандармские функции, но правомерен наивный вопрос: чем должен заниматься контрразведчик во время пожара? Дождаться приезда пожарных или брать на себя «несвойственные функции»? Как и все люди в погонах, военные контрразведчики принесли присягу Временному правительству, а значит, должны были защищать это государство... Да, оно было паршивенькое и беспомощное — по словам А. А. Керсновского, «великой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма; пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю». Но куда деваться в данной ситуации служивым людям?!

Когда же, в соответствии с решением Временного правительства, 7 июля был подписан ордер на арест В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева, Петроградское контрразведывательное отделение взяло на себя инициативу по их розыску и задержанию. На границу с Финляндией — единственный путь, которым могли уйти из России руководители большевистской партии, — Никитин направил 40 сотрудников контрразведки, а П. А. Кавторадзе, помощник начальника Центрального бюро, прибыл с сотней казаков для усиления охраны границы на станцию Белоостров.

«Офицер, отправлявшийся в Териоки*** с надеждой

* Зданович А. А. Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 56.

** Пейн Р. Ленин. М., 2003. С. 341.

*** Теперь — поселок Зеленогорск.

поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... — вспоминал главный начальник войск Петроградского округа генерал-майор П. А. Половцов. — Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»*.

Зря улыбался генерал! Хотя просчитано все было правильно, но «не служившим по политическому розыску» новым контрразведчикам не хватило оперативного мастерства: Ленин и Зиновьев не бросились за границу напрямую, а добрались до станции Разлив и поселились в легендарном шалаше на берегу небольшого озера, никем не тревожимые. Три недели спустя, когда на границе поутихло, «вождь мирового пролетариата» перебрался в Финляндию.

И все-таки активная работа контрразведки в сложной обстановке, сложившейся в Петрограде, обнадеживала военное руководство. 7 июля полковник Ю. Н. Плющевский-Плющик, исправляющий должность 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, телеграфировал генерал-квартирмейстерам штабов фронтов, что контрразведке «пора проявить свою деятельность» и проверить связи с германской разведкой «наиболее активных и крайних агитаторов». «Все искусство контрразведывательных органов должно быть направлено к установлению черты, — писал он, — где кончается идея и где начинается подкуп и германские деньги».

Но, как было сказано, подавляющее большинство КРО «реально дееспособными» в то время не являлись. Скорее всего поэтому, а может, по причине собственных политических симпатий, неизбежных в то более чем политизированное время, или вообще из боязни «оказаться крайними», — большинство руководителей фронтовых и армейских отделений контрразведки потребовали дополнительных разъяснений и распоряжений. Очевидно, не желая «подставляться», начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский дал письменное разъяснение, что требование Плющевского-Плющика «не имело целью включить политику в круг ведения контрразведывательной службы», но что «контрразведка не должна упускать из своего наблюдения такой род политики, который может нанести непоправимый вред государству». Попробуй проведи тут четкую грань! Послание генерал заканчивал словами:

* *Половцов П. А.* Дни затмения. М., 1999. С. 152.

«Бездействие не только недопустимо, но и преступно». Однако действовать никто особенно не спешил — хотя бы и потому, что непонятно было, куда именно надо направить свои усилия. В России, как известно, наказывают не бездельников, а тех, кто работает и может ошибиться.

Наконец инициативу проявил начальник контрразведывательного отделения Северного фронта В. Чернышев, который 1 августа направил письма руководителям контрразведок 5-й и 12-й армий. «Целый ряд сведений указывает на то, что немцы, помимо узких шпионских задач, дают своим агентам задачи по дезорганизации государства и прежде всего его оплота — армии... — писал он. — Мною получены (случайно, к сожалению) сведения, что в дополненных маршевыми ротами воинских частях оказываются иногда люди, не имеющие, по проверке, документальных оснований, люди, что называется, “без роду, без племени”. Иногда такое лицо, обжившись несколько в части, начинает агитацию, направленную или к неповиновению, или к сепаратному миру, словом, видимо, преследующую цель — дезорганизовать армию. Сплошь и рядом такое лицо объявляет себя принадлежащим к той или другой политической партии или общественной организации. В некоторых случаях (вероятно, весьма редких) такое лицо попадает в комитет и тогда, пользуясь официальным положением, несомненно, может принести максимум вреда». Указать, что это за люди, к каким партиям они принадлежат, начальник КРО фронта не рискнул — вот она, «контрразведка вне политики»!

Руководство Ставки ухватилось за это письмо, как утопающий за соломинку, и оформило его в качестве директивы для КРО всех армий, ибо в нем «правильно разграничились вопросы политики и контрразведки».

В конце концов, понимая пагубность курса Временного правительства, Л. Г. Корнилов, назначенный 18 июля 1917 года Верховным главнокомандующим, попытался навести порядок в стране — его попытка вошла в историю как Корниловский мятеж. За десять дней до этого выступления генерал-квартирмейстер Ставки генерал И. П. Романовский направил командующим военных округов шифрованную телеграмму, потребовав, чтобы контрразведывательные органы начали «широкую и энергичную работу» против пацифистской, националистической и «всякой иной пропаганды»...

Однако «мятеж» был вскоре разгромлен, а КРО, разумеется, не успели и приступить к выполнению новых задач. Более того, в Ставку из штаба Западного фронта пришел ответ от соответствующих должностных лиц, сообщивших, что директива «противоречит духу и смыслу первого параграфа “Положений о контрразведывательной службе”».

После этих событий петроградская контрразведка фактически прекратила свое существование, а подполковник Б. Н. Никитин предпочел скрыться, чтобы впоследствии завершить свою жизнь в Париже...

«Ясно, что во взаимоотношениях Ставки и органов контрразведки наступил известный кризис. Руководители Генштаба, ответственные за состояние контрразведки, встали перед необходимостью предпринять определенные шаги для того, чтобы выправить положение. 8 сентября помощник начальника Генштаба Н. М. Потапов и заведующий Центральным бюро ГУГШ А. А. Чернявский направили на имя исполнявшего обязанности военного министра Якубовича “Доклад о существе и пределах деятельности контрразведывательных органов”. Они писали, что “в настоящее время возникает небезосновательное опасение... что налаживающаяся работа контрразведывательных органов может понести чрезвычайно серьезный ущерб, уничтожающий все плоды реформы”. Это опасение вызвано теми “недоразумениями”, которые возникли в связи с “исполнением контрразведывательными органами требований прокурорского надзора” — т. е. с участием контрразведки в преследованиях большевиков в июльские и последующие дни, когда прокуратура играла особенно заметную роль.

Считая необходимой борьбу против “преступлений и явно изменнических проявлений на фронте, выступлений и агитации крайних политических партий, отдельных проявлений контрреволюционной деятельности и, наконец, открытых военных бунтов и посягательств на цельность государства и на правительство”, авторы доклада указывали, что, по их мнению, не всякое из указанных проявлений подлежит “обследованию контрразведки”. Доклад содержал категорический вывод, что на контрразведку в делах политического сыска и борьбы с государственными преступлениями рассчитывать невозможно. В случае превращения контрразведки в политическую полицию, предупреждали его авторы, эти органы полностью лишатся об-

щественного доверия, что неизбежно вызовет уход из них специалистов, работающих “по убеждению”»*.

Профессионалов разогнали, «работающие по убеждению» могли уйти сами... Реформированная, «легализованная», официально получившая широкие полномочия контрразведка переживала воистину жуткие времена: агентурная работа в подразделениях была практически парализована, работа по любому агитатору была чревата обвинениями в контрреволюционности, а солдатские комитеты беспардонно стремились контролировать всё и вся — в том числе и деятельность КРО. Нет смысла объяснять, кому было выгодно подобное положение дел... Обстановка вокруг контрразведки усложнялась с каждым днем.

К тому же если весной — летом 1917 года большевики никоим образом контрразведки не касались, вообще не упоминая о ее существовании — может быть и потому, что, по определению, бояться контрразведки должны иностранные шпионы, — то после июльских событий в Петрограде она стала одной из пропагандистских мишеней. «На улице кишат агенты контрразведки, проверяют паспорта и арестовывают кого попало», — докладывал И. В. Сталин участникам VI съезда РСДРП(б).

В этой ситуации генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, генерал-квартирмейстер ГУГШ, руководивший разведкой и контрразведкой, и сам военный разведчик с 1901 года, сделал смелый оперативный шаг. Он установил контакт с руководством Военной организации при ЦК РСДРП(б), так называемой «Военкой», Н. И. Подвойским и М. С. Кедровым (своим другом юности!), то есть с основными политическими противниками режима. Это не были тайные предательские переговоры с целью спасения «собственной шкуры» — о встречах генерал Потапов доложил своему начальству и получил одобрение.

Он доказал большевикам, что Генштаб и его контрразведывательные учреждения не причастны к политическому сыску и арестам большевиков, которыми занимались контрразведки Петроградского военного округа и Ставки, от Генерального штаба независимые. Подвойский «настолько удовлетворился приведенными генералом Потаповым доказательствами, что не только не было разгромлено контрразведывательное отделение, но генерал Потапов уже с первых дней октябрьских событий стал получать от Под-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 27.

войского предложения вступить в управление Военным министерством».

Действительно, 23 ноября 1917 года генерал-лейтенант Н. М. Потапов был назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством, а с декабря — управляющим делами Наркомата по военным и морским делам (Наркомвоена). Когда ГПУ проводило знаменитую операцию «Трест», Потапов исполнял роль руководителя военного отдела легендированного «Монархического объединения Центральной России». В 1936 году ему было присвоено звание комбрига, впоследствии приравненное к генерал-майору; скончался Николай Михайлович в 1946 году, в 75-летнем возрасте.

Судьба генерала Потапова заставляет усомниться в утверждениях, что советская власть не пользовалась услугами сотрудников царских спецслужб...

В октябре 1917-го недолгий, но очень насыщенный и противоречивый период истории русской военной контрразведки был завершен. Подвести его итог хочется словами участника мировой войны, депутата Учредительного собрания, писателя-эмигранта Бориса Соколова: «Существует мнение, далеко не обоснованное, что Россию и “русскую революцию” погубил фронт, погубило то обстоятельство, что произошло разложение воинских фронтовых частей, каковой факт и послужил причиной многочисленных печальных событий. Мне, который провел почти весь 1917 год на фронте, кажется это мнение неправильным и заслуживающим опровержения. В той общей дезинтеграции, которая охватила разнообразнейшие слои России, наиболее здоровым, — так мне казалось и так мне кажется, — был все-таки фронт. И то разложение, то его распадение, которое постепенно и с различной силой в различных его частях охватывало его, было только отголоском событий, происходивших внутри страны»*.

Из сказанного можно сделать вывод, что военная контрразведка все-таки выполняла свою основную задачу: обеспечение безопасности, защиту армии — ведь и спецслужбы противника, и «деструктивные элементы» немало сделали для того, чтобы фронт и вообще Вооруженные силы России развалились полностью, окончательно и бесповоротно.

* Соколов Б. Ф. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 7.

Когда в ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде произошло Октябрьское вооруженное восстание, то режим «демократической России», изначально прогневший, имел немного защитников и контрразведка в их число не входила. А потому обратимся к последующим событиям, непосредственно с этой службой связанным.

Как известно, уничтожение старой армии было программным требованием большевиков: «Первой заповедью всякой победоносной революции», писал В. И. Ленин, ссылаясь на Карла Маркса, является задача «разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой». В общем, всё то же самое: «...мы разрушим». Несколько позже оказалось, что разрушать армию «до основания» было не только невозможно, но даже и нежелательно, и на повестку дня вышла сакраментальная ленинская фраза: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Защищаться без армии нельзя, а военное дело, к удивлению многих штатских, является делом профессионалов — от рядового солдата до военного министра. Но это станет ясно только потом, когда «жареный петух» клюнет и республика попадет в «огненное кольцо» фронтов, а пока новые власти ничтоже сумняшея продолжали свой деструктивный курс...

Работа по разрушению армии официально и параллельно шла как в аппарате военного ведомства, так и на фронтах. Декларированная «демократизация» осуществлялась путем «чистки» армии от «контрреволюционных» генералов и офицеров, передачей всей власти в руки комиссаров, выборных солдатских комитетов и Советов, уничтожением аппарата военного управления и всех «недемократических» учреждений и постепенной, как было заявлено, «демобилизацией войск». Впрочем, увлеченные сказочно-заманчивыми обещаниями декрета «О земле» солдаты-фронтовики и сами поспешали «демобилизываться», бросая позиции, но прихватывая с собой винтовки и гранаты — арсенал будущей Гражданской войны.

Разрушение армии, фактически преданной отрекшимся императором, разваленной стараниями разномастных «левых» сил, спецслужб противника и самим Временным правительством, оказалось делом не таким уж тяжелым... Ведь если русский человек возненавидит свою власть — так смертельно, от души и до конца, порой себе же во вред.

Поэтому даже последний оплот старого порядка в вооруженных силах — Ставка Верховного главнокомандующего — пал очень быстро. Генерал-лейтенант Н. Н. Духонин, назначенный Верховным главнокомандующим 1 ноября, уже 9 ноября был смещен со своего поста за отказ начать переговоры с немцами о перемирии. 20 ноября в Могилёв, где была дислоцирована Ставка, вступил отряд революционных войск, предводимый новым «главковерхом» прапорщиком Н. В. Крыленко. Духонин был арестован и убит. Так началась «реорганизация».

Во все подразделения штаба Верховного главнокомандующего тут же пришли комиссары. К начальникам контрразведывательной части и контрразведывательного отделения Ставки назначен был комиссаром старший унтер-офицер большевик И. Кудрявцев. Он организовал Исполнительный комитет из служащих и солдат КРЧ и КРО и начал проводить «чистку» контрразведывательных органов от «ненадежных» элементов. В принципе, то же самое делалось при Временном правительстве — только теперь подход был с иных, «пролетарских» позиций. Естественно, профессионализм и в данном случае во внимание не принимался.

Тем временем Революционный комитет Ставки осуществлял «демократизацию» и сокращение личного состава всей воюющей армии — разумеется, как заведено в России, без всяких расчетов и обоснований. Так, директивой от 3 декабря предписывалось уменьшить численность органов военной контрразведки на 15 процентов (а почему именно так?), расформировать пункты контрразведки в отводимых в тыл корпусах, закрыть фронтовые школы по подготовке оперативного состава — так называемых «наблюдателей».

Как же тут не вспомнить знаменитое ленинское «Кому выгодно?!»! Понятно, когда новая власть закрывает элитное Николаевское кавалерийское училище, готовившее дворянских юношей для офицерской службы в полках гвардейской кавалерии, — но ведь школы, где проверенных и обстрелянных фронтовиков обучали для контрразведывательной деятельности, были нужны и новому режиму! Вряд ли необходимо это было объяснять большевикам, обладавшим громадным опытом подпольной работы. Но, увы... Кому выгодно?!

На фронтах же, под руководством соответствующих военно-революционных комитетов, шла вакханалия «рефор-

мирования» фронтовых и армейских органов контрразведки. Все происходило стихийно, импульсивно, эмоции нередко перехлестывали грань здравого смысла. Так, на прикрывавшем подступы к Петрограду Северном фронте, где влияние большевиков было наиболее значительным, всё произошло быстро и решительно: 19 ноября на общем собрании наблюдателей тайным голосованием был избран исполнительный комитет, принявший руководство отделением. Выборный орган, осуществляющий коллективное руководство столь «интимным» делом, как контрразведывательная работа — такое и в кошмарном сне не приснится! Но, «*Vae victis!*» — «Горе побежденным!». Исполком отстранил нескольких «контрреволюционных» руководящих сотрудников, арестовал начальника отделения поручика Лодыгина и избрал комиссаром КРО младшего наблюдателя М. Л. Загера.

Впрочем, эти преобразования можно считать «мышинной возней», так как в те же самые дни Военно-революционным комитетом Северного фронта была создана комиссия для расследования деятельности контрразведывательного отделения в дооктябрьский период — а там, соответственно, было что припомнить. На основании выводов этой комиссии председатель ВРК матрос В. Н. Панюшкин ходатайствовал перед Крыленко о ликвидации контрразведывательного отделения Северного фронта как «вредного и ненужного учреждения». Этот вывод делался без учета результатов контрразведывательной работы и на том основании, что при Временном правительстве КРО преследовало большевиков. Крыленко, имевший богатый опыт подпольной работы, несколько раз арестовывавшийся, побывавший в тюрьме (в последний раз — за уклонение от военной службы), в ссылке и в эмиграции, а затем год проведенный на фронте, с этим охотно согласился. 6 декабря генерал-квартирмейстер Ставки распорядился о ликвидации КРО, а также корпусных контрразведывательных подразделений. Все остальные, «местные» контрразведывательные органы, им подчиненные, переходили в ведение штаба недолго просуществовавшего Двинского военного округа. Контрразведка фронта, прикрывавшего немцам путь на Петроград, фактически уничтожалась.

Между тем новая власть не то совершенствовала свои структуры, не то плодила бюрократию, — как раз в эти дни было организовано Управление делами Северного фронта во главе с комиссаром Б. П. Позерном. Заслушав мнение

руководителей КРО, он создал свою комиссию, которая подтвердила необходимость борьбы со шпионажем в полосе фронта — и отделение продолжало работу тем же обновленным после реформирования составом.

В то же самое время, вне зависимости от реорганизации центрального аппарата, шла реорганизация контрразведывательных органов в армиях и корпусах Северного фронта — везде по-своему. Например, в начале декабря по постановлению президиума Исполнительного комитета 12-й армии были арестованы сотрудники армейского КРО, обвиненные в продолжении антибольшевистской деятельности: в документации отделения были обнаружены «досье» на большевиков, записи их переговоров с Петроградом. Но меньшевики и правые эсеры, также входившие в Исполком, обвинили большевиков в том, что они лишают армию «глаз и ушей», а потому через несколько дней часть арестованных была освобождена и вновь приступила к исполнению своих обязанностей, а других сотрудников заменили пробольшевистски настроенными людьми.

В 1-й армии Северного фронта вообще были ликвидированы все контрразведывательные пункты — сохранилось лишь КРО штаба.

Зато контрразведка дислоцированного на территории Финляндии 42-го армейского корпуса «демократизировалась» еще до революции, и потому комиссия Военно-революционного комитета корпуса решила КРО сохранить и использовать в интересах революционной власти, очистив от «нежелательных элементов»...

Аналогичные процессы происходили и на других фронтах, но не столь быстро и радикально.

К середине декабря большевики фактически переподчинили себе военную контрразведку действующей армии, не в лучшую сторону изменив ее кадровый и организационный состав, существенно разрушив налаженную систему. Чаше всего «самостоятельная инициатива на местах» вела к анархической ликвидации контрразведывательных органов и, как следствие, к невозможности борьбы с иностранным шпионажем. В создавшейся ситуации руководство вооруженных сил решило взять управление процессом в свои руки.

Пятнадцатого декабря исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего А. Ф. Мясников подписал приказ № 986, в котором подчеркивалась существенная необходимость военной контрразведки в действующей армии в период боевых действий для борьбы с разведкой против-

ника, но говорилось, что «в период перемирия и ведения мирных переговоров органы контрразведки могут быть значительно сокращены». Центром тяжести контрразведывательной деятельности были определены войска, занимающие боевые позиции. «Главным образом контрразведка должна препятствовать противнику проникать вглубь корпуса в нарушение установленных договором о перемирии условий, а в случае обнаружения таковых нарушений принимать надлежащие меры пресечения возможности разведывать наше расположение». В штабах фронтов, армий и военных округов сохранялись сравнительно небольшие по штату отделения, а КРО штаба Главковерха и ряд контрразведывательных пунктов было предписано сократить, но оговаривалось, что некоторые из них можно сохранить, если сочтут это целесообразным командующие фронтами.

К приказу были приложены штаты, в соответствии с которыми предусматривалось иметь во фронтовых и армейских КРО по 20 человек — из них 10 наблюдателей, в корпусной контрразведке — 15 человек, в том числе 10 наблюдателей. Таким образом, упор был сделан на сохранение оперсостава, тогда как в контрразведывательной части Ставки и в контрразведывательных отделениях штабов округов наблюдателей иметь не полагалось, а штат этих руководящих подразделений должен был состоять из девяти человек. Был узаконен институт комиссаров: «Для того чтобы контрразведка была использована в истинных целях революционной армии, предлагаю корпусным, армейским, фронтовым или соответствующим им военно-революционным комитетам обязательно иметь при контрразведывательных органах своих комиссаров». Отныне все изменения в численном составе контрразведывательных органов были возможны только с разрешения Верховного главнокомандующего.

Была определена и субординация контрразведывательных органов: фронтовая контрразведка руководила армейскими КРО, а те, в свою очередь, корпусными, которым в случае необходимости должны были также помогать своими силами; КРО прифронтовых округов контролировали деятельность местных контрразведывательных пунктов; КРЧ Ставки отводилась роль «высшего технического и контролирующего органа» на театре военных действий. Специальным пунктом приказа оговаривался порядок мобилизации контрразведывательных органов, сдачи ими документов и денежных сумм.

Приказом № 986 была начата реальная реорганизация военной контрразведки в условиях, когда фронт еще держала армия старого режима. Существующие отделения могли функционировать более или менее нормально, воссоздавались поспешно ликвидированные, а утверждение новых штатов существенно облегчало управление аппаратом военной контрразведки, значительно сокращая расходы на его содержание.

Конечно, наивно было бы думать, что большевистское руководство ни с того ни с сего прозрело и решило наладить систему военной контрразведки — так сказать, впрок. Нет, это сложившаяся в стране кризисная обстановка потребовала ответных мер со стороны советского правительства.

Двадцатого декабря 1917 года постановлением Совнаркома при СНК была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил секретарь ЦК РКП(б) и член Президиума ВЦИК Ф. Э. Держинский.

Держинский Феликс Эдмундович (1877—1926). Профессиональный революционер, член ЦК РСДРП(б) с 1907 года. Создатель и первый председатель ВЧК, нарком внутренних дел. С августа 1919 года по июль 1920-го — председатель Особого отдела ВЧК. Одновременно с 1921 года — нарком путей сообщения; с 1923 года — член Совета труда и обороны СССР, председатель коллегии Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ), с 1924 года — председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР.

Из некролога

«В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в ЧК и на строительной работе — всегда, везде, всюду Феликс Держинский был на передовой линии огня».

«На ВЧК первоначально возлагались: пресечение и ликвидация контрреволюции и саботажа, выработка мер борьбы с контрреволюционерами и саботажниками (конфискация имущества, лишение продовольственных карточек и т. д.), предварительное расследование по этим делам и предание виновных суду Военно-Революционного трибунала»*.

* Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 136.

Контрразведывательных функций ВЧК на первых порах не исполняла.

«У председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, как, впрочем, и у других руководящих большевистских деятелей, видимо, не сложилось понимание того, что враждебные проявления могут инспирироваться, финансироваться и даже непосредственно организовываться иностранными агентами, включая и разведслужбы союзников России в мировой войне.

Кроме того, принимая постановление, в СНК исходили из наличия в стране органов военной контрразведки, хотя особого доверия к ним со стороны большевиков и не было... Как бывший руководитель Военно-революционного комитета, установившего через своих комиссаров контроль за всеми контрразведывательными подразделениями, Дзержинский предполагал их скорую реорганизацию или полную ликвидацию вместе со старой армией. Но это должно было произойти после заключения мира и демобилизации старой армии. А пока продолжалась война, газеты пестрели от сообщений о происках германских шпионов, и в Совнаркоме посчитали возможным не трогать систему контрразведки»*.

Действительно, военная контрразведка в меру своих возможностей и применительно к сложившейся обстановке решала свойственные ей задачи.

«Уже в декабре 1917 года контрразведка Московского военного округа разоблачила заговор польских легионеров под командованием Юзефа Довбор-Мусницкого, связанного с кайзеровской армией. Этот генерал-лейтенант Русской армии возглавлял 1-й корпус польских легионеров и готовился нанести удар по войскам Красной армии в районе Смоленска в случае приближения к городу германских частей. Несмотря на арест членов подпольного “исполнительного комитета” мятежников, предотвратить их выступление чекистам** не удалось. Подавление мятежа польских легионеров произошло в январе—феврале 1918 года и потребовало от Красной армии значительных сил»***.

В общем, революция начинала защищаться, а в этом случае приходит то неизбежное осознание, что одних лишь «идеологически преданных» бойцов недостаточно — нужны

* *Зданович А. А.* Рождение чекистской контрразведки // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 1999. С. 164.

** Неточность авторов.

*** *Авдеев В. А., Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 283.

профессионалы и соответствующая организация дела. К удивлению многих, вдруг становится ясно, что, как бы ни старались новые власти изобрести что-либо совершенно новое, так сказать, своеобразное — не получается, и приходится обращаться к отечественному или зарубежному опыту, и возрождать, разумеется под новыми вывесками, прежние структуры...

Как раз в тот самый день, когда Совнаркомом было подписано постановление о создании ВЧК, Ставка дала указание о формировании КРО штаба Северного фронта по новым штатам, что и было сделано к 1 января 1918 года. При этом сотрудники в отделение были не назначены, а избраны. Переформирование прошло и в армиях фронта.

«Между тем на других фронтах все опять же происходило совсем не так гладко. Окончательный развал старой армии и потеря ее боеспособности на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах влекли за собой и ликвидацию контрразведывательных органов. Из доклада начальника КРО штаба Юго-Западного фронта Баумгартена от 17 января становится известно, что из всех органов контрразведки фронта сохранились лишь КРО штаба фронта с одним Бердичевским пунктом, органы 7-й армии и, на стадии расформирования, — 11-й. По причине полного развала фронтового управления контрразведка была совершенно лишена возможности выполнять свои функции, поэтому Баумгартен считал необходимым ликвидировать и оставшиеся органы.

Причины неизбежной ликвидации контрразведки обосновал в докладе генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта начальник КРО 7-й армии: «Ввиду того, что, во-первых, при данных политических и общественных условиях работа контрразведки свелась к нулю; во-вторых, во многих местах фронт армии совершенно открыт, чем противник свободно пользуется для тайной разведки, против которой наша контрразведка бессильна; и, в-третьих, в феврале не будет денежных средств даже на содержание личного состава контрразведки, прошу ходатайствовать о расформировании контрразведывательных органов 7-й армии с 1 февраля». Воистину это был крик отчаяния*.

В общем, совсем не случайно, что уже на первом месяце своего существования ВЧК обратилась к вопросам контрразведывательной работы. По сообщению А. А. Здановича,

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 34.

инициатором создания первого контрразведывательного подразделения ВЧК стал бывший агент разведки и контрразведки К. А. Шеваро-Войцицкий, работавший еще под руководством полковника Н. С. Батюшина. Он получил полную поддержку Ф. Э. Держинского.

«Судя по обнаруженным в Центральном оперативном архиве ФСБ разрозненным документам, мы можем утверждать, что “Контрразведывательное бюро ВЧК” (КРБ) начало функционировать не позднее 13 января 1918 года, поскольку в этот день Шеваро уже докладывал председателю комиссии о некоторых проведенных мероприятиях.

Перечисленные в докладе акции “КРБ” показывают, что Держинский в принципе верно нашел применение чекистской контрразведке в лице бюро. Оно предпринимало попытки выйти на иностранный и, что было важно для ВЧК, белогвардейский, финский шпионаж через обследование деятельности и аресты контрабандистов и противостоящих новой власти лиц из буржуазной среды. Свою активность бюро демонстрировало не только в самом Петрограде и его окрестностях, но и в Финляндии, куда направлялась его агентура.

Негласное обследование отдельных лиц и различных организаций, обыски, аресты — вот средства, которыми пользовалось бюро. Как видим, это значительно шире того диапазона, в котором действовали органы военной контрразведки. Более того, бюро имело право требовать от контрразведчиков армии и флота выполнения своих заданий... При малочисленности ВЧК в начале января 1918 года бюро располагало штатом не менее чем 35 человек»*.

За два месяца своей работы КРБ достигло определенных положительных результатов, и Шеваро сумел даже восстановить связь со своим бывшим начальником — руководителем контрразведки Северного фронта полковником И. Н. Чернышевым... Но времена были смутные, так что опытного контрразведчика подвело «классовое происхождение». Для проведения одной операции в Петрограде Шеваро был выделен отряд матросов, ну и «братишки» своим «революционным чутьем» сразу распознали в нем «контру» и «шлепнули», как объясняли, «при попытке к бегству». С гибелью руководителя завершилась история Контрразведывательного бюро — первого подразделения ВЧК, выполнявшего функции военной контрразведки...

* Зданович А. А. Указ. соч. С. 165—166.

Между тем на смену старым «вывескам» повсеместно приходили новые, и со 2 января контрразведка была переименована в службу Военного контроля (ВК). Инициаторами этого выступили сами контрразведчики Генштаба: сокращение «К. Р.» на деловых бумагах многие не шибко грамотные товарищи воспринимали как зловещее слово «контрреволюция», со всеми вытекающими последствиями. Наркомвоен — Наркомат по военным делам РСФСР, орган коллективного руководства, переименование санкционировал, так что Центральное КРО и Центральное бюро ГУГШ переименовались в «отделение ВК ГУГШ» и «ЦБ ВК ГУГШ», а контрразведывательные отделения штабов военных округов, армий и фронтов — в «отделения ВК». В директиве Наркомвоена указывалось, что переименование «создаст более благоприятную обстановку для деятельности органов борьбы с иностранным шпионажем в новых условиях» — но тут, 20 января, Крыленко издал приказ о ликвидации Ставки. Бывшему начальнику контрразведывательной части Терехову пришлось сдавать дела и имущество начальнику Могилёвского отделения ВК. Вслед за тем началось расформирование контрразведки по всей армии — полная ликвидация контрразведывательных отделений и пунктов.

Уничтожение контрразведки, впрочем, как и вооруженных сил, под какими бы реформаторскими лозунгами это ни делалось, является глупостью или преступлением. Если же обратиться к конкретной обстановке 1918 года, то вновь и вновь встает всё тот же сакраментальный вопрос: «Кому выгодно?»

Как раз в это самое время в Брест-Литовске проходили переговоры о мире между советской делегацией и делегациями, как это официально называлось, стран австро-германского блока. Но «28 января (10 февраля) на заседании “политической комиссии” Троцкий заявил, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Это было на руку германским империалистам. Германия прервала мирные переговоры и развернула подготовку к наступлению на русско-германском фронте. 16 февраля Гофман* уведомил советскую делегацию, что

* *Макс Гофман* (1869—1927) — германский генерал-майор, военный разведчик, начальник штаба Восточного фронта в Первую мировую войну. Участник переговоров в Брест-Литовске, сторонник сближения Германии и России.

18 февраля в 12 часов дня кончается перемирие и начинается состояние войны»*.

Действительно, днем 18 февраля германские войска начали наступление.

В Петрограде срочно собирается Центральный комитет партии большевиков, В. И. Ленин настаивает на немедленном подписании мира, после длительных дебатов его предложение поддерживается семью голосами против пяти при одном воздержавшемся, и утром 19 февраля германскому правительству направляется радиogramма с согласием подписать мир на любых условиях...

И в этот же самый день на Северном фронте, прикрывающем дорогу на Петроград, выходит приказ № 100, предусматривающий порядок демобилизации органов контрразведки! Более нелепую ситуацию придумать трудно...

События на фронте не могли не отразиться на ситуации в стране. Вот как трактовала происходящее официальная история: «Наступление германских войск вызвало оживление в лагере контрреволюции. Буржуазия и ее прихвостни, забыв свои недавние проклятия по адресу кайзера, стали благословлять его как избавителя от большевиков... Контрреволюционные адмиралы и офицеры Балтийского флота готовились сдать флот немцам, чтобы облегчить им захват Петрограда. Участились белогвардейские и кулацкие мятежи, заговоры, усилился саботаж чиновников. Внутренняя контрреволюция поднимала голову»**.

Двадцать первого февраля Совнарком принял написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!», заключительным пунктом которого значилось: «8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Первого марта, когда в Брест-Литовске снова открылись переговоры, немецкие войска заняли Киев... А 3 марта исполняющий обязанности начальника штаба Северного фронта, некий Вишнеvский, истерически распорядился: «Полную демобилизацию органов службы ВК подлежит произвести немедленно!» В результате тут же разогнали и отделение ВК штаба Северного фронта, и отделение ВК штаба 42-го армейского корпуса... Разогнать отделение ВК штаба 5-й армии, дислоцированной в Двинске, не успе-

* История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 111.

** Там же. С. 112.

ли — большая часть военных контрразведчиков вместе со всеми своими документами оказалась в германском плену.

Очевидно, кто-то из новых властей очень старался помочь продвижению германских сил на Петроград: приказ о ликвидации органов ВК Минского военного округа последовал только 5 марта; расформирование органов военной контрразведки Юго-Западного фронта вообще завершилось 16 мая, после того как штаб этого фронта оказался аж в Симбирске.

* * *

Сложившаяся еще в XIX веке структура российских вооруженных сил была такова, что действующая армия и тыловые учреждения существовали достаточно автономно друг от друга, имея самостоятельное руководство, собственные законы и установления. Вот почему демонтаж контрразведки центра и тыловых военных можно назвать самостоятельным процессом.

Г. Г. Гиссер, руководивший в Генеральном штабе разведкой и контрразведкой, и его помощник по контрразведке М. Ф. Раевский сразу же согласились сотрудничать с советской властью и остались на своих местах. Контроль за деятельностью КРО и ЦБ Генштаба был поручен комиссару М. В. Михайлову, который, опираясь на Исполнительный комитет, составленный, как и везде, из рядовых служащих, поспешил провести «чистку» личного состава. Уже в декабре контрразведчики Генштаба получили возможность продолжать свою деятельность — в частности, вести «внутреннее и наружное наблюдение» за датским, шведским, румынским, китайским и японским посольствами. Особый интерес контрразведки вызвали прибывшие в Петроград для рассмотрения вопросов, связанных с мирными переговорами, члены австрийской, германской и турецкой делегаций. О результатах наблюдения по выявлению их связей с «неофициальными лицами» ежедневно докладывалось руководству Наркомата по военным и морским делам.

«Деятельность отделения страдала явной односторонностью, что не прошло мимо внимания Михайлова. На рапортичке о работе КРО с 15 по 20 января он написал: “Почему не вижу справок, касающихся французского, итальянского, английского посольств?” Сотрудники КРО ГУГШ не вели работу по названным посольствам, продолжая считать страны Антанты союзниками России. Мало того, они старались

оказывать представителям их спецслужб особые знаки внимания. Так, в январе 1918 года Гиссер сообщил начальнику американской военной миссии и военному атташе Великобритании о планах создания новой армии. В конце января, по случаю прибытия в Петроград военных миссий Англии, Франции, Италии, Америки, Японии и Сербии, он распорядился прикомандировать к ним офицеров и ответственных чиновников Генштаба с тем, чтобы содействовать представителям миссий в общении с «комиссарами существующих властей». Гиссеру было хорошо известно настороженное отношение к представителям бывших союзнических держав советских военных работников, которые часто препятствовали действиям сотрудников военных миссий, но военспец на свой страх и риск старался предоставить им максимум необходимой информации. Когда же в марте 1918 года Г. Г. Гиссер был командирован в Швецию для восстановления связей с военными агентами в Скандинавских странах, то он там и остался, став участником эмигрантской антисоветской организации»*.

Впрочем, после того как 18 февраля 1918 года немцы начали наступление, эти «союзники» основательно себя скомпрометировали. «Посольства США, Японии и других стран сделали попытку вызвать панику в Петрограде. Они объявили, что, по их сведениям, передовые части германской армии вот-вот должны войти в город, а поэтому 23 февраля в 2 часа дня посольства экстренным поездом отбывают в Вологду». Прогноз не оправдался, зато «с момента переезда из Петрограда в Вологду дипломатические миссии стран Антанты особенно рьяно взялись за подготовку заговоров против Советской власти. В Вологду со всех концов страны тайно прибывали за указаниями белогвардейские офицеры, генералы, лидеры кадетов, меньшевиков, эсеров. Американские, английские и французские дипломаты... снабжали их деньгами и оружием...»**.

Более или менее нормальная работа контрразведывательных учреждений Главного управления Генштаба продолжалась до 1 марта 1918 года, пока не последовало распоряжение Наркомвоена об увольнении из КРО всех военнослужащих — в связи с демобилизацией армии. В этой связи было решено объединить КРО и КРЧ, наполовину сократив общее количество служащих...

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 36.

** История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 210.

Контрразведывательные органы штабов внутренних военных округов новая власть постаралась взять под контроль в первые же дни.

«В Петрограде был арестован начальник КРО подполковник А. А. Сурнин, что дезорганизовало работу отделения и позволило ВРК быстро взять его под контроль. 1 ноября в контрразведку штаба округа были направлены большевики комиссар прапорщик Н. Н. Асмус и его помощник рабочий А. А. Самойлов. В короткий срок они “очистили” личный состав отделения от “нелояльных элементов” и организовали, как писал Асмус в донесении, “нормальную и непрерывную работу контрразведки”. Отделение повело борьбу против германских, английских, американских и французских шпионов, против контрреволюционных заговорщиков в армии, корниловцев и калединцев. Согласно отчетам, в конце 1917 года было заведено несколько десятков дел по шпионажу. Отделение занималось фильтрацией германских и австро-венгерских военнопленных, хлынувших к границе со всех концов страны. Велась интенсивная разработка лиц, занимавшихся скупкой и продажей в Финляндию оружия, русской валюты, драгоценностей — документации по такого рода делам было 43 тома. На полную мощь работало агентурное отделение. Не прекращало своей деятельности цензурное делопроизводство, то есть почтово-телеграфный контроль. Когда же в конце 1917 года в столице резко возросло количество уголовных преступлений, то, по предложению Н. Н. Асмуса, в отделении контрразведки был организован “уголовно-разыскной стол” (отдел)»*.

На это стоит обратить особое внимание: военная контрразведка впервые взяла на себя «чекистские» функции. Между тем Чрезвычайная комиссия уже вполне успешно занималась решением контрразведывательных задач. «Жизнь вскоре внесла свои коррективы в деятельность ВЧК: внутренняя и внешняя угрозы оказались тесно связанными между собой. Белое движение опиралось на помощь и поддержку держав Антанты. На территории России, охваченной Гражданской войной, активно действовали разведслужбы иностранных государств. Поэтому вскоре

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 36—37.

ВЧК были приданы контрразведывательные и разведывательные функции»*.

«Чекистские» функции выполняло и КРО штаба Московского округа. Уже 27 ноября из контрразведки были уволены все служащие, имевшие отношение к жандармерии и полиции. Предписывалось также сократить число работников КРО, «но так, чтобы не пострадала оперативная работа». Если учесть, что штаты отделения и без того были невелики, то это требование относится к жанру «благих пожеланий». У комиссаров округа созрело «решение “приспособить” КРО для борьбы с контрреволюцией, для чего была выделена специальная группа работников, занимавшаяся только “политическими” делами», о чем и было доложено наркому по военным делам Н. И. Подвойскому.

Нечто подобное происходило в Омском, Туркестанском, Казанском и других округах. Но так как контрразведка всегда была делом таинственным и в чем-то опасным, все делалось не так грубо и беспардонно, как во многих иных сферах.

Стало традицией начинать все реформы с сокращений, хотя это совсем не значит, что таковые реально произойдут в окончательном итоге. Поэтому и в данном случае повсеместно производилось сокращение личного состава отделений военной контрразведки: так, в распоряжении от 11 декабря предлагалось довести штаты всех КРО до уровня 23 апреля 1917 года, а 18 декабря последовал приказ, которым предписывалось сократить наблюдателей КРО более чем наполовину по сравнению с теперь уже апрельскими штатами.

Комиссия, образованная руководством Главного управления Генерального штаба 18 января 1918 года, подчеркнув в своем докладе «необходимость и в условиях мирного времени иметь в военных округах службу для борьбы с иностранными разведками», предложила воссоздать отделения по борьбе с иностранным шпионажем во всех военных округах. Комиссия разработала и предложила три варианта штатного расписания КРО. Однако все это уже было напрасно: 1 марта 1918 года местные военно-контрольные органы были сокращены на 75 процентов, а в начале апреля ГУГШ приказало повсеместно расформировать отделения ВК. К середине апреля из всей системы военной контрраз-

* *Авдеев В. А., Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 283.

ведки в центре и на фронтах осталось одно отделение Военного контроля Генштаба в значительно сокращенном составе.

Но вот что интересно: примерно тогда же руководство ВЧК, реально перегруженной работой по самым различным направлениям («...перед нами стоит перспектива колоссального увеличения работы как в количественном отношении, так и в смысле интенсивности ее», — писал Дзержинский в апреле 1918 года)*, предложило «признать необходимым, чтобы борьба со шпионажем и контрразведка находились под наблюдением ВЧК».

Обсудив соответствующий проект члена Коллегии ВЧК И. Н. Полукарова, 22-летнего начальника отдела по борьбе с контрреволюцией, Президиум Всероссийской чрезвычайной комиссии предложил нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкому, чтобы все существующие контрразведывательные органы были переданы в ведение ВЧК и сведены в единое подразделение под самостоятельным руководством.

Предложение, как говорится, «не нашло понимания». Лев Давидович воспринимал русскую революцию в качестве преддверия мировой революции; как писал поэт: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем», и на этом «мировом пожаре» он впоследствии разошелся со Сталиным и другими сторонниками «построения социализма в одной стране». Однако Троцкий имел немало единомышленников как в большевистском руководстве, так и в армейских рядах и как нарком пользовался популярностью в военной верхушке. Позднее это найдет отражение в так называемом деле о «военно-фашистском заговоре» и в материалах прочих процессов.

Очевидно, «Демон революции» понял, что чекистская контрразведка в рядах подчиненной ему армии будет выполнять также и надзорную функцию. В отличие от военной контрразведки Временного правительства, всячески отмежевывавшейся от политики, чекисты четко стояли на «классовых позициях», и для них одинаковым врагом являлись «все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний, громилы, хулиганы, саботажники и прочие паразиты», которые, как писалось в объявлении ВЧК от 22 февраля 1918

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 112.

года, «будут беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте преступления»*.

«Политический контроль» над РККА наркому Троцкому был не нужен.

Понятно и то, что «военспецы, в том числе и контрразведчики, не только не хотели передать всю борьбу со шпионажем в ведение ВЧК, но даже не желали контактировать в работе»**. Уж слишком разные взгляды на принципы организации контрразведывательной службы были у тех и у других.

Можно сказать, что вопрос о создании единой контрразведки просто-напросто завис...

Глава третья

БОРЬБА ЗА «КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ»

Девятого марта 1918 года в мурманском порту с крейсера «Глория» высадился десант английской морской пехоты — 170 человек при двух орудиях; следующий десантный отряд сошел на берег с английского крейсера «Кокрейн» 14 марта, а 18-го со своего крейсера «Адмирал Об» высадились французы... Так началась военная интервенция стран Антанты на Русском Севере. Чуть позже, 5 апреля, во Владивостоке начали высадку японцы и всё те же англичане; в то же самое время, нарушая условия Брестского мира, на территорию РСФСР вторглись германские интервенты, которые уже 17 апреля вели бои на подступах к Донбассу... Через месяц начался мятеж Чехословацкого корпуса, эшелоны которого растянулись по Сибирской железнодорожной магистрали на семь тысяч верст — от станции Ртищево, что близ Пензы, до самого Владивостока.

«Почти одновременно с иностранной интервенцией в России возникло Белое движение, тесно связанное с державами Антанты, которые предоставили бывшим царским генералам вооружение и амуницию. Помимо англичан, в Мурманске и Архангельске высадились американцы, английская армия оккупировала Закавказье. Французы заняли Одессу и Крым. Япония захватила Дальний Восток. Белогвардейцы бурно приветствовали их приход и развязали кровавую Гражданскую войну только после начала ино-

* Там же. С. 96.

** *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 180.

странной интервенции, поскольку именно интервенты дали им оружие для братоубийственной войны. Так в России воцарились голод и анархия»*.

«Весной 1918 года, после высадки англо-французских войск в районе Мурманска, мы... поняли, что соглашение между большевиками и союзниками невозможно. Кампания на Севере не могла рассматриваться в качестве независимого эпизода, а только как часть хорошо подготовленного плана союзников, имеющего целью окончательный разгром Центральных держав.

Ленин и Троцкий были убеждены, что экспедиции англичан в Архангельск и японцев во Владивосток на самом деле были направлены против них с целью отстранения от власти», — вспоминал британский разведчик Джордж Хилл**, пребывавший в то смутное время в России по заданию своей службы.

Но интересно, с каких это пор Россия перешла в разряд «Центральных держав» наряду с Германией и Австро-Венгрией? Да и другое утверждение звучит, скажем так, неуклюже. Конечно, Ленин и Троцкий понимали, что эти «экспедиции» недавних союзников направлены не лично против них, но против режима, установленного победившей партией большевиков, и в особенности против ее внешней политики. Ну да ладно, тут более важно другое: ведущие мировые державы приступили к претворению своего давно уже разработанного плана раздела России. А значит, революция — точнее, республика — должна была защищаться и доказать, что она «чего-нибудь стоит»... Большевики, надо отдать им должное, оказались гораздо прагматичнее Временного правительства, почему и удержали власть.

Еще 4 марта 1918 года, на следующий день после того, как в Брест-Литовске был подписан мирный договор между советской Россией и странами Австро-германского блока, Совнарком принял декрет о создании Высшего военного совета (ВВС) — как высшего оперативного органа военного управления вооруженными силами республики, то есть Главного командования Красной армии. ВВС решал двудединую задачу: формирования новой кадровой армии и организации обороны государства.

Высший военный совет «первоначально состоял из военного руководителя (эту должность с 4 марта по 26 августа

* *Авдеев В. А., Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 283.

** *Хилл Дж.* Моя шпионская жизнь. С. 220.

1918 года исполнял «бывший генерал-майор» М. Д. Бонч-Бруевич) и двух политических комиссаров.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870—1956). В 1891 году окончил Московский измерительный Константиновский межевой институт, в 1892-м — военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища, в 1898-м — Николаевскую академию Генерального штаба, служил при штабах различных военных округов. С марта 1914 года — командир пехотного полка; с августа — генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, с 17 сентября — генерал-квартирмейстер штаба фронта. С 20 августа 1915 года — исполняющий должность начальника штаба Северного фронта. С 25 февраля 1916 года в распоряжении главнокомандующего Северным фронтом, одновременно — начальник гарнизона Пскова. 23 июня — 22 июля 1919 года — начальник Полевого штаба РВСР, затем на научной и педагогической работе. Генерал-лейтенант. Доктор военных и технических наук.

Свидетельство современника:

«В должности генерал-квартирмейстера штаба фронта должно быть лицо опытное, прошедшее хороший штабной и строевой стаж и зарекомендовавшее себя в войсках хорошей работой в отношении вождения войск. Генерал Бонч-Бруевич совершенно не удовлетворял такому требованию по своей малой опытности: его строевой и штабной стаж был более чем скромнен... Возможно ли было такого неподготовленного генерал-квартирмейстера считать опытным в вождении целой группы армий? И возможно ли было поручать ему исполнение такой важной должности... в военное время, когда решается судьба народа и государства?»

Генерал-лейтенант Яков Михайлович Ларионов

Управление ВВС формировалось из личного состава бывшей Ставки Верховного главнокомандующего на добровольных началах. По штату, утвержденному 17 марта, в управление ВВС входили: военный руководитель, его помощник, генерал-квартирмейстер с несколькими помощниками по оперативной части и разведке, начальники связи, военных сообщений, полевой инспектор артиллерии и др. Постановлением СНК от 19 марта 1918 года введены должности председателя ВВС, которым стал нарком по военным делам (с 14 марта — Л. Д. Троцкий), членов совета и двух их заместителей; должности политических комиссаров упразднены. Директивой СНК от 1 апреля 1918 года на ВВС возлагались разработка для военного и мор-

ского ведомств основных заданий по обороне государства и организации вооруженных сил страны, объединению деятельности армии и флота, наблюдение за выполнением ведомствами возложенных на них задач»*.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, брат управделами Совнаркома в 1917—1920 годах В. Д. Бонч-Бруевича, был опытным военным контрразведчиком и в Первую мировую войну занимал должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, а потом — армий Северо-Западного фронта. Он был среди тех, кто раскручивал громкий шпионский скандал вокруг жандармского полковника Мясоедова (так как вопрос этот в первую очередь политический и до сих пор не проясненный, мы не стали затрагивать эту тему в предыдущей главе).

Стоит обратить внимание на то, что Троцкий, возглавив ВВС, поспешил избавиться от контролирующих комиссаров — так же, как вскоре он решительно выступит и против чекистской контрразведки в рядах вооруженных сил. Надзора за своей «военной деятельностью» Лев Давидович категорически не желал.

Главной задачей Высшего военного совета была организация обороны демаркационной линии, установленной в соответствии с Брестским договором, и организация прикрытия против германских войск главных операционных направлений, ведущих к центру страны. Для этого создавалась так называемая «завеса» — система оперативных объединений, состоящих из отдельных, самых разных по организации отрядов: красноармейских, красногвардейских, партизанских и повстанческих, действовавших в полосе ее участков. К апрелю 1918 года уже функционировали Северный и Западный участки отрядов завесы, а также Петроградский и Московский тыловые районы; летом был образован Южный участок. Каждым участком, по примеру организации ВВС, руководили военрук из бывших генералов и два политкомиссара. Эти военные советы активно формировали красноармейские подразделения из местных жителей, размещая их на своих участках.

Так постепенно создавалась Красная армия, которая вскоре по праву будет именоваться «несокрушимая и легендарная». Но это было лишь одно из направлений ее создания. Другим стало введение всеобщей воинской обязанности трудящихся: 29 мая 1918 года ВЦИК принял

* Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 137.

постановление «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию». Еще в январе того же года в соответствии с декретами Совнаркома в армию и на флот «принимались только трудящиеся, которые добровольно изъявляли желание служить... При вступлении в Красную армию требовалось представить рекомендацию партийных, советских или других общественных организаций, стоящих на платформе Советской власти. Допускалось коллективное вступление в Красную армию войсковых частей старой армии и флота, но при этом требовались круговая порука и поименное голосование»*. Теперь же «армейский демократизм» однозначно закончился. Кстати, требование «демократизации армейской жизни» в нашей стране вновь вернулось уже в конце XX столетия, когда определенные силы активно занялись разложением теперь уже Советской армии, как одного из главнейших устоев государства...

В результате «принудительного набора» на смену, или в дополнение, бесстрашной и несгибаемой когорте идейных бойцов стали приходить люди, многие из которых, несмотря на свое «трудящееся происхождение», не очень хотели воевать. Далеко не все из них одобряли политику советской власти, которая с каждым днем становилась все жестче. Нет смысла объяснять, что этот «человеческий материал» представлял особый интерес для представителей противостоявших большевикам сил, а значит, в чем не было никакого сомнения, новой армии была необходима своя военная контрразведка — причем стоящая на «классовых позициях» и не чурающаяся никаких политических дел.

После всех «реорганизаций», сокращений и «чисток» от старой системы к тому времени сохранялась лишь служба Военного контроля Генштаба, которая, после того как 8 мая 1918 года был создан Всероссийский Главный штаб (Всероглавштаб, ВГШ), ведавший формированием, устройством и обучением Красной армии, вошла на правах отделения в Военно-статистический отдел его Оперативного управления под аморфным названием «Регистрационная служба». Служба эта состояла из двадцати контрразведчиков, в ней были общее (организационное) и особое отделения и регистрационное бюро. В Военно-статистический отдел входили также отделения разведки и «военно-агентское» отделение — для руководства деятельностью военных агентов (военных атташе) за границей.

* История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 126.

К началу лета контрразведчики Всероглавштаба разработали проекты «Общего положения о контрразведывательной службе» и штатов «отделений Регистрационной службы», но утверждены эти документы не были. Хотя «германский шпионаж» навяз у всех в зубах еще до начала Первой мировой войны, однако даже в штабах, созданных при отрядах завесы, не предусматривались какие-либо учреждения для борьбы с агентурой «традиционного» противника. Познакомившись с обстановкой на местах, военные руководители участков завесы (являвшиеся так называемыми военспецами, то есть военными специалистами, профессионалами) сразу же осознали крайнюю необходимость организации контрразведывательной службы, о чем и докладывали руководству.

Разумеется, военный руководитель Высшего военного совета и сам все это понимал. Когда 18 апреля в Москву прибыло германское посольство, в составе которого был и военный агент, Бонч-Бруевич обратился к наркому Троцкому с предупреждением, что это обязательно приведет к началу «строго обдуманного, систематического шпионажа», и предложил учредить «центральный отдел по контрразведке» и контрразведывательные отделения в составе штаба каждого отряда, участка и района завесы. Но не то Лев Давидович был противником всякой контрразведки, изначально подозревая в ней «контролирующие органы», не то, как человек сугубо гражданский, да еще и мыслящий в масштабах «мировой революции», не понимал необходимость ограждения войск от разведывательных интересов противника, однако обращение военрука ВВС он проигнорировал...

А ведь ситуация сложилась удивительная: несмотря на то, что еще 3 марта был подписан мирный договор и что в апреле в Москве начало работать германское посольство, боевые действия с немцами на южном направлении продолжались! «К лету 1918 года кайзеровские войска захватили территорию свыше 1 миллиона квадратных километров в европейской части России с населением свыше 50 миллионов человек, где добывалось 90 процентов каменного угля и 73 процента железной руды и находилось 54 процента предприятий и 33 процента железнодорожной сети страны»*. В этих условиях германское посольство просто не могло не быть «гнездом шпионажа» — иначе зачем оно вообще было нужно?

* Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 148.

Понимая это, Михаил Дмитриевич не стал дожидаться ответа от наркома и 10 мая обратился с аналогичной докладной запиской к предсовнаркома. Ленин, в отличие от Троцкого исходивший прежде всего из государственных, а не личных или ведомственных интересов, в тот же день дал положительный ответ, который был положен в основу телефонограммы Высшего военного совета № 1492/р. В соответствии с ней военным руководителям участков и отрядов завесы предписывалось срочно организовать «отделения по борьбе со шпионством».

Для руководства этими отделениями и для контрразведывательного обеспечения штаба ВВС при Оперативном управлении было сформировано соответствующее подразделение из двадцати четырех человек, которое возглавил бывший начальник контрразведки 10-й армии Н. Н. Брандт. Таким образом, в составе Красной армии появилась вторая контрразведывательная структура.

Вскоре возникла и третья. «30 мая при Оперативном отделе (Опероде) Наркомата по военным делам было создано отделение Военного контроля — для борьбы со шпионажем в масштабах уже всей армии. Название это его работники взяли вместе с печатью расформированного отделения ВК при штабе Московского военного округа. Организация отделения была поручена 27-летнему большевику Максиму Густавовичу Тракману, который, подбирая кадры, делал упор на партийных работников и лично ему известных коммунистов.

Тракман Максим Густавович (1890—1937). Окончил медицинский факультет Московского университета. В 1917 году мобилизован в царскую армию, член Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов 12-й армии Северного фронта. В конце мая 1918 года — заведующий Оперативным отделом (Оперод) Наркомата по военным делам РСФСР. С октября 1918-го по январь 1919 года — военный комиссар 6-й стрелковой дивизии 7-й армии и член Совета комиссаров Эстляндской трудовой коммуны, в ноябре 1918 года — начальник 1-го отдела (отдел военного контроля) Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. После Гражданской войны — секретарь Сибкрайкома ВКП(б); с 1928 года — заведующий Сибирским краевым отделом здравоохранения. Арестован и расстрелян в 1937 году.

Свидетельство современника:

«Вслед за уничтожением Зиновьева, Каменева, Бухарина,

Рыкова и других очередь дошла и до сообщников. Нашли очаг правобухаринского заговора и в среде партийного и советского начальства в Новосибирске. Заведующий край-здравом Тракман... вдруг был арестован. Одновременно арестовали председателя крайисполкома Грядинского и некоторых других видных местных советских работников. Нам сказали, что они предатели».

*Александр Леонидович Мясников,
академик Академии медицинских наук СССР*

В отделении ВК были установлены строгая дисциплина и конспирация — оно даже и располагалось в отдельном от Оперода здании. В приказе от 14 июня Тракман указывал, что «все поручения, исполняемые отделением Военного контроля, даже самые незначительные, составляют государственную тайну, почему и должны сохраняться в строжайшем секрете. С первых дней отделение приступило к составлению сводок о внутреннем и внешнем положении республики — эту работу выполняло газетное бюро, в основном обрабатывавшее те газеты, которые издавались на территории бывшей империи. Агентурную работу осуществляла “активная часть”, возглавляемая И. А. Планицом — в центре ее внимания находились иностранные посольства и представительства»*.

Взяв за образец строжайшую секретность «разведочно-отделения», отделение Военного контроля Оперода при этом встало на «классовые», «партийные» позиции, которых прежняя контрразведка не имела. Большевики умели извлекать уроки из ошибок предшественников.

Итак, летом 1918 года в вооруженных силах работали одновременно и независимо друг от друга Регистрационная служба Всероглаштаба, отделения по борьбе со шпионажем Высшего военного совета и отделение Военного контроля Оперода Наркомвоена.

«Когда в стране действует с полдюжины секретных служб... нельзя избежать дублирования в работе, недоразумений, интриг и даже комических осложнений», — рассуждал вышеупомянутый Джордж Хилл**, имея в виду те спецслужбы, которые работают «по стране», то есть осуществляют разведывательную деятельность на ее территории. А если секретные службы работают на территории своей страны — и все в одном направлении? При этом ру-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 39.

** Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. С. 218.

ководство каждой из них по-своему определяло и понимало собственные задачи, самостоятельно их решая.

Чтобы разграничить сферу деятельности трех военно-контрразведывательных органов и исключить параллелизм в работе, руководство Наркомата по военным делам провело с 1 по 6 июля межведомственное совещание. Его участники единогласно приняли «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе» и попытались «нарезать» каждой из спецслужб соответствующий участок деятельности.

Так, согласно Положению, «активную работу» проводили особое отделение Регистрационной службы ВГШ и создаваемые соответствующие отделения штабов военных округов, «отделения по борьбе со шпионством» при ВВС и штабах участков завесы, а также — отделение ВК Оперода Наркомвоена, то есть опять-таки все вышеуказанные органы. Было определено, что особое отделение Регистрационной службы, «не имея ограниченной территории для своей деятельности, ведет контрразведку за границей, ведет противодействием иностранному шпионажу в российских центральных учреждениях ведомств военного и иностранных дел и наблюдением и обследованием шпионской деятельности иностранных посольств, миссий и других официальных представителей иностранных государств при центральных учреждениях в России, а также разработкой по особым поручениям». Отделение ВК Оперода Наркомвоена занималось «активным противодействием разведке тех вооруженных сил, которые в данный момент угрожают Российской Советской Республике», и «ведало охраной от посягательств шпионов всех центральных советских учреждений, за исключением ведомств военного, морского и иностранных дел, и выполняет особые поручения по непосредственным заданиям Народного комиссариата по военным делам».

В общем, можно понять, что хотя «раздел контрразведывательной территории» и был произведен, но достаточно условно.

Зато четко обозначились два направления в развитии военной контрразведки, что в тех условиях было неизбежным. Военспецы ВГШ, ВВС и Морского Генерального штаба традиционно стремились к созданию «внеклассовой» и «внеполитичной» службы, тогда как работавшие в Опероде и в отделении ВК большевики и «сочувствующие» видели в военной контрразведке орган, «противостоящий

разведкам внутренних и внешних врагов пролетарского государства». (Кстати, интересный момент: признание того, что и «внутренние враги» могут иметь свою разведку!) Второе направление представляется более рациональным: вариант «внеполитичной» контрразведки был в полном смысле слова «отработан» при Временном правительстве, когда, сохранив «белизну одежд», контрразведчики не смогли защитить государство. Впрочем, тут было виновато и само государство...

Обеспечением безопасности Красной армии и борьбой с проникновением в ее ряды «шпионов, неприятельских агентов, контрреволюционных агитаторов» и т. д. занималась также и Всероссийская чрезвычайная комиссия — орган Совета народных комиссаров. В предлагаемую схему она никак не вписывалась, хотя реально и выполняла большую часть контрразведывательной работы.

Известно, что после Октябрьской революции немалая часть офицеров, верных присяге и собственным убеждениям, активно включилась в борьбу с советской властью. Сотрудники ВЧК раскрыли и ликвидировали в Петрограде, Москве и ряде других городов такие контрреволюционные организации, как «Военная лига», «Организация борьбы с большевиками и отправки войск Каледину», «Союз реальной помощи», «Объединенная офицерская организация», «Всё для Родины», «Белый крест», «Черная точка», «Сокольническая военная организация», «Орден романовцев», «Союз георгиевских кавалеров» и другие, а также вербовочные организации, созданные для переправки офицеров в Белую армию. Подавляющее большинство участников этих организаций находились вне армии, так что, строго говоря, под юрисдикцию военной контрразведки не подходили, однако «подходы» к армии заговорщики не делать не могли. К тому же подавляющее большинство этих организаций было связано с «закордоном», чаще всего с Германией, войска которой пребывали на российской территории.

К примеру, в конце февраля 1918 года, когда германские войска наступали на Петроград, ВЧК разоблачила «монархический заговор Михеля». «Участник этого заговора капитан Наумов по подложным документам прибыл в Царское Село и, войдя в доверие Царскосельского совета, приступил к формированию под видом красногвардейской сотни контрреволюционного отряда. В сотню под видом рабочих и революционных солдат из Петрограда направлялись отъявленные белогвардейцы. Предполагалось, что после от-

правки отряда Наумова на фронт он ударит в тыл красногвардейским частям. В то же время другая часть организации должна была поднять восстание в самом Петрограде»*.

А вскоре «бывших офицеров» начали призывать в ряды РККА, в результате чего за годы Гражданской войны в Красной армии оказалось свыше 48 тысяч военспецов. Как свидетельствует С. Ю. Рыбас, «в 1918 году в Красной армии 76 процентов командиров были царскими офицерами, а “революционных командиров” из рабочих, солдат, бывших унтер-офицеров было всего 12,9 процента»**. Многие «бывшие» служили революции верой и правдой, однако в рядах рабоче-крестьянской армии оказалось и немало «контрреволюционно настроенного» офицерства. Новая власть это прекрасно понимала.

«Опираясь на институт военных комиссаров, Советская власть успешно использовала старых военных специалистов для строительства Красной армии. В. И. Ленин, обосновывая привлечение военных специалистов в ряды Красной армии, говорил: “Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы”»***.

Звучит убедительно, красиво и даже с некоей благородной снисходительностью. Правда, конкретные документы эпохи производят совершенно иное впечатление. Тот же Владимир Ильич утверждал в письме «Все на борьбу с Деникиным!», написанном им от имени ЦК РКП(б):

«Нам изменяют и будут изменять сотни и тысячи военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке»****.

Это самое «будем их вылавливать и расстреливать» звучит шокирующе, другого слова просто не подобрать! Логика классовой борьбы и гражданской войны вполне по-

* Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1922). М., 1960. С. 35.

** Рыбас С. Ю. Сталин. С. 134.

*** История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 126.

**** Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1977. Т. 39. С. 56.

нятна, но зачем же в свое время было нашим историкам и литераторам рисовать «икону» «самого человеческого человека»? Каждый из великих и кровавых преобразователей России — Иван Грозный, Петр Великий, Иосиф Сталин — имел свою точку зрения на будущее великой державы, свою историческую правду, проводил собственную политику, в том числе и карательную. Ну а спецслужбы — в том виде, в каком они существовали на каждое «царствование», — выполняли «государеву волю», следуя в русле государственной политики, что является их прямой и священной обязанностью. Но если Грозного царя не отделяют от его верных опричников, то в наше сознание достаточно долго внедрялась мысль о «самом человеческом» Ленине и — этот термин появился в «перестроечные» времена — о «кровавых чекистах», которые якобы самочинно развязали «красный террор»... Разумеется, что при такой постановке вопроса сложно понимать историю собственного государства. Хотя в русском народе издавна бытовала поговорка: «Жалует царь, да не жалует псарь».

Впрочем, не будем обелять и тех, кто пытался восстановить прежние порядки, вернуть прежнюю власть. Но какую именно власть — монархическое правление, буржуазно-демократическую республику или еще что?! Увы, на тот период все эти формы правления изрядно скомпрометировали себя в глазах подавляющего большинства населения. К тому же многие контрреволюционеры и сами точно не знали, что им нужно: свергнем большевиков, а там и разберемся...

Руководству ВЧК было известно, что Белое движение поддерживается из-за границы, так что разделить «разведки внутренних и внешних врагов пролетарского государства» не представляется возможным. Поэтому еще 9 апреля 1918 года Президиум ВЧК обсуждал вопрос о том, чтобы взять в ведение Всероссийской чрезвычайной комиссии контрразведывательную деятельность в войсках. Была создана специальная группа для проведения подготовительных мероприятий, и к исходу мая в структуре ВЧК сформировано отделение по противодействию германскому шпионажу, которое возглавил левый эсер Я. Г. Блюмкин.

Блюмкин Яков Григорьевич (1900—1929). В июне 1918 года начальник Отделения по борьбе с международным шпионажем Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. По заданию ЦК партии левых эсеров принял участие в убийстве германского посла графа Мирбаха с целью сорвать Брест-

ский мир. С 1920 года находился в командировке в Персии по линии НКВД; поступил в Военную академию РККА; воевал на «внутреннем фронте» с повстанцами; с 1923 года — в ИНО (Иностранный отдел) ОГПУ, внешней разведке. В 1929 году арестован «за повторную измену делу пролетарской революции» и расстрелян.

Из показаний Я. Г. Блюмкина:

«Вообще во мне совершенно параллельно уживались чисто деловая преданность тому делу, которое мне было поручено, с моими личными колебаниями между троцкистской оппозицией и партией. Мне кажется, что психологически допустимо, и это является объективным залогом моей искренности, когда я это говорю».

Свою работу чекистская военная контрразведка начала очень даже успешно и результативно. В частности, как официально считается, чекистами были раскрыты и пресечены подготовка антисоветского мятежа начальником Морских сил Балтийского моря капитаном 1-го ранга А. М. Щастным, попытка участников «заговора послов» взбунтовать латышских стрелков в Москве и Петрограде и другие враждебные действия в войсках...

Впрочем, в отношении А. М. Щастного, имя которого нечасто можно найти в сборниках документов по истории как ВЧК, так и Красного флота, существует много вопросов — недаром же он был посмертно реабилитирован в 1995 году. Известно, что Щастный «после Февральской революции 1917 года создал тайную морскую организацию “ОН”, одной из задач которой был террор против Советской власти»*, однако трудно сказать, насколько реально эта организация действовала. Зато свою преданность Отечеству и лояльность новой власти капитан 1-го ранга доказал сполна: он, по поручению В. И. Ленина, был организатором «Ледового похода Балтийского флота», когда в марте—апреле 1918 года из Гельсингфорса и Таллина в Кронштадт «перебазировалось 236 кораблей и судов и 11 судов финских красногвардейцев»**. Не спасло — политиканам обычно не по пути с офицерами-патриотами.

Зато с «заговором послов» все обстояло очень серьезно.

Тот же Дж. Хилл (куда от него деваться, если британская разведка стояла у истоков буквально всех заговоров против советской власти?!) вспоминал, что на «закрытом

* Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. С. 306.

** Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 321—322.

заседании участников заговора», проводимом у американского генконсула в Москве, на котором «помимо дипломатов присутствовали английские, американские и французские офицеры и люди в штатском», было решено проводить следующие действия:

«1. Дезорганизация Красной армии подкупом, задержкой и разрушением продовольственного транспорта, следующего в Москву. Эта задача поручалась С. Рейли, капитану Дж. Хиллу, полковнику Берзину* из Кремля и британской агентуре из управления военных сообщений Красной армии. В Петрограде эту миссию должен был выполнять капитан Кроми.

2. Диверсионно-подрывная работа — взрывы, поджоги, аварии. За подготовку и осуществление этих террористических актов отвечали полковник французской армии Вертамон и его помощники из Французской военной миссии.

3. Разведывательная работа. Она возлагалась на К. Каламатиано, выдававшего себя за коммерсанта**.

Обратим внимание, что на первое место была поставлена «дезорганизация Красной армии». Впечатляет и «букет» иностранных дипломатических представителей, работавших против Советской России и ее вооруженных сил.

Казалось бы, в создавшихся условиях всем контрразведывательным службам следовало объединить усилия для достижения единой цели, однако «чистые» (употребляем этот термин по аналогии с понятием «чистый» дипломат, кто знает — поймет) военные контрразведчики отнеслись к чекистам крайне отрицательно.

«Нельзя упускать из виду и резко негативную реакцию народного комиссара по военным делам Троцкого на несогласованные с ним действия председателя ВЧК... Достаточно напомнить результаты межведомственного совещания представителей разведывательных и контрразведывательных служб в начале июля 1918 года. Участники совещания, проигнорировав присутствие делегированного ВЧК Блюмкина, распределили зоны ответственности таким образом, что для чекистов совершенно не осталось места.

После завершения заседания, основываясь на его решениях, нарком Троцкий и один из его ближайших помощни-

* Я. К. Берзин (1889—1938) был в заговоре «чекистской подставой».

** *Хилл Дж.* Моя шпионская жизнь. С. 17.

ков Аралов подготовили на имя председателя Совнаркома Ленина специальную записку, где в ультимативной форме потребовали передачи отделения контрразведки ВЧК в военное ведомство.

Аралов Семен Иванович (1880—1969). В 1902 году поступил вольноопределяющимся в 3-й гренадерский Перновский полк; в том же году вступил в РСДРП. Весной 1905 года отправлен на войну с Японией. В 1905 году дезертировал и вернулся в Москву; участник военной организации Московского комитета РСДРП. В 1914 году призван на военную службу прапорщиком; штабс-капитан. С января 1918 года — заведующий Оперативным отделом Наркомвоена РСФСР, с сентября — член Реввоенсовета (РВС) Республики. С 4 октября — член военно-революционного трибунала при РВС. С 5 ноября — руководитель Регистрационного управления Полевого штаба РВС. С июня 1919 года — член РВС 12-й и 14-й армий, Юго-Западного фронта. С 1921 года — в Народном комиссариате по иностранным делам: полномочный представитель в Литве, Турции, Латвии и Китае. В 1936 году арестован и приговорен к расстрелу, но в 1939 году освобожден. В июле 1941 года поступил в народное ополчение; в 1945 году — полковник интендантской службы. С 1946 года — на партийной работе; с 1957 года на пенсии.

Из автобиографии

«По приезде в Харбин приступил к революционной работе среди солдат своего полка. С подъемом революционного движения стал выступать на солдатских митингах в качестве агитатора... Весть об агитации какого-то прапорщика дошла до военного командования, и генерал Надаров приговорил меня заочно, не зная моей фамилии, к расстрелу. Пришлось скрываться по маньчжурским деревням и в небольших городах. А когда началась самочинная демобилизация, я вместе с волной солдатских масс, хлынувшей в Россию, направился в Москву».

Отметим, что оснований у Наркомвоена подозревать ВЧК в попытках монополизировать в своих руках всю сферу обеспечения безопасности армии, в том числе и борьбу со шпионажем, к этому времени было уже достаточно. Наиболее рельефно направленность политики ВЧК проявилась за несколько дней до указанного межведомственного совещания в ходе работы 1-го съезда чрезвычайных комиссий. На основе проведенного обсуждения, как раз в конце июня, Коллегия ВЧК приняла ряд принципиальных поло-

жений о деятельности своих местных аппаратов и создаваемых армейских ЧК. Так, в одной из них прямо говорилось: “Чрезвычайные комиссии являются высшим органом административной власти Советской России и берут на себя всю борьбу и охрану революционного порядка... “Наблюдение за иностранными разведчиками” — такая новая задача ставилась руководством ВЧК своим органам на местах. Армейским же ЧК вменялась, согласно разработанной инструкции, борьба с контрреволюцией “во всех ее проявлениях, шпионажем, пьянством, преступлениями по должности... в армейской среде”)*.

Вопрос о разграничении полей деятельности военной контрразведки и территориальных контрразведывательных органов будет не единожды подниматься и впоследствии, решаясь тем или иным образом.

Но вот — каприз истории. Как мы уже сказали, межведомственное совещание по вопросам организации контрразведывательной работы проводилось Наркомвоенном с 1 по 6 июля, а присутствие на нем «делегированного ВЧК» начальника отделения по противодействию германскому шпионажу Я. Г. Блюмкина было военными контрразведчиками «проигнорировано».

Именно 6 июля этот самый Блюмкин убивает германского посла графа Вильгельма Мирбаха, после чего начинается известный левозеровский мятеж, позволивший большевикам избавиться от своих последних союзников-конкурентов. Если бы чекисты были тогда приняты в «контрразведывательное сообщество», то, возможно, Яков Григорьевич в этот день сидел бы на совещании со своими коллегами и... история России пошла совершенно иным путем.

Впрочем, оставим догадки. После 6 июля ВЧК на некоторое время вышла из доверия В. И. Ленина и руководства партии большевиков («Задерживать все автомобили Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией»**, — требовал вождь в своей телефонограмме в тот злополучный день), и вопрос о передаче чекистам военной контрразведки был снят с повестки дня... Более того, нарком Л. Д. Троцкий и заведующий Оперодом С. И. Аралов обратились к председателю Совнаркома с запиской, предложив передать все дела по военному шпионажу отделению Военно-

* Зданович А. А. Указ. соч. С. 187.

** Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 146—147.

го контроля, таким образом превратив его в единственный орган военной контрразведки в РККА. В состав отделения должен был войти и Отдел по военному шпионажу ВЧК, после чего функции ВЧК и отделения ВК Оперода строго разграничивались.

Этим планам немало способствовало и то обстоятельство, что в скором времени оказалась скомпрометирована Регистрационная служба Всероссийского Главного штаба. В конце августа ее руководство представило в Наркомвоенсообщение, из которого явствовало наличие якобы тайного соглашения между советским и германским правительствами начать совместные военные действия против стран Антанты. При этом в Петроград должны были войти немецкие войска, переброшенные из-под Киева по железной дороге. Понятно, что обнародование такой информации могло иметь непредсказуемые последствия, вплоть до объединенного вооруженного выступления всех оппозиционных большевикам патриотических сил — от левого до правого фланга.

Проверить сенсационные сведения было поручено руководителю отделения Военного контроля М. Г. Тракману. В ВГШ был изъят ряд документов — в том числе свежее английское разведсообщение, полученное, как утверждалось, агентурным путем. Но часть содержащихся в нем сведений оказалась «тождественна сообщениям сводки» ВГШ, а часть вообще имела ссылки на информацию Регистрационной службы. Стало ясно, что мистификация имеет «английские корни», военспецы ведут «двойную игру», сотрудничая с разведками Антанты.

Действительно, впоследствии выяснилось, что бывшие генералы — начальник ВГШ Н. Н. Стогов и начальник Оперативного управления ВГШ С. А. Кузнецов — принадлежали к антисоветской организации «Национальный центр», ликвидированной осенью 1919 года. Кузнецов был расстрелян, Стогову удалось бежать, он воевал у Деникина и Врангеля и умер в Париже в 1959 году...

* * *

И всё же контрразведывательные службы продолжали свою деятельность, следуя курсом, определенным июльским межведомственным совещанием. Более того, патриотически настроенные военспецы не просто стремились к совместной работе существующих спецслужб, но и считали

необходимым создание единой системы для обеспечения безопасности государства — чтобы «ни одна пядь земли не оставалась бы без агентурного наблюдения». Для этого было необходимо поступаться ведомственными интересами. В частности, контрразведчики ВВС стали налаживать контакты с Регистрационной службой ВГШ — органом, руководившим борьбой с иностранным шпионажем в масштабах всего государства. 10 июля ВВС сообщил на места о переименовании своих «отделений по борьбе со шпионством» в «регистрационные отделения» штабов отрядов завесы — то есть контрразведка завесы признавалась составной частью Регистрационной службы Всероглаштаба. После этого была выстроена структура контрразведывательных органов: с 22 июля на каждом пропускном пункте, где местные жители проходили через демаркационную линию, был создан «пост Регистрационной службы» для контрразведывательной работы, а в августе регистрационные отделения штабов отрядов были подчинены соответствующим отделениям штабов участков завесы. Вдоль границы, предусмотренной Брестским договором, создавалась контрразведывательная сеть, позволявшая вести борьбу с австро-германской агентурой. Но, к сожалению, единства действий органов, составляющих эту сеть, добиться не удалось. Руководство ВВС давало на места указания по вопросам организации штатов, финансам и порядку взаимоотношений, тогда как в принятии решений оперативного плана руководители отделений были независимы от центра, а их деятельностью руководили реввоенсоветы на местах. Многие зависело от того, насколько руководителям отделений удавалось наладить отношения с местными Советами, ЧК, милицией и т. п.

И опять тот же «рецидив» 1917 года, когда контрразведывательные органы все свое внимание сосредоточивали на «враге внешнем», германцах и австрийцах, а с предательством в войсках боролись слабо. Более того, в числе перебежавших на сторону белогвардейцев были и сотрудники контрразведки: такое произошло на Восточном и Южном фронтах, в Москве, Петрограде, Вологде, Тамбове и ряде других городов. Поэтому контрразведчикам ВВС — бывшим офицерам — комиссары Наркомвоена не слишком-то доверяли...

«Восьмого июля, по распоряжению военного комиссара Северного района и Петроградского участка завесы, по обвинению в контрреволюционной деятельности бы-

ли арестованы руководители секретных служб, в том числе начальник регистрационного отделения Гредингер, а отделения разведки и контрразведки были опечатаны, работа в них прекращена. Этот факт был должным образом оценен местным военным руководством: в телеграмме военрука Д. П. Парского и комиссара Глезарова в ВВС содержалась развернутая мотивировка необходимости по-новому решать вопросы организации контрразведывательной службы в РККА. Военный и политический руководители участка утверждали, что открыть отделения разведки и контрразведки даже с новым личным составом практически невозможно. По их мнению, дело не столько в том, что нет подготовленных к такой деятельности работников Генштаба, а в том, что «при сложившейся современной политической обстановке поручиться ни за кого нельзя». В телеграмме признавалось, что в своей деятельности регистрационное отделение участка постоянно испытывало затруднения именно из-за недоверия в войсках к его работникам. Отсюда делался вывод о необходимости упразднения регистрационного отделения штаба участка, с передачей его функций местным чрезвычайным органам. Авторы телеграммы утверждали: «политическая и военная регистратуры при настоящих политических условиях в стране так близко соприкасаются, что не могут не мешать друг другу и не вызывать взаимных недоразумений».

Однако в ответ на эти предложения военный руководитель ВВС М. Д. Бонч-Бруевич высказал лишь пожелание более тщательно подбирать кадры»*.

Подобное пожелание можно было бы считать «общими словами», если бы не существовало реального «кадрового голода» — ведь не от хорошей жизни в армию стали призывать «бывших», которых потом приходилось «вылавливать и расстреливать».

* * *

В то же время возрастала активность пробольшевистски настроенного отделения ВК Оперода Наркомвоена, изначально претендовавшего на роль главной и единственной военной контрразведывательной службы. По штатам, утвержденным 31 августа, оно насчитывало 74 сотрудника. «Руководство им возлагалось на заведующего, который был

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 41.

ответственен за постановку работы как в центре, так и на местах. Основной была “активная часть”. Ее заведующий, первый помощник руководителя отделения ВК, отвечал за контрразведывательную работу, объединяя и направляя деятельность уполномоченных и секретариата. Вся тяжесть контрразведывательного поиска ложилась на уполномоченных, которые самостоятельно вели дела по розыску и разработке, вербуя для этих целей агентов и наблюдателей. Секретарь “активной части” ведал делами и перепиской, шифровал и расшифровывал депеши, был ответственен за работу двух делопроизводителей, один из которых занимался составлением сводок на основе материалов, поступавших в часть в результате оперативной работы, другой — составлением, изготовлением и приобретением для агентуры необходимых защитных документов.

Второй помощник заведующего возглавлял организационно-инспекторскую часть, которая руководила местными отделениями ВК, присылавшими сводки оперативной информации; сотрудники этой части изучали прессу и иностранные телеграммы, доставляемые в отделение органами почтового контроля.

Регистрационное бюро, под руководством третьего помощника заведующего, вело учет и регистрацию лиц и организаций, проходящих по делам отделения. В бюро был эксперт по химическому анализу писем и документов, фотограф, производящий снимки агентов и служащих, архивариус, ведающий архивом. В штате отделения числились также бухгалтер, казначей и комендант*.

По примеру и образцу отделения ВК Оперода стали организовываться и контрразведывательные органы непосредственно в действующей армии — прежде всего речь идет о Восточном фронте. 13 июня 1918 года постановлением Совнаркома был учрежден Реввоенсовет для руководства войсками, которые вели боевые действия против мятежного Чехословацкого корпуса и примкнувшей к нему внутренней контрреволюции. РВС сразу начал создавать фронт, который вскоре получил наименование «Восточный».

Уже в середине июня здесь были сделаны первые шаги по созданию органов борьбы с вражеским шпионажем — контрразведывательного заслона на всей линии мятежного района от Вологды до Астрахани, причем контрразведке

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 41—42.

изначально придавался характер политического органа. Главное правление контрразведки Восточного фронта было размещено в Казани, где находился штаб фронта, и подчинялось непосредственно Реввоенсовету. Перед Главным правлением были поставлены задачи организовать разведывательную и диверсионную работу в тылу врага, вести борьбу с подрывной деятельностью агентуры противника, а также создать местные контрразведывательные отделения при штабах армий и в важнейших городах — в том числе Вологде, Вятке, Екатеринбурге, Челябинске, Симбирске, Нижнем Новгороде, Царицыне, Астрахани и других. Областные контрразведывательные учреждения должны были быть организованы в Иркутске, Ташкенте и Владивостоке.

В соответствии с приказом РВС фронта сотрудниками контрразведки могли быть только коммунисты. Первым начальником Главного правления стал М. А. Фаерман, бывший в октябре 1917-го комиссаром Петроградского градоначальства и Центрального комитета по делам военнопленных. О том, что с этих постов он был снят за взяточничество, стало известно с некоторым опозданием — после того, как в середине июля товарищ Фаерман скрылся с полученными деньгами.

В Опероде назначили нового начальника Главного правления, своего сотрудника, но пока тот добирался до Казани, РВС Восточного фронта утвердил в этой должности М. Ф. Алтухова, большевика, заместителя Фаермана. Алтухов оказался достоин своего предшественника: в начале августа, в дни поражения красных войск под Казанью, он бежал, бросив на произвол судьбы Правление контрразведки, вследствие чего часть документов попала в руки белых.

Подобные «казусы» не способствовали укреплению авторитета нового контрразведывательного органа. К тому же после принятия 29 мая 1918 года ВЦИКом постановления о принудительном наборе в Красную армию ее социальный состав резко изменился, так как, во-первых, начался большой приток крестьянства, а во-вторых, пришли, зачастую без всякого своего на то желания, военспецы. В этих условиях возникла потребность в создании контрразведывательных органов, скажем так, «нового типа» — для активной, жесткой и решительной борьбы не только со шпионами, но и с контрреволюционерами, и с прочими антисоветскими элементами в армии.

Поэтому в июне—июле по инициативе политических

комиссаров (а не «сверху», как это обычно бывает!) на Восточном фронте начали создаваться армейские чрезвычайные комиссии, сформированные заново или на базе местных ЧК. Чрезвычайные комиссии, как известно, имели гораздо более широкие полномочия — и в первую очередь карательные, — по сравнению с Военным контролем или Регистрационной службой.

Недаром в «объявлении» (интересное название!), опубликованном 23 февраля 1918 года в «Известиях ЦИК», было указано без всяких экивоков:

«Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме *беспощадного уничтожения на месте преступления...*»*

Армейские ЧК имели все права карательного органа, вплоть до применения высшей меры наказания — решение об этом принималось большинством голосов членов комиссии. Ну а раз это была ЧК, а не просто «военная контрразведка» в любом из ее прежних вариантов, то наряду с борьбой со шпионажем и контрреволюцией военные чекисты выявляли и пресекали воинские преступления, оказывая помощь командованию в укреплении боеспособности частей и соединений. Заметим, что подобная практика, не в столь, разумеется, жесткой форме, без «беспощадного уничтожения на месте», прошла через всю историю советской военной контрразведки, что, в принципе, особо не подчеркивалось. В настоящее же время органы обеспечения безопасности в войсках вообще являются наиболее эффективной структурой в борьбе с преступностью в вооруженных силах...

А далее, совершенно логично, Совнарком образовал Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком (Восточном внутреннем) фронте — таким образом, впервые, говоря современным языком, была выстроена «вертикаль», при которой задачи по контрразведывательному обеспечению войск на всех уровнях решались чекистами. Во главе этой ЧК был поставлен член коллегии ВЧК, один из организаторов Красной гвардии в Петрограде Мартын Иванович Лацис.

Лацис Мартын Иванович (Судрабс Ян Фридрихович) (1888—1938). Учитель в реальном училище; в 1905 году всту-

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 96.

пил в социал-демократическую партию Латышского края. В 1917 году — один из организаторов Красной гвардии Петрограда; член Выборгского районного штаба по подготовке восстания, член Петроградского военно-революционного комитета (ВРК) и руководитель Бюро комиссаров ВРК. С 20 мая 1918 года — член Коллегии ВЧК, возглавил отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Вместе с Дзержинским и Александровичем входил в первую «тройку». В июле 1918 года вместе с И. И. Вацетисом руководил подавлением левоэсеровского мятежа в Москве. В июле — ноябре 1918 года — председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта; в 1919—1921 годах — председатель Всеукраинской ЧК. В 1922 году перешел на руководящую работу в хозяйственные органы, был на партийной и научной работе. С 1932 года — директор Московского института народного хозяйства. Арестован в ноябре 1937 года; расстрелян 20 марта 1938 года.

Точка зрения М. И. Лациса:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора».

Шестнадцатого июля председатель Совнаркома Ленин подписал постановление СНК:

«Для успешной борьбы с возрастающей контрреволюцией на Восточном внутреннем фронте, в связи с чехословацким выступлением, Совет Народных Комиссаров поручает Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте.

Все комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Советах прифронтной полосы подчиняются непосредственно ей»*.

Новообразованный орган назывался также «Прифронтной ЧК», потому как основной его задачей были объединение и координация деятельности чрезвычайных комиссий прифронтной полосы. В скором времени «вертикаль»

* Там же. С. 158.

получила свое очередное логическое продолжение. 29 июля, для «повышения эффективности деятельности фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий», в центральном аппарате ВЧК при Отделе борьбы с контрреволюцией, которым ранее руководил Лацис, был создан военный подотдел, реорганизованный в декабре в военный отдел. Одновременно по инициативе реввоенсоветов и политотделов непосредственно в армиях Восточного фронта — их было пять, они получили соответствующие номера, именуясь «советскими армиями», — начали создаваться свои «чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией».

Лацис был введен в состав РВС фронта. Разобравшись в делах, он пришел к выводу, что армейские ЧК и подразделения Главного правления контрразведки нередко занимаются одним и тем же, дублируя друг друга, и поставил вопрос о необходимости «разделения труда». Понять, как будет осуществляться подобное «разделение», можно, если знать «кредо» Мартына Ивановича:

«Больше всего его удивляло и вызывало негодование использование бывших офицеров в системе секретных служб. Высокопоставленный чекист доверял исключительно своим соратникам по большевистской партии, членом которой состоял с 1905 года. Он даже имел определенные трения со своим близким товарищем Дзержинским, когда последний не поддержал его настойчивые требования об удалении из ВЧК левых эсеров после известной дискуссии о заключении Брестского мира.

Лацис однолинейно воспринимал слова, сказанные В. И. Лениным на митинге-концерте сотрудников ВЧК, что верность — главное качество чекиста. Верность трактовалась им как членство в партии, будто это гарантировало от предательства. Все впоследствии опубликованные его книги и статьи пронизаны данной идеей»*.

Как видно, прецеденты руководителей контрразведки Восточного фронта большевиков М. А. Фаермана и М. Ф. Алтухова Лацисом в расчет не брались...

В соответствии с «Положением-инструкцией армейским чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте», им подписанной, задачей армейских ЧК являлась борьба «с контрреволюцией во всех ее проявлениях, шпионажем, пьянством, преступлениями по должности и т. п. в армейской среде»; на них также возлагалась охра-

* *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 188—189.

на военных и политических руководителей фронта, армии. Комиссия имела два отделения: по борьбе с контрреволюцией и по борьбе с преступлениями по должности. Фронтвая Чрезвычайная комиссия руководила ЧК армий, которые организовывались при политотделах. Политотделы не только осуществляли контроль за деятельностью комиссий, но также определяли их штат и оклады сотрудников... Принцип «двойного подчинения» или политического контроля для военной контрразведки будет применяться еще не раз.

«Во второй части “Положения” были изложены направления и методы работы армейских ЧК. Чекистам предписывалось вести “строгий постоянный надзор” за “различными специалистами из непролетарских рядов”, работавшими в штабах, в военных и гражданских учреждениях. Предлагалось организовать в учреждениях “надежную сеть наблюдателей”, которые должны работать “систематически, планомерно и согласованно”. Армейские ЧК должны были поддерживать тесную связь с политотделами, партийными ячейками в частях с целью получения информации о положении дел, настроении личного состава и т. п. В случае возникновения в какой-либо воинской части контрреволюционного выступления, саботажа в крупных размерах работники ЧК обязаны были проводить расследование и принимать соответствующие меры.

“Положение-инструкция” также определяла порядок взаимоотношений армейских и местных ЧК. Кстати, свое руководящее отношение к армейским ЧК “Прифронтовая ЧК” обозначила лишь принятием данного документа — основной ее задачей было руководство местными ЧК прифронтовой полосы»*.

Работа «прифронтовой ЧК» принесла реальные результаты, поэтому фронтовые и армейские ЧК — с задачей борьбы с контрреволюцией и шпионажем в частях действующей армии и в прифронтовой полосе — вскоре были созданы и на других фронтах окруженной «огненным кольцом» республики.

* * *

Второго сентября ВЦИК объявил страну «военным лагерем» и учредил Революционный военный совет Республики (РВСР). Как говорилось в соответствующем по-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 43.

становлении, «Все силы и средства Социалистической Республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников»*.

На насилие новая власть отвечала именно насилием. 30 августа в Москве было совершено покушение на Ленина, а в Петрограде убит председатель ПетроЧК Урицкий. 2 сентября на заседании ВЦИКа пятого созыва было принято постановление, завершавшееся торжественным обещанием: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»**. Нет смысла уточнять, что решение «практических задач» по «красному террору» Совнарком поручал ВЧК.

Превращение страны в «военный лагерь» вновь поставило на повестку дня вопрос централизации военной контрразведки. Естественно, при этом следовало определить, какой из существующих контрразведывательных органов должен стать ведущим и объединяющим остальных. Реальными возможностями для этого располагало лишь отделение ВК Оперода. В начале сентября его руководители С. И. Аралов и М. Г. Тракман направили в РВСР проекты «Декрета о борьбе со шпионажем и о правах и обязанностях работников Военного контроля» и «Положения о военной контрразведке». В соответствии с ними отделение ВК брало на себя все руководство контрразведкой, в его подчинение переходили бы также управления военного почтово-телеграфного контроля и военно-цензурного отделения. При этом оговаривалось, что «никакие иные учреждения не вправе вести военную контрразведку на территории Советской республики». Кажется, вопрос решался наиболее логичным и, можно сказать, безболезненным путем.

Тем временем в ходе военной реформы, о сути которой расскажем ниже, упраздняемый штаб ВВС переформировывался в Полевой штаб Реввоенсовета Республики. Точнее, он просто «менял вывеску», потому как главные задачи оставались все те же, и даже в «классовом государстве» они должны были решаться теми же проверенными средствами, а добавление или ликвидация очередных комиссаров вряд ли имели большое влияние на планирование боевых операций... Так что штаты штаба РВС практически не отличались от штатов штаба ВВС. Следуя вполне понятной

* Правда. 1918. 4 сентября.

** Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 180.

логике, бывший генерал-майор Н. И. Ратгэль, исполнявший должность военного руководителя ВВС, а затем ставший начальником Полевого штаба РВСР, издал 15 сентября приказ, по которому функции должностных лиц нового штаба должны были исполняться прежним личным составом. Таким образом, головным контрразведывательным учреждением всей РККА вдруг стало Регистрационное отделение бывшего штаба ВВС во главе с Н. Н. Брандтом — как помним, в составе двадцати четырех человек.

Однако это был всего лишь очередной эпизод...

«ВЦИК издал 30 сентября положение о Революционном военном совете Республики как высшем и коллективном органе управления Красной армией и флотом. Все военные учреждения подчинялись Реввоенсовету и должны были работать по его заданиям. В связи с централизацией руководства советскими вооруженными силами в руках Реввоенсовета Высший военный совет... был упразднен. Вместе с созданием Реввоенсовета Республики была учреждена должность главнокомандующего всеми вооруженными силами. Главнокомандующий возглавлял все сухопутные и морские вооруженные силы страны, входившие в состав действующей армии. Он был подотчетен Реввоенсовету Республики; все приказы главнокома должны были скрепляться подписью члена Реввоенсовета.

В этот же период была принята единая структура управления войсками фронтов и армий»*.

Отныне вся полнота военной власти в стране принадлежала коллективному органу — РВСР. По тому же принципу строилось управление фронтов и армий: во главе каждого из них ставился соответствующий реввоенсовет, состоявший из командира и двух политических комиссаров.

Главнокомандующим Вооруженными силами Республики стал бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис, «политическими комиссарами» — Лев Давидович Троцкий и Эфраим Маркович Склянский.

Новые изменения неизбежно должны были произойти и в контрразведывательных структурах.

Второго октября на заседании РВСР было принято решение о необходимости объединения военно-политического отделения Оперода с организованным 8 апреля 1918 года Всероссийским бюро военных комиссаров (ВБВК), занимавшимся в Наркомате по военным делам согласо-

* История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 224—225.

нием и объединением деятельности военных комиссаров. Таким путем создавалось Управление РВСР для руководства всей агентурной разведкой и контрразведкой Красной армии. Контрразведка ВГШ и Регистрационное отделение бывшего штаба ВВС свое существование прекращали. Им предписывалось передать все дела и материалы отделу ВК Управления РВСР.

Третьего октября члены РВС Республики утвердил «Положение о военной контрразведке» и смету расходов всех органов военной контрразведки на три оставшихся месяца 1918 года. Но...

Всероссийское бюро военных комиссаров изначально выполняло функции руководства партийно-политическим аппаратом вооруженных сил. «Военные комиссары являются блюстителями тесной и нерушимой внутренней связи Красной армии с рабочим и крестьянским режимом в целом. На посты военных комиссаров, которым поручается судьба армии, должны ставиться лишь безупречные революционеры, стойкие бойцы за дело пролетариата и деревенской бедноты»*, — говорилось в постановлении V Всероссийского съезда Советов, который в июле 1918 года одобрил решение о введении в армии института военных комиссаров. ЦК РКП(б) счел его фактическую ликвидацию преждевременной, так что 9 октября РВСР признал необходимым не только сохранить, но и расширить функции ВВК — и вернулся к вопросу об Опероде.

Четырнадцатого октября был подписан приказ № 94, в соответствии с которым разведка и контрразведка сосредоточивались в вышеупомянутом Полевом штабе РВСР, куда предписывалось передать «все материалы и документы по ведению разведки и военного контроля контрразведки». 21 октября было утверждено «Положение о Военном контроле» — по контрразведке. Затем 5 ноября в Полевом штабе было создано Регистрационное управление (Региструп), состоявшее из агентурного отдела — разведки, Военного контроля — контрразведки, а также курсов разведки и ВК. Вскоре оно перешло в непосредственное подчинение Реввоенсовету. Руководителем Региструпа был назначен комиссар Полевого штаба, бывший штабс-капитан С. И. Аралов, кстати, член РКП(б) всего лишь с 1918 года.

Так завершился двухмесячный поиск места военной

* Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 75.

контрразведки в системе центральных органов РККА. Руководство ею доверялось не военным специалистам, а политическим работникам армии.

* * *

Между тем для существования данной военной контрразведке было отведено всего полтора месяца. Прошли они, можно сказать, весьма активно и насыщенно: люди создавали новую службу, вели оперативную работу, при этом не зная, что сами они обречены. Поэтому в ноябре — первой половине декабря проводилась интенсивная работа по созданию единой системы, однородной по структуре, с общими для всех правовыми и нормативными актами.

Еще 31 октября Аралов и Тракман направили окружным военным комиссарам циркулярное письмо, объясняя, что окружные отделы подчиняются отделу Военного контроля, выполняют его указания, но работают в тесном контакте с оперотделом штаба округа, а также выполняют задания военного комиссариата. Соответственно, все то же «двойное подчинение», или политический контроль...

В конце ноября ОВК Региструпа РВСР утвердил «Правила регистрации для военно-контрольных органов», взяв за основу аналогичные «Правила» контрразведки Временного правительства и не слишком от них отступая. Зато в «форме № 5», с помощью которой осуществлялся учет контрразведчиков и лиц, предлагавших свои услуги контрразведке, была введена графа о партийности и оставлялось место в анкете для заполнения характеризующих данных.

В ноябре—декабре была разработана «Инструкция для обысков и арестов, производимых органами Военного контроля по делам о шпионаже». Она опять-таки не имела ничего принципиально нового по сравнению с постановлением Временного правительства «О правах и обязанностях чинов контрразведывательной службы по производству расследований», но предусматривала тесное взаимодействие с милицией и обязательное присутствие при обыске представителя милиции, так же как и понятых.

Первого декабря последовало дополнение к данной инструкции — разъяснялось, что арестованные лица направляются «по принадлежности»: контрреволюционеры — в ЧК, шпионы — в контрразведку.

В первой половине декабря на места были разосланы штаты контрразведывательных органов, составленные

применительно для центрального органа, для отделов Военного контроля при окружных военных комиссариатах и реввоенсоветов фронтов, для отделений Военного контроля при губернских комиссариатах и реввоенсоветах армий, для пунктов ВК при уездных военных комиссариатах и военных советах корпусов и дивизий.

Таким образом, в РККА образовывалась централизованная контрразведывательная система — единая в организационном отношении и по направлениям и методам борьбы со шпионажем. К концу ноября 1918 года органы Военного контроля существовали практически во всех военных округах и на трех фронтах. Каждый окружной отдел создавал на местах отделения и пункты ВК, армии имели свои военно-контрольные отделения и пункты.

Между тем за время Гражданской войны советское правительство так и не приняло специального закона об ответственности за государственную измену и шпионаж, «сваливая» неприятельскую агентуру в «общую кучу» криминального элемента. Вспомним 8-й пункт Декрета «Социалистическое Отечество в опасности!», гласящий: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Кто думал, что «места преступлений» у «громилы» и у «германского шпиона» весьма различны! Однако отсутствовала даже сама юридическая интерпретация понятия «шпионаж», а без того не было никакой возможности принять декрет — или нечто в этом роде, на государственном уровне, — о контрразведывательной службе, правах и обязанностях ее сотрудников...

* * *

«Создание централизованной системы военной контрразведки сказалось на результатах борьбы со шпионажем. Отдел ВК Региструпа РВСР, став головным учреждением, продолжал вести оперативную работу: составлял информационные сводки, обеспечивал в контрразведывательном отношении центральные военные учреждения, засылал агентуру в занятые белогвардейскими войсками районы, выполнял задания РВСР. Так, в процессе его комплектования была проведена тщательная проверка личного состава Полевого штаба. Аралов, как его комиссар, неоднократно получал от ВК сведения о “сомнительном поведении” некоторых штабных работников. Благодаря агенту ВК была

разоблачена изменническая деятельность сотрудниц Голубович и Троицкой, передававших белым секретные данные и документы. Сотрудники ВК регулярно информировали Аралова об оперативной обстановке в Серпухове, где размещался Полевой штаб, предупреждали о возможных каналах утечки секретных сведений.

Информация, полученная отделом ВК с помощью агентуры, направленной в районы белогвардейских формирований, использовалась Наркоматом по иностранным делам для наблюдения за политикой германской военщины на оккупированной территории Украины, Закавказья и России. Помощью отдела пользовались коммунисты, направляемые ЦК РКП(б) для нелегальной работы»*.

Разумеется, разного рода «условности», касавшиеся работы исключительно по «внешнему противнику», были отброшены напрочь. Военные контрразведчики, в частности, занялись сбором сведений об офицерах-перебежчиках и их ближайших родственниках: в ОВК находился весь учетный материал на бывших офицеров, служивших в Красной армии. Руководство отдела направило директиву комиссарам и начальникам штабов округов и фронтов с требованием провести перерегистрацию всех военспецов, находящихся в рядах РККА, с указанием адресов их родственников. На отделы ВК возлагалась обязанность арестовывать членов семей бывших офицеров в случае их измены.

С августа по декабрь 1918 года в следственном отделении ВК РВСР в производстве находилось 42 крупных дела по шпионажу, измене и воинским преступлениям. В их числе — «Дело об организации правоэсеровского шпионажа и группировки белогвардейских сил», по которому было арестовано более пятидесяти человек. Как установили контрразведчики Региструпа, раскрытые ими летом 1918 года заговоры в 3-й и 4-й армиях Восточного фронта были частью разветвленного плана, разработанного Саратовским центром. Заговорщики имели сообщников в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и Перми. К концу года организация была раскрыта, ее участники предстали перед Ревтрибуналом Республики.

Значительную работу по контрразведывательному обеспечению Красной армии осуществили фронтовые и армейские ЧК, а также территориальные чекистские органы. Была разоблачена группировка военспецов в штабе Северо-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 45.

Кавказского военного округа, готовившая сдачу Царицына, пресечена деятельность шпионской группы в штабе Южного фронта, раскрыт заговор в штабе Ярославского военного округа.

«В конце сентября Чрезвычайная комиссия Западной области получила сведения о существовании в Смоленске контрреволюционной организации, занимавшейся вербовкой и отправкой белогвардейцев в “Южную армию”*. После тщательных розысков чекистам удалось напасть на след преступной организации и арестовать главаря ее — генерала Дормана и многих агентов, разъезжавших с целью вербовки по Смоленской и Витебской губерниям...»**

ВЧК также удалось узнать, что «на средства немецкой разведки существовала в Петрограде крупная монархическая организация во главе с известным черносотенцем Марковым 2-м. В тесной связи с этой организацией находилась группа контрреволюционного гвардейского офицерства (представителей «революционного» гвардейского офицерства, типа подпоручика Тухачевского, будущего «красного маршала», было совсем немного. — А. Б.) и группа немецких шпионов, пробравшаяся в Селигерско-Волжскую флотилию. Первая группа развернула свою шпионско-подрывную работу в частях 1-го Советского корпуса Красной армии. Немецкий шпион Розенберг, обманным путем пробравшийся на пост начальника оперативного отдела штаба корпуса, подготавливал измену с целью захвата Петрограда. Вторая группа, руководимая офицером Билибиным, должна была оказать поддержку заговорщикам со стороны Ладожского озера силами Селигерско-Волжской флотилии»***. Заговор был разоблачен и ликвидирован.

* * *

Осенью 1918 года военно-политическое положение Советской республики существенно изменилось — ее войска одержали первые победы: 10 сентября была освобождена Казань, 12-го — Симбирск, 28-го — Елабуга. На царичинском участке Южного фронта были отброшены за Дон

* Так называемая «Южная армия», сформированная немцами в Воронежской губернии, так же как и «Северная армия» в Псковской губернии, должна была заменить в оккупированных областях германские войска и помешать восстановлению здесь советской власти.

** Софинов П. Г. Указ. соч. С. 116.

*** Там же. С. 117.

казацкие части атамана П. Н. Краснова, лишь месяц тому назад за боевые успехи произведенного «Большим Войсковым Кругом» из генерал-майоров прямо в генералы от кавалерии... В октябре Красной армией были освобождены Сызрань, Сарапул, Самара, Бугульма, Бугуруслан и Бузулук, и вскоре Поволжье было полностью очищено от мятежных чехословаков.

Между тем 11 ноября закончилась Первая мировая война. В число победителей России войти было не суждено, хотя без нее победы не было бы. Уже через день, 13 ноября, советское правительство аннулировало «похабный» Брестский договор. Казалось бы, пришел долгожданный мир — но только казалось, ибо Антанта сразу стала расширять свое вмешательство в дела бывшего союзника. 17 ноября штаб главного командования ее армиями принял решение о немедленной помощи оружием, боеприпасами и деньгами армиям Деникина и Краснова. Удивляться нечему: по завершении войны винтовки, пулеметы, пушки, аэропланы и прочие орудия убийства превращались в бесполезный для Европы «товар», которому следовало найти соответствующий «рынок». Нет сомнения, что, если бы победили белые, им бы потом пришлось рассчитывать за эту помощь...

А пока, благодаря «союзникам», Южный фронт приобретал значение главного. Военная опасность, нависшая над республикой, резко возрастала.

Нет смысла объяснять, что произошедшее имело самое непосредственное отношение к деятельности военной контрразведки: в то время как с повестки дня снималась борьба с немецкой разведкой (как оказалось, не очень надолго), резко возрастала активность антантовского шпионажа. К тому же разведки недавних союзников работали в тесном контакте с белогвардейцами, преследуя в общем-то единые цели, так что разграничить иностранный шпионаж и подрывную деятельность внутренней контрреволюции было практически невозможно. Сотрудникам Военного контроля и армейских ЧК становилось все труднее определять «ведомственную принадлежность» попадавших в их поле зрения «объектов». Все контрреволюционеры, «антисоветские элементы» и белогвардейские лазутчики объективно ослабляли боеспособность РККА и работали в интересах противника. Таким образом, все больше стирались различия в функциональных обязанностях ВК и ЧК.

Еще в октябре прикомандированный к ВЧК член

ВЦИКа В. Э. Кингисепп подготовил докладную записку, адресованную В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, Л. Д. Троцкому и зампредела ВЧК Я. Х. Петерсу. Он писал, что «шпионаж, осуществляемый агентами президентов Вильсона и Пуанкаре, короля Георга, императора Вильгельма, российских контрреволюционеров Краснова, Алексева, Савинкова, Дутова, Сибирской Директории, то есть агентов внешнего и внутреннего врага, слился воедино» и превратился в «орудие классово́й борьбы против пролетарской республики». Борьба с контрреволюцией возлагалась на чрезвычайные комиссии, поэтому им, предлагал Кингисепп, необходимо передать и борьбу со шпионажем, создав при президиумах ЧК «особые секретные отделы».

В этих условиях Троцкому отступать было некуда — интересе́ дела все-таки были на первом плане. 12 ноября на заседании РВСР под его председательством с докладом «О разведке и Военном контроле» выступил член РВС Восточного фронта А. П. Розенгольц. По докладу было принято постановление: «Предлагается товарищам Аралову и Смирнову по соглашению с Дзержинским сформировать к завтрашнему дню комиссию по разведке и Военному контролю из трех членов, привести ее немедленно в движение и доложить Реввоенсовету Республики о ее составе».

Ключевые слова — «по соглашению с Дзержинским»...

Начальник Регистрационного управления РВСР Аралов отвечал за постановку агентурной разведки и контрразведки, а член РВСР Смирнов, заведующий политотделом Восточного фронта, непосредственно руководил контрразведкой, ЧК и военными трибуналами этого фронта.

На состоявшемся вскоре совещании председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, С. И. Аралов, А. П. Розенгольц и военный консультант Окружного отдела ВК РВС Восточного фронта Н. Н. Асмус обсудили вопрос о слиянии органов ВК и ЧК, действующих в РККА. В принятом постановлении предусматривалось, что все фронтовые и армейские ЧК «переходят» в состав Военного контроля РВСР, который «реорганизуется» в «Особый отдел», выполняющий задачи по ведению в армии агентурной разведки, контрразведки и борьбы с подрывной деятельностью. Предполагалось, что его личный состав должен быть «очищен от продажных элементов» — под ними подразумевались военспецы — и укомплектован за счет «исключительно партийных работников». Постановлением в очередной раз определялось двойное управление военной контрразведкой — теперь уже

«Особым отделом». Эти органы в войсках подчинялись политическим комиссарам и работали под контролем фронтового «Особого отдела». В частности, политкомиссары армий назначали «заведующих» «Особыми отделами» армий, но с обязательным утверждением их кандидатур фронтовым «Особым отделом». Для «чистки» и реорганизации отделов Военного контроля предполагалось образовать комиссию из трех человек, состав которой следовало согласовать с председателем ВЦИКа Я. М. Свердловым — таким образом, решение межведомственного характера поднималось на высший государственный уровень.

Между тем большинство практических вопросов оставались открытыми: как должно идти слияние органов ВК и ЧК, какой должна быть структура нового органа? Главное, останется ли «Особый отдел» в РККА или станет частью ВЧК?

Девятнадцатого ноября ВЧК направил губернским, фронтовым и армейским ЧК циркулярную телеграмму № 6366 за подписью Ф. Э. Дзержинского и начальника Иногородного отдела ВЧК В. В. Фомина. В ней объявлялось о роспуске выполнившей свою задачу «Прифронтовой ЧК» и о том, что «отныне существуют только такие комиссии: ВЧК как центральный орган, губчрезкомы, уездчрезкомы, фронтчрезкомы, армчрезкомы». Армейские чрезкомы подчинялись фронтовым, фронтовые — ВЧК. Кроме того, они «подчинялись» еще и военному ведомству. Циркуляр заканчивался категорическим указанием, что «ропуск ЧК производится исключительно ВЧК». Хотя кроме губернских чрезкомов телеграмма была адресована ЧК Южного, Восточного и Северного фронтов и восьми армий, это не означало, что между ВЧК и указанными комиссиями действующей армии уже существовали непосредственные отношения и организационное единство. Впрочем, эти отношения были установлены достаточно быстро.

В конце ноября состоялась 2-я Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. В резолюции «Об армейских ЧК в действующей армии» конференция постановила «организовать» при фронтах и армиях чрезвычайные комиссии для обеспечения РККА «пресечения всяких попыток контрреволюционеров к провокационным выступлениям», наносившим вред «делу защиты РСФСР». ВЧК совместно с военным ведомством поручалось «выработать точные инструкции для фронтовых и армейских ЧК».

Для руководства армейскими и фронтовыми комиссиями существовавший в центральном аппарате ВЧК военный подотдел был реорганизован в военный отдел во главе с М. С. Кедровым, однако при том эти ЧК были подчинены также и «военному ведомству».

Кедров Михаил Сергеевич (1878—1941). Из дворян; член РСДРП с 1901 года. Окончил медицинский факультет Бернского университета. С 1916 года — военврач на Кавказском фронте. В 1917 году — член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), редактор газет «Солдатская правда» и «Рабочий и солдат», заместитель наркома по военным делам. С сентября 1918 года — начальник Военного отдела ВЧК. С января 1919 года — заведующий (председатель) Особого отдела (Управления Особого отдела) ВЧК, одновременно с марта 1919 года член Коллегии ВЧК, с мая — особоуполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. Работал в Наркомпросе, ВСНХ, Верховном суде СССР, Госплане. В 1939 году арестован; расстрелян в июле 1941 года.

Из протокола допроса:

«Категорически отрицаю предъявленные мне обвинения. Заявляю, что вся моя жизнь и преданная работа в партии большевиков в течение 38 лет является убедительным опровержением предъявленных обвинений».

Двадцать третьего ноября из Москвы на Южный фронт выехала «Комиссия по ревизии и реорганизации Военного контроля и армейских чрезвычайных комиссий» — М. И. Лацис, заведующий бывшим военно-политическим отделением Оперода А. Г. Васильев и секретарь Московского комитета РКП(б) Р. С. Землячка. Направление поездки обуславливалось тем, что обстановка на Южном фронте, превратившемся в главный фронт республики, после ряда военных неудач стала угрожающей. 26 ноября ЦК РКП(б) принял постановление, потребовав от РВС и командования, всех армейских коммунистов «добиться коренного перелома на Южном фронте». В постановлении указывалось на необходимость принять решительные меры против изменников и саботажников, всех нарушителей дисциплины, трусов и шкурников: «Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте... Ни одно преступление против революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным».

На Южном фронте впервые была практически вопло-

шена идея создания нового органа — Особого отдела, куда входили отделы разведки и контрразведки, следствия и ЧК. Опыт его организации содержал в себе ряд важных моментов. Во-первых, при фактическом слиянии ЧК и ВК не претерпела существенных изменений организационная основа отдела Военного контроля, предназначенного для решения контрразведывательных задач. Во-вторых, четко определено, что Особый отдел, существуя при РВС фронта, одновременно входил в систему ВЧК. То есть были практически отработаны те направления, которые фактически оставались открытыми на совещании Дзержинского с членами РВСР.

«Из своего опыта пребывания на Восточном фронте в качестве председателя прифронтовой чрезвычайной комиссии Лацис вынес однозначный вывод — ЧК должна безраздельно господствовать в сфере применения тайных средств и методов. Только тогда, по его убеждению, можно не беспокоиться, что эти средства и методы противники Советской власти используют в своих целях... Обобщив известные примеры, он повел обработку руководителей ВЧК и мобилизовал их на борьбу с военной контрразведкой. Эти действия во многом поддерживал Дзержинский... Волевой, жесткий в своих решениях Лацис стал инициатором и главным действующим лицом этой кампании. Ввязавшись в “драку”, он не учитывал, а может быть, сознательно упускал из виду ликвидацию к концу октября контрразведывательных аппаратов Всероссийского Главного штаба и Высшего военного совета, где как раз и трудились военспецы, и то, что его противниками в итоге оказались коммунисты, то есть преданные, по убеждению Лациса, люди. “Порочность” их была лишь в том, что они служили в Военном контроле Реввоенсовета и допускали возможность использования пусть и проверенных, но “спецов”. Поэтому Лацис все делал для полного устранения оппонентов. Не постеснялся использовать даже центральную прессу. В правительственной газете “Известия ВЦИК” он опубликовал статью под названием “Трудноизлечимая язва”, где дал односторонние, далекие от объективности оценки Военного контроля, дискредитировал без разбора всех его сотрудников. В заключение публикации автор утверждал, что поручили “охрану наших военных тайн нашему противнику”. Комментарии, как говорится, излишни...»*

* *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 189.

Характерно, что впоследствии такая безосновательная публичная критика контрразведки стала возможной лишь в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Вернувшись в Москву в первой половине декабря, Лацис направил в РВСР «Докладную записку о реорганизации Военного контроля», предлагая следующий план построения «нового аппарата надзора за армейской средой»: при ВЧК создается «специальный военный отдел, стоящий во главе всей фронтовой работы»; при каждом фронте и при каждой армии организуются особые отделы, подчиненные: армейские — фронтовому, фронтовые — военному отделу ВЧК; в тылу работу особых отделов должны выполнять военные отделы, создаваемые при каждой уездной и губернской ЧК; руководителем Военного отдела ВЧК должен стать член РВСР, вводимый в Коллегию ВЧК. Одновременно Лацис представил и проекты «Положения» о фронтовых и армейских особых отделах.

Двенадцатого—тринадцатого декабря эти документы обсуждались в Реввоенсовете. В обсуждении участвовали главком И. И. Вацетис, члены РВСР С. И. Аралов, К. Х. Данишевский и И. Н. Смирнов. Они согласились с идеей организации Особого отдела путем объединения Военного отдела ВЧК и ВК РВСР, поручив общее руководство члену или представителю РВСР, с вводом его в коллегию ВЧК. Однако свое согласие они оговорили условием, что органы разведки должны быть переданы Полевому штабу и Регистрационному отделению РВСР. Были утверждены проекты «Положения» о фронтовых и армейских особых отделах, предложенные Лацисом.

Кстати, именно в это время, 3 декабря, опытный и авторитетный руководитель Военного контроля М. Г. Тракман был переведен на работу в Эстонию, где 29 ноября была провозглашена «Эстляндская трудовая коммуна» — социалистическая республика, в состав правительства которой он и вошел. Республика просуществовала недолго, и Тракман оказался на работе в Сибири, где до 1937 года возглавлял «Запсибкрайздрав».

Двенадцатого декабря Дзержинский телеграфировал Троцкому о своем желании утвердить кандидатуру руководителя Военного отдела ВЧК Кедрова в качестве заведующего «в целях персонального объединения Военного контроля с Военным отделом ВЧК». Лев Давидович тогда разъезжал по наиболее опасным участкам фронта, его отсутствие существенно ослабляло позиции Военного контроля...

Семнадцатого декабря Аралов пригласил на заседание РВСР «для окончательного рассмотрения вопроса о ВК РВСР» членов «Комиссии по ревизии и реорганизации...» — М. С. Кедрова и нового начальника отдела ВК В. Х. Штейнгардта, который прибыл на заседание с проектом «Положения об Особом отделе», то есть соответствующим образом измененным ноябрьским вариантом «Положения о Военном контроле». Уточнения в нем были следующие: органы ВК переименовывались в особые отделы; вместо «иностранных военных шпионов» было записано более широкое понятие «неприятельские шпионы»; общее руководство возлагалось на члена РВСР, входящего постоянным членом с правом решающего голоса в Коллегию ВЧК; непосредственное руководство всеми сухопутными и морскими особыми отделами сосредоточивалось в Управлении Особого отдела при РВСР; Военный отдел ВЧК, фронтовые, армейские и пограничные ЧК объединялись с органами ВК; отделение военной цензуры переходило в Регистрационное управление РВСР... В общем, составители документа до конца отстаивали самостоятельность контрразведки, допуская лишь ее символическую связь с ВЧК. Однако никакого действия эти предложения уже не возымели.

Девятнадцатого декабря 1918 года состоялось заседание бюро ЦК ВКП(б) с участием В. И. Ленина, где, как написано в протоколе, «слушали» вопрос «О военном контроле». Было принято постановление, в котором говорилось, что «по вопросу об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля решено согласиться с положением, выработанным при Реввоенсовете. Заведующим Военным контролем назначить т. Кедрова, если не встретится возражений со стороны Реввоенсовета...».

На заседании, проведенном в ночь с 26 на 27 декабря, члены РВСР приняли решение о назначении Кедрова начальником уже не Военного контроля — этот термин ушел в историю, но Особого отдела. Притом оговаривалось, что «общее руководство Особым отделом по указаниям Реввоенсовета Республики лежит на члене РВСР Аралове»*, который входит «постоянным членом с правом решающего голоса в коллегию Всероссийской чрезвычайной комиссии».

* Интересно уточнить, что полковник в отставке С. И. Аралов (1880—1969) благополучно дожил до 89 лет.

В свою очередь, председатели фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий назначались соответствующими реввоенсоветами и утверждались ВЧК. В дивизиях, полках и батальонах назначались комиссары ЧК, которые утверждались соответствующей высшей инстанцией.

Четвертого января 1919 года М. С. Кедров издал приказ № 1 по Особому отделу, требуя немедленно приступить к «слиянию» на фронте и в округах органов ВК и ЧК, организовывая таким образом фронтовые и тыловые особые отделы — работу эту предлагалось завершить уже к 15 января. Начальниками особых отделов фронтов и армий временно оставались руководители соответствующих органов ВК, а за основу организации принималась тогдашняя структура Военного контроля, но без отделений военной цензуры, агентурной разведки и следственной части — первые два выделялись в самостоятельные органы, подчиненные Региструпу РВСР, следственную работу рекомендовалось передать ЧК в тылу, а на фронте — Реввоентрибуналу...

Впрочем, в пункте 10-м «Постановления ВЦИК об Особых отделах при ВЧК», опубликованном 21 февраля 1919 года, этот вопрос определялся по-иному:

«Особым отделам предоставляется право ведения следствий и всех связанных с ними действий, как то: обысков, выемок и арестов, кои производятся по собственным Особого отдела ордерам или по ордерам Всероссийской или губернских чрезвычайных комиссий».

При организации Особого отдела отбирались «надежные работники из числа коммунистов», а беспартийные могли привлекаться к работе лишь «с особой осторожностью». Фактически происходила ликвидация Военного контроля, в результате чего многие опытные контрразведчики просто оказались не у дел, что, разумеется, не лучшим образом сказалось на результатах деятельности новой военной контрразведки.

Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагалась отныне на Особый отдел — под общим руководством ВЧК. В Инструкции Особого отдела ВЧК, введенной в действие 24 января 1919 года, задачи особых отделов сводились к «обнаружению, обследованию и пресечению деятельности контрреволюционных и шпионских организаций» в РККА. Однако непосредственно контрразведывательной работой в Особом отделе ВЧК занимались всего 11 человек, а в особых отделах фронтов и армий подобной «специализации» не было вообще: бороться «с

контрреволюцией» было гораздо проще и, скажем так, эффективнее.

Хотя в этой «эффективности» были свои необходимость и логика: «Обстановка Гражданской войны, когда сочувствующих неприятелю было достаточно много как у красных, так и у белых, вынуждала не к ювелирной работе, а, наоборот, подталкивала к массовым ударам по классово чуждой среде.

Требовался, прежде всего, карательный, терроризирующий противников власти орган, широко практикующий метод открытого подавления контрреволюционных элементов в армии и в окружении воинских частей. Таким аппаратом и стали особые отделы.

Они, конечно же, натыкались на шпионаж в ходе расследования дел отдельных изменников и подпольных антибольшевистских организаций, как могли, старались распутать разведывательные сети белогвардейцев. И, надо отдать должное, иногда это удавалось...»*

Примером тому может служить дело «Национального центра» — крупной антисоветской организации, финансировавшейся Антантой, в ходе разработки которой Особый отдел ВЧК вышел на разветвленную нелегальную резидентуру английской разведки под руководством Поля Дюкса. «Заговорщики пробрались в части и учреждения 7-й армии, в Петроградский Совет, в ЧК. Бывший начальник штаба 7-й армии Люндеквист разработал для Юденича оперативный план наступления на Петроград. В нем были указаны слабые пункты советского фронта, что облегчало белой армии вести наступательные операции. Организация Дюкса готовила восстание в Петрограде — были сформированы 12 отрядов, разработаны планы захвата стратегических объектов, взрыва железнодорожных мостов. Готовясь к восстанию, контрреволюционеры даже поспешили образовать “правительство”, которое должно было взять власть в Петрограде после победы восстания.

Разоблачение и разгром “Национального центра” и заговора Поля Дюкса сыграли решающую роль в борьбе с внутренней контрреволюцией и агентурой империалистических разведок»**.

«Этот факт послужил для чекистов непосредственным поводом для усиления именно контрразведывательной ра-

* Зданович А. А. Указ. соч. С. 193—194.

** Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 35.

боты с использованием секретных сотрудников, внедряемых в шпионские контрреволюционные организации. Определенные успехи, которые стали первыми ласточками оперативного мастерства, пришли к ним именно тогда, когда они начали применять классические методы разыскной работы с использованием специально отобранных агентурных источников»*.

«Железной рукой ВЧК, опиравшейся на помощь трудящихся, были обезврежены сотни шпионов, диверсантов и других агентов врага», — констатируется в официальной «Истории Гражданской войны в СССР»**. А ведь так именно и было, кто бы сегодня что ни говорил. Впрочем, это мы уже несколько заглядываем вперед...

* * *

День 19 декабря 1918 года, когда Бюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании Особого отдела ВЧК и образовании армейских особых отделов, по традиции отмечается как профессиональный праздник сотрудников органов военной контрразведки Федеральной службы безопасности России.

Глава четвертая

«НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ...»

Противник не оставался в «режиме пассивного ожидания»: количество войск интервентов на советской территории увеличивалось с каждым днем. 31 января 1919 года «интернациональные силы» — французы, англичане, греки и прочие — заняли Херсон, а 2 февраля — Николаев; к середине февраля общая численность иностранных войск только на юге составляла порядка 130 тысяч.

В Закавказье хозяйничали англичане, сменившие проигравших мировую войну немцев и турок. Слово «хозяйничали» представляется наиболее подходящим, потому как «за время оккупации Закавказья интервенты вывезли около 30 миллионов пудов нефти, 26 миллионов пудов марганца, большое количество рыбы и табака, ценных пород леса

* Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 166.

** История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 370.

и других материалов — всего на сотни миллионов рублей золотом»*.

Еще в конце ноября в Сибири, охваченной мятежом Чехословацкого корпуса, был провозглашен Верховным правителем России адмирал Александр Колчак — патриот, полярный исследователь, толковый морской начальник, но наивный и доверчивый политик. «Адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не встал во главе русского конституционного движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и настояниями союзников, — писал потом советник «Верховного правителя» британский полковник Джон Уорд. — Он получил самые категорические обещания на искреннюю помощь и немедленное признание со стороны союзников»**.

Можно продолжить описание военно-политической обстановки и того угрожающего положения, в котором оказалась Советская республика, но главное то, что никоим образом не ослабевала «тайная война». «В феврале 1919 года американское правительство направило на юг России специальную военную миссию. Ее возглавил бывший военный атташе США в Петрограде подполковник Риггс. В задачу миссии входили организация шпионажа и разведки и оказание помощи и содействия белогвардейским армиям. Члены миссии изучали экономику занятых белогвардейцами районов, состояние железных дорог и их пропускную способность, выбирали новые районы для сосредоточения интервенционистских и белогвардейских войск»***. В общем, разведки противника работали. Революция должна была защищаться — в том числе и на тайном фронте...

Третьего февраля 1919 года Дзержинский рассмотрел «Положение об Особом отделе при ВЧК и его местных органах», разработанное Лацисом и Кедровым и утвержденное членами Президиума ВЧК, а 6 февраля оно было одобрено на заседании Президиума ВЦИК. «“Положение” закрепляло в правовом отношении организацию Особого отдела при ВЧК, определяло систему подчиненных ему органов, задачи, права, подотчетность и подконтрольность соответствующим структурам государственного управления. В качестве основной задачи определялись борьба

* Там же. С. 333.

** Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. М.; Пг., 1923. С. 25—26.

*** История Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 331.

с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте, а также организация работы за границей, на территориях, оккупированных иностранными войсками и занятых белыми. Особым отделам предоставлялось право производить уголовно-процессуальные расследования по делам о контрреволюционных преступлениях. В соответствии с постановлением ВЦИК от 17 февраля «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами» и распоряжением ВЧК от 20 февраля, армейским особым отделам были предоставлены права и функции губчека в отношении «непосредственной расправы» по пресечению преступлений в зоне боевых действий»*.

Теперь в систему органов военной контрразведки входили Особый отдел при ВЧК, фронтовые и армейские особые отделы, а также особые отделы при губернских ЧК. В корпусах и дивизиях были сформированы особые отделения, а в бригадах и полках введены «комиссары Особого отдела», переименованные в оперативных уполномоченных. Для ограждения прифронтовой зоны от проникновения «шпионских и иных контрреволюционных элементов» и в том числе для контроля за движением воинских эшелонов в прифронтовых железнодорожных узлах, в морских и речных портах были организованы «военно-контрольные пункты». 29 июня в связи с возложением на Особый отдел ВЧК функции оперативно-чеккистской охраны границы в его распоряжение были переданы пограничные ЧК — они стали называться «пунктами Особого отдела», а в боевой обстановке выполняли задачи по охране тыла действующей армии.

«Положением» была закреплена вся та же порочная система двойного подчинения, так что вышеупомянутое «Постановление ВЦИК об Особых отделах при ВЧК», опубликованное 21 февраля 1919 года в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», начиналось весьма невнятно:

«1. Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте возлагается на Особый отдел Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

2. Особый отдел вместе с тем непосредственно под контролем Революционного Военного Совета Республики выполняет все его задания.

<...>

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 49.

4. Общее руководство вышеуказанной борьбой возлагается на Всероссийскую Чрезвычайную комиссию...»

Получалось, таким образом, что, при наличии строгой «вертикали» по линии ВЧК, деятельность самого Особого отдела при ВЧК контролировал Реввоенсовет Республики, фронтовые и армейские особые отделы подчинялись РВС фронтов и армий, а особые отделы при губчека — соответствующим военным комиссариатам, как высшим органам военно-административной власти на местах. Реввоенсоветы и военные комиссариаты имели право давать особым отделам задания и контролировать их выполнение. Это не только приводило к стороннему и порой достаточно некачественному вмешательству в дела особых отделов, но и не позволяло им вести оперативно-разыскную деятельность в самих аппаратах РВС и военных комиссариатов. То есть «неприкасаемые» для советской военной (как, впрочем, и для территориальной) контрразведки существовали изначально, причем в самых интересных, можно сказать, «лакомых» для противника местах. В результате та оперативная информация по вопросам боеготовности и боеспособности войск, о злоупотреблениях служебным положением со стороны начальствующего состава, которая представлялась особыми отделами в соответствующие РВС, нередко не получала реализации. Руководство ВЧК довольно часто обращалось в СНК с просьбами об оказании воздействия то на Реввоенсовет Республики, то на РВС фронтов или армий...

Тринадцатого мая Совет обороны принял постановление «О подчиненности Особых отделов фронтов и армий», согласно которому они непосредственно подчинялись одному из членов «своего» Реввоенсовета, а на Особый отдел при ВЧК возлагалось только «общее руководство» их работой.

* * *

В апреле—мае 1919 года обстановка еще более обострилась: с запада в направлении Петрограда двинулись войска генерала Н. Н. Юденича, а со стороны Карелии — белофинская Олонецкая добровольческая армия; польские войска захватили Лиду, Барановичи и Вильнюс. Зато Красная армия достигла первых успехов на Восточном фронте: 22—26 апреля в результате ожесточенных боев у реки Салмыш, к северу от Оренбурга, наступавшим колчаковским

войскам было нанесено первое крупное поражение, а в ходе начавшейся сразу же вслед за тем Бугурусланской операции Южной группы армий Восточного фронта (28 апреля — 13 мая) произошел перелом в пользу советских войск...

Большевикам везло: охватив республику «огненным кольцом фронтов», руководители объединенного похода Антанты не сумели нанести одновременного удара всеми своими силами. Это позволяло Советам концентрировать свои войска на наиболее угрожаемых направлениях, тем самым достигая успеха.

Зато «тайная война», проводимая контрреволюцией, оказалась более эффективна. В частности, в Москве и в Петрограде организовывались забастовки на военных заводах, мятежи в воинских частях, участились случаи измены на фронтах. Во многом это объяснялось нарастающим недовольством политикой большевиков: традиционно для России, новые власти говорили и обещали одно, тогда как на деле выходило совершенно иное — но без должной организации, без каких-то «толчков» извне, у нас все обычно заканчивается «разговорами на кухне». Не будем, впрочем, забывать, что большая часть населения все-таки поддерживала большевиков. Бездарность предшествующих властей, как монархии, так и «буржуазной демократии», иного выбора просто не оставляла.

Понимая это, руководство ВЧК и ее Особого отдела изначально уделяло большое внимание укреплению всесторонних связей органов безопасности с массами. Чекисты выступали на собраниях рабочих, в воинских подразделениях, а в газетах — центральных и провинциальных — публиковались воззвания, обращения и призывы к населению и военнослужащим по вопросам обеспечения безопасности республики и Красной армии. ВЧК и Особый отдел информировали о ликвидированных заговорах контрреволюции, раскрывали формы и методы подрывной деятельности врагов, призывали массы повышать бдительность и оказывать помощь органам госбезопасности. И действительно, многие граждане и военнослужащие шли в ЧК, в особые отделы, сообщали об известных им подозрительных фактах. Органы безопасности использовали печать и в профилактических целях — для разложения контрреволюционных групп и отрыва от них рядовых участников, втянутых в борьбу против советской власти.

Так, в конце марта было опубликовано «Обращение ВЧК к трудящимся о борьбе с врагами Советской России»,

в котором подробно освещалась тактика «подрывной деятельности агентов империализма», подстрекающих к выступлениям против советской власти и сеющих в народе панику. В этом документе, в частности, обращает на себя внимание утверждение, что «распространяются слухи о том, что Советское правительство снимает иконы с храмов, запрещает церковное богослужение и оскорбляет чувства верующих...». Оно, конечно, ни Ленин, ни Свердлов самолично иконы не снимали, хотя гонения на Церковь уже начались, отрицать это было бы грешно, — но власти, как видим, это лицемерно отрицали... В своем обращении ВЧК выражала уверенность, что «рабочий класс сумеет отличить клевету от истины, и все защитники Советской власти будут бдительны и осторожны». Завершалось обращение предупреждением, что ВЧК «беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти»*.

Тридцать первого мая воззвание «Берегитесь шпионов!» подписали уже В. И. Ленин как «Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны» и Ф. Э. Дзержинский — «Наркомвнудел». Воззвание было доведено до сведения бойцов и командиров всех фронтов. В нем вождь пролетарской революции и председатель ВЧК утверждали, что «во всей прифронтовой полосе и в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...».

Кстати, очень интересна расстановка приоритетов в следующем пункте обращения: «Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности»**.

В этой связи 15 июня ЦК обязал Особый отдел ВЧК организовывать на всех фронтах, в первую очередь на Западном и Южном, тщательную проверку командного состава, железнодорожных служащих, технического персонала.

Эти требования возымели свое действие: в частности, все подозрительные личности, появившиеся в районе передовой и в окружении воинских частей, задерживались и проверялись, что дало определенные результаты. Так, в начале июня, при попытке перехода линии фронта, был убит

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 267—268.

** Там же. С. 289.

неизвестный, при досмотре тела и вещей которого в мундштуке была обнаружена записка, адресованная генералу Родзянко — командиру наступавшего на Петроград Северного корпуса. Записка была подписана псевдонимом «Вик». Эта же подпись стояла на письмах, найденных у двух белогвардейцев, задержанных несколько дней спустя при переходе границы с Финляндией. Начавшееся расследование привело вскоре к раскрытию того самого «Национального центра», который мы уже упоминали в предыдущей главе и о котором более подробно расскажем чуть ниже...

Еще 11 июня белогвардейцы вышли на ближние подступы к Петрограду, но уже 12-го были остановлены на Нарвском направлении, где частям Красной армии удалось отбить все атаки на Гатчину и Красное Село. Однако на следующий день вспыхнул контрреволюционный мятеж на сухопутных фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», оборонявших морские подступы к Петрограду. Чтобы представить мощностъ этих облаченных в броню и бетон фортов, достаточно сказать, что «Красная Горка» имела на вооружении восемь 305-миллиметровых орудий, четыре — 280-миллиметровых и четыре 254-миллиметровых, а также еще десяток орудий меньших калибров; «Серая Лошадь» — три 152-миллиметровых орудия и пять — 120-миллиметровых.

Восстанием руководил комендант форта «Красная Горка» бывший поручик Неклюдов — активный член «Национального центра». Вокруг него сплотились не только контрреволюционно настроенные военспецы, но и многие представители «трудящихся классов», также недовольные политикой советской власти — потом их официально нарекли «кулацким элементом», попавшим в гарнизон вследствие огульной мобилизации». Мятежники арестовали свыше 350 коммунистов и им сочувствующих и расстреляли председателя Кронштадтского совета и комиссаров обоих фортов — то есть троих человек.

О захвате фортов Неклюдов сообщил радиограммой в Бьерке (Приморск) командующему находившейся там британской эскадрой адмиралу Коуэну, однако пользы восставшим это не принесло: английские корабли так и оставались на рейде. Лишь после подавления восстания адмирал Коуэн вдруг «разродился» радиограммой, удивительной по своей несвоевременности и нелепости: «Всем. Настоящим сообщаю, что жизни команд всех выходящих из Кронштадта судов, которые добровольно сдадутся моим силам, будут

гарантированы. Все переходящие суда должны выкинуть белый флаг...»* Странно, но действия британских джентльменов уж слишком отдают провокацией и предательством. Создается впечатление, что британцы были заинтересованы не в победе белых сил, но в продолжении смуты, ослабляющей Российское государство.

Мятеж был подавлен очень быстро: против пятисот восставших была брошена срочно сформированная «Береговая группа войск» численностью 4,5 тысячи человек, имевшая в своем составе два броневика, бронепоезд и бронелетучку, поддержанная десятью гидросамолетами, восемью кораблями и фортом «Риф». На стороне красных было 118 орудий, из них 36 калибром 203—305 миллиметров... 17 июня все было закончено, и даже сами названия мятежных укреплений были стерты из памяти: «Красная Горка» стала фортом «Краснофлотский», «Серая Лошадь» — «Передовой».

* * *

«Летом 1919 года, когда поражение Колчака стало очевидным фактом и ясно обозначились успехи Красной армии под Петроградом, империалисты Антанты предприняли новый поход против Советской России... Второй объединенный поход Антанты являлся непосредственным продолжением первого похода. В нем участвовали в основном те же силы, что и в первом походе весной 1919 года. Разница состояла лишь в том, что свой главный удар враги Советской страны наносили теперь не с востока, а с юга, где действовали белогвардейские войска Деникина»**.

Третьего июля главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин отдал так называемую «Московскую директиву» о начале генерального наступления на Москву. Уже на следующий день, выступая на объединенном заседании ВЦИКа, Моссовета и ряда других органов, Ленин призвал рабочих на борьбу с Деникиным, а 9 июля в «Известиях ЦК РКП(б)» этот призыв был оформлен в виде письма Центрального комитета «Все на борьбу с Деникиным!».

Дзержинский тем временем зашел как бы с другой сто-

* *Исаков И. С.* Красная Горка. Сталинская операция 13—16 июня 1919 г. М., 1946. С. 42.

** История Гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 195.

роны. 11 июля было опубликовано его «Обращение к белогвардейцам»:

«Опыт полутора лет Гражданской войны показал, что иностранные и отечественные империалисты не надеются в открытом бою победить революцию. Иностранные войска на Юге и на Севере отказываются воевать за интересы капитала, против рабоче-крестьянской армии. Собственных военных сил у российской контрреволюции не так много, чтобы она могла надеяться на успех. Одним из главных средств борьбы у контрреволюции является дезорганизация нашей обороны, нашего тыла.

Недавний случай предательства и измены под Петроградом, на Красной Горке и на Карельском участке Северного фронта особенно наглядно показал, на что рассчитывают белогвардейцы. Они проникают на командные посты, в различные государственные учреждения, обслуживающие армию. Там они стремятся или прямой изменой, или дезорганизацией тыла и фронта подвергнуть революцию разгрому. Потеряв надежду на успех в открытом бою, контрреволюция пытается заговорами и предательством, изменой и шпионажем победить рабочих и крестьян...»

Предупредив, что «никакой пощады изблеченным в белогвардейских заговорах и организациях не будет» и подтвердив это списком семи уничтоженных «белогвардейских предателей» — кронштадтских военспецов, председатель ВЧК также указал, что, «помимо перечисленных преступников, арестовано и расстреляно большое количество лиц, изблеченных (частью сознавших) в участии в белогвардейских организациях военного характера».

Затем он обращается к тем, кто оказался «втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации»:

«Всероссийская Чрезвычайная комиссия предлагает таким лицам в недельный срок явиться к ней и гарантирует явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность. По истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлечет за собой неизменно высшую кару — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи»*.

На этом фоне про трех комиссаров, расстрелянных на «Красной Горке», и вспоминать как-то неудобно...

* Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. М., 2007. С. 277—249.

Между тем призыв «Все на борьбу с Деникиным!», равно как и «Обращение к белогвардейцам», желанного воздействия не возымел. Наступление Деникина продолжалось. В этих условиях Центральный комитет поручил своему Оргбюро укрепить руководство Особого отдела ВЧК. 27 августа приказом Реввоенсовета Республики на должность его председателя был назначен Ф. Э. Дзержинский, оставшийся также на постах председателя ВЧК и наркома внутренних дел.

Очень интересную характеристику дал Железному Феликсу действительный статский советник В. Г. Орлов — военный контрразведчик, который после Октябрьской революции некоторое время работал по своей прежней специальности на большевиков, а затем благополучно эмигрировал.

Орлов Владимир Григорьевич (1882—1941). Окончил юридический факультет Варшавского университета; участник Русско-японской войны. После войны — в Варшаве, следователь по политическим делам; в 1912 году — действительный статский советник, следователь по особо важным делам. С началом мировой войны переведен в контрразведку, работал под началом Н. С. Батюшина. После Октябрьской революции по поручению генерала М. В. Алексеева в Петроградской ЧК — председатель центральной уголовно-следственной комиссии. Создал тайную антибольшевистскую сеть (около 80 агентов) и вошел в контакт с представителями стран Антанты и Центральных держав в Петрограде. В сентябре 1918 года бежал в Финляндию. С февраля 1919 года — начальник контрразведывательного отделения начальника штаба Добровольческой армии Одесского района. С мая 1919 года — начальник контрразведывательной части особого отделения Генштаба ВСЮР. Затем — руководитель врангелевской контрразведки. С 1920 года в Германии. После прихода к власти нацистов бежал в Бельгию; в 1939 году был задержан и отправлен в концлагерь, где и погиб в 1941 году.

Точка зрения В. Г. Орлова:

«Пройдет много времени, прежде чем русский народ сможет искоренить бездушное и предательское жонглирование словами, которым занимаются беспринципные негодяи, стоящие у власти. Сознание народа пробуждается, необходимо покончить не только с ложью, но и с теми, кто ее распространяет. Если глубоко вникнуть в происходящее, можно впасть в отчаяние, поскольку в то время, когда одни

совершают все эти чудовищные преступления против человечества и цивилизованного мира, другие безучастно остаются в стороне».

«У Дзержинского совсем не было личной жизни, — писал он. — Этот красный Торквемада* во имя идеи убил бы своих отца и мать, его в то время нельзя было купить ни за золото, ни за блестящую карьеру или за женщину, даже самую наипрекраснейшую.

В свое время я встречался с сотнями революционеров и большевиков, но с такими людьми, как Дзержинский, всего лишь дважды или трижды. Всех остальных можно было купить, они отличались друг от друга лишь ценой. Во время восстания левых эсеров Дзержинский был арестован на несколько часов, но потом отпущен на свободу. После этого он приказал арестовать своего лучшего друга и соратника Александровского, с которым работал в течение нескольких лет. Перед тем как Александровского увели на расстрел, Дзержинский обнял его. Для него идея значила больше, чем человеческие чувства. Десять минут спустя Александровский был расстрелян»**.

Да, прав был поэт Маяковский, повторивший применительно к Дзержинскому слова другого поэта: «Гвозди бы делать из этих людей...»***

Под руководством Дзержинского Особый отдел и другие подразделения ВЧК раскрыли в Москве тот самый «Национальный центр», имевший отделения в Петрограде, Сибири, на Урале и Кубани. Заговорщики, ожидавшие подход Деникина к Москве в первой половине сентября, были готовы поднять мятеж, тем самым нанеся советской власти смертельный удар в спину.

Разоблачить заговорщиков чекистам удалось при активном содействии трудящихся и военнослужащих, к которым они постоянно обращались за помощью и поддержкой. Например, учительница 74-й московской школы сообщила в Особый отдел ВЧК, что у директора школы Д. Я. Алферова часто собираются неизвестные лица — в результате оперативно-разыскных мероприятий удалось выяснить, что это были курьеры от генерала Деникина. Военврач Окружной артиллерийской школы сообщил, что

* *Томас Торквемада* (1420—1498) — глава испанской инквизиции с 1480-х годов.

** *Орлов В. Г.* Указ. соч. С. 83.

*** Двустушием «Гвозди бы делать из этих людей...» заканчивается «Баллада о гвоздях» Н. С. Тихонова, написанная в 1922 году.

начальник школы В. А. Миллер «втягивает» его в антисоветскую организацию. Подробно рассказывая об этом особистам, он вспомнил, что Миллер обращался в Реввоенсовет с просьбой выделить в его распоряжение мотоцикл. Это сделали сотрудники Особого отдела якобы от имени РВСР. Сергей Кудеяр, мотоциклист одной из воинских частей, а позже сотрудник Особого отдела, несколько дней возил доверчивого Миллера по указанным им адресам, в результате чего были установлены многие из участников «Национального центра».

В ночь на 29 августа чекисты провели операцию по ликвидации Московского отделения. Несколько раньше было ликвидировано отделение в Петрограде, а затем филиалы на Восточном и Юго-Восточном фронтах, в городах Поволжья и Приуралья... Что интересно, об этих оперативных мероприятиях было буквально сразу подробно рассказано на страницах «Известий ВЦИК».

В конце ноября 1919 года те же «Известия» сообщили, что «Усилиями Петроградской Чрезвычайной комиссии, Особого отдела ВЧК и Особого отдела Н-ской (7-й. — А. Б.) армии в Петрограде раскрыт крупный белогвардейский шпионский заговор, в котором принимали участие крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, члены партии кадетов, “Национального центра”, а также лица, близкие к партии эсеров и меньшевиков. Вся деятельность заговорщиков протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, главным образом английских и французских, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках нити его»*.

Это был так называемый «заговор Поля Дюкса»**. Заговорщики имели сообщников в армейских и флотских штабах и с их помощью снабжали разведывательной информацией наступавшего на Петроград генерала Юденича. При подходе его войск к Северной столице в городе должен был вспыхнуть мятеж, для организации которого было сформировано несколько отрядов.

И опять-таки заговорщикам помешали представители «трудящихся масс». В Ораниенбаумский особый отдел пришел военный моряк Д. Ф. Солоницын и рассказал, что

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 335.

** *Поль Дюкс* — английский разведчик, работавший в Петрограде «под крышей» корреспондента лондонской «Таймс».

командир морского дивизиона Б. П. Берг поручил ему провести через линию фронта неизвестного человека. Как следует расспросив моряка и убедившись в его искренности, военные контрразведчики попросили его согласиться с предложением... Затем несколько чекистов переоделись в белогвардейскую форму, организовав неподалеку от линии фронта ложный штаб. В роли начальника штаба, к которому Солоницын проводил неизвестного, выступил заместитель начальника Особого отдела. Оперативная игра удалась: полагая, что находится за линией фронта, молодой человек откровенно рассказал, что он — сын генерала Шидловского, участник контрреволюционной организации в Петрограде, и представил схемы расположения советских войск...

Стоит обратить внимание: чекисты действовали гораздо профессиональнее и изобретательнее своих, как оказалось, излишне доверчивых и простодушных противников. При этом они действительно пользовались народной поддержкой.

А что сказать про их «оппонентов»? Вспомним ленинскую формулировку, хотя написанную и по иному поводу: «Страшно далеки они от народа...» Пожалуй, именно это в конечном итоге губит любую российскую власть.

* * *

В боях 21—26 октября у Пулковских высот было остановлено продвижение белогвардейских частей на Петроград, и 26-го числа 7-я и 15-я армии Западного фронта перешли в контрнаступление. 14 ноября войска Восточного фронта заняли Омск — место недавнего расположения так называемого Временного Всероссийского правительства; в первой половине декабря войска Южного фронта освободили Белгород, Полтаву и Харьков, а 16 декабря — Киев. 27-го против Колчака восстал Иркутск, который считался столицей Восточной Сибири.

К исходу 1919 года Красная армия фактически разбила войска Колчака, Деникина и Юденича, освободив территорию с населением в 50 миллионов человек. Ну а в начале следующего 1920 года Англия, Франция и Италия поспешили отменить блокаду Советской России. Судьба недавних союзников их вряд ли теперь волновала. «*Vae victis*»* — как говорили древние.

* «Горе побежденным» (лат.).

Недолгий последующий отрезок времени вошел в историю под названием «мирной передышки» — у советской власти появилась возможность хоть как-то преодолеть неимоверную разруху, которую переживала страна, облегчить исключительно тяжелое экономическое положение народа. Часть вооруженных сил сразу же была переведена на «трудовой фронт»: уже в начале года шесть армий — примерно треть от общего состава входивших в состав РККА — были преобразованы в трудовые, подчиненные РВСР и Совету рабочей и крестьянской обороны. Особые отделы в этих армиях сохранялись.

Это сейчас забыто, но именно тогда, 17 января 1920 года, ВЦИК и СНК «в связи с разгромом основных сил контрреволюции» постановили «отменить смертную казнь (расстрел) как высшую меру наказания». Впрочем, как оказалось, ненадолго: «отмена отмены» особенно не афишировалась, но уже в «Положении о революционных военных трибуналах», опубликованном 4 мая, говорится, что «революционным военным трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право определения меры репрессии», а в «Примечании 1» «расстрел» без всяких оговорок значителен в числе наказаний, налагаемых по приговорам трибунала...

22—25 декабря 1919 года прошел 1-й Всероссийский съезд особых отделов фронтов и армий. В его резолюции было указано, что победы на фронтах не должны повлечь ослабление борьбы с попытками контрреволюции проникнуть в РККА и что военные контрразведчики обязаны оказывать всемерную помощь командованию в повышении боеготовности войск. Возрастание численности личного состава Красной армии к началу 1920 года до трех миллионов потребовало увеличения количества особых отделов. В связи с тем, что для их комплектования не хватало руководящего и оперативного состава, съезд обратился в ЦК РКП(б) с просьбой направить на работу в органы военной контрразведки партийные кадры — эта просьба была удовлетворена.

Кстати, такую форму организационной работы, как съезды особых отделов, предложил назначенный в ноябре 1919 года на должность управляющего делами ОО ВЧК Г. Г. Ягода.

Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938). Ученик аптекаря, в 1907 году вошел в нелегальную молодежную группу анархистов-коммунистов; участник мировой войны —

ефрейтор. В 1918—1919 годах — управляющий делами и заместитель председателя Высшей военной инспекции РККА. С октября 1919 года — управляющий делами Особого отдела ВЧК, член Коллегии ВЧК; с сентября 1923 года — член Коллегии и 2-й заместитель председателя ОГПУ, одновременно — заместитель начальника Секретно-оперативного управления и начальник Особого отдела ОГПУ. С июля 1934-го по сентябрь 1936 года — нарком внутренних дел СССР. В марте 1937 года арестован по обвинению в причастности к «антисоветскому правотроцкистскому блоку», в руководстве антисоветским заговором в НКВД и террористической деятельности. Расстрелян в марте 1938 года.

Из последнего слова Г. Г. Ягоды на процессе по делу «Антисоветского “правотроцкистского блока”»:

«Я хочу рассказать советскому суду, советскому народу о том, как человек, пробывший 30 лет в партии, много работавший, свихнулся, пал и очутился в рядах шпионов и провокаторов.

Опозоренный, повергнутый в прах, уходя из жизни, я хочу рассказать мой печальный, трагический путь, который послужил бы уроком для всех тех, кто не до конца предан делу партии Ленина — Сталина. Я тоже начал с колебаний...»

Эти признания прозвучали на открытом процессе, в присутствии публики, когда было ясно, что бояться и терять уже нечего. Почему же тогда никто не закричал о своей невинности — если это было именно так?

«По его же инициативе в декабре был подписан приказ о новой организационной структуре теперь уже Управления Особого отдела ВЧК, которое состояло из административно-организационного, информационного, агентурного, следственного и регистрационного отделений, секретного отдела и оперативной части. Изданная в декабре “Инструкция Особого отдела ВЧК особым отделам фронтов и армий” трактовала особые отделы как военную организацию с централизованным управлением, непосредственно подчиненную ВЧК, а в оперативном отношении, в пределах даваемых заданий и контроля за их выполнением, — РВСР. К числу задач особых отделов относились борьба с контрреволюцией в войсках и учреждениях РККА, раскрытие, предупреждение и пресечение работы “шпионских организаций как осведомительного, так и вредительского характера, постановка закордонной работы с целью выяв-

ления контрреволюционных организаций, посылки шпионов на территорию Республики»*.

Подводя некий промежуточный итог на тот период, можно сказать, что Особый отдел ВЧК сумел наладить широкую и в целом эффективную контрразведывательную деятельность. К тому же тогда в его ведение перешла и внешняя разведка: за границу бежали сотни тысяч офицеров, казаков, солдат, Советскую Россию покинула значительная часть политических деятелей, интеллигенции, буржуазии и чиновничества — эмиграция достигла от полутора до двух миллионов человек. За границей создавались антисоветские центры, воинские белогвардейские формирования. С учетом этого в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК был создан Иностранный отдел — для ведения разведывательной работы. Иностранные отделы были созданы также при особых отделах фронтов, армий и флотов, а также губернских ЧК.

Но уже 20 декабря того же года Дзержинский подписал приказ № 169, в котором, в частности, говорилось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ОО ВЧК передать в распоряжение Иностранного отдела ВЧК...»**

* * *

«Мирная передышка» оказалась недолгой: бывшие союзники по Антанте, сами не желая вновь связываться с большевиками, постарались науськать на них Польшу — извечного нашего «оппонента» и недоброжелателя. Не воспользоваться временным ослаблением России поляки просто не могли, тем более что государства Антанты оказывали им реальную помощь. Франция предоставляла Польше долгосрочный кредит на сумму свыше миллиарда франков, большое количество боевой техники и вооружения, США — кредит в 159,6 миллиона долларов, 200 бронемашин и 300 самолетов, Великобритания — 58 тысяч винтовок и 58 миллионов патронов (по тысяче на винтовку!) и авиационное оборудование...

Польская агрессия была ожидаема, к ее отражению го-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 54—55.

** Антонов В. С., Прокофьев В. И. Служба внешней разведки России: памятные даты. М., 2004. С. 142.

товились. 7 апреля 1920 года Дзержинский издал приказ об усилении аппаратов армейских особых отделов. При этом особые отделы ряда губернских ЧК расформировывались или сокращались, а их сотрудники назначались в особые отделы фронтов и армий.

Двадцать пятого апреля польская армия начала наступление на фронте от Припяти до Днестра. Историки назовут это «третьим объединенным походом Антанты» против Советской республики. Тут же активизировалось антисоветское подполье — особенно в западных районах страны и на Украине. В ряде циркулярных писем и приказов ВЧК потребовала как можно быстрее освободить тыл действующей армии от враждебных элементов, а Совет труда и обороны принял решение, согласно которому все те, кто без надлежащего разрешения Наркоминдела и Особого отдела ВЧК пытался перейти через границу, рассматривались как иностранные шпионы и несли ответ по законам военного времени.

В Декрете ВЦИК и СТО от 28 мая указывалось:

«Ввиду усиливающейся работы агентов польской шляхты в тылу Красной армии, в центре страны, ввиду ряда поджогов, взрывов, а также всех видов саботажа Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Труда и Обороны считают необходимым придать военному положению самый решительный и непреклонный характер».

Нет сомнения, что нижеследующий пункт этого декрета имел к особым отделам самое непосредственное отношение: «Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и тем ее органам, которые на это будут специально уполномочены... предоставляются права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при охране военных складов и других военных мероприятий)*».

На Польский фронт были направлены лучшие партийные силы, в том числе руководящие и рядовые сотрудники ВЧК. Специальные оперативно-чекистские группы, созданные Особым отделом ВЧК, возглавили в качестве особоуполномоченных ВЧК такие известные ее сотрудники, как А. Х. Артузов, Р. А. Пиляр, Я. С. Агранов и другие.

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 395—396.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937). Окончил Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. С января 1919 года — на ответственных должностях в Особом отделе ВЧК. Начальник Иностранного отдела и член коллегии ОГПУ СССР в 1931—1935 годах. С мая 1934 года одновременно заместитель начальника IV (разведывательного) Управления Штаба РККА. Корпусной комиссар. Арестован и расстрелян в 1937 году.

Свидетельство современника:

«Артузова я очень уважаю... Он всегда был очень дисциплинированным, законопослушным человеком. Для него ЦК партии — это всё! И он считал, что действовать так организовано, выступать против руководства — это ненормально».

*Борис Иванович Гудзь,
сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД*

Агранов Яков Саулович (1893—1938). Родился в семье лавочника; окончил четыре класса городского училища. В 1915 году вступил в РСДРП. В 1917 году — секретарь Полесского обкома РСДРП, в 1918-м — секретарь Совета народных комиссаров РСФСР. С мая 1919 года — особоуполномоченный Особого отдела ВЧК; с 1921 года — секретарь Малого Совнаркома и особоуполномоченный секретно-оперативного управления ВЧК. С июля 1934 года — первый заместитель наркома внутренних дел СССР; с декабря 1936 года — начальник ГУГБ НКВД СССР. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга. 15 апреля 1937 года понижен в должности до заместителя наркома внутренних дел — начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР; с 17 мая 1937 года — начальник Управления НКВД Саратовской области. Арестован 20 июля 1937 года; расстрелян 1 августа 1938 года.

Свидетельство современника:

«При Дзержинском состоял, а у Сталина дошел до высших чекистских постов кровавейший следователь ВЧК Яков Агранов, не связанный с Россией выходец из царства Польского, ставший палачом русской интеллигенции. Он убил многих известных общественных деятелей и замечательных русских ученых...»

Роман Борисович Гуль, писатель

«Двадцать шестого мая Сталин был назначен членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта (командующий

А. И. Егоров). Для очищения тыла от многочисленных бандформирований председатель ВЧК Дзержинский назначается начальником тыла фронта, с ним прибыло 1400 чекистов и бойцов войск внутренней охраны. Повторялось сотрудничество Сталина и Дзержинского, как на Восточном фронте в начале 1919 года»*.

Военные контрразведчики Западного фронта совместно с работниками местных ЧК смогли достаточно быстро очистить прифронтовую полосу от контрреволюционного и националистического подполья. Сокрушительный удар был нанесен по шпионско-диверсионным группам «Польской организации войсковой» (ПОВ), созданной агентурой Пилсудского для проведения подрывной деятельности в частях и тылу войск Красной армии. В Киеве чекисты арестовали около двухсот человек, среди них 30 руководящих работников ПОВ, были изъяты шпионские материалы о дислокации частей Красной армии. В Одессе была ликвидирована организация ПОВ, в которую входило более ста человек — они имели связи с бароном П. Н. Врангелем и Румынией. Филиалы организации были выявлены в Харькове, Житомире, Минске, Смоленске и других городах.

«В начале двадцатого года в оперативных документах ВЧК замелькала фамилия некоего Игнатия Добржинского, фигурировавшего под псевдонимом “Сверщ” (“Сверчок”). После ареста некоторых агентов польской разведки стало ясно, что в Москве действует крупная, хорошо конспирированная резидентура 2-го отдела генштаба польской армии. Но под какой “крышей” скрывается “Сверщ”, в то время установить не удалось, а предпринятый активный розыск тогда результатов не дал. И вот удача — в Орше оперативным путем удалось выйти на курьера московской резидентуры Марию Пиотух. Руководитель операции Артур Христианович Артузов, в ту пору особоуполномоченный Особого отдела ВЧК, распорядился установить за ней наблюдение, и вскоре ему стал известен адрес явочной квартиры польских разведчиков в Москве. Задержанные на ней агенты дали новую ниточку для поиска. На одной из квартир в Москве “Сверщ” был обнаружен, но успел убежать через окно...»**

Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897—

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 152.

** Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. С. 175—176.

1937). С 1918 года — подпоручик 2-го отдела (разведка) Генштаба Польской армии, резидент польской разведки в Советской России. В июне 1920 года арестован и в августе согласился работать на ВЧК — был зачислен в штат. С 8 января 1934 года — заместитель начальника Особого отдела ОГПУ СССР (ГУГБ НКВД), с января 1935 года — первый заместитель начальника Управления НКВД Саратовского края; комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Арестован в ноябре 1936 года, в ноябре 1937-го — расстрелян.

Свидетельство современника:

«От показаний Сосновского зависела судьба военной польской разведки во время войны 1920 года. И я добился показаний. Причем помогли не угрозы (они не действовали), а сила аргументов Ленинской партии. Дзержинский разрешил обещать Сосновскому — не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпустить в Польшу под честное слово — не заниматься больше шпионажем против нас. На этом условии Сосновский дал свои показания. Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть. Обещание приказано было выполнить».

*Артур Христианович Артузов,
начальник Иностранного отдела ОГПУ СССР*

В конце июня Добржинский все-таки был задержан сотрудниками Особого отдела ВЧК; оказалось, что он служил в Москве, политруком на курсах броневых частей. При обыске на его квартире оперативники обратили внимание на документы, из которых следовало, что арестованный является членом Польской партии социалистов, читает марксистскую литературу и даже ходит на митинги большевистских руководителей в Москве.

Несмотря на то что на первых допросах Добржинский наотрез отказывался давать показания, Артузов терпеливо и настойчиво переубеждал его, стремясь доказать свою правоту вескими и неоспоримыми аргументами. Так продолжалось несколько дней, пока, наконец, Добржинский не стал отвечать на некоторые вопросы, а потом постепенно «разговорился»... Он критиковал взгляды и позицию маршала Пилсудского и положительно отзывался о действиях советского правительства. Учитывая это, руководство ВЧК решило убедить его в необходимости перехода на сторону большевиков.

«Артузов приложил немало усилий, чтобы Добржинский принял решение прекратить деятельность резиден-

туры. При этом он выдвинул принципиальное условие: людей, работавших на его резидентуру по идейным соображениям — задержанных или оставшихся на свободе, — не репрессировать. После согласия на сотрудничество Добржинский официально подтвердил, что является главным резидентом польской военной разведки в Советской России. Он высказал предположение о возможности прекращения разведывательной деятельности резидентом Петроградского отделения Виктором Стацкевичем. Под контролем сотрудников Особого отдела он организовал встречу А. Х. Артузова со Стацкевичем, в результате которой резидент по идейным мотивам согласился прекратить подрывную работу против Советской России.

Артузов включил Добржинского и Стацкевича в оперативную группу, командированную на Западный фронт для оказания помощи армейским контрразведчикам в ликвидации подпольных ячеек ПОВ, проводивших разведывательно-диверсионную работу в тылу Красной армии. В списке этой опергруппы Добржинский значился уже как сотрудник для особых поручений ОО ВЧК Сосновский. Такой псевдоним закрепился за ним на всю последующую жизнь.

По возвращении с Западного фронта Игнатий Сосновский был награжден орденом Красного Знамени и уже официально зачислен в штат ВЧК. Впоследствии он стал одним из руководителей Контрразведывательного отдела, выведенного из состава Особого отдела ГПУ. В этом подразделении под фамилией Кияковский работал и Виктор Стацкевич.

Всего же по делам польского шпионажа в 1920 году было привлечено к ответственности около полутора тысяч человек»*.

Успехи молодой советской военной контрразведки были налицо, и написано о них немало. Однако, о чем известно гораздо меньше, в работе спецслужб стали проявляться и старые «болезни», которые «наследственными» вряд ли назовешь — все же большевистское руководство декларировало создание своих органов государственной безопасности «на пустом месте». Но вот что писал Феликс Эдмундович Дзержинский в личном письме своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому в конце июня все того же 1920 года:

«Чувствую, что с моим долгим пребыванием в Харькове

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 57—58.

между Вами (Особым отделом) и Президиумом ВЧК пробегают все более черная кошка. Этому необходимо противодействовать в интересах дела. Если бы необходимость существования ЧК сознавалась партией и рабочими так же, как необходимость, скажем, органов снабжения, тогда можно было бы позволить роскошь расчленения одного целого ВЧК на ведомственные органы. Сейчас же, в реальных условиях нашей революции, при недостатке сил, при неизбежной тенденции ведомств покрывать своих сотрудников, при необходимости сообразно потребности момента борьбы усилить чекистскую борьбу в той или иной области ценою ослабления в другой, все наше чекистское дело надо централизовать в одном органе ВЧК. Конечно, этот орган должен быть так построен, чтобы каждый из его отделов мог проявить максимум инициативы при максимуме ответственности. В этом отношении надо в организации ВЧК кое-что подправить. У меня созревает план совершенно реорганизовать Президиум ВЧК. В том виде, как он есть, его надо упразднить. Ответственные за ВЧК должны быть председателем и его заместителем...

Вячеслав Рудольфович, Вы должны стать патриотом ВЧК как единственного боевого органа и не проводить линии обособления, а принять самому участие в укреплении ВЧК и ее органов там и тогда, где это понадобится в данный момент. Не нужны окружные особые отделы, как правило. Органы борьбы с контрреволюцией и шпионажем должны быть едины, наши отделы — это дополняющие друг друга части, необходимость применять различные подходы, ведущие в одно и то же место. Тов. Лацис *приходил** к шпионажу, *исходя* из гражданской контрреволюции. Вы *приходили* к “Национальному центру”, *исходя* из шпионажа. И у Лациса тенденция: Особый отдел сделать частью Секретно-оперативного отдела, а у Вас есть тенденция стать самостоятельным органом по борьбе с контрреволюцией, организованной вообще. Эти тенденции надо перебороть. Организационно надо их изжить, сделав ответственных лиц в отделах ответственными за всю ВЧК...»**

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934). Окончил юридический факультет Петербургского университета; в революционном движении с 1895 года — вел подпольную партийную работу в Петербурге и Ярославле. В январе —

* Здесь и далее — подчеркнуто в оригинале.

** Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. С. 291—293.

марте 1918 года — нарком финансов РСФСР, в апреле — ноябре — генеральный консул РСФСР в Берлине. С сентября 1919 года на ответственной работе в Особом отделе ВЧК. Руководитель Особого отдела с июля 1920-го по июль 1922 года. С 30 июля 1926 года — председатель ОГПУ; с апреля 1929 года практически отошел от дел по состоянию здоровья.

Свидетельство современника:

«Впечатление, какое он на меня произвел, будет точнее всего выражено, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности».

Лев Давидович Троцкий, революционный деятель

В общем, «диагноз» можно поставить следующий: стремление доказать, что деятельность именно твоей службы, твоего подразделения является наиболее важной и необходимой. Вспомним недавнюю — 1917 год — борьбу на «контрразведывательном поле»; вспомним, не вдаваясь в подробности, известное последующее соперничество между органами МВД и КГБ... Вот и здесь все тот же вопрос, кто важнее: ВЧК или достаточно автономный Особый отдел? В разной формулировке и постановке аналогичный вопрос возникал еще не раз. А ведь конфликты между спецслужбами — не свары на коммунальной кухне. В ходе таких конфликтов порой были задействованы и специальные средства, и оперативные методы. Яркое тому свидетельство — еще одно письмо Феликса Эдмундовича Вячеславу Рудольфовичу, датированное уже 25 февраля следующего года:

«Маковский* не ориентировался в дошедших до него обвинениях против Киевской губчека и не прекратил их в корне, наоборот, придает им значение. На основании присланного мне Маковским материала, опроса приехавших из Киева товарищей для меня ясна вся вздорность обвинений, основанная на бывшем между Ос. От. Киев. Воен. окр. и губчека** антагонизме.

Всякие сплетни, смещения лиц и т. п. могли на такой почве разрастаться в дела.

* Сотрудник Киевской ЧК.

** Особым отделом Киевского военного округа и губернской ЧК.

Ос. отдел вел агентурное наблюдение и следствие за сотрудниками ЧК. Это недопустимо. Находящийся сейчас в Москве Деницкий причастен к этому, как равно и Шнейдерман*.

Прошу до моего приезда в Москву и разбора их дела никуда из Москвы не присылать.

Кроме того, прошу дать циркулярное разъяснение всем ос. [обым] отд. [елама], что они не имеют права заводить агентурные дела против чекистов без согласия председателя ЧК, а равно и против более или менее ответственных коммунистов без согласия парткома. В случае если возникнут серьезные подозрения, о которых по местным условиям нельзя доложить предчека и парткому, — дело препровождать в Центр для дальнейшего направления.

Кроме того, считал бы полезным запретить ос. [обым] отд. [елама] заводить дела и производить аресты по делам, им не подведомственным**.

А вот — докладная руководителя Псковской губернской ЧК, написанная 18 марта 1920 года: «Сплошь и рядом ГубЧК, проводя операцию, наталкивается на конспиративные квартиры Особотдела [Особого отдела охраны границ Республики] и наоборот, в результате скандал... В деле установления бандитов и их пособников получаем Ваш приказ взять заложников... Особотдел получает такой же приказ, то же происходит и по выселениям помещиков из погранполосы... Особотдел... старается иметь своих осведомителей даже в самой ГубЧК с целью подкопаться к псковским верхам...***

Не делая далекоидущих выводов и трагедийных обобщений, признаем: да, было. И не раз. Однако системой не стало. Спецслужбы — ведомства особые, у них свои дела и свои «игры», далеко не всегда понятные людям непосвященным.

* * *

Назначенный членом РВС Западного фронта, членом Временного польского ревкома и председателем Бюро ЦК по руководству партийной работой в польских районах, за-

* Сотрудники Особого отдела Киевской ЧК.

** Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. С. 313.

*** Седунов А. В. Отвечая на угрозы из-за кордона. «Прибалтийский фактор» в деятельности ВЧК—ОГПУ в приграничных районах Северо-Запада России в 1918—1940 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 70.

нятых частями Красной армии — при оставлении на должностях председателя ВЧК и наркома внутренних дел, — Дзержинский в июле был освобожден от обязанностей председателя Особого отдела ВЧК. 20 июля, по решению ЦК РКП(б) и Совнаркома, приказами Реввоенсовета Республики и ВЧК начальником (*sic!*) Особого отдела был назначен В. Р. Менжинский.

Как раз в то самое время Красная армия начала свой печально известный «поход на Варшаву», а из Крыма вырвались войска барона Врангеля, двинувшиеся на Донбасс и Дон, в расчете на поддержку контрреволюционного подполья. Особые отделы Юго-Западного и Южного фронтов раскрыли и обезвредили ряд белогвардейских организаций, готовивших мятежи и восстания в Киеве, Харькове, Екатеринославле, Одессе и других городах.

Военным чекистам приходилось также бороться с дезертирством, изымать оружие и боеприпасы у населения, передавая их войскам. Понятно, что это тоже способствовало повышению боеспособности красных войск...

Важное место в деятельности особых отделов занимала разведывательная работа в тылу противника, проводившаяся их иностранными отделами. В то время как и впоследствии, в 1920—1930-е годы, разведка фактически выполняла функции «внешней контрразведки». Сотрудники ИНО, находившиеся за линией фронта, проникали в различные белогвардейские организации, и в результате на основе поступавшей от них информации было разоблачено значительное количество вражеских агентов, террористов и диверсантов, направляемых в советский тыл, получены сведения о планах и замыслах противника; разведчикам особых отделов удалось склонить к переходу на сторону красных тысячи белых солдат, способствовать организации партизанского движения.

В период Гражданской войны наряду с выполнением своих главных задач военные контрразведчики, как и сотрудники местных ЧК, выполняли и другие задания правительства: в частности, привлекались к борьбе с эпидемиями, которые на почве голода, отсутствия медикаментов, мыла и белья разрастались до небывалых размеров. Особым отделам предлагалось контролировать и то, как командиры и начальники следят за санитарным состоянием казарм, госпиталей, эвакуационных пунктов, воинских эшелонов, оказывать содействие органам здравоохранения в организации санитарных кордонов.

Временем окончания Гражданской войны и иностранной интервенции считается период с конца 1920 года — когда войска Южного фронта освободили Крым, до осени 1922-го, когда части Народно-революционной армии Дальневосточной республики изгнали японских интервентов из Владивостока.

«Только с победой в Гражданской войне и немного ранее, при агрессии белополяков на Советскую республику, произошел перелом в настроениях “бывших людей”, оставшихся на красной территории. Тогда и только тогда, как нам представляется, появились реальные предпосылки у ВЧК приступить к созданию оперативных позиций во враждебной среде... Необходимость совершить поворот в методах работы была осознана руководством ВЧК уже в конце 1920 года. Этому прямо способствовал опыт, накопленный Особым отделом ВЧК в ходе выявления и разоблачения польской агентурной сети в России, поимки и перевербовки на идейной основе ряда польских офицеров разведки»*.

То есть ВЧК обратилась к «традиционному инструментарию», стала налаживать агентурную работу, являющуюся основой основ для любой спецслужбы и совсем еще недавно с негодованием отрицаемую большевиками как «провокационные методы». Что ж делать, в контрразведке и разведке принципиально новый «велосипед» не изобретешь... Впрочем, партийные идеологи вскоре нашли лазейку, заявляя о «насыщении новым классовым содержанием», о «марксистских позициях» и т. д. буквально любого направления человеческой деятельности. По счастью, все эти «словеса» так «словесами» и оставались...

Смена приоритетов в работе первой советской спецслужбы отразилась в подписанном Ф. Э. Дзержинским 8 января 1921 года приказе «О карательной политике органов ЧК», в котором Феликс Эдмундович требует «разгрузить тюрьмы и зорко смотреть, чтобы в них попадали только те, кто действительно опасен Советской власти». Председатель ВЧК указывал, что на первый план должна выступить «гигантская информационная работа».

«Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц право-

* Мерзляков В. КРО ОГПУ: люди и судьбы двадцатых // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 1999. С. 225.

эсеровского, махновского или тому подобного толка нужно держать на учете, выяснить, проверить... Надо знать, что делает такой-то, имярек, бывший офицер или помещик, чтобы его арест имел смысл; иначе настоящие шпионы, террористы и подпольные разжигатели восстаний будут гулять на свободе, а тюрьмы будут полны людьми, занимающимися безобидной воркотней против Советской власти»*.

Как точно сказано: «безобидная воркотня против Советской власти»! К сожалению, «партийные бонзы» так не считали, а потому требовали «держать и не пушать». Впрочем, речь сейчас не о том...

«Таким образом, уже в начале двадцать первого, за полтора года до создания КРО, руководство ВЧК совершает решительный поворот в карательной политике, отказывается от апробированных превентивных приемов (в приказе они с присущей для того времени образностью названы “грубыми разящими ударами чекистского молота”). Они стали неэффективными в условиях перехода от войны к миру. Поэтому для нанесения прицельного “удара по руке злодея, засевшего в аппарате советских учреждений и предприятий”, говорится в приказе, нужна не сила и решимость, а точная информация»**.

В то же время произошли и структурные изменения в системе ВЧК.

«Для приспособления основных оперативных отделов ВЧК к новым условиям политической и оперативной обстановки, сосредоточения их усилий на решении главных задач разведывательной и контрразведывательной деятельности, ликвидации параллельных звеньев аппарата ВЧК, в январе 1921 года на базе Особого, Секретного, Оперативного, Информационного и Иностранного отделов было создано Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК, на которое было возложено руководство борьбой с политическим и военным шпионажем в масштабах всей страны. Во главе его был поставлен В. Р. Менжинский»***.

Окончание войны и переход страны к восстановлению разрушенного народного хозяйства существенным образом изменили стратегию и тактику врагов республики: боевые действия уступили место тайной войне, широко развернувшейся шпионской, диверсионной, террористической

* Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сборник документов. С. 418.

** Мерзляков В. Указ. соч. С. 226.

*** Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 59.

и иной подрывной деятельности. Под покровительством правящих кругов и спецслужб Англии, Франции, Польши на западе, Японии на востоке центры белой эмиграции стремились объединиться в единый блок, чтобы организовать новый «крестовый поход» против советской власти. Разведывательные органы империалистических государств активизировали заброску шпионов, террористов и диверсантов в РСФСР, организовывали антисоветские заговоры.

Важнейшим объектом разведывательно-подрывной деятельности противника оставались армия и флот — в частности, в начале марта 1921 года контрреволюции удалось спровоцировать мятеж в Кронштадте. Он оказался достаточно неожиданным для органов безопасности, несмотря на то, что ранее уже звучал «первый звонок» на мятежных «Красной Горке» и «Серой Лошади». На сей раз в восстании приняли участие более 27 тысяч матросов и солдат — практически весь Кронштадтский гарнизон, в руках которого оказалась главная база Балтийского флота, два линкора и многие другие корабли, до 140 береговых орудий. И опять, в который раз, восставшие проявили нерешительность и беспомощность. Разумнее всего им было бы дождаться скорого уже ледохода или хотя бы разбить орудийным огнем тающий лед — но нет, с восстанием поспешили, а потом стали ждать присоединения «питерских товарищей». В итоге Кронштадтский мятеж был подавлен в результате ночного штурма, осуществленного по льду Финского залива войсками 7-й армии М. Н. Тухачевского.

* * *

В самом конце декабря 1921 года Дзержинский в одном из своих писем вновь поднял тот же вопрос взаимоотношений между Особым отделом и ВЧК:

«Ужасно туго идет объединение, товарищи все друг друга “лучше” — особотделисты и вечекисты. А если объединения не произойдет, упразднят нас быстрее, чем это нужно. Сейчас положение таково, что какой-нибудь инцидент, даже мелкий, может вызвать крупные последствия. Каждый “обиженный” станет “обличителем”. Но черт с этим. Пишу это не для нытья, нам нужно сейчас напрячь силы для перестройки, для избежания *справедливых* нареканий, быть начеку... И подтянуть наши органы до уровня чисто партийных и устранить всякий параллелизм (ос. [обые] от. [делы] и ЧК).

Я боюсь, что особое существование ЧК и ос. [обых] от. [делов] при отсутствии внешних фронтов доведет до драки и упадка.

По-моему, в конечном счете ос. [обые] от. [делы] не должны быть. Персональная уния наверху не решает вопроса. Органы ВЧК на местах должны быть едины, и базой их — местная власть; только там, где есть особые политич. [еские] соображения, не передавать всей власти местным советским органам, можно оставлять ос. [обые] отд. [елы] для свободы действий центральной власти. Но представителем ц. [ентральной] власти по линии ВЧК должен быть наш представитель. Он же нач. [альник] всех ЧК. Теперь это нетрудно было бы сделать вхождением Фрунзе в Совнарком. Схема моя такова: Цупчрезком единый и единственный орган ВЧК на Украине, ос.[обые] от. [делы] не при Цупчр. [езкоме], а Цупчрезкома (как и у нас не при ВЧК, а просто ВЧК). Никаких окружных ос. [обых] от. [делов]. (Какая их база? Окрвоенком?) Если нужно, при окрвоенкоматах могут быть уполномоченные нач. [альника] Цупчрезкома с правами, определяемыми не Конституцией, а Вашими полномочиями. Каждая губчека имеет там, где нужно, свой ос. [обый] от. [дел] на случай военных действий и необходимости образовать армейские ос. [обые] от. [делы] (подвижные, а не территориальные, приспособленные для войны, а не мира), должен быть мобилизационный план, уже сейчас составляемый»*.

Из сказанного можно понять, что председатель ВЧК был противником существования системы особых отделов в мирное время. Ряд его предложений, изложенных в этом письме, даже был практически отработан впоследствии, однако само время доказало неправоту Железного Феликса. Что же делать? Человеку свойственно ошибаться. А создание органов государственной безопасности власти Советской России осуществляли практически с нуля.

* * *

В тот период перед органами контрразведки, в том числе и военной, встали новые, более сложные задачи по выявлению, предупреждению и пресечению шпионско-диверсионной и иной подрывной деятельности иностранных разведок и белоэмигрантских центров.

* Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. С. 332—333.

Так, по инициативе именно Особого отдела ВЧК в конце 1921 года была начата оперативная игра «Трест», которая продолжалась почти шесть лет и во многом содействовала ограничению антисоветской активности белой эмиграции. Нет смысла объяснять, что для этой работы требовалась агентура из «бывших». Впрочем, о чем ранее у нас совершенно не говорилось, представители этой «категории» были и в числе кадровых сотрудников...

«Некоторые сотрудники в центральном органе военной контрразведки в прошлом были кадровыми царскими офицерами. Примером тому служит судьба А. И. Полуэктова, во второй половине 1920-х годов возглавлявшего 1-е отделение Особого отдела. Выходец из рабочей семьи, он сумел окончить реальное училище и Московское военное училище, откуда в 1906 году был выпущен в чине подпоручика артиллерии, а к 1917 году дослужился до капитана. Летом 1917 года, будучи командиром артиллерийской батареи, он знакомится с большевиками, а после прихода их к власти переходит в Красную армию, где закончил службу командиром дивизиона. В мае 1919 года Полуэктов вступил в партию и спустя полгода Московским комитетом РКП был направлен в Особый отдел МЧК, а затем перешел в центральный аппарат»*.

Чему удивляться? «Ожидать блестящих результатов от работы в среде “бывших”, далеко не потерявших надежды увидеть белые части на улицах своих городов, силами переодетых в офицерские шинели вчерашних рабочих и матросов, составлявших подавляющую чекистскую массу, также вряд ли было оправданно»**.

Говоря о новых обязанностях военной контрразведки, добавим, что весной 1922 года при особых отделах военных округов были созданы отделы по борьбе с бандитизмом — это, можно понять, было решением сугубо внутренних задач, не имевших отношения к контрразведывательной работе.

Задачи изменялись, и организационная структура контрразведывательных подразделений ВЧК уже не обеспечивала эффективности борьбы с противником. Отпала и необходимость использования в борьбе с врагами совет-

* *Копчинский О. И.* Центральный аппарат ОГПУ в 1920-е годы: социально-политический состав // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. 3. С. 221—222.

** *Мерзляков В.* Указ. соч. С. 224—225.

ской власти органов, наделенных чрезвычайными полномочиями.

Шестого февраля 1922 года ВЦИК принял постановление «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов» и образовании при Наркомате внутренних дел РСФСР Государственного политического управления. В системе ГПУ сохранялись особые отделы военных округов, флотов, армий и особые отделения корпусов, дивизий и узлов важных коммуникаций. Стоит отметить: в отличие от ВЧК органы ГПУ не пользовались правом внесудебного наказания за преступления.

«По новому Положению на особые отделы возлагалась также ответственность за охрану границ Советского государства. Практически эту задачу армейские чекисты начали решать еще раньше, сразу же после Гражданской войны. Организация пограничной службы была передана в ведение Особого отдела ВЧК решением Совета труда и обороны от 24 ноября 1921 года. Тогда же на основных пограничных направлениях были созданы особые отделы по охране границ. Под их руководством пограничную службу несли особые отделения погранучастков и погранпосты с приданными им частями войсковой охраны»*.

Об этом сегодня почему-то не очень вспоминают, но и Служба внешней разведки, и Пограничная служба ФСБ России — все вышли из Особого отдела. Так и хочется перефразировать знаменитое: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя...», но, к сожалению, в нашей истории фамилия буквально любого политического деятеля может вдруг стать «политическим ярлыком». Ограничимся безличным, но значительным: «Все они вышли из osobистой шинели...»

«6 мая 1922 года состоялось заседание Коллегии ГПУ с участием отдельных полномочных представителей в регионах. В повестку дня был включен вопрос о реорганизации особых отделов, по которому выступил Ф. Э. Дзержинский. Против реорганизации и резкого изменения задач особых отделов выступили начальник СОУ ГПУ и начальник Особого отдела В. Р. Менжинский и ряд ответственных работников — членов Коллегии ГПУ. В результате было принято решение “проредактировать положение об особых отделах”, избегая при этом “организационной ломки” и не допуская “расширения штатов”.

* *Остряков С. З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 104.

9 мая 1922 года на очередном заседании Коллегии было утверждено «Положение об особых отделах». Предусматривалось разделение Особого отдела в центре и особых отделов ГубЧК — на местах на два самостоятельных подразделения. Борьба со шпионажем, контрреволюцией, заговорами, бандитизмом, контрабандой и незаконным переходом границ сосредоточивалась во вновь созданном Контрразведывательном отделе, который передавался в Секретно-оперативное управление. Начальником КРО был утвержден А. Х. Артузов. При этом отмечалось, что все аресты, производимые КРО в военном ведомстве, осуществляются через начальника Особого отдела. Задачи реорганизованного ОО ГПУ и его местных органов были уточнены в приказе ГПУ «О задачах особых отделов в связи с реорганизацией органов ГПУ» от 12 июля, который оставлял особым отделам достаточно усеченное поле деятельности. Приказ требовал от особых отделов «всестороннего освещения жизни Красной армии и Красного флота, выявление недостатков, ненормальных явлений, [нездоровых] настроений войсковых частей, волнений и предупреждение недостатков, явлений и настроений, вредно влияющих на нормальную жизнь и деятельность частей и подразделений, повсеместный анализ этих недостатков и причин, их порождающих, а также пресечение должностных преступлений в войсках и военных учреждениях». Таким образом, с особых отделов снималась их основная задача: борьба со шпионажем и контрреволюцией отныне вменялась в обязанность территориальным контрразведывательным отделам и отделениям»*.

В общем, особые отделы в армии превращались в нечто среднее между «военной полицией» и «армейским Комитетом партийного контроля». А ведь исторический опыт уже не раз и однозначно доказал: люди «сторонние» реальной пользы армии принести не могут и в военных делах они только вредят, как бы ни старались добросовестно выполнять свои обязанности, тем более в вопросах, скажем так, «деликатных». В восприятии бойца или командира особист, делящий с ним все трудности и невзгоды боевой или походной жизни, — свой человек. К нему и доверие было соответствующее...

Отметим, что решение Коллегии ГПУ противоречило утвержденному ВЦИКом 6 февраля 1922 года «Положе-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 60.

нию», где говорилось о таких задачах Особого отдела, как «борьба с контрреволюцией и разложением в Красной армии и на флоте; борьба со шпионажем во всех его видах; борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и вспышками бандитизма путем разведки сил противника и разложения его рядов; охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконным переходом границ».

Очередное «усечение» прав и обязанностей военной контрразведки ни к чему хорошему не привело, но о том — далее...

И еще один непростой момент: «реорганизация органов госбезопасности 1922 года не ограничивалась упразднением ВЧК и образованием ГПУ. Реформа включала в себя также и мероприятия по дальнейшему организационному строительству самого аппарата ГПУ. Следует особо отметить организацию летом 1922 года полномочных представительств ГПУ (ПП ГПУ) для объединения руководства местными органами госбезопасности. Компетенция ПП ГПУ ограничивалась пределами территорий военных округов. Все органы ГПУ и сотрудники, работавшие на территории ПП ГПУ (в том числе и сотрудники особых отделов. — А. Б.), по всем вопросам (как служебным, так и частным) должны были обращаться только в ПП ГПУ. Все директивы ПП ГПУ были обязательными для подчиненных ему органов наравне с приказами Центра»*.

* * *

Двадцатого декабря 1922 года «за заслуги перед Советской Родиной в годы Гражданской войны» Особый отдел ВЧК (ГПУ) был награжден орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики отмечалось, что попытки контрреволюции нанести Красной армии удар в спину, разрушить ее изнутри «разбивались самоотверженной революционной работой Особого отдела в центре и на местах».

* * *

Закончим эту главу маленьким рассказом Всеволода Вишневского (1900—1951) — очень известного некогда литератора, автора пьесы «Оптимистическая трагедия», сце-

* Седунов А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 71.

нария фильма «Мы из Кронштадта» и многих других произведений. В историю советской литературы он вошел как писатель-маринист, и мало кто знает, что в Первую мировую войну гимназист Вишневецкий добровольно поступил в лейб-гвардии Егерский полк, служил в команде разведчиков, был награжден Георгиевским крестом и двумя медалями, а его бурная «революционная» биография включила и службу в Особом отделе бригады морских бронепоездов.

Рассказ в несколько страниц дает самое наглядное представление о работе военных контрразведчиков низового звена на фронтах Гражданской войны.

Дела былые...

Талые степи Украины. Год девятнадцатый...

В вагон политотдела Заднепровской бригады бронепоездов вваливались матросы, занимая скамьи. Собрание...

— На повестке — организация Особого отдела. Районы бандитские, — бьют нас тут со всех румбов. Человек оправиться выйдет, а его в расход... Поезда под откос пускают. Приходится подумать. Слово для предложения имеет секретарь.

Секретарь ячейки встал.

— Тут одного ранило. В строю ему трудно. Пока пускай в Особый идет. Володька, встань.

Раненый встал и глянул одним глазом из-под громадного кома грязной марли, окутывавшей распухшее лицо. Секретарь продолжал:

— Еще кандидатура Петра Попова. Они с одного корабля — с «Вани-Коммуниста». Попов, встань.

Человек встал. Раздался голос:

— Попов, у тебя какая специальность?

— Машинист.

— Вот и верти-вали.

Секретарь докладывал:

— Вот, товарищи, им всё и поручим.

— А инструкции какие?

— Какие инструкции? Чудак! Доглядай да поспевай — вот и всё. Ну, возражений нет? Кто за Володичку, за Петичку?

Прогудело:

— Нет возражений, знаем их!

Петичка и Володичка остались в вагоне. С ними гросс-

бух и инструкция: «Доглядай да поспевай». Все вместе — Особый отдел бригады.

Штабной эшелон бригады идет к Знаменке — по степям Украины.

По степям Украины идет на Знаменку эшелон, штаб бригады, политотдел, комендантская команда и вагоны боезапаса — для бронепоездов. Володечки нет — подался пока «доглядать» на бронепоезд, и весь Особый отдел теперь — Петечка и есть.

В голубой зной уходят дым и грусть...

На Знаменке белые. Эшелону отрезан путь. А зной голубой, и тишина над степями родной Украины. Эшелон идет к Знаменке.

Лучистые трещины засверкали на зеркальных окнах штабного вагона. Враг бьет! Первые пули встретили эшелон.

Петечка летит к команде, поднимая ручной пулемет «Льюис»:

— Вылазь все!

Пули бьют в упор. Эшелон штаба Заднепровской бригады бронепоездов — эшелон матросской бригады, — тормозя, подходит к вокзалу Знаменки, занятой кубанцами генерала Шкуро.

Эшелон стал, и неожиданность эта остановила казаков.

— Ото ж матросы, сукины дети, вони що-небудь удумали.

Попов ползет по крышам раскаленных зноем вагонов... Доглядай, поспевай! Уф!.. Как выходные стрелки поставлены?.. Вон казаки лезут... Горячо!..

И он с крыши запустил первой очередью по кубанцам:

— Куды лезете — тут для некурящих!

Петечка видит: комендантская команда держится. И затем бежит к паровозу:

— Машинист!

Из угольной лавы высунулось черное лицо.

— Машинист! Не робей, дядя! В жизни раз помирать, и то, когда сто лет будет.

Петечка бежит к концевым вагонам...

Машинист дал ход. Тронулся эшелон, и тогда вновь ударили в упор из окон вокзала и из-за строений. Попов вдруг хватается за «Льюис»... Ай!.. А стрелки, как поставлены выходные стрелки? Эшелон уже идет. Братки из вагонов отстреливаются. А если эшелон свернет по южной ветке? А надо на запад! Крышка! Каюк, темный люк!

Петечка снова влезает на ходу на крышу вагона и бежит, перескакивая с крыши на крышу... Петечка кричит машинисту «стоп» и соскакивает у самых стрелок.

Петечка у стрелки. Стрелочник стоит на месте, кричит ему:

— Товарищи, швыдче. Усе готово. Проходите!

Петечка поворачивает назад. Добрэ, дядько! Это дело. Теперь пройдем. Факт. Фак-те-ец! Го-го! Хотя стой! Дай погляжу сам.

Петро опять у стрелки. Кричит стрелочнику:

— Дядько, ложись. Убьют казаки!

Дядько машет матросу — ладно, мол. Но Петро идет к дядьке и видит, что стрелка переведена... на юг, к белым.

— Ты что ж? А?

Дядько лезет в карман. Ясно — зачем. Попов бьет дядьку в ухо навьлет. На месте. И перебрасывает стрелку. Эшелон идет, ускоряя ход, на запад, к своим!

Что у дядьки в карманах? Доглядай! Револьвер. Деникинские деньги. Погоны. Зажигалка. Бумаги... Так!

В штабном вагоне Петечка идет на прямой провод. Вызывает Володечку.

«Знаменку прошли ничего зпт особый отдел имел наблюдение тчк шли боезапас тчк».

Потом в грессбух — в статью расходов — заносит: «Переодетый белогвардеец (офицер) под формой стрелочника пущен в расход на станции Знаменка»*.

Глава пятая

В КАНУН ГРОЗНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

Как известно, не менее, чем «врагов внешних», российские власти издавна боялись «врагов внутренних». Последнее понятие трактовалось широко и в каждое время по-своему (вспомним «Поединок» А. И. Куприна), так что властные структуры не склонны были доверять даже своим людям. Недаром, согласно докладу Сталина на XII съезде РКП(б)**, «партия контролировала все политические сферы, включая армию и профсоюзы»*** с первых лет

* *Вишневский В. В.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1954. Т. 2. С. 387—389.

** XII съезд РКП(б) проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1923 года.

*** *Рыбас С. Ю.* Сталин. С. 192.

советской власти. Применительно к армии особую боязнь вызывала возможность троцкистского заговора — многие «пролетарские» военачальники были ставленниками наркома Троцкого, к которому испытывали чувство громадной личной преданности. Есть предположение, что и Лев Давидович имел планы, опершись на красноармейские штыки, возглавить страну. Но что бы потом осталось от России, принесенной в жертву «мировой революции»?

«Оружием контроля», соответственно, были органы ОГПУ, что явствовало уже из названия: «Государственное политическое управление».

«...Сталин ввел в практику ежемесячные отчеты ГПУ Секретариату ЦК о состоянии партийных дел сверху донизу и отныне знал все, что происходит в партийных структурах. Учитывая контроль Политбюро над армейским аппаратом, вся полнота власти была в руках “тройки” (Каменев — Зиновьев — Сталин)»*.

«Контроль над армейским аппаратом» осуществлялся особыми отделами, официально лишенными своей контрразведывательной функции, что не могло не отразиться отрицательно на их авторитете и на отношении в войсках к их сотрудникам — кто ж любит контролеров и проверяющих?! Даже в Писании «мытари» — современные налоговики — являются отрицательными персонажами...

Так что не случайно, что «в середине 1920-х годов, как и в годы Гражданской войны, хотя и в гораздо меньшей степени (в войну всегда были свои особенные взаимоотношения. — А. Б.), партийные органы отказывались откомандировать на чекистскую работу своих ответственных сотрудников. Так, 14 декабря 1925 года начальник Админотдела ОГПУ А. П. Флексер и заместитель по политчасти начальника Отдела погранохраны и главинспектора войск ОГПУ Вахрушев обратились к начальнику Орграспреда** ПУРа Строганову с просьбой направить для работы в качестве инспектора в политинспекцию отдела чекистских войск В. А. Зудина, служившего начальником Редиздата*** одного из окружных политуправлений. Однако в ответе ПУРа говорилось, что ввиду того, что Зудин — один из лучших газетных работников и заменить его некем, просьба о командировании его в распоряжение ОГПУ не может быть

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 190.

** Организационно-распределительного отдела.

*** Редакционно-издательского отдела.

удовлетворена. В конце марта 1926 года Особым отделом ОГПУ перед ПУРом было возбуждено ходатайство о выделении из армейской среды 90 политработников — для работы в особых отделах, из которых четыре человека (масштаба военкома дивизии) для центрального аппарата и восемь человек (два — масштаба дивизии и шесть — полка) для ОО МВО. Однако ПУР посчитал разверстку ориентировочной и необязательной к полному удовлетворению и предложил начальникам окружных политуправлений наметить кандидатов, особенно имея в виду подлежащих сокращению военкомов дивизий, корпусов и округов. Списки с анкетами и характеристиками выслать в ПУР. Кандидатов подбирать, руководствуясь квалификацией, указанной в запросе Особого отдела, но не ослабляя политсостава армии»*.

Выступая на 2-м Всесоюзном съезде особых отделов в январе 1925 года, Дзержинский «призывал особостей усилить помощь партии и правительству в повышении боеспособности советских войск, в укреплении воинской дисциплины, в улучшении подбора командных кадров, в организации бесперебойного снабжения воинских частей. В то же время Ф. Э. Дзержинский потребовал от армейских чекистов внимательно изучать нездоровые настроения, проникающие в войска, своевременно пресекать антисоветские махинации кулацко-контрреволюционных элементов, направленные на разложение Красной армии, выявлять факты подрывной деятельности агентов империализма, эсеров, меньшевиков и других врагов трудящихся и повышать бдительность личного состава войск. Если в годы Гражданской войны, говорил он, чекистская работа в армии требовала прежде всего личного мужества, беспредельной преданности революции, то теперь она требует и знаний, понимания тех сложных процессов, от которых зависит сила и крепость нашей армии»**.

На съезде было принято решение о необходимости реорганизации особых отделений в корпусах и дивизиях в особые отделы и, в развитие мысли Дзержинского, об организации подготовки армейских чекистов на специальных курсах и в академиях РККА. Отметим, что с тех пор и постоянно на военную подготовку военных контрразведчиков обращается особое внимание: высокий уровень подготовки не только способствует успешному решению оперативных

* Копчинский О. И. Указ. соч. Т. 3. С. 223—224.

** Остряков С. З. Указ. соч. С. 106.

задач, но и обеспечивает сотруднику авторитет среди военнослужащих.

Практика показывала, что передача функций по борьбе со шпионажем и «контрреволюционными проявлениями» в рядах РККА от Особого отдела в Контрразведывательный отдел ГПУ НКВД РСФСР себя не оправдывает и осложняет работу по обеспечению безопасности войск. Уже в 1923—1924 годах особым отделам постепенно начали вновь поручать решение задач по ограждению вооруженных сил от устремлений вражеских разведок, что отразилось и в подписанном 1 марта 1924 года приказе ОГПУ «Об улучшении работы по борьбе с контрреволюционными проявлениями и шпионажем в частях и учреждениях Красной армии и Флота».

Недаром на том же самом съезде особых отделов начальник Контрразведывательного отдела ГПУ А. Х. Артузов сказал: «Мы должны быть во всеоружии борьбы со шпионажем — как [по линии] КРО, так и особых отделов».

А в 1927 году начальник Особого отдела ОГПУ и зампред ОГПУ Г. Г. Ягода вообще выступил инициатором объединения ОО и КРО. Как он считал, этот объединенный орган должен был не только отслеживать настроения войск, уровень дисциплины, недостатки в хозяйственных и мобилизационных вопросах, но и вскрывать контрреволюционные группировки, бороться со шпионажем и диверсиями. Тогда вопрос остался открытым — к нему вернуться через три года...

* * *

С упразднением ВЧК и созданием ГПУ при НКВД РСФСР Особый отдел по охране границы сохранился в прежнем качестве, но 27 сентября 1922 года, по ходатайству ГПУ, Совет труда и обороны принял постановление о создании Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ, согласно которому пограничная охрана стала делиться на оперативно-чекистскую и войсковую. Руководство этими направлениями осуществляли сразу два аппарата: оперативные органы ГПУ и войсковое командование, которые существовали и действовали параллельно и лишь в центре подчинялись одному начальнику — заместителю председателя ОГПУ. Такая система приносила немалые трудности в организацию взаимодействия этих структур. Впрочем, и так понятно, что на участке должен быть один начальник,

который полностью отвечал бы и за охрану границы, и, соответственно, за состояние войск, ее охраняющих, ибо одно неразрывно зависит от другого.

К тому же военное ведомство и ОГПУ никак не могли определиться в принадлежности пограничных войсковых частей. Они периодически передавались в РККА, а затем вновь переформировывались и направлялись на границу...

Но, как обычно у нас бывает, несмотря на неразбериху «сверху», непосредственно подразделения Особого отдела охраны границ не без успеха выполняли свои задачи. При попытке нарушить сухопутные и морские рубежи Советской республики были задержаны тысячи агентов иностранных разведок, белогвардейских эмиссаров, диверсантов и контрабандистов.

Так, осенью 1923 года чекисты Особого отдела по охране Закавказской границы задержали некоего Пыханова, который в 1920 году бежал с белыми войсками в Константинополь, где был завербован французской разведкой. По ее заданию он возвратился в Советскую Россию для сбора сведений о войсках РККА на Кубани и Северном Кавказе. В Краснодаре Пыханов устроился шофером в воинскую часть и во время своих поездок собирал шпионские сведения. С этими данными он пытался уйти за границу, но был задержан.

Подобных примеров можно привести множество.

Чего стоят оперативные игры с «Народным Союзом защиты Родины и свободы», возглавляемым Б. В. Савинковым! Одни его эмиссары были задержаны на границе, другим, напротив, предоставлялся «зеленый коридор». 16 августа 1924 года и сам Борис Викторович тайно, как ему казалось, перешел линию границы. На самом же деле он «был выведен» на территорию СССР и арестован. 25 августа в Москве начался открытый судебный процесс — дальнейшее хорошо известно, за исключением мотивов самоубийства Савинкова*, вызывающего немало версий и догадок. В борьбе с савинковским подпольем, тесно связанным со спецслужбами Польши, Великобритании и ряда других стран, активное участие принимали сотрудники как КРО, так и Особого отдела...

* Б. В. Савинков (1879—1925) был приговорен к десяти годам заключения; находясь в тюрьме, он отрекся от своих убеждений, написал несколько писем к руководителям белой эмиграции, призывая их прекратить сопротивление, а потом вдруг неожиданно покончил с собой.

Двадцать пятого февраля 1925 года приказом председателя ОГПУ «О реорганизации пограничной охраны на основе объединения пограничных органов и пограничных войск» особые отделения по охране границы были объединены с пограничными частями, образовав пограничные отряды; в структуре управления отрядов существовали оперативные подразделения — секретно-оперативная часть.

Впоследствии, признав целесообразным слияние в единый аппарат органов оперативного и войскового управления в центре и округах, на основании приказа ОГПУ № 229 от 6 ноября 1926 года Особый отдел охраны границ и Главную инспекцию войск ОГПУ (так назывался штаб войск ОГПУ) объединили в Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ. Так завершился период охраны государственной границы силами Особого отдела.

* * *

Разведки западных стран не только пытались засылать в СССР лазутчиков и диверсантов, но и работали на территории нашей страны с легальных позиций — прежде всего дипломатических, вербуя агентуру среди достаточно широких слоев недовольных граждан, в том числе и в рядах вооруженных сил.

Так, в поле зрения военных контрразведчиков попал дипломат Э. Чарнок — секретарь английской миссии в Москве. Резидент МИ-6 в России с 1914 по 1918 год, он после признания Великобританией СССР вновь занялся военным и экономическим шпионажем на российской территории.

«По прибытии в Москву в 1921 году Чарнок завербовал К. И. Прове, представителя старой крупной торгово-промышленной буржуазии, превратив его квартиру в штаб своей шпионской организации. Чарнок втянул в шпионскую сеть и племянника хозяина квартиры, сына бывшего крупного московского богача, — В. Ф. Прове, проходившего службу в рядах РККА. Прове, по совету Чарнока, устроился в Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), а в 1927 году, на момент ареста военными контрразведчиками, являлся делопроизводителем Учебно-строевого управления Главного управления РККА. Выполняя шпионское задание, В. Ф. Прове передал Чарноку пять конвертов, содержащих шпионские сведения, в том числе описание аэрогидродинамической трубы и чертежи недавно построенного канала для испытания гидросамолетов.

В 1925 году, после выезда К. И. Прове в Эстонию, не без помощи Чарнока, на его место “приглашается” в качестве связника другой его племянник — Кирилл Федорович, который вскоре становится ценным сотрудником-шпионом. Работая сначала машинистом-переписчиком в батальоне охраны РВС СССР, а затем делопроизводителем в Учебно-строевом управлении Главного управления РККА, он не раз доставал для английского разведчика копии секретных документов, в том числе сведения об организации охраны в здании Реввоенсовета.

Разоблаченные сотрудниками КРО и военной контрразведки, братья-шпионы понесли заслуженное наказание, а резидент спешно покинул офис английской миссии в Москве*.

Летом того же 1927 года флотские контрразведчики выявили в Кронштадте еще одного английского агента — бывшего офицера Е. Клепикова, служившего на одном из боевых кораблей Балтийского флота. Два брата его жены проживали в Финляндии и работали на финскую разведку. Однажды квартиру Клепиковых посетил нелегально прибывший в СССР из-за границы бывший казачий офицер Тегенцев, передал им рекомендательное письмо от родственников и предложил работать на англичан за крупное вознаграждение. Предложение было принято, но уже после первой передачи английскому разведчику собранных шпионских материалов Клепиковы были арестованы кронштадтскими чекистами...

Кстати, «гонорар», полученный Клепиковыми, был совсем не таким крупным, как было обещано поначалу, — спецслужбы не слишком церемонятся с людьми, ставшими на путь предательства: страх разоблачения для многих становится еще более действенным побудительным мотивом к сотрудничеству, нежели первоначальная корысть. Зачем же тогда тратить? Конечно, речь не об особо ценных агентах, но таких, как можно предполагать, немного...

* * *

На западе шли свои «шпионские игры», а между тем весьма осложнилась обстановка на Дальнем Востоке: начиная с середины 1920-х годов японские спецслужбы резко активизировали свою деятельность по разведывательному

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 62.

обеспечению разработки планов агрессии против СССР. Разведывательную работу вели Генштаб, морской Главный штаб, МИД, жандармские и полицейские органы, а также различные коммерческие предприятия. На службу японцам были поставлены разведывательные и полицейские органы «Корейского генерал-губернаторства», как именовалась аннексированная Страной восходящего солнца Корея. Активно проводилась разведывательная работа и с легальных позиций, для чего были весьма расширены и пополнены квалифицированными специалистами спецслужб аппараты японского посольства, военного и морского атташатов в Москве, а консульства во Владивостоке и Новосибирске, так же как и представительства большинства японских торговых и промышленных фирм и пароходных компаний, фактически были превращены в резидентуры.

В 1928 году японский разведчик Каида — впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отдела Генштаба — представил в Генеральный штаб план развертывания подрывной работы против СССР. В нем предусматривались активное использование белоэмигрантских организаций, разжигание национальной вражды между народами, населяющими нашу страну, разложение Красной армии и срыв ее мобилизационных мероприятий, дезорганизация работы военных предприятий, разрушение объектов транспорта, подстрекательство соседних с СССР государств к проведению враждебных военных и экономических акций. Интересно, что примерно по тем же самым направлениям работали до 1990-х годов все прочие противостоявшие Советскому Союзу спецслужбы. Причем основной «мишенью» для любого противника была Красная армия.

К 1930 году Генштаб Японии закончил разработку плана агрессии против СССР, получившего кодовое название «Оцу». Он предусматривал и наращивание подрывной деятельности спецслужб — без этого в XX веке войн уже не бывало.

* * *

Первым крупным вооруженным столкновением послевоенного времени стал так называемый «конфликт на КВЖД» летом—осенью 1929 года.

Китайско-Восточная железная дорога, идущая от станции Маньчжурия через хребет Большой Хинган, Северо-Восточную равнину и хребет Чанбайшань до станции

Суйфыньхэ, с южным ответвлением Харбин — Чанчунь — Далянь (Дальний) и ветками на Бэньси, Фушунь, Инкоу, Чэнцзытун и Люйшунь (печально известный Порт-Артур), общей протяженностью свыше 2500 километров, была построена Россией в 1897—1903 годах и являлась единственной магистралью, связавшей Китай с Советским Союзом. В мае 1924 года в Пекине было подписано соглашение, по которому КВЖД рассматривалась как коммерческое предприятие, управляемое совместно СССР и Китаем, хотя китайцы постоянно стремились навязывать свою волю — например, ввести в практику бесплатный перевоз своих войск. Советская сторона таким «новациям» противилась.

Китай, в начале 1910-х годов свергнувший Цинскую династию, правившую более 250 лет, постепенно избавлялся от диктата «западников», демократизируя и модернизируясь. Но в 1927 году произошел переворот и власть перешла к диктатору Чан Кайши и партии Гоминьдан. Не вдаваясь в подробности китайской политики, скажем, что поддержавшие гоминьдановцев страны Запада постарались натравить их на северного соседа. Это получилось: успешные поиски «внешнего врага» — лучший способ решения внутренних проблем.

Кстати, Маньчжурия, объявившая о своей автономии северо-восточная часть Китая, являлась убежищем для отступивших из России остатков белых войск.

Конфликт начался 10 июля 1929 года, когда китайские полицейские и русские белоэмигранты вдруг захватили все ключевые пункты КВЖД, а китайские войска выступили по всей ее линии. Торгпредство и другие советские учреждения были закрыты, их сотрудники арестованы. Советскому управляющему КВЖД был вручен ультиматум: передать управление дорогой китайскому представителю.

Тем временем близ государственной границы началось сосредоточение китайских войск и отрядов белогвардейцев. В частности, на Забайкальском направлении находилась 59-тысячная китайская группировка, против советского Приморья — до 63 тысяч, в низовьях реки Сунгари — свыше 5,5 тысячи человек и 11 кораблей Сунгарийской военной флотилии. Вскоре начались обстрелы нашей территории и нарушения границы диверсионными отрядами и бандами.

На основании директивы ОГПУ № 159 от 16 июля 1929 года Пограничные и Внутренние войска Дальневосточного края (ДВК) были переведены на боевое положение — это касалось и особых органов ОГПУ СССР.

Обстановка усложнялась. 18 и 19 июля подразделения китайских войск перешли границу на реке Беленхэ у села Турий Рог; 24 июля на реке Сунгари были обстреляны торговый пароход «Брянта» и канонерская лодка «Беднота».

Советская сторона не постеснялась дать адекватный ответ. В соответствии с директивой № 201 от 19 июля начальникам погранотрядов совместно с особыми органами было приказано задерживать на пограничных реках пароходы, плававшие под китайским флагом, а на основании директивы № 207 были переведены на советскую сторону и все пароходы, стоявшие у китайского берега. В портах Владивостока и Николаевска-на-Амуре были задержаны шесть китайских океанских судов. Для проведения этих мероприятий были сформированы экспедиционные отряды, в которые вошли оперативные работники разведаппаратов Погранвойск, военной контрразведки и территориальных органов ОГПУ. Была также проведена серия спецопераций по очистке приграничной территории — особенно на спорных участках и островах на реках — от бандитских групп, терроризировавших мирное население.

В то же время правительство СССР приняло решение об укреплении группировки РККА. 6 августа РВСР приказал: «Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование “Особая Дальневосточная армия” (ОДВА)». Армия включала Забайкальскую и Приморскую группы войск, в оперативном отношении ей были подчинены три погранотряда и Дальневосточная (с 1931 года — Амурская) речная военная флотилия.

Конечно, были созданы и соответствующие органы военной контрразведки.

«В соответствии с приказом ОГПУ СССР от 13 августа № 185/100, на базе расформированных особых отделов Полномочного представительства (ПП) ОГПУ ДВК, 18-го и 19-го армейских корпусов, был создан Особый отдел ОДВА в составе 29 человек, непосредственно подчиненный Особому отделу ОГПУ СССР. 1 октября приказом 214/112 его штат был увеличен до 33 человек. Особые отделения дивизий состояли из 15 человек, кавалерийских бригад — из 16-ти»*.

Фактор внезапности часто имеет решающее значение. Начав раздувать конфликт, китайцы делали это с непонят-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 65.

ной неторопливостью. Хотя, возможно, причина лежит на поверхности: втравив Чан Кайши в военную авантюру, Англия, США и Япония, отнюдь не желавшая усиления Китая, заняли выжидательную позицию, оставив китайцев один на один с неслабым противником — а те испугались. Как бы там ни было, захват КВЖД произошел 10 июля, но лишь к сентябрю на сопредельной стороне собралось почти 300 тысяч китайских войск и до 70 тысяч белогвардейцев, а Мукденская армия, Сунгарийская флотилия и отряды белогвардейцев, находившиеся на территории Маньчжурии, вообще были приведены в боевую готовность только к началу октября.

И тут войска ОДВА под командованием В. К. Блюхера получили приказ нанести упреждающий удар по флотилии и войскам противника.

Двенадцатого октября советская авиация нанесла бомбовый удар по кораблям Сунгарийской флотилии и китайским укреплениям, корабельная артиллерия Дальневосточной флотилии подавила береговые батареи, а пехотные подразделения, высаженные десантом с кораблей, к полудню овладели городом-крепостью Лахасусу, китайской базой для систематических нападений на советскую территорию. Кроме флотилии, крепость оборонял 22-тысячный гарнизон с артиллерией, численность же советского десанта равнялась 1117 человек, при поддержке 21 самолета и восьми кораблей.

«В операции участвовало восемь оперработников во главе с начальником Особого отделения 2-й дивизии Н. П. Сафоновым. Их задачами в первую очередь было изучение и выявление недостатков по боевой готовности войск; выявление и пресечение антисоветских проявлений, борьба со шпионажем и с фактами перехода отдельных военнослужащих на сторону врага.

Сафонов находился на флагманском корабле, что давало возможность поддерживать связь с командованием и Особым отделом армии, однако сильно затруднило его общение с уполномоченными при полках. С учетом этого, в последующих операциях он оставался при руководстве полевыми войсками.

В числе недостатков работы Особого отдела в Лахасусу можно отметить, в частности, неумение быстро организовать борьбу с начавшимся сразу же “барахольством” — мародерством, нерешительность в его пресечении. С учетом этого опыта в дальнейшем принимались все необходимые

меры предупреждения “барахольства” как по линии командования, так и Особого отдела»*.

Победа была впечатляющей: противник потерял убитыми более 200 солдат и офицеров, порядка 150 были взяты в плен; было взято 10 орудий, 10 пулеметов и 13 бомбометов, 5 барж; наши безвозвратные потери составили пять человек. Разбитые китайские части под командованием адмирала Шена бежали в город Фугдин, в 70 километрах от границы.

Через три дня наши войска, принимавшие участие в операции, возвратились на советскую территорию. Но тут китайцы опять вернулись в Лахасусу, куда подошли и свежие силы, а у Фугдина, где оставался адмирал Шен со своим штабом, началось сосредоточение новой группировки войск и уцелевших кораблей Сунгарийской флотилии. Вновь начались обстрелы и нападения на советскую территорию. Тогда советское командование решило провести новую операцию и уничтожить все гарнизоны по линии реки Сунгари, от Лахасусу до Фугдина, и добить Сунгарийскую флотилию.

«29 октября десантные отряды 2-й Приамурской дивизии погрузились на суда и двинулись к Сунгари. На рейд Лахасусу вошли без боя, белокитайцы бежали в сопки. Десант продолжил движение вверх по Сунгари. Спустя сутки корабли Дальневосточной флотилии были у Фугдина. Противник, подготовившийся к обороне, открыл сильный огонь, однако корабельные пушки быстро заставили китайцев замолчать. Подоспевшая авиация потопила все суда Сунгарийской флотилии. Штурмовать город в лоб красноармейцы не стали, это привело бы к большим потерям. Были проведены стремительные обходные маневры. В результате трехчасового боя части китайского гарнизона отступили, оставив Фугдин»**. Уходя, наши войска взорвали все фугдинские укрепления.

В этой операции на Фугдин группой Особого отдела, состоявшей из восьми оперработников, вновь руководил Н. П. Сафонов; при флотилии находились два уполномоченных и помощник начальника 1-го отделения ОО ОДВА И. А. Козлов. Перед началом операции военным контрразведчикам был передан из Контрразведывательного отдела Полномочного представительства список

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 65.

** *Великанов Н. Т.* Блюхер. М., 2010. С. 189.

всех проживающих в Фугдине белогвардейцев, подлежащих задержанию.

Отметим, что в ходе операции выявились серьезные проблемы со связью. Донесения в Особый отдел армии было положено передавать два раза в сутки, к 12 и 24 часам, для чего группа была снабжена радиошифрами. Однако своей аппаратуры связи военная контрразведка не имела, а войсковая радиостанция была постоянно занята передачей распоряжений и донесений по командной линии. Шифры оказались достаточно сложными для работы в боевых условиях. Поэтому большинство донесений передавалось через телеграф погранотряда, куда начальник Особого отдела группы присылал специальных нарочных.

Зато в первый же день боя выяснилось, что лучшим средством связи с передовой является осведомительная сеть авиации — летчики, возвращавшиеся после бомбежек на аэродром в Михайло-Семеновское для заправки, сообщали особистам самые свежие данные о положении на фронте. Так как представителей разведывательного или оперативного отделов штаба дивизии на аэродроме не было, а командование авиационных подразделений прежде всего интересовалось результатами бомбежки, то эта важная оперативная информация оставалась невостребованной. Зато военные контрразведчики имели возможность ее оценивать, а затем передавать по прямому проводу из пограничной комендатуры в Особый отдел армии. Немедленное предоставление этих сведений командованию армии помогало в руководстве операцией.

Особисты ОДВА не только участвовали в решении армейских боевых задач, но и выполняли оперативные задания в тылу противника. Оперработник Георгий Касьянович Воевода создал и возглавил в районе станции Пограничная боевую группу из бывших партизан, которая действовала на восточном участке КВЖД, парализуя перевозку китайских войск — под откос было пущено несколько воинских эшелонов, взорван железнодорожный мост, разрушен ряд участков телеграфной и телефонной связи. Отряд не единожды вступал в бой с противником, сумел захватить важные оперативные документы.

* * *

В ноябре 1929 года Полномочное представительство ОГПУ по Дальневосточному краю и Особый отдел ОГПУ ОДВА возглавил Терентий Дмитриевич Дерibas — началь-

ник Секретного отдела и 1-й помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ.

Тем временем изменившиеся погодные условия — естественное похолодание, сковавшее льдом реки, — способствовали активизации противника, получившего широкие возможности для маневра. Наиболее опасным стало Чжалайно́р-Маньчжурское направление, где были сосредоточены шесть пехотных китайских бригад, кавалерийская дивизия, два бронепоезда и несколько белогвардейских формирований, вспомогательные и технические подразделения.

В соответствии с поступившими сведениями о намерениях китайцев прорваться к Чите и Байкалу, чтобы перерезать Транссибирскую магистраль и отрезать Дальний Восток от центральных районов России, штаб ОДВА разработал план упреждающего удара. Советское командование не имело намерения начинать широкомасштабную войну против чанкайшистского Китая, однако гоминьдановцам следовало преподать серьезный урок, отбив у них всякое желание посягать на территории северного соседа. Замысел Чжалайно́р-Маньчжурской операции заключался в рассеении группировки противника на части и последовательном их уничтожении. Было учтено, что противник имел значительное превосходство в живой силе, но уступал в техническом оснащении.

Операция началась в ночь на 17 ноября 1929 года, а уже к исходу дня китайская группировка была окружена. Генерал Лян Чжуцзян решительно отверг предложение о капитуляции, что было его большой ошибкой: уже 20 ноября он, весь его штаб и еще порядка 250 офицеров и 8 тысяч солдат оказались в плену...

Участвуя в Чжалайно́р-Маньчжурской операции, чекистские группы провели изъятие архивов и документов штабов, правительственных учреждений, полиции и белогвардейцев — таковых было эвакуировано три вагона; организовали уничтожение военных складов и сооружений; проверили тюрьмы, освободили политзаключенных; осуществляли сбор и вывоз военных трофеев — оружия, транспорта, материальных средств. Для обеспечения чекистской операции Особому отделу был придан батальон 62-го полка, а для проведения взрывных работ — прикомандированы два дивизионных инженера.

В ходе операции было задержано 424 белогвардейца — из них свыше 160 колчаковских офицеров, а также 1200 ки-

тайских военнослужащих; на советскую территорию удалось возвратить 3838 наших граждан — служащих КВЖД и сотрудников советских учреждений, интернированных китайцами.

Произошедшее отрезвило китайскую сторону — 22 декабря 1929 года в Хабаровске был подписан протокол о восстановлении прежнего положения на КВЖД, а 25 декабря Китай покинул последний эшелон с советскими войсками. Напомним, что это был первый локальный конфликт такого уровня после окончания Гражданской войны и реформы армии 1924 года...

«В приказе ОГПУ СССР № 344 от 25 июня 1931 года отмечалось, что “в период конфликта на КВЖД органами ПП ОГПУ ДВК был выполнен ряд ответственных заданий по борьбе с контрреволюцией”. “За успешное проведение боевых операций с белокитайцами” пистолетом системы “Маузер” калибра 7,65 были награждены начальники особых отделов 2-й дивизии Н. П. Сафонов и 5-й Кубанской кавдивизии А. Н. Поморцев, помощник начальника Особого отдела 35-й дивизии А. Ф. Сафроненко, уполномоченные Особого отдела 36-й дивизии П. И. Воронин и П. А. Савельев. “За активное участие в разработках боевых операций против белобандитов” “Маузером” калибра 6,35 с надписью “За храбрость и активное участие в борьбе с контрреволюцией от Коллегии ОГПУ” были награждены помощник уполномоченного Особого отдела 5-й кавбригады И. Н. Егоров и помощник начальника 1-го отделения ОО ОДВА И. А. Козлов»*.

ОДВА была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Командарм В. К. Блюхер в мае 1930 года стал первым в нашей стране кавалером ордена Красной Звезды.

* * *

Следует вспомнить, что тогда же военным контрразведчикам приходилось принимать участие и в решении проблем сугубо «внутреннего» характера — бороться с пресловутыми «внутренними врагами». С 1922 года и потом, до реорганизации 1941-го, в краях и областях существовал институт полномочных представителей ОГПУ, которым под-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 66.

чинялись и войска, и органы ГПУ, а также органы военной контрразведки в армии. Полномочный представитель мог привлекать их сотрудников к решению любых оперативных задач, в том числе и не связанных с контрразведывательным обеспечением войск. Между тем количество «внутренних врагов» не имело тенденции к сокращению, а само понятие варьировалось. Для примера достаточно вспомнить, как левые эсеры, соратники большевиков по Октябрьскому восстанию, уже в 1918 году превратились в «злейших контрреволюционеров» и были успешно «побеждены».

К 1930 году «враг внутренний» оказался гораздо более серьезным и многочисленным...

Весной 1928 года был составлен пятилетний план коллективизации крестьянских хозяйств, в соответствии с которым к концу этого периода, к 1933 году, в колхозы должно было объединиться 4 процента российского крестьянства. Потом начались корректировки, «встречные планы», всяческие бюрократические и идеологические игры, и в апреле 1929-го план уже предусматривал объединение 16—18 процентов крестьян. С тем коллективизацию и начали — на «голом месте», без достаточной проработки и подготовки, да еще и с очередными «повышениями» и «перевыполнениями». В итоге... «Страна вступала в новую гражданскую войну. В 1929 году было 1307 крестьянских выступлений, в них участвовало около 300 тысяч человек, в январе—марте 1930 года — более 2700 массовых выступлений (это без Украины), в которых приняло участие свыше миллиона человек»*.

Вот вам и «враги внутренние»! А «если враг не сдастся...» — то мы знаем, что с ним надо делать. Главное для власти: не признавать собственных ошибок. «История принадлежит победителям!»

«Тридцатого января 1930 года Политбюро приняло директиву “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств и сплошной коллективизации” (*Sic!* Кому там 16—18 процентов казались завышенными?! — А. Б.). Кулаки разделялись на три категории и направлялись в концлагеря и ссылку. Затем последовали массовые репрессии против зажиточных крестьян.

В национальных районах (Северном Кавказе, Средней Азии, Казахстане) в отряды восставших входили несколько сотен, даже тысяч человек. Против них направлялись регулярные войска и части ОГПУ.

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 299.

Ситуация приобрела неожиданный оборот. И 20 февраля 1930 года Политбюро приняло постановление “О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах”, в котором осуждались спешка и механическое перенесение методов коллективизации районов сплошной коллективизации на национальные территории. В русских районах торможения не было*.

Такая сложилась ситуация. И тут многие партийные и советские руководители на местах попытались отвести главную роль в «наступлении на деревню» Красной армии. Но ведь армия, как издавна повелось на Святой Руси, — по своему социальному составу преимущественно являлась крестьянской! Одно дело, когда воевали с белыми или громили восставшую «матросню»: трения между «пехотой» и «флотскими» всегда были. Но что могло произойти, если бы в процессе реализации курса на «сплошную коллективизацию» повсеместно использовали красноармейцев? Куда они могли бы повернуть штыки?

Тут и произошли так называемые «медынские события», которые благодаря военной контрразведке получили широкий резонанс и заставили руководство страны и армии принять воистину спасительные для себя, да и для страны, которая могла скатиться к новой гражданской войне, решения.

«30—31 января 1930 года 243-й стрелковый полк 81-й дивизии, дислоцированной в городке Медынь, Вяземского административного округа (ныне — Калужская область), принял участие в операции по “изъятию ценностей у торговцев, недоимщиков и лишенцев”. Таким образом райком партии решил “должным образом отреагировать на Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. “О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству”. Партработников не смутила разница между жителями города, занимавшимися торговлей и ремеслом, и зажиточным деревенским населением, о котором, собственно, и говорилось в Постановлении ЦК.

В 10 часов 31 января уполномоченный Особого отдела ОГПУ по полку доложил по линии ОГПУ об участии красноармейцев “в раскулачивании”. Через Особый отдел ОГПУ МВО информация проследовала в Наркомат по военным и морским делам — военные контрразведчики оценили “медынский инцидент” как политическую ошибку. В

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 299—300.

дополнительном донесении начальник ОО ОГПУ МВО сообщил некоторые особенности данной акции: участие военнослужащих в проведении обысков, во время которых они похищали вещи и деньги, поедали отобранные у обыскиваемых продукты.

По результатам расследования нарком К. Е. Ворошилов направил в военные округа директиву, запрещающую привлечение войсковых частей к операциям изъятия или охраны выселяемых “кулаков”. Суть этой директивы была также изложена в приказе ОГПУ от 2 февраля 1930 года — в соответствии с ним привлекать войска для проведения подобного рода операций разрешалось лишь с санкции революционных военных советов военных округов или РВС СССР. Это положение не распространялось на некоторые округа, например, Средне-Азиатский, Северо-Кавказский, где активизировали свои действия националистические силы. В Дагестане, Чечне, Средней Азии, где в эти годы большой размах приобрело “повстанческое” движение, боевые операции проводились силами войск РККА»*.

В 1933 году указания о запрете использования армии в «раскулачивании» и прочих карательных и репрессивных акциях против деревни были оформлены в виде приказа РВС СССР — в нем, кстати, в очередной раз напоминалось о «медынском деле». Приказ оставался в силе на протяжении многих последующих лет, а «раскулачиванием» было поручено заниматься внутренним войскам ОГПУ.

* * *

В то же самое время органам военной контрразведки вновь официально разрешили выполнять их основную задачу. 9 августа 1930 года был подписан приказ ОГПУ об усилении борьбы со шпионажем, контрреволюционными и антисоветскими проявлениями в частях РККА, в соответствии с которым особым отделам предоставлялось право проводить «работу по линии шпионажа и контрреволюции» в районах комплектования территориальных частей — воинских формирований, создававшихся на основе территориально-милиционной системы, и категорически запрещалось «производить кому бы то ни было аресты военнослужащих, помимо особорганов».

Неудивительно: обстановка накалялась буквально на

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 66—67.

всех направлениях. К примеру, «на эстоно-советской и латвийско-советской границе функционировало большое количество разведпунктов и постов. В Изборске, Печорах, Дерпте, Абрене (латвийское название станции Пыталово), в местечке Зилуппе функционировали как разведывательные пункты, так и посты, что было связано с географическим положением этих населенных пунктов в непосредственной близости от границы с Советской Россией. Также активно действовали Голышевский, Ритупский и Покровский разведпосты. Вся их разведывательная работа координировалась разведывательными и контрразведывательными отделами Генерального штаба Эстонии и Латвии.

Основной задачей деятельности разведывательных отделов являлось собирание сведений об организации и происходящих реорганизациях РККА, о вооружении, маневрах, дислокации, передвижении войск, состоянии железных, шоссейных и грунтовых дорог, автотранспорте, авиации и морском флоте, а также добывание приказов, планов, фотоснимков, военных книг и журналов о РККА, РККФ и ВВС. В этих материалах были также заинтересованы разведки Германии, Великобритании, Франции и Польши, с которыми прибалтийские спецслужбы поддерживали чрезвычайно тесные контакты»*.

Одиннадцатого августа 1930 года председатель ОГПУ при СНК СССР В. Р. Менжинский направил во все полномочные представительства циркулярное письмо, в котором говорилось, что внутренняя и зарубежная контрреволюция делает ставку на проникновение в армию, а потому, в связи с опасностью надвигающейся войны, необходима «перегруппировка сил». Высказав свое мнение, что с наибольшей эффективностью обеспечить безопасность РККА может только объединенный «сверху донизу... единый и мощный аппарат», включающий в себя подразделения Особого, Контрразведывательного и Восточного отделов ОГПУ, Менжинский предлагал полномочным представителям за две недели подготовить свои соображения по проектам штатов.

В итоге «в целях создания мощного и мобильного контрразведывательного аппарата, пригодного к работе как в мирное, так и военное время, приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 года “О реорганизации особых отделов органов ОГПУ”, КРО и Восточный отдел ОГПУ были расформиро-

* Седунов А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 63.

ваны и влиты в Особый отдел. Обновленный ОО, который возглавил Я. К. Ольский-Куликовский, включал в себя следующие подразделения: 1-й отдел (начальник В. А. Стырне) — борьба со шпионажем, наблюдение за иностранными посольствами, консульствами и их связями, за национальными колониями в СССР; 2-й отдел (Н. Г. Николаев-Журин) — борьба с кулацкой, повстанческой, белогвардейской контрреволюцией, молодежными контрреволюционными организациями, бандитизмом и контрреволюционными организациями, связанными с границей; 3-й отдел (Т. М. Дьяков) — борьба с националистической и “восточной” контрреволюцией, со всеми видами шпионажа со стороны государств Востока — Афганистан, Турция и Персия, наблюдение за соответствующими посольствами, консульствами и национальными колониями в СССР; 4-й отдел (Л. А. Иванов) — оперативное обеспечение штабов, частей и соединений РККА и РККФ, оборонного строительства и военно-учебных заведений. В марте 1931 года отделы были переименованы в отделения*.

Ольский (Ольский-Куликовский) Ян Калистович (1898—1937). Родился в польской дворянской семье; с 1914 года — член СДКПиЛ (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы), в 1917 году — секретарь польской секции Петроградского комитета РСДРП(б). В 1918 году вступил в Красную армию; работал в подполье в оккупированном немцами Вильно. С августа 1919 года — в органах военной контрразведки. Начальник Особого отдела ОГПУ с октября 1929-го по июль 1931 года. В июле 1931 года снят с должности за выступление вместе с другими руководителями ОГПУ против Г. Г. Ягоды. Работал в системе Наркомата внутренней торговли СССР. В 1937 году арестован и осужден к высшей мере наказания.

Свидетельство современника:

«Мой непосредственный начальник Ян Калистович Ольский, начальник Особого отдела и член Коллегии ОГПУ, затребовал это дело (дело «Весна». — А. Б.)... Были допрошены и некоторые арестованные... Подвергнув материалы тщательному анализу, Ольский и его помощники установили, что всё это — “липа”, очковтирательство... Будучи человеком принципиальным и смелым, Ольский доложил о своих выводах Ягоде, которому это очень не понравилось: “Сейчас обострение классово-борьбы,

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 67.

это вполне естественно! У вас потеряно чувство классовой борьбы!» Но Ольский не стал уступать...

Для молодых чекистов Ольский был авторитетнейший человек...»

*Борис Иванович Гудзь,
сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД*

Стырне Владимир Андреевич (1897—1937). Родился в семье чиновника Курляндского военного присутствия, жил в Москве. С 1921 года — в Особом отделе ВЧК. С сентября 1930 года — помощник начальника Особого отдела ОГПУ, одновременно — начальник 1-го отделения; с сентября 1931 года — начальник Особого отдела Постоянного представительства ОГПУ по Уралу. С сентября 1935 года — начальник УНКВД по Ивановской области. С июля 1937 года — начальник 3-го отдела УГБ НКВД Украинской ССР. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. В октябре того же года арестован и в ноябре расстрелян.

Свидетельство современника:

«Так вел себя и начальник Ивановского УНКВД старый заслуженный чекист Владимир Андреевич Стырне, игравший видную роль в знаменитых операциях ВЧК—ОГПУ в первой половине 20-х годов (“Трест”, поимка Савинкова и пр.). Стырне аккуратнейшим образом доводил поступающие из центра директивы до своих подчиненных, но сам (насколько мне известно как помощнику начальника УНКВД по милиции, а также как человеку, находящемуся в близких отношениях со Стырне на правах старого знакомства по Москве) не проявлял никакой инициативы в этом направлении. Не создавал сенсационных дел на троцкистов-террористов и с разоблачениями в печати “кровавых методов врагов народа” не выступал».

Михаил Павлович Шрейдер, ветеран НКВД

Николаев-Журид Николай Галактионович (1897—1940). Родился в купеческой семье. С 1917 года — прапорщик 251-го запасного пехотного полка в Москве, член ротного и полкового комитетов. С марта 1918 года работал в Регистрационном управлении Полевого штаба РВСР, с января 1919-го — сотрудник разведывательного отдела Киевского губернского военного комиссариата. С июня 1919 года в военной контрразведке ВЧК, органах ОГПУ и НКВД. В июне 1937-го — марте 1938 года — начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (военная контрразведка). Комиссар госбез-

опасности 3-го ранга. С 1 октября 1938 года — начальник отдела УГБ НКВД Армянской ССР; 25 октября арестован; в феврале 1940 года приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Комментарий историка:

«...один из выдвиненцев и ближайших сотрудников Н. И. Ежова... Один из главных организаторов массового террора в рядах высшего комсостава РККА... При очередном переформировании НКВД 29.9.1938 г. Николаев-Журид стал начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ. К этому моменту звезда Ежова уже закатилась, и хотя он и оставался на посту наркома, большинство дел сосредоточилось в руках Л. П. Берии, который начал аресты сподвижников “железного наркома”. 25.10.1939 г. Николаев-Журид был арестован».

Константин Александрович Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь

Кстати, вот интересные статистические данные, которые характеризуют уровень образования и подготовки сотрудников, их социальное происхождение.

«Среди 117 членов объединенной ячейки Особого и Контрразведывательного отделов с высшим и незаконченным высшим образованием было 12 человек (10,3 процента), со средним и неполным средним — 43 человека (36,8 процента), с низшим — 57 человек (48,7 процента), данных нет — 5 человек (4,3 процента).

В Контрразведывательном и Особом отделах было 36 рабочих (30,8 процента), 27 учащихся (23,1 процента), 26 служащих (22,2 процента), 8 крестьян (6,8 процента), 6 интеллигентов (5,1 процента), один сотрудник КРО в прошлом был священником (Т. С. Малли — бывший католический дьякон из Австро-Венгрии, затем капеллан, попавший в Первую мировую войну в русский плен), один — профессиональным революционером-партизаном (А. Р. Формайстер), по двенадцати членам ячейки данные отсутствуют»*.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 года — официально оно было оформлено в виде постановления ЦИК СССР от 17 сентября — окончательно закрепило новый статус военной контрразведки. Отныне Особый отдел подчинялся непосредственно ОГПУ, а потому из Положения об Особом отделе были исключены пун-

* *Копчинский О. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 228.

кты, предоставлявшие Реввоенсовету право давать ему задания и контролировать их выполнение.

Особые отделы были тогда образованы во всех полномочных представительствах ОГПУ, а через год, приказом ОГПУ № 2/1 от 1 января 1931 года, ОО всех дислоцированных в краевых и областных центрах корпусов и дивизий РККА были слиты с аппаратами особых отделов ПП; аналогично обстояло дело в центрах оперативных секторов ОГПУ. В результате этой реформы органы военной контрразведки полностью выводились из-под контроля военного командования, с которым у руководства особых отделов нередко складывались достаточно напряженные взаимоотношения.

Таким образом, к началу 1930-х годов в основном была восстановлена единая и жестко централизованная система органов безопасности в армии и на флоте. Особым отделам вменялось в обязанность вести борьбу со шпионажем и «контрреволюционными проявлениями» как в воинских частях и учреждениях РККА, так и в их окружении. В сферу оперативного обслуживания Особого отдела входили также военные и пограничные вузы, войска ОГПУ и погранвойска, военизированная пожарная охрана ОГПУ и части особого назначения.

В августе 1931 года начальником Особого отдела ОГПУ был назначен бывший начальник Экономического управления ОГПУ Г. Е. Прокофьев, в ноябре того же года ставший заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР. Его преемником стал бывший начальник Секретно-оперативного управления ГПУ УССР, заместитель начальника ОО ОГПУ И. М. Леплевский, но уже с июня 1933 года ОО ОГПУ СССР возглавил М. И. Гай, ранее находившийся на политработе в войсках ВЧК — ОГПУ, а также в Экономическом управлении ОГПУ; с декабря 1932 года он был заместителем начальника Особого отдела.

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895—1937). Окончил юридический факультет Киевского университета. С сентября 1920 года — в Особом отделе ВЧК, затем — на различных ответственных должностях в ОГПУ. Начальник Особого отдела ОГПУ в августе — октябре 1931 года. С ноября 1932 года — заместитель председателя ОГПУ СССР и начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции ОГПУ; с июля 1934 года — заместитель наркома внутренних дел СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. С сентября 1936 года — первый заместитель наркома связи

СССР; в апреле 1937 года обвинен в участии в антисоветском заговоре в НКВД и подготовке теракта против наркома Н. И. Ежова. 14 августа 1937 года осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

Из показаний Г. Г. Ягоды на процессе по делу «Антисоветского “право-троцкистского блока”»:

«После назначения Ежова народным комиссаром внутренних дел было совершенно ясно, что вся деятельность нашей группы, а также “право-троцкистского блока”, будет вскрыта. Ежов уже начал разгром кадров заговорщиков и, конечно, мог добраться до центра блока и до меня в частности.

И вот, во имя спасения нашей организации, во имя спасения Рыкова, Бухарина и других, мы решили убить Ежова...»

Между тем «железный нарком» (он же «кровавый карлик») Н. И. Ежов будет расстрелян 4 февраля 1940 года по обвинению в подготовке «террористических акций против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади в Москве» 7 ноября 1938 года. Похоже, все только и мечтали убить друг друга...

Леплевский Израиль Моисеевич (1896—1938). С октября 1914 года служил рядовым в 3-м Кавказском пограничном полку; с июля 1917 года — член комитета Военной организации РСДРП(б) в Екатеринославе (Днепропетровск). С 1918 года — командир отряда ВЧК, затем проходил службу в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. С ноября 1931-го по февраль 1933 года — начальник Особого отдела ОГПУ. В 1934—1936 годах — народный комиссар внутренних дел Белорусской ССР; с ноября 1936-го по июнь 1937 года — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД, затем нарком внутренних дел Украинской ССР. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. В начале 1938 года арестован по обвинению в «участии в право-троцкистской организации и проведении контрреволюционной и предательской деятельности». 28 июля 1938 года осужден и расстрелян.

Из воспоминаний:

«В 1931 году Леплевский был переведен в Москву, в центральный аппарат, где семь месяцев возглавлял особые отделы Главного управления госбезопасности НКВД. Именно под его непосредственным руководством и с его участием военные контрразведчики чинили расправы над известными со времен Гражданской войны военачальни-

ками — Тухачевским, Якиром, Корком, Уборевичем и другими...

В апреле 1938 года Леплевского арестовали по тем же кошмарным обвинениям, которые он сам предъявлял сотням и тысячам: его обвинили в участии в антисоветской троцкистской организации, сделали из него руководителя враждебного «заговора НКВД на Украине»».

Генерал-полковник Николай Михайлович Голушко

Гай Мирон Ильич (1898—1937). Окончил художественное училище и два курса юридического факультета Киевского университета. В 1917 году призван в армию вольноопределяющимся. С 1920 года в войсках и органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. Начальник Особого отдела ОГПУ (Особого отдела ГУГБ НКВД) СССР с июня 1933-го по ноябрь 1936 года. С 28 ноября 1936 года — начальник УНКВД по Восточно-Сибирскому краю. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга. В апреле 1937 года арестован по подозрению в причастности к антисоветскому заговору в органах НКВД и «шпионаже в пользу Германии». 20 июня 1937 года осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

Свидетельство современника:

«Незадолго до окончания следствия я был свидетелем следующего разговора, происходившего в кабинете начальника 8-го отделения экономического управления М. И. Гая.

Докладывая Гаю о показаниях кого-то из подследственных, Счастливцев высказал сомнения в их правдивости. Поскольку допросы проходили в Свердловске, Счастливцев высказал предположение, что показания эти даны под нажимом Успенского. При этом он приводил ряд доводов, на основании которых у него эти сомнения возникли.

— Брось трепаться, — сказал Гай. — Успенский знает, что делает, он опытный оперативник.

Гай махнул рукой, показывая тем самым, что разговор окончен».

Михаил Павлович Шрейдер, ветеран НКВД

На принадлежность к Экономическому управлению стоит обратить особое внимание. Ветеран и историк органов ВЧК — ОГПУ — НКВД Б. И. Гудзь* свидетельствовал, что данное управление ОГПУ изначально явилось иници-

* *Борис Игнатьевич Гудзь (1902—2006)* — сотрудник органов ВЧК — ОГПУ с 1922 года.

атором и рассадником всех сфальсифицированных, «липовых», как их тогда называли, дел. «Дела по всем этим процессам вело Экономическое управление; даже по ложным обвинениям меньшевиков — а ими занимался Секретный отдел, было там специальное отделение — дело вело это управление. Видимо, здесь аппарат и, соответственно, руководство оказались самыми неустойчивыми — вот и лепили дела, очень далекие от правдоподобия, добываясь от обвиняемых показаний под диктовку»*.

Первым из сфальсифицированных дел стало так называемое «Шахтинское дело», затем якобы был выявлен шпионско-диверсионный подпольный центр, получивший наименование «Промпартия»...

* * *

К числу первых «громких» дел 1930-х годов относится также операция «Весна», начатая на Украине по инициативе председателя ГПУ УССР и полномочного представителя ОГПУ В. А. Балицкого и начальника СОУ ГПУ УССР и Особого отдела Украинского военного округа, уже названного выше Израила Моисеевича Леплевского — будущего руководителя Особого отдела ОГПУ.

Вообще тема фальсификаций и неразрывно связанных с ними репрессий — сложнейшая и неоднозначная, к тому же еще до крайности политизированная. Например, историк и ветеран спецслужб А. Б. Мартиросян** склонен видеть за делом «Весна» реальный заговор военных, однако не пострадавших в итоге военспецов — бывших офицеров императорской армии, но «прославленных героев Гражданской войны», которым «бывшие» очень мешали на их карьерном пути. Версия хотя и очень смелая, но не лишенная оснований.

«...от них, блестяще владевших стратегией и тактикой армий европейских государств, обладавших колоссальным боевым опытом как Первой мировой, так и Гражданской войн бывших офицеров и генералов, и решили избавиться “герои” Гражданской войны. Избавиться в канун ожидавшегося вооруженного нападения с Запада. Потому что эти “герои” готовили поражение своей страны. А бывшие зо-

* Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаенные страницы советской истории. 4-е изд. М., 2010. С. 58.

** Арсен Беникович Мартиросян (1950 г. р.).

лотопогонники могли всерьез помешать им. Они-то всегда были за Россию... Целенаправленно репрессировались или в лучшем случае просто изгонялись из Вооруженных сил наиболее сильные, образованные, обладавшие колоссальным боевым опытом офицеры и генералы. Изгонялись также и наиболее сильные военные педагоги из числа бывших царских офицеров. Изгонялись те бывшие царские военные, которые имели отличные от взглядов “героев”-верхоглядов точки зрения на принципы обороны России, хотя бы и Советской. Особенно ярко это проявилось в деле выдающегося русского военного теоретика генерала Свечина — сторонника стратегической обороны. Против него-то и выступали Тухачевский и К^о, которые, напротив, пропагандировали безумные идеи превентивного нападения на соседние государства. Кстати говоря, Свечина спас — вытащил из тюрьмы — именно Ворошилов.

Изложенное, конечно же, не означает, что все изгнанные из рядов РККА бывшие золотопогонники были невинны аки агнцы Божьи. Утверждать подобное было бы глупо. Часть из них действительно участвовала в различных контрреволюционных организациях*.

В принципе, для понимания обстановки этого достаточно, и нет смысла подробно разбираться во всех перипетиях оперативного дела «Весна». Суть его была в том, что под подозрение сотрудников Украинского ГПУ попали бывшие офицеры, состоявшие на службе в РККА на командных, штабных и преподавательских должностях. «Бывшие» априори считались «врагами внутренними», а от такого «клейма» отделаться ой как трудно. Тем более что они не просто затаились, копаясь на своих огородах — впрочем, и таких тоже «брали», потому как все офицеры были на учете еще в ВЧК, — но занимали «активную жизненную позицию».

Они понимали не только реальную опасность возможности грядущих войн, но и то, что такие войны будут собой представлять, в корне отличаясь от возведенной в абсолют Гражданской и забытой Первой мировой. Исходя из этого понимания, они были энтузиастами механизации и моторизации армии, призывали усилить работу по военной подготовке в вузах, стремились «теснее сплотиться, обмениваться опытом и почаще видаться». В общем, нормаль-

* *Мартиросян А. Б.* 200 мифов о Сталине. Кн. 2: Сталин и репрессии 1920—1930-х годов. М., 2008. С. 97—98.

ное поведение военных профессионалов, людям штатским непонятное, а потому и подозрительное.

Было возбуждено уголовное дело. Следствие в частях Киевского гарнизона окончилось в мае 1931 года: в обвинительном заключении на 121 военнослужащего было сказано о раскрытии «подпольной военной офицерской контрреволюционной организации», являющейся частью «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», — звучит-то как, сугубо по-советски! — образованной в Москве в 1923—1926 годах с целью свержения советской власти путем вооруженного восстания «на фоне войны и возобновленной интервенции». Интервенцией тогда и не пахло — не считать же таковой робкие попытки гоминьдановцев, «подставленных» западниками?

Леплевский сумел раздуть дело «Весна» почти до масштабов прогремевшей «Промпартии». Следственные мероприятия метастазами пошли буквально по всей стране, были продолжены в Москве и Ленинграде, в Центрально-Черноземной области и в Белоруссии, на Северном Кавказе и в Закавказье, на Балтийском и Черноморском флотах. Всего через судебную «тройку» при Коллегии ГПУ УССР и Коллегию ОГПУ прошли 2014 арестованных по делу — в том числе 305 военнослужащих; 27 военнослужащих и 546 гражданских лиц были расстреляны. Оно неудивительно: у «липачей» — существовал тогда такой термин — нашлись свои могущественные «покровители». А потому, «при явной поддержке заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды это дело было раздуть до огромных масштабов. В числе многих незаслуженно арестованных оказались известные деятели Красной армии, бывшие генералы старой русской армии А. И. Верховский, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, Н. Е. Какурин и другие»*.

Но тут «коса» чуть было «не нашла на камень»: летом 1931 года материалы операции затребовал тогдашний начальник Особого отдела ОГПУ Я. К. Ольский. Изучив их, он провел повторные допросы ряда арестованных и опротестовал выводы следователей. Ольский, как известно, «и раньше ратовал за укрепление законности в деятельности ОГПУ, был принципиальным противником фальсификации и фабрикации дел».

Кстати, можно вспомнить, что в 1930 году, когда в очередной раз сгустились тучи над тогдашним командую-

* Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. С. 199.

шим войсками Ленинградского военного округа М. Н. Тухачевским — человеком, некогда близким к Троцкому, обладавшим «бонапартистскими замашками», большими амбициями и к тому же довольно «невоздержанному на язык», — Ольский и тогда занял принципиальную позицию.

«14 октября [1930 г.] Сталин встретился с Менжинским и начальником Особого отдела ОГПУ Я. Ольским, которые познакомили его с новыми показаниями об антигосударственных замыслах Тухачевского. Сталин хотел разобраться в ситуации, поэтому и был вызван Ольский. Конечно, это вовсе не означало, что он не доверяет Менжинскому, данный факт просто характеризует методы Сталина.

И Ольский не поддержал мнение Менжинского об аресте Тухачевского, он выразил сомнение в достоверности показаний арестованных»*.

На сей раз «гроза» обошла «красного маршала» стороной...

Однако по делу «Весна» Ягода нашел поддержку у председателя ОГПУ В. Р. Менжинского, который еще с апреля 1929 года практически отошел от дел по состоянию здоровья, а затем и у И. В. Сталина. В результате в июле 1931 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Ольский был снят с должности и уволен из органов безопасности. Как сказано в постановлении — за распространение «совершенно несоответствующих действительности разлагающих слухов о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является “дутым делом”», за расшатывание «железной дисциплины среди работников ОГПУ». Были уволены еще несколько высокопоставленных сотрудников ОГПУ, разделявших его позицию. Партийное руководство расправилось с руководителями ОГПУ и Особого отдела, рискнувшими попытаться развеять миф о «врагах народа» в рядах Красной армии.

Кстати, уже через несколько лет почти все сотрудники ГПУ УССР и Особого отдела Украинского ВО, которые вели следствие в 1931 году, сами были арестованы и осуждены «за участие в контрреволюционной организации и фальсификацию следственных материалов».

Историческая правота оказалась за легендарным чекистом Я. К. Ольским и его единомышленниками. В 1956 году комиссия Президиума ЦК КПСС, возглавляемая председа-

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 318.

телем Комитета партийного контроля Н. М. Шверником, пришла к выводу: «В 1930—1932 годах в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других местах по обвинению в контрреволюционной деятельности было арестовано большое число армейских и флотских командиров, главным образом из числа бывших офицеров старой армии. По необоснованным обвинениям часть из арестованных офицеров по решениям Коллегии ОГПУ расстреляна, а другие заключены в места лишения свободы». В 1956 году большая часть осужденных была реабилитирована.

«Можно сказать, что 1931 год в истории Лубянки является определенной вехой, обозначившей начало процесса перерождения центрального аппарата ОГПУ. В августе тридцать первого были изгнаны из органов госбезопасности преемник Артузова на посту начальника контрразведки ОГПУ Ян Ольский, заместитель председателя Станислав Мессинг, начальник Административно-организационного управления Иван Воронцов и “примкнувший к ним” начальник Секретно-оперативного управления Ефим Евдокимов, кавалер четырех орденов Красного Знамени. Эта группа высших руководителей Лубянки выступила против Ягоды, потворствующего лицам, фабрикующим “липовые дела”. В результате — обвинение в “гнилом либерализме” и по решению ЦК их изгнание из органов госбезопасности “за подрыв боеспособности ОГПУ”».

Генрих Ягода, пользовавшийся в то время абсолютным доверием Сталина, устранив оппозицию в рядах руководства Лубянки, на освободившееся место Ольского перевел своего выдвиженца Леплевского, “ударно” поработавшего на Украине в ходе “разматывания” громкого дела “Весна”.

Вместе с ним, естественно, оказалась в Центре и целая команда его работников, людей авантюрного склада. Впоследствии под его руководством, а затем при сменившем его Гае, контрразведка ГУГБ НКВД во второй половине тридцатых развернула по заданиям сверху интенсивные действия по “выкорчевыванию” врагов народа»*.

* * *

Не надо, однако, думать, что в те сложные времена особисты только и были заняты, что «врагами народа». «К середине 1930-х годов в задачи военной контрразведки входило

* Мерзляков В. Указ. соч. С. 250.

ло также оперативное обеспечение зарубежных посольств и представительств, колоний, фирм — и в частности, акционерного общества “Интурист”, предприятий оборонной промышленности, Осоавиахима и других военно-технических организаций, гражданской авиации. 17 января 1932 года на ОО ОГПУ и органы на местах была возложена задача по борьбе со шпионажем и диверсиями на транспорте. В соответствии с циркуляром ОГПУ от 26 марта 1933 года, особым отделам ПП ОГПУ предписывалось осуществлять руководство иностранными отделениями полномочных представительств ОГПУ в части прикордонной работы как на нашей территории, так и в пределах 50-километровой полосы сопредельных стран. К тому же особыты выдавали разрешение на хранение оружия и взрывчатых веществ»*.

Учитывая, что СССР буквально по всем своим границам был окружен реальными врагами, которые, однако, не имели особенных успехов в деятельности своих спецслужб, можно констатировать, что военные и иные контрразведчики работали достаточно хорошо. Не будем забывать и про то, что на Дальнем Востоке тлел непогасший огонь напряженности: в сентябре 1932 года Япония демонстративно отказалась подписать с СССР договор о ненападении. Японские войска стягивались к советским границам.

Получившие боевой опыт, военные контрразведчики помнили о бандитских рейдах противника через границу, боролись с врагами его же оружием.

«Организацией проведения активных разведывательных акций за рубежом до 1933 года занималось 5-е отделение Особого отдела ПП и ОКДВА ОГПУ ДВК. В первой половине 1933 года отделение было реорганизовано в специальное бюро ОО ПП и ОКДВА, руководителем которого был назначен начальник отделения А. А. Лиман-Митрофанов.

В 1932 году ОО ПП и ОКДВА ОГПУ ДВК начал создавать школы подготовки кадров для партизанской и диверсионной деятельности. Так, например, перед школой в г. Владивостоке ставилась задача переподготовки командного состава партизанских отрядов и оперативных групп, формируемых на территории Владивостокского оперативного сектора и других органов. 7 марта 1933 года заместитель начальника ОО ПП и ОКДВА С. А. Барминский в служебном письме начальнику Благовещенского оперсектора

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 68.

ОГПУ С. В. Полину определил задачи школы следующим образом: “Подготовка оперативных групп, действующих в тылу противника”.

Обучение в школах ежегодно проходили несколько десятков курсантов по следующим основным дисциплинам: общая тактика, тактика партизанских действий и уличного боя, подрывное дело, военная топография, стрелковое дело, математика, организация Красной и японской армий, политическая работа, организация тыла, связь и радиодело, агентурная разведка и контрразведка, шифры и тайнопись. Преподавали в школе руководящие сотрудники органов государственной безопасности и погранохраны, военнотрудовые воинских частей...»*

Страна и ее вооруженные силы, а следовательно, и военная контрразведка, жили ожиданием серьезных событий и грозных потрясений, причем как в международном плане, так и во внутреннем...

Глава шестая

ВОЙНА У ГРАНИЦ И НА ГРАНИЦАХ

Подобное ожидание ни в коем случае не могло быть пассивным: в данном случае «ждать» означало «готовиться». В середине 1930-х годов руководство СССР приняло решение о «концентрации усилий органов внутренних дел и государственной безопасности», мотивируя это обострением международной обстановки. Совместным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР от 10 июля 1934 года был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел СССР. ОГПУ при СНК СССР было упразднено, а на базе его оперативно-чеккистских отделов создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), вошедшее в состав НКВД СССР.

«Согласно Положению о ГУГБ НКВД СССР его непосредственным руководителем назначался нарком внутренних дел, а задачи в части, касающейся главного управления, обозначались в соответствии с Положением о НКВД СССР. В его структуру входили: СПО (Секретно-

* Шинин О. В. Проведение органами ГПУ — НКВД активных мероприятий в 1922—1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 160.

политический отдел), ЭКО (Экономический отдел), ТО (Транспортный отдел), ОО (Особый отдел), ИНО (Иностранный отдел), Оперод (Оперативный отдел), Спецотдел (Специальный отдел, СО), Учетно-контрольный отдел (УКО) и Отдел кадров (ОК) управления. В целях осуществления розыска и пресечения преступной деятельности тех или иных граждан уточнялись средства розыскной работы, а также объявлялись права на производство обысков, выемок, истребование справок и иной информации от должностных лиц. Аресты следовало осуществлять согласно порядку, установленному постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года. Оперативный работник управления в одном лице имел право вести оперативный розыск и следствие. Следует отметить, что целесообразность этого, как показала практика оперативной работы, вызвала сомнение в предшествующие, в эти и последующие годы. Она была предметом дискуссий, так как нередко приводила к злоупотреблениям и нарушениям.

На ГУГБ возлагалась вся проверочная работа, связанная с выдачей заграничных паспортов и виз на выезд за границу, а также регистрация паспортов иностранцев...

По конспиративным соображениям все десять отделов ГУГБ получили номера: 1-й (охрана), 2-й (Оперод), 3-й (КРО), 4-й (СПО), 5-й (ОО), 6-й (ТО и связи), 7-й (ИНО), 8-й (учетно-регистрационный), 9-й (спецотдел, шифры), 10-й (тюремный), а отдел кадров ГУГБ слит с отделом кадров НКВД»*.

«Реорганизация сопровождалась уменьшением карательных прав НКВД (выносить смертные приговоры) и усилением контроля со стороны прокуратуры»**.

Официально работой ГУГБ руководил нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода, сменивший умершего 10 мая этого года В. Р. Менжинского, а фактическое руководство осуществлял первый заместитель наркома Я. С. Агранов. Вторым замом был Г. Е. Прокофьев, возглавлявший ОО ОГПУ в августе—сентябре 1931 года.

Особый отдел, который возглавил М. И. Гай, состоял из восьми отделений — штатная численность его центрального аппарата составляла 225 человек.

* *Виноградов В. К.* Третья реформа органов безопасности (1934—1941) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 85, 91.

** *Рыбас С. Ю.* Сталин. С. 337.

«В Особом отделе ГУГБ концентрировалась деятельность территориальной и военной контрразведки. Она включала борьбу с изменой Родине в форме шпионажа, террором, диверсиями, повстанческой и антисоветской деятельностью, которая могла быть организована “контрреволюционными элементами”, иностранными разведками, зарубежными центрами и иностранными представительствами в СССР. Контрразведка была призвана предупредить и пресекать подрывную работу иностранных разведок и их проникновение в военные учреждения армии и флота, пограничные войска, а также “кулацких” и других “классово-враждебных и дезорганизующих элементов”, выявлять недочеты в политико-моральном и материальном состоянии РККА и флота, информируя об этом военное командование. Особо отмечалась работа контрразведки по ограждению от проникновения шпионов и провокаторов в секции Коминтерна, МОПРа, а также в аппараты и учреждения НКВД, ВОКСа и Интуриста. Кроме того, пожалуй, впервые перед контрразведкой ставилась задача борьбы “с контрреволюционной и антисоветской деятельностью фашистской партии Германии”, особенно в районах компактного проживания немецкого населения, а также с враждебными действиями зарубежных восточных националистических и панисламистских центров в соответствующих республиках и областях СССР»*.

Никакого сравнения с 1922 годом, когда деятельность особистов была ограничена «выявлением недостатков и ненормальных явлений» в воинских коллективах!

Согласно приказу НКВД СССР от 13 июля 1934 года «Об организации органов НКВД на местах», особые отделы и особые отделения ОГПУ при соединениях и частях РККА и РККФ были переименованы в особые отделы и особые отделения Главного управления государственной безопасности НКВД, с непосредственным подчинением особым отделам военных округов и особым отделам управлений государственной безопасности республиканских, краевых (областных) управлений НКВД.

Интересная информация: «Приказом НКВД № 00216 от 10 июня 1935 года, в связи с преобразованием Украинского ВО в Киевский и Харьковский военные округа были сформированы единые аппараты особых отделов ГУГБ НКВД по военному округу и по области. Обычно

* *Виноградов В. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 86.

руководителем ОО новых военных округов назначался по совместительству начальник областного управления НКВД. Хотя бывали и исключения — например, начальником ОО ГУГБ НКВД Уральского округа был назначен помощник начальника УНКВД Свердловской области В. П. Горбак*.

В этом разделении округа явственно слышен отголосок пресловутого дела «Весна», когда был нанесен мощный удар по «украинским военным», как их тогда называли. Несомненно, данная реорганизация должна была ослабить их «единство». Странно оно как-то получается: во всем «цивилизованном» мире стремятся, чтобы армии были мощные, слаженные, а у нас все время боятся излишнего единения и, вследствие того, каких-то «тайных сговоров»...

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 октября 1935 года для сотрудников ГУГБ были введены специальные звания: комиссар государственной безопасности 1-го ранга (приравнялся к командарму 1-го ранга РККА, а с мая 1940 года — к генералу армии), комиссар госбезопасности 2-го ранга (командарм 2-го ранга РККА, генерал-полковник), комиссар госбезопасности 3-го ранга (комкор, генерал-лейтенант), старший майор госбезопасности (комдив, генерал-майор), майор госбезопасности (комбриг), капитан госбезопасности (полковник РККА, а с 1939 года — подполковник), старший лейтенант госбезопасности (майор РККА), лейтенант госбезопасности (капитан РККА), младший лейтенант госбезопасности (старший лейтенант РККА) и сержант госбезопасности (лейтенант РККА). Наркому внутренних дел присваивалось звание Генеральный комиссар госбезопасности, что равнялось Маршалу Советского Союза, о чем свидетельствовали большие звезды на петлицах и огромные — на рукавах гимнастерки.

Первым в 1935 году это высшее специальное звание получил Г. Г. Ягода, но уже 26 сентября 1936 года он был освобожден от руководства НКВД и назначен наркомом связи СССР. Через полгода, 29 марта 1937 года, Генрих Григорьевич был арестован.

На должность наркома пришел Н. И. Ежов — партийный работник, возглавлявший Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). С февраля 1935 года Ежов был

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 69.

секретарем ЦК, «курировавшим» органы НКВД, прокуратуру и судебные органы. Причем секретарем ЦК и председателем КПК Николай Иванович оставался и возглавляя наркомат. Сочетание, честно говоря, удивительное: сам руководил, сам себя и контролировал! 12 ноября приснопамятного 1937 года он был также утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) — это, как известно, высшая партийная элита. Так что разговоры о каком-то «всевластии НКВД» представляются достаточно наивными: спецслужбы были «оружием» в руках партийной верхушки. Не всей партии, но именно партийной «элиты» — почему-то власти предпочитают в отношении себя любят пользоваться этим зоотехническим термином.

При Ежове, с 28 ноября 1936 года, Особый, 5-й, отдел ГУГБ НКВД СССР возглавил комиссар госбезопасности 2-го ранга И. М. Леплевский, который 14 июля 1937 года был назначен наркомом внутренних дел Украины, где осуществлял «политику массовых репрессий». Его сменил очень толковый комиссар госбезопасности 3-го ранга Н. Г. Николаев-Журид — бывший прапорщик, сотрудник Разведупра РККА, имевший не только опыт нелегальной работы в «белом лагере», но и в отличие от самоучки Леплевского не законченное из-за войны высшее образование...

Главное управление госбезопасности просуществовало недолго: 28 марта 1938 года состоялось решение Политбюро об очередной реорганизации НКВД и ликвидации ГУГБ. Новая структура НКВД СССР была объявлена приказом № 00362 от 9 июня. В состав наркомата вошли три управления: Первое — Государственной безопасности, Второе — Особых отделов, Третье — Транспорта и связи.

В состав Второго управления — оно же Управление особых отделов НКВД СССР — входили отделы: 1-й — авиация, 2-й — автобронетанковые и технические войска, 3-й — пехота, кавалерия, артиллерия, 4-й — ВМФ, 5-й — штабная служба, ПВО, связь, Разведывательное управление (РУ) РККА, снабжение и финансы РККА, 6-й — оперативный, занимавшийся арестами, обысками, наружным наблюдением.

Начальником Второго управления был назначен комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. М. Заковский (Генрих Эрнестович Штубис), одновременно продолжавший руководить УНКВД по Московской области и исполнять обязанности заместителя наркома внутренних дел. Но в течение апреля он был постепенно освобожден от всех этих

своих должностей, а в ночь на 30 апреля арестован по обвинению «в шпионаже и участии в деятельности правотроцкистской организации». В конце лета Заковского расстреляли.

Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович) (1895—1938). В органах ВЧК — ОГПУ — НКВД с декабря 1917 года. В 1918 году — особоуполномоченный Президиума ВЧК на Западном, Восточном и Южном фронтах. С 15 июля 1934 года — нарком внутренних дел Белорусской ССР и начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Белорусского военного округа. С декабря 1934 года — начальник УНКВД по Ленинградской области. С января 1938 года — начальник УНКВД по Московской области и заместитель наркома внутренних дел СССР. Одновременно в марте — апреле 1938 года — начальник Управления особых отделов НКВД. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Арестован 29 апреля 1938 года, 29 августа приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Комментарий историка:

«Заковский в ночь на 16 октября 1920 года арестовал 315 бывших офицеров и военных чиновников, из-за чего “большинство учреждений в Одессе, подведомственных Киевскому военному округу, поставлены в катастрофическое положение”. Основная их часть была некоторое время спустя освобождена, но многие не вырвались из подвалов Заковского: только в 1920-м одесские чекисты арестовали 10 225 чел. И расстреляли 1418. Одним из крупнейших дел, сфабрикованных подчиненными Заковского, стала объединенная организация белогвардейцев, петлюровцев и польских шпионов, по которой 194 чел. были арестованы, из них 100 — расстреляны».

Публикация в журнале «Родина»

Должность начальника управления занял комбриг Н. Н. Федоров, арестованный 28 ноября 1938 года и расстрелянный в начале февраля 1940-го.

Федоров Николай Николаевич (1900—1940). В 1915—1917 годах — рядовой команды разведчиков пехотного полка; с 1918 года — в РККА. С августа 1926 года — в погранвойсках ОГПУ; затем на ответственных должностях в НКВД. Начальник 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД СССР с сентября по ноябрь 1938 года. Комбриг. Арестован 20 ноября 1938 года; расстрелян 3 февраля 1940 года.

От автора:

В ряде источников утверждается, что Н. Н. Федоров вел

уголовное дело Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Однако по имеющимся документам это не просматривается. Но известно, что именно он арестовал Василия Константиновича в Сочи 22 октября 1938 года.

Федорова на посту руководителя военной контрразведки сменил полковник Виктор Михайлович Бочков, до того исполнявший обязанности начальника Главного тюремного управления НКВД СССР. Затем, к слову, он был прокурором СССР, начальником Управления охраны ГУЛАГ МВД СССР, скончался в 1981 году, в возрасте восьмидесяти лет, генерал-лейтенантом и кавалером десяти орденов.

Бочков Виктор Михайлович (1900—1981). С 1919 года в войсках ВЧК — ОГПУ; с ноября 1938-го по август 1940 года — начальник 4-го отдела (военная контрразведка) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. С августа 1940-го по ноябрь 1943 года — прокурор СССР; одновременно с июля по декабрь 1941 года — начальник Особого отдела Северо-Западного фронта. С января 1944-го по июнь 1951 года — начальник Управления конвойных войск НКВД СССР; до 1959 года — на ответственных постах в НКВД — МВД СССР. Генерал-лейтенант.

Комментарий историка:

«В. М. Бочков командовал конвойными войсками в один из самых сложных периодов их развития. В военное время большая работа была проведена по организации приема, охраны, конвоирования военнопленных, содержания их в специально созданных для этой цели лагерях. Вся эта проблема решалась во взаимодействии с фронтовым командованием и Главным управлением по делам о военнопленных и интернированных. 17 июля 1944 г. по Москве провели под конвоем 57 тыс. военнопленных, захваченных во время известной операции “Багратион”. Для Виктора Михайловича эта акция имела особенное значение — освобождение родной Белоруссии, доставка военнопленных в столицу, хорошая организация службы».

*Самуил Маркович Штутман,
профессор Академии военных наук*

Двадцать третьего ноября 1938 года наркома Ежова вынудили написать «заявление об уходе», которое было спешно «удовлетворено» 25 ноября. А 10 апреля 1939 года Николай Иванович был арестован, получил целый «букет» обвинений — вплоть до сотрудничества с японской, германской и английской разведками — и расстрелян одновременно с комбригом Федоровым. Вместе или нет — неизвестно.

Вот такая «карусель» вертелась тогда в органах госбезопасности... Так что утверждение о «всевластии НКВД» — явное преувеличение!

* * *

Восьмого июня 1938 года Главный военный совет РККА принял постановление о создании на базе ОКДВА Краснознаменного Дальневосточного фронта в составе 1-й Приморской и 2-й Отдельной Краснознаменной армий и Хабаровской группы войск. Численность войск увеличилась на 100 тысяч человек, однако на огромной территории их личный состав словно бы расплылся, да и пополнение прибывало медленно, не хватало боевой техники и вооружения. К тому же, как писал в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, полководческая звезда которого ярко засияла именно тогда, на Дальнем Востоке, руководство фронта — Маршал Советского Союза В. К. Блюхер и начальник штаба комкор Г. М. Штерн — не выполнило указаний Главного военного совета по вопросам поднятия боеготовности войск и устранения недостатков, хотя уже со второй половины июля стало ясно, что японская сторона активно наращивает свои силы близ границ.

«Япония спешным порядком строила в Маньчжурии военные заводы и арсеналы, аэродромы и казармы, прокладывала стратегические коммуникации. И все это вблизи советской границы. В Маньчжоу-Го* разместились 130-тысячная Квантунская армия, почти треть всех вооруженных сил Японии того времени. Кроме того, там находилось более ста тысяч войск императора Пу И**...

За три года (1936—1938) на границе СССР было зафиксировано 231 нарушение, из них 35 крупных боевых столкновений. В советских территориальных водах процветал хищнический лов рыбы. Японцы захватили советские суда... (подробное перечисление. — А. Б.). Участились вооруженные инциденты на участках Турий Рог и у озера Ханко, Полтавского и Гродековского укрепленных районов»***.

Особым отделом НКВД по КДВФ были подготовлены и

* Маньчжоу-Го — оккупированная в марте 1932 года японскими войсками Маньчжурия, провозглашенная «независимым» государством.

** Последний китайский император, свергнутый в 1911 году, ставший «императором» Маньчжоу-Го.

*** Великанов Н. Т. Блюхер. М., 2010. С. 252.

направлены в Центр доклады о недочетах в боеготовности частей фронта и его штаба; о состоянии частей, сосредоточенных в районе Краскино — Заречье — высота Заозерная; о недостатках в штабе и частях ВВС фронта; о политико-моральном состоянии пограничников и т. д. Но ведь пока все это дойдет, в прямом и переносном смысле, пока «закрутится» бюрократическая машина...

Тем временем события развивались в своей вполне предсказуемой последовательности. 15 июля 1938 года японское правительство через своего посла в Москве потребовало отвода советских пограничников с важных в тактическом отношении высот Безымянная и Заозерная, расположенных западнее озера Хасан, в район которого уже были поднянуты значительные силы японских войск. 29 июля японская пехотная рота атаковала и захватила сопку Безымянная, которую обороняли 11 пограничников во главе с лейтенантом. Вскоре к месту боя подоспели весь личный состав погранзаставы и пехотная рота. Японцы были выбиты с занятых ими позиций и отброшены за границу.

Тридцатого июля, в тот день, когда советский батальон занимал оборону между высотами Безымянная и Заозерная, на заседании Военного совета Дальневосточного фронта по предложению первого заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского был заслушан доклад заместителя начальника Особого отдела Ямницкого о состоянии воинских частей, подлежащих приведению в боевую готовность. Конкретных решений принято не было. А ведь уже началась война! Пусть маленькая, но война!

Тридцать первого июля Безымянную и Заозерную атаковали уже два японских полка и после упорного боя их заняли. Попытки отбить высоты успеха не имели. В район Хасана были срочно направлены дополнительные соединения РККА.

«Японцы ввели до двух полков 19-й пехотной дивизии, советское командование — 40-ю стрелковую дивизию, а затем (после неудачной атаки) еще и 32-ю стрелковую дивизию и 2-ю механизированную бригаду, входившие в 39-й стрелковый корпус»*.

Отметим, что 40-я стрелковая дивизия имела в некомплекте 446 человек командно-начальствующего состава — более одной трети от штата — и прибыла в район боевых

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 511.

действий в количестве 9357 человек, оставив в пункте постоянной дислокации 3457 человек, которые занимались хозяйственными работами и несли караульную службу. Как известно, еще со времен Российской императорской армии караульная служба у нас вызывает какое-то восторженно-истерическое отношение... Впрочем, речь не о том — просто на войну так не выходят.

Превосходство в силах оказалось на стороне противника, и под его натиском наши стрелковые подразделения и пограничники, неся ощутимые потери, отходили вглубь советской территории... Но чем же в это самое время были заняты военные контрразведчики?

В полевом Особом отделе частей 1-й армии, принимавших участие в операциях у озера Хасан, насчитывалось 45 контрразведчиков. С первых же дней боев стало ясно, что реальной подготовки к «особому периоду» у них не было. Трудности возникали буквально везде: в вопросах организационного построения работы, определении места нахождения руководителей и оперсостава в ходе боевых действий, в организации связи, а также в организации работы с негласным аппаратом... Но, как чаще всего у нас бывает, не «благодаря», а «вопреки», военные контрразведчики в целом успешно справлялись со своими задачами по борьбе с подрывными акциями противника. Было разоблачено до десятка японских агентов, заброшенных в расположение советских войск.

Например, боец Буткевич струсил в бою и сдался в плен. «Выпотрошив» перебежчика и получив его письменные показания, японские разведчики принудили бойца отправиться обратно через линию фронта со шпионским заданием. Поведение «возвращенца» быстро обратило на себя внимание армейских чекистов... С помощью военнослужашщих особисты обезвредили и нескольких вражеских лазутчиков из белоэмигрантов, которые были посланы для ведения пропаганды и распространения провокационных слухов — за 20 лет советской власти народ стал бдительный и идейно убежденный.

Порой в бою военным контрразведчикам случалось даже заменять выбывших из строя командиров. Так, оперработник Особого отделения 40-й дивизии лейтенант Пятков принял на себя командование батальоном, в течение двух суток отражал натиск противника на позиции подразделения, несколько раз поднимал бойцов в контратаки. Он был награжден орденом Красного Знамени.

Пятого августа началось решительное наступление советских войск — укрытые сильным туманом, затруднившим работу японской авиации, в бой пошли части 32-й и 40-й стрелковых дивизий и 2-й мехбригады. Когда же 6 августа погода улучшилась, по японским позициям нанесли два массированных удара 180 бомбардировщиков — к сожалению, бомбили «по площадям» и удары оказались малоэффективными. Затем, после 45-минутной артиллерийской подготовки, вновь перешли в наступление стрелковые дивизии, усиленные танками. 8 августа части 40-й дивизии овладели высотой Заозерная, на следующий день 32-я дивизия взяла высоту Безымянная. 10 августа японцы попытались вернуть высоты, но понесли тяжелые потери, и 11-го боевые действия были прекращены.

«Эта маленькая война, — как справедливо заметил Святослав Рыбас, — показала кремлевскому руководству, что армия плохо подготовлена».

К действиям в боевой обстановке оказались не готовы и органы военной контрразведки: только 21 августа (!) руководство НКВД СССР издало приказ № 00549 «О реорганизации особых органов НКВД ОКДВА с объявлением временных штатов ОО НКВД КДВФ, ТОФа, ЗаБВО и подчиненных им особоорганов НКВД». Согласно этому штату Особый отдел фронта состоял из одиннадцати отделений, всего в его составе был 171 человек.

«Опыт участия сотрудников органов военной контрразведки в событиях у озера Хасан свидетельствовал о необходимости разработки и реализации комплекса мер по их заблаговременной подготовке к работе в боевых условиях. В частности, был поставлен вопрос об организации разведывательной и контрразведывательной работы на территории и в армии противника для получения информации, в том числе в интересах войскового командования, а самое главное — для выявления и пресечения деятельности вражеских спецслужб. С этой целью во время ведения боевых действий следовало разрешить оперработникам Особого отдела приобретение оперативных источников из числа перебежчиков, военнопленных и гражданского населения. Такое предложение нашло практическую реализацию уже на Халхин-Голе.

Участие военных контрразведчиков в боях у озера Хасан поставило также вопрос о необходимости обучения

оперативного состава военному делу. В отчетных документах и предложениях, представленных Особым отделом 2-й Отдельной Краснознаменной армии в Особый отдел НКВД СССР, подчеркивалось, что оперработнику нужно знать состоящую на вооружении технику, владеть стрелковым делом, разбираться в вопросах топографии, знать уставы РККА — все это облегчит его работу в части. Поэтому в особые органы, обслуживающие специальные рода войск, нужно подбирать оперсостав со специальной подготовкой, а оперработники, обслуживающие парашютно-десантные части, должны проходить медицинский отбор на предмет годности к прыжкам. Выходы с частью в поле и в лагеря, на маневры и учения следует считать обязательным видом подготовки оперативного состава.

Уроки хасанских событий были реализованы в ряде нормативных актов межведомственного и ведомственного характера — особенно по организационно-штатной структуре особых отделов НКВД, по вопросам организации координации и взаимодействия с органами военного управления, руководством НКВД и НКО СССР»*.

* * *

В сентябре 1938 года в составе НКВД опять было воссоздано Главное управление госбезопасности, которое возглавил бывший 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берия, 22 августа того же года назначенный первым заместителем наркома внутренних дел СССР. В свою очередь, его замом стал бывший заместитель заведующего отдела ЦК КП(б) Грузии В. Н. Меркулов. Особый отдел вошел в ГУГБ НКВД как 4-й отдел — всего в составе Главного управления было семь отделов.

Структура 4-го отдела была следующей: Первое отделение — оперативного обеспечения штабов, Второе — разведуправления, Третье — авиации, Четвертое — технических войск, Пятое — мототехнических войск, Шестое — артиллерии и кавалерии, Седьмое — пехоты, Восьмое — политорганов, Девятое — органов снабжения, Десятое — Военно-морского флота, Одиннадцатое — войск НКВД, Двенадцатое — Организационно-мобилизационное отделение, а также следственная часть. Всего по штату — 394 человека.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 71—72.

Периферийные органы военной контрразведки напрямую подчинялись Управлению особых отделов НКВД, а с сентября 1938 года — 4-му отделу ГУГБ НКВД СССР. Еще в августе приказами НКВД СССР были утверждены штаты особых отделов военных округов — в дальнейшем, с образованием новых военных округов, образовывались и соответствующие особые отделы.

Когда от занимаемой должности был освобожден Ежов, наркомом внутренних дел СССР был назначен Берия, а ГУГБ возглавил В. Н. Меркулов.

«При Берии произошли и структурные изменения в аппарате НКВД. Он получил 12 декабря 1938 года санкцию Сталина на создание общей следственной части, где сосредоточивалось ведение следствия всех оперативных подразделений, за исключением дел по линии военной контрразведки, в которой создавалась собственная структура. Это был первый шаг за многие годы существования советских спецслужб, когда функции розыска и следствия были разделены в интересах их квалифицированного ведения»*.

Казалось, с учетом всего накопленного опыта, система наконец-то отлажена, но тут 13 января 1939 года был подписан совместный приказ Наркомата обороны и НКВД «О работе особых отделов НКВД СССР», вновь в корне все переменявший:

«1. На особые отделы НКВД возлагаются специальные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Рабоче-крестьянской Красной армии, Военно-морском флоте и Пограничных и Внутренних войсках НКВД.

2. Особые отделы НКВД осуществляют эти задачи путем:

а) организации агентурно-осведомительного аппарата в армии, флоте и среди гражданского населения, имеющего непосредственное соприкосновение с войсковыми частями, учреждениями, снабженческим аппаратом и отдельными военнослужащими;

б) ведения следствия по делам о контрреволюции, шпионаже, диверсии, измене Родине, вредительстве в РККА и Военно-морском флоте, войсках НКВД и среди указанного выше гражданского населения и путем производства в связи с этим обысков, арестов и выемок.

* *Виноградов В. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 94.

3. Аресты рядового и младшего начальствующего состава РККА особые отделы НКВД военных округов (армий) согласовывают с военными советами округов. Аресты среднего, старшего и высшего командного и начальствующего состава РККА согласуются Особым отделом НКВД СССР с народным комиссаром обороны СССР.

4. Для руководства особыми отделами НКВД и выполнения задач, возложенных на особые отделы, по центральному аппарату Народного комиссариата обороны Союза ССР, Народного комиссариата Военно-морского флота и Главного управления Пограничных и Внутренних войск НКВД СССР организуется Особый отдел НКВД СССР, входящий в состав Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

5. В местах дислоцирования управлений военных округов, отдельных армий и флотов создаются особые отделы НКВД округов, отдельных армий и флотов, непосредственно подчиненные Особому отделу НКВД СССР.

6. При армейских группах, корпусах, флотилиях, дивизиях и бригадах, укрепленных районах и крупных военных объектах (военные училища, склады и т. д.) создаются особые отделы (отделения, группы, уполномоченные) НКВД, подчиняющиеся во всех отношениях соответствующим особым отделам НКВД военного округа, отдельной армии или флота.

7. Начальник Особого отдела НКВД СССР назначается народным комиссаром внутренних дел Союза ССР по согласованию с народным комиссаром обороны Союза ССР и подчиняется начальнику Главного управления государственной безопасности.

Начальники особых отделов округов, армий, корпусов, дивизий и бригад назначаются народным комиссаром внутренних дел по согласованию с народным комиссаром обороны Союза ССР.

Назначение оперуполномоченных особого отдела при полках, военно-учебных заведениях и складах согласовывается с военными советами округов (армий).

Назначение Наркомвнуделом СССР начальника Особого отдела НКВД СССР, начальников особых отделов округов (армий) и начальников особых отделов дивизий объявляется также приказом народного комиссара обороны Союза ССР.

8. Особый отдел НКВД СССР выполняет специальные задания народного комиссара обороны Союза ССР и на-

родного комиссара Военно-морского флота, а на местах — военных советов соответствующих округов, армий и флотов.

9. Начальник Особого отдела НКВД СССР обязан своевременно и исчерпывающе информировать Народный комиссариат обороны Союза ССР (наркома, его заместителей, а по отдельным вопросам по указанию народного комиссара обороны начальников центральных управлений Народного комиссариата обороны) о всех недочетах в состоянии частей Рабоче-крестьянской Красной армии и обо всех проявлениях вражеской работы, а также о всех имеющих компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих, особенно на начальствующий состав. На местах особые отделы округов, армий и флотов информируют соответствующие военные советы, особые отделения НКВД корпусов, дивизий, бригад — командиров и комиссаров соответствующих войсковых соединений, а оперуполномоченные при отдельных частях, учреждениях и заведениях РККА — соответствующих командиров и комиссаров этих частей.

10. Начальники особых отделений НКВД корпусов, дивизий, бригад входят в состав военно-политических совещаний и информируют эти совещания о недочетах в политико-моральном состоянии частей, их боевой подготовке и снабжении.

11. Коммунисты и комсомольцы, работающие в особых отделах, кроме работающих в Центре и в особых отделах НКВД военных округов (армий) и флотов, состоят на партийном и комсомольском учете при соответствующих политорганах*.

Приказ был подписан двумя наркомками: К. Е. Ворошиловым и Л. П. Берией.

Аналогичные приказы были подписаны по Пограничным и Внутренним войскам НКВД и Военно-морскому флоту.

Обратим внимание: сотрудники особых отделов НКВД были обязаны информировать военное командование обо всех недочетах в состоянии частей РККА и «проявлениях вражеской работы», а также о компрометирующих сведениях на военнослужащих, особенно на начсостав. При этом нормативные акты не определяли круг вопросов, по

* Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 30—31.

которым, со своей стороны, военное командование должно было информировать органы НКВД и оказывать им содействие; не был продуман механизм разработки и реализации совместных мер по обеспечению безопасности вооруженных сил, Пограничных и Внутренних войск в условиях дальнейшего обострения обстановки вокруг СССР.

Несколько позже, 17 июня, нарком Берия подписал еще один, созвучный вышеназванным, приказ: «О порядке вызова военнослужащих в органы НКВД».

В нем, в частности, говорилось, что «от командования частей поступают жалобы, что в практике работы особых отделов имеют место случаи вызова военнослужащих без ведома и согласия командования» и, как было сказано, «предлагалось»: «...вызовы военнослужащих в органы НКВД производить только с ведома и согласия комиссара части. В случае несогласия последнего на вызов военнослужащего вопрос переносится на разрешение вышестоящего комиссара части или военного совета...»

Учитывая «деликатность» и «конфиденциальность» работы оперативного состава, можно предположить, что этот приказ весьма осложнил его существование... В общем, «всевластие НКВД» опять-таки никак не чувствуется! Партийное руководство всех старалось держать в определенных рамках.

* * *

Мир стремительно скатывался к войне. «Мюнхенский сговор» и, как его следствие, оккупация гитлеровцами Чехословакии, победа франкистов в Испании, захват итальянцами Албании... Перемирие, заключенное после боев у озера Хасан, оказалось недолгим: 1 апреля 1939 года японский Генштаб решает ускорить подготовку к войне, разрабатывая план агрессии через Монголию. Противник рассчитал, что для ведения боевых действий в таких условиях СССР придется затратить усилий в десять раз больше, чем Японии.

Столкновения на маньчжуро-монгольской границе начались 11 мая, а 15-го подверглась бомбардировке с воздуха 7-я монгольская погранзаства. Об этом советское руководство узнало из сообщений европейской прессы: монголы не поставили в известность даже командование 57-го особого стрелкового корпуса, дислоцированного на их территории в соответствии с Протоколом о взаимной помощи, подписанным 12 марта 1936 года.

«Двадцать шестого мая японцы в составе 2500 человек при поддержке авиации, танков и артиллерии перешли в наступление, но после двухдневных боев монгольские части и советские войска отбросили их.

Второго июля было предпринято второе наступление, захвачена территория на правом берегу Халхин-Гола севернее горы Баин-Цаган. Силы японцев включали 38 тысяч человек, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов. Обстановка усугублялась тем, что до ближайшей железнодорожной станции Борзя было более 700 километров, а у японцев, можно сказать, под боком, в ста километрах, находился Хайларский железнодорожный узел, а в тридцати — полустанок строившейся Холун-Аршанской железной дороги...»*

Но нас больше интересует оперативная обстановка, бывшая весьма сложной. Разведка противника была очень активна, хотя к услугам своих «штабс-капитанов Рыбниковых» она, очевидно, не прибегала — в Маньчжурии проживало немало белоэмигрантов, из которых противник вербовал агентов и диверсантов и в большом количестве засылал в расположение советских войск.

В мае, например, на перевязочный пункт был доставлен красноармеец Сутакон, характер ранения которого вызвал у медиков подозрение. При проверке Особым отделом выяснилось, что документами попавшего в плен бойца прикрывается сын белоэмигранта Покровский. Японские хирурги имитировали ему легкое ранение — разведка рассчитывала, что в госпитале Покровский соберет через словоохотливых раненых сведения о советско-монгольских войсках, а затем, под видом возвращения в свою часть, проберется к передовой.

Органами военной контрразведки были также получены данные о том, что японцы вербуют агентуру среди пленных красноармейцев — как стало ясно впоследствии, именно такая агентура представляла наибольшую опасность. Этим людям не нужно было «легализовываться»: можно было сказать, что отстал от своих, прятался по кустам и оврагам, а потом перешел линию фронта... И если никто как следует не проверит, то честь и хвала герою!

В июле особисты задержали перешедшего фронт красноармейца Сергышева, который признался, что он сдался в плен противнику, намереваясь уехать в Харбин, где жили его

* *Рыбас С. Ю.* Сталин. С. 531—532.

родственники-эмигранты. Японцы пообещали помочь, но с условием, что он помощь отработает — вернется на советскую сторону и подорвет мост через реку Халхин-Гол. Сертышева снабдили «адской машинкой», а для обратного перехода ему вручили в качестве пароля носовой платок с иероглифом. Военные контрразведчики сорвали этот замысел...

Но кажется, главная опасность тогда исходила отнюдь не от «врага внешнего». Из-за недостатка сил и средств, не твердого управления войсками части 57-го корпуса не могли достаточно эффективно противостоять агрессору. Комдив Г. К. Жуков, прибывший в район боевых действий в начале июня, отметил в докладе наркому обороны К. Е. Ворошилову «тактически неграмотное решение и легкомысленное отношение» штаба к организации боя, «малоорганизованность и недостаточную целеустремленность» командира корпуса Н. В. Фекленко*.

А вот фрагмент из уникального донесения Г. К. Жукова начальнику Политуправления РККА Л. З. Мехлису, датированного 16 июля 1939 года:

«В прибывшей 82-й сд (стрелковой дивизии) отмечены следы крайней недисциплинированности и преступности. Нет касок, шанцевого инструмента, без гранат, винтовочные патроны выданы без обойм, револьверы выданы без кобуры... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно засоренным оказался авангардный полк, где был майор Степанов, военком полка майор Мусин. Оба сейчас убиты. Этот полк в первый день поддался провокационным действиям и позорно бросил огневые позиции, перед этим пытались перестрелять комполитсостав** полка бывшие бойцы этого полка Ошурков и Воронков. 12. 07 демонстративно арестовали командира пулеметной роты Потапова и на глазах бойцов расстреляли, командир батальона этого полка Герман лично спровоцировал этот батальон на отступление, все они преданы расстрелу. Для предотвращения паники были брошены все работники политуправления РККА, находящиеся в это время на КП... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострелов руки...»***

* Во время Великой Отечественной войны Н. В. Фекленко был и начальником Управления формирования и укомплектования бронетанковых и механизированных войск РККА, в 1943 году получил звание генерал-лейтенанта.

** Командный и политический состав.

*** Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Исследование жизни и деятельности. М., 2005. Т. 1. С. 64.

Написано коряво, но речь не о том! Жуткий документ, который заставляет задуматься прежде всего о том, где ж в то время были сотрудники военной контрразведки? Где были их помощники?! Ответа нет... Прокол серьезнейший и, насколько известно, в то время не единичный.

Нет, не все было столь благополучно, как гласят официальные источники.

Впрочем, стоит ли это объяснять искушенному читателю?

Суть и опасность происходящего осознавали и «в верхах», а потому 5 июля Главный военный совет принял решение о формировании в Чите фронтового управления во главе с командармом 2-го ранга Г. М. Штерном — для объединения и направления действий 1-й и 2-й отдельных армий, Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса на тот случай, если конфликт на Халхин-Голе перерастет в войну, охватывающую все дальневосточные границы страны. 19 июля из расположенных на территории МНР войск была сформирована 1-я армейская группа, подчиненная фронтовому управлению, которую возглавил Г. К. Жуков — уже комкор.

Для руководства деятельностью особых отделений дивизий и бригад был создан Особый отдел ГУГБ НКВД СССР 1-й армейской группы войск во главе с капитаном государственной безопасности А. Н. Паниным.

В середине августа японская группировка в районе конфликта составляла порядка 75 тысяч человек при 500 орудиях, 182 танках и свыше 300 самолетов. Группа комкора Жукова — пять мотострелковых и стрелковых дивизий, семь бригад — танковых, стрелково-пулеметных, мотоброневых и броневых, а также шесть авиационных полков и артиллерия — насчитывала около 57 тысяч человек, 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолетов. Поддерживали ее три кавалерийские, бронетанковая и авиационная монгольские бригады.

«Было известно, что новое наступление японских войск назначено на 25 августа. Советско-монгольские войска готовили упреждающий удар. Для противодействия японской разведке органы военной контрразведки приняли непосредственное участие в реализации плана оперативно-тактического дезинформирования противника и оперативной маскировки, разработанного под руководством Жукова. В частности, с учетом того, что японцы активно вели радио-

разведку и подслушивали телефонные переговоры, была разработана целая программа радио- и телефонных сообщений в целях дезинформации противника — говорили только о строительстве оборонительных сооружений и подготовке осенне-зимней кампании. “Радиообман” строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Японцев на передовой приучали к ночному шуму. Для этого использовались звуковые установки, имитировавшие движение танков и бронемашин, забивание кольев проводочных заграждений, полет самолетов и прочее. Первоначально японцы обстреливали те районы, откуда доносились подобные шумы, но вскоре перестали на них реагировать, что сыграло немалую роль в период настоящей перегруппировки войск перед наступлением.

Двадцатого августа, упредив противника, советско-монгольские войска после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. Но если механизированные части наступающей южной группы к исходу того же дня вышли к границе, то северной группе пришлось вступить в бой с окруженным противником, и ожесточенные боевые действия продолжались до конца месяца.

В этих условиях руководством Особого отдела 1-й армейской группы было уделено большое внимание организации работы среди японских военнопленных, что позволило уже в течение первых полутора суток получить материалы, изобличающие в преступной деятельности порядка тридцати человек.

Войсковая операция завершилась 31 августа установлением контроля на государственной границе МНР. Попытки японцев вновь атаковать монгольскую территорию успеха не имели. По просьбе японского правительства боевые действия в районе Халхин-Гола были прекращены 16 сентября»*.

А 1 сентября 1939 года в Европе уже началась Вторая мировая война.

* * *

Второго августа в особые отделы всех округов и армий была направлена Директива НКВД СССР № 616 «Об устранении недостатков в оттобразивании войсковых частей,

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 73—74.

развертываемых по штатам военного времени и направляющихся к месту назначения», подписанная, разумеется, наркомом:

«Из поступающих сведений видно, что развертываемые по штатам военного времени войсковые части и соединения направляются к месту назначения не укомплектованными до штатов военного времени командным, начальствующим и красноармейским составом, не обеспеченными предусмотренным по табелю военного времени вооружением, снаряжением, боеприпасами, запасными частями и т. п.

В отдельных частях имеет место проникновение социально чуждых, морально неустойчивых и враждебных элементов.

Начальники особых отделов округов за редким исключением не доносят НКВД СССР о состоянии от мобилизуемых частей, не информируют об этом военные советы округов и не принимают на месте решительных мер к устранению имеющихся недочетов.

Под личную ответственность начальников особых отделов округов

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Поставить работу таким образом, чтобы при от мобилизации частей мобилизовать всю агентуру и осведомительную сеть на выявление имеющихся недочетов в от мобилизации.

2. О ходе от мобилизации частей, недочетах в комплектовании людьми, об имеющихся компрометирующих материалах на начсостав и красноармейцев, недочетах в состоянии материальной части, снаряжении, вооружении и боеприпасах информировать военные советы округов и немедленно доносить Особому отделу НКВД СССР.

3. О лицах, ближайшие родственники которых находятся за границей, настроенных пораженчески или высказывающих изменнические или террористические настроения, ставить перед военными советами вопрос об их отводе»*.

Руководство НКВД пыталось учесть горькие уроки недавней «малой войны» — в канун надвигавшейся мировой. Стоит, однако, обратить внимание на слова: «информировать», «доносить», «ставить вопрос»...

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1. С. 57—58.

Определяющей во внутренней политике Советского государства в 1930-е годы была формулировка И. В. Сталина об обострении классовой борьбы внутри общества по мере продвижения страны к социализму.

Волна репрессий основательно прошла тогда и по командно-начальствующему составу РККА. За один только 1933 год было уволено 22 308 командиров и красноармейцев, из них «по признакам социальной принадлежности и политической неблагонадежности» — 20 258; с 1934 по 1936 год из армии и с флота было изгнано около 22 тысяч военнослужащих, а в 1937—1938 годах — около 40 тысяч. К части уволенных военнослужащих были применены меры репрессивного характера — от лишения свободы до высшей меры наказания. Причем главными инициаторами «чистки» в вооруженных силах выступали не особые отделы, а армейские политорганы. Кстати, лица высшего командно-политического состава РККА арестовывались только с согласия наркома обороны.

В этой «борьбе» партийная верхушка пыталась превратить органы ОГПУ — НКВД в свою главную опору, хотя, как мы видим, тоже не очень им доверяла.

«Репрессии серьезно ударили и по чекистским кадрам. С 1 октября 1936-го по 1 января 1938 года из органов ГУГБ было уволено 5229 оперативных сотрудников, из них 1220 — арестованы и привлечены к уголовной ответственности: 884 — “за контрреволюционную деятельность”, 172 — за уголовные преступления, 164 — за развал работы, пьянство и дискредитацию звания офицера НКВД. Общая численность работников ГУГБ НКВД СССР, арестованных за “контрреволюционные преступления”, то есть репрессированных в ходе ликвидации так называемого “заговора в НКВД”, составляла около 2,5 тысячи человек. Среди репрессированных были и сотрудники особых отделов армии и флота, в том числе и практически все высшие руководители военной контрразведки 1936—1939 годов»*.

Примечательно, что, когда 26 сентября 1936 года наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов, он принялся лично руководить сбором компрометирующих материалов на военачальников Красной армии. Вскоре был раскрыт еще и «заговор в НКВД» — Николаю Ивановичу, как «стороннему назначенцу», сделать это было совсем не-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 76.

сложно, ибо в душе у него вряд ли что могло дрогнуть. В апреле—мае 1937 года в качестве «заговорщиков» были арестованы многие руководящие работники наркомата.

Кстати, на допросе 26 апреля 1937 года бывший нарком Г. Г. Ягода, «назначенный» главным руководителем заговора, сказал: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался».

Менее стойкими оказались известные уже нам заместитель наркома Г. Е. Прокофьев, начальник Особого отдела М. И. Гай, а также — комбриг М. Е. Медведев, бывший начальник ПВО РККА. Они назвали участников «военного заговора», вскоре вообще окрещенного «военно-фашистским», маршала М. Н. Тухачевского, командармов 1-го ранга И. Э. Якира и И. П. Уборевича, командарма 2-го ранга А. И. Корка, комкоров Б. М. Фельдмана и Р. П. Эйдемана и ряд других высших военачальников, якобы состоявших «в преступной связи с Г. Г. Ягодой».

Осуждать — мол, оговорили невинных — легко. Однако уточним, во-первых, что тогда начальником Особого отдела ГУГБ был И. М. Леплевский. Именно при нем утвердилась та практика следствия, которая позднее была охарактеризована в приказе Л. П. Берии как «огульное применение ко всем арестованным незаконных методов физического воздействия». Во-вторых, напомним, что многие события 1937 года не прояснены до сих пор.

«В исторической литературе, посвященной Тухачевскому, есть свидетельства о попытке привлечь маршала к заговору против Сталина. Так, начальник Управления по начальствующему составу РККА комкор Б. Фельдман, близкий приятель Тухачевского, говорил ему: “Разве ты не видишь, куда идет дело? Он всех нас передушит, как цыплят. Необходимо действовать”.

Маршал тем не менее отказался участвовать в военном перевороте.

Во время следствия по делу Ягоды и “красных генералов” выяснилось, что зондирующие разговоры с Тухачевским действительно велись, но не более того. В глазах многих он был потенциальным главой потенциального заговора, как и в 1923—1924, 1928 и 1930 годах. Поэтому в глазах Сталина он представлял явную опасность, степень которой зависела от политической ситуации»*.

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 449.

О личности и судьбе «красного маршала» написано немало, но истина до сих пор остается скрытой. Начальник Особого отдела И. М. Леплевский, организатор и «исполнитель» приснопамятной «Весны», сам возглавил следствие по делу Тухачевского, который был арестован 22 мая 1937 года. Оно было недолгим: уже 11 июня 1937 года состоялся суд над М. Н. Тухачевским, И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем, А. И. Корком, Б. М. Фельдманом, Р. П. Эйдеманом, В. М. Примаковым и В. К. Путной, которые были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Ягоду расстреляли 15 марта 1938 года...

Приговор в отношении М. Н. Тухачевского и других участников «военно-фашистского заговора» был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления 31 января 1957 года. Генеральный комиссар госбезопасности Ягода не реабилитирован до сих пор.

Повторим, что это дело оставило больше вопросов, нежели ответов...

* * *

«В мае 1938 года на базе Особого отдела ГУГБ было создано Управление особых отделов, начальником которого был назначен комбриг Н. Н. Федоров. Под его руководством были возбуждены дела на заместителей наркома обороны Маршала Советского Союза А. И. Егорова, командарма 1-го ранга И. Ф. Фелько, на командующего войсками Белорусского военного округа командарма 1-го ранга И. П. Белова, наркома Военно-морского флота армейского комиссара 1-го ранга П. А. Смирнова, начальника Управления коменданта Московского Кремля комдива П. П. Ткалуна, заместителя командующего войсками Харьковского военного округа комдива В. С. Погребного, заместителя начальника Управления по начальствующему составу РККА комдива И. Я. Хорошилова и ряд других военачальников. Все они впоследствии были посмертно реабилитированы.

Но 28 января 1939 года Федоров сам был арестован по обвинению в принадлежности к якобы существовавшей в НКВД заговорщической организации и 3 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. При пересмотре его дела в 1957 году было установлено, что предъявленное обвинение не соответствует действительности, однако в реабилитации было отказано,

так как под руководством Федорова проводились репрессии против партийных и советских работников, командиров и политработников РККА, применялись незаконные методы ведения следствия.

Конечно, не все сотрудники НКВД безропотно исполняли любые преступные приказы — многие старались объективно подходить к имеющейся информации, оспаривали виновность оклеветанных, обращались с рапортами и письмами к руководству, однако чаще всего командно-бюрократическая система безжалостно их уничтожала, а репрессии продолжались*.

В частности, «жертвой системы» стал начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю и начальник Особого отдела НКВД ОКДВА Т. Д. Дерibas, который в мае 1937 года отказался признать факт существования в крае и в частях ОКДВА антисоветской организации, якобы руководимой первым секретарем крайкома ВКП(б) Лаврентьевым. Об этом было доложено Н. И. Ежову, по приказанию которого Дерibas был арестован «за пассивность в разоблачении антисоветской шпионской организации троцкистов и правых». Это решение было пересмотрено, Терентий Дмитриевич возвратился на Дальний Восток, но 31 июля 1937 года вновь был отозван в Москву.

На смену ему прибыл 37-летний комиссар госбезопасности 3-го ранга Генрих Самойлович Люшков, недавний начальник Управления Погранвойск НКВД, член ЦК ВКП(б), усиленно взявшийся за борьбу с «врагами народа». Да только продолжалось это недолго: 13 июня 1938 года он выехал на проверку границы с Маньчжурией, сказал сопровождающим, что должен встретиться с закордонным агентом, но, оставшись один, перешел границу и сдался японским властям.

«Генерал-предатель был хорошо осведомлен о состоянии боеготовности Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке, расположении военных объектов, аэродромов, складов боеприпасов, образцах оружия, уровня подготовки личного состава частей и соединений Особой Дальневосточной армии. Все эти важные сведения... сыграют свою роль в подготовке японского правительства и его Генштаба к нападению на Советский Союз»**.

Несмотря на все усилия советских спецслужб, найти и

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 81.

** Великанов Н. Т. Блюхер. С. 259.

ликвидировать изменника не удалось. До 1945 года, крушения Квантунской армии, Люшков активно работал в интересах разведки и вооруженных сил противника, а затем как в воду канул... Есть версия, что японцы сами его и «убрали». Зачем церемониться с предателем, который слишком много знает?

Дерibas был расстрелян 28 июля 1938 года. Это один из немногих чекистов высокого ранга, кто был посмертно реабилитирован еще в 1957 году.

* * *

С приходом к руководству НКВД СССР в декабре 1938 года Л. П. Берия начался процесс пересмотра ряда сфальсифицированных дел, а многие из тех чекистов, кто допускал незаконные методы ведения следствия, были уволены из органов НКВД, отданы под трибунал. Вместе с Ежовым и его замом Фриновским на скамью подсудимых в 1939—1940 годах сели и многие из их подчиненных. К высшей мере наказания были в том числе приговорены почти все следователи, которые занимались делами участников «военно-фашистского заговора». Были арестованы бывшие начальники Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И. М. Леплевский и Н. Г. Николаев-Журид: первый из них будет расстрелян в 1938 году, второй — в 1940-м, и оба не реабилитированы.

Из сказанного можно понять, что хотя политика репрессий и продолжалась, но уже в меньших масштабах, чем при Ягоде или «кровавом карлике» Ежове. Думается, Лаврентию Павловичу, ставшему олицетворением «сталинских преступлений», просто крупно не повезло: есть в истории такое «везение» или «невезение», когда в памяти поколений остается не сама личность, но некий символический «образ»... Таковым суперзлодеем почему-то оказался Л. П. Берия.

Глава седьмая

В ОЖИДАНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Первого сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу, а 3 сентября агрессору объявили войну ведущие европейские державы — Франция и Великобри-

тания. Так началась Вторая мировая война. Так как дальше объявления войны дело не пошло, немецкие войска к 16 сентября преспокойно заняли половину польской территории, изрядно приращенной после 1920 года, и вышли на линию Белосток — река Буг — Львов. 17-го они достигли Варшавы и перешли линию, оговоренную в «Секретном дополнительном протоколе» к Пакту о ненападении между СССР и Германией, подписанному 23 августа 1939 года:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»*.

Звучит красиво, но... «В присутствии наркомов иностранных дел и обороны — В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова — в 2 часа ночи 17 сентября 1939 года Сталин официально проинформировал германских дипломатических представителей в Москве о том, что подразделениям РККА отдан приказ через четыре часа перейти государственную границу. Их задача взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно, во избежание нежелательных инцидентов, он потребовал, чтобы было остановлено наступление германских войск в восточном направлении, отвести вырвавшиеся вперед на линию Белосток — Брест — Львов части вермахта и запретить германской авиации совершать полеты восточнее этой линии. Причем германским представителям ясно дали понять, что в случае невыполнения этих требований германские части могут попасть под бомбовые удары советской авиации»**. Ни на союзнические отношения — Сталина нередко упрекают, что он якобы искал в Гитлере союзника, ни тем более на «дружественное обоюдное согласие» все это непохоже.

* Мировые войны XX века. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 82.

** *Мартиросян А. Б.* 200 мифов о Великой Отечественной. Кн. 1: На пути к мировой войне. М., 2008. С. 407.

Войскам Красной армии был дан приказ: «Перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Ввод войск мотивировался также утверждением о прекращении к этому времени существования Польского государства и отсутствием на его территории правительства. Действительно, в ночь на 18 сентября польское правительство выехало в Румынию.

Вместе с воинскими подразделениями на территорию восточных воеводств Польши вошли оперативно-чекистские группы, созданные заранее — приказом НКВД от 8 сентября 1939 года «из оперативных и политических сотрудников управлений (имеются в виду НКВД Украинской и Белорусской ССР. — *А. Б.*) и пограничных войск округов, находящихся на территории данных республик. Личный состав для этих групп — приблизительно 500 человек — был также набран из прикомандированных сотрудников Ленинградского управления НКВД и центрального аппарата НКВД. Было обговорено, что эти группы будут распределены по воинским частям в соответствии с планами наркома обороны»*.

Для координации работы с военным руководством на Украину был командирован заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, а в Белоруссию — начальник Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочков.

«В отдельных случаях произошли столкновения с польскими частями во Львове, Стрые, Бресте, Белостоке. За 12 дней войска продвинулись на 250—350 километров... “Освободительный поход” Сталин не согласовал ни с кем, и потому выдвижение советских войск было для немцев неприятной неожиданностью. Теперь войска обеих сторон пришли в соприкосновение»**.

«Несмотря на предпринятые меры, 17—18 сентября 1939 года в ряде мест советская авиация вынуждена была подвергнуть атакам германские части, чтобы командование вермахта и руководство рейха поняли бы всю серьезность требований СССР. И к 19 сентября этот процесс в основном был завершен. Лишь в районе Львова германское командование продолжало держать свои войска восточнее указанной линии. Причем оно оправдывало это необходи-

* *Мёрфи Д. Э.* Что знал Сталин? Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 56.

** *Рыбас С. Ю.* Сталин. С. 541.

мостью разгрома окруженной в городе группировки польских войск... Передовым частям Красной армии был отдан приказ овладеть Львовом и районами Западной Украины, на которые незаконно претендовала Германия.

Девятнадцатого сентября 1939 года, когда передовые части РККА подошли ко Львову, они были встречены артиллерийским огнем германских частей. Затем произошло боевое столкновение между танковыми частями вермахта и РККА, в котором обе стороны понесли потери...»*

В то время еще мало кто знал или понимал, что гитлеровцы вышли «на стартовую позицию» грядущего блицкрига... Кстати, большая часть местного населения встретила советских воинов с радостью: поляков западноукраинцы не любили, тем более что после так называемого «первого раздела Польши» в 1772 году и до конца Первой мировой войны эти земли принадлежали Австро-Венгрии. Однако вскоре частям Красной армии пришлось столкнуться с вооруженным сопротивлением: во-первых, на «западных» землях были весьма сильны националистические настроения, во-вторых, негативную реакцию вызвала поспешная «советизация» жизни. Тут же начались «национализация» частной собственности, принудительная коллективизация, репрессии против католического духовенства, очень недоброжелательно встретившего «приход большевиков», и «реакционных представителей правительственной администрации» — всё это вызвало разочарование и неприятие новых порядков даже у многих из тех, кто поначалу поддержал советскую власть. В «освобожденных районах» началось организованное сопротивление: создавались конспиративные и подпольные группы, накапливалось оружие, боеприпасы и взрывчатка. «Боевики» («повстанцы», «бандиты» — как кому нравится) осуществляли диверсионные и террористические акты и провоцировали саботаж, активно велась разведка — военным контрразведчикам пришлось затратить немало сил для противодействия подрывным акциям, направленным против новых властей.

К примеру, во Львове, подпольном центре ОУН (Организации украинских националистов) на Западной Украине, была раскрыта террористическая организация — порядка двух тысяч боевиков, имевших на вооружении не только стрелковое оружие, но и шесть тяжелых пулеметов. В лесах

* *Мартыросян А. Б.* 200 мифов о Великой Отечественной. Кн 1. С. 407—408.

близ Тарнополя (Тернополя) была ликвидирована банда, куда входили около ста польских офицеров и их пособников — бандиты обстреливали двигавшиеся по дорогам подразделения советских войск, захватывали обозы воинских частей, разрушали железнодорожные магистрали, взрывали мосты, грабили мирных жителей.

Было бы наивно думать, что так называемые «самостийники» действительно действовали «самостийно».

«В конце сентября 1939 года в лесу около города Стрый армейские чекисты захватили группу сотрудников польской военной разведки в тот самый момент, когда те закапывали в землю три ящика с документами 2-го (разведывательного) отдела польского Генштаба. Контрразведчиками были получены документы, содержащие сведения о польской агентуре на западноукраинских землях, что в дальнейшем облегчало ее розыск.

В Белостоке работники Особого отдела за одну лишь неделю выявили 135 скрывавшихся сотрудников и агентов разведки, 125 польских офицеров, 40 полицейских карателей и провокаторов, свыше ста активных участников националистического подполья. У них было изъято большое количество оружия, которое предназначалось для осуществления актов диверсий и террора в тылу советских войск. В одном только подземном тайнике у некоего ротмистра Вельчинского особыты обнаружили около 300 тысяч патронов, 1357 гранат и 4 ящика взрывателей к ним, несколько пулеметов, множество винтовок и даже 40-мм зенитную пушку. Этот оружейный склад предназначался для действовавшей в Белостоке польской группы “Озон”, которая пыталась объединить подполье для вооруженного выступления против Красной армии, надеясь на помощь немецких войск. Вскоре эта группа была обезврежена*.

Если контакты националистического подполья с польскими спецслужбами объяснимы (тут и ностальгические чувства по тому, как было «при Польши», и тот неоспоримый факт, что любые спецслужбы стремятся внедрить «своих людей» в разного рода подпольные организации, движения и течения, чтобы не только их контролировать, но и направлять), то вот добровольная служба украинских «незалежников»** новым гитлеровским хозяевам вызывает немало вопросов.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 82—83.

** Незалежність (укр.) — независимость.

«После присоединения Западной Украины та часть ОУН, которой руководил Степан Бандера, перенесла свой штаб из Львова в Краков, который был также местонахождением крупного подразделения Абвера, со школой и тренировочными лагерями для членов ОУН — по шпионажу, саботажу, диверсиям и организации подрывной деятельности. После окончания обучения отобранные выпускники направлялись в полк Бранденбург-800 германских специальных войск для дополнительной подготовки, после которой перебрасывались с заданиями на Советскую Украину — либо группами, либо поодиночке»*.

Обратим внимание, что на страницах нашего повествования появилось название гитлеровской военной разведки и контрразведки: абвер. Отныне эта организация станет главным противником советской военной контрразведки на все последующее время — до конца Великой Отечественной войны и даже несколько дольше. Ну а пока националистическое подполье западных областей обрело в лице германских военных разведчиков щедрого покровителя...

Об эффективности работы советских оперативных органов на территории западных областей Украины и Белоруссии, а также — Литвы свидетельствует тот факт, что с сентября 1939-го по апрель 1941 года здесь было ликвидировано 568 конспиративных организаций и групп, арестовано 6758 членов бандитского подполья. Используя захваченные материалы польских спецслужб, органы НКВД — НКГБ объявили в розыск 3168 кадровых сотрудников разведки и контрразведки и их агентов, из которых 2101 человек был арестован. Львиная доля этой работы была выполнена органами военной контрразведки.

Начавшаяся в Европе война диктовала свои правила: советские границы отодвигались к западу на всем их протяжении...

«На первый план вышли соображения военного характера, требовавшие размещения советских войск и военно-морских баз в Прибалтике, чтобы создать стратегическое предполье в предвидении вероятной в будущем войны с Германией, держать вермахт как можно дальше к западу от границы СССР... Надежды малых стран, находившихся между такими противостоявшими друг другу державами, как Германия и СССР, удержаться на позициях нейтралитета...

* Мёрфи Д. Э. Указ. соч. С. 60.

тета являлись не более чем иллюзией. И это хорошо понимали и в Прибалтийских республиках.

Поэтому практически ультимативное предложение Советского Союза в конце сентября — начале октября о заключении соглашений о взаимной помощи правительства Литвы, Латвии и Эстонии восприняли как меньшее из зол. Эти договоры соответствовали интересам безопасности не только СССР, но и Прибалтийских республик»*.

«Едва успели высохнуть чернила на протоколе, как Сталин закрепил свои права на Прибалтику, заключив договоры о взаимопомощи, начиная с Эстонии — 28 сентября 1939 года, затем 5 октября — с Латвией и Литвой. Договоры давали право Советскому Союзу разместить в каждой из этих стран свои войска. Берия, конечно, понимал, что нахождение советских гарнизонов в странах, которые в течение двух десятилетий имели более высокий, чем в СССР, уровень жизни, среди людей, которые привыкли к свободному выражению своих мыслей, вызовет серьезные проблемы морального и политического характера. 19 октября 1939 года он дает новые приказы особым отделам военной контрразведки, которые будут приписаны к этим частям. После ритуального кивка в сторону опасности вербовки красноармейцев иностранными разведками Берия приступает к делу...»**

Дэвид Мёрфи, автор цитируемых строк, руководитель Советского отдела ЦРУ в 1963—1968 годах, несколько заблуждается: реально высокий уровень жизни прибалтийских республик был создан при советской власти — достаточно сказать, что накануне распада СССР промышленность Прибалтики всего за пять дней выпускала столько же продукции, сколько за весь 1939 год.

Про «ритуальный кивок» звучит красиво, но у кого могут быть сомнения в том, что, как говорится в приказе, «разведывательные органы иностранных государств... предпримут все зависящие от них меры к широкому использованию открывающихся для них возможностей проникновения в части РККА и РККФ в шпионских целях»? Тут не «ритуал», а суровая реальность, и уж кому, как не уважаемому господину Мёрфи, в 1950-х годах возглавлявшему резидентуру ЦРУ в Западном Берлине и активно пользовавшемуся подобными возможностями, этого не знать?

* Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 88.

** Мёрфи Д. Э. Указ. соч. С. 64.

Ничего сверхособенного в этом приказе нет. Его положения ясно дают понять, что советские военнослужащие не будут сидеть на окруженных колючей проволокой базах и стрелять в каждого приближающегося, а потому и указано: «Повседневное общение начальствующего и красноармейского состава с населением страны, на территории которой части дислоцируются, ставит перед особыми органами задачу тщательного наблюдения за поведением его в целях своевременного выявления и пресечения случаев дискредитации высокого звания представителя Красной армии и флота Советского Союза». Вполне достойно!

В приказе была поставлена конкретная задача:

«...7. Оперуполномоченным при частях и начальникам особых отделов ежедневно информировать командование о нездоровых проявлениях в частях, добиваясь принятия решительных мер к их ликвидации.

8. Через каждые три дня представлять спецсводки о политико-моральном состоянии частей, боеподготовке, взаимоотношениях с окружением, случаях недостойного поведения отдельных военнослужащих, фактах связей их с подозрительным враждебным СССР элементом, попытках вербовок иноразведками военнослужащих и т. д. Спецсводки представляются начальнику особого отдела соответствующего военного округа — фронта и в копии — Особому отделу ГУГБ НКВД СССР.

О чрезвычайных происшествиях доносить немедленно шифром»*.

Все было вполне оправданно: «Рапорт советского военного атташе в Риге от 23 ноября 1939 года иллюстрирует, какой сложной была эта операция для Красной армии. Латвийские военные, ответственные за ведение дел с советскими войсками по проблемам в гарнизонах, были настроены недружелюбно и отказывались от сотрудничества. Старшие латвийские офицеры выражали надежду, что советское присутствие будет кратковременным. Такое отношение приносило вред всем сторонам деловых связей с Красной армией.

Подобное отношение к советским гарнизонам существовало в каждой Прибалтийской стране»**.

Подобное отношение прибалтов к советской власти просто умиляет! Если бы не доблестные латышские стрелки, «железная гвардия Октября», самая надежная опора

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1. С. 111.

** Мёрфи Д. Э. Указ. соч. С. 64.

Плакат В. С. Иванова, О. К. Буровой. 1945 г.

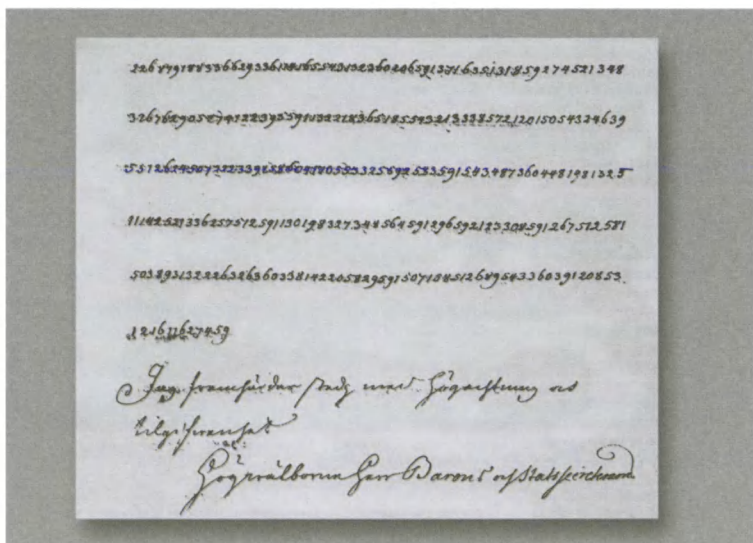

Михаил Богданович Барклай
де Толли. К. Зенф. 1816 г.

Александр Христофорович
Бенкендорф. Д. Доу. 1820-е гг.

Образец иностранной шифрованной переписки. Конец XVIII в.

Обложка Дела Департамента полиции в отношении ротмистра Н. И. Ивкова. 1902 г.

Эскадренный броненосец «Победа», затопленный в Порт-Артуре. 1904 г.

Допрос пленных японцев

Полковник Вальтер Николаи,
руководитель германской
разведывательной службы
(1913—1919)

Генерал-майор
Николай Степанович Батюшин,
начальник контрразведывательного
отделения штаба Северного фронта

Братание на Восточном фронте во время Первой мировой войны

В ВСЕРОССИЙСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ПО БОРЬБЕ С КОНТРЕВОЛО
САБОТАЖЕМ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ
ТОВ. ДЖЕРЖИНСКОМУ

Постановления совещания по вопросу о реорганизации военного
контроля

Присутствовали: Аралов, Розенгольц, Джержинский и Асмус.

1. Существующий в настоящее время военный контроль реорганизуется на основе удаления из него продажных элементов и привлечения к делу исключительно партийных работников
2. Задачами военного контроля / особых отделов / является агентура разведки в тылу противника в/ контр- разведка и выявление контр- революционных элементов в армии
3. Соответственные работы во фронтовых и армейских В.Ч.К. переходит в реорганизованные отделы военного контроля / особые отделы а также по возможности и часть личного состава этих комиссий
4. Армейские отделы военного контроля / особые отделы / подчиняются непосредственно армейским политическим комиссарам и работают под контролем фронтовых органов военного контроля / особые отделы //
5. Завед отделом военного контроля назначается арм. политическим комиссаром и утверждается зав. фронтовым отделом военного контроля при отсутствии у армейских политкомов кандидатов на должность зав. отдел военного контроля / особых отделов / таковая кандидатура выдвигается фронтовым отделом
6. Для чистки отделов военного контроля нынешнего состава и для реорганизации его на вышеизложенных началах образовать комиссию из 3-х лиц Окончательный состав комиссии наметить по соглашению со Свердловым.

Член Военного Совета
Республики *Аралов*

30 декабря 1918 г.

№ 30615

Воронеж

Секретарь Военного Совета

1-й арм. *С. С. Смирнов*

Итоговый документ совещания по вопросу о реорганизации военного контроля. 1918 г.

Михаил Сергеевич
Кедров

Феликс Эдмундович
Дзержинский

Председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий (в центре)
обходит войска. Харьков. 1919 г.

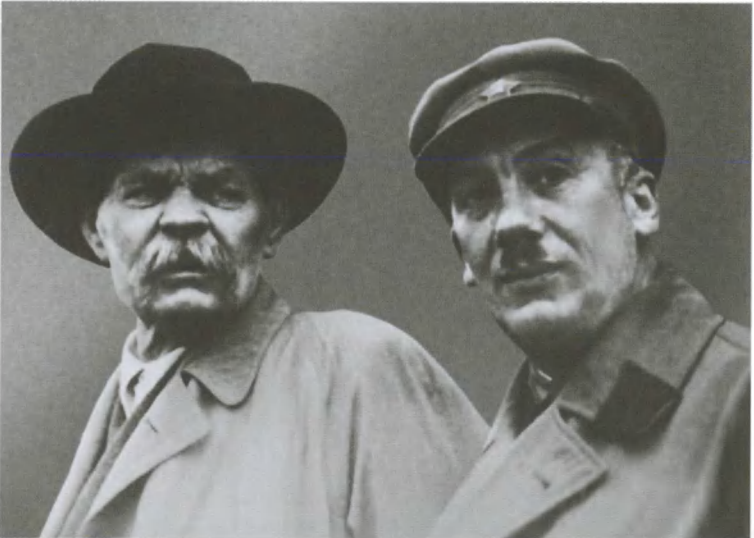

Леонид Михайлович
Заковский

Николай Галактионович
Николаев-Журид

Писатель Максим Горький и нарком внутренних дел СССР
Генрих Ягода. 1935 г.

22/VI 910

127 / 5809

Сов. секретно

Расшифровать немедленно.

НАРКОМАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК,
НАЧАЛЬНИКАМ КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЯ НКГБ.

В связи с начавшимися военными действиями с Германией приказываю немедленно провести следующие мероприятия:

- 1) Привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ-УНКГБ;
- 2) провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента;
- 3) мобилизовать внимание всей агентурно-осведомительной сети на своевременное вскрытие и предупреждение всех возможных вредительско-диверсионных актов в системе народного хозяйства и, в первую очередь, на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта;
- 4) при поступлении данных о готовящихся государственных преступлениях: шпионаж, террор, диверсия, восстания, бандитские выступления, призыв к забастовкам, контрреволюционный саботаж и т. д. - немедленно принимать оперативные меры к пресечению всяких попыток вражеских элементов нанести ущерб советской власти;
- 5) совместно с НКВД СССР обеспечить:
 - а) строгую охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций, мостов, радио-телефонных, телеграфных станций, аэродромов, банков и т. д.;

Первая страница директивы № 34794 «О задачах органов Третьего управления в связи с началом военных действий по отражению агрессивного нападения фашистской Германии на СССР». 22 июня 1941 г.

Анатолий Николаевич Михеев

Виктор Семенович Абакумов

На марше к передовой. 1941 г.

Начальник ОКР
«Смерш» 47-й
стрелковой дивизии
А. И. Матвеев

Военные
контрразведчики
11-й гвардейской
армии. 1944 г.

Подростки — курсанты
разведывательно-
диверсионной
школы Абвера

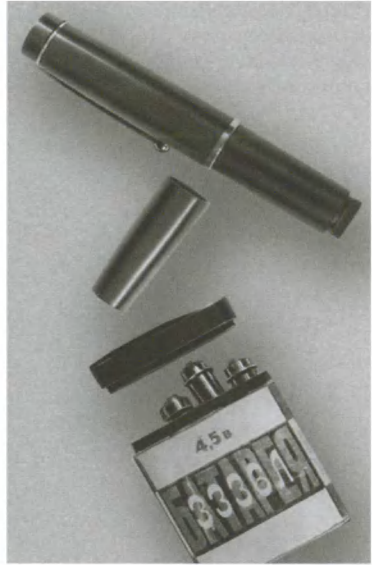

Советские солдаты
арестовывают
нацистского
«оборотня».
*Фото из архива газеты
«Красная звезда»*

Агент ЦРУ Г. Сметанин
на скамье подсудимых

Авторучка-фотоаппарат
и батарейка-контейнер
для хранения фотопленки

Предатель О. В. Пеньковский и его связник Г. Винн на скамье
подсудимых. 1963 г.

Оперативный
сотрудник Особого
отдела КГБ по 40-й
армии (в центре)
перед убытием на
спецздание. 1984 г.

Десантники
выходят
на перехват
каравана
с оружием.
Афганистан.
1980-е гг.

Самолет-разведчик Р-3С Orion.
Атлантический океан. 1989 г.

Оружие и боеприпасы, изъятые у чеченских боевиков по оперативным материалам военной контрразведки. *Чеченская Республика. 2000 г.*

Олег Генрихович Ивановский (справа)
провождает в исторический полет Юрия Алексеевича Гагарина. 1961 г.

Ветераны военной контрразведки на воинском мемориале «Жидилов Бор»
в Псковской области. 2009 г.

Памятник военным контрразведчикам. Екатеринбург. 2018 г.

большевиков, которым была доверена охрана В. И. Ленина в смутном 1918 году! — эта власть вряд ли бы устояла. Чего ж им возмущаться?

К тому же, как известно, «Прибалтийские страны рассматривались Канарисом*, Гиммлером** и Розенбергом*** накануне войны против СССР в качестве едва ли не самого надежного плацдарма для проникновения германской агентуры на советскую территорию и формирования там хорошо организованной и вооруженной “пятой колонны”, в любой момент готовой ударить противника “ножом в спину”»****.

Нетрудно понять, что в Прибалтике у военных контрразведчиков работы было не меньше, чем в Западных Украине и Белоруссии. Хотя, разумеется, дел им везде хватало. Вот фрагменты из спецсообщения, направленного начальником Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа майором госбезопасности Сидневым начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД СССР В. М. Бочкову.

Сиднев Алексей Матвеевич (1907—1958). В 1939 году окончил три курса Военно-инженерной академии РККА; с февраля — начальник Особого отдела НКВД по Ленинградскому военному округу. Во время Великой Отечественной войны — начальник Особого отдела, затем — Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта. С июня 1944-го по июнь 1945 года — заместитель начальника УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта. С мая 1945-го по декабрь 1947 года — начальник оперсектора НКВД — МГБ в Берлине. Затем служил в органах МГБ — МВД. Генерал-майор. В 1953 году уволен «по фактам дискредитации».

Из протокола допроса:

«Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено

* *Фридрих Вильгельм Канарис* (1887—1945) — адмирал, руководитель Управления военной разведки и контрразведки — абвера.

** *Генрих Гиммлер* (1900—1945) — рейхсфюрер СС.

*** *Альфред Розенберг* (1893—1946) — один из идеологов германского фашизма, с 1941 года — руководитель Министерства по делам оккупированных восточных территорий.

**** *Былинин В. К.* О деятельности спецслужб СССР и Германии в связи с решением так называемого «немецкого вопроса» (1939—1941) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 100.

советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным».

Тема его — организация противовоздушной обороны Ленинграда:

«Между командованиями корпуса ПВО и 54-й истребительной авиабригады существуют ненормальные взаимоотношения служебного порядка, в результате чего вопросы взаимодействия и общей подготовки этих частей имеют целый ряд недочетов.

Существует приказ по войскам ЛВО № 00128 от 11 июля 1938 года, согласно которому 54-я истребительная бригада подчинена командиру 2-го корпуса ПВО как начальнику противовоздушной обороны Ленинграда с оставлением обеспечения учебной подготовки за ВВС ЛВО. Этим же приказом командир 54-й истребительной бригады назначен одновременно помощником командира корпуса ПВО по авиации. Однако командир 54-й истреббригады полковник Благовещенский правильность этого приказа берет под сомнение, свои обязанности как пом. командира корпуса ПВО по авиации не выполняет, работает изолированно от других средств ПВО, не придавая им серьезного значения в обороне Ленинграда и отводя исключительную роль истребительной авиации...»

Отметим, что это противоречие сохранялось и в последующие времена: командиры ПВО, «происходившие» из авиаторов, нередко недооценивали возможности и перспективы зенитно-ракетных войск.

«Попытки командования корпуса ПВО привлечь подчиненную ему истребительную бригаду к совместному обучению с другими средствами ПВО не имеют должного успеха. Полковник Благовещенский во время учений, проводимых корпусом ПВО, старается находить более неотложные задания вышестоящих командных инстанций, которыми и пытается оправдывать свое личное отсутствие и отсутствие вверенного ему личного состава на учениях...»*

Вызывает уважение уровень работы особистов: это не поиски «врагов народа», но четкий профессиональный анализ ситуации и проявление реальной заботы об обеспечении боеготовности войск и обороноспособности страны. Ведь уже шла война, и немецкая авиация стирала с лица земли европейские города...

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1.

Вскоре война пришла и на территорию СССР — официально считается, что 30 ноября 1939 года ее объявила Финляндия.

На самом деле «28 ноября правительство СССР заявило, что “считает себя свободным от обязательств, взятых в силу пакта о ненападении”. 30 ноября без объявления войны войска Ленинградского военного округа перешли границу. Началась советско-финляндская война»*. Впрочем, не надо воспринимать это однозначно, мол, «советский монстр» напал на маленькую «беззащитную» Суоми.

Истоки конфликта уходят корнями к 1809 году, когда после Русско-шведской войны территория Финляндии, ранее входившей в состав Шведского королевства и никогда не имевшей не только государственности, но даже и административной автономии, отошла к Российской империи. «Великое княжество Финляндское» получило свои органы государственной власти, денежную систему, армию, почту и таможню. В 1811 году император Александр I передал в состав княжества еще и Выборгскую губернию, принадлежавшую России с 1721 года, — прямо как Хрущев, отдавший в 1954 году Украине Крым! Признав независимость Финляндии в 1917 году, советское правительство фактически подарило ей эти земли, вследствие чего граница оказалась в 30 километрах от Петрограда, откуда большевистское руководство страны поспешило уехать. Когда в 1930-х годах обстановка в Европе стала усложняться, СССР не единожды предлагал обменять Выборгскую губернию на гораздо большие территории в Карелии, но руководство Финляндии неизменно отвечало отказом. Более того, рассчитывая на поддержку Великобритании, Франции и Германии, финны вынашивали планы захвата иных советских территорий — не только в Карелии. Когда же «пробил час», потенциальные союзники финнов не стали помогать «жертве неспровоцированной агрессии», ограничившись поставками вооружения. Только Германия, в нарушение всех договоренностей с Советским Союзом, поставила Финляндии 134 зенитных орудия и 390 тысяч артиллерийских снарядов.

В стране нагнеталась антисоветская истерия. С начала 1939 года финские военные начали возводить на Карельском перешейке мощные оборонительные сооружения

* Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 90.

«линии Маннергейма». Летом того же года на ее строительстве трудилось порядка шестидесяти тысяч добровольцев. Кстати, посмотреть, как продвигаются работы, сюда в июне приезжал начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер. Подобное внимание вдохновляло на трудовые подвиги.

Пятого октября, по предложению председателя Совета обороны Финляндии маршала К. Г. Маннергейма, бывшего русского генерал-лейтенанта, на Карельский перешеек были переброшены и приданы пограничным войскам части регулярной армии; 10 октября начались чрезвычайные учебные сборы резервистов, что по сути означало мобилизацию всей армии. Официально же таковая была объявлена 13—14 октября. Был осуществлен призыв восемнадцати возрастов — до 1920 года рождения включительно, офицерского состава — возрастом до пятидесяти лет. Тогда же была произведена частичная эвакуация жителей и учреждений в Хельсинки, Тампере, Выборге, а жители 100-километровой полосы от границы на Карельском перешейке и от побережья Финского залива были отселены в трехдневный срок. Освободившиеся дома заняли военные.

Разумеется, возросла активность спецслужб Финляндии — прежде всего военной разведки, для которой Советская Россия всегда была главным противником. Особая роль отводилась радиоразведке, сотрудники которой осуществляли пеленгацию и перехват сообщений радиостанций штабов соединений и частей Ленинградского округа, Балтийского и Северного флотов, штабов и воинских частей войск НКВД и погранвойск, дешифровку перехваченных радиотелеграмм.

Эта активность требовала принятия адекватных мер. Основная тяжесть решения поставленных задач легла на Особый отдел НКВД ЛенВО, на базе которого вскоре был развернут Особый отдел Северо-Западного фронта. По штатам мирного времени Особому отделу округа был подчинен 41 особый орган.

«Отмобилизование органов военной контрразведки ЛенВО началось 7 сентября — одновременно с развертыванием воинских частей в связи с нападением фашистской Германии на Польшу, а также с последующим вводом советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. Вновь было сформировано два особых отдела армий, три особых отделения корпусов, восемь особых отделений дивизий и бригад, два особых отделения

полка, пять особых отделений Управлений военных дорог. Из других округов с 7 сентября 1939 года по март 1940 года прибыли пять особых отделений корпусов, восемнадцать особых отделений дивизий и три особых отделения бригад. За период военных действий в состав Особого отдела Северо-Западного фронта всего входило 60 особых отделов и отделений.

Кроме того, на базе Особого отдела округа проходило формирование особых отделов 8, 9, 14, 15-й армий и Особого отдела системы снабжения Северных армий, в оперативном отношении подчинявшихся Особому отделу НКВД СССР, и Особого отдела 1-го стрелкового корпуса Финской народной армии. Таким образом, на комплектование штатов органов военной контрразведки Северо-Западного фронта было подобрано, призвано и направлено 1179 человек»*.

Впечатляет. Однако вскоре выяснилось, что в данной схеме учтены не все развертываемые воинские формирования — значит, из организационно-мобилизационных структур штабов поступало недостаточное количество информации. По этой причине, соответственно, не было запланировано создание органов военной контрразведки при ряде новообразованных структур. Оказалось, что взаимопонимание между военной и территориальной контрразведками находится не на должном уровне: кадровые аппараты УНКВД Ленинградской области и НКВД СССР отказали в поставке сотрудников, необходимых для комплектования не предусмотренных схемой развертывания особых органов, из-за чего ряд воинских частей вообще остался без оперативного обеспечения.

Мобилизация особых отделов и отделений нередко отставала от развертывания войсковых структур, а из ряда военных округов подразделения органов военной контрразведки прибывали не только не доведенными до штатов военного времени, но еще и с некомплектом от 20 до 40 процентов личного состава! «Дыры» пришлось затыкать за счет Особого отдела ЛенВО — оттуда непосредственно в войска было направлено 243 оперативных работника.

Для полноты картины добавим, что по старой традиции «на сторону» отдавали то, что поплoше. Поэтому даже на весьма ответственные должности, в том числе и руководящие, нередко направлялись сотрудники, непригодные

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 84.

по состоянию здоровья, преклонного возраста, не служившие в армии, слабо подготовленные в профессиональном отношении. Даже комплектование приданных особым отделам рот охраны в большинстве случаев было произведено за счет приписного состава, не обученного военному делу!

А ведь вряд ли кому-то в органах НКВД нужно было объяснять, куда и зачем едут эти сотрудники! Война началась...

* * *

«Напряженность на советско-финляндской границе стала быстро расти. Начались стычки пограничников. По советской версии, 26 ноября в районе деревни Майнила с финляндской стороны были выпущены семь снарядов на советскую территорию. Это стало поводом для объявления войны. 29 ноября был отдан приказ с утра 30 ноября “пресечь провокационные действия финских войск и обеспечить безопасность нашей границы”»*.

Группировка советских войск (четыре армии) насчитывала примерно 422 600 человек. Ей противостояли 337 тысяч финнов, занимавших очень сильные оборонительные позиции. Начавшиеся боевые действия показали, что решить поставленные задачи такой численностью и таким структурным составом не представляется возможным. К концу января 1940 года количество советских войск, принимавших участие в операции, достигло 550 700 человек. Дополнительно были сформированы 13-я и 15-я армии и воссоздан Северо-Западный фронт, расформированный в начале декабря 1939 года. Предполагаемая «локальная война», которая изначально была спланирована как армейская, затем фронтовая наступательная операция, завершилась под непосредственным руководством наркома обороны и начальника Генштаба.

Но обойдемся без хрестоматийного «Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert...»** — то есть не станем подробно описывать ход боевых действий, ибо речь совсем не о том. В боевой обстановке основные усилия особых отделов были направлены на вскрытие и пресечение разведывательно-диверсион-

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 548.

** «Первая колонна марширует... вторая колонна марширует...» (нем.). (Л. Н. Толстой «Война и мир».)

ной деятельности агентуры финских спецслужб, а также враждебных элементов в рядах РККА. Отметим, что и западные разведки намеревались использовать этот вооруженный конфликт для целой серии шпионских акций с целью оценки боеспособности Красной армии и оборонной мощи СССР. Понятно, когда задерживают шпионов противника — но ведь за три с половиной месяца войны сотрудники особых отделов одного лишь Северо-Западного фронта выявили и обезвредили в полосе военных действий свыше сорока агентов английской разведки и разведок других стран, к этой войне никакого отношения не имеющих!

Так, белоэмигрант Нильсон был еще в 1932 году завербован британской разведкой и возвратился под видом репатрианта. Он осел во Владивостоке, а с началом войны переехал в Ленинград и «добровольцем» вступил в армию. Накопив определенное количество разведывательной информации, он намеревался перейти через линию фронта, склонив к побегу группу бойцов своего подразделения. Это было бы и безопаснее, и эффективнее. Однако, как говорится, «благодаря бдительности советских воинов», которых он пытался агитировать, Нильсон был разоблачен военными контрразведчиками.

Также был задержан помощник резидента английской разведки Янкевич, который в 1919 году дезертировал из Красной армии в Финляндию, принял финское гражданство, но работал на англичан. Впрочем, в руки военных контрразведчиков попал и кадровый агент финских спецслужб Меккунен, который еще до начала войны неоднократно нелегально пересекал границу с СССР...

Основная информация, поступавшая из особых отделов действующих войск, концентрировалась в Особом (4-м) и Секретно-политическом (2-м) отделах ГУГБ НКВД, в опергруппе НКВД и Особом отделе ЛенВО, а также передавалась в военные советы ряда округов, Главное управление пограничных и внутренних войск, доводилась до командиров и комиссаров соединений и отдельных частей.

Аналитические записки военной контрразведки, которые отличали своевременность, актуальность и жесткость реалистичных оценок, докладывались В. М. Бочковым лично наркому Берии, направлявшему их в ЦК ВКП(б) — Сталину, в СНК СССР — Молотову, в Наркомат обороны — Ворошилову.

Сковав активными действиями противника в Северной и Центральной Финляндии, советские войска нанесли главный удар в направлении Выборга. К 12 декабря части 7-й армии, прорвав полосу обороны глубиной от 25 до 65 километров, вышли к «линии Маннергейма». Части 14-й армии и Северного флота продвинулись в Финляндии на глубину 150—200 километров, другие вклинились в оборону противника на глубину от 35 до 80 километров. Теперь со всей остротой вставал вопрос об организации системы обороны коммуникаций и тылов действующей армии.

Финны народ суровый и своеобразный, а потому Особому отделу ЛенВО приходилось давать в войска и такие ориентировки:

«По имеющимся у нас данным, в оставленных не уничтоженными белофиннами ж.-д. станциях, жилых домах и других помещениях, помимо установки мин мгновенного действия, якобы установлены кислотные мины замедленного действия, то есть между зарядом и взрывателем есть медные или цинковые пластинки и в них наливается кислота, последняя через определенное время разъедает пластинку и путем соединения происходит взрыв без какого-либо вспомогательного прикосновения. Настоящее сообщается для проверки на месте»*.

Конечно, только подобным «пассивным» сопротивлением дело не ограничивалось. Финская разведка перебрасывала через линию фронта или оставляла на территории, освобождаемой частями Красной армии, многочисленные диверсионно-террористические группы. Задачей первоочередной важности для органов военной контрразведки были их выявление и ликвидация.

В частности, в середине декабря в полосе наступления 163-й стрелковой дивизии в тыл просочилось несколько таких групп, по 10—20 человек каждая, с задачей совершать диверсии на коммуникациях, нападать на воинские обозы и санитарные машины, нарушать линии проводной связи. Военные контрразведчики 9-й армии постарались нащупать их связи — в результате были выявлены активные члены шюцкор, военизированной организации, созданной в 1917 году для подавления финской революции, среди которых была вскрыта резидентура в составе четырех человек. Особисты выяснили, что еще до начала войны руководите-

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1. С. 133—134.

ли шюцкора совместно с приграничной полицией разработали план заброски диверсионных групп в тылы Красной армии. В домах шюцкоровцев были созданы сборные пункты, склады продовольствия и снаряжения. В итоге многие из этих складов были найдены, их хозяева — арестованы.

А между тем вновь встал вопрос... ну, не то что о «врагах внутренних», в очередном, так сказать, их проявлении, но об определенной угрозе для армии, исходящей изнутри, из ее же рядов. Угроза эта стара как мир, но не теряет своей опасности: она именуется «дезертирство». Именно она, при известных обстоятельствах, сокрушила фронт Первой мировой войны. Тогда это было очень выгодно большевикам, стремившимся разложить армию как одну из основных опор режима... Но теперь, к январю 1940 года, проблема борьбы с дезертирством в частях действующей армии со всей остротой встала уже перед нынешней властью — точнее, перед командованием армии и руководством НКВД, которые должны были решать ее сообща.

Двадцать четвертого января был издан совместный приказ НКО — НКВД СССР № 003/0093 «О мероприятиях по борьбе с дезертирством». Наибольший интерес среди этих мероприятий представляет формирование на базе пограничных оперативных полков по охране тыла действующей армии контрольно-заградительных отрядов (КЗО). Вот когда появились столь «популярные» сегодня заградотряды! Таковых создано было 17 — по 100 человек, их возглавляли военные контрразведчики. На КЗО были возложены задачи организации заслонов и застав, проведение облав, проверок документов в тылу у военнослужащих и гражданских лиц, задержания дезертиров... Для организации этой работы в действующую армию из аппарата Особого отдела НКВД СССР было направлено пять руководящих сотрудников в ранге замначальника Особого отдела НКВД армии.

В результате работы, проведенной с 25 января по 13 марта 1940 года, то есть до конца военных действий, органами и подразделениями НКВД СССР было задержано 6724 военнослужащих, подозреваемых в дезертирстве. 790 из них были преданы суду — при этом в отношении 28 человек дела были прекращены, а 6 были оправданы судом; 5934 задержанных после предварительного расследования были отправлены в свои части как отставшие. В общем, можно говорить, что в результате проведенных мероприятий дезертирство в период военных действий стало носить единственный характер.

Однако эту опасность руководство страны, армии и военной контрразведки теперь со счетов не сбрасывало. 6 июля, уже после окончания боевых действий, был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с дезертирством и самовольными отлучками военнослужащих Красной армии», а 19 июля — отдана директива, адресованная начальникам особых отделов округов и Дальневосточного фронта. В ней требовалось «каждые 10 дней высылать... подробные спецсообщения о количестве дезертировавших из частей округа, количестве задержанных, преданных суду и осужденных, указав фамилии, должности, звания». Требовалось также указывать меры, принимаемые для задержания дезертиров, приводить наиболее характерные случаи дезертирства.

* * *

Это будет позже, а пока вернемся к событиям Финской кампании. В состав действующей армии вошла и Финская народная армия (ФНА), сформированная из финнов и карелов, служивших в РККА. В феврале 1940 года в нее входили корпус, состоявший из двух дивизий и трех отдельных лыжных батальонов — общей численностью 30 тысяч человек, а также горно-стрелковая и пограничная дивизии, отдельные горно-стрелковый и авиационный полки. Части ФНА были дислоцированы по всему фронту от Петсамо до Финского залива, подчиняясь министру обороны так называемого «правительства Финляндской Демократической Республики» (ФДР), провозглашенной 1 декабря 1939 года.

Оперативное обеспечение этой армии было возложено на Особый отдел 1-го стрелкового корпуса — 72 сотрудника, из них почти четыре пятых — финны и карелы. Сотрудники этого Особого отдела не только проводили оперативную работу в частях ФНА, но и подбирали из числа военнослужащих переводчиков, решали задачи по организации работы в лагерях военнопленных.

«Важным направлением в работе органов военной контрразведки явились организация и осуществление мероприятий по финским военнопленным. В ходе боевых действий было взято в плен финнов — 691 человек (10 офицеров и 69 шюцкоровцев) и 6 шведов. Все они были свезены в специальные лагеря в городе Грязовце Вологодской области, а раненые направлены на лечение в военные госпитали. Организация работы по ним носила поэтапный

характер. Во фронтовой обстановке сотрудники особых отделов НКВД проводили допросы для получения данных о противнике, его оборонительных сооружениях, минных полях, численном и структурном составе и вооружении войск, наличии шюцкоровцев и деятельности шюцкоровских организаций, политико-моральном состоянии финских военнослужащих. Для организации работы в лагерях военнопленных в феврале 1940 года в Особом отделе НКВД СЗФ была создана специальная оперативная группа»*.

Была также организована группа, в состав которой входили оперработники, имевшие опыт борьбы с бандитизмом. В их задачу входили организация прочесывания местности, изъятие архивов спецслужб, полиции, шюцкоровских организаций и задержание их сотрудников. В частности, в городе Койвисто были изъяты архивы и дела со списочным учетом районной шюцкоровской организации, а в Выборге установлена штаб-квартира местного отдела Монархического центра и изъяты архивы уголовной сыскной полиции.

* * *

Одиннадцатого февраля, после мощной артподготовки, войска Северо-Западного фронта перешли в наступление и в ходе ожесточенных трехдневных боев прорвали «линию Маннергейма», после чего в прорыв были введены танковые группы. Опасаясь выхода советских войск в тыл Карельской армии, финское командование в ночь на 17 февраля начало отводить войска на 2-ю полосу обороны. Прорвать этот рубеж с ходу частям 7-й армии не удалось, но после перегруппировки войск наступление было продолжено, и к 12 марта прорыв «линии Маннергейма» был, по существу, завершен. Советские войска разгромили основные силы Карельской армии и овладели большей частью Выборга. Обещанный 150-тысячный англо-французский экспедиционный корпус на помощь доверчивым финнам так и не пришел...

Двенадцатого марта в Москве был подписан мирный договор, в соответствии с которым граница отодвигалась за линию Выборг—Сортавала—Карельский перешеек. К СССР отходили ряд островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. Как

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 88.

пишет Д. Мёрфи: «Последовавший мир восстановил старую границу, установленную Петром Великим». Красиво!

Возвращение этих традиционно русских земель сыграет достаточно большую роль в грядущей войне: если в 1941-м финские войска довольно быстро вышли на прежнюю границу в районе Белоострова, где и остановились, то оборона Советского Заполярья от гитлеровских захватчиков была несокрушимой.

Вопрос о том, как Финская война ударила по международному престижу СССР, — тема не нашей книги. Зато на Западе, в частности в Германии, утвердилось мнение о слабости Красной армии, что сыграло не последнюю роль в принятии гитлеровским руководством фатального решения...

* * *

Как несомненный успех военной контрразведки можно констатировать тот факт, что за все время советско-финляндской войны спецслужбы противника не смогли провести ни одной значительной шпионско-диверсионной акции, которая бы серьезно повлияла на ход боевых операций частей РККА.

За мужество и образцовое выполнение боевых заданий 348 сотрудников и руководителей особых отделов были награждены орденами и медалями.

Пятого апреля 1940 года в Особом отделе ЛенВО был подготовлен доклад на имя начальника ГУГБ НКВД СССР с подробным анализом всех основных ошибок и просчетов, допущенных в ходе боевых действий, констатированы причины неоправданно больших потерь в личном составе. Остается только гадать, насколько эта информация была учтена высшим военным командованием...

* * *

С лета 1940 года военное командование гитлеровской Германии начало практическую разработку плана войны против Советского Союза, который к исходу года будет сформулирован в директиве верховного командования вермахта № 21 — плане «Барбаросса», начинавшемся словами:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Ан-

глии». Но в то, что Германия решится вести войну на два фронта, наши стратеги не верили.

Наличие с 1939 года границы Германии с СССР не только делало возможной прямую агрессию, но и значительно облегчало гитлеровской разведке заброску агентуры в нашу страну. К тому же ускоренная и во многом бездумная «советизация» воссоединенных с СССР районов Западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики увеличивала количество враждебных советской власти элементов — извечную «питательную среду» для спецслужб противника. Не нужно также забывать о традиционных антирусских настроениях определенной части населения этих территорий.

Данные обстоятельства создавали дополнительные трудности в борьбе органов госбезопасности с агентурой противника, активность которой возрастала буквально изо дня в день: в 1940 году в СССР было заброшено немецкой агентуры в четыре раза больше, чем в 1939-м. Однако в «невидимых боях», а порой и в ходе реальных боевых операций военные чекисты нанесли гитлеровской разведке и ее пособникам ряд ощутимых ударов, сорвали планы организации тотального шпионажа против советских вооруженных сил.

«Только в 1940-м и в начале 1941 года органами НКВД было вскрыто и ликвидировано 66 резидентур германской разведки, разоблачено свыше 1600 фашистских агентов, из них около 1400 — в западных районах СССР. Из показаний этих агентов стало известно, что в оккупированных Германией польских областях, граничащих с Советским Союзом, немецкая военная разведка за короткое время создала 40 разведывательных и переправочных пунктов для подготовки и переброски своей агентуры на советскую территорию...

Чтобы облегчить заброску диверсионно-шпионских банд на территорию СССР, гитлеровская разведка часто провоцировала на границе вооруженные столкновения своих армейских подразделений с советскими пограничниками. За 22 месяца с момента заключения советско-германского договора о ненападении и до начала войны было зафиксировано более шестисот явных провокаций, при отражении которых наши пограничники уничтожили около 1000 и взяли в плен свыше 4000 немецких солдат и офицеров. Только с 1 января по 10 июня 1941 года было задержано более 2000 нарушителей границы со стороны Германии»*.

* *Остряков С. З.* Указ. соч. С. 142—144.

О том, чем занималась разведка противника и на кого она при этом опиралась, можно понять из ориентировки Особого отдела ГУГБ НКВД, направленной в войска 30 ноября 1940 года:

«Наиболее заслуживающими внимания и характерными являются: установка на разложение воинских частей Красной армии, попытки склонить военнослужащих к измене Родине и использование самого различного элемента из числа жителей западных областей Украины и Белоруссии...

Немецкая разведка не только практикует засылку агентов-одиночек, но и прибегает к групповым переброскам.

Основными кадрами немецкой разведки, засылаемыми на территорию СССР, являются:

квалифицированные агенты оуновской разведки (Организация украинских националистов), имеющие большой опыт работы против нас, хорошо знающие нашу территорию и располагающие большими связями;

поляки — участники нелегальных националистических формирований в Германии, имеющие связи среди польского контрреволюционного подполья на нашей территории. Зачастую такие лица используются руководителями организаций, состоящими на службе в германской разведке;

военнослужащие бывшей польской армии, возвращающиеся из германского плена, вербовка которых проходит как при освобождении из лагерей, так и в погранполосе;

возвращающиеся из Франции поляки и украинцы, выехавшие туда на заработки до германо-польской войны 1939 года;

беглецы из западных областей УССР и БССР — участники различных контрреволюционных формирований, уголовно-бандитские элементы, а также лица, бежавшие из СССР с целью уклонения от призыва в Красную армию;

принудительно работающие поляки и евреи в немецкой погранполосе на строительстве оборонительных сооружений;

дезертиры германской армии, пойманные и завербованные германскими пограничными разведпунктами (очень редко)*.

Даже вышеизложенной информации вполне достаточно для того, чтобы понять: о приближении войны знали,

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1. С. 280—281.

к ней готовились. Недаром перед особыми органами ставилась «задача своевременно и полностью информировать НКО и командование частей и соединений о всех недочетах в состоянии частей Рабоче-крестьянской Красной армии и обо всех проявлениях вражеской работы».

Но если бы все это делалось именно так, как надо — «по уму», а не исходя из идеологических и иных «высших» соображений!

После того как Верховный Совет признал вхождение прибалтийских государств в состав СССР, «17 августа нарком Тимошенко приказал сохранить на один год существующие армии Литвы, Латвии и Эстонии, очистив их от неблагонадежных элементов. Затем армия каждой республики будет преобразована в корпус в составе РККА»*.

Задачу «чистки», естественно, выполняла военная контрразведка. Маршал Тимошенко явно не понимал, что «чистка» не только породит недовольных, но и вообще сделает неблагонадежными данные части.

Двадцать первого июня 1940 года «нарком обороны Тимошенко получил взволнованную, написанную от руки докладную записку от командующего Белорусским особым военным округом** генерал-полковника Д. Г. Павлова. После заявления о том, что невозможно разрешить подразделениям литовской, латвийской и эстонской армий оставаться вместе, Павлов рекомендует разоружить все три армии, а оружие вывезти в Советский Союз, либо “после чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом... использовать для войны, возможно, против афганцев, румын и японцев, но не в Белорусском Особом военном округе... Считаю необходимым разоружить латышей полностью”. После того, как с армиями будет покончено, немедленно разоружить все население всех трех стран. “За несдачу оружия расстреливать”, — добавляет он. Особый военный округ готов помочь в проведении этих мер, — писал Павлов, но просил, чтобы приказ об этом “был дан за 36 часов до начала акции”. Нет никаких данных о каком-либо ответе Тимошенко.

В то время реакция Павлова на проблемы, вызванные интеграцией армий Прибалтийских стран в Красную армию, могла показаться преувеличенной, но вскоре сбылись его самые худшие опасения: литовские части на левом

* Мёрфи Д. Э. Указ. соч. С. 65.

** С 7 июля 1940 года — Западный Особый военный округ.

фланге Западного фронта взбунтовались и стали помогать наступающим немецким войскам»*.

Вот такая «бомба замедленного действия»! Однако разоружить ее, как в прямом, так и в переносном смысле, без соответствующего приказа высшего военного или политического руководства военная контрразведка не могла.

Не будем, впрочем, ее идеализировать: у особистов были и собственные ошибки. Например, в директиве от 3 декабря 1940 года начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР майор госбезопасности А. Н. Михеев писал: «За последнее время в частях и учреждениях Красной армии участились случаи утери и хищения секретных и совершенно секретных документов, особенно в пограничных округах... Несмотря на серьезные сигналы о неблагоприятии ведения секретного делопроизводства в частях и учреждениях Красной армии, особые отделы округов этому вопросу должного внимания не уделяют...»**

Михеев Анатолий Николаевич (1911—1941). С 1928 года — курсант военно-инженерной школы, командир взвода и роты; с декабря 1935 года — слушатель Военно-инженерной академии. В январе 1939 года назначен начальником Особого отдела Орловского, в августе — Киевского особого военного округа. Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР — 3-го Управления НКО СССР с августа 1940-го по июль 1941 года. 17 июля по личной просьбе назначен начальником Особого отдела НКВД по Юго-Западному фронту. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Погиб в бою при выходе из окружения 21 сентября 1941 года.

Точка зрения А. Н. Михеева:

«При прорыве обороны противником и вынужденном отходе оперработник обязан предотвратить панику, бегство, разброд. Он имеет право лишь на организованный отход в боевых порядках. В любом случае он должен показывать личный пример мужества и стойкости... Армейский чекист в критический момент боя должен заменить выбывшего из строя командира, не говоря уже о политруке».

Ранее, 12 октября, была подписана директива, которой «для обеспечения контроля со стороны Особого отдела ГУГБ НКВД СССР за ведением следствия в особых отделах НКВД военных округов и флотов» предлагалось, в частно-

* Мёрфи Д. Э. Указ. соч. С. 65.

** Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 1. С. 282—283.

сти, по каждому аресту направлять в Центр «специальное сообщение, указывая материалы, послужившие основанием к аресту, результаты обыска и первичного допроса». По тем делам, что будут братья на контроль Особым отделом ГУГБ, еженедельно направлять докладные записки «о добытых в процессе следствия материалах, намеченных по делу мероприятиях», прилагая к ним «наиболее существенные протоколы допросов по делу».

Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, не все благополучно было со следствием; во-вторых, «борьба за соблюдение социалистической законности» не являлась всего лишь красивой фразой.

* * *

К началу 1941 года в РККА было 16 окружных особых отделов НКВД СССР: в Западном, Киевском и Прибалтийском особых, в Архангельском, Забайкальском, Закавказском, Ленинградском, Московском, Одесском, Орловском, Приволжском, Северо-Кавказском, Сибирском, Среднеазиатском, Уральском и Харьковском военных округах, а также Особый отдел Дальневосточного фронта, созданный еще в июле 1940 года.

С целью подготовки органов госбезопасности к действиям в условиях неизбежной, как тогда понимали, войны руководство страны провело очередную реформу НКВД. «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля НКВД СССР был разделен на Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ) и Народный комиссариат внутренних дел СССР. Все структуры бывшего ГУГБ НКВД СССР перешли во вновь организованный НКГБ СССР, а постановлением от 8 февраля из системы НКВД СССР была выделена и военная контрразведка. В результате были образованы третьи управления НКО и НК ВМФ СССР. Эта реформа предполагала сделать органы разведки и контрразведки более мобильными и приспособленными для успешных действий в условиях войны»*. Территориальная контрразведка освобождалась от всех функций ведомства внутренних дел. Вся система органов внутренних дел и госбезопасности имела подчиненность по вертикали из центра.

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля,

* *Виноградов В. К.* Указ. соч. Т. 2.

после неизбежной преамбулы, в которой текущее время характеризовалось «укреплением Красной армии и Военно-морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина — Сталина кадров командного и политического состава», а также тем, что «за время своего существования особые отделы НКВД проделали большую работу и сыграли положительную роль», говорится:

«...2. Организовать при Наркомате обороны и Наркомате Военно-морского флота особые отделы НКО и НК ВМФ, подчинив их непосредственно народным комиссарам обороны и Военно-морского флота. Именовать особые отделы НКО и НК ВМФ соответственно третьими управлениями НКО и НК ВМФ.

3. Возложить на третьи управления Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота следующие задачи:

а) борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии и Военно-морском флоте;

б) выявление и информирование соответственно народного комиссара обороны и народного комиссара Военно-морского флота о всех недочетах в состоянии частей армии и флота и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих армии и флота.

4. Организовать при НКВД СССР 3-й отдел с функциями чекистского обслуживания пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

5. Образовать в Москве Центральный совет из представителей НКГБ СССР, НКО, НК ВМФ и НКВД СССР в составе народного комиссара государственной безопасности СССР, народного комиссара внутренних дел СССР, начальника Третьего управления Наркомата обороны и начальника Третьего управления Наркомата Военно-морского флота.

Образовать на местах в военных округах аналогичные советы в составе руководителей местных органов НКГБ и НКВД СССР и начальников соответствующих периферийных органов третьих управлений НКО и НК ВМФ.

Возложить на образуемые советы задачу координирования борьбы с антисоветскими элементами, в частности разработку общих методов работы, дачу установок и указаний по отдельным делам и вопросам, затрагивающим интересы соответствующих органов НКГБ, НКО, НК ВМФ и НКВД, разрешение возникающих в процессе работы разногласий и пр.

Центральный совет и советы на местах собираются по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц»*.

Из пункта «5» можно сделать вывод о возвращении к отвергнутому еще в годы Гражданской войны принципу двойного подчинения военной контрразведки: в состав Центрального совета вошли наркомы госбезопасности и внутренних дел, а вот наркомы обороны и ВМФ в данном случае остались, простите за плохой каламбур, не у дел. Все начальники третьих подразделений, от военного округа и флота до полка, имели подчинение как по линии командования, так и по «вертикали» своего ведомства. Однако стоит отметить, тот же уполномоченный 3-го отделения в полку офицером данной части не становился, так как подчинялся не полковому командиру, а начальнику 3-го отделения и командиру дивизии; начальник 3-го отдела военного округа подчинялся непосредственно начальнику Третьего управления НКО и наркому обороны СССР.

«Начальник Третьего управления подчиняется только народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения. Права начальника управления определены отдельным положением», — указывалось в «Положении о Третьем управлении НКО СССР и его периферийных органах», утвержденном 12 марта 1941 года маршалом С. К. Тимошенко.

Начальником Третьего управления НКО был назначен майор госбезопасности Анатолий Николаевич Михеев, возглавлявший Особый отдел ГУГБ НКВД СССР; начальником Третьего управления НК ВМФ СССР — дивизионный комиссар Андрей Иванович Петров, начальником 3-го отдела НКВД — старший майор госбезопасности Александр Михайлович Белянов.

Петров Андрей Иванович (1902—1973). В органах госбезопасности с 1925 года. В 1941—1942 годах — начальник 3-го управления Наркомата ВМФ СССР, 9-го отдела Управления Особых отделов НКВД СССР. Арестован 15 мая 1942 года; 13 января 1943 года заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года; освобожден в 1944 году и до сентября 1953 года проходил службу в кадрах ВМФ СССР. Дивизионный комиссар — с 1941 года. Полковник.

Из обвинительного заключения:

«Будучи начальником 3-го Управления НКВМФ, преступно-халатно относился к выполнению своих обязан-

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 28—30.

ностей, не контролировал и не руководил оперативной работой, допустил преступную практику применения извращенных методов в следствии (избиение арестованных, вымогательство вымышленных показаний) и искусственное заведение дел об антисоветских организациях».

Как видим, за «нарушения социалистической законности» в те времена карали даже на самом высоком уровне.

Белянов Александр Михайлович (1903—1994). С октября 1925 года — красноармеец, командир взвода и батареи; учился в Артиллерийской академии. С февраля 1939 года — в военной контрразведке. В 1941 году — начальник 3-го отдела НКВД СССР. С февраля 1942 года — начальник Особого отдела НКВД Крымского фронта; с июля — заместитель начальника Особого отдела НКВД — Управления «Смерш» Воронежского и 1-го Украинского фронтов. В 1948—1954 годах — начальник Управления (отдела) кадров войск ПВО страны. Генерал-майор.

Комментарий историка:

«Всего на половине листа уместилась жизнь человека, прожившего более 90 лет. Наиболее насыщенной она была, конечно, на войне. Боевое крещение в качестве руководителя Александр Михайлович получил на Западном фронте...»

Полковник Анатолий Степанович Терещенко, ветеран военной контрразведки, писатель

На укомплектование третьих управлений передавались чекистские кадры ликвидируемых особых отделов, их денежные средства и автотранспорт; для проведения оперативных мероприятий военные контрразведчики, по договоренности с органами НКГБ, могли использовать их соответствующие средства. «Армейские и флотские чекисты получили право вести оперативно-разыскную и следственную работу по делам о шпионаже, диверсии, измене Родине, вредительстве и антисоветских проявлениях, производить обыски, аресты и высылки. Объектами оперативного внимания военных контрразведчиков, помимо воинских частей и экипажей кораблей, были штабы, учреждения, научно-исследовательские центры, аппараты военпредов на оборонных заводах и другие структуры армии и флота. Следовало выявлять и пресекать все акции и проявления шпионажа, диверсий, вредительства в армии и на флоте, контролировать режим охраны аэродромов, кораблей, складов, ангаров, пищеблоков и других уязвимых с точки зрения безопасности объектов, ин-

формировать командование о нарушениях воинской дисциплины, о фактах дезертирства и нарушениях по сохранению военной тайны»*.

Однозначную оценку этой очередной реформе военной контрразведки дать сложно. Тем более что она уже изначально тормозилась по причине отсутствия взаимодействия спецслужб: 19 апреля было даже принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором указывалось на недостатки «в единстве действий»: «Практика применения постановления ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1941 года... показала, что в этом постановлении не учтена необходимость взаимной информации органов госбезопасности и третьих управлений НКО и НК ВМФ и целесообразность единства действий этих органов против антисоветских элементов, подвигающихся одновременно как внутри системы армии и Военно-морского флота, так и вне ее»**.

К делу координации оперативно-разыскной работы пришлось привлечь сотрудников аппарата Наркомата госбезопасности, наделив их широкими полномочиями. В штаты органов третьих управлений НКО и НК ВМФ, а также в третьи отделы и отделения были введены должности заместителей начальников, непосредственно подчинявшихся соответствующим начальникам НКГБ — УНКГБ по территориальности с одновременным подчинением начальникам третьих подразделений армии и флота.

«В феврале 1941 года при разделении НКВД на два наркомата и образовании Народного комиссариата государственной безопасности органы военной контрразведки были временно переданы в Наркомат обороны. Фактически прекратилось поступление объективной информации о состоянии боеготовности частей Красной армии. Исходя из этого, уже в апреле 1941 года было принято решение о подчинении заместителя начальника Третьего управления (военная контрразведка) НКО наркому государственной безопасности. Это было сделано для того, чтобы руководство получало правдивую информацию и превратить органы военной контрразведки в независимый институт от Наркомата обороны»***.

* «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 16.

** Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 107.

*** Якушев В. Н. Особенности информационной деятельности органов безопасности // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы безопасности. М., 2004. С. 73.

Двадцать девятого мая Центральный совет утвердил инструкцию, которая устанавливала порядок совместной деятельности военной контрразведки и органов безопасности. В частности, НКГБ СССР вменялось в обязанность направлять в третьи подразделения соответствующие нормативные документы и ориентировки о подрывной деятельности противника, пособия и программы по чекистской учебе.

А уже 17 июля 1941 года — и месяца войны не прошло! — было подписано постановление ГКО СССР «О преобразовании органов Третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР». То есть произошло возвращение к прежней системе, когда обеспечением безопасности войск занимались специальные службы, а не структуры Наркомата обороны, пусть и с двойным подчинением.

С другой стороны, в результате этой реформы был получен тот самый опыт, который был на совершенно ином качественном уровне использован при создании легендарного «Смерша».

Но чем характерна Россия, так это тем, что, несмотря на любые реформы, которые проводятся перманентно, нередко превращаясь в самоцель, профессионалы продолжают добросовестно выполнять свои обязанности. В подтверждение тому можно привести фрагменты из директивы Третьего управления НКО от 18 апреля 1941 года «Об активизации подрывной деятельности иностранных разведок на территории СССР и мероприятиях по ее пресечению»:

«Основные задания иноразведок по военным вопросам сводятся к следующему:

1. Дислокация воинских частей.
2. Техническое оснащение Красной армии.
3. Военная авиация:
 - а) состояние бомбардировочной и истребительной авиации;
 - б) количество боевых машин, их типы и вооружение;
 - в) точное расположение подземных ангаров, бензохранилищ и характер маскировки последних.
4. Средства передвижения Красной армии.
5. Оборонительные сооружения.
6. Схемы телефонной связи между штабами и подразделениями Красной армии.
7. Противовоздушная оборона:
 - а) система противовоздушной обороны;
 - б) расположение зенитных частей, система орудий, их огневая мощь;

в) система наблюдательных постов противовоздушной обороны.

8. Личный состав Красной армии:

а) форма, выправка, одежда и поведение;

б) изучение командного состава, выявление среди него недовольных, при этом в отдельных случаях поручается вербовка из числа последних;

в) обработка недовольных командиров Красной армии на измену Родине и нелегальный уход за кордон;

г) женской агентуре даются задания заводить знакомства среди летного состава, обрабатывать его на перелет за кордон;

д) разлагать и спаивать командный состав в целях использования его для получения шпионских сведений;

е) вербовка жен командного состава, в первую очередь прибывших из восточных областей СССР.

Помимо этого, отдельными иноразведками даются специальные задания своей агентуре следующего характера:

Немецкая разведка

1. Установить расположение зенитных батарей и выяснить дислокацию воинских частей Московского гарнизона.

2. На периферии, и в частности по пограничным округам, перед агентурой ставятся вопросы сбора шпионских материалов военного характера.

3. Сбор сведений о количестве выпекаемого хлеба для Красной армии и забоя скота для определения численности и расположения войск.

4. Хищение документов, принадлежащих военнослужащим и их семьям.

Японская разведка

Направляет свое внимание на разведработу на Дальнем Востоке в направлении Комсомольска-на-Амуре, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Читы. Наибольший интерес проявляется к таким вопросам:

1. Дислокация воинских частей, штабов, складов, военных баз в районе дальневосточной границы.

2. Система существующих укреплений и их огневой мощи.

3. Расположение авиационных частей, баз, аэродромов, количество и типы самолетов, их вооружение и боевые качества.

4. Структура авиационных военных школ и училищ.

5. Характер вооруженной помощи Советского Союза Китаю, какое вооружение и каким путем направляется.

6. Подробные данные о состоянии военно-воздушных сил: бомбардировочной, истребительной и разведывательной авиации, самолетно-моторного парка, вооружений и организационной структуры.

7. Расположение авиационных частей в советских гаванях: Петропавловск-на-Амуре, на побережье Приморской области и в Нижнеамурской области.

8. Дислоцирование стрелковых частей в советских гаванях: Ногаево, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск.

9. Расположение воинских частей и воинских объектов в районе Черной речки, Ушакове.

10. Расположение воинских частей в районе Нерчинского завода и Читинской области.

11. В какой срок может быть проведена всеобщая мобилизация в СССР.

Китайская разведка

Сведения о состоянии Красной армии, ее техническом оснащении и вооружении.

Финская и шведская разведки

Особую активность проявляет финская разведка на территории, отошедшей к Советскому Союзу. Обе эти разведки интересуются:

1. Дислокацией воинских частей, строительством военных сооружений и укрепрайонов.

2. Расположением штабов воинских частей, военных складов, баз.

Американская разведка

За последнее время интересуется состоянием военно-воздушных сил.

Турецкая, румынская, иранская и афганская разведки

Основное внимание направляют на выявление наличия националов в воинских частях, расположенных в приграничных районах ЗакВО и САВО»*.

В этой связи усилия особых органов распределялись следующим образом:

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 103—106.

«Третьим отделам ЗапВО, КОВО, ПриБОВО, МВО особое внимание обратить на задание немецкой разведки, ЛВО — финской, ДВФ — японской и ЗакВО — турецкой, иранской и суммой принятых опермероприятий предотвратить получение иноразведками данных по интересующим их вопросам».

Кажется, одного только этого документа достаточно, чтобы понять, что к войне готовились обе стороны. Но в дополнение к этой директиве была еще и ориентировка от 25 мая, посвященная задачам, целям и методам работы германской разведки. В ней указывалось, что в основном немцы вербуют агентуру из жителей западных областей, из украинских националистов, польских военнопленных, русских белогвардейцев и эмигрантов, граждан Прибалтики и даже из евреев. До 10 процентов агентуры составляли молодые женщины «с красивой внешностью», средний возраст агентов не превышал тридцати лет.

Абвер поручал своим агентам не только заниматься шпионажем, но и готовить диверсии, совершать террористические акты против командиров, политработников и чекистов, создавать вооруженные банды, оборудовать посадочные площадки для самолетов противника. Своих шпионов и диверсантов гитлеровцы снабжали оружием, взрывчаткой, поддельными документами, крупными суммами советских денег. Нередко эти агенты были переодеты в форму бойцов и командиров Красной армии, милиционеров или железнодорожников.

Так, около города Ломжа была задержана группа диверсантов, «закамуфлированная» под армейских командиров и сотрудников НКВД. Они должны были пробраться в район Барановичей и после начала военных действий разрушать проводные линии связи, взрывать железнодорожные пути, нападать на военнослужащих, сеять панику, поджигать склады и жилые дома...

Готовились «сюрпризы» и посерьезнее: была получена информация, что германская разведка снабжает агентуру культурами бактерий эпидемических болезней, которые заделываются в различные лекарственные препараты. 28 мая в округа пошла директива Третьего управления НКО:

«В целях вскрытия и ликвидации шпионско-диверсионных организаций и групп, проводящих контрреволюционную работу в области бактериологии, эпидемиологии и санитарии (как закручено! вот он, «классовый подход». — А. Б.), вам надлежит:

а) учесть все уязвимые пункты по бактериологической диверсии: госпитали, лазареты, санитарно-эпидемические лаборатории, вакцинально-сывороточные базы, склады медикаментов и продовольствия;

б) тщательно проверить на этих пунктах весь личный состав и подозрительных лиц взять в активную разработку...

г) по каждому случаю группового отравления военнослужащих, эпидемических и эпизоотических заболеваний и по всем другим фактам и сигналам, подозрительным по бактериологической диверсии, производить тщательное расследование и агентурную проверку с целью выявления конкретных виновников и их вражеских замыслов;

д) изучить... все действующие и архивные дела по массовым отравлениям и заболеваниям в армейских частях с признаками бактериологической диверсии, наметить по ним необходимые оперативные мероприятия — аресты, вызовы ранее осужденных из лагерей для доследования, розыск лиц, заподозренных в причастности к бактериологической диверсии, ушедших из-под нашего наблюдения...»*

Ну и далее — соответствующие указания по проведению операции, получившей звучное название «Войсковая юрта». Впрочем, легко иронизировать, глядя в прошлое со снисходительной улыбкой. А что было бы в 41-м, если б в отступающих войсках вспыхнули «инициированные» гитлеровцами эпидемии?

* * *

«В рассматриваемый период деятельность органов госбезопасности была весьма противоречивой. Имеются разные оценки и точки зрения данного периода истории отечественных спецслужб. С июля 1934 года до февраля 1941 года они неоднократно подвергались реформированию, перетряске личного состава, особенно в руководящем звене. Существование в одном ведомстве органов госбезопасности и внутренних дел, объясняемое на первом этапе стабильностью в стране и “победами социализма”, внешне выглядело как шаг к укреплению законности в стране и совершенствованию их работы, налаживанию взаимодействия силовых структур в интересах государства и общества. Об этом писали ведущие газеты, значение реформы

* Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 164—165.

было четко обозначено в выступлениях наркомов... Кроме того, оно нашло отражение в основополагающих приказах по оперативной и следственной работе, в кадровой политике. Важное значение имело стремление руководства НКВД СССР повысить роль и место оперативного работника как главного участника оперативно-разыскного процесса при выполнении им задач обеспечения государственной безопасности и общественного порядка. Скорее всего, наиболее важным фактором слияния органов госбезопасности и внутренних дел все же была угроза внешней опасности, что в ближайшие годы подтвердилось всем ходом дальнейших событий»*.

Подведем итоги: основным результатом оперативной деятельности чекистов в предвоенные годы было то, что они не дали гитлеровской разведке возможности осуществить свои широкие планы подрыва боеспособности Красной армии. К тому же для разведки противника полной неожиданностью оказалось то, что накануне войны Советский Союз уже начал осуществлять передислокацию военной инфраструктуры на восток страны, что на вооружение армии поступали новые виды оружия и боевой техники — в частности танки КВ и Т-34. До самого начала войны командование вермахта не знало ни реальной численности РККА, ни количественных и качественных показателей ее вооружения.

Все попытки абвера создать внутри СССР устойчивую разведывательную сеть разбивались о прочный контрразведывательный заслон. Западногерманский публицист Карелль писал по этому поводу: «Как обстояло с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы? Ответ в двух словах: очень мало!.. Оно ничего не знало о военных тайнах русских...»

Генерал фон Бутлар в сборнике «Мировая война 1939—1945» отмечал: «Особые условия, существовавшие в России, сильно мешали добыванию разведывательных данных относительно военного потенциала Советского Союза, и потому эти данные были далеко не полными. Исключительно умелая маскировка русскими всего, что относится к их армии, а также строгий контроль за иностранцами и невозможность организации широкой сети шпионажа затрудняли проверку тех немногих сведений, которые удавалось собрать разведчикам...»

* *Виноградов В. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 96.

Бывший сотрудник оперативного отдела Генерального штаба немецких сухопутных сил Фейерабенд констатирует: «Германская разведка почти не заметила происходившее в это время перевооружение Красной армии... Я считал еще кавалерийскими бригадами такие соединения, которые в действительности были оснащены танками».

Бывший начальник Главного разведывательного управления Генштаба сухопутных сил Типпельскирх в книге «История Второй мировой войны» писал: «Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. Шпионаж не находил для себя в Советском Союзе... никакого поля деятельности». У Генштаба, отмечал он, было лишь «приблизительное представление о том, на что способен Советский Союз в случае войны».

А вот свидетельство немецкого военного историка Греффрата. Жалуясь на большие потери германской авиации в первый же месяц войны — по его подсчетам, с 22 июня по 19 июля гитлеровцы потеряли в боях на Восточном фронте около 1300 самолетов, — он пишет: «Представители главного командования ВВС Германии в этот период (и никак не позже) должны были задать себе один серьезный вопрос: насколько правильной была их оценка русской авиации в отношении не только качества, но и прежде всего количества? Большой неожиданностью для немцев было, например, появление у русских самолета-штурмовика Ил-2».

Даже официоз нацистской партии — газета «Фёлькишер беобахтер» уже в сентябре 1941 года сетовала по тому же поводу: «Скоро выяснилось, что немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов. До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на “пятую колонну”. Но в России, хотя и были недовольные, “пятая колонна” отсутствовала».

Третьего октября 1941 года, говоря о провале блицкрига, Гитлер признал: «Мы не имели представления о гигантских размерах подготовки, проведенной этим врагом».

Таким образом, разведка противника в предвоенный период не оправдала надежд, возлагаемых на нее гитлеровским руководством и командованием германской армии, и в значительной степени работала на холостом ходу. Это и есть лучший показатель эффективности деятельности военной контрразведки Советского Союза.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

События Великой Отечественной войны — самые яркие и захватывающие страницы летописи советской военной контрразведки, а легендарный «Смерш» — ее «звездный час». Период 1941—1945 годов теперь является и наиболее открытым из всей ее истории, книг о нем, как говорится, вышло немерено: от серьезных исследований до сомнительных «версий» и откровенных «страшилок». Поэтому постараемся рассказать об этих событиях возможно короче, рассчитывая на подготовленного в военно-историческом плане читателя.

* * *

Сегодня любой мало-мальски «образованный» школьник уразумел, что лето 1941 года — время паники, общего отчаяния, отступления и миллионных «котлов». Неудивительно: даже через почти восемь десятилетий после тех трагических событий у нас не спешат рассекречивать многие документы, их объясняющие. Причин много, они меняются в зависимости от идеологических «моментов», а результат один: «держат и не пушать»! Но рассекреченные материалы военной контрразведки свидетельствуют о том, что события начала Великой Отечественной войны нельзя понимать однозначно.

Уже 22 июня начальник Третьего управления НКО СССР А. Н. Михеев подписал директиву № 34794 «О задачах органов Третьего управления в связи с началом военных действий по отражению агрессивного нападения фашистской Германии на СССР». Вслед за ней, 27 июня, в третьи отделы и отделения была направлена директива № 35523 «О работе органов Третьего управления НКО в военное время».

Главной задачей военной контрразведки стало совершенствование оперативной работы в прифронтовой полосе. «С первых дней войны директивами Третьего управления НКО СССР особые отделы были ориентированы на “своевременное вскрытие и ликвидацию агентуры противника по линии шпионажа, диверсии и террора, предотвращение случаев дезертирства и измены Родине, пресечение антисоветских проявлений и вражеской работы по разло-

жению личного состава воинских частей, распространению контрреволюционных листовок, провокационных и панических слухов”.

В числе основных задач военных контрразведчиков во фронтовых условиях были “ограждение штабов” и “обеспечение непроницаемости линии фронта”, что означало перекрытие каналов утечки информации о планах командования, обеспечение сохранности топографических карт, шифров и секретной документации, выявление агентов и диверсантов противника, а также физической охраны командиров.

Но в это же самое время в работе военной контрразведки существовали немалые сложности: Положение об органах Третьего управления в армии и на флоте было утверждено только в марте—апреле 1941 года, а решение о координации оперативно-следственной работы с территориальной контрразведкой и органами внутренних дел — в конце мая. Пополнившие ряды военных контрразведчиков оперативники из территориальных органов НКВД и НКГБ, военно-служащие с командных и политических должностей армии и флота не имели достаточной специальной подготовки, не владели информацией о методах и тактике действий противника, особенно применительно к военному времени.

Армейским чекистам вновь, теперь уже в боевой обстановке, приходилось перестраивать свою деятельность. Приказом наркома обороны СССР начальник Третьего управления НКО СССР комиссар государственной безопасности 3-го ранга А. Н. Михеев был наделен правом производить все перемещения и назначения личного состава центральных и периферийных органов, вплоть до заместителей начальников третьих отделов округов и фронтов*.

Кстати, в директиве от 27 июня определялось, что «начальники органов Третьего управления имеют право производить аресты военнослужащих всех степеней за совершенные преступления по получении соответствующей санкции вышестоящего начальника органов Третьего управления и командования», и указывалось, что красноармейцы и сержанты могли быть арестованы с санкции командира дивизии или корпуса, «лица среднего начсостава» — это от младшего лейтенанта до капитана — с санкции Военного совета армии или фронта, а старший и высший начсостав — с санкции наркома обороны... А ведь как любят показывать в

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 92—93.

кино злобного особиста, угрожающего немедленным арестом и расстрелом какому-нибудь комдиву!

Понятно, что директивы звучат очень общо, а потому за подробностями обратимся к документам — из них становится ясно, насколько деятельность военных контрразведчиков была обширна и разнообразна.

Например, 6 июля руководство Третьего управления НКО докладывало первому заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову о проблемах в организации железнодорожных перевозок, сообщая, что «перевозка войск, вооружения, боеприпасов и других воинских грузов на фронт на ряде железнодорожных дорог систематически срывается». Приводились конкретные данные: в частности, «26 июня с. г. с Кировского (г. Ленинград) завода были направлены на ст. Орша два эшелона танков № 7/3016 и 7/3017. Эти эшелоны несколько дней перегонялись в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск и не разгружались. 30 июня эшелон № 7/3016 был в Смоленске, а эшелон № 7/3017 — в г. Витебске. Где эти транспорты находятся в настоящее время, АБТУ сведений не имеет». «На ст. Электросталь под Москвой сосредоточено около 400 вагонов взрывчатых веществ. Окружная дорога не принимает их для направления по назначению. Такое количество взрывчатых веществ, находящихся на расстоянии 30 километров от Москвы, создает опасность для города». Фактов в донесении приведено гораздо больше, что свидетельствует об активной работе военных контрразведчиков.

Несколько позже контрразведка обращает внимание на другой аспект железнодорожных перевозок:

«Отмечены случаи, когда при формировании воинских эшелонов на станциях отправления на вагонах краской или мелом указывается станция назначения. Такие действия приводят к разглашению направления передвижения войск». Для недопущения этого работникам особых отделов округов предлагалось при формировании воинских эшелонов «обеспечивать тщательный осмотр вагонов и все надписи, указывающие станцию назначения, уничтожать. В случае обнаружения подобных надписей производить расследование, выявлять авторов и привлекать их к строгой ответственности».

Военным контрразведчикам было известно и то, что «противник довольно точно определяет наши постоянные и действующие запасные аэродромы, зная иногда даже о происходящих на них изменениях. В ряде случаев против-

нику известно о наличии или отсутствии самолетов-истребителей на аэродроме. На основании этих данных производится бомбардировка наших аэродромов». В этой связи в директиве от 10 июля перед оперативным составом ставилась задача «быть на аэродромах круглые сутки», «выявлять всех лиц, пытающихся проникнуть на наши аэродромы, задерживая подозрительных», «организовать наблюдение на аэродромах за личным составом частей», а также «путем своевременного выявления недочетов и постановки вопросов перед командованием не допускать особенно таких явлений, как скученность самолетов на аэродромах и посадочных площадках, уход личного состава от своих машин, несвоевременное поднятие в воздух из-за задержки в заправке и т. д.».

Не прошло и месяца, как третьим управлениям НКО и НК ВМФ СССР было приказано «сформировать при военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и станциях отделения военной цензуры... Отделениям военной цензуры немедленно приступить к осуществлению гласного политического контроля всей входящей и исходящей переписки частей Красной армии и Военно-морского флота...».

Военной цензуре предписывалось «производить вскрытие и просмотр всей входящей и исходящей корреспонденции по армии и флоту... Подвергать конфискации наряду с антисоветскими, провокационно-клеветническими, шифрованными, кодированными и подозрительными по содержанию письмами также все письма, содержащие ниже следующие сообщения, составляющие военную тайну и не подлежащие оглашению (далее следует подробный список тем, которых никакой здравомыслящий военнотрудовой в личных посланиях касаться не будет. — А. Б.)...». Кстати, определялось, что «в случае когда в письме имеется текст, содержащий сведения, не подлежащие оглашению в почтово-телеграфной переписке, но не носящие злонамеренного, враждебного характера, такие письма могут пропускаться по адресу, но с обязательным вычеркиванием или вырезыванием запрещенного текста...»*.

В августе отделения цензуры были переданы в ведение 2-го спецотдела НКВД СССР, хотя оперативное руководство ими осталось за особыми отделами.

* Органы государственной безопасности... Т. 2: Начало. М., 2000. Кн. 1. С. 308—309.

Разумеется, главной задачей для военной контрразведки было противодействие усилиям разведорганов противника. Чтобы оградить тыл действующей армии от проникновения их агентов, на вооружение была вновь взята практика создания заградительных отрядов, которые должны были «тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части». Включенные в состав отрядов оперработники производили опрос всех без исключения задержанных.

В общественное сознание «внедрен» образ пулеметчиков в синих фуражках, кинжальным огнем встречающих почти безоружные истерзанные подразделения, дрогнувшие под натиском неисчислимого противника... Но вот что осенью 1941 года начальник 3-го отдела Балтфлота докладывал о том, как созданный при отделе заградотряд боролся с перебежчиками:

«...случаи измены Родине во 2-й и 5-й бригадах морской пехоты в октябре и ноябре с. г. по сравнению с сентябрем значительно возросли. Преследуя цель борьбы с этими позорными фактами, впереди линии обороны 2-й и 5-й бригад были выставлены нами секреты, в результате на тех участках, которые ими контролировались, случаев перехода к врагу не отмечалось».

Заградотряд действовал на передовой, подвергаясь максимальной опасности? Кто бы сегодня мог предположить!

А вот что говорилось о борьбе с дезертирством в директиве Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта от 22 июля:

«Борьба с дезертирами, паникерами и трусами является главной задачей наших органов наряду с борьбой со шпионами и предательством.

Созданные в тылу каждой дивизии, корпуса и армии оперативные группы и войсковые подразделения, направленные на усиление особых отделов, должны быть так расставлены и использованы, чтобы закрыть все пути для бегства дезертиров.

Особые отделы должны установить строжайшую дисциплину и порядок в тылах дивизий, корпусов и армий, с тем чтобы в течение ближайших нескольких дней покончить с дезертирством и паникой».

Двенадцатого сентября была подписана директива Ставки ВГК № 001919 «О создании заградительных отрядов

в стрелковых дивизиях»: «в целях предупреждения... нежелательных явлений», в каждом соединении полагался такой отряд «численностью не более батальона», взятый, соответственно, из личного состава дивизии. Заградотряд подчинялся лично командиру соединения, а «работники особых отделов и политсостав дивизий», в соответствии с директивой, должны были «оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины».

Вот как комментирует это историк А. Б. Мартиросян:

«Следует иметь в виду, что... заградительные отряды стали явлением главным образом армейского характера, так как положениями п. 3 упомянутой директивы особым отделам приказывалось оказывать им помощь. Проще говоря, с указанного момента ответственность за деятельность заградительных отрядов несли непосредственно армейские руководители. Момент очень важный, потому как, не понимая сути происшедшего, все беспрестанно кидают булжники в адрес НКВД и Сталина. А ведь все очевидно»*.

Автор приводит следующие цифры: с 22 июня по 10 октября 1941 года «было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта... Из числа задержанных особыми отделами было арестовано 25 878 человек, остальные же 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. То есть аресту подверглось чуть менее четырех процентов от общего числа задержанных...»**.

Известно, что, уповая на блицкриг, сотрудники абвера в основном строили свою работу по принципу «воюй числом, а не умением». Гитлеровцы понимали, что если из каждых десяти наспех завербованных агентов хотя бы один выполнит задание, это все равно будет успех. Но вопреки их ожиданиям массовая заброска в советский тыл практически необученной и непроверенной агентуры не достигла цели: многие агенты сразу же являлись с повинной или же не проявляли никакой активности, а из «идейных», каких было не так и много, от 55 до 65 процентов разоблачались еще в зоне боевых действий. Тактику, рассчитанную на заброску большого числа агентов для выполнения заданий узкого назначения, контрразведчики называли «настройкой машины на крупный помол».

* *Мартиросян А. Б.* 200 мифов о Великой Отечественной... С. 354.

** Там же. С. 354–355.

Впрочем, просто ли было солдату, завербованному противником, честно в этом признаться, возвратившись к своим? Он ведь о чем-то рассказал гитлеровцам, выдал военную тайну — и кто знает, какой кровью наших бойцов, его товарищей, это обернулось? На то и напирали немецкие вербовщики, убеждая трусов в безвыходности их положения и в своей скорой победе.

«Немецкая разведка практикует массовую вербовку и переброску в нашу прифронтовую полосу и в глубокий тыл со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями антисоветского и политически неустойчивого элемента из числа командиров и красноармейцев, сдавшихся в плен.

Об использовании немецкой разведкой в шпионских, диверсионных и террористических целях пленных свидетельствуют следующие факты.

Из задержанных Особым отделом НКВД 22-й армии Западного фронта 200 человек, вернувшихся из плена, 40 человек на допросе сознались, что они завербованы немецкой разведкой и получили задания шпионского, диверсионного и террористического характера.

Арестованный красноармеец 780-го полка 214-й стрелковой дивизии Гончаренко И. Д. на допросе показал, что, сдавшись в плен 26 июля 1941 года, он был завербован немецкой разведкой и переброшен на нашу сторону для ведения шпионской и диверсионной работы. Гончаренко получил явки к резидентам немецкой разведки, находящимся на нашей территории.

Арестованный 1 августа 1941 года возвратившийся из плена красноармеец Николаев П. П. на допросе показал, что он был завербован немцами в момент первого его пленения и за это время дважды передал немецкой разведке сведения о расположении наших частей и их вооружении, ведущих наступление на противника.

В последний раз Николаев получил задание немецкой разведки взрывать мосты и боеприпасы впереди отступающих наших войск.

Арестованный 6 августа 1941 года возвратившийся из плена красноармеец 449-го полка связи Щукин П. В. на допросе показал, что, будучи завербован немецкой разведкой, получил задание по возвращении в часть завербовать двух красноармейцев, антисоветски настроенных, совместно с которыми распространять среди красноармейцев слухи о неминуемой гибели советской власти, создавать па-

нику во время боя и вести агитацию за переход на сторону немцев...

Установлено, что немецкая разведка вербует агентуру из среды антисоветски настроенного и политически неустойчивого элемента гражданского населения на временно занятых противником территориях, которую забрасывает со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями в прифронтовую полосу расположения наших войск и в глубокий тыл под видом беженцев.

Задержанный при переходе линии фронта в районе Великие Луки Васильев В. Т., 1912 года рождения, на допросе показал, что он окончил 15-дневные курсы шпионов-разведчиков и в числе 26 разведчиков был перебросен на нашу сторону с заданием под видом беженца пробраться в тыл Красной армии, обосноваться в одном из городов Советского Союза и проводить диверсионную и террористическую деятельность.

Германская разведка использует для проведения шпионско-диверсионной работы в тылу Красной армии также подростков. Переброску через линию фронта этой категории разведчиков немцы практикуют под видом перебежчиков, детей, разыскивающих своих родителей, которые якобы бежали от немцев...

Пятого августа с. г. в районе скопления наших войск во время выбрасывания ракет были задержаны 12-летний Хомиков Петр и 15-летний Андреев Иван, которые на допросе показали, что ракеты им дали немцы, показали, как их пускать, предварительно угостили вином и сладостями, а затем указали место перехода на территорию расположения Красной армии.

Хомиков и Андреев заявили, что немцы обещали им по возвращении дать деньги, угостить сладостями, вином и катать на машине, а если они не выполнят их поручения, то арестуют их родителей...»*

Уточним, что детей для выполнения разведывательных заданий гитлеровцы отбирали в возрасте от восьми до четырнадцати лет, отдавая предпочтение «уголовно-хулиганскому элементу» и беспризорным.

Однако не всё с германской агентурой было так просто, как кажется с первого взгляда. Пример — вышеупомянутый Васильев, «выпускник 15-дневных курсов», задержанный 31 июня оперативниками Особого отдела 22-й армии

* Органы государственной безопасности. Т. 2. Кн. 1. С. 556–558.

где-то на пути между Невелем и Великими Луками. При более тщательном изучении выяснилось, что он бежал из России в 1921 году вместе со своим дядей, белогвардейским полковником; обучался в кадетском корпусе, жил и работал в Чехословакии, Румынии и Югославии; был связан с организацией «Свободное казачество», действовавшей под руководством германской разведки. Затем, окончив в Кёнигсберге курсы разведчиков — думается, отнюдь не двухнедельные, — Васильев был подготовлен для отправки в СССР...

А несколько позже, в апреле 1942 года, в Особый отдел одной из дивизий пришел с повинной бывший младший лейтенант, командир минометного взвода, который попал в плен 29 июня 1941 года и окончил разведшколу в Варшаве. Он сообщил, в частности, что «в Ленинграде находится группа немецких разведчиков в составе трех человек... Старший этой группы — Виктор Александрович, возраст 32—35 лет, одет в морскую форму, имеет звание ст. лейтенанта, был командиром советского военного корабля. До призыва в РККА проживал в Ленинграде, имел свою легковую автомашину. Приметы: выше среднего роста, волосы русые с пробором на правую сторону, глаза голубые. При себе имеет бельгийский пистолет, в г. Ленинграде проживает его жена.

Второй, по имени Александр, до армии проживал в г. Ленинграде по улице Красных Ткачей, работал на Ленинградском оптическом заводе. Возраст — примерно 1915—1919 года рождения, среднего роста, волосы русые, глаза черные. Одет в форму красноармейца, шапку-ушанку, черную фуфайку, русские сапоги.

Третий в этой группе — Анатолий, ранее проживал в г. Ленинграде, до плена служил в Балтфлоте... Вся эта группа на выполнение задания ушла в г. Ленинград по льду через Финский залив в день большого налета вражеских самолетов на Ленинград 4.4.42 г.»*

Да, это вам не солдат, струсивший в первом бою, не «крупный помол»! Даже уверенные в успехе блицкрига абверовцы уже в начале войны готовили не только «одноразовую», но и серьезную агентуру...

Как мы говорили, в работе гитлеровские спецслужбы активно использовали помощь националистически настроенного населения Прибалтики, Западных Украины и Бело-

* Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 2. С. 389—390.

руссии, почему-то наивно уверовавшего, что фюрер только и озабочен перспективами их благополучия. Но это в СССР руководство развивало «братские» республики даже в ущерб России, а для немецкого руководства была «Германия превыше всего», о чем «националы» еще не догадывались, а гитлеровцы просто их использовали — без жалости и уважения.

Уже 2 августа руководство 3-го отдела Балтийского флота докладывало о ликвидации на освобожденных в результате контрударов Красной армии территориях Эстонской ССР ряда антисоветских и шпионских формирований:

«Ликвидирована контрреволюционная организация, так называемая дружина “самозащиты”, возглавляемая эстонцем Саартоком. По делу арестовано 9 человек. Агентурно-следственным путем по данному делу установлено, что немцы, заняв отдельные районы Эстонской ССР, сразу же приступили к созданию фашистских организаций — дружин “самозащиты”. Эти фашистские дружины являлись активом, на который опиралось германское командование в борьбе с оставшимися на занятой немцами территории коммунистами, комсомольцами, военными служащими и советскими активистами. Участники группы использовались для диверсионной и разведывательной работы в тылу Красной армии...

Германское командование участникам дружин “самозащиты” оказывало большое доверие и использовало их для дежурств на телефоне по приему и передаче сводок немецкого командования.

Участники группы расстреляны...»*

Что ж, наказание за шпионаж в военное время всегда было суровым.

А в декабре 41-го на одном из участков Ленинградского фронта был задержан красноармеец Хайдар Рафаилов. Выяснилось, что он, крымский татарин, уроженец города Яссы, является румынским подданным и после трехлетней учебы в специальной школе разведслужбы был определен в дивизию СС. В районе Пскова германская разведка направила его в тыл действующих частей Красной армии... Рафаилов рассказал, что его не раз задерживали, но он объяснял, что разыскивает свою часть, — и его отпускали...

Впрочем, были и вообще удивительные шпионы. Так, 9 сентября 1941 года по подозрению в членовредительстве

* Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 2. С. 446–447.

был арестован красноармеец Рейбруд — 1911 года рождения, уроженец Винницкой области, еврей. Как оказалось, он еще с 1933 года являлся кадровым агентом германской разведки! Он работал в Москве «на спецстроительстве № 5» и разрешил своей знакомой, некоей Розенфельд, что-то пофотографировать на объекте. На том его и вербанули, и с тех пор Рейбруд помогал другим «фотографам», да и сам похищал чертежи. Не подлежа призыву по здоровью, он добровольно пошел в армию — не из патриотического порыва, но по заданию гитлеровских «хозяев», которые щедро снабдили его отравляющими веществами для заражения водных источников и сигнальными ракетами. Однако на фронте Рейбруд так всего перепугался, что произвел позорный самострел...

* * *

Директива № 35523 не предусматривала ведения активной зафронтной работы военных контрразведчиков — в ней говорилось о возможной деятельности агентуры на глубину до 100 километров от линии фронта, по согласованию с военной разведкой. Однако тайную войну в глубоком тылу противника контрразведка начала с первых же недель. В сообщении № 00431 начальника Особого отдела НКВД Южного фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга Н. С. Сазыкина говорилось: «21 июля с. г. в г. Тирасполе работниками Особого отдела Южного фронта были приняты три ходака, оставленные нами с разведывательными целями в тылу неприятеля в г. Бендеры (Бессарабия). Выполняя наше задание, было установлено, что румынские солдаты переживают острую нехватку хлеба и что общее настроение румынских солдат — в бой не ходить. Среди румынских солдат, и главным образом командного состава, имеются факты разложения, мародерства, грабежа. В разговорах румынские солдаты высказывают большую боязнь вступать в бой с советскими войсками... Немцы и румыны сосредоточивают свои силы для наступления в районе Бендеры — Дубоссары».

Документов нами приведено немного — сегодня их рассекречено в сотни раз больше, но даже из них видно, что органы военной контрразведки, входившие в состав НКО, работали достаточно четко и эффективно. Могло ли такое быть, если б «военная машина» Советского Союза действительно разваливалась? Думается, события

лета 1941 года известны нам весьма приблизительно и очень однобоко...

Кстати, о том, что руководство НКВД, а значит, и руководство страны, настраивалось на длительную борьбу с захватчиками, свидетельствует тот факт, что 23 июля был отдан приказ об организации при Высшей школе НКВД курсов подготовки оперработников для особых отделов. 850 человек должны были проходить подготовку на протяжении 24 дней. Хотя многим военным контрразведчикам — тем самым, которые вышли победителями из поединка с абвером, довелось пройти гораздо более скромную «школу».

В своей книге «На рубеже исторических перемен»* генерал-лейтенант в отставке Иван Лаврентьевич Устинов вспоминает, как 18 июня 1941 года он, выпускник пехотного училища, прибыл в штаб Западного особого военного округа, где ему «было дано предписание выехать в Могилев на краткосрочные курсы военных разведчиков. В течение четырех дней были прослушаны лекции по различным вопросам разведки и контрразведки, об обострении военно-политической обстановки на государственной границе, о провокациях со стороны германской армии, возможных с нашей стороны мерах противодействия». 22 июня занятия досрочно закончились — слушатели курсов получили предписание убыть в действующие войска. Лейтенант Устинов прибыл в штаб 16-й армии, где был назначен на должность оперуполномоченного 3-го отдела, так что специфику контрразведывательной работы осваивал непосредственно в боевых порядках...

Устинов Иван Лаврентьевич (род. 1920). В 1939 году поступил в военно-пехотное училище; с июня 1941 года в военной контрразведке и на фронтах Великой Отечественной войны. С августа 1966 года — начальник Управления особых отделов КГБ по Дальневосточному военному округу. С сентября 1970-го по 1973 год — начальник 3-го Управления КГБ СССР. Затем — начальник Управления особых отделов КГБ СССР по ГСВГ. В 1981—1991 годах — советник при председателе Госплана СССР по проблемам безопасности. Генерал-лейтенант. Проживает в Москве.

Точка зрения И. Л. Устинова:

«Происходящие в нашем Отечестве процессы, его взаимодействие с мировым сообществом, как представляется,

* *Устинов И. Л.* На рубеже исторических перемен. 2-е изд. М., 2010. С. 42.

должны быть постоянной заботой не только высшего звена руководителей, облеченных высокой степенью ответственности, но и всего российского народа».

* * *

События первых же дней войны доказали необходимость централизации в обеспечении безопасности государства и вооруженных сил, и новая реорганизация началась с военной контрразведки. 17 июля И. В. Сталин подписал Постановление ГКО СССР (№ ГКО — 187/СС) «О преобразовании органов Третьего управления НКВД СССР в Особые отделы НКВД СССР»:

«1. Преобразовать органы Третьего управления как в действующей армии, так и в округах от отделений в дивизиях и выше в особые отделы*, а Третье управление — в Управление особых отделов.

2. Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдел в дивизии одновременно подчинить комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе.

4. Дать особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с особыми отделами и оказывать им всяческую поддержку**.

Опять двойное подчинение с учетом «руководящей роли партии». История показала, что эта роль была необходима, но в более разумных пределах, и в основном по идеологической линии. Когда же партработники начинали вмешиваться в работу профессионалов, это, как правило, приводило к отрицательным последствиям и падению авторитета их самих. Но что делать, если во все времена наше высшее руководство боялось профессионалов?

* Так в тексте.

** «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 23.

Таким образом, было создано Управление особых отделов (УОО) Наркомата внутренних дел во главе с заместителем наркома комиссаром госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумовым. На местах создавались особые отделы НКВД фронтов, округов, армий, корпусов, дивизий и гарнизонов укрепрайонов. Бывший начальник Третьего управления НКО СССР А. Н. Михеев был назначен на должность начальника Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта.

Абакумов Виктор Семенович (1908—1954). В органах госбезопасности с 1932 года; с апреля 1939 года — и. о. и начальник УНКВД Ростовской области; с февраля 1941-го по апрель 1943 года — заместитель наркома внутренних дел СССР. С июля 1941 года — начальник Управления особых отделов НКВД СССР, в апреле 1943-го — мае 1946 года — начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, заместитель народного комиссара обороны. С 4 мая 1946-го по 4 июля 1951 года — министр госбезопасности СССР. Генерал-полковник. Арестован 12 июля 1951 года по обвинению в государственных преступлениях; 19 декабря 1954 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день.

(Напомним: 19 декабря празднуется день образования военной контрразведки.)

Свидетельство современника:

«...Он продолжал полностью отрицать предъявлявшиеся ему обвинения даже под пытками, “признания” от него так и не добились... Он вел себя как настоящий мужчина с сильной волей... Ему пришлось вынести невероятные страдания (он просидел три месяца в холодильнике в кандалах), но он нашел в себе силы не покориться палачам. Он боролся за жизнь, категорически отрицая “заговор врачей”. Благодаря его твердости и мужеству в марте и апреле 1953 года стало возможным быстро освободить всех арестованных, замешанных в так называемом заговоре, поскольку именно Абакумову вменялось в вину, что он был их руководителем».

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов

Интересно, что реорганизация Третьего управления НК ВМФ СССР была оформлена гораздо позже — Постановлением ГКО СССР от 10 января 1942 года, согласно которому его функции были переданы соответствующему подразделению Управления особых отделов НКВД СССР.

Восемнадцатого июля нарком внутренних дел Л. П. Берия уточнил в своем приказе, что смысл преобразования состоит в том, чтобы «повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». Он четко определил: «Беспощадная расправа с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной армии, так же важна, как и борьба со шпионажем и диверсией». Приказом НКВД СССР от 19 июля «для обеспечения оперативных мероприятий... по борьбе с дезертирами, трусами, паникерами, шпионами и диверсантами» при особых отделах дивизий и корпусов формировались отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — батальоны.

Двадцатого июля было принято решение об объединении НКВД и НКГБ в единый Наркомат внутренних дел СССР во главе с генеральным комиссаром госбезопасности Л. П. Берией, что объяснялось «переходом от мирного времени на военные условия работы».

Пятнадцатого августа были утверждены штаты центрального аппарата Управления особых отделов НКВД СССР. Его 1-й отдел оперативно обеспечивал Генштаб РККА; 2-й — Военно-воздушные силы, Войска противовоздушной обороны и Воздушно-десантные войска; 3-й отдел — Главное автобронетанковое и Главное артиллерийское управления; 4-й отдел был кураторский, руководил агентурно-оперативной работой особорганов фронтов по родам войск, а также — заградительной службой и борьбой с изменой, дезертирством и самострелами, оперативно обеспечивал редакции военных газет и военных трибуналов; 5-й отдел оперативно обеспечивал Главное интендантское управление, Главное санитарное управление, Главное управление военных сообщений и ряд других; 6-й — войска НКВД; 10-й отдел руководил контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов; 11-й — оперативно обеспечивал Инженерные и Химические войска; 12-й — Главное управление формирования и укомплектования РККА. Имелась также следственная часть с отделениями по шпионажу, по антисоветским формированиям и по руководству следственной работой на периферии. 24 января 1942 года в состав Управления вошел 9-й отдел — по оперативному обеспечению флота, после чего штатная численность УОО НКВД СССР составила 225 человек.

В июле 1941 года единственный раз, как две разнонаправленные прямые, на мгновение пересеклись судьбы двух совершенно разных людей, почти ровесников — комиссаров госбезопасности 3-го ранга А. Н. Михеева и В. С. Абакумова. Что интересно, оба они стали военными контрразведчиками совершенно неожиданно.

Слушатель Военно-инженерной академии Анатолий Николаевич Михеев в январе 1939 года «по мобилизации ЦК ВКП(б)» был откомандирован в распоряжение НКВД СССР и назначен начальником Особого отдела Орловского, затем Киевского Особого военного округа. В августе 1940-го он возглавил 4-й отдел ГУГБ, ставший в феврале 1941 года Третьим управлением НКО СССР.

Виктор Семенович Абакумов служил в органах госбезопасности с 1932 года, и карьера его была неровной. В 1934 году за «грехи» личного плана он из престижного Экономического отдела ГУГБ оказался в «знаменитом» ГУЛАГе, правда, пока еще на «оперской» должности, но ведь в России «от тюрьмы да от сумы...». Это ждало Абакумова впереди, а пока, весной 1937-го, он вновь возвратился в ГУГБ, в декабре 1938 года возглавил УНКВД Ростовской области, в феврале 1941-го стал заместителем наркома внутренних дел СССР.

Семнадцатого июля 1941 года комиссар госбезопасности 3-го ранга Михеев был освобожден от должности начальника Третьего управления НКО СССР, как значится в его биографии, «по личной просьбе» и назначен начальником Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. Официально это объясняется желанием работать в сражающихся войсках. На деле подоплека произошедшего была несколько иная...

Шестого июля 1941 года было подписано постановление Третьего управления НКО СССР на арест командующего войсками Западного фронта Героя Советского Союза генерала армии Д. Г. Павлова. Как и положено, оно было утверждено наркомом Тимошенко и санкционировано прокурором Союза ССР Бочковым — бывшим руководителем 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Спору нет, стремительно вознесенный на вершину воинского олимпа герой испанской войны генерал Павлов немало был виноват в том катастрофическом положении, что сложилось в полосе обороны его фронта... Но по тра-

диции из Дмитрия Григорьевича стали делать злонамеренного и изначального «врага народа», каковым он вряд ли являлся.

Заместитель начальника следственной части Третьего управления старший батальонный комиссар Павловский, «рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности», пишет в соответствующем постановлении, что Павлов «в 1914—1915 годах примыкал к анархистам», «привлекался к партийной ответственности за примиренчество к правому уклону», а с 1916 по 1919 год вообще был в плену в Германии! Оказывается, вся карьера генерала строилась на «очковтирательстве» — он, «пользуясь информацией вышестоящих начальников о предстоящих учениях и смотрах, соответствующим образом “подготавливал” и “решал” поставленные задачи». Зато «в боевой обстановке командовал неумело, в связи с чем были ненужные жертвы». Еще и «недооценивал разведку», «привлекался к партийной ответственности за разглашение военной тайны», «восхищался обучением германской армии и ее офицерством», «пользовался неизменным покровительством Уборевича» и всю свою работу «строил в угоду ему» — и вообще, он был «тесно связан с врагами народа» и сам являлся участником «антисоветского военного заговора»...

Непонятно, как этого всего не знало высшее государственное и военное руководство, как проглядели «всевидящие» органы?!

Михеев знал, что «дело Павлова» сфальсифицировано, видел, что после допросов бывший командующий готов признать любые обвинения, и понимал, чем закончится для генерала «назначение» главным виновным за произошедшее.

На заседании Военного совета Западного фронта, проходившем в начале июля (фронтом тогда уже командовал маршал Тимошенко, все еще исполняя обязанности наркома, а также и главнокомандующего войсками западного направления; членом Военного совета фронта был зампред Совнаркома и нарком госконтроля жестокий и истеричный Л. З. Мехлис; участие в заседании принимал также Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов), Михеев, прекрасно понимая «установку», все-таки доложил о том, что Павлов на допросах себя оговаривает. Естественно, что его «демарш» — как иначе можно назвать выступление, противоречащее точке зрения Мехлиса, в ту пору еще пользовавшегося абсолютным доверием Сталина? — никакой

пользы Павлову не принес и не мог принести. Комиссар госбезопасности показал себя человеком не только честным, но и безрассудно смелым: Льву Захаровичу Мехлису ничего не стоило доложить, что Михеев «покрывает врага народа». Ну и всё... Вспомним, что из его предшественников на этом посту уцелел только генерал Бочков, не считая умерших своей смертью «титанов» — Ф. Э. Дзержинского и В. Р. Менжинского.

Впрочем, точно сказать, по какой причине Анатолий Николаевич просил направить его на фронт, невозможно, а предположить читатель может и сам.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга А. Н. Михеев погиб в бою при выходе из окружения 21 сентября 1941 года.

Генерал-полковник В. С. Абакумов сделал блистательную карьеру: 19 апреля 1943 года он был назначен начальником Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, ставшего под его руководством самой эффективной спецслужбой Второй мировой войны — заместителем наркома обороны СССР. Наркомом был И. В. Сталин. 4 мая 1946 года Абакумова назначили министром госбезопасности СССР, а 12 июля 1951-го арестовали. Он был расстрелян в 1954 году, 19 декабря — в тот самый день, когда военные контрразведчики отмечают свой праздник. Было это случайным совпадением или утонченным издевательством, сегодня не скажет никто.

* * *

Сделаем еще одно отступление. К началу войны советский ВМФ состоял из Балтийского, Черноморского, Северного и Тихоокеанского флотов, а также Пинской, Каспийской, Дунайской и Амурской флотилий. В боевом строю находились 3 линкора, 7 крейсеров, 44 лидера и эсминца, 24 сторожевых корабля, 130 подводных лодок и более 200 кораблей различных классов, а морская авиация насчитывала 1433 самолета. Понятно, что это была внушительная сила.

Наибольший оперативный интерес для противника представляли основные по тому времени Балтийский и Черноморский флоты — на подрыв их мощи были направлены устремления разведок Германии, Румынии и Финляндии.

Контрразведывательную работу на флоте вели органы Третьего управления НК ВМФ, которые в январе 1942 го-

да были преобразованы в особые отделы. В постановлении об этом преобразовании указывалось: «Подчинить: особые отделы флотов и флотилий — Управлению особых отделов НКВД СССР; особые отделы соединений — Особому отделу флота (флотилий) и комиссару соединения; уполномоченных Особого отдела на кораблях — Особому отделу соединений и комиссару корабля».

Период июня 1941-го — начала 1943 года был самым тяжелым в оперативно-боевой деятельности флотских чекистов. Летом 1941-го особо ощутимые потери понесли контрразведчики Балтики. Десятки оперработников погибли при обороне военно-морских баз Лиепай, Риги, Таллина; в августе в районе острова Гогланд немецкой авиацией был потоплен транспорт, на котором эвакуировалась в Кронштадт основная часть сотрудников Особого отдела Балтфлота. Нелегкая ситуация сложилась и на Черноморском флоте — многие чекисты погибли или попали в плен при ведении боевых действий кораблями и соединениями Дунайской, Днепровской и Пинской флотилий.

Невосполнимые потери и катастрофическая нехватка оперработников заставили флотских контрразведчиков изначально сосредоточить свою деятельность на двух основных направлениях: выявлении агентуры противника и борьбе с дезертирами и паникерами.

Вот один из ярких тому примеров. В августе 1941 года Особым отделом северного сектора береговой обороны Балтийского флота была получена информация, что «на 42-й батарее, охранявшей мыс Ристна на западной оконечности острова Хиума, в связи с тяжелой боевой обстановкой небольшая группа солдат тайно сговаривается сдать батарею немцам... Было выяснено, что группа создалась под влиянием латышских националистов, проживавших по соседству с артбатареей. Они уверили солдат, что война для СССР проиграна и, дескать, надо спасать свои жизни. Для этого латышские националисты предложили по имеющейся у них рации вызвать к мысу Ристна немецкие корабли. Участники сговора при их подходе должны были обезоружить командный состав батареи, уничтожить тех, кто окажет сопротивление, затем вывести из строя орудия и слиться противнику.

И действительно, спустя два дня после ареста изменников к мысу Ристна подошло несколько вражеских военных кораблей. Они рассчитывали на быструю и легкую победу.

Но батарея, очищенная от предателей, встретила “гостей” ураганным огнем всех своих орудий. Два фашистских десантных судна были потоплены, остальные поспешили удрасть»*.

* * *

Как свидетельствуют немецкие источники, с 9 июля по 16 ноября 1941 года советские войска потеряли пленными 2 миллиона 465 тысяч человек. Известен и такой факт: по неполным данным, полученным на 4 декабря 1941 года из особых отделов Южного, Юго-Западного, Западного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов, за полгода с начала войны произошло 102 групповых перехода советских военнослужащих на сторону противника — общей численностью 1944 человека; были также пресечены намерения перехода на сторону врага еще 159 групп — всего 1874 военнослужащих, и 2773 одиночные попытки совершения таких преступлений.

Военнопленных, а особенно перебежчиков, активно использовали спецслужбы противника. Поэтому в первые два года войны тема дезертирства и перехода на сторону врага постоянно звучала в информации военной контрразведки. Обстановка обусловила принятие суровых законов: в постановлениях ГКО, приказах Ставки и нормативных документах контрразведки остро ставился вопрос о пресечении дезертирства и случаев измены Родине, которые расценивались как самые тяжкие преступления; сдача в плен с оружием в руках считалась предательством. В соответствии с приказом Ставки № 270 от 16 августа 1941 года трусы и дезертиры подлежали расстрелу на месте.

Кажется, все ясно и просто. Однако предательство могло гнездиться и на совершенно ином уровне, о чем подробно сказано в приказе № 270. После ряда красноречивых, но, заметим справедливости ради, не полностью достоверных примеров** говорится: «...трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующе-

* *Остряков С. З.* Указ. соч. С. 220—221.

** В приказе ошибочно указан славшимся в плен погибший в бою генерал-лейтенант В. Я. Качалов (1900—1941), командующий 28-й армией. Всю войну генерал считался предателем, а в послевоенное время его якобы видели где-то в Марокко, и только благодаря большой разыскной работе сотрудников военной контрразведки, начатой еще в 1950 году, Владимиру Яковлевичу было возвращено доброе имя.

го состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот — прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя»*.

К сожалению, трусов и предателей можно было найти и в высоких штабах. В спецсообщении Особого отдела НКВД Ленинградского фронта от 16 декабря говорится, что из основных отделов штаба фронта — разведывательного, оперативного, шифровального и связи — «изъято через Военный совет» 44 человека. Большая часть из них была просто переведена на менее ответственные должности, другие — как, например, сотрудник разведотдела капитан Фетинг, который «имел связи, подозрительные по шпионажу», — попали в разработку... Были арестованы и прошли серьезную проверку два офицера разведотдела, которые в начале сентября в составе группы из шести человек были направлены за линию фронта. Задание группа не выполнила. Более того, четверо разведчиков вообще добровольно сдались в плен финнам. Вернувшись основательно проверили на предмет перевербовки и, уволив из разведорганов, доверили им воевать дальше.

Стоит ли объяснять, что все связанное с разведкой — дело очень сложное? На протяжении многих лет нам была знакома только героическая, романтическая сторона военной разведки. Но ведь разведчики нередко оказывались в руках врага — а недаром народная мудрость гласит, что «один в поле не воин» и что «на миру и смерть красна»... Не все, подобно Зое Космодемьянской, способны были перенести нечеловеческие муки и безвестно исчезнуть.

Особым отделом Южного фронта была разоблачена сотрудница разведотдела штаба 38-й армии Просянкина, которая, будучи переброшена для работы в тыл противника, была арестована и перевербована германской разведкой. Более сложной оказалась история некоего Алексева, задержанного на Карельском фронте. При себе он имел коротковолновый передатчик, а потому сразу сознался, что еще в 1938 году был переброшен Мурманским погранотрядом для работы за кордон, но перешел на службу к противнику. 31 августа 1941 года он возвратился на территорию СССР с заданием внедриться в разведорганы.

* Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 224–227.

Можно привести еще немало примеров того, как рядом с героизмом гнезилось предательство, но ограничимся информацией о том, что в 1942 году была подписана директива НКВД СССР «О мерах по усилению агентурно-оперативной работы среди личного состава разведотделов и разведшкол Красной армии».

Заметим, что не всё и не всегда было так сложно, и, к счастью, среди гитлеровских агентов порой оказывались откровенные дураки. Так, в самом конце декабря 1941 года в 3-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР из Главного автобронетанкового управления РККА сообщили о том, что к ним из 15-го запасного танкового полка прибыл за назначением капитан Анатолий Петрович Ульянов, 1910 года рождения — командир танкового батальона, дважды Герой Советского Союза. А в ГАБТУ о таком человеке никто ни сном ни духом...

Особисты установили, что этот «герой» — красноармеец Ульянов, который 26 июля попал в окружение на Смоленском направлении, 4 августа сдался в плен и был завербован. Офицер абвера рекомендовал ему добиться перевода в другую часть, заручившись фиктивными документами командира... Уже 12 августа Ульянов был в своем артиллерийском полку, потом якобы заболел, оказался в госпитале, где зарегистрировался как капитан, комбат, о чем по выздоровлении получил справку и был направлен в запасной танковый полк.

Вот только заставь дурака Богу молиться!.. Начштаба 15-го полка капитан Блинов оказался пьяницей и с легкостью выдал своему собутыльнику новое удостоверение военнослужащего, в котором было указано, что капитан Ульянов является дважды Героем Советского Союза.

Ульянов поспешил «сдать» еще одного самозваного «героя» из того же 15-го запасного танкового полка — лейтенанта Николая Щербинского, с которым на пару выступал перед рабочими текстильной фабрики «Приволжанка» в Кинешме, а потом перед военнослужащими в Доме Красной армии Владимирского гарнизона, о чем написала газета Московского военного округа «Красный воин».

В результате обоих «героев» расстреляли...

К концу 1941 года Управление особых отделов подвело некоторые итоги контрразведывательной работы в Красной армии. В докладной записке НКВД СССР в ГКО обобщалось: «С начала войны по 1 декабря 1941 года особыми отделами НКВД арестовано 35 738 человек, в том числе: шпионов — 2343, диверсантов — 669, изменников — 4647, трусов и

паникеров — 3325, дезертиров — 13 887, распространителей провокационных слухов — 4295, самострельщиков — 2358, “за бандитизм и мародерство” — 4214. Расстреляно по приговорам — 14 473, из них перед строем — 411»*.

«Конечно, меры жесткие, а в чем-то и очень жесткие, на грани жестоких. Но с другой-то стороны, как прикажете относиться к тем военнослужащим, которые допускали подобное?! Ведь каждый из них давал воинскую присягу, в которой прямо говорилось, что он обязуется до последней капли крови защищать свою Родину! Но вместо этого некоторые “намыливались” прямоком в плен. Более того, к глубокому сожалению, имели место (хотя и отдельные) случаи даже коллективного предательства, когда целые полки, с развернутыми знаменами, под музыку полкового оркестра переходили на сторону врага»**.

Поведем квалифицированному и многознающему историку — такие позорные факты достоянием широкой гласности не становились...

Между тем репрессии коснулись и членов семей военнослужащих: с 17 июля 1941-го по 10 августа 1942 года к ответственности было привлечено 2688 семей изменников Родины, из них осуждены 1292 человека. Жестоко! Но время было отчаянное для всей страны, так что ничего не попишешь, тем более что репрессии осуществлялись не огульно, а выборочно, по каким-то определенным причинам... Думается, если б сегодня ответственность несли не только взяточники, но и члены их семей, пользующиеся заведомо несправедливо нажитыми средствами, то уровень коррупции в стране резко бы сократился.

* * *

«Вопреки сложившимся стереотипам, армейские контрразведчики с самого начала войны занимались не только борьбой с дезертирами, немецкой агентурой, организацией разведывательно-диверсионной деятельностью в ближайшем тылу врага, но и стремились также проникать в его разведорганы. Как видно из документов, уже в первые месяцы войны особисты развернули вербовочную работу среди военнослужащих противника, а с осени 1941-го

* Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 1. С. 98.

** *Мартиросян А. Б.* 100 мифов о Берии. Кн. 2: От славы к проклятиям. М., 2010. С. 135.

приступили к проведению контрразведывательных операций за линией фронта.

Третьего ноября Особый отдел НКВД Ленинградского фронта доложил в НКВД СССР результаты агентурно-оперативной работы: «За отчетный период приобретено 112 агентов, из них: маршрутной [агентуры] — 24, резидентов для ОО армий — 4; агентуры «Д»* — 55; агентуры из числа военнопленных — 29... Сведения, получаемые от агентуры, после перепроверки сообщались своевременно командованию. Так, по нашим данным, ВВС фронта уничтожили на Липецком аэродроме 14 и повредили 25—30 самолетов, по нашим же данным, на район ст. Поповка был произведен налет артиллерии и авиации. Наша агентура направлялась несколько раз за сведениями по специальным заданиям командующего Ленинградским фронтом генерала армии Жукова и ВВС... Из числа военнопленных выведено с разведывательными заданиями и заданиями разложения армии противника 2 человека, подготовлено для этой цели еще 4 человека»***.

В 1941-м — начале 1942 года зафронтовые мероприятия особых отделов носили больше разведывательный, чем контрразведывательный характер и проводились в основном в интересах армейского командования. В условиях тяжелых оборонительных боев, резко меняющейся конфигурации линии фронта органы военной контрразведки ограничивались, как правило, переброской в тыл противника агентов и оперативных групп с целью разведки переднего края врага или прифронтовой полосы, совершения диверсионных актов.

Именно так в сентябре—октябре 1941 года действовал разведывательно-диверсионный отряд Особого отдела НКВД Западного фронта под командованием капитана госбезопасности Х. Д. Кусова, а после его гибели 7 октября — старшего лейтенанта госбезопасности Я. Н. Шпилевого. Отряд состоял из 125 чекистов, пограничников и красноармейцев. За 35 дней он прошел по оккупированной территории Смоленской, Витебской и Калининской областей 750 километров, провел 21 боевую операцию, уничтожил несколько сотен вражеских солдат и офицеров, совершил ряд диверсий на железной дороге, собрал важную развединформацию о противнике. В одной из радиограмм в первых числах октября сообщалось: «По данным местных

* «Д» — диверсантов.

** Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 96,98.

жителей, в д. Красный Луч Велижского района Смоленской области прибыла группа немцев около 60 человек. Они разместились в школе. В результате налета ни один немец не вышел из школы... В д. Булиже Демидовского района Смоленской области разогнан карательный отряд. Оставив 12 трупов и подобрав 8 раненых, немцы бежали...» В последующем отряд еще дважды забрасывался в немецкий тыл.

Или, к примеру, 10 ноября Абакумов сообщал начальнику Генштаба маршалу Б. М. Шапошникову и командующему ВВС генералу П. Ф. Жигареву, что «в центре полуострова Земланд (в 25 километрах западнее Кёнигсберга) имеется крупный склад горючего», «в западной стороне предместья г. Франкфурт-на-Майне» — завод синтетического бензина, а в десяти километрах севернее — аэродром...

А вот его же более раннее сообщение — по данным, полученным от разведчиков Особого отдела НКВД 16-й армии:

«Шестнадцатого октября в деревне Зубцово находилось 50 танков. Со слов жителей, в этой же деревне расположен штаб противника... В дер. Шурьково через поселки Серета, Ховань и Шаховское прошла колонна в составе 50—60 крытых автомашин, 50—60 танков, 20—25 мотоциклов и обоз около 70 подвод. 20 октября в селе Князьки Горы находилось 50 бронемашин, несколько танков и артиллерия. Орудия застряли в грязи на дороге у села... 24 октября в одном километре севернее от поселка Лотошино в лесу расположено около 200 танков. В самом поселке находится 15 самолетов, до 50 бронемашин, которые замаскированы сетями...» Затем следует еще более важная и впечатляющая информация:

«Со слов населения, немцы заявляют, что если советские войска не перестанут стрелять из орудий РС*, то они будут пускать газы.

Последнее время все немецкие солдаты имеют при себе постоянно противогазы, чего раньше не наблюдалось...»**

Кажется, операция «Войсковая юрта» получала свое продолжение...

* * *

Чем дальше шла война, тем больше приходилось спецслужбам работать на перспективу. Так, в начале июля 1942 года Особый отдел 61-й армии обеспечил переход через ли-

* Реактивная установка БМ-13 — «катюша».

** Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 2. С. 252—253.

нию фронта агентов «Федоровой» и «Лихачевой», имевших задачу установить «месторасположение органа контрразведки, который находится по шоссе Брянск — Орджоникидзеград*», затем «устроиться на любую работу в расположении контрразведки», а там «выявить руководящий состав этого учреждения», познакомиться «с личным составом разведчиков», получив максимум различной информации про тех и других, а также планы и перспективы использования агентуры... «Для внедрения в разведывательные школы германской разведки в города Орджоникидзеград и Брянск» были переброшены через линию фронта и другие агенты, в результате чего уже в июне 1942 года было заведено агентурное дело «Иуды», по которому на учет был взят 51 человек руководящего и слушательского состава Орджоникидзеградской разведшколы.

В середине сентября 1942 года Особым отделом 57-й армии, под видом перебежчика, был направлен в тыл противника агент «Голуб». В его легенде-задании указывалось:

«Ваша действительная задача во время пребывания на оккупированной территории состоит в следующем: войти в доверие немецких властей и таким путем проникнуть в разведывательные органы противника, стремиться к тому, чтобы немецкая разведка завербовала Вас и в качестве своего агента перебрала для работы в расположение советских войск».

Легендой были предусмотрены различные варианты развития событий — что делать агенту в случае, если ему удастся попасть «в школу немецких разведчиков», или если его направят в лагерь военнопленных, или если ему будет предложено работать в какой-нибудь войсковой части — и так далее...

Подготовленному читателю известно, что еще в конце 1941-го — начале 1942 года особые отделы провели ряд успешных операций по внедрению своей агентуры в разведорганы противника. Так, в ноябре 1941-го Особый отдел НКВД Юго-Западного фронта «определил» в абвергруппу-102, что дислоцировалась в городе Славянске, на Кубани, Петра Ивановича Прядко, сумевшего в течение полутора лет дезорганизовывать деятельность разведоргана.

Прядко Петр Иванович (1913—2003). Начальник армейского склада горюче-смазочных материалов по заданию Особого отдела НКВД СССР 6-й армии под видом дезерти-

* Населенный пункт недалеко от Брянска.

ра-перебежчика внедрился в германскую разведшколу при абвергруппе-102 и практически полностью парализовал ее работу. В сентябре 1943 года перешел через линию фронта, представив в отдел контрразведки «Смерш» подробные сведения о 101 вражеском агенте и 24 сотрудниках абвергруппы. Продолжал службу в Советской армии до 1960 года. Подполковник.

Комментарий историка:

«В ходе беседы оперативный работник Особого отдела... обратил внимание на высокое интеллектуальное развитие интенданта, имевшего к тому же незаконченное высшее образование».

Из сборника «Смерш. Исторические очерки и архивные документы»

В июне 1942 года в распоряжение войск противника был переброшен красноармеец Алексей Семенович Соболев (агент «Михайлов»), который, пройдя лагерь военнопленных, был зачислен в подразделение РОА, а затем — в Смоленскую диверсионную школу, подчиненную абверкоманде-203. Здесь он сумел привлечь к сотрудничеству агента абвера Петра Марковича Голокоза, бывшего начштаба батальона Красной армии. Соболев работал в школе до конца января, а Голокоз — до середины того же 1943 года. В общей сложности они привлекли для работы против немцев 29 курсантов Смоленской школы, сагитировали 21 военнопленного к переходу на сторону партизан; в каждую диверсионную группу они внедряли своих агентов, которые бы после заброски в советский тыл выходили на связь с органами военной контрразведки. К тому же в июле 1943-го Голокоз привел в распоряжение партизанской бригады немецкий карательный отряд из 84 человек, которые были пленены. О работе Соболева и Голокоза во вражеском тылу было доложено И. В. Сталину, разведчики были награждены орденами Красного Знамени.

Засылка агентуры на оккупированную гитлеровцами территорию тоже была массовой. Вот всего один оперработник младший лейтенант П. Т. Дрега, 21 сентября 1942 года направленный Особым отделом НКВД 4-й Ударной армии в партизанскую бригаду «в целях активизации контрразведывательной работы», получил задание подготовить агентуру из числа местных жителей и бывших военнослужащих Красной армии, находящихся на временно оккупированной территории, чтобы затем внедрить этих

людей в школу разведчиков-радиостов в местечке Катынь Смоленской области, в школы гестапо в Витебске и Смоленске, в «контрреволюционную организацию НТСНП», действующую в Смоленске, а также в «контрреволюционные организации “Белорусский клуб” и “Громада”». Ну и к тому же «приобрести и направить двух-трех агентов-вербовщиков в районы м. Катынь и г. Борисов с задачей подбора и вербовки агентуры с последующей подставой приобретенной вербовщиком агентуры в разведывательные органы противника». И это далеко не всё задание... Но есть большая разница уже в том, что с нашей стороны за линию фронта отправлялись патриоты, готовые отдать жизнь за Родину, а оттуда, в большинстве своем, забрасывались морально сломленные люди, спасающие свою шкуру.

В результате успешной организации и проведения «зафронтной» работы к середине лета 1942 года НКВД СССР было учтено 36 функционировавших на временно оккупированной территории школ германской военной разведки, получены данные на 1500 разведчиков и диверсантов из числа военнопленных. По данным НКВД СССР на 8 августа 1942 года, направленным в ГКО и ЦК ВКП(б), с начала войны было арестовано 11 765 агентов противника.

А вот, кстати, еще один уникальный момент, связанный с разведкой: 23 января 1942 года руководство Первого управления НКВД СССР, внешней разведки, обратилось в Управление особых отделов с просьбой подготовить на основании показаний военнопленных ответ на ряд вопросов относительно внутрисполитического положения в Италии. В частности, какого рода документы требуются при переездах из города в город; каким образом проводятся проверки лиц, подозреваемых в дезертирстве; что нужно для прописки в гостиницах, для поступления на работу и открытия мелких торговых предприятий, а также для получения продовольственных карточек; работают ли рынки и ярмарки? Особый интерес для разведки представляли жители городов Акви и Александрия, от которых было необходимо получить большой объем разнообразной информации.

Враг еще находился «в белоснежных полях под Москвой», буквально в сотне километров от советской столицы, а военная контрразведка помогала «легендировать» нелегалов для заброски на Апеннинский полуостров...

* * *

Разведка, диверсионные операции в тылу противника, борьба со шпионами, предателями и дезертирами... Но в то же самое время военные контрразведчики занимались вопросами совершенно иного плана, также имеющими огромное значение для обеспечения безопасности сражающейся армии и выполнения боевых задач. Вот лишь несколько сообщений, которые поступали в ноябре 1941 года из особых отделов фронтов и округов.

Особый отдел Орловского военного округа сообщал, что командование округа отказывается получать и вывозить продовольственный запас мобфонда и госрезервов, мотивируя это отсутствием транспорта. В результате в Воронеже остаются 100 вагонов сахара, 20 мешков яичного порошка, 30 вагонов бекона, 30 вагонов сливочного масла, 563 тысячи банок консервов и 12 тонн мыла.

На Северо-Западном фронте, как сообщал Особый отдел, в некоторых из занимающих передовые позиции частей не хватает теплого обмундирования, а потому уже к 10 ноября по фронту было установлено 193 факта обморожения. Зато в районе Мурома задержались 118 вагонов теплого обмундирования — требовалось ускорить их продвижение на фронт.

На Юго-Западном фронте возникли затруднения в ремонте танков — из-за отсутствия запчастей и медленных перевозок боевых машин по железной дороге. В ремонте давно уже стояли 17 КВ, 32 «тридцатьчетверки», 122 БТ и 38 Т-26. ГАБТУ почему-то не давал распоряжения о ремонте танков в саратовских мастерских, где ремонтировали только колесные машины облвоенкомата.

И каждый из этих вопросов требовал безотлагательного решения.

* * *

Двадцать седьмого декабря 1941 года было подписано Постановление ГКО СССР о государственной проверке (филтрации) военнослужащих, побывавших в плену или в окружении. Для этого создавались сборно-пересыльные пункты и специальные лагеря, куда направлялись все вышедшие из окружения или задержанные на освобожденных территориях. Особистами осуществлялась филтрация, которая предусматривала выявление изменников, шпионов и

дезертиров, и те, кто не скомпрометировал себя сотрудничеством с немцами, направлялись для прохождения дальнейшей службы. Уже на 23 февраля 1942 года особыми отделами в спецлагерях было проверено 128 132 человека, а к марту функционировало 19 спецлагерей.

На основании данных особых отделов действующей армии, информации, полученной от захваченной или перевербованной немецкой агентуры, Управление особых отделов НКВД СССР готовило и рассылало по подразделениям органов госбезопасности списки установленной агентуры противника, а при аресте агентов, в них указанных, контрразведывательные подразделения обязаны были информировать УОО НКВД СССР. В НКВД готовились ориентировки, позволявшие армейским контрразведчикам и сотрудникам территориальных органов более четко и адресно организовывать оперативные мероприятия по предупреждению, выявлению и пресечению подрывных действий немецкой разведки на фронте, в прифронтовой полосе и в тылу...

Между тем активность абвера и других спецслужб возрастала, улучшалась подготовка агентуры, которая снабжалась достаточно надежными фиктивными документами, как захваченными у военнопленных, убитых и у населения оккупированных территорий, так и изготовленных в немецких типографиях.

А вот, например, чему обучали агентов финской разведки перед заброской на территорию СССР на протяжении от месяца до трех:

«1. Лыжная подготовка, изучение карты, хождение по азимуту, умение пользоваться компасом. Обязательно для всех без исключения агентов.

2. Радиодело. Изучение приема и передачи буквенного и цифрового текста, пользование шифром и кодом, знание позывных и волн приема и передачи. Материальная часть шпионской рации не изучается под предлогом несложности управления ею. Агентам внушается, что главное знать длину волны и позывной. Агент, изучающий радиодело, одновременно должен овладеть финской азбукой. Радиодело проходят специально отобранные агенты.

3. Диверсионное дело. Агентам демонстрируются в действии разрывные и зажигательные бомбы. Знакомят с устройством этих бомб и показывают, как ими пользоваться...

Диверсантов учат различать степень важности тех или иных объектов и правильно выбирать объекты диверсии.

4. Агентурная подготовка. Она заключается в том, что с каждым агентом индивидуально отработывают правила его поведения в СССР.

Агентов инструктируют по следующим вопросам:

1. Легенда прихода в СССР.
2. Поведение на допросах в следорганах.
3. Подбор квартир.
4. Поведение в населенном пункте.
5. Пользование документами.
6. Отношение к женщинам.
7. На кого опираться при выполнении задания...»*

«География» работы гитлеровской агентуры была гораздо обширнее.

Например, 2 декабря руководство Особого отдела НКВД Среднеазиатского военного округа направило указания по выявлению и задержанию заброшенной немцами на территорию округа группы диверсантов. Оказалось, что задержанный на станции Оренбург по подозрению в дезертирстве старший сержант Иван Федорович Пушкарев является немецким агентом и в группе диверсантов — три немца и шесть наших военнопленных — переброшен на советскую территорию с заданием взорвать Сызранский железнодорожный мост через Волгу, а затем — военные склады на станции Арысь, что в Казахстане, в Чимкентской области.

Что сказать? Не доехали диверсанты до пункта назначения...

* * *

На войне сюрпризов и неожиданностей всегда немало. Кто бы знал, что военной контрразведке придется нейтрализовывать разведывательные усилия наших союзников-англичан? Впрочем, Англия для России всегда была «закрытым другом»... Когда же в 1941 году в Архангельске обосновалась английская военно-морская миссия, а в Полярном — английский штаб, союзники восприняли это как подарок судьбы.

Двадцать седьмого ноября 1941 года, нацеливая контрразведывательные отделы управлений НКВД по Мурманской и Архангельской областям на совместную работу с

* Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 1: Крушение блицкрига. С. 493—494.

военными контрразведчиками третьих отделов Северного флота и Беломорской военной флотилии и Особым отделом Архангельского военного округа, руководство НКВД СССР указывало: «Установлено, что английские разведывательные органы внедряют в число официальных военных и экономических представительств в СССР крупных разведчиков, которые используют для сбора шпионских сведений кадры офицеров и унтер-офицеров английской армии и флота, находящихся на территории СССР. С этой целью каждому доверенному лицу из числа офицеров и унтер-офицеров дается конкретный круг вопросов, по которым ему надлежит собирать в Советском Союзе шпионскую информацию».

Сфера разведывательных устремлений англичан была обширной: порты Полярный, Мурманск, Кандалакша, Архангельск, Молотовск (Пермь), Иоканга и другие, а также инфраструктура всех этих городов; авиация и береговая оборона Кольского полуострова; промышленные предприятия; подходы к портам с описанием всех особенностей навигации; железнодорожные и автомагистрали и еще многое иное... Но наша контрразведка вроде бы сработала как надо.

Если «правый фланг» тайной войны проходил по территории Заполярья, то левый уходил туда, где официально никаких боев не было — на территорию Ирана, куда 25 августа 1941 года в соответствии с подписанным еще в 1921 году межправительственным договором были введены советские войска: 47-я и 44-я армии Закавказского фронта и 53-я отдельная — Среднеазиатского военного округа. К исходу года в Иране осталась и оставалась до конца войны 53-я армия, которая была переформирована. В страну также были введены войска союзников — англичан и американцев. Отметим, что здесь были очень сильны позиции гитлеровской разведки, а значительная часть населения выражала профашистские симпатии; многие местные жители — вне зависимости от своих политических взглядов — отрицательно относились к присутствию иностранных войск; к тому же в горах активизировалась деятельность бандформирований. В общем, оперативная обстановка была весьма сложной, и в подтверждение сказанному — несколько фрагментов из докладной записки Особого отдела НКВД Среднеазиатского округа о положении на территории Ирана в районах дислокации частей Красной армии от 31 января 1942 года:

«...Особо серьезного внимания заслуживает тот факт, что в последнее время банды и бандгруппы наряду с грабе-

жами и насилием над местным населением производят вооруженные нападения на наши мелкие воинские подразделения и отдельных бойцов и командиров... Необходимо отметить, что крупное кулачество и собственники стремятся усилить банды людским составом и вооружением для использования их в борьбе против частей Красной армии...

В г. Семнани выявлена фашистская организация, созданная начальником жандармского отряда Хальети... Нам известно, что Хальети в декабре 1941 года пытался завербовать одного из руководителей крупной банды Гусейн-хана, однако последний, будучи настроен в нашу пользу, от вербовки отказался, а вербовочное письмо, присланное ему Хальети, передал нашим органам.

В начале января 1942 года Хальети организовал карательную экспедицию против банды Гусейн-хана. Гусейн-хан, будучи предупрежден нами, принял меры обороны и в результате боя разбил наголову отряд Хальети. Убито 109 и ранено 9 человек, в числе убитых оказался Хальети...

В г. Шахруде имеются две антисоветские фашистские группы, одна из них состоит из русских эмигрантов общим количеством 15 человек и возглавляется агентом английской разведки Тихоновым Иваном Иосифовичем. Группа ведет активную профашистскую агитацию. По данным, требующим проверки, эта группа посылала свою агентуру на нашу территорию для ведения разведывательной деятельности. Вторая группа состоит из националистов среднеазиатских и кавказских национальностей (лезгины, чеченцы, иранцы и другие) общим количеством около 13 человек. Группа также ведет активную антисоветскую и профашистскую работу среди местного населения и бойцов воинских частей.

Особую активность в последнее время в Иране проявляет английская разведка. Характерно, что английская разведка, преследуя цели внедрения своей агентуры в наш агентурный аппарат, прибегает к расконспирации работы немецкой разведки, строя свои легенды на правдоподобных данных.

В нашем распоряжении имеются данные, из которых видно, что английская разведка, вводя свою агентуру в фашистские формирования или вербуя ее из числа участников этих формирований, в последующем направляет агентуру в особорганы с заданием выдать нам фашистские формирования и, завоевав наше доверие, внедриться в наш агентурный аппарат...

Наряду с активизацией деятельности разведывательных органов Германии и Англии на территории Ирана в последнее время чувствуется активизация деятельности иранской разведки, которая, по всей вероятности, ведет свою работу под руководством англичан...

В начале декабря 1941 года афганскому консулу в Мешхеде поступили указания из Кабула о систематической работе консульства по сбору точных сведений о количестве, численности и номерах наших воинских частей, расположенных в Иране. Особое внимание обращается на необходимость сбора данных об авиачастях, количестве самолетов, учебных полетах, направлениях воздушных трасс и других данных...»*

Из сказанного можно понять, что работа органами военной контрразведки проводилась огромная и что знаем мы о ней очень и очень мало...

* * *

В июле 1942 года аппарат Управления особых отделов НКВД СССР был вновь реорганизован «в целях наиболее полного обеспечения оперативно-чекистским обслуживанием частей Красной армии и Военно-морского флота». Его новая структура строилась по родам войск, по «вертикали», рассчитанной на оперативное обеспечение объектов сверху донизу.

На 1-й отдел, обеспечивающий Генштаб, было возложено еще и руководство работой особых отделов фронтов и армий. Учитывая возрастающее значение техники и технических родов войск, на базе 3-го отдела были организованы отдел по обеспечению артиллерийских, танковых и гвардейских минометных частей РККА, ГАУ и соответствующих академий и учебных заведений, а также отдел по обеспечению химических и инженерных частей, строительства оборонительных укреплений, проводимого Наркоматом обороны, частей связи, академий и военно-учебных заведений.

Четвертый отдел также руководил агентурно-оперативной работой особых органов фронтов по родам войск, курировал работу по борьбе с антисоветскими националистическими формированиями, дезертирством, изменой Родине,

* Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 1: Крушение блицкрига. С. 85–88.

паникерством и тому подобными явлениями и организацию заградительной службы. Был создан специальный отдел по руководству работой особорганов военных округов по общевойсковым соединениям, новым формированиям, запасным частям, учебным заведениям, который еще и агентурно обеспечивал Главное управление формирования и комплектования Красной армии.

Контрразведывательные отделения в особых отделах были упразднены, и создан контрразведывательный отдел управления для руководства контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов...

Отметим, что даже в то экстремальное время в органах военной контрразведки — вопреки представлениям многих — достаточно тщательно соблюдались требования, как тогда говорилось, «социалистической законности» и наказания за отступление от них, за недобросовестность были строгими, даже суровыми. Пресловутого «всевластия НКВД» не было и на фронте.

Например, в январе 1942-го 23-м Краснознаменным пограничным полком войск НКВД охраны тыла Южного фронта был задержан 21 человек. Они признались в том, что завербованы немецкой разведкой. Вопреки современным представлениям, этих шпионов не расстреляли на месте, но направили в Особый отдел НКВД 12-й армии. Далее произошел конфуз: все арестованные от своих показаний отказались. Одни сказали, что их побили, другие, что их уговорили себя оговорить, обещав освободить из-под стражи и даже устроить на работу. Тогда Особый отдел армии возвратил всех этих арестованных обратно в полк, но не одних, а с целым «десантом» следователей, которые на месте всё перепроверили. А в результате пять ни в чем не повинных девушек из-под стражи были освобождены, три человека были разоблачены как дезертиры и пошли под трибунал, а остальные 13 человек как возвратившиеся из немецкого плена направлены для проверки в фильтрационный лагерь. Сотрудники же, грубо нарушившие закон, были арестованы и преданы суду военного трибунала.

Да, были в работе сотрудников особых органов и ошибки, и недочеты, и даже преступления... Не будем говорить, что «не ошибается тот, кто ничего не делает», это оправдание самое простое. В большей степени виноваты и недостаточная профессиональная подготовка, и недочеты в отборе, и сам характер работы — «власть сердца шекочет», как пел когда-то Булат Окуджава, и не все мо-

гут эту «шекотку» стерпеть. Но тут еще и человеческие характеры, и обстоятельства: многим osobистам самим пришлось побывать в окружении, они теряли друзей боевых, у кого-то «под немцем» семьи остались. «Идеологические моменты» также сказывались — эти люди были беззаветно преданы советской власти, которой всем в своей жизни были обязаны, а потому порой и необдуманное слово могли воспринимать как «покушение на устои». Вот и случилось, что «перегибали палку» — точнее, жизни корежили и ломали.

Например, красноармеец П. А. Волков пожаловался товарищам, что в части их плохо кормят. Хороший солдат был, но его тут же в «контрреволюционной агитации» обвинили, и прокурор утвердил обвинение, так что приговорили бедолагу к расстрелу. По счастью, Военный трибунал Северо-Западного фронта отменил приговор и дело прекратил.

Считается, что понять — значит простить, но в данном случае речь идет только о понимании, потому как такие «перегибы» не получали прощения и тогда. Они влекли за собой соответствующие наказания провинившихся сотрудников, подчас весьма суровые. На первое место в своей работе военные контрразведчики должны были ставить профилактику, предупреждение разного рода преступлений и происшествий. Хотя бы потому, что шла война и каждый штык был на счету.

Вот как было написано в «Закрытом письме Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта»:

«Некоторым особистам невдомек, что одно дело — преступление, скажем, штабного работника, политрука или грамотного, развитого красноармейца, распространяющих пораженческие взгляды, и другое дело — недоуменные вопросы малограмотного бойца, не разбирающегося в политике и не находящего зачастую правильного ответа на мучающие его сомнения из-за плохо еще поставленной у нас политической работы с каждым бойцом в отдельности.

Нередки случаи, когда особые отделы, агентурно выявляя нездоровые настроения отдельных бойцов, не информируют об этом сразу же военкома, лишая тем самым политаппарат возможности своевременно воздействовать на таких бойцов мерами воспитания, убеждения, разъяснения. Оставляя этих бойцов длительное время без индивидуального большевистского воздействия, мы сами иногда допускаем возможность усиления и разжигания их отрица-

тельных настроений со стороны вражеских элементов, доводя таким образом дело до необходимости ареста»*.

Кажется, что в этом письме звучит этакая нотка воистину суворовской любви к простому, рядовому солдату...

Были, конечно, в работе особистов и другие недостатки — кто-то поверхностно подходил к проверке подозреваемых, кто-то излишне затягивал следствие — но все-таки в целом задача контрразведывательного обеспечения действующей армии выполнялась.

Закрывая тему, обратимся к такому деликатному вопросу, как приведение в исполнение приговора о высшей мере наказания. В директиве от 28 февраля 1942 года начальник Особого отдела Западного фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга Л. Ф. Цанав, недавний нарком госбезопасности Белоруссии, резко осудил расстрелы осужденных «без утверждения Военсоветом» и предупреждал, что «всякое нарушение в этой области повлечет за собой строгие меры наказания к виновным, вплоть до предания суду военного трибунала».

Цанав Лаврентий Фомич (1900—1955). С 1921 года — в органах ЧК и ГПУ Грузии. С февраля 1933-го по декабрь 1938 года — на партийной и советской работе в Грузии. В декабре 1938 года назначен наркомом внутренних дел Белорусской ССР, с 26 февраля 1941 года — нарком госбезопасности БССР. С 19 июля 1941 года — начальник Особого отдела Западного и Центрального фронтов. С 7 мая 1943 года — нарком госбезопасности Белорусской ССР, одновременно — заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения; с 11 января по 4 июля 1945 года — уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту. С 15 марта 1946 года — министр госбезопасности Белорусской ССР, с 29 октября 1951 года — заместитель министра госбезопасности СССР, начальник 2-го Главного управления МГБ СССР. Генерал-лейтенант. 15 февраля 1952 года уволен на пенсию «за серьезные ошибки»; арестован 4 апреля 1953 года; умер во время следствия в Бутырской тюрьме.

Свидетельство современника:

«Явился я к Цанаве — и целый час рассказывал об обстановке. Где и какие наши войска и что они делают... Он меня тут же поблагодарил и вызвал своего помощника.

* Органы государственной безопасности. Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению. С. 34—35.

После того как я участвовал в боях, да еще и Днепр переплыл — конечно, я не должным образом выглядел. Цанова приказал: “Сейчас же его в баню — помыть, сменить все обмундирование, дайте ему возможность в комнате какой-то поспать — после чего ко мне пусть явится”. Вот такая встреча была первая. Душевная! Прямо скажу — оставила у меня до сих пор положительное мнение. В то время, в той тяжелейшей обстановке, о конкретном человеке — и такая забота!»

Генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов

Так что «экранные» армейские чекисты, которые по минутно хватаются за пистолет, — всё та же «развесистая клюква».

* * *

Избегая соблазна подробного рассказа о действиях военной контрразведки на фоне знаковых событий Великой Отечественной войны, уточним, что летом 1942 года произошло резкое обострение обстановки на советско-германском фронте — наши войска потерпели поражения в Крыму, под Харьковом, Воронежем и в Донбассе. «В итоге поражения под Харьковом обстановка на юге быстро становилась критической. Немцы наступали, у Ставки фронтовых резервов не было. Германские войска прорвали оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и к середине июня стремительно шли к Волге и Кавказу»*.

В условиях, когда требовалось усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение, вышел приказ НКО № 227 от 28 июля, известный под названием «Ни шагу назад!». Он был написан лично И. В. Сталиным. Приказ удивительный — по содержанию, по указанным в нем мерам, эмоциональному накалу изложения и истинно высокой публицистичности текста. Когда и кто ранее мог сказать, что народ наш «теряет веру в Красную Армию» и что многие даже проклинаят ее? Когда и кто мог предложить «поучиться у наших врагов»?

Хотя в приказе № 227 не упоминались особые органы, к ним он имел самое прямое и непосредственное отношение. Было, в частности, приказано:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 647.

...в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

...б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных штрафных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»*.

Думается, нет смысла объяснять, какая роль принадлежала в решении этих задач военной контрразведке. А то, что эти суровые, но необходимые по тому времени меры позволили стабилизировать обстановку на фронте, общеизвестно. И вот уже первые результаты работы на одном из самых горячих участков того времени: в сообщении НКВД СССР в ГКО от 22 сентября 1942 года указывалось, что за месяц военные контрразведчики Сталинградского и Донского фронтов проверили около 300 тысяч военнослужащих. Задержали без документов 74 644 человека, в том числе около двух тысяч дезертиров и 1739 уголовных элементов. Арестовали за шпионскую деятельность 348 человек, из них более 50 агентов абвера, а также несколько десятков распространителей провокационных слухов. Всего до ноября чекисты обезвредили под Сталинградом 218 агентов, в том числе двух агентов-боевиков, готовивших террористический акт против командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова.

* Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 251.

«По состоянию на 1 ноября 1942 года на Сталинградском фронте функционировало 4339 резидентур особых отделов, причем только в октябре этого же года там было создано 1142 резидентуры. Что творилось на Сталинградском фронте и какова была там обстановка, рассказывать не надо. И вот в таких тяжелейших условиях военные контрразведчики и их верные помощники в войсках осуществляли свою крайне опасную в условиях передовой, но исключительно важную работу. Благодаря их малоизвестному, но ценнейшему вкладу была достигнута славная победа в Сталинградской битве»*.

Кстати, еще один «организационный» вопрос того времени. 9 октября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета был упразднен институт военных комиссаров и в Красной армии устанавливалось полное единоначалие. В результате этой реформы порядка трех тысяч комиссаров перешли на службу в военную контрразведку. Особые отделы, в соответствии с Постановлением ГКО от 13 октября, переходили в подчинение соответствующим командирам с одновременным их подчинением по линии органов НКВД. В общем, все то же пресловутое двойное подчинение...

* * *

Война нередко всех уравнивала — и генерала, и рядового, и комбата, и опера, и интенданта. Вместе с военнослужащими Красной армии военные контрразведчики участвовали в сражениях и также несли потери. Например, после ожесточенных боев осенью 1941 года под Вязьмой, в районе так называемого Ельнинского выступа, из 70 человек личного состава Особого отдела НКВД 24-й армии в живых осталось лишь восемь сотрудников, причем двое были ранены.

О боевых подвигах армейских чекистов можно много рассказывать, но мы, завершая эту главу, вспомним лишь несколько эпизодов Сталинградской битвы, до времени которой как раз и довели сейчас свое повествование.

Вот, например, что докладывал начальник Особого отдела 84-й танковой бригады Д. Г. Куприй о своем подчиненном — оперработнике лейтенанте госбезопасности Георгии Афанасьевиче Лысове:

* *Мартирозян А. Б.* 100 мифов о Берии. Кн. 2: От славы к проклятиям. С. 112.

«...еще будучи в боях на Харьковском направлении, 16 мая 1942 года, когда командир батальона был убит, он берет на себя руководство штабом 201-го танкового батальона, организует оборону восьми танков Т-34 в с. Веселое. В боях против ста пятидесяти немецких танков Лысов лично корректировал орудийную стрельбу из наших танков по противнику, прикрывая перегруппировку нашей пехоты при занятии другой линии обороны. Вывел из с. Веселое штаб 201-го танкового батальона и уничтожил при выводе 36 фашистов. За данную операцию и организацию личного состава для обороны штаба батальона Лысов представлен к правительственной награде — ордену Красного Знамени.

Четырнадцатого—пятнадцатого мая с. г. у совхоза Федоровка с. М. Бурлук Лысов при сражении наших пяти танков Т-34 против немецких ста тридцати лично корректировал артогонь из танков по танкам противника, которые двигались к с. Ольховатка. Уничтожено до 38 танков и 25 автомашин.

В боях с германским фашизмом в районе г. Сталинграда с 4 октября с. г. Лысов 15 октября 1942 года организовал ликвидацию прорыва нашей обороны по ул. Трамвайная. Прорыв был ликвидирован. 27 октября 1942 года организовал ликвидацию прорыва немцев юго-восточнее завода “Баррикады”, из винтовки и гранатами уничтожил сам лично двенадцать фашистов.

Двадцать девятого октября 1942 года принял участие в ликвидации просочившейся вражеской группы автоматчиков в районе железнодорожного тупика, что в 300 метрах севернее переправы, группа бойцов под командованием Лысова очистила из оврага немцев, Лысов лично в этом бою уничтожил восемь немцев.

Лысов имеет также хорошие показатели в агентурно-оперативной работе.

За проявленное мужество в борьбе с германским фашизмом в районе г. Сталинграда Лысов Г. А. представлен к правительственной награде — ордену Красной Звезды*.

Восемнадцатого октября, во время боя на северной стороне Сталинграда, оперуполномоченный Особого отдела 308-й стрелковой дивизии Ткаченко заметил, как в стык между 351-м и 339-м полками устремились с немецкой стороны четверо красноармейцев-автоматчиков. Подумав, что

* Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению. С. 423—424.

это возвратились разведчики, оперативник стал наблюдать за ними. Бойцы залегли, но как только наше наступление началось вновь, открыли огонь во фланг батальону. Чекист понял, что это переодетые немецкие диверсанты, и подобрался к сгоревшему танку, за которым занял позицию один из них. Этого диверсанта Ткаченко уничтожил гранатой, а огнем из автомата — еще двух. Четвертого пристрелила находившаяся рядом медсестра... Когда подразделения дошли до подножия высоты 154.2, они были остановлены пулеметным огнем нескольких дзотов. Ткаченко быстро собрал группу автоматчиков, с которой прорвался к огневым точкам. Бойцы забросали дзоты гранатами, но оперуполномоченный был убит. Посмертно он был представлен к ордену Ленина.

Семнадцатого ноября 1942 года противник прорвал линию обороны 2-го батальона 124-й бригады. Оперуполномоченный Особого отдела сержант госбезопасности Григорий Яковлевич Коваленко, вместе с группой бойцов, бросился восстанавливать положение. В бою противник понес большие потери и был отброшен, но Коваленко, проявивший исключительное мужество и отвагу, погиб.

Как было написано в рапорте командования, «в походах героически погибшего оперуполномоченного Особого отдела т. Коваленко принял участие весь личный состав бригады и перед опущением тела в могилу по сигналу ракеты все виды оружия бригады дали несколько залпов в сторону врага. Немцы тогда подумали, что мы начали наступление, и открыли ураганный минометный и артогонь, пуская на ветер боевые припасы почти в течение целого часа».

Вот так выполняли свои боевые обязанности военные контрразведчики, так воевали, так погибали, воистину уходя в бессмертие.

Глава девятая

«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

«Наступивший после Сталинградской битвы перелом существенно повлиял на военную и оперативную обстановку, которая весной 1943 года характеризовалась следующими факторами.

Подготовка советских войск к наступательным опера-

циям побуждала разведку противника искать новые источники получения информации о планах и замыслах советского командования. В тылах наступавшей Красной армии оказалось значительное количество разрозненных войск противника, пытавшихся скрытно или с боями перейти линию фронта. На освобождаемых территориях действовали различные подпольные организации, вооруженные формирования и преступные группы, в которых было немало агентов разведывательных органов противника, пособников и предателей из числа советских граждан, стремившихся легализоваться, в том числе путем поступления на военную службу, в учреждения и войска НКВД. К тому же чем сложнее для Германии становилась обстановка на фронтах, тем активнее делалась ставка на средства тайной войны, для чего создавались новые разведорганы и школы, в которых проходили подготовку сотни шпионов и диверсантов. К началу 1943 года на Восточном фронте действовало около 200 разведорганов и разведшкол.

Все это требовало поиска более эффективных подходов к обеспечению безопасности войск»*.

«Четырнадцатого апреля 1943 года из НКВД был выделен отдельный наркомат — Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), теперь у него не было важной функции — контролировать армию и флот, проводить расследования в отношении военнослужащих. Отныне Управление особых отделов выводилось из НКВД и преобразовывалось в подразделение Наркомата обороны — Главное управление военной контрразведки** (“Смерш”). Начальник “Смерша” В. С. Абакумов назначался заместителем наркома обороны и подчинялся только наркому обороны И. В. Сталину.

За этим решением скрывалось не только желание нашего героя [Сталина] вывести армию из-под влияния политического сыска, но и увеличение авторитета военного руководства. Сталин вывел Жукова, Василевского, Рокоссовского из-под надзора Берии»***.

Итак, 19 апреля И. В. Сталин — руководитель Советского государства, председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный главнокомандующий и нарком обороны — подписал Постановление СНК СССР, в соот-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 106.

** Название дано не точно.

*** *Рыбас С. Ю.* Сталин. С. 694–695.

ветствии с которым Управление особых отделов НКВД было реорганизовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО. При этом УОО разделялось по ведомствам: 9-й (морской) отдел был преобразован в Управление контрразведки (УКР) «Смерш» Наркомата ВМФ, подчиненное наркому Н. Г. Кузнецову, а 6-й отдел, оставаясь в системе Наркомата внутренних дел, был преобразован в Отдел контрразведки «Смерш» НКВД, подчинявшийся Л. П. Берии.

Как было указано в «Положении о Главном управлении контрразведки “Смерш”», «Начальник Главного управления... является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения». Обратим внимание на слова: «только его»! С этим напрямую связан и следующий тезис данного «Положения»: «Органы “Смерш” являются централизованной организацией: на фронтах и в округах органы “Смерш” (управления “Смерш” НКО фронтов и отделы “Смерш” НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной армии) подчиняются только своим вышестоящим органам».

Структура органов контрразведки соответствовала структуре вооруженных сил, существуя с ней параллельно.

Заметим, что впервые за всю свою историю военная контрразведка полностью ушла из-под двойного подчинения. Но одновременно она вышла из подчинения органов госбезопасности и внутренних дел — у наркома Лаврентия Павловича Берии остался один только Отдел контрразведки «Смерш» НКВД.

Отсутствие двойного подчинения и прежде всего то, что «Смерш» «замыкался» непосредственно и только на И. В. Сталина, коренным образом отличали новую систему от прежнего Третьего управления НКО, когда в 1941 году органы военной контрразведки входили в состав наркомата на правах одного из управлений. Теперь это был совершенно иной уровень, другие принципы. Кстати, грозное и недвусмысленное название контрразведывательного органа было придумано самим Иосифом Виссарионовичем.

«Руководители фронтовых особых отделов вспоминают, что на совещании у Сталина, где обсуждался проект решения о передаче армейских чекистских органов в систему НКО, встал вопрос об их наименовании. Предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы это наи-

менование сделать максимально кратким и составить его из начальных букв широко известного тогда лозунга “Смерть немецким шпионам!”. Получалось что-то вроде “Смернеш”. В заключение Сталин заметил:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем “Смерть шпионам”, а сокращенно “Смерш”...»*

По сути, контрразведка «Смерш» НКО решала те же самые задачи, что и Управление особых отделов НКВД СССР. Официально они определялись так:

«...а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и управления Красной армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны»**.

Задачи те же, но решались они масштабнее, на более высоком уровне и, можно так сказать, более творчески.

В соответствии с чрезвычайными условиями военного времени органы «Смерш» наделялись широкими правами и полномочиями. Они осуществляли полный комплекс оперативно-разыскных мероприятий с использованием всех характерных для спецслужбы оперативных сил и средств. Военные контрразведчики могли осуществлять выемки, обыски и аресты военнослужащих и связанных с ними гра-

* *Остряков С. З.* Указ. соч. С. 179.

** «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 68.

жданских лиц, подозревавшихся в преступной деятельности.

Следующий пункт «Положения» был, с точки зрения военного человека, просто великолепен: «Органы “Смерш” освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе», — кто не знает, как порой любит военное командование находить для своих подчиненных какие-либо дела!

Взаимоотношения военной контрразведки с военным командованием отныне определялись следующим образом:

«Органы “Смерш”, — указывалось в “Положении”, — информируют военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной армии по вопросам своей работы: о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством».

«Информируют... по вопросам» — и занимаются своим делом, к которому посторонние не допускаются.

Заместителями начальника Главного управления контрразведки были назначены генералы П. Я. Мешик, Н. Н. Селивановский и И. Я. Бабич; в состав ГУКР вошли также 16 помощников начальника — примерно по числу фронтов, каковых в разные периоды войны было от десяти до пятнадцати, с приданными каждому из них группами из 69 оперативных сотрудников. На помощников возлагалась обязанность руководства работой органов «Смерш» на фронтах.

Мешик Павел Яковлевич (1910—1953). На службе в ОГПУ — с марта 1932 года. С февраля 1941 года — нарком госбезопасности Украинской ССР, в июле возглавил Экономическое управление НКВД СССР, одновременно в сентябре — ноябре — начальник 7-го спецотдела (обеспечение производства минометного вооружения). С апреля 1943-го по декабрь 1945 года — заместитель начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, одновременно (1944—1945) — заместитель командующего 1-м Украинским фронтом по делам гражданской администрации. С марта 1945 года руководил созданием органов госбезопасности Польши. С августа 1945-го по март 1953 года — заместитель начальника 1-го Главного управления при Совете министров СССР по режиму секретности. С марта 1953 года — министр внутренних дел УССР.

Генерал-лейтенант. Летом 1953 года арестован по обвинению в измене Родине в форме шпионажа и заговоре с целью захвата власти. 23 декабря 1953 года приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Справка из уголовного дела П. Я. Мешика:

«В системе ПГУ отвечал за обеспечение охраны и режима секретности промышленных объектов, НИИ и КБ, работающих над ядерным оружием. Организатор создания в 1946—1953 годах закрытых зон, городов и поселков и режима проживающих в них работников атомной промышленности и привлеченных из других ведомств. Руководил строительством и укомплектованием объектов и служб противопожарной безопасности. Был участником испытания первой ядерной бомбы в августе 1949 года. 8 декабря 1951 года была присуждена Сталинская премия».

Селивановский Николай Николаевич (1901—1997). С 1922 по 1929 год — в Особом отделе ОГПУ Среднеазиатского военного округа; в 1930 году после окончания Высшей пограншколы ОГПУ переведен в аппарат Особого отдела ОГПУ (с 1934 года — ГУГБ НКВД) СССР. С октября 1941 года — начальник Особого отдела Юго-Западного, Сталинградского, Донского, вновь Сталинградского и Южного фронтов. С апреля 1943 года — заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР по разведработе. Одновременно в январе — апреле 1945 года был уполномоченным НКВД на 4-м Украинском фронте и советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. С мая 1946 года — заместитель министра госбезопасности СССР и начальник 3-го Главного управления МГБ СССР (до ноября 1947 года). В августе 1951 года снят с занимаемых должностей, в ноябре арестован «по делу Абакумова». В марте 1953 года освобожден за отсутствием состава преступления, в июне уволен в запас по состоянию здоровья.

Из воспоминаний Н. Н. Селивановского:

«Штаб фронта, а после его перебазирования на левый берег Волги — штаб 62-й армии (командующий Чуйков) располагались, как известно, на высоком волжском берегу, под сорокаметровой его толщиной. Мы могли бы разместиться там же и быть в безопасности. Но мы остались в городе, вместе с его защитниками жили и работали там под обстрелами и бомбежками в условиях постоянного боя. Я уверен,

что это оказывало на участников Сталинградского сражения воодушевляющее воздействие, ведь люди рассматривали это так: если Особый отдел, который знает обстановку лучше, чем другие, не уходит из города, значит, обстановка эта не так уж и плоха. Мы-то, конечно, знали, что положение временами складывалось совершенно критическое, но решили так: пусть погибнем вместе со всеми, но будем стоять до конца».

Бабич Исай Яковлевич (1902—1948). С 1920 года — в органах ЧК — ОГПУ — НКВД. С 19 июля 1941 года — заместитель начальника, а с 21 мая 1942 года — начальник Особого отдела Северо-Западного фронта; с 19 апреля 1943-го по май 1946 года — заместитель начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. С 15 мая 1945 года координировал работу органов «Смерша» Приморской группы войск на Дальнем Востоке. С 4 июня 1946 года — заместитель начальника 3-го Главного управления МГБ СССР, одновременно с августа 1947 года — начальник Высшей школы МГБ СССР. Генерал-лейтенант.

Свидетельство современника:

«Начальник органа военной контрразведки Северо-Западного фронта комиссар 3-го ранга (позднее генерал-майор) Бабич Исай Яковлевич отличался не только высоким профессионализмом, но и бережным отношением к воинам. Он ставил во главу угла не аресты, а профилактическую работу. Конечно, агент, намеревающийся выполнить задание вражеской разведки, подлежит аресту, а вот к обвинениям в антисоветской агитации следует относиться с предельной осторожностью. Разве может быть предметом антисоветской агитации сетование на трудности, несправедливость командира? Нет, отвечает Бабич и требует, чтобы военные контрразведчики на стадии, когда военнослужащий начинает высказывать нездоровые взгляды, не накапливать эти материалы, а выяснять причины нездоровых настроений, где возможно, устранять условия, создающие нездоровые настроения, и добиваться совершенствования индивидуальной воспитательной работы в обслуживаемой воинской части».

*Сотрудник военной контрразведки
(фамилия не установлена)*

Структура Главка была такова:

1-й отдел — агентурно-оперативная работа по центральным органам РККА — управлениям Наркомата обороны.

2-й отдел — работа среди военнопленных, представляющих интерес для органов «Смерш», проверка военнослужащих Красной армии, бывших в плену и окружении противника;

3-й отдел — борьба с агентурой противника, забрасываемой в наш тыл;

4-й отдел — контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной армии;

5-й отдел — руководство работой органов «Смерш» военных округов;

6-й отдел — следственный;

7-й отдел — оперативный учет, статистика;

8-й отдел — оперативно-технический;

9-й отдел — обыски, аресты, установки, наружное наблюдение;

10-й отдел «С» — работа по особым заданиям;

11-й отдел — шифросвязь.

Всего же вместе с секретариатом, АХО и кадрами в составе ГУКР «Смерш» НКО функционировало 14 отделов. Утвержденный штат составил 646 человек.

На местах были организованы управления контрразведки «Смерш» фронтов, а также — отделы контрразведки армий, округов, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов, учреждений РККА. Структура этих органов устанавливалась применительно к структуре ГУКР «Смерш» и утверждалась наркомом. Для обеспечения оперативной работы органам «Смерш» на местах придавались подразделения Красной армии: фронтовому управлению — батальон; отделу армии — рота; отделу корпуса, дивизии, бригады — взвод.

Штат УКР «Смерш» фронта, в составе которого было свыше пяти армий, определялся в количестве 130 человек, менее пяти — 112, ОКР «Смерш» армии — 57 человек, военного округа — от 102 до 193.

Тридцать первого мая ГКО утвердил Положение об Управлении контрразведки «Смерш» Наркомата Военно-морского флота и его органах на местах, а в июне нарком Кузнецов утвердил штаты УКР «Смерш» ВМФ, флотов и флотилий; в том же месяце Берия рассмотрел и утвердил структуру ОКР «Смерш» в своей структуре.

Сотрудникам «Смерш» присваивались воинские, а не специальные, звания; их форма, погоны и другие знаки

различия, за исключением высшего руководящего состава, устанавливались как в соответствующих родах войск.

Отметим стабильность кадров в руководящих звеньях органов «Смерш» — все руководители УКР фронтов находились на своих должностях с момента назначения и до окончания войны; стабильным был и состав армейского звена — новые руководители, как правило, назначались только после гибели в бою их предшественников.

К лету реорганизация и основные кадровые назначения по органам «Смерш» практически были завершены. В Курской битве в июле 1943 года военная контрразведка сыграла чрезвычайно важную роль, начиная с того, что ей — параллельно с другими спецслужбами — удалось не только заблаговременно обнаружить подготовку немцами наступления, определив место и срок его проведения, но и обеспечить надежное контрразведывательное прикрытие ответных действий советского командования, скрыть накопление резервов Красной армии. В результате сражения под Курском и Белгородом была сорвана попытка широкомасштабного наступления вермахта. Реванш за поражение под Сталинградом не состоялся, армии рейха окончательно увязли в затяжных, в основном оборонительных боях и были вынуждены отступить...

Однако спецслужбы фашистской Германии оставались грозным противником.

* * *

Это только с конца минувшего XX века спецслужбы (да и то не все!) стали открывать свои тайны. Раньше, на протяжении нескольких послевоенных десятилетий, подавляющему большинству советских граждан название «Смерш» было известно лишь понаслышке. Разве что на страницах знаменитого шпионского романа Яна Флеминга «From Russia, with Love»*, посвященного неутомимому Джеймсу Бонду, «Смерш» появился как «наиболее секретное подразделение советского правительства», возглавляемое генерал-полковником с незатейливой русской фамилией Грубозабойчиков (Grubozaboyschikov). «Развесистая клюква», хотя и написанная профессиональным разведчиком.

А потом, вдруг, о «Смерш» узнали все. В 1974 году нашу тогда еще самую читающую в мире страну потряс роман

* *Fleming I. From Russia, with Love. London, 1959.*

Владимира Осиповича Богомолова «Момент истины. В августе сорок четвертого...». Книга выдержала порядка ста изданий и была переведена на многие языки мира.

Между тем подлинные герои «Смерш», контрразведчики Великой Отечественной, продолжали жить среди нас, тихо и неприметно. Когда-то они — командиры и комиссары подразделений, учителя и комсомольские работники, инженеры и колхозные бригадиры, — спешно изучив азы оперативной работы, вступили в смертельный поединок с абвером, из которого вышли победителями. Потом, возвращаясь к мирной жизни, они дали подписку: «никому и никогда». И молчали долгие десятилетия — ни намека, ни полслова.

...Жил в Москве такой замечательный человек — Олег Генрихович Ивановский. Еще недавно он был так «засекречен», что дальше, пожалуй, и некуда — на уровне разведчика-нелегала. Ведь это ведущий конструктор космического корабля «Восток»! Достаточно сказать, что 12 апреля 1961 года он самолично закрыл люк за Юрием Гагариным. Однако заслуги Ивановского в деле освоения космоса были рассекречены раньше, нежели тот факт, что с 1942 года он служил в военной контрразведке — был оперработником «Смерш» в гвардейском кавалерийском казачьем полку, закончил войну в Чехословакии. В 1946-м Олег Генрихович в звании старшего лейтенанта был уволен в запас по инвалидности — вследствие фронтовых ран. Медицинское заключение неумолимо: «Годен для работы в гражданских учреждениях при пониженном рабочем дне без тяжелой физической и умственной нагрузки». А Ивановский вопреки всем запретам сумел подняться до самого космоса!

Ивановский Олег Генрихович (1922—2014). По окончании средней школы в 1940 году призван в пограничные войска НКВД, проходил службу на заставе на советско-польской границе; в апреле 1941 года откомандирован в школу младших командиров. Участвовал в боях Великой Отечественной войны с июля 1941 года — командир отделения в войсках НКВД по охране тыла Брянского фронта. В ноябре 1942 года по окончании оперативных курсов назначен оперуполномоченным особого отдела кавалерийской дивизии. Войну закончил 14 мая 1945 года близ Праги. Участник Парада Победы 24 июня 1945 года. В 1946 году демобилизован по инвалидности, вызванной тяжелым ранением. В 1954 году после окончания Москов-

ского энергетического института работал в ОКБ-1 Государственного комитета по оборонной технике. Участвовал в создании первых искусственных спутников Земли; ведущий конструктор «лунников» — «Луна-1», «Луна-2», «Луна-3» и пилотируемых космических кораблей «Восток». С 1961 года — начальник космического отдела Государственной комиссии Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам. С декабря 1965 года — заместитель главного конструктора по лунно-планетному направлению Машиностроительного завода (с 1971 года — НПО) им. С. А. Лавочкина, в 1976—1983 годах — главный конструктор по направлению создания лунных автоматических станций. Почетный член Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

Из воспоминаний О. Г. Ивановского:

«Свою работу я вполне освоил. Были у меня в полку люди, которым я верил и которые мне помогали, докладывали, если что-то замечали подозрительное, неладное. Было в полку человек десять моей агентуры. Я сам предлагал сотрудничество. Вербовок на основе какого-то “компромата” у меня не было. Помогали добровольно и бескорыстно. Какого-либо денежного фонда для агентурной работы я не имел.

В нашем гвардейском полку боевой дух был на высоте. Случаев дезертирства, перехода на сторону врага за время моей службы с 1943 года не было...»

О том же, что известный писатель Федор Александрович Абрамов служил старшим следователем следственного отдела ОКР «Смерш» Архангельского военного округа, миллионы поклонников его творчества узнали только через много лет после его смерти. Известно было, что он фронтовик, но на подробностях «боевой биографии» писателя внимание не заострялось. Между тем Федор Абрамов участвовал в ставшей знаменитой ныне радиоигре с немецкой разведкой «Подрывники», за что был награжден именными часами...

Абрамов Федор Александрович (1920—1983). Будучи студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета, записался в народное ополчение 22 июня 1941 года. Служил пулеметчиком, в сентябре был ранен; провел блокадную зиму 1941/42 года в ленинградском госпитале. С февраля 1943 года — помощник командира взвода Архангельского военно-пуле-

метного училища; с апреля — в Отделе контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа: помощник оперуполномоченного, следователь, старший следователь. Демобилизован осенью 1945 года; в 1948 году окончил ЛГУ с отличием; в 1951 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1951—1960 годах — старший преподаватель, доцент и заведующий кафедрой советской литературы Ленинградского университета; с 1960 года профессионально занялся литературой. Автор многих повестей, рассказов и очерков о колхозной жизни, один из наиболее известных представителей «деревенской прозы» — значительного направления советской литературы 1960—1980-х годов, литературовед, публицист. Лауреат Государственной премии СССР.

Свидетельство современника:

«Война не только показала нерушимую силу общества в целом, но раскрыла также духовные возможности каждого человека, причастного к победе, возросшее чувство его личной ответственности за общее дело, его новые запросы. Вот этот знаменательный сдвиг в народном самосознании, в социальном кругозоре советского человека второй половины 40-х и начала 50-х годов талантливо выразил Федор Абрамов в трилогии “Пряслины”, отмеченной Государственной премией СССР, во многих своих повестях и рассказах».

*Владимир Ильич Воронов,
профессор, доктор филологических наук*

Вот такие замечательные люди служили в рядах контрразведки «Смерш»!

Сегодня очень многое из тайного стало явным, а история «Смерш» превратилась в наиболее известные страницы летописи военной контрразведки, расписана в десятках книг. Поэтому будем лаконичны и буквально в нескольких словах обозначим основные направления работы контрразведки НКО.

* * *

Объекты разведывательно-диверсионных устремлений немецкой разведки на театре военных действий оставались прежними: стратегические замыслы советского командования, органы управления, войсковые резервы, места их сосредоточения. При этом, не снижая активности на фронте и в прифронтовой полосе, немецкие спецслужбы все чаще

переносили свои акции в глубокий тыл Советского Союза. Особое внимание противник обращал на национальные районы СССР — Калмыкию, Северный Кавказ, Крым, Казахстан, где были запланированы мероприятия по провокации вооруженных выступлений.

«К концу 1943 года советские органы государственной безопасности располагали безупречными данными о намерении гитлеровских спецслужб — абвера и СД — развернуть в тылу Советского Союза гражданскую войну! Проще говоря, советской разведке стал известен нацистский план “О необходимости превращения Восточного похода в гражданскую войну”!»*.

Признаем, что в этом направлении противник действовал не без успеха — вот выдержка из сообщения наркома Л. П. Берии, датированного маем 1944 года:

«Следственным и агентурным путем, а также заявлениями местных жителей установлено, что значительная часть татарского населения Крыма активно сотрудничала с немецко-фашистскими оккупантами и вела борьбу против советской власти. Из частей Красной армии в 1941 году дезертировало свыше 20 тысяч татар (порядка двух дивизий! — А. Б.), которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной армии.

Немецко-фашистские оккупанты, при помощи прибывших из Германии и Турции белогвардейско-мусульманских эмигрантов, создали разветвленную сеть так называемых “татарских национальных комитетов”, филиалы которых существовали во всех татарских районах Крыма.

“Татарские национальные комитеты” широко содействовали немцам в организации и сколачивании из числа дезертиров и татарской молодежи татарских воинских частей, карательных и полицейских отрядов для действий против частей Красной армии и советских партизан. В качестве карателей и полицейских татары отличались особой жестокостью...»*

Нечто подобное можно также рассказывать и про другие «репрессированные народы». В составе вермахта действовал Калмыцкий кавалерийский корпус — порядка 4300 человек, на территории Карачаево-Черкесской АССР активизировали подрывную работу организации «Свободный Карачай», «За религию Карачая» и «Балкар-

* *Мартиросян А. Б.* 100 мифов о Берии. Кн. 2. С. 220.

ская армия», а в Кабардино-Балкарии было даже создано марионеточное правительство во главе с князем Шадовым... И так далее! Естественно, что катализатором всей этой «национально-освободительной борьбы» являлась германская агентура.

Вот почему в Главном управлении контрразведки «Смерш» НКО СССР «была разработана новая система оперативного розыска вражеской агентуры. Решение этой задачи возлагалось на 1-е отделение 3-го отдела ГУКР, 2-е отделы УКР фронтов и 4-е отделения ОКР «Смерш» армий. В органах военной контрразведки была сосредоточена и работа по обобщению материалов о формах и методах подрывной деятельности германской разведки. В том же году ГУКР «Смерш» НКО СССР был выпущен «Сборник материалов об органах германской военной разведки, действующих на советско-германском фронте», в котором была обобщена информация о подразделениях абвера и «Цепелина», разведывательно-диверсионных школах и местах их дислокации, руководителях разведки и агентуре противника.

В сентябре 1943 года была разработана Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника. Согласно этому документу, «розыск и ликвидация агентуры, забрасываемой противником на нашу сторону», считались основными и важнейшими задачами органов «Смерш». «Разыскная работа, — подчеркивалось в документе, — требует от органов ‘Смерш’ исключительной оперативности, большой инициативы и изобретательности». Розыску подлежали «все без исключения агенты разведки противника, и в первую очередь — агенты, уже переброшенные на нашу сторону или намеченные к выброске на ближайшее время».

Добытые на фронтах материалы немедленно сообщались в ГУКР «Смерш», которое в свою очередь давало указания подчиненным органам о розыске агентов, переброшенных или подготовленных к выброске на советскую сторону; выпускало специальные розыскные бюллетени и алфавитные списки. По этим ориентировкам и бюллетеням контрразведчики систематически проводили проверку личного состава штабов, военнослужащих запасных полков, а также лиц, поступивших на фильтрационные пункты, в лагеря, бежавших из плена и вышедших из окружения. Аналогичной проверке подвергались все лица,

арестованные по подозрению в шпионаже, измене и предательстве, задержанные с фиктивными документами»*.

В 1943 году под грифом «совершенно секретно» НКГБ СССР опубликовал два выпуска «Материалов по распознаванию поддельных документов» — азы этой «техники» теперь можно сказать, знакомы любому, читавшему книгу Владимира Богомолова. Все, пожалуй, знают, что в фиктивные красноармейские книжки немцы вставляли скрепку из нержавеющей стали...

Менее известно, что абвер и разведывательное подразделение СД «Цепелин», как правило, снабжали своих агентов фиктивными «бумагами» — хотя бланки советских воинских документов в большом количестве попадали в их руки — и фальшивыми орденами и медалями. Экономные немцы даже при изготовлении собственных наград использовали дешевые металлы и их сплавы, сдавая драгметаллы в свой «фонд обороны». Поэтому, наладив к 1943 году производство «советских» медалей и орденов, абвер изготавливал их из томпака. Внешне фальшивки почти не отличались от оригиналов — правда, на «ордене Красной Звезды» красноармеец изображался не в сапогах, а в ботинках с обмотками. Для контрразведчиков подобные «награды» становились существенным основанием для подозрения в принадлежности человека к вражеской агентуре.

В особых случаях абвер и СД снабжали своих агентов подлинными советскими орденами и медалями, сделанными из золота, серебра, платины. Например, агент «Цепелина-Норд» Таврин, направленный для совершения теракта против И. В. Сталина, имел настоящие, взятые у попавших в плен командиров Красной армии, ордена Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды и две медали «За отвагу». Но именно этот «иконоста́с», да еще и «Золотая Звезда» Героя привлекли особое внимание контрразведчиков. Гитлеровцы явно переборщили — разведчику нужно быть скромнее...

Летом 1944 года в Москве было проведено совещание начальников двух отделов и отделений — по розыску. Руководством ГУКР «Смерш» было определено, что розыскная работа является прерогативой не только этих подразделений, но и всех оперативных сотрудников военной контрразведки, а потому инструкцию по организации розыска агентуры противника, подготовленную осенью 1943 года,

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1.

следовало знать всему оперсоставу. Для организации разыскной работы на фронты выезжали помощники начальника ГУКР «Смерш» и другие ответственные работники, а руководители фронтовых управлений и армейских отделов — в соединения.

Вот пример ценнейшей информации, полученной в результате налаженной разыскной работы: «В середине 1944 года сотрудниками “Смерш” во время инспектирования агентуры, оставляемой для шпионской работы в советском тылу, был задержан один из руководителей Катынской и Борисовской разведшкол зондерфюрер Эрвин Брониковский. Он дал ценную информацию не только о системе подготовки агентуры, но и о ситуации в руководстве абвера после отставки Канариса и переподчинения военной разведки Гиммлеру: “Многие разведчики, в особенности имеющие большой практический опыт разведывательной работы, проявляют недовольство подчинением военной разведки Гиммлеру и принимают все меры к уходу в армию на строевые должности. Так, полковники Генерального штаба фон Герцсдорф и Штефан заявили, что в подчинении Гиммлера они работать не будут, а такие видные разведчики, как полковник Пиккенброк и Бентивеньи уже ушли из разведки... Вместе с этим Гиммлер снял с работы ряд начальников разведывательных органов, действующих на Восточном фронте, и заменил их эсэсовцами, членами фашистской партии. Так, за период с мая по июнь 1944 года Гиммлером были сняты: подполковник Герлиц — начальник разведки Центрального фронта, подполковник Шиммель — начальник разведки Северного участка фронта, майор Корчек — начальник разведки Южного участка фронта, майор Альбрехт — начальник разведывательной школы у Корчека и ряд других”»*.

Деятельность военных контрразведчиков по розыску — особенно на заключительном этапе Великой Отечественной войны — национал-социалистского руководства, руководителей и сотрудников спецслужб и карательных органов, военных преступников и их пособников, а также борьба с вооруженным подпольем на территории Германии, стран Восточной Европы и временно оккупированных советских землях заслуживают особенного внимания. Достаточно

* *Тюрин А. В., Макаров В. Г.* Неизвестные страницы легендарной операции «Монастырь». 1941–1945 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 224.

сказать, что «в самом конце войны и в первые месяцы после ее завершения военным контрразведчикам удалось разыскать и арестовать многих из своих непосредственных противников — руководителей немецкой военной разведки. Во внутренней тюрьме на Лубянке оказались начальник отдела “Абвер-1” Ганс Пиккенброк, заместитель начальника отдела “Абвер-2” и начальник “Абверштелле-Берлин” Эрвин Штольце, начальник отдела “Абвер-3” Франц фон Бентивеньи, начальник подразделения ЗФ1 (контрразведка за линией фронта) Фридрих фон Розенберг-Грушницкий, начальник “Абверштелле-Вена” Отто Эрнст Армстер, начальник “Абверштелле-Прага” Ганс фон Деммель, начальник “Абверштелле-Бухарест” Эрих Родлер, начальник отдела “Валли-2” Теодор Мюллер, ряд руководителей абверкоманд и абвергрупп, несколько начальников разведывательно-диверсионных школ и курсов»*.

* * *

«Во время Второй мировой войны спецслужбы освоили новую сферу противоборства — радиоэфир. Здесь, в так называемом “четвертом измерении”, разгорелась настоящая битва. Радиоигры с разведкой противника стали одним из направлений деятельности контрразведки. Первой на вооружение приняла их немецкая контрразведка, затем — контрразведка НКВД и ГУКР “Смерш”.

“Война в эфире” с германскими спецслужбами была начата в 1942 году. Ее вели Четвертое управление под руководством П. А. Судоплатова, 1-й (немецкий) отдел Второго управления, в составе которого функционировало отделение по радиограмм, а также территориальные органы НКВД СССР**.

В своих мемуарах выдающийся советский разведчик генерал-лейтенант Судоплатов так прокомментировал этот факт:

«Начались бюрократические интриги между военной контрразведкой “Смерш”, НКВД и руководством военной разведки. Возглавлявший “Смерш” Абакумов неожиданно явился ко мне в кабинет и заявил, что по указанию Советского Верховного Главнокомандования мне надлежит пере-

* «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 159–160.

** Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 125.

дать ему все руководство по радиоиграм: этим делом должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД. Я согласился, но при условии, если будет приказ вышестоящего начальства. Через день такой приказ появился, за нами оставили две радиоигры: операция “Монастырь” и “Послушники”... Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину*.

Небольшое отступление. Павел Анатольевич провел 15 лет (1953—1968) в заключении по сфальсифицированному обвинению, и понятно, что подобное «временноепрепровождение» не способствует объективному и оптимистичному взгляду на жизнь. Воспоминания писались «со слов» человека, находящегося в весьма преклонном возрасте, и увидели свет после его смерти; ряд оценок и утверждений в этих мемуарах вызвал определенные сомнения специалистов. К тому же слова «по указанию Советского Верховного Главнокомандования» свидетельствуют об иностранных «корнях» «литзаписчиков» — западники любят подчеркнуть, что руководство именно «советское». А какое еще? Не ОКХ** же! И вообще, любой наш мемуарист ограничился бы «по указанию Верховного», что гораздо больше соответствовало истине: явно решение принял сам Сталин.

Сомнительным кажется и утверждение про «бюрократические игры». Работа у спецслужб деликатная, так что оперработник зачастую не знает, чем занимается его сосед по кабинету. Если бы «Смерш», НКВД и Разведуправление РККА продолжали одновременно и самостоятельно проводить радиоигры, то очевидно, что вскоре уже они стали бы «играть» друг против друга. Необходимая координация усилий трех ведомств в разы повышала возможность утечки информации. Так что передача этой задачи в ведение ГУКР «Смерш» была наиболее оптимальным вариантом. Здесь ее решал 3-й отдел под руководством В. Я. Барышникова.

Барышников Владимир Яковлевич (1900—1971). С мая 1919 года — служил в РККА красноармейцем; с августа 1927 года — в ОГПУ, затем во 2-м Управлении (контрразведка) НКГБ СССР. С 29 апреля 1943 года — заместитель начальника, а с 23 сентября — начальник 3-го отдела ГУКР

* Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 190.

** Верховное главнокомандование сухопутных войск Германии.

«Смерш» НКО (розыск агентуры противника, ведение радиоигр). С мая 1946 года — в 1-м Главном управлении МГБ. С 1954 года — на ответственных должностях в КГБ при СМ СССР. С июня 1958-го по январь 1961 года — заместитель начальника Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ. Генерал-майор.

Свидетельство современника:

«Владимир Яковлевич представлял собою образец кабинетного работника, склонного больше к аналитической, научной работе. Чуть ниже среднего роста, довольно плотный, он почти постоянно находился в позе ссутулившегося человека, буквально уткнувшегося лицом в бумаги за письменным столом, виной чему была его сильная близорукость и принципиальное нежелание носить очки. Он отличался мягким, покладистым характером, был доброжелателен, тактичен, интеллигентен и очень принципиален. Работники искренне уважали его за ум, эрудицию, исключительное трудолюбие, честность и правдивость. Это был всеми уважаемый чекист с чистыми руками, горячим сердцем, светлой головой и трезвым умом, простой и скромный работяга, лишенный какого-либо позерства, целиком и полностью отдававшийся службе. За успехи, достигнутые в Ленинграде в тридцатые годы, он был награжден орденом Красной Звезды, что тогда было большой редкостью».

Полковник Дмитрий Петрович Тарасов

Военной контрразведке была предоставлена самая современная техника, а для выявления вражеских радистов создана радиоконтрразведывательная служба «Смерш», которая работала в тесном контакте с другими оперативными подразделениями НКВД — НКГБ.

Учитывая, что большинству из этих операций посвящены многочисленные статьи, очерки и книги*, ограничимся их перечислением по направлениям. Так, для пресечения работы вражеских спецслужб в прифронтовой полосе и на транспортных коммуникациях были проведены радиоигры «Опыт», «Загадка», «Находка», «Борисов», «Контролеры», «Лесники», «Хозяин» и др.; стратегическая разведка противника в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии была практически парализована в результате операций «Фисгармония», «Дуэт», «Патриоты», «Тайник» и др.; многие диверсанты и террористы были выяв-

* В качестве примера назовем книгу Николая Абина и Иосифа Линдера «Загадка для Гимmlера». М., 2006.

лены в ходе операций «Подрывники», «Десант», «Туман» и др.; превентивному разгрому «пятой колонны» гитлеровцев способствовали радиоигры «Янус», «Арийцы», «Разгром», «Тростники» и др.

«Главной целью стало оказание реальной помощи Красной армии на полях сражений, что достигалось путем передачи врагу военной дезинформации — “Двина”, “Узел”, “Знакомые”, “Развод”, “Бурса”, “Явка”, “Танкист” и др.

Продвижение стратегической дезинформации в немецкие разведцентры сотрудники 3-го отдела ГУКР “Смерш” осуществляли в тесном контакте с руководством Генерального штаба РККА — А. М. Василевским, А. И. Антоновым, С. М. Штеменко, начальником Разведывательного управления Красной армии Ф. Ф. Кузнецовым. Передачи проводились только после утверждения Генштабом текстов радиogramм, подготовленных контрразведчиками с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях.

Специфические условия ведения радиоигр требовали от контрразведки четкого и непрерывного взаимодействия со штабами и частями ПВО, которые давали ценную информацию о полетах вражеской авиации.

Тысячи обезвреженных агентов-диверсантов, огромное количество захваченных оружия, боеприпасов и взрывчатки, десятки попавших в засады и уничтоженных самолетов противника — таков далеко не полный объем ущерба, нанесенного врагу в ходе радиоигр. Во многом благодаря им рухнули планы немецкой разведки по созданию антисоветского националистического подполья и “партизанских отрядов” в СССР, подготовке восстаний в глубоком тылу.

О масштабах “войны в эфире” говорит тот факт, что в отдельные периоды военной контрразведкой и территориальными органами велось одновременно до 70 радиоигр из прифронтовой полосы и глубокого тыла страны. Всего за годы Великой Отечественной войны органами военной контрразведки было проведено свыше 180 радиоигр с противником, ставших, по сути, единой “Большой игрой” в эфире. Во время радиоигр было выявлено и обезврежено свыше 400 агентов и официальных сотрудников немецкой разведки.

Во многом это стало возможным благодаря тому, что по инициативе В. С. Абакумова органы госбезопасности добились правовой возможности освобождать от ответственно-

сти за шпионаж тех агентов противника, кто добровольно явился с повинной, не желая выполнять задания германской и иных разведок»*.

* * *

В начале 1960-х годов наша страна буквально зачитывалась повестью Василия Ардаматского «“Сатурн” почти не виден», а вскоре на киноэкраны, мгновенно завоевав зрительскую популярность, вышла трилогия режиссера Виллена Азарова: «Путь в “Сатурн”», «Конец “Сатурна”» и «Бой после победы». Было известно, что книга имеет под собой реальную основу: подчиненная абверкоманде-1Б (с июля 1943 года абверкоманда-103, радиопозывной «Сатурн») разведшкола дислоцировалась сначала в пресловутой Катыни, а потом в белорусском городе Борисове, и там действительно работали советские разведчики Александр Иванович Козлов, Дмитрий Захарович Шинкаренко и др. Однако о том, что прототипы героев этих произведений были зафронтowymi разведчиками «Смерш», не говорилось ни полслова...

Ведением «контрразведывательной работы на стороне противника в целях выявления каналов проникновения его агентуры в части и учреждения Красной армии» в ГУКР «Смерш» занимался 4-й отдел, которым сначала руководил генерал-майор Петр Петрович Тимофеев, а с февраля 1944 года и до конца войны — генерал-майор Георгий Валентинович Утехин. Отдел, численностью 25 человек, состоял из двух отделений: одно готовило агентуру для действий за линией фронта, другое работало с полученными материалами. В действующей армии контрразведывательную работу в тылу противника вели вторые отделы фронтовых управлений «Смерш».

Тимофеев Петр Петрович (1899—1958). С 1917 года — красногвардеец, участник боев с белофиннами; в 1919 году — командир взвода особого батальона при Финской ЧК, затем служил в особых отделах войсковых частей и соединений и территориальных органах НКВД. С 26 февраля 1941 года — начальник 1-го отдела 2-го Управления НКГБ (НКВД) СССР; с 29 апреля 1943 года — начальник 4-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР (зафронтковая работа). С 23 сентября 1943-го по 22 мая 1946 года — помощник на-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 126—127.

чальника ГУКР «Смерш» НКО — МВС СССР; начальник Оперативной группы ГУКР «Смерш» в Бухаресте (1944—1946). В мае 1946-го — июне 1947 года — заместитель начальника ПГУ МГБ СССР. В августе 1948 года уволен в запас по болезни. Генерал-лейтенант.

Свидетельство современника:

«Петр Петрович, которого оперативные работники между собой называли “ПП”, был среднего роста, плотный, с массивной, наголо выбритой головой, с крупными чертами слегка удлинённого лица, веселый, жизнерадостный, энергичный. Он пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе за знание дела, умение ухватиться за главное, стремление к постоянному совершенству, простоту обращения с работниками, справедливость и корректность в оценке их работы и поведения».

Полковник Дмитрий Петрович Тарасов

Утехин Георгий Валентинович (1906—1987). В органах госбезопасности с 1933 года; в начале Великой Отечественной войны — начальник Особого отдела НКВД 23-й армии Северного (Ленинградского) фронта. В 1943—1944 годах — начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР (розыск агентуры противника, ведение радиоигр). В 1947—1951 годах — начальник 1-го Управления МГБ СССР (внешняя контрразведка), член Коллегии МГБ СССР (1950—1951). В ноябре 1951 года арестован в связи с «делом Абакумова»; освобожден 21 марта 1953 года, полностью реабилитирован. С сентября 1953 года на различных должностях в УМВД — УКГБ по Челябинской области. В декабре 1955 года уволен в запас по состоянию здоровья. Генерал-майор.

Из служебной характеристики:

«Тов. Утехин оказывает энергичную помощь Военному совету и политотделу армии в наведении твердого воинского порядка, в насаждении железной воинской дисциплины и в борьбе с аморальными явлениями в армии... сочетает богатый практический опыт с умением глубоко анализировать и обобщать факты, доставляя ценные материалы Военному совету и политотделу армии. Отличительной чертой работы Утехина являлась прямая, острая постановка перед командованием армии актуальных вопросов. Пользовался заслуженным авторитетом среди начальствующего состава армии».

Работа эта проводилась эффективно и по нарастающей: за первые десять месяцев существования ГУКР «Смерш» в

германские разведывательные органы и школы было внедрено 75 агентов, из них 38 — то есть половина — возвратились, успешно выполнив свои задачи. Они представили сведения на 359 сотрудников германской военной разведки и на 978 шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в наш тыл. В итоге 176 разведчиков противника были арестованы, 85 явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих подразделениях по заданию «Смерш». Под влиянием нашей агентуры ряды власовской Русской освободительной армии покинули 1202 человека.

Постепенно в практику работы военных контрразведчиков вошла заброска в немецкий тыл агентурных групп, в которые включались оперативный сотрудник «Смерш», опытные агенты, хорошо знающие местность и способные выполнять роль связных, а также радист.

За январь—октябрь 1943 года в тыл противника было направлено семь таких групп — 44 человека, подчиненных непосредственно ГУКР «Смерш», которыми были привлечены к сотрудничеству 68 человек. Фронтowymi управлениями «Смерш» с 1 сентября 1943-го по 1 октября 1944 года было заброшено на оккупированную территорию десять групп — 78 человек. Им удалось привлечь к сотрудничеству 142 человека, а шестеро агентов внедрились в немецкие разведорганы.

Постепенно работа зафронтowej агентуры упрощалась: к концу войны курсанты и сотрудники разведшкол противника всё охотнее шли на контакт, надеясь загладить свою вину перед Родиной. После выхода наших войск за территорию СССР зафронтowej работа стала постепенно сворачиваться — большинство разведорганов и разведшкол противника было разгромлено или расформировано, их личный состав вливался в подразделения вермахта.

* * *

Оперативно-разыскная и следственная работа, проведенная советской военной контрразведкой по фильтрации военнопленных вражеских армий в ходе и по окончании Второй мировой войны, по своим масштабам и размаху задействованных сил и средств не имеет аналогов в истории спецслужб.

Начиналась она уже в первые дни войны, когда органы НКВД предприняли попытку развернуть 30 приемных пун-

ктов для военнопленных — возможностей хватило только на 19, да и те в общем-то пустовали. Но к 1 января 1942 года численность пленных военнослужащих вермахта составила порядка девяти тысяч человек, а после Сталинграда в плену оказалось 151 246 человек, в их числе — 2500 офицеров и 24 генерала, во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Всего же с 22 июня 1941-го по 8 мая 1945 года было пленено 4 377 300 военнослужащих противника, а после разгрома Квантунской армии их число увеличилось еще на 639 635 человек.

«Наряду с военнопленными, на территориях стран Восточной Европы были интернированы и помещены в лагерь 208 239 человек, “способных носить оружие”, и 61 573 функционера низовых фашистских партийных и административных органов. Это было сделано в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу наступавших советских войск.

Для содержания военнопленных на территории СССР и других государств помимо 24 фронтовых приемно-пересыльных лагерей были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских пересыльных пункта, более 500 стационарных лагерей, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан»*.

В ходе проверок военные контрразведчики не только выявляли сотрудников спецслужб противника и изобличали военных преступников, добывали разведывательную информацию, но также и подбирали агентуру для внедрения в подразделения абвера и «Цеппелина».

Была разработана система учета сведений, поступающих на военнопленных, которая позволяла оперативно осуществлять обмен информацией между всеми подразделениями. В поисковой работе среди военнопленных результативным оказалось использование агентов-опознавателей, которые узнавали своих начальников и «коллег», а потому к концу войны при каждом лагере были созданы специальные группы агентов-опознавателей, численность которых порой достигала десяти человек.

По окончании боевых действий в плену в Советском Союзе оказались крупные государственные деятели и чиновники, дипломаты, генералы и офицеры, представители спецслужб. В том числе — диктатор Румынии маршал Й. Антонеску, премьер-министр Венгрии И. Бетлен, гене-

* «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 213—214.

рал-фельдмаршалы Э. фон Клейст и Ф. Шёрнер, полицей-президент Берлина генерал-лейтенант К. Герум, адмирал Г. Гузе, вице-адмирал Г.-Э. Фосс, командующий польской Армией Крайовой генерал Л. Окулицкий и др.

Для работы с ними во 2-м отделе ГУКР «Смерш» НКО СССР проходили службу оперативники со знанием иностранных языков, знакомые с фильтрационной работой в действующей армии. Полученная ими информация была важной не только с оперативной, но и с политической точки зрения, она была необходима на судебных процессах в Нюрнберге и в Токио.

Всего же за годы войны контрразведчики «Смерш», совместно с сотрудниками других подразделений органов госбезопасности, выявили свыше восьмидесяти тысяч военных преступников, добыли в ходе работы среди военнопленных свыше шести тысяч различных разведывательных материалов...

Благодаря старанию «заинтересованных лиц», более сложным и спорным является вопрос фильтрации наших военнослужащих и граждан, оказавшихся в плену и на оккупированной территории. Процесс этот являлся необходимым — вспомним приведенные в предыдущей главе впечатляющие цифры вербовки наших военнослужащих гитлеровскими спецслужбами в первые месяцы войны. Однако из ряда современных публикаций, удивительным образом совпадающих с утверждениями геббельсовской пропаганды, следует, что уже за одно то, что человек просто оказался в плену, его неизбежно «ждали сталинские лагеря».

Но в директиве от 10 марта 1943 года заместитель наркома обороны — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА генерал-полковник Е. А. Щаденко указывал: «В местностях, освобожденных от немецких захватчиков, выявляются бывшие военнослужащие, которые в свое время без сопротивления сдались в плен или дезертировали из Красной армии и остались на жительство на территории, временно оккупированной немцами или, оказавшись окруженными в месте своего жительства, остались дома, не стремясь выходить с частями Красной армии. Таких лиц после быстрой проверки направлять в штрафные части... В спецлагеря направлять только лиц, на которых имеются серьезные данные для подозрения в антисоветской деятельности».

Дальше — больше: «...с ноября 1944 года ГКО принял

постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря»*. Подобное выражение доверия имело огромное моральное значение для большинства освобожденных из фашистской неволи людей, но стало большой головной болью для контрразведчиков. Ведь далеко не все «граждане призывного возраста», особенно проживавшие на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, хотели защищать «нашу Советскую Родину» — иные просто дезертировали, кто-то уходил с оружием в банды, кто-то переходил к противнику...

Всего за годы войны через «сито» проверок особых отделов и подразделений «Смерш» прошло около 5 миллионов 416 тысяч человек советских граждан: 1 миллион 836 тысяч военнопленных и около 3 миллионов 582 тысяч гражданских лиц. Из них затем в Красную армию и другие части — в том числе в войска НКВД — было передано около 1 миллиона 230 тысяч бывших военнопленных. Около 600 тысяч изобличенных военных преступников и фашистских пособников — это из общего числа, а не одних только бывших военнослужащих! — было отправлено в спецлагеря НКВД.

И вот завершающий штрих масштабной картины:

«По состоянию на 18 мая 1945 года, во фронтовых СПП** НКВД содержались 1 201 602 бывших военнопленных, из них 716 382 человека было принято после капитуляции Германии. Для их размещения и содержания были развернуты 32 лагеря, 66 сборных пунктов и 72 армейских приемных пункта. Больные и раненые размещались во фронтовых военных госпиталях НКО.

Количество проходивших проверку советских граждан было достаточно велико, а потому многие из них подолгу находились в ПФЛ***, ПФП**** и СПП. По инициативе НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР было подготовлено и принято Постановление ГКО от 21 мая за № 8670 сс, согласно которому сроки проверки репатриантов из числа советских граждан с 1—2 месяцев были сокращены до 10 дней, причем гражданские лица определялись к месту жительства, а военные — в запасные части НКО СССР.

* *Мартыросян А. Б.* 100 мифов о Бери. Кн. 2. С. 160.

** Сборно-пересыльный пункт.

*** Проверочно-фильтрационный лагерь.

**** Проверочно-фильтрационный пункт.

В процессе фильтрационной работы органами «Смерш» было выявлено несколько тысяч агентов спецслужб, разоблачены десятки тысяч карателей и фашистских пособников. Но главным итогом явилось то, что миллионам советских людей было возвращено честное имя»*.

Нельзя, к сожалению, отрицать, что на этом сложнейшем участке работы органам «Смерш» не удалось избежать перегибов и трагических ошибок, которые чаще всего имели в своей основе «человеческий фактор», о чем мы уже говорили. Если с теми, кто был взят с оружием в руках или проходил по спискам разыскиваемых агентов гитлеровских спецслужб и военных преступников, все было достаточно ясно, то с людьми, которые месяцами, а то и годы томились в гитлеровских лагерях, дело обстояло гораздо сложнее. Многие из них рвались на фронт, чтобы отомстить и в бою доказать свою верность Родине, но им долго отказывали в этом праве, что вызывало возмущение и негативное отношение к военным контрразведчикам. В свою очередь, офицеры «Смерш» не понаслышке знали о зверствах гитлеровских прислужников, и многие из них зачастую считали таковыми всех тех, кто выжил в плену, кто работал на заводах и фабриках в Германии.

Отрицательную роль играли также затяжки с проверкой из-за нехватки возможностей и отсутствием достаточного количества времени, бюрократизм и непрофессионализм исполнителей... В итоге значительное число бывших военнотружущих необоснованно было лишено свободы и направлено в специальные лагеря НКВД.

Об этих проблемах знало руководство ГУКР «Смерш» НКО СССР, оно старалось держать на контроле деятельность подчиненных органов и принимало необходимые меры — вплоть до очень строгого наказания тех сотрудников, которые нарушали требования советского законодательства.

И к тому же не стоит думать, что проходившие проверку люди являли собой бесправную и безгласную «лагерную пыль».

«Бывшая военфельдшер М. П. Пузанова в письме к Верховному главнокомандующему И. В. Сталину просила, чтобы ускорили разбор ее дела, и если она виновата, то предали суду. Если же нет, то направили бы на фронт или туда, где она может быть полезна Родине. 12 августа 1943 года

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 141.

ее письмо поступило в особый сектор ЦК ВКП(б), а 14 августа уже было переадресовано в секретариат НКВД СССР и оттуда направлено в ГУКР «Смерш» НКО СССР. Работу по нему взял под личный контроль заместитель начальника главка генерал-лейтенант П. Я. Мешик. 17 сентября 1943 года начальник ОКР «Смерш» спецлагеря № 174 докладывал ему, что «Пузанова М. П. в порядке фильтрации нами проверена и направлена работать на завод № 684 г. Подольска»^{*}.

В конце и после войны органы «Смерш» осуществляли фильтрационную работу в тесном взаимодействии с Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, а также — с заграничными резидентурами Первого управления НКГБ СССР и ГРУ Генштаба. Советские репатрианты, бывшие военнопленные, в особенности — запятнавшие себя сотрудничеством с гитлеровцами, вызывали повышенный интерес у американских, британских и французских спецслужб, которые, по информации военных контрразведчиков, осуществляли среди них активную пропагандистскую и вербовочную работу и даже за определенную плату снабжали нуждающихся подложными документами.

* * *

В начале января 1945 года на всех фронтах действующей армии был введен институт уполномоченных НКВД СССР: обстановка требовала от органов безопасности более масштабной и эффективной работы. Уполномоченными были назначены опытные руководители органов госбезопасности и внутренних дел — на уровне заместителей наркомов, заместителей начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР, которые притом не освобождались от исполнения своих прямых обязанностей. Даже В. С. Абакумов был назначен уполномоченным НКВД на 3-м Белорусском фронте. Заместителями уполномоченных назначались начальники УКР «Смерш» фронтов и начальники войск НКВД по охране тыла фронта. Уполномоченные НКВД СССР на фронтах являлись главными оперативными начальниками, а их заместители осуществляли и координировали работу, связанную с розыском агентуры противника, обеспечением «непро-

^{*} «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 233.

нищаемости» линии фронта, очисткой тыла от враждебных элементов, охраной железнодорожных узлов и промышленных предприятий...

Окончание боевых действий не принесло мгновенного облегчения: после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии перед военной контрразведкой встали проблемы по розыску агентуры иностранных разведок, выявлению и аресту предателей, пособников, бывших служащих немецких оккупационных учреждений и других государственных преступников; необходима была более тщательная проверка прибывающего пополнения — прежде всего тех, кто был в плену и на оккупированной территории. Особая тема — ликвидация оставленного гитлеровскими спецслужбами диверсионно-террористического подполья «Вервольф»... К тому же в войсках резко упала дисциплина, что было связано с морально-психологическим состоянием людей, попавших в атмосферу относительно мирной жизни: участились случаи дезертирства, мародерства, пьяных дебошей, аварий и других преступлений и проступков. Борьба с ними также входила в сферу деятельности военных контрразведчиков.

Седьмого июля 1945 года аппараты уполномоченных НКВД СССР на фронтах были ликвидированы. После отвода союзных войск к определенным соглашениями границам, в советской зоне оккупации Германии оперативно-разыскная работа велась подразделениями уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск (ГСОВ).

Во всех германских землях и округах советской зоны ответственности были организованы оперативные сектора, а в 35 городах — оперативные группы НКВД. Во избежание параллелизма в работе, уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серов добился, чтобы органы «Смерш» ГСОВГ не вели работу по армейскому окружению, а осуществляли только контрразведывательное обеспечение самих частей. В восьми оперативных секторах проходили службу 282 оперативных работника из НКВД, НКГБ и ГУКР «Смерш» НКО СССР, каждому сектору были приданы по одному батальону из состава 57-й дивизии Внутренних войск НКВД СССР.

Серов Иван Александрович (1905—1990). В Красной армии с 1925 года; в январе 1939 года окончил Военную академию РККА им. Фрунзе. С 18 февраля 1939 года —

начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР; с 29 июля — начальник 2-го (секретно-политического) отдела — заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР; со 2 сентября 1939 года — нарком внутренних дел Украинской ССР. С февраля 1941 года — первый заместитель наркома госбезопасности, затем заместитель наркома внутренних дел СССР. С сентября 1944-го по июль 1945 года — уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту. Участник боевых действий в Крыму и на Северном Кавказе, взятия Берлина. Герой Советского Союза. С февраля 1947-го по март 1954 года — первый заместитель министра внутренних дел СССР, затем председатель КГБ при СМ СССР. Генерал армии. С 10 декабря 1958 года — начальник Главного разведывательного управления — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР. 2 февраля 1963 года снят с должности после разоблачения агента американской и британской разведок Пеньковского. Разжалован в генерал-майоры, лишен звания Героя Советского Союза. В 1965 году уволен в отставку.

Из заявления И. А. Серова в Президиум ЦК КПСС:

«Я... никогда не думал, что после 42 лет службы партии и Родине одна допущенная ошибка на чаше весов перетянет весь труд моей жизни. Не думал также, что мне придется доказывать, что я не уклонялся в годы Отечественной войны от выполнения священного долга защиты моей Родины, что я не случайный человек в партии и в армии, что я отдаю все силы и здоровье на благо строительства нашего коммунистического общества»*.

Начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В. С. Абакумов получил от руководства страны персональное указание о том, чтобы в Германии органы армейской контрразведки оказывали помощь аппаратам уполномоченного НКВД СССР при ГСОВГ, для чего из состава УКР «Смерш» ГСОВГ и расформированных аппаратов уполномоченных НКВД СССР по 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам выделили до 300 оперативных сотрудников. Ситуация в секторах Германии требовала не только ведения оперативно-разыскных мероприятий, но и предупреждения враждебных акций по отношению к администрации и советским представителям.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 147.

Теперь — немного о контрразведке «Смерш» других наркоматов.

Управление контрразведки «Смерш» НК ВМФ было сформировано на основе 9-го (морского) отдела УОО НКВД СССР, переданного в подчинение наркомата. Начальником УКР «Смерш» был назначен комиссар госбезопасности П. А. Гладков; подразделения «Смерш» комплектовались за счет оперсостава бывшего 9-го отдела и спецотбора военнослужащих из числа командного и политического состава ВМФ, им присваивались воинские звания, установленные на флоте. Аппарат управления состоял из четырех отделов, следственной части, отделений шифросвязи, оперативной техники и вспомогательных подразделений.

Гладков Петр Андреевич (1902—1984). В 1933 году — слушатель Центральной школы ОГПУ СССР, затем на различных должностях в ОГПУ — НКВД СССР. В 1940—1941 годах — заместитель наркома, нарком внутренних дел Литовской ССР. В 1941—1942 годах — начальник Особого отдела НКВД Карельского фронта. С 1942 года — начальник 9-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, с 1943-го — начальник УКР «Смерш» Наркомата военно-морского флота СССР. Генерал-лейтенант береговой службы. В 1946 году за служебные злоупотребления понижен в должности — начальник отдела Управления контрразведки МГБ Московского военного округа. В ноябре 1954 года уволен из МВД по фактам, «дискредитирующим звание начсостава МВД».

Комментарий историка:

«Отечественный военный флот всегда находился под пристальным вниманием иностранных военных штабов и спецслужб. Что касается немецкой военно-морской разведки, то она руководствовалась основными установками политической и военной стратегии Германии, определявшими целевое назначение и стратегическое применение германского военно-морского флота.

Немцы отлично понимали, что, владея объективной и полноценной оперативной информацией о флоте СССР, можно перспективно планировать свои военно-морские операции, организацию морских перевозок на Балтике и Черном море».

Из сборника «Смерш. Исторические очерки и архивные документы»

В соответствии с приказом адмирала Н. Г. Кузнецова с 1 марта 1944 года была открыта Высшая школа контрразведки ВМФ по подготовке и переподготовке оперсостава, а на флотах действовали курсы, комплектование которых находилось под личным контролем наркома.

Флотские чекисты решали те же задачи, что и их коллеги из «Смерш» НКО, но, разумеется, со своими особенностями. В частности, комплекс оперативных мероприятий проводился контрразведчиками после освобождения военно-морских баз в Новороссийске, Севастополе, Одессе, Таллине, Риге и Лиепае, где гитлеровцы оставляли на глубокое оседание квалифицированную и подготовленную агентуру. В 1944—1945 годах они вели оперативную работу на кораблях и в частях флота, дислоцировавшихся в местах бывших баз противника на территориях Германии, Финляндии, Румынии, Болгарии и Кореи — агентуры, оставляемой на длительное оседание, было там гораздо больше.

Немалое беспокойство сотрудникам флотской контрразведки причиняли также союзники, разведки которых имели возможность вести работу с легальных позиций — причем не только в составе военно-морских миссий, о чем мы уже рассказывали. Так, на Северном флоте дислоцировались отдельные авиационные части, группы надводных и подводных кораблей Великобритании — установлено, что среди их личного состава были профессиональные разведчики. К тому же за период войны более 35 тысяч военнослужащих ВМФ СССР посетили порты США и Англии в составе команд кораблей, передаваемых нашей стране по ленд-лизу — вербовочные подходы к морякам осуществлялись достаточно часто.

* * *

Военная контрразведка в войсках НКВД относилась к Наркомату внутренних дел при всех своих реорганизациях.

Когда в начале 1941 года особые отделы были переданы из состава ГУГБ НКВД в ведение НКО и НК ВМФ в виде третьих управлений, в Наркомате внутренних дел СССР также был создан 3-й отдел — для контрразведывательного обеспечения пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции, напрямую подчинявшийся Л. П. Берии.

В июле 1941 года 3-й отдел НКВД вошел в состав Управления особых отделов в качестве 6-го отдела, при-

чем в нем был сохранен принцип построения структуры контрразведывательных подразделений в НКВД СССР. 19 апреля 1943 года он, оставаясь в системе наркомата, был преобразован в Отдел контрразведки «Смерш» НКВД СССР, подчинявшийся опять-таки лично наркомму. Возглавил его С. П. Юхимович, которого в мае 1944-го сменил В. И. Смирнов.

Юхимович Семен Петрович (1900—1975). В органах госбезопасности с 1920 года. В 1937—1939 годах — заместитель начальника Особого отдела Московской воздушной армии. Начальник 3-го, затем 6-го отдела НКВД (контрразведывательное обеспечение войск НКВД), с 19 апреля 1943 года — начальник Отдела контрразведки «Смерш» НКВД СССР. С мая 1944-го по апрель 1946 года — начальник областного Управления НКВД в Одессе. Затем на ответственных должностях в системе НКГБ — МВД — КГБ при СМ СССР. Генерал-майор. В 1956 году уволен из органов госбезопасности по болезни.

Комментарий историка:

«В ходе реорганизации военной контрразведки в апреле 1943 г. 6-й отдел бывшего УОО НКВД СССР, оставаясь в системе наркомата, был преобразован в самостоятельный Отдел контрразведки (ОКР) «Смерш» НКВД. Его главной задачей являлась борьба за чистоту рядов органов НКВД, пользовавшихся повышенным вниманием спецслужб противника».

Из сборника «Смерш. Исторические очерки и архивные документы»

Смирнов Владимир Иванович (1895—1972). До 1944 года — заместитель начальника отдела кадров НКВД СССР. С мая 1944-го по апрель 1947 года — начальник ОКР «Смерш» НКВД СССР (Отдел контрразведки МВД СССР). Генерал-майор.

Комментарий историка:

«В начале 1945 г. в составе органов контрразведки «Смерш» НКВД СССР было уже семь ОКР «Смерш» округов внутренних войск и восемнадцать ОКР «Смерш» НКВД пограничных округов... Отделы контрразведки «Смерш» НКВД по охране тыла фронтов постоянно переформировывались в соответствии с упразднением одних или переименованием других фронтов».

Из сборника «Смерш. Исторические очерки и архивные документы»

К августу 1943 года в структуру органов контрразведки наркомата входили ОКР «Смерш» НКВД СССР, 12 отделов контрразведки «Смерш» охраны тыла фронтов, отделы «Смерш» Украинского и Северо-Кавказского округов внутренних войск, десять отделов «Смерш» погранокругов, самостоятельные отделы «Смерш» в 1-й мотострелковой дивизии и Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения войск НКВД. Кроме того, было создано ОКР «Смерш» НКВД в Москве, Куйбышеве (Самаре), Новосибирске и Свердловске (Екатеринбурге), где находились большое количество особо важных предприятий промышленности и крупные железнодорожные узлы.

В начале 1945 года было уже семь ОКР «Смерш» округов внутренних войск и 18 — пограничных округов. Отделы контрразведки «Смерш» НКВД по охране тыла фронтов постоянно переформировывались в соответствии с упразднением, образованием или переименованием фронтов. Весной 1945-го они были реорганизованы в ОКР «Смерш» НКВД по охране тыла Группы советских оккупационных войск в Германии, Северной, Центральной и Южной групп войск.

Особое внимание уделялось контрразведывательному обеспечению войск по охране тыла действующей Красной армии — самым многочисленным в системе войск НКВД. Они находились в непосредственном соприкосновении с частями РККА, активно привлекались военной контрразведкой для заградительных мероприятий, охраняли важные объекты, коммуникации и линии связи, участвовали в боевых операциях против немецких войск. Их использовали для обеспечения порядка и спокойствия в тылу, проведения оперативных мероприятий по ликвидации просочившихся через фронт немецких подразделений и бандгрупп, для выявления и задержания вражеской агентуры на освобождаемых территориях.

Повышенные требования предъявлялись к пограничникам — не только к их боевой выучке, но и к морально-волевым качествам. Пограничная служба была нелегкой даже на рубежах тех сопредельных государств, где не велись военные действия — на границах с Маньчжурией, Турцией, Ираном и Афганистаном происходили многочисленные вооруженные провокации, забрасывались шпионы и диверсанты. Контрразведка НКВД решительно пресекала в погранвойсках любые противоправные действия, тщательно проверяла оперативную информацию о лицах, вы-

нашивавших изменнические или дезертирские намерения, оперативным путем изучала военнослужащих, до призыва проживавших на оккупированной территории, побывавших в плену или в окружении. Чаще всего реализация оперативных материалов проводилась путем информирования командования и перевода неблагонадежных военнослужащих в другие войска НКВД или части армии. В течение 1943 года — первой половины 1944 года по информации отделов «Смерш» из погранвойск было откомандировано свыше 1500 военнослужащих.

Всего же, в соответствии с решениями, принимаемыми контрразведчиками совместно с командованием, только в 1944 году из войск НКВД было откомандировано около десяти тысяч человек, в том числе более 450 офицеров.

В результате оперативно-разыскной деятельности органов контрразведки «Смерш» НКВД за период с мая 1943-го по август 1944 года в войсках НКВД и их окружении были выявлены 293 изменника Родины, 100 подозреваемых в шпионаже, 76 пособников немецких оккупантов, 356 дезертиров и 58 человек, вынашивавших террористические намерения. Кстати, по всем «громким преступлениям», совершенным в войсках и учреждениях НКВД, направлялись доклады наркомму. Сотрудникам органов контрразведки было предоставлено право арестовывать подозреваемых в преступной деятельности военнослужащих и связанных с ними лиц — при этом арест рядовых военнослужащих и младших офицеров согласовывался с военными прокурорами, а старшего и начальствующего состава осуществлялся только с санкции самого Л. П. Берии. Его реакция на чрезвычайные происшествия была незамедлительной, и меры, как правило, принимались самые решительные.

«Помимо оперативной работы в войсках НКВД, отделы — отделения “Смерш” осуществляли контрразведывательное обеспечение учреждений внутренних дел в НКВД республик, УНКВД краев и областей — милиции, пожарной охраны, местной противовоздушной обороны, дорожно-строительных подразделений, архивов, военторгов и других. Особое внимание обращалось на подбор, изучение и проверку персонала всех структурных подразделений органов внутренних дел.

Много забот добавилось контрразведчикам при организации органов НКВД на освобожденных территориях. Как и в довоенное время, на уровне среднего и младшего звена они в основном комплектовались из местного населения.

Между тем в таких районах немецкие разведывательные и контрразведывательные органы оставляли на оседание большое количество агентуры, причем не только для сбора информации и проведения диверсионно-террористических актов, но и целенаправленно, для внедрения в местные органы управления и в войска НКВД.

В результате проведения оперативно-разыскных мероприятий отделами контрразведки «Смерш» в течение января—августа 1944 года в учреждениях и подразделениях НКВД было арестовано 704 человека: 22 — по подозрению в шпионаже, 14 изменников Родины, 94 предателя и пособника немецких оккупантов, 23 — за службу в немецкой полиции, 102 дезертира, 149 — за антисоветскую, пораженческую и прочую «контрреволюционную деятельность». По материалам органов «Смерш» из органов НКВД было уволено 2512 человек, понижено в должности, в том числе и за совершение всевозможных проступков, 354 человека, на 756 сотрудников и военнослужащих, совершивших должностные преступления, материалы были переданы в особые инспекции кадровых аппаратов НКВД — УНКВД»*.

* * *

В июне 1945 года, еще до того как СССР, согласно своим союзническим обязательствам, объявил войну Японии, на Дальний Восток были командированы опытные военные контрразведчики. Для координации деятельности всех органов «Смерш» в качестве главного оперативного начальника армейских чекистов был направлен заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенант И. Я. Бабич с группой из тридцати контрразведчиков. Начальником УКР «Смерш» Приморской группы войск был назначен Д. И. Мельников, откомандированный с Карельского фронта, Забайкальского фронта — П. В. Зеленин, с 3-го Белорусского, Дальневосточного фронта — И. Т. Салоимский, с Забайкальского. На Дальний Восток выехали также сначала 45, а позже еще 100 руководящих работников военной контрразведки с различных фронтов.

Не будем подробно описывать оперативную работу армейских чекистов, опиравшихся на накопленный ими опыт Великой Отечественной войны. Ограничимся всего одним документом — докладной запиской № 1003/А, ко-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 157—158.

торую направил в ЦК ВКП(б) начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В. С. Абакумов:

«Органами “Смерш” на территории Маньчжурии и Кореи арестовано 320 руководителей и активных участников антисоветской организации Российский фашистский союз, проводивших подрывную деятельность против Советского Союза. В числе задержанных: основатель и глава Российского фашистского союза японский агент Родзавский К. В. ...Российский фашистский союз, в прошлом именовался Российской фашистской партией, был создан в 1931 году в Маньчжурии, и антисоветская деятельность этой организации направлялась японской разведкой в лице ныне арестованных крупных японских разведчиков генерал-лейтенанта Янагита и генерал-майора Акикуса...»*

Но, пожалуй, самой крупной «добычей» военных контрразведчиков стал тогда бывший атаман Забайкальского казачества, генерал-лейтенант Г. М. Семенов, возглавлявший всю белую эмиграцию на Дальнем Востоке.

Военная контрразведка полностью парализовала деятельность японских спецслужб в Маньчжурии, на Южном Сахалине и в Северной Корее; были ликвидированы все антисоветские эмигрантские центры того региона, которые много лет вели борьбу с Советским Союзом.

* * *

Всего же за время Великой Отечественной войны военной контрразведкой было обезврежено более тридцати тысяч шпионов, около трех с половиной тысяч диверсантов, свыше шести тысяч террористов; в тыл противника было направлено более трех тысяч агентов. Многие ее сотрудники были удостоены государственных наград, а четверым из них: лейтенанту Г. М. Кравцову, старшему лейтенанту В. М. Чеботареву, лейтенанту М. П. Крыгину, старшему лейтенанту П. А. Жидкову присвоено звание Героя Советского Союза. Всем, к сожалению, посмертно.

Кравцов Григорий Михайлович (1922—1945). До войны работал в колхозе ветеринарным фельдшером. На фронте с июля 1943 года — оперуполномоченный отделения контрразведки «Смерш» 134-й стрелковой дивизии, лейтенант. Погиб в боях за освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков. Герой Советского Союза.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 160.

Справка из Архива КГБ СССР:

«При прорыве глубоко эшелонированной линии обороны немцев на западном берегу реки Висла Кравцов, находясь в боевых порядках, после выхода из строя командира роты принял на себя командование подразделением и, восстановив порядок, повел роту в бой. В ходе боя Кравцов был дважды ранен, но продолжал оставаться в строю, своим примером вдохновляя личный состав на подвиг. В этом бою прямым попаданием вражеского снаряда он был убит. Рота выполнила поставленную командованием задачу».

Чеботарев Василий Михайлович (1918—1944). До войны — тракторист, забойщик на руднике. На фронте с апреля 1942 года — снайпер, секретарь комсомольского бюро стрелкового полка на Ленинградском фронте. С декабря 1943 года — в органах «Смерш», оперуполномоченный отделения контрразведки «Смерш» 19-й гвардейской танковой бригады, лейтенант. Погиб в боях за освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Герой Советского Союза.

Из биографического словаря «Герои Советского Союза»:

«Действуя в составе батальона 27 июня 1944 года в тылу противника в поселке городского типа Бобр (Крупский район Минской области), Чеботарёв уничтожил до десятка гитлеровцев и пленил вражеского офицера. Погиб в этом бою».

Крыгин Михаил Петрович (1904—1945). До войны работал наборщиком в типографии. С 1939 года проходил срочную службу на Тихоокеанском флоте. С 1943 года — в органах военной контрразведки, оперуполномоченный Отдела контрразведки «Смерш» Островного сектора береговой обороны — Морского оборонительного района, старший лейтенант. Погиб в боях с японскими милитаристами. Герой Советского Союза.

Из наградного листа:

«Тов. Крыгин принимал непосредственное участие в высадке десантного разведывательного отряда в порт Сейсин. Вместе с отрядом принимал участие в боях против японских захватчиков. В бою тов. Крыгин показал пример бесстрашия и мужества, увлекая за собой бойцов разведотряда, 12 раз ходил в атаку на врага. В боях с японскими захватчиками, борясь за свободу и независимость нашей Родины, тов. Крыгин пал смертью героя 14 августа 1945 года».

Жидков Петр Анфимович (1904—1943). До войны — редактор фабричной многотиражной газеты. На фронте с июня 1942 года — оперуполномоченный отделения контрразведки «Смерш» 71-й механизированной бригады, старший лейтенант. Погиб в боях за освобождение Киева от немецко-фашистских захватчиков. Герой Советского Союза.

Из наградного листа:

«В бою за населенный пункт Хотов, ст. л-т Жидков, первый в цепи бойцов, бросился на немцев и 2-х немцев убил и захватил одного в плен.

В дальнейшем, увлекая бойцов, стал преследовать немцев вдоль шоссе, чем быстро обеспечил прикрытие левого фланга колонны бригады, дав этим возможность ворваться в Хотов и захватить его.

Во время боя на шоссе ст. лейтенант Жидков погиб смертью храбрых».

По неполным данным, в боях за свободу и независимость нашей Родины и при выполнении оперативных заданий погибли более шести тысяч сотрудников военной контрразведки.

* * *

«Четырнадцатого марта [1946 года] сессия Верховного Совета приняла решение переименовать Совет народных комиссаров в Совет министров... 19 марта на сессии Верховного Совета СССР был образован Совет министров. Сталин стал его председателем и министром обороны»*.

Тогда же было создано Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР, в состав которого вошли все структуры бывшего НКГБ СССР. Контрразведка «Смерш» НКО и НК ВМФ СССР вошли в состав Третьего главного управления МГБ с задачами контрразведывательного обеспечения армии и флота. Министром госбезопасности стал В. С. Абакумов, которому только тогда присвоили звание генерал-полковника, а его бывший заместитель Н. Н. Селивановский — начальником военной контрразведки.

Таким образом, юридически Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР просуществовало без малого три года.

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 757.

НА ТАЙНЫХ ФРОНТАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В состав Третьего главного управления МГБ СССР вошли три управления и девять оперативных отделов. В частности, контрразведывательную работу в центральных органах сухопутных войск и ПВО осуществляло 1-е управление; в центральных органах военно-морских сил — 2-е; в центральных органах ВВС, в штабах дальней авиации и воздушно-десантных войсках — 3-е.

Военную контрразведку МГБ СССР последовательно возглавляли бывшие руководители фронтовых управлений «Смерш» Н. Н. Селивановский (1946—1947), Н. А. Королев (1947—1951) и Я. А. Едунов (1951—1952), а также — С. А. Гоглидзе (1952—1953). Многие бывшие сотрудники «Смерш» теперь заняли ответственные посты в органах военной контрразведки, госбезопасности и МВД.

Николай Андрианович Королёв (1907—1986). С марта 1929 года — курсант, слушатель курсов инструкторов 1-й Военной школы авиационных техников; с декабря 1933 года — слушатель инженерного факультета Военно-воздушной академии им. Жуковского. С февраля 1939 года — на руководящих должностях в военной контрразведке НКВД; с января 1942 года — начальник Особых отделов НКВД Северо-Западного, Северо-Кавказского и Брянского фронтов. С апреля 1943 года — начальник УКР «Смерш» НКО СССР Степного округа, 2-го Украинского фронта и Центральной группы войск. С 10 июля 1947-го по 3 января 1951 года — начальник 3-го Главного управления МГБ СССР. В январе 1951 года — заместитель министра госбезопасности СССР по милиции. Генерал-лейтенант. Арестован 4 ноября 1951 года «по делу В. С. Абакумова»; находился под стражей до декабря 1953 года, в 1954 году уволен из органов госбезопасности и лишен генеральского звания.

Из письма министра госбезопасности В. С. Абакумова И. В. Сталину:

«...Назначить заместителем министра государственной безопасности СССР по милиции тов. Королёва Н. А., генерал-лейтенанта, ныне работающего начальником 3-го Главного Управления МГБ СССР (военная контрразведка), прибывшего в органы МГБ в 1939 году по мобилизации ЦК ВКП(б).

Тов. Королев хороший организатор, умеет руководить аппаратом, понимает чекистское дело, и в этой должности он себя оправдает».

Едунов Яков Афанасьевич (1896—1985). В 1915—1916 годах — рядовой саперного батальона Западного фронта. В органах безопасности с августа 1919 года. С 1937 года на руководящих должностях в органах милиции, с 1938 года — начальник Управления РКМ УНКВД Московской области. В ноябре 1939 года уволен из органов РКМ «по служебному несоответствию». Восстановлен на работе в органах НКВД в июле 1941 года — начальник Особого отдела НКВД 9-й и 48-й армий, Приволжского военного округа; с апреля 1943 года — начальник УКР «Смерш» Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов, Северной группы войск. В январе 1951-го — феврале 1952 года — начальник 3-го Главного управления МГБ СССР. Затем до октября 1956 года руководил Управлением контрразведки — Особым отделом по Белорусскому военному округу. Генерал-лейтенант.

Из письма министра госбезопасности В. С. Абакумова И. В. Сталину:

«Тов. Едунов имеет большой опыт чекистской работы, хороший организатор, умело руководит подчиненным аппаратом. В период Отечественной войны все время находился на фронте, работая на руководящих должностях в военной контрразведке. После окончания Отечественной войны работал начальником Управления контрразведки Северной группы войск, а затем начальником Управления в 3-м Главном Управлении МГБ СССР».

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901—1953). С 1917 года — рядовой, с января 1918-го — красногвардеец. С июня 1921 года — в войсках ВЧК — ГПУ. С января 1937 года — нарком внутренних дел Грузинской ССР, затем начальник УНКВД по Ленинградской области и Хабаровскому краю, уполномоченный НКГБ — МГБ СССР по Дальнему Востоку. С ноября 1951 года — министр госбезопасности Узбекской ССР. С 13 февраля 1952 года — заместитель министра и член Коллегии МГБ СССР, по совместительству — начальник 3-го Главного управления МГБ СССР; с 20 ноября 1952 года — 1-й заместитель министра госбезопасности СССР; с 12 марта — начальник 3-го Управления, член Коллегии МВД СССР. Генерал-полковник. Арестован 27 июня 1953 года, осужден 23 декабря Специальным Судебным

присутствием Верховного суда СССР по обвинению в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Комментарий историка:

«На берегах Амура и Уссури, в Приморье комиссар госбезопасности Гоглидзе столкнулся с опытным, коварным, изощренным противником. Противник создал в Маньчжурии, в районах, примыкающих к Приморью и Приамурью, разветвленную, развитую сеть террористических и разведывательных органов. Японские военные миссии формировали, вербуя из белоэмигрантской среды, шпионско-диверсионные отряды, готовили и обучали их методам подрывной работы с тем, чтобы засылать агентов в тыл Красной Армии. Гоглидзе деятельно включился в противодействие проискам японской разведки».

*Капитан 2-го ранга Анатолий Мережко,
журналист Евгений Корякин*

Спецслужбы еще продолжали решать задачи, порожденные войной. На нашей территории скрывалось значительное число агентов, сотрудников карательных и административных органов Германии и Японии, изменников, предателей и прочих лиц, подлежащих розыску и аресту — к тому же теперь этот контингент использовался и разведками Запада. Серьезную опасность представляло националистическое подполье на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, которое опять-таки поддерживали недавние союзники. В органах военной контрразведки были созданы специальные подразделения по розыску «государственных преступников времен Великой Отечественной войны». Так что армейские чекисты еще продолжали войну на своем невидимом фронте.

В октябре 1946 года сотрудники такого подразделения Управления контрразведки МГБ Прибалтийского военного округа арестовали агента абверкоманды-204 Браунса. Он сообщил, что немецкая разведка оставила на территории Латвии значительное количество тайных складов с оружием и боеприпасами: только в указанных им местах были обнаружены четыре миномета, четыре пулемета, три упакованных ящика со стрелковым оружием, 40 винтовок и автоматов, 368 мин и гранат, свыше 150 толовых шашек.

В мае 1947 года сотрудниками Управления контрразведки ЛенВО был арестован некто Торман, завербованный английской разведкой еще в 1915 году в Эстонии. Тогда он

собирал информацию о деятельности правительства Эстонии и его руководителях, с 1939 года стал передавать англичанам сведения о советских военных объектах, а после изгнания гитлеровцев ветеран шпионажа продолжил работу в том же направлении.

Несколько позже, в 1952 году, в Управление контрразведки ЛенВО поступила ориентировка из УМГБ Гомельской области о наличии данных, что разыскиваемый ими каратель Коровкин, служивший в период оккупации надзирателем в тюрьме и в концлагере, живет под вымышленной фамилией в Ленинграде и служит в Советской армии. Военные контрразведчики установили, что разыскиваемый скрывается под видом сержанта сверхсрочной службы Сибилева — трибунал приговорил карателя к 25 годам лишения свободы.

Оперативная деятельность в мирное время имела свои особенности и сложности, и в ноябре 1946 года был издан приказ МГБ СССР об улучшении работы с кадрами, требующий, в частности, повышения уровня профессиональной и общеобразовательной подготовки сотрудников.

«Не секрет, что в войну уровень специального образования сотрудников немецких спецслужб был выше, чем наших. Руководящий состав и рядовые сотрудники нашей военной контрразведки в подавляющем большинстве не имели специальной теоретической подготовки, — пишет генерал-лейтенант И. Л. Устинов. — Специальные знания мы черпали не только из советских источников, но и из печатных материалов противника. После окончания войны создавались и действовали различные учебные школы и курсы, на которых анализировались итоги военных действий, делались выводы из уроков войны, тщательно изучали причины недочетов и их следствия, способы их устранения. Уделялось внимание и вопросам повышения общей культуры, изучению общепринятых правил взаимоотношений с представителями иностранных государств, контакты с которыми по окончании войны происходили довольно часто»*.

В 1945—1953 годах в системе комплектования и подготовки сотрудников органов госбезопасности произошли значительные изменения. Так, в 1949 году в Новосибирскую межкраевую школу был произведен набор на курсы подготовки оперативных сотрудников военной контрраз-

* Устинов И. Л. Указ. соч. С. 90—91.

ведки, а в июле 1951 года она была преобразована в Школу подготовки оперсостава (с апреля 1952 года — Школа № 311 МГБ СССР), прежде всего для военной контрразведки.

Постепенно задача розыска преступников стала отходить на второй план: с началом холодной войны Советский Союз превращался в объект основных разведывательных устремлений спецслужб США, Великобритании и ряда других государств. Наибольшую опасность представляла опытная и профессиональная английская МИ-6, но к началу 1950-х годов, благодаря своим мощным геополитическим и финансовым возможностям, на первый план вышли американцы.

Возрастание активности спецслужб особенно остро чувствовали военные контрразведчики наших групп войск. Используя статус держав-победительниц, «прозрачные» границы между зонами, достаточно оживленные контакты военнослужащих бывших союзных армий, разведорганы США и Англии не без успеха создавали агентурные позиции в советских зонах оккупации Германии и Австрии. Развернув в западных зонах многочисленные подразделения военной и внешнеполитической разведки, они стремились получать информацию о советских войсках, выявлять планы и действия советской администрации, отслеживать политическую и экономическую ситуацию в восточных районах. Для этого использовались агентура, личное наблюдение в ходе поездок, опрос перебежчиков и дезертиров, возвращавшихся в Германию и Австрию бывших военнопленных, данные радиоперехвата. Из лиц, проживавших в окружении советских военных объектов, были созданы десятки резидентур — при этом американская, английская, а позднее и французская разведки «консервировали» часть агентов на случай военного конфликта с СССР.

Вербовочный процесс в советской зоне был поставлен на поток: часто разведки привлекали агентуру без проверки и предварительного изучения, на основе лишь материальной заинтересованности — почти как абвер в первые недели войны. «Западные спецслужбы могли опираться и на притягательную силу твердой валюты, и на тайное неприятие новой политической системы широкими кругами населения на Востоке Германии»*. К тому же население

* *Вольф М.* Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 49.

Германии и Австрии бедствовало: многие, особенно из числа беженцев из Восточной Пруссии или Польши, оставались без жилья, без работы и средств к существованию, так что предложения «заработать» на сборе информации о советских войсках для них выглядели очень соблазнительно. Но эти люди плохо представляли, какой опасности они себя подвергают и насколько суровые санкции за шпионаж предусматривает советское уголовное законодательство. А ведь количество таких «малоценных» для западных спецслужб агентов, разоблаченных советской военной контрразведкой в 1945—1953 годах, исчисляется тысячами.

К примеру, в мае 1948 года при переходе из советской в британскую зону был задержан некто Герберт Шперлинг, у которого изъяли портативный фотоаппарат, пленку с снятыми военными объектами и записи номеров военных автомашин. Сотрудники отдела контрразведки 3-й Ударной армии выяснили, что в марте он нелегально выехал в поисках работы в Бельгию, где был задержан жандармами и передан ими некоему человеку в штатском. После краткой беседы тот предложил Шперлингу «работу»: сбор сведений в советской зоне. Расписавшись на чистом листе бумаги, новоиспеченный агент получил 500 бельгийских франков. Толком не зная, с какой разведкой он сотрудничает, он пять раз приходил в советскую зону оккупации Германии, где в итоге собрал отрывочные, весьма приблизительные данные о дислокации и численности нескольких гарнизонов. Попытка заработать на шпионаже закончилась плачевно: военный трибунал приговорил Шперлинга к 25 годам лишения свободы.

Значительная часть агентов была задержана с поличным непосредственно в районе дислокации воинских частей и соединений — этому способствовала работа военных контрразведчиков по повышению бдительности личного состава. Свою роль сыграли и заградительные мероприятия, проводимые при содействии военного командования: выставление постов, секретов, патрулей и т. д.

Но у западных спецслужб были и более серьезные агенты — в том числе из советских военнослужащих. В августе 1947 года Управлением контрразведки МГБ Центральной группы войск был арестован переводчик радиодивизиона Разведуправления ЦГВ младший лейтенант К. Е. Пузырев, который в июне 1946 года инициативно установил в Вене связь с представителями американской разведки и передавал им секретные материалы — в том числе месячные

сводки, составлявшиеся РУ ЦГВ. Постановлением Особого совещания при министре госбезопасности СССР он был приговорен к 25 годам заключения.

«Серьезной силой в ведении разведывательной работы против групп советских войск стала и “организация Гелена”, созданная американцами из бывших сотрудников абвера во главе с генералом Райнхардом Геленом, на базе которой в 1955 году была развернута БНД — внешнеполитическая разведывательная служба ФРГ. Ее работа велась в широких масштабах: с начала 1950-го по сентябрь 1952 года органами военной контрразведки, аппаратом уполномоченного МГБ СССР и органами МГБ ГДР на территории Восточной Германии было арестовано более 350 агентов “организации Гелена”.

В первое время агенты западногерманской разведки осуществляли сбор информации с помощью визуального наблюдения, в личных беседах и т. п., но не рисковали вербовать советских военнослужащих — действовал “комплекс побежденного”. Но в 1951 году руководство “организации Гелена” приняло решение о начале работы по вербовке советских военнослужащих и гражданских лиц. В разосланном местным разведывательным подразделениям циркуляре рекомендовалось прежде всего обратить внимание на тех из них, кто поддерживал связи с местными жителями или не желал возвращаться в СССР»*.

Вскоре сотрудники «организации Гелена» завербовали ефрейтора Н. Р. Полонникова — киномеханика одной из воинских частей ЦГВ и передали его на связь американцам, у которых тот даже прошел «трехдневные курсы» работы со шпионской техникой, а затем, выехав в краткосрочный отпуск в Киев, завербовал своего брата Григория — бывшего офицера, уволенного из армии за пьянство. Братья-шпионы «трудились» не так уж и долго: благодаря эффективной работе сотрудников Управления военной контрразведки МГБ по Центральной группе войск они были разоблачены и за измену Родине приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания. Григорию, как почему-то нередко бывает в России с пьяницами, повезло: Президиум Верховного Совета СССР заменил ему расстрел лишением свободы сроком на 15 лет.

Борьбу с агентурной разведкой противника военные контрразведчики за границей рассматривали в неразрыв-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 165–166.

ной связи с решением задач по предотвращению измены Родине. Ведь дезертирство и бегство на Запад нередко провоцировалось иностранными спецслужбами, сотрудники которых не только тщательно опрашивали перебежчиков, но и, после соответствующего их отбора и проверки, направляли наиболее «перспективных» в разведывательные школы для последующей заброски в СССР.

Спрос с военных контрразведчиков за бегство военнослужащих в западные зоны был жестким. Так, 9 октября 1948 года летчик одной из частей ЦГВ Пирогов перелетел на бомбардировщике Ту-2 в западную зону оккупации Австрии. Министр госбезопасности В. С. Абакумов лично докладывал об этом И. В. Сталину, а суду военного трибунала были преданы не только командиры дивизии, полка и эскадрильи, но и начальник отдела контрразведки МГБ по дивизии и оперуполномоченный, осуществлявший контрразведывательное обеспечение полка. Их обвиняли в том, что хотя они уже давно информировали командование «о моральном разложении» Пирогова, но не добились отстранения его от полетов.

Военным контрразведчикам не единожды приходилось пресекать попытки проведения «обработки» советских военнослужащих членами НТС* и других эмигрантских организаций, пытавшимися распространять среди солдат и офицеров «подрывную» литературу, склонять их к бегству на Запад, рассылать эмигрантские газеты по адресам советских организаций... При этом особое внимание уделялось профилактической работе, и, как правило, те лица, на которых имелся «компромат», немедленно откомандировывались в Союз.

Важной задачей контрразведчиков в группах войск было противодействие технической разведке противника — в частности, попыткам наладить прослушивание проходивших через территорию западных секторов телефонных линий, принадлежащих советским войсковым частям и учреждениям. Управление контрразведки МГБ Центральной группы войск неоднократно информировало командование о действиях англичан и американцев и предлагало принять соответствующие меры по предупреждению утечки информации.

В 1952 году «союзники» начали проведение операции

* Народно-трудовой союз — одна из наиболее влиятельных антисоветских эмигрантских организаций.

«Туннель» по прослушиванию кабельных линий связи ГСОВГ с позиций Западного Берлина — в западной прессе она потом расценивалась как один из самых выдающихся успехов ЦРУ в холодной войне. Из американского сектора к советским линиям связи был на пятиметровой глубине проложен подземный туннель двухметрового диаметра, длина которого только под территорией Восточного Берлина составляла порядка 300 метров. Но уже скоро советская пресса писала так: «Недолго пользовались шпионским туннелем наши противники по “тайной войне”. Бдительность советских воинов-связистов помогла быстро обнаружить и ликвидировать этот подземный канал утечки военных сведений»*.

На самом же деле «советские власти были детально ознакомлены с операцией “Туннель” еще до того, как первая лопата вонзилась в землю»** — о планах этой операции сообщил легендарный Джордж Блейк, что позволило военной контрразведке принять возможные контрмеры для недопущения утечки секретной информации. Хотя известно, что наши военные товарищи наболтали тогда много. Стандартная табличка на служебном телефоне «Помни, противник подслушивает!» имеет невысокую эффективность — а предупреждать, что телефон реально прослушивается, было нельзя. Вопреки многим утверждениям, даже дезинформация по этому каналу не передавалась, чтобы не бросить тень подозрения на советского разведчика. Поэтому военные связисты уже в 1956 году туннель и «обнаружили». Тут контрразведка работала мастерски!

«Без сомнения, я, со своей стороны, с некоторым беспокойством наблюдал за развитием событий, опасаясь, что у английской разведки и ЦРУ могли появиться подозрения об утечке информации о туннеле, — вспоминает Георгий Иванович Блейк. — Но “обнаружение” туннеля было проведено столь искусно, что последовавшее за этим служебное расследование Интеллидженс сервис и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о чисто технических причинах: в эти дни шли очень сильные дожди, которые, по-видимому, стали причиной неполадок в кабеле»***.

В то время сотрудники военной контрразведки принимали также участие в создании спецслужб Польши, Чехо-

* Остряков С. З. Указ. соч. С. 293.

** Блейк Дж. Прозрачные стены. Автобиографическое повествование разведчика. М., 2006. С. 176.

*** Там же.

словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Северной Кореи, вступивших на путь социалистического строительства. Впоследствии эти спецслужбы были надежным союзником советских органов госбезопасности в борьбе с подрывной и разведывательной деятельностью государств—участников НАТО. Военные контрразведчики работали рука об руку с восточноевропейскими коллегами вплоть до 1990-х годов, обеспечивая безопасность дислоцированных за границей групп советских войск.

* * *

Сложной и напряженной была оперативная обстановка и на территории СССР. Известно, что первые два послевоенных года характеризовались резким падением уровня дисциплины в армии. К активным действиям перешли и недавние союзники: начиная с 1949 года англичане и американцы пытались создать в Советском Союзе разветвленную агентурную сеть на случай войны. Для этого были осуществлены многочисленные заброски агентов-нелегалов на территорию Прибалтики, Украины, Закавказья, Дальнего Востока и юга России. В основном это были бывшие советские граждане, по тем или иным причинам осевшие на Западе уже после Второй мировой войны; особый интерес вызывали военнослужащие, бежавшие из групп советских войск. Разведслужбы готовили их в течение нескольких месяцев, после чего забрасывали в СССР воздушным путем или через сухопутную границу Турции, Ирана и Норвегии.

Основная тяжесть борьбы с такими агентами легла на территориальные органы госбезопасности, но военная контрразведка также принимала в ней активное участие. Помимо прочего, ее сотрудники принимали меры по воспитанию у личного состава чувства бдительности и ответственности за сохранение доверенных секретов. Эта работа тоже приносила существенные результаты.

К примеру, благодаря бдительности старшего лейтенанта Дайховского и его подчиненных в сентябре 1951 года в одном из безлюдных районов на Дальнем Востоке был задержан американский агент Л. А. Агафонов, который в октябре 1950 года ушел в американскую зону оккупации Австрии. После подготовки он был доставлен на военную базу в Японии, а затем выброшен с парашютом с самолета над территорией Приморского края, имея задание осесть в Хабаровске.

«К числу акций технической разведки, проводившихся американцами в 1952—1956 годах, следует отнести и операцию “Моби Дик” по запуску воздушных шаров, оснащенных разведывательной аппаратурой. Она проводилась силами американских ВВС и обошлась более чем в 200 миллионов долларов. Было запущено около четырех тысяч воздушных шаров — по 50 тысяч долларов каждый. Шар мог нести 650 килограммов груза: фото- и радиоаппаратуру, метеорологические приборы и антисоветские листовки. Шары запускались с территорий Западной Германии, Турции и Аляски, с расчетом, что с потоками воздуха они пройдут над нужным районом, где автоматически сработает шпионская аппаратура, а затем опустятся за пределы Союза вместе с аппаратурой, зафиксировавшей нужные разведсведения.

Военные контрразведчики “на местах” организовывали борьбу с этими летающими объектами, в результате чего много воздушных шаров было сбито летчиками, зенитчиками и снайперами.

Девятого февраля 1956 года советская сторона организовала международную пресс-конференцию, на которой продемонстрировала 50 американских воздушных шаров, сбитых или упавших на территории СССР»*.

Помимо борьбы с разведкой противника сотрудники отделов контрразведки МГБ в войсках выявляли предпосылки к чрезвычайным происшествиям, информировали командование для принятия мер по их предупреждению, участвовали в расследовании чрезвычайных происшествий, имевших признаки особо опасных преступлений — таких как диверсия или террористический акт.

Незаметная постороннему глазу, но исключительно важная работа органов военной контрразведки позволила в целом надежно обеспечить безопасность частей и соединений армии и флота, поддерживать на должном уровне их боеспособность в условиях нарастающей холодной войны.

Между тем именно тогда, в конце 1951 года, при министре госбезопасности С. Д. Игнатьеве, кстати, «чистом» партработнике, сменившем арестованного В. С. Абакумова, оперсостав военной контрразведки был лишен денежных окладов за воинские звания. Получалось, что единственный в воинской части «опер», решавший не менее важные задачи, чем армейские военнослужащие, оказался значительно урезан в денежном содержании.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 169.

Тем временем в вооруженных силах страны происходили события, до сих пор пока еще недостаточно проясненные, — так называемое «дело Жукова».

«Великий маршал явно зазнался. До марта 1946 года он являлся главнокомандующим Группой войск в Германии и находился в Берлине. Он часто встречался с Эйзенхауэром, пригласил его в августе 1945 года в Москву, где того принимал Сталин. Жуков давал много интервью и пресс-конференций иностранным журналистам. Касаясь своей роли, заявлял о своем выдающемся вкладе в победу над Германией. Уж какой славы не хватало ему? Но, видно, чего-то недоставало... Жуковское “фонтанирование” пришлось на крайне сложный для Сталина период взаимоотношений с Западом: ни одного из послевоенных призов СССР не получил... И на этом мрачном фоне — объявляется кандидат в Наполеоны, герой войны, признанный лидер всей военной верхушки»*.

Это один вариант объяснения произошедшего; есть и другой, не исключаящий, однако, и первого.

«Особенно хотелось бы остановиться на так называемых гонениях на маршала Жукова. Прежде всего следует отметить одно обстоятельство, которое имеет прямое отношение к маршалу Жукову. Большинство дел, которые МГБ СССР под руководством Абакумова завело на высокопоставленных военных, имело, если использовать современные термины, антикоррупционный характер...»**

Сознательно обрываем цитату, ибо дальнейшее к нашему повествованию прямого отношения не имеет. Исторiku приходится «ворошить грязное белье», но это оправдано лишь тогда, когда действительно необходимо. В данном случае такой надобности нет. Хотя во все времена российские власти не доверяли генералитету, что, очевидно, было вызвано «традицией» дворцовых переворотов XVIII века. Притом, заметьте, каждый государь имел военачальников, соответствующих его правлению, его эпохе. «Очаровательные франты» блистательной эпохи Александра I, тусклые посредственности Николая II, талантливые выходцы из низов, возвысившиеся при Сталине... Каждый государь воистину создавал своих военачальников — и их же боялся. А уж по какой причине убирали или «задвигали» талантли-

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 759–760.

** *Мартиросян А. Б.* 100 мифов о Берии. Кн. 2. С. 257–258.

вейших А. В. Суворова, М. Д. Скобелева, Г. К. Жукова или В. Н. Лобова — это знают только те, кто таковое делал. Грехов разного рода хватает у всех, и потому можно только гадать, что именно является причиной, а что — поводом.

В нашей книге для полноты и объективности картины необходимо сообщить, что «Дело Жукова» вели военные контрразведчики. Из показаний арестованного маршала Новикова выяснилось, что Жуков в узком кругу высказывался о своей решающей роли в достижении Победы и вообще вел «антисталинские разговоры»*. То есть именно военные контрразведчики способствовали опале «Маршала Победы» — из песни слова не выкинешь. Хотя тут можно сделать еще одну ремарку: в России, где «от тюрьмы и от сумы» зарекаются не принято, пострадать «за политику» гораздо почетнее, нежели в результате, что называется, «коррупционного скандала». Закрываем тему.

* * *

В марте 1953 года, сразу же после смерти И. В. Сталина, госбезопасность была подвергнута очередным реформам: МГБ и МВД вновь были объединены в рамках одного ведомства — Министерства внутренних дел СССР, которое опять возглавил Берия. Центральный аппарат военной контрразведки стал называться Третьим главным управлением МВД СССР, отделы контрразведки в войсках в очередной раз переименованы в особые отделы.

«Оттепель» Берии, Маленкова, Хрущева привела органы госбезопасности на новый качественный уровень. С марта 1953 года силовое ведомство страны стало постепенно менять свой репрессивный облик сталинского периода. В связи с этим особо можно выделить эпохальный приказ Л. П. Берии № 0068 от 4 апреля 1953 года «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Начался поиск оптимальной структуры, методов и форм работы специальных служб страны, которые бы наиболее адекватно отвечали новым целям и задачам, поставленным «коллективным руководством» СССР**.

Стоит отметить удивительную по своей наивности

* Рыбас С. Ю. Сталин. С. 760.

** Пожаров А. И. «Хрущевская оттепель» и КГБ // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 180.

трактовку рядом наших историков бериевских предложений: мол, это он просто притворялся, стремясь завоевать популярность в народе и таким образом захватить власть.

Но, как бы там ни было, 26 июня 1953 года Л. П. Берия был арестован — и в руководстве органов безопасности начались перестановки, последовали очередные реорганизации.

«Главные тенденции в этом процессе были направлены на сокращение штатов органов госбезопасности и упрощение их структуры. Только за три года (с 1953 по 1955 год) общая штатная численность органов госбезопасности была сокращена на 52 процента... Объективно Министерство госбезопасности нуждалось в реорганизации — достаточно отметить, что штатная численность личного состава ведомства в начале 50-х годов превосходила его численность по сравнению с довоенным в три раза. Однако четкая программа реформирования в этой области у лидеров партии и правительства отсутствовала. Руководство страны лишь интуитивно (а порой и просто произвольно) пыталось найти оптимальную структуру, которая бы эффективно обеспечивала безопасность Советского государства от внешних и внутренних угроз на новом этапе исторического развития СССР»*.

Новое руководство страны спешило установить контроль над силовыми структурами, для чего первым делом требовалось удалить «ставленников Берии». Напомним, однако, что с 15 января 1946-го до 5 марта 1953 года Лаврентий Павлович не имел к Лубянке никакого отношения, так что «ставленников» его там оставалось не так уж и много. Хотя можно догадываться, почему Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков и прочие стремились избавиться от многознающих чекистов...

В военной контрразведке, хотя и меньше, чем в территориальных органах, также произошла замена ряда руководящих кадров. В июле начальником Третьего главного управления — взамен арестованного и расстрелянного вслед за Л. П. Берией генерал-полковника С. А. Гоглидзе — был назначен кадровый армейский политработник генерал-лейтенант Д. С. Леонов.

Леонов Дмитрий Сергеевич (1899—1981). С марта 1922 года — красноармеец саперной роты, с августа — политрук. С июня 1941 года — член Военного совета 22-й армии, с ок-

* *Пожаров А. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 180.

тября — Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов; с октября 1944 года — заместитель начальника Генштаба РККА по политчасти; с мая 1945 года — член Военного совета 2-го Дальневосточного фронта и Дальневосточного военного округа. С мая 1947 года — член Военного совета Московского, затем Ленинградского военного округа. В июле 1953 года решением ЦК КПСС направлен в органы госбезопасности: начальник 3-го Управления МВД СССР — 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР. Генерал-лейтенант. Уволен из КГБ в июле 1959 года.

Комментарий историка:

«Славное прошлое у нашего Чернского района. Подумать только: одних Героев Советского Союза 11 человек! Были у нас и славные генералы, в том числе — Дмитрий Сергеевич Леонов. В июне 1941 года он — корпусный комиссар, член Военного совета 22-й армии, затем — Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов. Участвовал в Смоленском сражении, в битве под Москвой, Ржевско-Сычевской, Великолукской, Ржевско-Вяземской, Смоленской, Невельской, Белорусской, Рижской, Мемельской операциях. С октября 1944 года — заместитель начальника Генштаба по политчасти. С мая 1945 года — член Военного совета Дальневосточного, затем 2-го Дальневосточного фронтов, участник Маньчжурской операции. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Кутузова I степени, многочисленными медалями».

*Виктор Кузьминов, газета «Заря»
Чернского района Тульской области*

Тринадцатого марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР, в состав которого вошли основные оперативные управления бывшего МВД.

«В 1954 году очередная реформа выделила органы госбезопасности из МВД. С образованием КГБ понизился статус нового ведомства до комитета при Совете министров СССР. Это был шаг ЦК партии на пути к полному подчинению КГБ партийному аппарату и лишения органов госбезопасности какой бы то ни было самостоятельности. Несмотря на то, что в названии нового комитета фигурировала частица “при”, предполагавшая ведомственную подчиненность органам исполнительной власти, на самом деле линия на усиление контроля со стороны ЦК КПСС существ-

венно усилилась, а Совет министров СССР окончательно потерял былое влияние на государственную жизнь в стране и соответственно руководящие позиции в сфере обеспечения безопасности государства»*.

Военная контрразведка стала Третьим главным управлением КГБ при СМ СССР. Ее периферийные органы — в структурах от военного округа до бригады и гарнизона — именовались «Особые отделы КГБ при СМ СССР». В системе военной контрразведки имелось два управления особых отделов КГБ — в Группе советских войск в Германии и в Дальневосточном военном округе.

Главное управление состояло из пяти оперативных отделов: 1-й отдел — работа в Генштабе и Центральных управлениях сухопутных войск; 2-й отдел — контроль и помощь особым отделам на местах; 3-й отдел — оперативное обеспечение ВВС, ПВО и ГВФ (Гражданского воздушного флота); 4-й — ВМФ; 5-й — так называемых войск ВЧ-связи — то есть будущей «Правительственной связи».

Как официально считалось, в деятельности органов военной контрразведки в полной мере были восстановлены следующие принципы: работа под контролем и руководством КПСС; опора на советский народ; строгое соблюдение социалистической законности; бдительность в борьбе с врагами; воспитательно-профилактическое воздействие на людей, случайно, без злого умысла вставших на неправильный путь.

Чтобы «закрепить» эти процессы, на руководящую работу в особые отделы была направлена большая группа ответственных партийных работников и войсковых политработников, ранее не служивших в органах госбезопасности. Выбирая между профессионалами и людьми «преданными», предпочли как всегда последних. Смена руководства, значительное обновление кадров имели определенное положительное значение, зато в работе ряда подразделений центра и периферии была утрачена преемственность, снизился профессиональный уровень оперативного состава.

«Управление военной контрразведки в 1953—1959 годах возглавлял генерал-лейтенант Д. С. Леонов, занимавший до этого пост члена Военного совета Ленинградского военного округа. По роду своей предыдущей службы он имел общее представление о задачах и деятельности военной контрразведки, но знаний о конкретных методах и формах работы, ее тонкостях у него, разумеется, не было. Это отсутствие специальных знаний и опыта при решении

конкретных оперативных вопросов ставило его и сотрудников военной контрразведки в сложное положение. Докладывая, контрразведчики избегали затрагивать те стороны дела, которые могли бы обнаружить некомпетентность начальника. Леонов же, как правило, в силу неглубокого знания чекистской работы, делал упор на военную, техническую и другие более близкие ему стороны рассматриваемой проблемы. К тому же, занимая высокие посты в вооруженных силах, Леонов не имел высшего образования. Это отражалось на работе, несмотря на его житейский опыт и мудрость.

Из воспоминаний ветеранов известно, что пробелы в чекистской профессии Д. С. Леонов пытался компенсировать насаждением в аппарате управления уставной воинской дисциплины, попытками реорганизовать работу аппарата на армейский манер, не считаясь при этом с особенностями агентурно-оперативной работы. Даже вызванное интересами дела появление на службе сотрудника в штатском костюме рассматривалось им как нарушение воинской дисциплины.

Однако пребывание генерала Леонова во главе военной контрразведки имело и свою положительную сторону — он значительно приблизил руководящий и оперативный состав к армии и ее командованию, расширил взаимодействие особистов с армией и наполнил его новым содержанием»*.

* * *

Вернемся, однако, к Группе советских войск в Германии — наиболее крупной по своему составу группировке, оснащенной самой современной боевой техникой и вооружением. Она вызывала особенный интерес потенциального противника и требовала соответствующего контрразведывательного обеспечения.

В состав Управления особых отделов КГБ при СМ СССР по ГСВГ первоначально входили два оперативных отдела: 1-й отдел обеспечивал безопасность штаба Группы войск и воинских частей непосредственного подчинения, 2-й, направленный, контролировал и направлял работу подчиненных органов — особых отделов армий, дивизий, бригад и гарнизонов.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 171.

Управление было наиболее мощным по оснащенности и уровню подготовки кадров органом в составе советской военной контрразведки; его уникальная структура позволяла собственными силами решать весь комплекс контрразведывательных задач. Наряду с «традиционными» подразделениями в его состав входили специальные оперативно-технические службы; при управлении состояли полевой следственный изолятор и батальон охраны. По штату, у руководителя управления было три заместителя в чине генерал-майора.

В июне 1953 года, не без подстрекательства западных спецслужб, в 45 городах и населенных пунктах ГДР произошли волнения, и только силами советских войск было предотвращено большое кровопролитие. Особыми отделами МГБ также было сформировано 80 опергрупп, принимавших меры по стабилизации обстановки. После этого руководство ГДР вплотную приступило к созданию своей Национальной народной армии. Управление особых отделов оказывало помощь в разработке организационных основ и идеологии вновь создаваемой службы безопасности — военной контрразведки. Был сформирован советнический аппарат, причем советские советники носили немецкую форму. Акценты в работе военной контрразведки ГДР были направлены на предотвращение проникновения во вновь создаваемую ННА агентуры западных спецслужб и другого «враждебного элемента». При этом взаимодействие советской военной контрразведки с МГБ ГДР не выходило за рамки обеспечения безопасности советских войск.

В декабре 1954 года на уровне высшего руководства партии и страны было утверждено решение о введении в структуру управления специального подразделения для организации закордонной работы против спецслужб и войск НАТО — по опыту зафронтной работы контрразведки «Смерш».

«Генерал-лейтенант Леонов предложил мне возглавить эту работу с предоставлением права разработки структуры и штата отдела, подбора квалифицированных сотрудников со знанием иностранных языков, — вспоминает И. Л. Устинов. — Данное предложение было настолько неожиданным, что на первых порах я высказал сомнение в целесообразности моего назначения на столь ответственную должность. Свое сомнение я обосновывал тем, что прежде не занимался закордонной работой, что у меня нет специальной теоретической подготовки и практического опыта.

Однако такие объяснения генерал Леонов не принял и велел без проволочек возвратиться к месту службы и приступить к выполнению приказа.

Перед возвращением в Германию Леонов организовал мне встречу с одним из руководителей Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). По его просьбе мне рассказали о сущности практической закордонной работы, ее правовых основах. Еще до возвращения в ГСВГ был получен приказ о моем назначении на должность начальника создаваемого 3-го отдела. Так в те времена принимали решения, основываясь на высших интересах государства. Личное мнение, семейные обстоятельства и другие объяснения во внимание не брались.

Все рабочее время (день и ночь) было посвящено обобщению и изучению имеющихся материалов. Приходилось обращаться за помощью и в представительство КГБ при Министерстве госбезопасности ГДР. Надо было выяснить места дислокации и методы деятельности спецслужб НАТО, возможные пути их проникновения к нашим секретам и способы установления контактов с личным составом советских войск, слабые участки в спецслужбах западных стран, которые можно было бы использовать для решения поставленной задачи и т. д.»*.

«Примерно в конце 1955 года к нам в Потсдам, — пишет ветеран военной контрразведки Аркадий Николаевич Корнилов, — приезжал начальник Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР генерал А. М. Сахаровский, руководитель всей внешней разведки КГБ СССР. Свое выступление перед нами он назвал не лекцией, а просто беседой с “коллегами-конкурентами”. Беседа продолжалась около четырех часов, у нас были свои вопросы к докладчику, на которые он отвечал обстоятельно, аргументированно и убедительно. Встреча с руководителем советской внешней разведки оставила яркое положительное впечатление...

Позднее, делаясь впечатлениями об этой встрече, я спросил одного из руководителей третьего отдела — в чем же дело, какие мы “конкуренты” ПГУ? Ведь в моем представлении ПГУ и мы — это слон и моська — величины несопоставимые. Почему в адрес отдела, хоть и вскользь, прозвучал комплимент из уст первого руководителя разведки

* Устинов И. Л. Указ. соч. С. 101–102.

Союза? Мне было сказано, что в свое время я все узнаю, — почему отделу дается такая оценка»*.

Александр Михайлович Сахаровский, более пятнадцати лет руководивший ПГУ, — это во всех отношениях такая величина и столь уважаемый человек, что к сказанному ничего добавлять не надо. Понятно без слов.

Вскоре уже вновь сформированному отделу удалось выйти на конкретные каналы связи американской разведки со своей агентурой, действовавшей в районах размещения ГСВГ. Это позволило выявить более десяти агентов, прошедших специальную подготовку, снабженных радиостанциями для связи с разведцентром США, заполучить их инструкции, шифры и коды, обеспечить через возможности особых отделов на местах контроль за работой этой агентуры.

Была также осуществлена успешная операция по проникновению в секреты английской разведки. Тогда 3-му отделу удалось заполучить настолько серьезный источник информации о возможностях и конкретных намерениях спецслужб Великобритании по добыванию сведений оборонного и научно-технического характера, что для обработки и анализа получаемых материалов была создана специальная группа. Обработанная информация еженедельно пересылалась самолетом в Центр.

Третий отдел проводил и острые активные мероприятия. В частности, оперативники под видом ремонтных рабочих проникли в офис западноберлинского филиала находящейся на содержании спецслужб организации ЦОПЭ (Центральное объединение послевоенных эмигрантов) и изъяли агентурную картотеку на 110 человек. Эти агенты, главным образом женщины, склоняли наших военнослужащих к побегу на Запад.

Также более ста агентов удалось обезвредить за счет первербовки всего одной агентурной пары, внедренной западногерманской разведкой в окружение ГСВГ...

Впрочем, разведывательные усилия наращивал и противник. Приоритетной его целью было приобретение источников информации из числа советских военнослужащих. Дело это имело большие перспективы: отслужив в Группе, агент возвращался во внутренние военные округа,

* Корнилков А. Н. Берлин: Тайная война по обе стороны границы. М., 2009. С. 162–163.

а то и в центральный аппарат Минобороны или в Генштаб, и мог стать ценнейшим источником информации.

Западные спецслужбы в буквальном смысле тотально насаждали агентуру в районах расположения советских частей, организуя плотное наблюдение за военнослужащими с использованием всех оперативных возможностей. Так, знакомые с традиционным российским разгильдяйством американцы организовали получение шпионской информации даже с мусорных свалок наших гарнизонов. Они предлагали нуждающимся немцам искать в помойках письма и бумаги на русском языке, за что платили им какие-то небольшие деньги. Успех превзошел все мыслимые ожидания: на свалке близ города Фюрстенберга такой «копальщик» нашел конспект с записью тактико-технических характеристик нового танка, за которыми американцы тогда долго и безуспешно охотились...

К тому же постоянно проводились «идеологические диверсии» против личного состава, попытки враждебной обработки конкретных военнослужащих.

Возникла необходимость ответить мощным «отрезвляющим» ударом по наиболее активно действующим спецорганам и их агентуре. Таким ударом стала контрразведывательная операция «Весна», разработанная и проведенная в апреле 1955 года. Суть ее состояла в одновременном задержании всех установленных к тому времени шпионов, проходивших по материалам военной контрразведки Группы войск, МГБ ГДР и инспекции по безопасности верховного комиссара СССР в Берлине.

Действительно, масштабы и результаты операции оказались весьма впечатляющими. В докладной записке, подписанной начальником Управления особых отделов ГСВГ генерал-лейтенантом Г. К. Циневым, сообщалось:

«В результате проведения операции арестовано свыше 500 вражеских агентов, в том числе:

американской разведки — 221;

английской — 105;

“Организация Гелена” — 45;

“Ведомство Бланка по охране конституции” — 22.

Арестована большая группа агентов западногерманских подрывных организаций:

Радиостанции “РИАС” — 71;

Так называемой “Группы борьбы против бесчеловечности” — 56;

“Следственного комитета свободных юристов” — 36.

В результате проведения комбинации выведено 11 официальных сотрудников, резидентов, агентов-вербовщиков и агентов-наводчиков...

Ликвидированы: 4 резидентуры американской разведки; 5 — английской; 3 — ФРГ; 10 западноберлинских подрывных центров.

В числе арестованных: 15 резидентов; 31 курьер, связник; 15 агентов-вербовщиков; 9 радистов»*.

Цинев Георгий Карпович (1907—1996). Начал трудовую деятельность чернорабочим, с 1935 года — инженер; с 1939-го — на партийной работе. В 1940—1941 годах — секретарь Днепропетровского горкома КП(б) Украины. С июля 1942 года — начальник политотдела 4-й Ударной и 57-й армий. С сентября 1953 года — начальник Управления особых отделов МВД по Группе советских оккупационных войск в Германии; с сентября 1960 года руководил Спецуправлением 3-го Управления КГБ; с февраля 1966 года — начальник 3-го Управления КГБ при СМ СССР, член Коллегии КГБ; с июля 1967 года — начальник 2-го Управления КГБ; с августа 1970 года — заместитель, первый заместитель председателя КГБ СССР. Генерал армии. Герой Социалистического Труда; награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого II степени, Отечественной войны I и II степени. С ноября 1985 года — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Свидетельство современника:

«Георгий Карпович Цинев был личностью широкого масштаба вопреки тому, что бы и как бы ни говорили о нем его недоброжелатели. Не таким уж простым человеком был Георгий Карпович, как иногда о нем пишут и говорят. Георгий Карпович Цинев очень любил дисциплину, порядок, был справедлив и честен перед людьми. Он был человеком весьма осведомленным и хорошо понимал контрразведку, хотя, по мнению ряда признанных контрразведчиков, отнести его к числу выдающихся деятелей контрразведки было бы не совсем правильно. Он был тверд в своих решениях. Был строг. Доверял молодым работникам, делал на них ставку. Был предан службе».

Юрий Андреевич Ведяев, сотрудник КГБ СССР

Напомним, что все оперативные «задачи решались

* *Николаев Ю. А.* Будни военного контрразведчика. 1949—1991 гг. М., 2005. С. 81.

Управлением особых отделов КГБ по ГСВГ и подчиненными ему отделами в армиях и дивизиях в сложной и весьма специфической обстановке. Для осуществления разведывательных и иных подрывных акций против ГСВГ западные спецслужбы использовали целый ряд благоприятных обстоятельств — разведку военных объектов ГСВГ значительно облегчали большая концентрация войск на сравнительно небольшой и густо населенной территории ГДР; расквартирование советских частей и соединений в хорошо известных местным жителям городках и казармах, а также на аэродромах бывшего вермахта, аренда линий связи, принадлежавших ГДР; традиционное использование для войсковых учений и занятий одних и тех же полигонов — Магдебургского, Либерозского и др.; постоянный поток в войска Группы и обратно боевой техники, личного состава и военных грузов через главные “ворота” — станцию Франкфурт-на-Одере и порт Росток*.

* * *

На XX съезде КПСС, проходившем 14—25 февраля 1956 года, Н. С. Хрущев фактически переложил на органы госбезопасности ответственность за репрессии 1930-х годов, утверждая, что, мол, спецслужбы «вышли из-под контроля партии», а потому и «совершили серьезные преступления». Как результат, на протяжении примерно последующего десятилетия оперативная деятельность КГБ, в том числе и военной контрразведки, проходила на фоне, мягко говоря, настороженного и не всегда доброжелательного отношения граждан. Руководству и оперсоставу пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть это недоверие, наладить рабочие взаимоотношения с армейским командованием.

Об одном из «деликатных» направлений этих усилий рассказывал генерал-майор Леонид Георгиевич Иванов:

«Ко мне, как к начальнику отдела Третьего управления по академиям, а затем и по Генштабу, в наследство от В. С. Абакумова перешло большое количество оперативных дел на крупных военачальников, в том числе и на некоторых маршалов. В их числе были, например, материалы на Маршалов Советского Союза М. В. Захарова, Р. Я. Малиновского, А. М. Василевского, Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова и др. В материалах этих дел были в основном выписки из показаний арестованных офицеров и

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 176.

генералов, касающиеся названных лиц, записи разговоров, полученные техническими средствами, некоторые другие оперативные документы. В некоторых делах были фотографии, в других копии различных письменных распоряжений Сталина. Возможно, эти дела велись по инициативе В. С. Абакумова, возможно, по приказу самого И. В. Сталина, который, не исключено, боялся предательства со стороны армейского руководства в тяжелейшей из войн.

Все эти дела мне, вместе с оперсоставом, было приказано пересмотреть и вынести обоснованное постановление либо об их уничтожении, либо с рекомендациями дальнейшей разработки. Как правило, постановления выносились об уничтожении этих дел, в них не было ничего серьезного»*.

Иванов Леонид Георгиевич (1918—2015). В 1937 году поступил в Академию связи, со 2-го курса направлен на работу в территориальные органы НКВД. С началом Великой Отечественной войны — в военной контрразведке. Участвовал в обороне Одессы, воевал в Крыму и Сталинграде. Служил в Особом отделе НКВД — ОКР «Смерш» 5-й Ударной армии; закончил войну в Берлине. Служил в ГСОВГ и Киевском военном округе, в центральном аппарате военной контрразведки. С июля 1959 года — начальник Особого отдела КГБ по Прибалтийскому военному округу, Южной группе войск, Киевскому и Московскому военным округам; затем до увольнения по возрасту в июле 1986 года — сотрудник представительства КГБ СССР при МВД Болгарии. Генерал-майор. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и орденом Отечественной войны II степени, четырьмя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Точка зрения Л. Г. Иванова:

«Задача военной контрразведки — своими специфическими средствами помочь командованию обеспечить победу над врагом. То есть бороться с агентурой, с изменой, добывать информацию о противнике и т. д. Я считаю, что если бы не было активной, эффективной работы Смерша, то Победы именно в мае 1945-го могло и не быть. Она бы была, но, видимо, позже и с большими, гораздо большими потерями. Недаром Верховный Главнокомандующий очень

* *Иванов Л. Г.* Правда о «Смерше». Записки военного контрразведчика. М., 2007. С. 181–182.

высоко оценил деятельность военной контрразведки. После войны он объявил благодарность всему личному составу органов Смерш. Устно, правда, но объявил».

С 1 марта 1953 года в советских вооруженных силах начался очередной этап сокращения личного состава — ликвидировались боевые соединения, органы управления, тыловые и обслуживающие части и учреждения, военно-учебные заведения; офицеры и сверхсрочники частично заменялись гражданскими служащими. Сокращения войск приводили к соответствующим оргштатным изменениям и в органах военной контрразведки. Очевидно, сокращение пятимиллионной армии было действительно необходимым, но проведение масштабных сокращений в предельно сжатые сроки, без соответствующих мероприятий по трудоустройству увольняемых, серьезно ударило по людским судьбам. Уже к 1955 году было уволено в запас более пяти-сот тысяч военнослужащих. Часть молодых офицеров сама стремилась уйти в запас до «обвального» сокращения; многие курсанты военных училищ сожалели о сделанном выборе. Особенно болезненно воспринимали увольнение из армии семейные офицеры, не имевшие гражданских профессий, жилья и права на пенсию. Местные органы власти трудоустройством офицеров запаса и выделением для них квартир практически не занимались. По состоянию на январь 1959 года, число уволенных из армии бесквартирных офицеров составляло 47 674 человека.

Органы военной контрразведки пытались обратить внимание руководства страны и вооруженных сил на негативные последствия происходящего, но, к сожалению, эта информация чаще всего во внимание не принималась.

* * *

С середины 1950-х годов в деятельности органов безопасности начали утверждаться, а затем получили приоритет предупредительно-профилактические меры: главной задачей было предотвратить преступление, а для этого — выявить и устранить причины, его породившие. Предупредительно-профилактическая работа занимала одно из центральных мест и в деятельности органов военной контрразведки. Так называемая «профилактика» проводилась главным образом в отношении лиц, вынашивавших изменнические и дезертирские намерения, допускавших антисоветские высказывания, распространявших «политически

вредные издания», нарушавших режим и правила секретности. Воспитательное воздействие осуществлялось как непосредственно оперативным и руководящим составом особых отделов, так и через командование, политические, партийные и комсомольские органы, армейскую общественность, а иногда и с помощью родственников. Разумеется, чаще всего «профилактике» подвергались не имевшие достаточных жизненного опыта, ума и осмотрительности военнослужащие срочной службы.

В случаях, когда отрицательные явления носили общий характер и затрагивали основы боеготовности, — в частности, по вопросам сохранения государственной и военной тайны, сбережения оружия и техники, искривлений дисциплинарной практики и неуставных отношений и прочего, — о них докладывали вышестоящему командованию для принятия соответствующих мер. По вопросам, касающимся обороноспособности государства, информация докладывалась руководству Минобороны и в ЦК КПСС.

Сотрудники военной контрразведки и сами участвовали в работе по воспитанию личного состава «в духе высокой политической бдительности». Стали практиковаться выступления оперработников и руководителей подразделений перед различными категориями военнослужащих — в первую очередь там, где требовала обстановка. Военнослужащие должны были знать оперативного работника и при необходимости иметь возможность встретиться с ним.

В качестве примера профилактической работы можно привести случай, когда в 1956 году КГБ объявил розыск автора анонимных писем, подписанных некой политической партией, содержавших угрозы в адрес ЦК КПСС. Эксперты предположили, что таковым может быть уволенный из армии офицер, имевший отношение к научной работе, а потому к розыску были подключены сотрудники Особого отдела по военным научно-исследовательским институтам.

Вскоре контрразведчики установили, что аноним — полковник в отставке И., ранее проходивший службу в одном из НИИ. Учитывая, что И. — участник войны, что он был хорошим офицером, а в основе его действий лежала исключительно обида на несправедливое увольнение, руководство Третьего главного управления КГБ приняло решение о его «профилактике». С И. встретились генерал-лейтенант Д. С. Леонов и начальник Особого отдела по военным научно-исследовательским институтам полковник Б. В. Гераскин. Отставной полковник сразу во

всем сознался, подтвердил отсутствие «партии» и клятвенно пообещал впредь ничего подобного не делать. Не нужно сомневаться, что обещание было выполнено.

Но, конечно, не это направление было ведущим для военной контрразведки.

«Наиглавнейшей нашей задачей было надежное ограждение штаба и управления округа от проникновения в них, прежде всего, агентуры разведок НАТО, — писал генерал-лейтенант Федор Иванович Рыбинцев, в конце 50-х годов служивший в Особом отделе КГБ Прикарпатского округа. — Над ее выполнением мы работали всем составом сектора, включая оперработников, которые хотя и не имели прямого отношения к управлениям и отделам штаба округа, но обслуживали воинские части и учреждения их обеспечения. Эта работа велась в тесном взаимодействии с другими особыми отделами и коллегами из территориальных органов КГБ. Нет надобности говорить, что это непростая работа. Не каждый день ловят шпионов, но над тем, чтобы не допустить их проникновения в штаб и управление округа, исключить утечку военных секретов, мы работали постоянно и делали максимум возможного. Исходили из того, что такой орган военного управления, как штаб приграничного округа, стоящего на важном стратегическом направлении, может быть целевым объектом иностранных разведок для проникновения в него своей агентурой.

Мы не только принимали меры к ограждению, но и вели поиск, исходя из того, что этот “фронт”, возможно, прорван. Возможно, шпион уже есть в штабе или рядом с ним и делает свое черное дело. Находили, и находили не так уж мало лиц, которые заслуживали того, чтобы разобратся хотя бы в их личности. Например, один из бывших преступников, участник массовых расстрелов советских и польских граждан в период войны, устроился под чужими данными на работу столяром в административно-хозяйственный отдел и имел доступ во все помещения штаба округа. Нетрудно представить, как бы охотно служил иностранной разведке такой человек, если бы она на него вышла. Но его ждал суд в Польской Народной Республике, так как на него вышли мы и установили, кто он есть на самом деле»*.

Можно сказать, что, несмотря на все реформы и сокращения, в это время обстановка в вооруженных силах ста-

* *Рыбинцев Ф. И.* В одном строю. Записки военного контрразведчика. М., 2001. С. 62–63.

билизировалась. Например, по данным Особого отдела Тихоокеанского флота, вплоть до начала 1960-х годов численность дезертировавших из частей и с кораблей не превышала пятидесяти человек в год. Изменились и мотивы, толкавшие военнослужащих на дезертирство, — чаще всего это были какие-то бытовые причины, личные обиды и взаимоотношения. Однако постепенно вырисовывались новые проблемы, которые позже проявятся во всей остроте. В частности, стало появляться уродливое явление — «дедовщина». Военные контрразведчики принимали решительные меры по ее искоренению, добиваясь определенных результатов.

* * *

«Девятого января 1959 года Президиум ЦК КПСС утвердил совершенно секретное “Положение о КГБ при СМ СССР”. Опираясь на принципы и задачи, изложенные в нем, Комитет строил свою работу более тридцати лет — только в мае 1991 года “Положение” сменил Закон СССР об органах государственной безопасности.

О конкретных функциях военной контрразведки в пункте “г” “Положения” было записано, что “контрразведывательная работа в Советской армии, Военно-морском флоте, ГВФ, в пограничных войсках и войсках МВД ведется с целью предупреждения проникновения в их ряды агентуры иностранных разведок и иных враждебных элементов”*.

Как раз в том году военной контрразведкой был арестован такой агент.

Двадцать первого января разведчики наружного наблюдения засекли контакт сотрудника американской резидентуры — атташе административно-хозяйственного отдела посольства США Рассела Лэнжели с подполковником Советской армии. Военные контрразведчики выяснили, что это — Петр Семенович Попов, сотрудник Главного разведуправления Генштаба. Жил он в городе Калинин у родственников. С 1951 по 1954 год Попов служил в Венской резидентуре ГРУ, а в 1955—1958 годах — в ГДР, пока не стало известно о его романе с австрийской подданной и командировка не была досрочно завершена. Но все же Попов продолжил работу в центральном аппарате ГРУ. Выяснилось, что в середине 1958 года он выводил в Нью-Йорк нелегаль-

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 179.

ную сотрудницу, которая сразу попала под плотный контроль ФБР и самостоятельно вернулась в Москву. В провале Попов обвинил тогда саму сотрудницу, и его объяснения были приняты.

Оперативники поняли, что контакт с Лэнжели не был случаен. Собранные материалы концентрировались в деле под кодовым названием «Бумеранг», а подполковник получил в оперативных документах псевдоним «Иуда». За ним было установлено круглосуточное наблюдение; была задействована служба радиоконтрразведки. Как потом выяснилось, радиоразведывательный центр США во Франкфурте-на-Майне дважды в неделю направлял ему зашифрованные сообщения. Вскоре было перехвачено письмо, направленное Попову из Москвы: «Иуду» извещали тайнописью о высокой оценке, которую получила в штаб-квартире ЦРУ его информация, и давали ему новые задачи. В письме также сообщался график радиопередач. После соответствующей обработки письмо было опущено в почтовый ящик адресата.

Бывая в Москве, Попов посещал отдел кадров ГРУ, встречался с сослуживцами; в Калининe, в ресторане, он общался с офицером, служившим на особо важном объекте ПВО страны, несколько раз заходил к знакомому офицеру одного из соединений Московского военного округа. Все эти контакты тщательно отрабатывались оперативными сотрудниками военной контрразведки...

Полученные материалы о сотрудничестве Попова с иностранной разведкой сомнений не вызывали; активизация его связей с потенциальными обладателями военных тайн представляла серьезную угрозу интересам государства, а потому уже 18 февраля «Иуда» был задержан у касс Ленинградского вокзала. На квартире агента были изъяты доказательства его шпионской деятельности.

На первом же допросе Попов признал свою связь с ЦРУ, которая началась в 1953 году, когда он был секретно задержан американской военной полицией в Вене. В процессе следствия было установлено, что он выдал четырех нелегальных военных разведчиков и ряд агентов. Он также «сдал» противнику несколько явок ГРУ, раскрыл более восьмидесяти офицеров военной разведки, сообщил информацию стратегического и политического характера.

Уточним, что определенная заслуга в успехе мероприятий по выводу из-за границы преданных Поповым нелегалов принадлежит военной контрразведке.

В результате оперативной игры, проведенной сотрудниками Второго главного управления КГБ при СМ СССР, сотрудник ЦРУ Рассел Лэнжели был задержан с поличным. Как дипломат, он был объявлен персоной нон грата и выдворен из СССР. А вот «Иуду» приговорили к расстрелу...

* * *

После провала операции «Моби Дик» разведка «главного противника», как называли США, перешла к использованию самолетов-шпионов, начиненных электронной аппаратурой и летавших над территорией СССР на недосягаемой для истребителя-перехватчика высоте порядка 20 километров.

Первого мая 1960 года самолет-шпион U-2 «Локхид», пилотируемый капитаном ВВС США Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, взлетел из пакистанского Пешавара, чтобы, пролетев 6060 километров, из них 4670 километров — над территорией Советского Союза, приземлиться в норвежском Будё. Однако при подлете к Свердловску самолет был сбит зенитной ракетой С-75.

Местные жители, не разобравшись, кто это такой, радушно встретили приземлившегося с парашютом летчика и отвезли его в правление совхоза, куда вскоре прибыли военные контрразведчики капитан Панков и старший лейтенант Ананьев, а затем на машине Пауэрс был доставлен в Особый отдел КГБ по Уральскому военному округу. Только после того, как летчик был показан местному партийному руководству и военному командованию, было решено его обыскать.

«С него сняли ботинки, камуфляжную форму и раздели до нижнего белья, — вспоминал генерал-майор Сергей Иванович Божков, бывший в ту пору оперативным сотрудником Особого отдела КГБ по УрВО. — Мне было поручено осмотреть комбинезон с его многочисленными карманами. В правом наколенном кармашке я обнаружил необычную утолщенную булавку и через переводчика спросил Пауэрса, что это за булавка. Он ответил, что это обыкновенная булавка-игла. Тогда я взял ее и воткнул в газету, чтобы не затерялась...»*

В самолете, летящем в Москву, американец вдруг за-

* Божков С., Антошкин Е. Человек, который спас Пауэрса // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 2000. С. 312.

нервничал и стал что-то искать по карманам. Что он искал, стало ясно лишь на Лубянке, когда Пауэрс попросил через охрану передать, что с изъятой у него булавкой надо обращаться чрезвычайно осторожно, так как она начинена сильнодействующим ядом. Бдительность военных контрразведчиков, изъявших этот специальный шприц, предотвратила воистину непредсказуемые последствия, которые могли произойти в случае скоропостижной смерти летчика.

Пауэрс предстал перед судом и по обвинению в шпионаже был приговорен к десяти годам тюрьмы. Однако 10 февраля 1962 года он был обменян на советского разведчика Рудольфа Ивановича Абеля.

Ну а на смену самолетам-шпионам вскоре пришли шпионы-спутники.

* * *

В 1960 году произошли серьезные изменения в организации и деятельности вооруженных сил и органов госбезопасности. Следуя путем тогдашних реформ, председатель КГБ А. Н. Шелепин провел крупные мероприятия, направленные на упрощение структуры центрального аппарата, сокращение численности органов и войск КГБ, «освобождение органов безопасности от несвойственных им функций».

«С приходом к руководству КГБ в декабре 1958 года бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина органы госбезопасности подверглись последней крупной реорганизации и значительному сокращению штатов в советский период. За три года руководства КГБ “комсомольским вожаком” окончательно утвердился контроль со стороны аппарата ЦК партии над органами госбезопасности.

После шелепинских реорганизаций в работе органов госбезопасности наступила определенная стабильность. С этих пор это силовое ведомство уже больше не подвергали крупным сокращениям, а только постепенно увеличивали его штат и структуру. В немалой степени этому способствовали усиление накала в холодной войне и осложнение внутриполитической ситуации»*.

Третьего июля 1959 года был уволен в запас «по состоянию здоровья» начальник Третьего главного управления Д. С. Леонов.

* Пожаров А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 181.

«Когда генерала Леонова отправили на пенсию, он заплакал. Его заместитель генерал-майор Анатолий Михайлович Гуськов растроганно сказал:

— Дмитрий Сергеевич, сегодня такой необычный и памятный день. Давайте вечером соберемся в ресторане и вас тепло проводим.

Бывший начальник военной контрразведки задумался, его лицо приобрело обычный суровый, отрешенный вид. Он ответил:

— Что еще придумали! Толкаете меня на организацию коллективной пьянки. Нет, увольте...»*

Гуськов Анатолий Михайлович (1917—2005). С сентября 1939 года — слушатель Высшей школы НКВД СССР, затем — в территориальных органах. С июля 1941 года — начальник Особого отдела ряда соединений. В 1951—1953 годах работал в аппарате ЦК КПСС, министром внутренних дел Азербайджанской ССР, председателем КГБ при СМ Азербайджанской ССР. С сентября 1956 года — заместитель начальника, с июня 1959-го — начальник 3-го Главного управления (3-го Управления) КГБ при СМ СССР. С февраля 1963-го по 1970 год — начальник Особого отдела КГБ по Московскому военному округу. Генерал-майор.

Из воспоминаний А. М. Гуськова:

«В коллективе 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР я почувствовал себя как в раю. Там всюду царила здоровая, спокойная обстановка...»

Но ветераны Лубянки рассказывают, что якобы отказ Леонова был обусловлен тем, что он, старый войсковой политработник, не доверял чекистам, не понимая их. Что ж, это беда не только Леонова, но и многих других «назначенцев», направляемых в силовые структуры «со стороны» — для обеспечения «лояльности». Только кто знает, сколько вреда принесли эти «назначенцы», сколько судеб переломали, сколько после них приходилось вновь переделывать по-старому и как ненавидели их все профессионалы?

Во времена «железного Шурика», как прозвали Шелепина, были проведены очередные «краткосрочные» реформы. В частности — понижены в статусе отдельные подразделения КГБ: несколько главков, в том числе и Третье главное управление, стали именоваться просто управлениями.

«Функции вошедших в состав Третьего управления

* *Млечин Л. М.* Шелепин. М., 2009. С. 158.

КГБ при СМ СССР пяти отделов видоизменялись. Так, на 1-й отдел дополнительно возлагалось проведение контрразведывательной работы в военных академиях сухопутных войск и НИИ Советской армии; на 2-й — обобщение опыта работы; 3-й отдел осуществлял оперативную работу в ВВС, ВМФ и ГВФ; за 4-м отделом закреплялись штаб главнокомандующего ракетными войсками и 9-е управление Минобороны*. Однако в 1962 году к 3-му отделу отошли главные штабы войск ПВО и ВВС, а также военные академии и НИИ; 4-й отдел стал оперативно обслуживать Главный штаб ВМФ. В 1971 году 3-й отдел стал именоваться 11-м отделом с сохранением прежних функций, а вновь организованный 3-й отдел решал задачи примерно аналогичные тем, которые в настоящее время стоят перед 3-м отделом ДВКР ФСБ России.

Ряд учебных заведений КГБ, готовивших кадры для особых отделов, был расформирован. Подготовка и переподготовка военных контрразведчиков осуществлялись только в Высшей школе КГБ и в Школе № 311. Срок обучения в ВКШ КГБ был сокращен с двух лет до года. В Новосибирской школе открылись курсы переподготовки оперативных работников особых отделов с пятимесячным сроком обучения — на поток принимались младшие офицеры с высшим и средним военным образованием**.

* * *

Но, несмотря на очередные трудности, военные контрразведчики в целом успешно справлялись с решением поставленных задач. Тому подтверждение — работа по обеспечению безопасности операции «Анадырь».

План с таким кодовым названием был одобрен на заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая 1962 года. Официальной целью операции по размещению на Кубе советских войск, в том числе ракет с ядерными боеголовками, была защита кубинской революции от интервенции со стороны США. Есть, однако, версия, что в основе всего лежало очередное волонтаристское решение Н. С. Хрущева «напугать Америку». Впрочем, нас интересуют не причины, но то, что было далее.

* Управление международного военного сотрудничества МО СССР.

** Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 182—183.

44-тысячную Группу советских войск на Кубе возглавил 59-летний генерал армии Исса Александрович Плиев, опытный кавалерист. В ее состав должны были войти 51-я ракетная дивизия — пять ракетных полков, части и подразделения боевого обеспечения — 24 пусковые установки для ракет с дальностью полета две тысячи километров и 16 — четыре тысячи километров; за океан планировалось доставить 36 ракет Р-12 и 24 ракеты Р-14 с ядерными боеголовками; в состав группы передавались 42 бомбардировщика Ил-28 с шестью ядерными бомбами, 40 истребителей МиГ-21, 34 ракеты береговой противоракетной системы «Сопка», 80 фронтовых крылатых ракет и 6 тактических ракет «Луна», также оснащенных ядерным боезарядом, 144 зенитные ракеты комплекса С-75. Для прикрытия ракетных частей и управления Группой на Кубу направлялись четыре отдельных мотострелковых полка. Для переброски личного состава, боевой техники и грузов было задействовано 86 судов, сделавших в общей сложности до 180 рейсов.

Начальником Особого отдела КГБ по ГСВК был назначен контр-адмирал Александр Михайлович Тихонов, заместитель начальника Управления особых отделов КГБ по Тихоокеанскому погранокругу. Особый отдел создавался в спешном порядке и с большим опозданием — за три дня до отплытия; сотрудники прибывали со всех концов страны, из особых отделов КГБ различных округов и флотов. Они зачастую не успевали изучить обстановку, познакомиться с командованием, узнать особенности организации оперативной работы в данном виде вооруженных сил — в Группе были представлены почти все рода войск.

Тем временем, в период с 15 июня по 15 июля, особые отделы на местах дислокации отправляемых на Кубу соединений и частей занимались проверкой военнослужащих, организовывали оперативный контроль для предотвращения разглашения сведений о проводимых мероприятиях, оформляли документы и дела. В результате от командировки было отведено более 130 офицеров и свыше 200 солдат и сержантов. Основными мотивами отвода были политическая неблагонадежность — 32 человека, низкие деловые качества — 32 человека, недисциплинированность и «моральная неустойчивость» — 90.

В ночь с 12 на 13 июля из порта Севастополя вышел теплоход «Латвия», на котором находились штаб и политуправление Группы войск, Особый отдел КГБ. Берегов Кубы «Латвия» достигла 29 июля. Здесь военные контрраз-

ведчики приступили к организации оперативной работы с целью обеспечения безопасности прибывавших войск: рекогносцировкам на местности по определению районов будущей дислокации частей, обеспечению скрытности подхода судов, их разгрузки и перехода личного состава и военной техники к местам базирования. Проводились противодиверсионные и другие мероприятия.

Контр-адмирал А. М. Тихонов вспоминал: «Была раскрыта крупная нелегальная подрывная организация, которая именовалась “Дивизией Нарцисса Лопеса”. Вся Куба была поделена ею на семь зон. Во главе каждой зоны стоял резидент. В ходе операции по ликвидации “Дивизии Нарцисса Лопеса” было захвачено 237 членов этой организации, из них 4 майора, 17 капитанов, 7 первых лейтенантов. Выявлено девять складов оружия, большие суммы денег в долларах и золотых песо. Этой операцией был нанесен существенный удар по шпионажу на всей территории Кубы...»*

Местными органами госбезопасности было создано Бюро координаторов, на которое возлагались задачи постоянного поддержания контактов с Особым отделом КГБ по ГСВК, согласования вопросов по организации контрразведывательной работы и обмена данными об оперативной обстановке. Совместная работа вскоре принесла плоды: радиоконтрразведывательная служба зафиксировала моментальный выход в эфир агентурного передатчика. Его удалось запеленговать, и резидент ЦРУ Клемент Инклан был взят с поличным.

Учитывалась возможность совершения противником диверсионных актов против советских судов, которые одновременно прибывали в 12 портов острова. Войска, боеприпасы, оружие и военная техника были особенно уязвимы в диверсионном отношении в период их нахождения в трюмах стоящих под разгрузкой судов, а потому были созданы четыре опергруппы, которые встречали и сопровождали суда уже на подходе к различным портам. Пока осуществлялась лоцманская проводка, оперработники Группы знакомили прибывших коллег с оперативной обстановкой и особенностями выполняемых задач. Те, в свою очередь, докладывали о полученных в пути следования сигналах, заслуживающих оперативного внимания.

* Тихонов А. М. Операция «Анадырь» // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 2000. С. 297.

«Участвуя в приеме прибывающих судов, военные контрразведчики помогали командованию решать задачу обеспечения их безопасности в пути следования. Дороги, по которым пролегли маршруты движения колонн, предварительно проверялись оперативными группами. По просьбе советских военных контрразведчиков все места, удобные для внезапного нападения, заблаговременно брались под охрану кубинскими войсками...

Военными контрразведчиками обрабатывались вопросы выявления подозрительных связей военнослужащих с местным населением, предотвращения изменнических намерений и дезертирств, задержания, совместно с кубинскими органами госбезопасности, лиц, пытавшихся фотографировать, записывать или пересчитывать колонны, оружие и технику, выявления демаскирующих признаков движения колонн, проведения противодиверсионных мер и, при необходимости, физической охраны наиболее секретных и важных узлов, оружия и техники.

Во время транспортировки стратегических ракет, оружия и техники, которые было невозможно замаскировать под народно-хозяйственные грузы, личный состав переодевался в кубинскую военную форму. Разговоры и подача команд на русском языке категорически запрещались — все распоряжения отдавались заблаговременно, а в пути разрешалось давать лишь две команды по-испански: “Аделанте!” — “Вперед!” и “Паре эль кочо” — “Остановить машины”. Движение этих колонн маскировалось под учения РВС Кубы, о которых даже сообщалось в местных газетах.

Если нельзя было завершить движение за одну ночь, заранее подбирались места дневок, где колонна укрывалась в светлое время суток. Туда заблаговременно высылались кубинское подразделение службы безопасности для прочесывания местности и организации внешней охраны. Перед уходом колонны территория ее стоянки тщательно осматривалась, все демаскирующие предметы подбирались и уничтожались. В числе последних с места дневной стоянки колонны уходил оперативный работник Особого отдела КГБ, убедившись в том, что не оставлено никаких следов пребывания советских войск»*.

Очень тяжелыми оказались и климатические условия — началась самая жаркая пора тропического лета. Многие части после высадки сразу же уходили в тропический лес и

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 189.

размещались в палаточных городках, маскируя оружие и технику в зарослях деревьев и кустарников. Климат, ядовитые растения, местами отсутствие водоемов и питьевой воды создали тяжелые бытовые условия, повлекшие за собой массовые заболевания.

К тому же в первое время было запрещено пользоваться как радиосвязью, так и местной телефонной связью, а особые отделы КГБ не имели собственного транспорта, фельд-связи и номеров полевых почт. Единственным средством связи и управления оставались личное общение и устные указания, из-за чего сотрудникам приходилось совершать частые и длительные поездки по стране, не зная ни языка, ни местности, не имея топографических карт на русском языке.

С июля по октябрь Группа находилась в состоянии скрытого накопления сил, а с 22 по 28 октября, когда на Кубу прибыло около 90 процентов ее личного состава и техники, была приведена в повышенную боевую готовность.

Но тут Карибский кризис поставил человечество на грань ядерной войны — и вскоре советские войска были выведены. В общем, «большая политика»...

Говоря об итогах деятельности особых отделов КГБ, достаточно сказать только одно: пожалуй, если бы не работа военных контрразведчиков, обстановка в мире могла накалиться гораздо раньше. И еще неизвестно, что могло бы произойти, как бы отреагировал потенциальный противник на обнаружение на Кубе незначительного контингента советских войск.

Советское правительство и руководство КГБ при СМ СССР высоко оценили работу военных контрразведчиков, участвовавших в обеспечении операции. Многие из них были отмечены государственными наградами. В частности, контр-адмирал А. М. Тихонов был награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Не зря говорится: «Гром не грянет — мужик не перекрестится». После Карибского кризиса сокращение Вооруженных сил СССР было приостановлено, стали приниматься меры по укреплению обороноспособности государства.

Были возобновлены испытания новых видов ракетно-ядерного оружия. В сухопутные войска начали поступать

ракеты тактического и оперативно-тактического назначения, что резко увеличило боевые возможности соединений и объединений, а в ВВС — ракеты «воздух—воздух» и «воздух—земля». В ходе штатной реорганизации механизированных и стрелковых дивизий создавались более мобильные, маневренные и легче управляемые мотострелковые соединения, получавшие новые образцы вооружения и техники; были переформированы танковые дивизии, изменялась структура других родов войск. Проведение этих мероприятий необходимо было сохранить в тайне от противника.

В частности, органам военной контрразведки пришлось проделать значительный объем работы по линии противодействия разведке, осуществляемой с легальных позиций. Разведчики «под крышей» дипломатов, агенты спецслужб стран НАТО, прибывавшие в нашу страну под видом туристов, проникали в запретные районы, стремясь выявить места дислокации воинских частей и оборонных объектов, фиксировали с помощью радиотехнических средств рабочие частоты РЛС. Кроме того, они искали советских граждан, пригодных для использования в шпионских целях, в особенности военнослужащих.

«Все это требовало от военных контрразведчиков не только четкой работы по ограждению войск от акций противника — принимались меры для маскировки военных объектов, а разведывательные действия наиболее активных “дипломатов” пресекались с участием военнослужащих и милиционеров, — но и тесного взаимодействия с территориальными органами КГБ, непосредственной работы в ближайшем окружении воинских частей, штабов, учреждений. Военные контрразведчики сосредоточивали свое внимание на своевременном выявлении возможных подходов к военнослужащим с преступными намерениями через лиц из окружения воинских частей, родственников, друзей. Напрямую выходить на военнослужащих разведки НАТО еще не решались, так как знали про высокую бдительность личного состава Вооруженных сил СССР, особенно офицеров. Проведенные в 1958—1961 годах разведкой США и Великобритании вербовки советских офицеров были сделаны, как известно, во время их нахождения за рубежом. На территории СССР они тогда еще так действовать не могли»*.

*Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 191.

Тридцатого декабря 1961 года в 16 часов 10 минут разведчик наружного наблюдения зафиксировал, как супруга 2-го секретаря английского посольства в Москве Анна Чизхолм вошла в подъезд дома по Малому Сухаревскому переулку, откуда почти сразу вышла, направившись к Цветному бульвару. Внимание она привлекла не случайно: в 1954—1956 годах ее муж Родрик Чизхолм, сотрудник резидентуры СИС в Западном Берлине, «засветил» себя перед военной контрразведкой, работая среди советских граждан, в особенности военнослужащих. Имелись данные, что ему помогала супруга.

Примерно через полминуты из того же подъезда вышел мужчина, он долго смотрел вслед удаляющейся Чизхолм и вновь вошел в подъезд. Минут через 20 он вышел опять и, профессионально проверяясь, также пошел в сторону Цветного бульвара, перейдя который, оторвался от наблюдения в проходном дворе. В тот же день по описанию сотрудника был составлен словесный портрет неизвестного и передан в бригады «наружки»... Именно так, официально считается, началась одна из знаменитейших «шпионских историй» XX столетия.

Есть, однако, и другой вариант:

«Как-то 9 мая заведующий консульским отделом посольства СССР в Вене возлагал цветы к мемориалу советских воинов. Тут и обратился к нему на слабеньком, однако вполне понятном русском неприметный австриец лет пятидесяти. Поздравил с праздником и вдруг поблагодарил генерального консула Дедюлю* “за личное освобождение”. Тут же предложил встретиться сегодня вечером. Несколько озадаченный таким натиском, Иван Прохорович согласился. Оказалось, что несколько странный человек помнит Дедюлю еще с 1944 года. Тогда в деревне неподалеку от Смолевичей и повязали его, раненого и отощавшего молоденького солдата вермахта, партизаны Дедюли. По приказу Ивана Прохоровича его перевязали, дали воды и, оторвав от себя, 100 граммов хлеба. Тут рассказывавшего все это австрийца прошибла слеза, которую он, впрочем, быстро утер. Деликатно сообщил генконсулу, что знает, кто

* *Иван Прохорович Дедюля* — полковник КГБ СССР, впоследствии был помощником председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова по разведке. Во время Великой Отечественной войны — политрук роты, затем комиссар и командир партизанской бригады.

он такой, и потому искал встречи. Видимо, после войны и партизан, и бывший пленный выбрали одинаковую профессию. А смутила австрийца странная деталь. Одна из лондонских фирм “Гревилл Винн Лимитед” с филиалом в Вене заказала в Австрии фургон с двойным дном или скрытым тайником между стенами, в котором может поместиться человек средней комплекции.

Вскоре состоялась и вторая встреча... Опытный разведчик Дедюля чуть не присвистнул, когда знакомый незнакомец сообщил подробности: коммерсант Винн встречается в Москве с высокопоставленным советским лицом то ли из Генштаба, то ли из военной разведки. Наверное, его и собирается вывозить. Но еще больше генконсул поразился, когда австриец сумел назвать чуть не фамилию русского офицера — то ли Баньковский, то ли Петровский. Этот неизвестный офицер часто выезжает из Москвы в заграничные командировки, где передает информацию чужим спецслужбам.

Спасенный комиссаром солдат вермахта рассчитался с русскими сполна. Телеграмма особой важности отправилась в Москву в тот же день...»*

Впрочем, одно не исключает другого: информация о предателе могла прийти из двух и даже более источников. Факт тот, что в начале 1962 года (личность его была установлена 19 января) в поле зрения контрразведки попал Олег Владимирович Пеньковский, полковник ГРУ, работавший «под крышей» Госкомитета СМ СССР по координации научно-исследовательских работ.

Военные контрразведчики с помощью сослуживцев Пеньковского составили его психологический портрет: человек умный, обладает организаторскими способностями, но честолюбив и тщеславен. Стремится быть замеченным начальством, найти высокопоставленного покровителя. Еще на фронте, оказывая различные услуги семье генерала С. С. Варенцова, Пеньковский сблизился с ним и при его поддержке поступил в Академию им. М. В. Фрунзе; карьера его способствовала и женитьба на дочери генерала Д. А. Гапоновича.

В 1949 году он поступил в Военно-дипломатическую академию, работал в центральном аппарате ГРУ, а в 1955 году был направлен в аппарат военного атташе при посольстве СССР в Турции. Однако в следующем году он был

* Долгополов Н. М. Партизан поймал «шпиона века» // Труд. 2007. № 19.

отозван в Союз, а затем уволен из ГРУ «в связи с неудовлетворительным исполнением служебных обязанностей в условиях заграницы, элементами карьеризма и нечестности в личном поведении». Был поставлен вопрос об увольнении в запас, но Варенцов, уже главный маршал артиллерии, помог Олегу Владимировичу не только остаться в армии, но и возвратиться в ГРУ. Тут Пеньковский возмечтал уже о должности военного атташе в Индии, однако его отправили в Госкомитет.

Такая «недооценка личности» и толкнула его на предательство: 20 апреля 1961 года, на конспиративной встрече с представителями английской и американской разведок, он подпisał документ об агентурном сотрудничестве.

Работу по разоблачению Пеньковского вело Второе главное управление КГБ, но в разработке принимала активное участие и военная контрразведка, отслеживая «армейские» связи «объекта». Было установлено, что Пеньковский проявляет интерес к информации, которая не требовалась ему по роду его служебных обязанностей. Работая с секретной литературой в отдельном помещении, он закрывался на замок. Когда же пост визуального контроля зафиксировал, как, придя домой в обеденный перерыв, Пеньковский производил на подоконнике манипуляции, напоминающие фотографирование, то сотрудники военной контрразведки установили, что перед тем он посетил библиотеку ГРУ, где взял секретные сборники. В следующий раз его действия по пересъемке материалов были оперативно сфотографированы...

История разоблачения шпиона известна достаточно хорошо. 11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила О. В. Пеньковского к высшей мере наказания; его связник Гревилл Винн был осужден на восемь лет лишения свободы; из СССР были выдворены несколько английских и американских «дипломатов», поддерживавших с Пеньковским шпионские контакты. Главный маршал артиллерии С. С. Варенцов был снижен в чине до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза. Последнее — уж точно несправедливо.

* * *

В 1945—1953 годах в СССР было построено 13 строго засекреченных «атомградов», связанных между собой и Москвой линиями железной дороги, секретными аэродро-

мами и надежной секретной связью. В каждом из них решались свои специфические задачи с общей целью создания атомного и водородного оружия и обеспечения приоритета страны в стратегически важных областях науки и техники. Особые отделы, действовавшие на этих объектах — в них назначались наиболее опытные сотрудники военной контрразведки, — курировал специальный отдел Третьего управления КГБ при СМ СССР.

Семнадцатого декабря 1959 года Совмин принял Постановление о создании Ракетных войск стратегического назначения в качестве главного вида Вооруженных сил СССР, а 31 декабря вышел приказ министра обороны с объявлением боевой структуры РВСН.

К исходу следующего года в составе Третьего управления, на базе 4-го отдела, было образовано Спецуправление, которому были подчинены особые отделы КГБ формируемых ракетных объединений и соединений — оно просуществовало до июня 1964 года. Начальником Спецуправления был назначен генерал-лейтенант Г. К. Цинев. О нем сегодня пишут однобоко и поверхностно: мол, «человек Брежнева», который вместе с С. К. Цвигуном «контролировал» Ю. В. Андропова на посту председателя КГБ СССР. Нелишним, однако, будет привести точку зрения сотрудника, работавшего под его руководством:

«Надо отдать должное Георгию Карповичу: он многое сделал для укрепления военной контрразведки, — писал полковник Михаил Федорович Гололобов. — Лично занимался подбором кадров на руководящие должности, организацией их подготовки. Например, по его инициативе при Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского были организованы месячные курсы по изучению ракетной техники начальниками особых отделов соединений ракетных войск, что позволило им более грамотно решать вопросы оперативного характера и задачи по оказанию помощи командованию в повышении боеготовности войск.

Не без участия Цинева руководители и сотрудники особых отделов направлялись на курсы переподготовки при Высшей школе КГБ. Как правило, после их окончания они получали повышение по службе.

Цинев настойчиво добивался повышения потолка воинских званий для начальников особых отделов ракетных дивизий — до полковника и армий — до генерала. И это ему удалось. В бытность Цинева начальником Спецуправления, а затем начальником Третьего управления

(23.02.1966 — 24.07.1967), в составе последнего были созданы новые отделы, количество которых (сокращенных при Хрущеве) вновь возросло»*.

Да уж, это не просто «смотрящий за Андроповым» «человек Брежнева»!

В то время уже сами места расположения пусковых установок МБР считались важнейшей государственной тайной, и Спецуправление проводило соответствующие мероприятия, затрачивая немалые средства, чтобы маскировать ракетные базы, создавая у местного населения и людей, случайно оказавшихся в районах их расположения, впечатление, что там находятся какие-то иные военные объекты — склады, предприятия, воинские подразделения. В то время, когда США располагали большим преимуществом в ракетном потенциале и не имели эффективной космической разведки, эти меры были необходимы и действенны. Но в конце 1970-х годов американцы уже точно знали как места расположения наших МБР, так и их количество, и типы самих ракет.

Одним из направлений контрразведывательной защиты ракетного объекта было выявление лиц, осевших в окружающих населенных пунктах при сомнительных обстоятельствах. Порой случались совершенно неожиданные «открытия». Так, военные контрразведчики обратили внимание на «знатного бригадира» — была такая формулировка — лесозаготовительной бригады Калиниченко. Достижения бригады, работавшей в районе Юрьи Кировской области, широко пропагандировались — даже отраслевая газета «Лесная промышленность» печатала материалы о ней из номера в номер. Но военные контрразведчики обратили внимание на некоторые странности в поведении Калиниченко: в этих краях он появился с окончанием войны, приехав с Украины, где у него якобы не сложилась семейная жизнь; жил замкнуто, никуда не выезжал, переписки ни с кем не вел... Решили проверить его через соответствующие подразделения КГБ по месту жительства в довоенный период. Выяснилось, что фамилию и биографию солдата, погибшего на войне, присвоил его односельчанин — бывший полицей, участвовавший в расстрелах советских граждан.

Поскольку отношения к войскам «Калиниченко» не имел, материалы передали для реализации в Управле-

* *Гололобов М. Ф.* Воспоминания военного контрразведчика. Иваново, 2000. С. 145.

ние КГБ по Кировской области. Получив приглашение в УКГБ, бригадир приехал и... повесился в гостиничном номере.

Понятно, что основная деятельность военных контрразведчиков проходила непосредственно на самих объектах. РВСН — сложный технический вид вооруженных сил, а потому работа по их контрразведывательному обеспечению может быть успешной только в том случае, если сотрудники Особого отдела сами уделяют постоянное внимание своей военно-технической подготовке. Военным контрразведчикам «новорожденного» вида вооруженных сил необходимо было обстоятельно изучить боевые ракетные комплексы и системы вооружения; иметь четкое представление об эксплуатации и обслуживании как наземного оборудования, так и самих ракет, их бортовых систем и агрегатов; глубоко разбираться во всех аспектах, связанных с постановкой на боевое дежурство и подготовкой к пускам. Требовались знания уязвимых мест, а также специфических правил техники безопасности на конкретных участках. Оперработники должны были владеть этими вопросами не хуже специалистов ракетных войск. Важно также было знать нормативные требования, предъявляемые на этапе строительно-монтажных работ, с тем чтобы упредить возможные нарушения технологии производства, которые могут отрицательно сказаться на выполнении боевой задачи.

Вот почему с помощью командования и ведущих специалистов руководство Спецуправления отработало тематический план военно-технической учебы оперсостава, который исполнялся неукоснительно. Занятия проводились ежедневно, по четыре-пять часов, и результаты не замедлили сказаться. Всего один пример:

«В Пермской дивизии РВСН по поступившей оперативной информации при технических доработках на борту изделия представителем завода-изготовителя была пропущена предусмотренная бюллетенем операция по перепайке электроцепи в приборе системы управления ракеты. Сигналу придали значение. Оказалось, что в нужный момент данная ракета не смогла бы сойти со старта, так как произошла бы отсечка запустившегося маршевого двигателя, то есть боевой пуск не мог состояться. Но это не всё. При дальнейшем разбирательстве выяснилось, что указанный заводчанин выполнял аналогичные доработки на других объектах и везде допустил операцию по перепайке.

Враждебного умысла не нашли, его действия объяснялись преступной халатностью. Оперативному сотруднику капитану Н. В. Панфилову была объявлена благодарность, хотя он был достоин высокой государственной награды*.

Впрочем, военные контрразведчики в РВСН находили и тех, кто действовал из враждебного умысла, но это стало происходить уже несколько позже...

Добавим еще, что одним из важнейших направлений работы военных контрразведчиков в то время являлось контрразведывательное обеспечение запусков пилотируемых космических кораблей с космодрома Байконур.

И, как уже знает читатель, в первом ряду людей, осуществлявших эти старты, был бывший военный контрразведчик Олег Генрихович Ивановский — ведущий конструктор космического корабля «Восток».

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНИЕ РУБЕЖИ КГБ

В мае 1967 года председателем КГБ при СМ СССР был назначен Юрий Владимирович Андропов, очень много сделавший на этом посту для обеспечения государственной безопасности СССР, укрепления и развития системы органов ее защиты, повышения авторитета и статуса их сотрудников — в том числе и военной контрразведки.

В частности, благодаря Ю. В. Андропову 25 мая 1982 года — а это был последний день его руководства Комитетом — Третье управление вновь стало Третьим главным управлением КГБ СССР.

«В документе № 1025-А/ОВ по итогам работы КГБ в 1967 году, направленном Ю. В. Андроповым в ЦК КПСС, было указано:

“Органы военной контрразведки проделали значительную работу по маскировке ракетных стартов, складов ядерного оружия и других объектов от космической разведки противника, выявлению и предупреждению нарушений в скрытом управлении войсками и использованию средств связи, а также по контрразведывательному обеспечению войсковых учений и маневров, перевозок военной техники...”

Составной частью работы органов военной контрраз-

* *Николаев Ю. А.* Указ. соч. С. 144.

ведки КГБ по обеспечению боевой готовности советских Вооруженных сил являлись мероприятия по предупреждению акций идеологической диверсии в частях и подразделениях армии и флота, своевременному пресечению каналов проникновения буржуазной идеологии. В 1967 году было предотвращено 456 попыток распространения среди военнослужащих рукописей, зарубежных журналов и других изданий антисоветского и политически вредного содержания, а также 80 попыток создания в войсках различных групп враждебной направленности”.

К этому времени были четко определены главные задачи особых отделов, которые и сегодня являются приоритетными в работе органов военной контрразведки ФСБ России:

- надежное ограждение войск от проникновения в них агентов иностранных разведок и других враждебных элементов, которые могут стать базой для вербовок агентуры;

- своевременное выявление и разоблачение вражеских агентов и других враждебных элементов, проникающих на военные объекты и в их окружение;

- предотвращение измены Родине;

- обеспечение сохранности военной и государственной тайны;

- содействие командованию в повышении боевой готовности войск, в обеспечении сохранности оружия»*.

«Труд сотрудника спецслужб все больше и больше приобретает коллективный характер. Разоблачить шпиона, террориста и других преступников, вскрыть их противоправную законспирированную деятельность можно только коллективными усилиями десятков высококвалифицированных контрразведчиков, комплексно и изобретательно применяя весь арсенал агентурно-оперативных, технических и аналитических средств органов безопасности. Здесь напрашивается параллель с организацией общевойскового боя, когда военачальник добивается победы над противником, умело подключая в процессе сражения различные виды войск и военной техники»**.

Следует отметить, что к началу 1970-х годов практически весь руководящий и оперативный состав военной контрразведки имел высшее образование, а КГБ в целом

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 202.

** Гераскин Б. В. За семью печатями. Записки военного контрразведчика. М., 2000. С. 241.

стал одним из самых образованных ведомств в стране. Руководство КГБ проявляло большую заботу о получении сотрудниками Комитета профессионального образования и развивало его систему.

В августе 1974 года Школа № 311 была преобразована в Высшие курсы военной контрразведки (ВКВК) КГБ при СМ СССР с годичным сроком обучения; при ВКВК сохранялась и краткосрочная переподготовка оперсостава особых отделов КГБ. В 1976 году здесь были созданы курсы переподготовки руководящего состава военной контрразведки — начальники и заместители начальников особых отделов дивизий, погранотрядов, бригад, гарнизонов, укрепрайонов — со сроком обучения два месяца. С 1979 года ВКВК приступили к подготовке оперативного состава для особых отделов с пятимесячным сроком обучения, а переподготовка была переведена на двухмесячный срок.

В 1975 году в составе Третьего управления КГБ была создана Оперативно-аналитическая служба — раньше была группа «по обобщению и распространению положительного опыта работы органов», подчиненных Третьему управлению.

* * *

В 1969 году военным контрразведчикам вместе с пограничниками и военнослужащими Советской армии пришлось принять участие в спровоцированных маоистами боевых действиях на советско-китайской границе.

В ночь на 2 марта около трехсот китайских солдат переправились на остров Даманский на пограничной реке Уссури, где отрыли и замаскировали одиночные окопы, устроив засаду. Утром пограничный пост обнаружил, что на острове находятся около тридцати китайцев, и доложил на заставу. Начальник погранзаставы «Нижне-Михайловка» старший лейтенант И. Стрельников с группой пограничников выехал к месту нарушения границы. Затем, с оперативным уполномоченным Особого отдела старшим лейтенантом И. Буйневичем, сопровождаемые пятью бойцами, они пешком направились к нарушителям, чтобы заявить протест и потребовать удалиться с советской территории. Внезапно китайцы из засады открыли огонь по пограничникам — все они были убиты на месте.

* * *

Перед военной контрразведкой в период 1970—1980-х годов стояли задачи по обеспечению безопасности мощных советских вооруженных сил, оснащенных современной боевой техникой и ядерным оружием. В этот период разведслужбы стран НАТО начали согласованную работу в рамках проекта «2000», в котором были детально прописаны планы сбора информации о Советской армии и Военно-морском флоте вплоть до 2000 года. Особое внимание уделялось поиску ракетных и зенитно-ракетных частей, получающих новые образцы вооружения, а на учениях войск НАТО, проводимых одно за другим, отрабатывались приемы их подавления и уничтожения. Перед военными контрразведчиками стояла задача сохранить в тайне данные о происходящих качественных изменениях в войсках, и в первую очередь в ракетных частях.

Хотя разведорганы стран блока НАТО были противником серьезным, но, по информации внешней разведки КГБ, они не располагали абсолютно достоверными данными о дислокации и численности советских частей и соединений, и это во многом являлось результатом работы особых отделов по организации контрразведывательного прикрытия войск.

* * *

Еще в январе 1971 года в составе Третьего управления был вновь организован 9-й отдел для проведения контрразведывательной работы в аппаратах главных управлений Минобороны и руководства работой особых отделов КГБ научно-исследовательских полигонов и спецобъектов. На него замыкались особые отделы ракетных армий в Виннице, Владимире, Омске, Оренбурге, Смоленске и Чите, три научно-исследовательских полигона — Байконур, Капустин Яр и Плесецк, а также вузы, готовившие кадры для ракетных войск. Отдел был небольшим, но укомплектован опытными и перспективными сотрудниками. Главный штаб РВСН оперативно обеспечивался отдельным подразделением центрального аппарата. Общее руководство контрразведывательной работой в ракетных войсках осуществлял первый заместитель начальника Управления военной контрразведки КГБ при СМ СССР генерал-лейтенант А. И. Матвеев.

Матвеев Александр Иванович (1916—2007). С 1935 года — на комсомольской работе, секретарь горкома комсомола. В органах госбезопасности с 22 июня 1941 года. С апреля 1944 года — начальник Отдела контрразведки «Смерш» 47-й гвардейской стрелковой дивизии. С апреля 1953 года — начальник Отдела контрразведки — Особого отдела МВД по Московскому району ПВО, с марта 1954 года — Особого отдела КГБ по Московскому району — округу ПВО. С августа 1959 года — начальник Управлений особых отделов КГБ по Дальневосточному военному округу и Группе советских войск в Германии. С 23 февраля 1966 года — заместитель, первый заместитель начальника 3-го Управления (3-го Главного управления) КГБ. Генерал-лейтенант. В 1979—1986 годах — заместитель начальника Главного таможенного управления Министерства внешней торговли СССР. С 27 октября 1989 года руководил Советом ветеранов военной контрразведки. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, тремя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени и «Знак Почета».

Из воспоминаний А. И. Матвеева:

«Сотрудник особого отдела всегда находился в гуще войск, там, где была оперативная необходимость в его присутствии. И если полк участвовал в бою, оперработник не мог просто наблюдать за этим. Именно поэтому наши сотрудники пользовались авторитетом и уважением среди личного состава, что очень помогало в работе».

В декабре 1972 года в РВСН был разоблачен первый «инициативник» — сержант Владимир Калинин, бывший военнослужащий ракетного объекта.

Контакт с американцами он пытался установить еще в марте 1972-го, находясь в Москве в краткосрочном отпуске, но не получилось. Он не отчаялся и ко времени своего увольнения в запас летом того же года, путем наблюдений и разговоров с военнослужащими, собрал большой объем информации о дислокации полков и других объектов ракетной дивизии, о пусковых установках и типах ракет и даже похитил некоторые служебные документы.

Восьмого июля Калинин приехал в Москву и перебрался через забор особняка американского посла в Спасопесковском переулке записку с просьбой о встрече; не дождавшись ответа, в ночь на 10 июля он сам перелез через забор резиденции. Переданная им информация вызвала

интерес и была оценена в 150 рублей. «Инициативник» получил инструкции и задание, а из посольского особняка он был тайно вывезен на машине с дипломатическим номером.

Уже через полтора месяца Калинин работал в одном из ленинградских оборонных НПО и собирал секретные сведения. 10 декабря американцы вызвали агента в Москву на столь любимую ими «тайниковую операцию». В указанном месте — телефонной будке, что на углу 2-й Тверской-Ямской и Лесной улиц, — он нашел прикрепленный на задней стенке магнитный контейнер. В контейнере были средства тайнописи, четыре «письма-прикрытия» и 300 рублей — все это сразу перешло в разряд вещественных доказательств, потому как шпион был взят с поличным... Контрразведчики ввели Калинина в «оперативную игру», поставляя американцам дезинформацию, которую агент отправлял на подставной адрес ЦРУ в Мексике. Однако выяснилось, что раскаяние Владимира было мнимым, и он пытался сообщить о произошедшем своим «хозяевам». Не получилось...

* * *

Разумеется, противник работал не только с «инициативниками» и не ждал у моря погоды — как в прямом, так и в переносном смысле.

В середине 1970-х годов в центре внимания чекистов-ракетчиков находились мероприятия, связанные с контрразведывательным обеспечением перевооружения РВСН на изделия третьего поколения, сопровождавшиеся интенсивными лётно-конструкторскими испытаниями и доработками. Суть их состояла в придании межконтинентальным ракетам более мощной энергетики, оснащении кассетными боеголовками с индивидуальным наведением разделяющихся боевых частей на отдельные цели. Разрабатывались подвижные ракетные комплексы. Испытательные пуски ракет проводились с полигонов Байконур и Плесецк на камчатский полигон «Кура».

Планируя свою работу, военные контрразведчики исходили из того, что испытания новых систем привлекут пристальное внимание спецслужб. Были налажены систематический отбор, учет и тщательный анализ поступающей из различных источников информации, свидетельствовавшей как о возможной осведомленности, так и о проявлениях заинтересованности «западников» к испытаниям. Вскоре

сотрудниками 9-го отдела Третьего управления КГБ было выделено информационное сообщение Особого отдела полигона «Кура» о том, что вблизи Камчатского побережья отмечается периодическое появление американских разведывательных самолетов типа «Орион» и РС-135. Сведения на первых порах были разрозненными и с испытаниями ракет не увязывались, но с помощью командования пограничных частей и подразделений войск ПВО были систематизированы данные о времени пребывания вблизи берегов Камчатки всех иностранных военных самолетов на протяжении двух лет. Одновременно полигонами были представлены сведения обо всех пусках ракет, осуществленных за тот же период. Сопоставление данных высветило картину практически полного синхронного совпадения прилетов американских самолетов с пусками наших ракет. Казалось, они заблаговременно получали информацию о предстоящих пусках, а потому, несмотря на отдаленность своих аэродромов на Алеутах и Аляске, успевали вовремя прибыть в район Камчатки для технического контроля. Таким образом американцы имели возможность фиксировать со своих разведывательных самолетов скоростные и угловые параметры движения макетов боеголовок на конечном участке траектории, точность их попадания на боевые поля полигона, спектр их свечения и плазменные следы при входе в плотные слои атмосферы и перехватывать сигналы телеметрии, недостижимые для наземных станций, определять количество разделяющихся головных частей, порядок и углы их разброса и т. п. Кроме того, они, вероятно, снимали радиолокационные характеристики действительных и ложных элементов боеголовок, селекцируя их друг от друга с целью обработки своих систем противоракетной обороны...

После тщательной проработки и чекистской оценки практики планирования и согласования пусков, ряда других моментов агентурная версия утечки секретов отпадала. Скорее всего, имел место перехват информации техническим путем.

По результатам анализа и сделанным выводам были проинформированы командование РВСН и руководство Генштаба; вопрос рассматривался на Гостехкомиссии. Офицерами-операторами Главного штаба и сотрудниками военной контрразведки был спланирован и проведен ряд экспериментов, суть которых сводилась к передаче на «Куру» дезинформационных сведений о проведении пусков. При передаче информации обычным путем амери-

канцы прилетали как всегда; в тех случаях, когда команды передавались шифром, они не появлялись. Было ясно, что утечка происходит за счет слабо защищенных линий связи, но ввиду большой их протяженности поиск и обнаружение конкретного места съема информации затягивались... Однако при этом наиболее уязвимым представлялся магистральный кабель Министерства связи, проложенный по дну Охотского моря от пункта Оха-Ола вблизи Магадана до Усть-Хайрюзово на Камчатке. Было принято решение о его тщательном исследовании.

«Двадцатого октября 1981 года кабельное судно Тихоокеанского флота “Тавда” обнаружило в нейтральных водах в 60 километрах от камчатского побережья на глубине 84 метра автоматическое разведывательное устройство, впоследствии названное “Камбалой”. Находясь на некотором удалении от нашего кабеля, оно было соединено с ним кабельными отводами с помощью захватывающих устройств, что обеспечивало съём разведывательной информации индуктивным путем и автоматическое отсоединение от кабеля в случае его подъема на поверхность. Со дна было поднято два идентичных цилиндрических металлических контейнера длиной 5,5 метра, диаметром 1,2 метра, весом около 7 тонн каждый, два малых цилиндра длиной 40 сантиметров, весом по 15 килограммов, комплект антенн, четыре катушки с кабель-тросом длиной 150 метров и другие предметы.

Устройство оказалось аппаратурой совершенно нового типа и включало в себя ядерную энергетическую установку со сроком службы до 25 лет, дополнительные аккумуляторы, электронную программированную систему обработки перехватываемых сообщений, 120 магнитофонов по 64 записывающих дорожки, рассчитанных на 125 суток непрерывной работы, гидроакустический маяк, предназначенный для наведения водолазов с расстояния до пяти километров. Разведывательное предназначение и конструктивное использование “Камбалы” давали основание понять, что в период летно-конструкторских испытаний ракет она была настроена на спутник, что позволяло американцам оперативно реагировать на пуски»*.

Американцы, рассчитавшие срок работы своей «Камбалы» на четверть века, никак не думали, что она попадет в руки противника. Поэтому на всех ее узлах было гордо ука-

* *Николаев Ю. А.* Указ. соч. С. 162–163.

зано: «Собственность правительства США». Определенно, военных контрразведчиков они недооценивали. «Эту потерю в американских спецслужбах долгое время связывали с переходом на сторону советской разведки дежурного офицера по связи в штабе командующего подводным флотом США Джона Уокера. Потом грешили на других разоблаченных советских агентов»*.

Связь с полигоном «Кура» в дальнейшем велась только через аппаратуру, обеспечивавшую ее гарантированную защищенность.

* * *

В тот период в стратегии и тактике западных спецслужб происходили серьезные изменения. Возрастала роль технических средств: АНБ США**, аналогичные службы в Великобритании, Франции и ФРГ задействовали космические аппараты, самолеты и морские суда; вдоль границ с СССР и соцстранами были развернуты посты электронной, радио- и радиолокационной разведки. Таким путем добывалась большая часть информации об СССР и его союзниках. Но это совсем не исключало проведения агентурной работы и ее постоянного расширения: в силу развития международных связей в сфере экономики, культуры и науки противник получал дополнительные возможности для приобретения разведывательных позиций в Советском Союзе.

Запретительные меры в жизни советского общества всё больше снимались, увеличивался поток приезжающих в страну иностранных граждан, контакты с которыми стали обыденным явлением — в том числе и для военнослужащих. Более того, увеличивалось количество выездов за рубеж по частным делам и на постоянное жительство, в том числе жителей закрытых районов и бывших военнослужащих. В этой связи стали поступать данные о том, что разведки НАТО опрашивают таких лиц и получают от них — особенно от тех, кто решил стать гражданином Израиля, ФРГ, США — информацию военного характера. Для разведок НАТО открылся постоянно действующий и надежный канал сбора данных о советских войсках. К тому же про-

* *Лузан Н. Н.* Военная контрразведка: тайная война. М., 2010. С. 262.

** Агентство национальной безопасности США — разведывательный орган, преимущественно проводящий техническую разведку.

тивник и сам проявлял инициативу: гражданам, избранным спецслужбами в качестве источников заслуживающей внимания разведывательной информации, вдруг пошли вызовы от «родственников», которых за границей у них отродясь не было. Но если одни приходили в Особый отдел и говорили об этом, то другие — просто ехали.

Канал выезда разведки НАТО использовали и для создания агентурных позиций на территории СССР. Так, некто Петров, работник военного завода в городе Львове, просил своего уезжавшего знакомого установить контакт со спецслужбами США, отрекомендовав его как лицо, готовое к сотрудничеству. Петров действительно заинтересовал ЦРУ, зато его повышенный интерес к тайнам «оборонки» быстро обратил на себя внимание военных контрразведчиков.

Надо было принимать адекватные меры противодействия, но в строгом соответствии с установленными законом основаниями по ограничению выезда на ПМЖ в капстраны бывших военнослужащих и служащих, с учетом их реальной осведомленности в военных секретах. В КГБ и Генштаб объективно докладывалось о том, какие сведения о Вооруженных силах СССР разведки НАТО по этому каналу уже получили, степень осведомленности кандидатов на выезд, и высказывались конкретные предложения. Кстати, в подавляющем большинстве случаев — «выпускали».

Вот что вспоминает генерал-майор Е. Г. Чекулаев, служивший в 1970-е годы в Особом отделе Киевского гарнизона, в состав которого входил ряд очень серьезных военно-учебных и научно-исследовательских заведений:

«На моей памяти, в общем-то, единственный случай, когда было категорически отказано в выезде руководителю одной лаборатории авиационного училища: он защитил докторскую диссертацию, тема которой представляла очень большой интерес и для нас, и для противника. Думали-гадали, и ему был дан отбой. Вот единственное, что я помню... К тому же перед нами стояли сразу две задачи. Первая — не дать утечки информации через выезжающих за кордон специалистов; вторая — найти среди них лиц, которые в последующем могли бы принести пользу для нас и нашей страны. В итоге мы с наших позиций контролировали обстановку среди потенциальных эмигрантов и имели неплохие оперативные возможности. Были интересные “заделы”»*.

* Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Военная контрразведка. От «Смерш» до контртеррористической операции. М., 2010. С. 188.

В этот период активизировали работу финансируемые спецслужбами «вражьи голоса». Радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» даже призывали наших военнослужащих к совершению враждебных актов, созданию в войсках законспирированных антисоветских групп, подбору единомышленников и подготовке к активным действиям в «особый период». Так, НТС рекомендовал «единомышленникам» готовиться к захвату складов вооружения и боеприпасов, узлов связи и других важных объектов. Сионистские авторитеты посылали своим доверенным всё новые инструкции по поиску тех, кому во что бы то ни стало надо ехать в «землю обетованную», где их очень ждут — но не с пустыми руками, а со шпионской информацией. Возобновляли преступную деятельность всякого рода «бывшие», освобожденные из мест заключения, в том числе и бандиты-бандеровцы.

В это время постепенно начинала осложняться оперативная обстановка в стране, а потому и в вооруженных силах. В 1970-х годах впервые были отмечены случаи националистических проявлений со стороны уроженцев Закавказья и Средней Азии. Что же касается тех, кто попал под влияние украинских, литовских, латышских, эстонских националистов до службы в армии, то тут просматривались все большая агрессивность и осведомленность в последних концепциях зарубежных антисоветских националистических центров.

Среди призываемых на службу «двухгодичников» порой появлялись участники так называемого «демократического движения» — в основном выпускники технических и медицинских вузов. Они привозили с собой разного рода «трактаты» о «переустройстве общества», списанные с «трудов» зарубежных советологов, которые читали сами и предлагали своим сослуживцам. С такими офицерами порой приходилось разбираться и сотрудникам особых отделов, поскольку в ряде случаев их действия уже подходили под статью Уголовного кодекса. Основной задачей военных контрразведчиков в области борьбы с «идеологической диверсией» была предупредительно-профилактическая работа, поэтому, если военнослужащий не перешагнул опасную черту, разбирательство обычно заканчивалось информацией командованию и политорганам о необходимости его «довоспитания», а в некоторых случаях — предупредительно-профилактической беседой сотрудников Особого отдела. Обычно рецидивов не бывало: возможно, не все эти

люди были переубеждены, но на время службы свои «увлечения» оставляли...

Кстати, еще в 1960-х годах в КГБ и, соответственно, в органах военной контрразведки арест критиков советских порядков стал рассматриваться как брак в работе. К лицам, которые заблуждались и могли исправиться без уголовного наказания, органы госбезопасности старались применять меры предупредительного и воспитательного характера.

Все большее значение приобретала проблема утечки к иностранным разведкам сведений о Вооруженных силах СССР через «инициативников». Стремление обогатиться любым способом, даже ценой измены Родине, начало проявляться и в армии. В 1980-х годах особыми отделами была проведена большая работа по предупреждению подобных преступлений.

Так, военные контрразведчики задержали военнотружущего Белорусского военного округа Х., инициативно собиравшего секретные сведения. Похитив 90 листов топографических карт, он нанес на них места расположения двадцати военных аэродромов и авиаполигонов, а также выписал секретные данные из инструкции экипажу вертолета Ми-24В. Результат — десять лет колонии строгого режима. Но чаще, обнаружив подобные действия на ранней стадии, контрразведчики принимали к военнотружущим, особенно «срочникам», меры профилактического воздействия — в надежде, что первого урока будет достаточно...

Одной из острейших проблем становилось увеличение количества таких преступлений, как самовольное оставление части солдатами срочной службы. При этом люди, сознательно планировавшие побег, чаще всего рассчитывали найти пристанище за границей.

Двадцать восьмого мая 1982 года из части, дислоцированной в городе Спас-Дальний, бежал за границу военнотружущий А. Э. Должиков. Оказавшись в Китае, он был завербован спецслужбой и 5 июня 1983 года нелегально переброшен в СССР. Через неделю он уже был задержан милицией как находившийся в розыске за дезертирство, а затем разоблачен военными контрразведчиками как агент иностранной разведки. Итог — 12 лет лишения свободы за измену Родине.

По счастью, в большинстве случаев военным контрразведчикам удавалось своевременно вскрывать факты подготовки военнотружущих к оставлению части и принимать упреждающие меры. Только в 1985 году было вы-

явлено более семисот лиц, вынашивающих дезертирские намерения, и пресечены действия около 150 военнослужащих, уже приступивших к осуществлению своих замыслов. В нескольких случаях дезертиры планировали угнать боевую технику, в том числе летательные аппараты, либо прорваться через границу, используя оружие.

Сотрудники особых отделов проводили большую работу среди молодого пополнения, выявляя лиц с неустойчивой психикой, низкими моральными качествами, употреблявших наркотики. Только в 1983 году, по материалам особых отделов, за преступления, связанные с употреблением, приобретением и распространением наркотиков, было осуждено более пятидесяти военнослужащих.

* * *

Понятно, что в работе военных контрразведчиков каждого из округов и флотов была своя специфика, свои проблемы и трудности.

Через территорию Прикарпатского военного округа пролегли основные транспортные пути, связывающие внутренние области СССР с Западной Европой.

«В таких условиях нам приходилось думать не только о том, как оградить военнослужащих от подходов к ним как к источникам получения секретной информации и объектам вербовочных устремлений со стороны иностранных разведок, — писал генерал-лейтенант Ф. И. Рыбинцев, руководивший Особым отделом КГБ СССР по ПрикВО в 1971—1981 годах. — Назревала необходимость всемерно совершенствовать контрразведывательный поиск, а также найти пути получения информации о замыслах и планах иностранных разведок в отношении нашего округа своими силами и средствами»*.

У Московского военного округа были свои коренные отличия.

«Особый отдел МВО — отдел необычный, — пишет генерал-майор Л. Г. Иванов, начальник Особого отдела КГБ СССР по МВО в 1978—1986 годах. — Он числится ведущим среди других особых отделов округов, всегда должен выглядеть положительно по результатам своей работы и показывать пример другим. Он должен быть образцовым во всех отношениях.

* Рыбинцев Ф. И. Указ. соч. С. 192—193.

Много хлопот было у меня во время работы при обеспечении безопасности военных парадов. Для обеспечения безопасности при подготовке парадов выделялось человек 25 офицеров. Необходимо было проверить все — чтобы не было патрона, снаряда, умысла, ошибки»*.

И еще один момент, который оставим без комментариев:

«Особый отдел МВО проводил серьезные мероприятия по вербовке военных деятелей иностранных государств. Здесь мы имели определенные успехи. Нам удалось завербовать ряд крупных, даже очень крупных иностранных военных, от которых поступала серьезная информация. В связи с этим Ю. В. Андропов издал приказ, в котором мне объявлялась благодарность»**.

Ну а военным контрразведчикам Тихоокеанского флота нередко приходилось работать на удалении тысяч морских миль от своих баз.

«Атомные подводные лодки проекта 949-А совершали сложные межбазовые переходы с Северного на Тихоокеанский флот подо льдами Северного Ледовитого океана, — пишет контр-адмирал Александр Антонинович Белов. — В период с 1987 по 1995 год в 10-ю дивизию с Северного флота было переведено шесть атомных подводных лодок проекта 949-А. Экипажи этих лодок тщательно готовились, в том числе и по линии Особого отдела. В состав каждого экипажа входили оперработники. Все экипажи успешно справились со своими задачами, и во время переходов не было ни одного происшествия. Многие подводники этих новых лодок были награждены орденами и медалями, а два стали Героями России... Но так уж повелось, что оперработники награждаются в последнюю очередь. В Москве почему-то считают, что если военный контрразведчик не арестовал на подводной лодке ни одного агента иностранных спецслужб, то, значит, он не заслуживает награды. Более того, профессиональные качества такого оперработника начинают подвергаться сомнению. А то, что оперработник ходит на все боевые службы порой в два-три раза больше любого офицера из экипажа, воспринимается как само собой разумеющееся»***.

* *Иванов Л. Г.* Указ. соч. С. 227.

** Там же. С. 229–230.

*** *Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота.* Владивосток, 2002. С. 419.

Объединяющим в деятельности всех органов военной контрразведки было стремление быть ближе к войскам, постоянно находиться в курсе решаемых ими проблем, обеспечивая надежное контрразведывательное прикрытие от всех устремлений противника, вести борьбу с теми явлениями, которые негативно сказываются на уровне обороноспособности и безопасности государства. Динамизм жизнедеятельности войск требовал от особых отделов оперативности и большой маневренности силами и средствами. Это заставляло военных контрразведчиков действовать по принципу: оперработник всегда находится с войсковой частью, которую он обеспечивает. От них требовалось умение действовать равнозначно как в пунктах постоянной дислокации, так и на полигоне, на аэродроме и т. д. В то время в вооруженных силах ежегодно проводилось большое количество учений самого различного масштаба — вплоть до таких, в которых участвовали войска сразу нескольких округов или групп войск, армии стран Варшавского договора. Поэтому перед руководителями органов военной контрразведки стояла задача учить сотрудников тому, как в полевых условиях, наряду с решением вопросов реального обеспечения государственной безопасности на учениях, выполнять и план ранее намеченных оперативных мероприятий, а начальников — осуществлять руководство всем этим процессом.

В 1980-е годы военной контрразведкой, совместно с территориальными органами КГБ, были проведены комплексные мероприятия по обеспечению секретности особо важных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, связанных с созданием принципиально новых и модернизацией существующих систем вооружения и боевой техники, пусков космических объектов оборонного назначения.

Интересно, что нередко военные контрразведчики вскрывали факты создания новых видов оружия и боевой техники на основе недостаточно изученных или устаревших идей, что приводило к неоправданным материальным затратам и нерациональному использованию научного потенциала. Например, им стало известно, что при испытаниях на полигоне новых образцов бронетанковой техники под давлением разработчиков в ряде случаев завышалась огневая мощь отечественных машин и занижались аналогичные параметры танков стран НАТО. Вскрывались и случаи поступления в войска конструктивно недоработанных

образцов боевой техники и вооружения, имеющих серьезные заводские дефекты.

Используя информацию особых отделов, командованию воинских частей и соединений удалось в первой половине 1980-х годов значительно снизить количество предпосылок к серьезным взрыво- и пожароопасным и летным происшествиям. Если в 1982 году таких фактов по линии военной контрразведки было зафиксировано около трех тысяч, то в 1983-м — уже порядка полутора...

В 1988 году Высшие курсы военной контрразведки перешли на новые программы обучения, рассчитанные на полтора года. По окончании обучения слушатели получали диплом офицера с высшим специальным образованием.

* * *

Коснемся международных связей и сотрудничества на уровне военной контрразведки со спецслужбами зарубежных стран, особенно государств бывшего социалистического содружества. Эта работа, проводимая с согласия и по указанию высшего руководства страны, носила плановый характер. Обычно она увязывалась с мероприятиями, осуществляемыми по линии Министерства иностранных дел, Минобороны, КГБ и других ведомств.

Первостепенное внимание уделялось безопасности советских войск, находившихся за границей — прежде всего в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, где спецслужбы стран НАТО вели против них активную разведывательную работу, спецпропаганду и иную деятельность. На этом направлении осуществлялось постоянное взаимодействие с местными национальными органами военных контрразведок, другими службами безопасности, пограничными войсками.

Особое значение в этой связи имела наиболее мощная и боеспособная Группа советских войск в Германии, в интересах безопасности которой поддерживались постоянная связь и взаимный обмен информацией с руководством МГБ и МВД ГДР, их органами в местах, где дислоцировались советские гарнизоны.

Стремление спецслужб НАТО по насаждению агентурных источников в окружении частей и соединений Центральной группы войск и Чехословацкой народной армии, попытки агентурного проникновения в войска постоянно отмечались органами госбезопасности ЧССР и Особым от-

делом по ЦГВ. Розыск, выявление и разоблачение агентуры спецслужб были главной, постоянной и общей задачей советской военной контрразведки и органов безопасности ЧССР. Особые отделы свой поиск вели только в пределах войсковых частей, не касаясь окружения войск и не выходя на территорию суверенного государства. В случаях, когда требовались совместные усилия советских и чехословацких военных контрразведчиков, это делалось на основе взаимных договоренностей.

К началу 1980-х годов усложнилась оперативная обстановка на территории Польши, где дислоцировались войска Северной группы. В частности, экстремисты из «Солидарности» пытались осуществить провокационные акции, направленные против советских военнослужащих, и тогда помощь сотрудникам советских органов безопасности оказывали польские коллеги. Так, в 1981 году Особым отделом КГБ по СГВ была предотвращена попытка совершить взрыв на складе боеприпасов 4-й воздушной армии в городе Торуне. Поляк, намеченный исполнитель, был установлен и арестован органами МВД Польши. Совместно с командованием и польскими товарищами военные контрразведчики приняли ряд мер по усилению режима и охраны складов с боеприпасами и некоторых других объектов.

Еще в 1963 году, после завершения Карибского кризиса, во время советско-кубинских переговоров была достигнута договоренность об оставлении на Кубе отдельной мотострелковой бригады. В ноябре был создан Особый отдел КГБ при СМ СССР, на который возлагалось контрразведывательное обеспечение данного соединения и ряда других советских военных объектов на острове. Бригада именовалась 12-м учебным центром, где якобы проходили подготовку кубинцы — но это были советские военнослужащие, которые носили форму РВС Кубы, — и дислоцировалась в поселке Нарокко под Гаваной. У военных контрразведчиков сложились очень теплые отношения с кубинскими коллегами. Особенно интенсивное взаимодействие с ними осуществлялось в период передислокации частей бригады, проведения военных учений и стрельб, замены личного состава.

Третье управление КГБ осуществляло взаимодействие и с органами военной контрразведки Кубы — был организован систематический обмен оперативной информацией, проводились личные встречи руководителей и сотрудников в СССР и на Кубе. Как правило, кубинскую делегацию на

переговорах возглавлял министр РВС Кубы Рауль Кастро, в чем было проявление особого, глубочайшего уважения руководства республики к нашей стране и советским военнослужащим.

Укреплению сотрудничества военных контрразведок способствовали и совместные учения Объединенных Вооруженных сил стран Варшавского договора. На встречах, проводившихся в это время, шел обоюдный обмен информацией, планировались совместные мероприятия.

Работа советской военной контрразведки также представляла интерес и для ряда других государств — по дипломатическим каналам к руководству Третьего главного управления КГБ СССР поступали просьбы об организации рабочих встреч сотрудников зарубежных спецслужб с сотрудниками КГБ; некоторые из них состоялись, но контакты осуществлялись в определенных пределах.

Отметим также, что в апреле 1970 года во 2-м отделе Третьего управления КГБ было создано спецотделение по контрразведывательной работе в Штабе Объединенных Вооруженных сил государств—участников Варшавского договора.

* * *

А вот пример одной из ярких контрразведывательных операций.

Двадцать седьмого февраля 1978 года в журнале «Нью-Йорк мэгэзин» появилась статья «Легенда», в которой был сделан тонкий намек на существование агента ЦРУ «Бурбона» — советского разведчика-предателя. Это заметили военные контрразведчики, которые давно уже вели поиск предполагаемого «крота» в аппарате ГРУ. Публикация свидетельствовала, что они находятся на верном пути.

Круг лиц, подозреваемых в возможной причастности к агентуре противника, поначалу был очень велик — более шестидесяти человек! Проводился скрупулезный анализ материалов на каналах вероятной утечки. Весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий проходил в русле активного взаимодействия военной контрразведки с другими подразделениями КГБ СССР — территориальных органов, оперативно-технических подразделений, наружной разведки и ряда самостоятельных служб... Через год остался 31 подозреваемый, на следующий год — 25, потом — 10. Год за годом, месяц за месяцем сужался круг. Наконец оста-

лось пятеро... Последний год был самый активный и самый нервозный, и в результате была оперативно доказана причастность к вражеской агентуре генерал-майора Дмитрия Федоровича Полякова.

Еще осенью 1961 года он, полковник, работая в Нью-Йорке «под крышей» секретаря советской делегации в ООН, инициативно предложил свои услуги ФБР. Впоследствии было доказано, что измена прежде всего имела материальную основу. Предатель выдал четырех советских агентов в Вооруженных силах США — провалы не остались незамеченными, и военные контрразведчики активно начали поиски «крота». Но по непонятным причинам Поляков в список подозреваемых не попал. К тому же он был очень осторожен и, находясь на территории СССР, активности в работе с американцами не проявлял.

Зато, приехав на работу в Индию в начале 1973 года, он вскоре обратился к военному атташе посольства США с вопросом, когда же ЦРУ восстановит с ним оперативную связь. Это было незамедлительно сделано. В 1976 году Поляков возвратился в СССР, был назначен начальником факультета Военно-дипломатической академии, получил звание генерал-майора...

Военная контрразведка, упорно продолжая свои поиски, буквально шла за ним по пятам. Но в чем-то Полякову сопутствовала удача, где-то были иные причины, по которым ему удавалось оставаться неразоблаченным... Кстати, когда еще Поляков только входил в круг подозреваемых, военные контрразведчики доложили о необходимости его проверки первому заместителю председателя КГБ генералу армии Г. К. Циневу. Выслушав доклад о материалах дела оперативной разработки, куратор Третьего главного управления сказал: «Генерал-разведчик не может быть предателем!» Однако команды прекратить разработку он не дал.

Понять Цинева можно: поколению, к которому он принадлежал, были свойственны определенный идеализм и вера в незыблемость устоев. Представить, чтобы генерал-разведчик предал те самые идеи, утверждению которых эти люди посвятили всю свою жизнь, за которые сражались на фронтах Великой Отечественной войны, было для него немислимо. Однако уже наступали новые времена, когда предателем мог оказаться даже член Политбюро...

Оперсостав 2-го отделения основательно проработал материалы своих предшественников: поднимались архивные дела по расследованию утечек секретной инфор-

мации в начале 1960-х, проводился их дополнительный анализ, оценивались новые данные, выдвигались и перепроверялись очередные версии по вновь открытым обстоятельствам... Наконец 7 июля 1986 года Поляков был задержан и препровожден в Лефортово.

Оказалось, что он выдал противнику 19 нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке порядка 1500 офицеров. В начале 1988 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Д. Ф. Полякова к расстрелу.

Кстати, сотрудники ЦРУ, по их же словам, относились к Полякову скорее как к учителю, нежели как к агенту и информатору. Бывший шеф ЦРУ Джеймс Вулси так оценил генерала Полякова: «Из всех секретных агентов США, завербованных в годы “холодной войны”, Поляков был бриллиантом в короне ЦРУ»*.

Военная контрразведка избавила церэушную «корону» от этого сомнительного украшения.

* * *

В докладе Ю. В. Андропова в ЦК КПСС от 6 мая 1968 года было указано, что в 1967 году «аппаратами военной контрразведки КГБ совместно с органами безопасности ГДР разоблачено 17 агентов западных разведок, проводивших шпионскую работу против Группы советских войск в Германии».

Среди спецслужб НАТО, действовавших по Группе войск, заметной активностью выделялись ЦРУ и РУМО — военная разведка США, а также западногерманская федеральная разведка БНД.

В 1972 году вступили в силу четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и ряд дополнявших его соглашений, заключенных правительствами ГДР, ФРГ и сенатом Западного Берлина, которые, в частности, предусматривали значительное облегчение и упрощение поездок и посещений жителями ФРГ и Западного Берлина Восточной Германии. Таким образом, одновременно с ослаблением международной напряженности усложнялась оперативная обстановка вокруг советских войск, пребывающих вне

* Терещенко А. С. «Оборотни» из военной разведки: Девять предательств сотрудников ГРУ. М., 2005. С. 258.

пределов СССР. Однако за сравнительно короткий период времени советским военным контрразведчикам вместе с сотрудниками органов безопасности ГДР удалось отработать такую систему контрразведывательных мер, которая позволила не только выявлять в потоке приезжающих в ГДР лиц, подозреваемых в шпионаже, но и надежно документировать их практические действия по разведке военных объектов Группы войск. В результате были выявлены десятки агентов западных спецслужб.

Для ГСВГ представляли опасность и технические виды шпионажа. С территории Западного Берлина, ФРГ и ряда других стран действовали многие радиотехнические станции, посты прослушивания и перехвата. С их помощью круглосуточно контролировался эфир над территорией ГДР, фиксировались работа войсковых радиостанций, параметры действующих радарных установок, полеты военных самолетов и многое другое. Западные спецслужбы изыскивали возможности подключения специальной аппаратуры к телефонно-телеграфным кабелям и проводным линиям связи для подслушивания разговоров.

С целью противодействия военные контрразведчики использовали технические средства, режимные и административные меры, оперативные возможности. При этом учитывалось возрастание реальной опасности различных видов технической разведки по мере дальнейшего прогресса науки и техники.

Была активизирована и работа разведывательных подразделений 3-го отдела, что позволило проникнуть в спецслужбы США, Англии и Федеративной Республики Германия, иметь сведения о их планах и замыслах, проводимых мероприятиях против советских войск. Разработка отдельных органов военной разведки ФРГ с использованием подготовленных и внедренных агентов дала возможность не только получать важную оперативную информацию, но и привлечь на свою сторону одного из руководящих сотрудников спецслужб.

Был, в свою очередь, организован надежный перехват линий связи войск НАТО, созданы условия для получения важной информации о работе английской разведки, велась активная работа по разработке и контролю за разведывательной деятельностью западных военных миссий связи. Путем целенаправленных действий были осуществлены акции по срыву использования спецслужбами противника секретной разведывательной техники в районах размеще-

ния советских войск, по компрометации отдельных сотрудников ЦРУ, работавших под прикрытием военных миссий связи, и др.

В ряде направлений была оказана помощь органам МГБ ГДР, в том числе в выводе из Западной Германии их важного негласного сотрудника ученого-физика Вальтера Ливера, которому грозил провал. Специально разработанная операция носила рискованный характер и могла привести к серьезным международным осложнениям. Поэтому она была согласована с Ю. В. Андроповым и министром обороны Д. Ф. Устиновым, которые совместной телеграммой дали руководителю Управления военной контрразведки ГСВГ право на ее проведение...

* * *

Важной задачей органов военной контрразведки ГСВГ оставалась борьба с дезертирством, основным побудительным мотивом которого теперь чаще всего были меркантильные соображения, возникавшие под воздействием западных средств массовой информации, рекламировавших «роскошную жизнь» на Западе. Оказавшись в капиталистической стране, дезертиры и перебежчики неизбежно становились объектом интереса спецслужб. Предоставление вида на жительство или политического убежища часто ставилось в зависимость от того, согласится ли перебежчик в той или иной форме сотрудничать со спецслужбами.

Беглецов опрашивали сотрудники спецподразделений разведок, таких, как дислоцированный в Западном Берлине межсоюзнический оперативный центр «Джейрок» 18-го батальона 66-й бригады военной разведки армии США. В его состав входили также представители разведслужб Великобритании, Франции и ФРГ. Центр собирал сведения по ГСВГ, опрашивая не только дезертиров, но и переселенцев из СССР, ГДР и других соцстран. Его сотрудники использовали в работе унифицированные опросники, фотоальбомы с образцами военной техники стран Варшавского договора. Их интересовали буквально все аспекты жизни и деятельности Группы: мобилизационная готовность, уровень боевой подготовки, морально-политическое состояние, отношения между военнослужащими... Каждый факт дезертирства советского военнослужащего был «подарком» для спецслужб, позволяющим получить из первых рук достоверную информацию.

Для предотвращения дезертирства военные контрразведчики внимательно изучали и проверяли военнослужащих. Кстати, в ряде случаев это позволило выявить лиц, ранее совершивших уголовные преступления. Так, в апреле 1983 года в Особый отдел 35-й мотострелковой дивизии поступили данные, что командир взвода комендантской роты прапорщик Ю. П. Богданов при общении с сослуживцами сообщает о себе противоречивые сведения: называет разные места и даты своего рождения, работы и учебы до призыва в армию. Не привлекая внимания Богданова, оперативники провели проверку и выяснили, что под этой фамилией скрывается особо опасный рецидивист Саенко. Бежав из мест заключения, Саенко поступал в мореходное училище, где выкрал у абитуриента Богданова свидетельство о рождении, по которому затем оформил паспорт. Призванный в армию, он был направлен в Группу советских войск в Германии, отслужил, поступил в школу прапорщиков и вновь возвратился в ГСВГ...

* * *

Контрразведывательное обеспечение вывода из Германии войск Западной группы (до 1989 года — ГСВГ) — трех общевойсковых, двух танковых и воздушной армий, всего порядка 370 тысяч человек — оказалось одной из наиболее сложных задач, которые пришлось решать органам военной контрразведки в конце «перестройки». К тому же в начале 1990 года военные контрразведчики ЗГВ лишились надежного союзника — органы госбезопасности ГДР фактически прекратили свою деятельность. 3 октября Германия официально стала единой, и советские войска оказались дислоцированными на натовской территории. Спецслужбы противника, прежде всего разведки США и ФРГ, постарались максимально использовать эти исключительно благоприятные обстоятельства.

Органы безопасности СССР не пользовались на территории ФРГ правом осуществления оперативно-разыскной и тем более следственной работы. Если германский гражданин задерживался с поличным во время осуществления акции шпионажа, все ограничивалось заявлением протеста советского командования. Зато противник имел уникальную возможность проводить по войскам Группы агентурную, техническую и иные виды разведки с позиций ближайшего окружения военных объектов. Соединения и

части Группы теперь арендовали каналы связи у соответствующих предприятий ФРГ. Военные контрразведчики понимали, что на некоторых линиях связи могло быть установлено стационарное оборудование для съема информации. Так, в городе Дессау стали отмечаться частые сбои в работе телефонной аппаратуры, но когда для проверки арендуемых линий на почту прибыл советский специалист, его не допустили в помещение кросса, чего ранее никогда не случалось. В некоторых случаях немецкая почта отключала арендуемые линии без внятного объяснения причин, и приходилось принимать дополнительные меры по предупреждению утечки секретов.

Седьмого мая 1991 года представители командования армии США в Европе и БНД ФРГ подписали «Меморандум о понимании», в котором была разработана стратегия работы по сбору секретных сведений и приобретению образцов оружия и военной техники ЗГВ. В Берлине и других городах Восточной Германии для этой цели были развернуты специальные подразделения БНД. Сотрудники и агентура спецслужб стремились не только их покупать, но и менять на подержанные автомашины и бытовую технику.

БНД и РУМО организовали в берлинском районе Далем совместное разведподразделение, названное «Федеральное ведомство по военной технике и поставке» — в нем трудились американцы из группы «Гортензия II» и немцы из группы 12 VA. Они вели поиск источников среди советских военнослужащих, представляясь им «простыми» торговцами оружием или посредниками, а их главной задачей была вербовка агентуры среди офицеров ЗГВ.

Советская военная контрразведка спутала карты противника, разоблачив 12 завербованных им агентов. В итоге на длительный срок лишения свободы был осужден негласно сотрудничавший с немецкой разведкой майор Л., нейтрализованы и другие не менее ценные для БНД «кадры». Да тут еще и в Берлине разгорелся скандал: три немца из группы 12 VA продавали англичанам военные секреты русских, добытые ими для своей разведки.

* * *

В районах дислокации советских военных объектов обострялась оперативная обстановка — в частности, активизировались неофашистские элементы, пользовавшиеся попустительством властей и правоохранительных органов.

Военные контрразведчики стремились получать информацию о готовящихся провокациях, принимали меры к их предотвращению. Особую обеспокоенность вызывали факты нападения на часовых по охране военных объектов, на личный состав выездных караулов и патрулей, которые в целях самообороны даже вынуждены были применять оружие. Об этом органы военной контрразведки незамедлительно информировали полицию.

Постоянно поступала информация об интересе, проявляемом местными гражданами и иностранцами к приобретению оружия. К примеру, 21 июля 1990 года к ограждению объекта одного из полков 57-й мотострелковой дивизии подъехала автомашина, в которой находилось трое мужчин. Один из них, в форме капитана народной полиции ГДР, обратился к часовому с просьбой продать два пистолета Макарова. Прибывший по вызову часового начальник караула задержал «покупателей», которые предъявили удостоверения сотрудников полиции ГДР и отрицали свою просьбу о продаже оружия. Задержанные были переданы полицейскому патрульному наряду. Военные контрразведчики неоднократно фиксировали подобные предложения, поступающие именно от сотрудников полиции — не исключено, что таким образом те пытались выяснить реальность приобретения советского оружия местными жителями.

На настроения людей накладывали свой отпечаток и события, происходившие внутри СССР, порождавшие неуверенность в завтрашнем дне. К тому же и военной контрразведкой ежемесячно фиксировалось до десятка попыток граждан ФРГ склонить наших военнослужащих к уходу на Запад. Действительно, советские граждане стали обращаться в полицию ГДР, позднее — ФРГ с просьбой о предоставлении им вида на жительство в Германии. Это было на руку спецслужбам, которые проводили разведывательный опрос потенциальных эмигрантов. Видимо, с подачи разведслужб ФРГ, летом 1990 года МВД ГДР издало указание, согласно которому органы полиции на местах прекратили информировать советское командование о лицах, изъявивших желание остаться в Германии, — это усилило угрозу утечки сведений, так как среди пытавшихся получить убежище было немало тех, кто обладал секретной информацией.

На руку спецслужбам было и то, что отдельные военнослужащие, гражданские служащие и члены их семей без санкции командования отправлялись в ФРГ, где по-

рой совершали кражи в магазинах и другие правонарушения. Это давало законное основание правоохранительным органам ФРГ для их задержания и последующего целенаправленного опроса. В некоторых частях ЗГВ поездки за покупками в западные земли носили буквально массовый характер...

Самым активным образом спецслужбы использовали в работе по ЗГВ эмигрантов из числа бывших советских граждан. Те, например, распространяли в окружении советских частей инструкции для лиц, намеревающихся остаться на жительство в Германии, — там указывалось более двух десятков адресов, куда можно обратиться за получением политического убежища. В ряде случаев в действиях эмигрантов содержались явные признаки шпионажа. Военными контрразведчиками был задержан некий Макс, предлагавший военному служащему за денежное вознаграждение выкрасть документацию засекречивающей телефонной аппаратуры, танка Т-80, БМП-2, ПТУРС. Другой эмигрант просил своих знакомых осуществить съемку военных объектов на полигоне Капустин Яр.

Отдельные предприимчивые жители ФРГ даже пытались организовать на территории советских воинских частей свой бизнес. Так, к командованию одного вертолетного полка обратился немец с просьбой предоставить ему по договору часть территории для открытия фирмы по продаже автомобилей. Оперработник, обеспечивавший полк, предупредил командира о невозможности принять эту «заманчивую» идею — подобные фирмы могли быть использованы для изучения советских военнослужащих, сбора информации и компромата.

Вывод войск в СССР, а затем в Российскую Федерацию осуществлялся в строгом соответствии с графиком, при этом разведывательный интерес к войскам ЗГВ только усиливался. Активно отслеживала ситуацию разведка бундесвера: для наблюдения за нашими частями и соединениями ею были созданы специальные мобильные группы, организованы стационарные и подвижные посты контроля и визуального наблюдения. В некоторых случаях использовались даже самолеты — так, два самолета совершили облет технической зоны одного из складов вооружения во время погрузки боеприпасов на автомашины. Разумеется, особенно интересовал «западников» вывоз ядерного оружия, но это, под прикрытием военной контрразведки, было сделано скрытно и своевременно, о чем представители

спецслужб с некоторым опозданием узнали из официальных источников...

Отмечались также попытки проникновения на территорию военных объектов и визуальная их разведка — только в мае 1990 года было зафиксировано более тридцати случаев фотографирования и 33 попытки проникновения на охраняемые территории. Военная контрразведка информировала о создавшейся обстановке командование, которое принимало дополнительные меры по маскировке и усилению охраны объектов.

Летом 1994 года территорию бывшей ГДР покинули последние части Западной группы. Официальное прощание с российскими войсками состоялось 31 августа в Берлине, в Трептов-парке, когда Б. Н. Ельцин дирижировал оркестром — для него это тоже был праздник. Зато серьезных эксцессов с участием военнослужащих Группы за весь период вывода отмечено не было.

* * *

Во все времена работа органов контрразведки ВМФ отличалась особой спецификой — равно как и всё, что связано с флотом. В середине 1960-х годов ВМФ СССР, на вооружение которого стали поступать атомные и ракетные подводные лодки, вышел на постоянную боевую службу в Мировой океан. В 1967 году руководством Минобороны было принято решение о создании оперативных эскадр ВМФ в стратегически важных и нестабильных регионах мира. Советские корабли постоянно присутствовали в Индийском океане, Средиземном море и других регионах Мирового океана. В состав эскадр стали включать десантные корабли с подразделениями морской пехоты и боевой техникой на борту. Во Вьетнаме, Сомали, Эфиопии, Сирии и других дружественных государствах были созданы пункты маневренного базирования, ремонта и снабжения кораблей.

Особые отделы выявляли разведывательные устремления иностранных спецслужб к частям и соединениям ВМФ — особенно оснащенным ядерным оружием, занимались предупреждением утечки информации о состоянии боеготовности флота, тактико-технических данных кораблей и лодок, планах их боевого использования. Совместно с командованием военные контрразведчики проводили мероприятия по выявлению каналов утечки информации, а также имеющие своей целью скрыть от противника истинные

сроки выхода подводных лодок в районы несения боевой службы. В поле зрения военной контрразведки постоянно находились проблемы охраны ракетно-ядерных объектов, мест базирования кораблей, штабов, узлов связи, командных пунктов. Проводилась большая работа по предотвращению взрывов, пожаров и других чрезвычайных происшествий, аварий и катастроф в ходе госиспытаний и боевого использования кораблей. Через командование принимались меры по устранению недостатков, а доклады о реальном положении дел регулярно направлялись в КГБ СССР.

О масштабах боевой учебы и деятельности ВМФ СССР, а следовательно — об объеме работы соответствующих органов военной контрразведки, можно судить хотя бы по тому, что только в 1984 году особые отделы КГБ СССР по флотам осуществляли контрразведывательное обеспечение нескольких десятков выходов на боевую службу в различные районы Мирового океана ракетных подводных крейсеров стратегического назначения, более ста выходов многоцелевых атомных подводных лодок и 514 надводных кораблей и судов. Контрразведчики обеспечили безопасность 956 заходов советских кораблей и судов сопровождения в 89 портов 45 иностранных государств, где на берег сходило более 70 тысяч военнослужащих и служащих флота, 115 экипажей разведывательных и военно-транспортных самолетов, временно базировавшихся на зарубежных аэродромах, а также 10 официальных визитов в советские порты иностранных военных кораблей и 9 зарубежных военных делегаций, пребывания в учебных центрах ВМФ более 1600 военнослужащих из 18 стран и передачи флотам Ливии, Сирии, Ирака, Никарагуа, Эфиопии и ряда других государств 50 надводных кораблей.

Особого внимания заслуживает огромная работа, проводившаяся оперативным составом на кораблях боевой службы и заграничания. Была отработана система контрразведывательного обеспечения. Она осуществлялась на плановой основе с учетом директив командования о составе отрядов боевых кораблей, сроков выхода в море и возвращения на базу, районов плавания и портов захода. В походе оперработник был оторван от своего руководства и должен был самостоятельно решать контрразведывательные задачи, беря на себя всю полноту ответственности. Контрразведчики принимали участие в инструктаже старших сходящих на берег «пятерок» и вахт ПДСС*, контроли-

* Противодиверсионные силы и средства.

ровали увольнение на берег и возвращение личного состава на корабль, качество проверки наличия членов экипажа на борту. Заслуживающая внимания информация немедленно докладывалась начальнику Особого отдела эскадры или старшему оперативной группы. Практиковались регулярные встречи руководителей с оперативным составом в океане или при заходах кораблей во главе с флагманом в иностранные порты. Благодаря усилиям военных контрразведчиков не раз предотвращались вербовочные подходы сотрудников иностранных спецслужб к советским морякам, попытки бегства за границу и другие чрезвычайные происшествия, обеспечивался надлежащий режим секретности и охраны кораблей при заходах в иностранные порты.

Контрразведывательное обеспечение подводных лодок имело свою специфику. Усилия оперсостава концентрировались на контроле за соблюдением режима секретности и несении вахты на центральном посту, в ракетном и торпедном отсеках, на пульте ГЭУ*, недопущении чрезвычайных происшествий, связанных с нарушением правил обеспечения ядерной безопасности ракетно-ядерного оружия, ГЭУ. Такая работа требовала глубоких военно-технических знаний, настойчивости в разрешении возникавших проблемных ситуаций.

Известно, что главной причиной всех катастроф являлся «человеческий фактор» — так, в 1985 году именно по этой причине вышли из строя сразу три атомные подводные лодки. В ряде случаев возможных аварий удалось избежать именно благодаря решительности и принципиальности сотрудников военной контрразведки. К примеру, в 1990 году по информации Особого отдела КГБ по 2-й флотилии АПЛ Тихоокеанского флота не были выпущены в море в установленные сроки четыре подводные лодки. Причинами стали серьезные недостатки в их техническом состоянии и неудовлетворительное комплектование экипажей — одна из лодок до конца года вообще не вышла на боевую службу и была поставлена в ремонт. При разрешении этой ситуации контрразведчикам пришлось преодолеть сильное противодействие, но комиссия из штаба флота, направленная на эти подлодки, полностью подтвердила информацию Особого отдела.

Высокий уровень военно-технических знаний флотских

* Главная энергетическая установка.

контрразведчиков сыграл свою положительную роль и в 1981 году, когда завершались переговоры по передаче в аренду ВМФ Индии атомной подводной лодки второго поколения. Только благодаря решительному вмешательству и настойчивости начальника отдела Третьего главного управления КГБ СССР А. В. Жардецкого (впоследствии — вице-адмирал, начальник Третьего главного управления КГБ СССР) удалось преодолеть сопротивление должностных лиц Минобороны и Главкомата ВМФ, намеревавшихся направить корабль во временную эксплуатацию без всякого его переоборудования и с полным комплектом технической документации. Военным контрразведчикам удалось отстоять интересы государства и предотвратить разглашение сведений о новых конструктивных и технологических решениях: часть оборудования заменили на менее современные образцы, существенно сократили перечень передаваемой документации.

Жардецкий Александр Владиславович (1931—2005). В 1953 году окончил ВВМУ им. М. В. Фрунзе, командовал торпедным катером, звеном торпедных катеров на Тихоокеанском флоте. С декабря 1958 года — оперуполномоченный Особого отдела КГБ. С марта 1975 года — заместитель начальника, с августа 1976-го — начальник отдела 3-го Управления КГБ СССР; с августа 1979 года — заместитель начальника 3-го Управления — 3-го Главного управления КГБ СССР; с января 1989 года — первый заместитель, а с ноября 1990-го — начальник 3-го Главного управления КГБ СССР. Вице-адмирал. Уволен в запас по возрасту в августе 1991 года.

Комментарий историка:

«Александра Владиславовича отличали замечательные организаторские способности, преданность профессии, умение творчески и настойчиво решать сложные задачи. Нормой его жизни была открытость и смелость, постоянная забота о подчиненных, для которых он навсегда остался примером беззаветного служения делу».

*Из сборника «Военная контрразведка
ФСБ России. 100 лет»*

* * *

Седьмого апреля 1989 года — трагедия в Норвежском море атомной подводной лодки «К-278», «Комсомолец». Хотя незадолго до выхода оперуполномоченный Особого

отдела КГБ СССР по 6-й дивизии АПЛ Северного флота старший лейтенант Сергей Богданов докладывал руководству о слабой подготовленности экипажа и развивающихся в коллективе негативных процессах, но усилия военных контрразведчиков уже не смогли повлиять на сроки выхода лодки из базы. Когда же на борту возник пожар и вскоре стало ясно, что лодку не спасти, оперработник — выпускник штурманского факультета ВВМУ им. М. В. Фрунзе, прежде всего помог в приведении в боевое положение механизмов отдачи спасательных плотиков, проверил готовность спасательных средств. Затем, вместе с корабельным врачом, Богданов участвовал в реанимационных мероприятиях по спасению пострадавших от удушья и высокой температуры. В ходе эвакуации он успел подготовить шифротелеграмму в Центр и спасти документы — шкатулку с ними он привязал к своей руке, покинув лодку в числе последних.

Оказавшись в бушующих волнах — шторм достигал шести баллов, а температура воздуха и воды не превышала четырех градусов, — среди тонущих моряков, Богданов, отличный пловец, помог многим из них добраться до спасательного плотика и удерживаться на поверхности. В самый критический момент, когда изможденные холодом и усталостью люди пали духом, теряя последнюю надежду на спасение, Сергей запел «Варяга». Он помнил, что в училище один из преподавателей говорил: песня не только эмоционально поддерживает попавших в беду людей, но и позволяет восстановить дыхание, обогатить кровь кислородом. Песня была подхвачена остальными моряками — это их воодушевило, а Богданову позволило определить тех, кто потерял много сил и нуждался в дополнительной помощи.

Когда экипаж лодки был поднят на борт плавбазы «Хлобыстов», контрразведчик сразу передал по радио информацию о произошедшем и обстановке, составил список спасенных моряков с отметками о состоянии их здоровья, провел опознание погибших. Несмотря на требования врачей, Богданов оставался на ногах и начал оперативное расследование обстоятельств и причин гибели корабля, а позднее присоединился к оперативно-следственной группе...

За мужество и самоотверженность Сергей Петрович Богданов был награжден орденом Красного Знамени.

Хотя задача борьбы с общеуголовными преступлениями в вооруженных силах была поставлена перед КГБ лишь в конце периода «перестройки», но сотрудники особых отделов и раньше не проходили мимо фактов воровства, присвоения государственного имущества, растрат и других уголовно наказуемых деяний. Практика свидетельствует: нарушения закона военнослужащими значительно расширяют вербовочную базу противника.

Строгие требования предъявлялись военными контрразведчиками и к военнослужащим иностранных государств, находящимся в СССР на учебе.

В 1967 году поле зрения Особого отдела одной из академий Ленинграда попал офицер — выходец из богатой и влиятельной арабской семьи, занимавшийся спекулятивными сделками и операциями с иностранной валютой. Доля его соучастия в валютных операциях только с советскими гражданами, осужденными за валютные махинации, составила астрономическую по тем временам сумму — 100 тысяч рублей. «Валютчик» был отчислен из академии и выдворен из СССР.

С целью наведения порядка в борьбе с уголовной преступностью и должностными преступлениями, политическим руководством страны в 1983 году было принято решение о контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и войск. Для этого в КГБ СССР было создано Управление «В» Третьего главного управления, а также третьи подразделения на местах. Они решали задачи по ограждению органов МВД от разведывательной и подрывной деятельности спецслужб противника, выявлению, предупреждению и пресечению особо опасных и иных государственных преступлений, других враждебных проявлений среди личного состава МВД, а также по контролю за сохранностью секретов.

По выявленным фактам злоупотреблений и должностных преступлений, неблагоприятной обстановке в подразделениях МВД на местах третьими подразделениями КГБ — УКГБ было представлено в партийные органы, прокуратуру и МВД более шестисот информационных документов, по которым приняты соответствующие решения, вплоть до ареста ряда сотрудников милиции.

К примеру, в 1983 году были привлечены к уголовной ответственности бывшие сотрудники ГУВД Мосгориспол-

кома М. и Р., которые занимались составлением фиктивных актов об уничтожении хранящегося на складе изъятого у населения оружия, которое они затем перепродавали преступникам. У задержанных было изъято ценностей на сумму более 200 тысяч рублей.

Стремительный рост уровня преступности начался в эпоху «перестройки», породившей философию вседозволенности и коммерциализацию буквально всех сторон жизни общества. Эти негативные проявления сказались и на вооруженных силах. Уже в 1985 году военными контрразведчиками было вскрыто 215 крупных хищений на сумму 2 миллиона 270 тысяч рублей, 56 случаев приписок и очковтирательства, нанесших ущерб на сумму свыше 45 миллионов рублей. Обо всех этих фактах были проинформированы органы прокуратуры.

С информации военной контрразведки по признакам контрабанды и нарушения правил о валютных операциях в 1984 году было возбуждено 46 уголовных дел, а в 1985 году — 34. В результате в 1985 году в доход государства было обращено изъятых у преступников товаров и ценностей на сумму более 2 миллионов рублей, 23 тысячи марок ГДР, 77 тысяч форинтов Венгрии.

В 1989 году Верховный Совет СССР принял постановление «О решительном усилении борьбы с преступностью», с требованием от всех правоохранительных органов более активно работать по выявлению и пресечению преступных деяний. Для решения задачи в органах военной контрразведки были созданы внештатные опергруппы — два-три сотрудника — по борьбе с организованной преступностью.

В условиях начавшегося распада страны бороться с набирающей силы оргпреступностью было трудно, хотя военным контрразведчикам и удалось добиться конкретных результатов. Были выявлены факты «сращивания» ряда должностных лиц с преступными элементами, направления за границу под видом вторсырья стратегических материалов и даже боевой техники. Особую опасность представляли попытки преступных формирований привлекать военнослужащих и армейских спортсменов в качестве своих «боевиков».

В течение 1988—1990 годов органам военной контрразведки совместно с военной прокуратурой и МВД удалось пресечь деятельность пяти группировок — в частности, разоблачить группу из военнослужащих и гражданских лиц, похитивших со склада Московского военного округа

644 пистолета. За этот период военной контрразведкой, совместно с командованием, прокуратурой, территориальными органами КГБ и МВД, было разыскано 1324 единицы похищенного оружия, 1028 гранат, значительное количество боеприпасов.

Седьмого марта 1991 года в составе Третьего главного управления КГБ СССР был создан 11-й отдел — для организации, координации и оказания практической помощи органам военной контрразведки по борьбе с терроризмом, незаконными операциями с оружием, коррупцией и контрабандой в воинских формированиях. Буквально на первых шагах его работы была пресечена, совместно с подразделениями 2-го ГУ КГБ СССР, попытка одной из иностранных разведок получить на коммерческом канале образцы ракетного топлива. Также были пресечены налаживающиеся каналы вывоза из России ценностей с использованием регулярных полетов самолетов военно-транспортной авиации в группы войск за границей; под угрозой неотвратимого разоблачения ощутимо снизились хищения имущества войск, пресекались зарождавшиеся связи должностных лиц с организованными преступными группировками из окружения войск...

Но все это, к сожалению, уже не могло изменить написанного кем-то «сценария» дальнейшего развития событий в нашей преданной и обреченной стране.

* * *

Однако вернемся в прошлое, обратившись к еще одной важной теме — Афганистану. В свое время я спросил у последнего руководителя советской внешней разведки Леонида Владимировича Шебаршина: можно ли однозначно считать ввод туда наших войск политической ошибкой? Ответ был такой:

«Я не стал бы сейчас осуждать наших лидеров — надо было спасти просоветские силы в Афганистане, помочь им закрепиться. С этой точки зрения решение было совершенно правильное и вариант ввода войск был, видимо, вполне нормальный. Замысел казался здравым: поставить несколько гарнизонов, чтобы поддержать новое правительство. Само по себе, без нашей помощи, оно, видимо, не выстояло бы. Замышлялось как? Войдем без применения силы, сопротивления существенного оказано не будет... Действительно, вошли гораздо быстрее, чем американцы в Ирак,

ну а потом вступили в соприкосновение с местным населением. Тут и проявились национальные особенности: случайный или не случайный выстрел — наверное, не случайный, афганцы привыкли воевать, они всю свою историю воевали, — и, видимо, не один, наши в силу совершенно естественной реакции ответили, и так оно и пошло... Мы оказались в состоянии боевых действий на разных участках афганской земли. Когда стало видно, что этот шаг оказался не очень удачным, тут же появились критики со всех сторон — в первую очередь, естественно, американские. То же радио “Свобода”, например, которое сейчас уже критикует нас изнутри — не из Вашингтона или Западной Германии, а уже из Москвы. Ведь Россия — тот вечный фактор, который Западу очень хотелось бы свести к минимуму...»*

Нельзя также считать решение о вводе войск скороспелым, спонтанным.

Еще в начале мая 1979 года командиров и начальников штабов батальонов и полков 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся в Витебске, а также сотрудников Особого отдела на десять дней вывозили «на экскурсию» в Кабул для знакомства с «объектами» будущих действий.

«В конце мая 1979 года по линии командования пришел приказ с грифом “совершенно секретно” отправить в ферганский учебный центр отличников боевой и политической подготовки мусульманских национальностей (узбеков и таджиков). Приказ этот особого восторга не вызвал. Вот так взять и отдать самых толковых солдат? Особым отделам также надлежало взять выполнение данного приказа под свой контроль, дабы уберечь командование от искушения отправить в Фергану нерадивых бойцов, от которых привыкли избавляться в первую очередь. Пришлось выполнять его буквально... Впоследствии именно эти ребята, переодетые в афганскую форму, будут штурмовать дворец Амина»**.

Вывод: «качество» знаменитого теперь «Мусульманского батальона» во многом было определено именно военными контрразведчиками.

Двенадцатого декабря 1979 года было принято решение ввести на территорию Демократической Республики Аф-

* Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 247—248.

** Кучерова Л. А. КГБ в Афганистане. М., 2009. С. 109—110.

ганистан «ограниченный контингент» советских войск, а 13 декабря была сформирована оперативная группа Третьего управления КГБ СССР, направленная в узбекский город Термез для оказания практической помощи в проведении мобилизационных мероприятий.

Шестнадцатого декабря было отдано распоряжение об отмобилизации Полевого управления 40-й армии и Особого отдела КГБ СССР, начальником которого был назначен полковник С. И. Божков — руководитель отдела Третьего главного управления КГБ. На укомплектование особых отделов прибыли оперработники военной контрразведки и территориальных органов безопасности; около шестидесяти человек были призваны из запаса КГБ СССР и Советской армии.

Божков Сергей Иванович (1926—2010). Призван в РККА в ноябре 1943 года, в действующей армии с 1944 года — радиотелеграфист зенитно-артиллерийского полка. В военной контрразведке с октября 1950 года. С февраля 1973 года — в центральном аппарате 3-го Управления КГБ при СМ СССР; с 21 февраля 1980-го по 19 февраля 1982 года — начальник Особого отдела КГБ по 40-й армии Туркестанского военного округа. С марта 1982 года — старший преподаватель, профессор Высшей школы КГБ — Академии ФСБ. Генерал-майор.

Свидетельство сослуживца:

«Прежде всего, хочу назвать легендарную личность генерал-майора С. И. Божкова — первого начальника Особого отдела 40-й армии... Добровольно остался в Афганистане, променяв уютную московскую квартиру на жилье в голом поле. Он фактически заново создал особый отдел в буквальном смысле слова на пустом месте. Надо было заботиться об устройстве всего оперативного состава (сам спал, не выходя из машины) и вести контрразведывательную работу по реальному ограждению личного состава от вражеских устремлений. С. И. Божков пользовался большим авторитетом у командования».

Генерал-лейтенант Борис Андреевич Еронин

Двадцать пятого декабря советские части начали переход государственной границы, а самолеты военно-транспортной авиации — доставку войск и боевой техники в Кабул и Баграм. 27 декабря был взят президентский дворец, к власти в Афганистане пришло правительство во главе с Бабраком Кармалем.

«Ввод войск 40-й армии в намеченные районы Афга-

нистана был осуществлен организованно и в сжатые сроки. Соединения и части в основном были размещены в полевых лагерях. В процессе создания группировки войск было развернуто около 100 соединений, частей и учреждений. Вместе с частями и подразделениями 40-й армии в Афганистан вошли и особые отделы КГБ СССР»*.

Но еще 30 июня 1978 года в Кабуле было создано Представительство КГБ СССР при органах безопасности ДРА, 3-й отдел которого оказывал советническую помощь афганским органам военной контрразведки. Отдел возглавлял полковник А. А. Марейчев. По мнению людей компетентных, именно представительству принадлежала реальная власть, через него осуществлялось влияние Советского Союза на афганскую администрацию. На втором месте по влиятельности был представитель Ставки Верховного главнокомандования.

Марейчев Александр Александрович (род. 1923). В действующей армии — с сентября 1942 года, после окончания военного училища; воевал в саперных частях, участвовал в освобождении Латвии и Литвы, штурме Кёнигсберга. С 1949 года — в военной контрразведке; в 1970—1978 годах — начальник Особого отдела КГБ по 38-й армии Прикарпатского военного округа. С мая 1978-го по 1979 год — советник Представительства КГБ в Афганистане по военной контрразведке; затем до февраля 1982 года — начальник 3-го отдела Представительства. В 1982—1986 годах — начальник Особого отдела КГБ по Северо-Кавказскому военному округу. Генерал-майор. Проживает в Санкт-Петербурге.

Свидетельство сослуживца:

«Сложная роль выпала на долю военного контрразведчика генерал-майора А. А. Марейчева, являвшегося нашим представителем при афганской военной контрразведке. В сложной внутривойсковой обстановке... он сумел, проявив поистине дипломатический талант, удержать работу подшефной службы в нужном направлении. Афганские коллеги с искренним уважением относились к нему, его авторитет среди них был непререкаем. От него регулярно поступала серьезная информация в оперативную группу Генштаба.

А. А. Марейчев лично участвовал в рискованных боевых операциях, но, как человек мужественный и скромный, не рассказывал о них сослуживцам».

Генерал-лейтенант Борис Андреевич Еронин

* Христофоров В. С. КГБ в Афганистане. К 20-летию вывода советских войск из Афганистана. М., 2009. С. 23.

«Прежде всего необходимо было создать систему органов военной контрразведки по 40-й армии, адекватно учитывающую особенности оперативной обстановки и позволяющую автономно действовать в условиях Афганистана. Ее формирование началось с развертывания армейского и корпусного аппаратов и отмотилизования трех дивизионных и одного бригадного особых отделов. В январе—феврале 1980 года были сформированы и направлены в ДРА еще один дивизионный и четыре бригадных особых отдела. Общее количество личного состава Особого отдела КГБ СССР по 40-й армии составляло около 350 человек.

Важной проблемой являлось определение системы контрразведывательных мер по ограждению войск от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и вооруженных формирований афганской оппозиции. Она определялась спецификой военно-политической и оперативной обстановки в Афганистане, а также особенностями проводившихся боевых действий. Сказывались повышенная напряженность и острота условий непосредственного соприкосновения с противником, динамично развивающихся процессов жизнедеятельности войск, взаимосвязь подрывных акций иностранных спецслужб и сил афганской оппозиции, особенности приобретения оперативных позиций в окружении советских войск, в центрах исламской оппозиции, специфика взаимодействия с подразделениями Представительства КГБ СССР в Афганистане и афганскими органами национальной безопасности»*.

«На особые отделы частей и соединений 40-й армии... была возложена задача по противодействию разведывательно-подрывным устремлениям противника, в первую очередь спецслужб США, Франции, ФРГ и Пакистана к советским войскам. Выявление и документирование фактов участия иностранных разведок в подрывных и боевых действиях против советских войск»**.

Осваивать оперативную обстановку на территории азиатского государства и приобретать навыки контрразведывательного обеспечения войск в боевых условиях сотрудникам особых отделов приходилось в полном смысле «с нуля». Большую трудность составляло, в частности, то, что

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 224.

** Кучерова Л. А. КГБ в Афганистане. С. 13.

группировка была рассеяна по всему Афганистану, по десяткам крупных и мелких гарнизонов, которые размещались в полевых условиях на больших площадях, притом сами себя охраняли и обеспечивали. Советские войска вели боевые действия против сил вооруженной оппозиции практически на всей территории страны. Участие оперработника в боевой операции вместе со своей частью было правилом — только в первый год в контрразведывательном обеспечении боевых операций приняли участие 170 оперативных работников и руководителей особых отделов.

Советские войска нередко участвовали в совместных операциях с подразделениями афганской армии, а наши солдаты, среди которых было немало призывников из «мусульманских» районов СССР, свободно общались с местным населением. Все это помогало противнику в проведении агентурной разведки — только за 1980—1981 годы особыми отделами 40-й армии была выявлена и пресечена деятельность девятнадцати агентов спецслужб США, Пакистана, Ирана и других государств. Было задержано свыше тридцати душманов, прошедших специальную диверсионную подготовку, так что задачи противодиверсионной защиты наиболее важных объектов — штабов, КП, узлов связи, складов, водозаборников и пищеблоков — приобрели особое значение.

Иностранные спецслужбы активно вели разведку и с легальных позиций, используя более двадцати дипломатических представительств в Кабуле, работников средств массовой информации, сотрудников торговых компаний и иностранных граждан других категорий.

В принципе, основные задачи контрразведывательной работы во многом были всё те же: оказание помощи командованию в поддержании высокой боеготовности, обеспечение режима секретности и сохранения военной тайны, выявление и устранение через командование разного рода негативных процессов в подразделениях, в том числе неуставных взаимоотношений между военнослужащими, искривлений дисциплинарной практики. В работе органы военной контрразведки 40-й армии творчески использовали приобретенный в период Великой Отечественной войны опыт органов контрразведки «Смерш», а также практику контрразведывательного обеспечения войсковых учений.

Но вот чего никогда не бывало раньше — даже во время Великой Отечественной войны — это «согласования опера-

тивных документов с военной контрразведкой. А здесь на утвержденной командиром соответствующего ранга карте боевой операции всего стояло: “Согласовано. Особый отдел, такой-то”. Никакими нормативными документами это не предусматривалось, но такая практика была выработана... С одной стороны, военная контрразведка, чувствуя свою ответственность, старалась получить максимум информации о возможной опасности для войск. С другой — это дисциплинировало командование, способствовало успеху проведения операций, сокращению потерь личного состава. Такая практика сложилась году в 1983-м, когда мы несли здесь самые большие потери»*.

* * *

В конце января 1980 года в Афганистане побывал председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов. Он прибыл в Кабул как член комиссии Политбюро ЦК КПСС, и его главной задачей было наладить взаимодействие всех ведомств — КГБ, посольства СССР, аппарата главного военного советника и некоторых других. По его возвращении Политбюро в очередной раз обсудило положение в Афганистане. Подводя итоги того совещания, Юрий Владимирович сказал, что позиция руководства СССР по поводу вывода советских войск заключается в том, чтобы прекратить вмешательство иностранных государств, бандитские налеты на афганские города и села, нормализовать обстановку в стране. Между тем, отметил он, вмешательство Вашингтона и Пекина во внутренние дела Афганистана приобретает все более широкие масштабы.

Выступая с докладом на проходившем в мае 1981 года Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР, Андропов сказал: «Военные контрразведчики, проходя службу в войсках в Афганистане, получают боевой опыт, настоящую боевую закалку. Использовать этот опыт в интересах общего дела — значит существенно повысить уровень нашей работы, сделать новый необходимый шаг в повышении мобилизационной и оперативной готовности органов госбезопасности».

Отметим, что за первые два года войны среди военных контрразведчиков безвозвратных потерь не было.

* Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Военная контрразведка: От «Смерш» до контртеррористической операции. М., 2010. С. 227.

Увеличение численности бандформирований с конца 1980 года происходило в основном за счет притока кадров из-за рубежа. В марте 1981 года Особым отделом КГБ СССР по 40-й армии были получены данные о прибытии в Пакистан американских и английских наемников — около 80 человек, направляемых в Афганистан в качестве руководителей отрядов вооруженной оппозиции. В 1982 году в стране действовало до 45 тысяч боевиков.

Весьма эффективной формой контрразведывательной деятельности и взаимодействия особых отделов с командованием и органами безопасности ДРА стала в этот период фильтрационная работа. Среди задержанных в ходе боевых действий военные контрразведчики выявляли и разоблачали агентов спецслужб иностранных государств и формирований вооруженной оппозиции. Только в 1982 году было выявлено и разоблачено 110 главарей и активных участников бандформирований, 38 террористов и 12 диверсантов, прошедших подготовку в Пакистане, — полученная от них информация позволила разгромить 50 «исламских комитетов», арестовать 142 агента и более двух тысяч рядовых «духов».

Центральное место в сложившейся системе контрразведывательных мер занимала борьба с агентурной разведкой противника. Уже в 1981—1982 годах особисты выявили 20 вербовочных подходов к нашим военнослужащим, предотвратили 49 случаев возможного захвата их мятежниками, засекли свыше шестидесяти предпосылок к разглашению сведений о подготовке боевых операций.

«Велика была опасность отрицательных последствий психологических операций, проводимых спецслужбами и подрывными центрами США, Китая, Пакистана, Ирана и других иностранных государств, афганской вооруженной оппозиции, антисоветских националистических организаций за рубежом. В районах дислокации и боевых действий войск 40-й армии особыми отделами было выявлено свыше 140 акций по распространению информационно-пропагандистских материалов, изъято значительное количество листовок-обращений к советским солдатам, пресечено 117 попыток враждебной обработки наших военнослужащих, склонения их к измене Родине и переходу на сторону мятежников. На ранних стадиях были выявлены и пресечены проявления изменнического характера 27 военнослужа-

ших, вскрыты 92 попытки приобретения наркотиков, изъято 182 единицы трофейного оружия и 139 килограммов взрывчатых веществ. В этой связи более чем со ста военнослужащими военными контрразведчиками были проведены профилактические беседы, свыше сорока из них были откомандированы в СССР.

Двадцать четвертого октября 1985 года в штат Особого отдела КГБ СССР по 40-й армии была включена группа радиоконтрразведки, что позволило существенно активизировать выполнение задач по розыску агентурных радиостанций, поиску радиозакладок прослушивания противником наших каналов связи. Возможности борьбы с агентурной разведкой противника заметно возросли»*.

Уточним, что большую помощь в создании этой группы оказал первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Георгий Карпович Цинев.

* * *

Известно, что военнослужащие ВС ДРА нередко вставали на путь измены. Особенно опасным было предательство офицеров, посвященных во многие военные секреты. К тому же переходивших на сторону оппозиции офицеров нередко сразу же ставили во главе бандформирований. Советские советники помогали военным контрразведчикам Афганистана в борьбе с этими преступлениями. Оперативность и быстрота осуществления мероприятий по изменникам дали ощутимые результаты: только в 1986 году при непосредственном участии наших советников органы госбезопасности Афганистана предотвратили 308 случаев измены и 32 случая перехода на сторону врага с использованием боевой техники. В принадлежности к агентуре противника были изобличены 17 офицеров армии и МВД — в том числе занимающих высокие должности. В частности — заместитель командующего авиацией и личный пилот президента Наджибуллы, по рации передававший в Пакистан информацию о полетах нашей авиации, а также врач-терапевт, «семейный доктор» Наджибуллы, а заодно семей премьер-министра, высших руководителей армии и полиции, пользовавшийся их безусловным доверием.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 228.

* * *

Особым отделом КГБ 40-й армии проводилась работа по перекрытию каналов идеологической и религиозной обработки советских воинов, пресечению акций идеологической диверсии и ее наиболее опасных последствий — измены Родине, дезертирства, — предупреждению захватов военнослужащих мятежниками. С 1980 по 1986 год было предупреждено свыше пятисот попыток враждебной обработки советских граждан иностранцами и агентурой бандформирований; пресечены намерения семи военнослужащих выдать противнику военные сведения из корыстных побуждений. Только в 1985 году предотвращено распространение в местах дислокации войск более шестисот тысяч экземпляров антисоветских изданий, 70 попыток склонения военнослужащих к уходу в банды, 186 намерений к самовольному оставлению частей.

Военными контрразведчиками осуществлялись и мероприятия по выводу из банд и из-за границы захваченных советских военнослужащих — таковых за время военных действий в руках противника оказалось порядка трехсот, причем порядка 80 процентов из них попали в плен в беспомощном состоянии — раненые или когда кончились боеприпасы. В Особом отделе армии была создана картотека с информацией на каждого из пропавших. Выводом людей из плена занимался специальный разыскной отдел, освободивший около семидесяти военнослужащих — из них 18 человек были переправлены в Швейцарию, Иран, Англию, США и Пакистан и возвращены уже оттуда.

Была также проведена большая работа по борьбе с контрабандой: только за 1984—1985 годы к уголовной ответственности были привлечены 60 человек, обращено в доход государства изъятых у контрабандистов денег и ценностей на сумму 2 миллиона 200 тысяч рублей. К сожалению, в это время в нашу страну уже пошла потоком и наркотическая зараза. Следственным отделением Особого отдела было расследовано более 1200 уголовных дел по незаконному приобретению и пересылке наркотиков.

* * *

Вывод войск из Афганистана осуществлялся в два этапа, в период с 15 мая 1988-го по 15 февраля 1989 года. Их общая численность составила свыше 100 тысяч человек,

включая и подразделения Погранвойск КГБ СССР. На вооружении возвращаемых частей и соединений было более пятисот самолетов и вертолетов, около 30 тысяч единиц боевой техники и автомобилей — в том числе 672 танка, 1594 БМП, 2136 орудий и минометов.

С 15 мая по 15 августа 1988 года были выведены части и соединения из большинства районов страны и советские войска оставались только в Кабуле для обеспечения прикрытия главной магистрали Кабул — Термез, а на севере находились подразделения пограничных войск. На втором этапе, который проходил с 15 января по 15 февраля 1989 года, выводились остальные войска. Задачу контрразведывательного обеспечения вывода выполнял Особый отдел КГБ СССР 40-й армии, которым руководил тогда генерал-майор В. С. Черемикин.

Аппаратом Особого отдела армии были созданы две опергруппы под руководством заместителей начальника отдела. На наиболее уязвимые участки, через которые проходили войска, были направлены оперативные сотрудники и группы радиоконтрразведки. По информации, полученной от военных контрразведчиков, авиация нанесла удары по базам бандитских формирований, готовивших нападения на проходящие войска. В результате реализации всех разработанных мероприятий, применяемых мер пресечения и предупреждения разведывательно-подрывной деятельности спецслужб и агентуры банд мятежников, осуществления предупредительно-профилактической работы, вывод 40-й армии в Советский Союз был произведен с минимальными потерями.

А вот что рассказывал о событиях, непосредственно предшествовавших выводу войск, генерал-майор Григорий Максимович Казимир, в то время — начальник Особого отдела Туркестанского военного округа:

«Начальник 3-го главка Сергеев, начальник Главного управления Погранвойск генерал армии Матросов, начальники особых отделов двух пограничных округов и я облетели на вертолетах все 16 погранотрядов, находившихся на границе с Афганистаном. На той стороне, в глубину от 25 до 50 километров, постоянно находились мангруппы — боевые маневренные группы, от усиленной роты до усиленного батальона. Так обеспечивалось, чтобы не было прорыва боевиков на нашу территорию, хотя был один случай в районе Московского... Мы побывали и в крупных мангруппах на афганской территории. Поэтому даже у Серге-

ева были автомат и подсумки — мало ли что. Облетели мы всё в течение месяца, везде заслушали доклады — ведь все эти мангруппы оставались там и после того, как было официально объявлено, что вышел последний солдат. Было у нас два вертолета и вертолеты сопровождения. Так вот, из сопровождения два вертолета мы потеряли!»*

Казимир Григорий Максимович (1934—2015). Окончил юридический факультет Киевского университета; учился в Новосибирской школе КГБ при СМ СССР; прошел все ступени оперативной работы — от оперативного сотрудника до заместителя начальника Особого отдела Забайкальского военного округа. В 1986—1989 годах — начальник Особого отдела Туркестанского военного округа. Затем до 1993 года — начальник Управления Особых отделов КГБ (Управления контрразведки Министерства безопасности) по внутренним войскам МВД. Генерал-майор.

Точка зрения Г. М. Казимира:

«Военные контрразведчики в Афганистане пользовались большим авторитетом, добрым расположением офицеров и солдат, потому что были в боевых порядках вместе с ними. Наши сотрудники вели себя очень достойно — не было случая, чтобы кто-либо под каким-то предлогом отказался от участия в боевой операции. Более того, в последние полтора года я категорически запретил оперативному составу выходить на боевые операции без согласования со мной и сам определял целесообразность. Мне это очень больно, однако семь из восемнадцати погибших сотрудников военной контрразведки приходится на мой период...»

* * *

Начальниками Особого отдела КГБ СССР по 40-й отдельной армии были генерал-майоры С. И. Божков, А. П. Бойченко, В. Д. Румянцев, М. Я. Овсеенко и В. С. Черемкин.

За смелость, героизм и оперативное мастерство более шестисот военных контрразведчиков были удостоены государственных наград.

Звание Героя Советского Союза было присвоено сотруднику Особого отдела КГБ по 40-й армии капитану Бо-

* *Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н.* Военная контрразведка: От «Смерш» до контртеррористической операции. С. 228.

рису Иннокентьевичу Соколову. Оперативно обеспечивая разведывательный батальон 108-й мотострелковой дивизии, он участвовал в 47 боевых операциях общей продолжительностью 269 суток. Несколько раз ему приходилось принимать на себя командование подразделениями в бою. На счету капитана Соколова — разоблаченные агенты иностранных спецслужб и непримиримой оппозиции. Кстати, затертый до белизны автомат Бориса Соколова сейчас хранится в одном из закрытых музеев.

Соколов Борис Иннокентьевич (род. 1953). С мая 1973 года проходил срочную службу в Забайкальском военном округе; в 1979 году окончил Казанское высшее военное инженерное училище, был направлен в войска Ленинградского военного округа. С августа 1981 года — в органах КГБ СССР. По окончании учебы на Высших курсах военной контрразведки КГБ находился на оперативной работе в Особом отделе Ленинградского военного округа. В 1983—1985 годах — оперуполномоченный Особого отдела КГБ СССР по 108-й мотострелковой дивизии 40-й армии Туркестанского военного округа. Участник боевых действий в Демократической Республике Афганистан. Герой Советского Союза. Генерал-майор.

Из наградного листа:

«В ходе операций проявил смелость, отвагу и мужество. В сложной боевой обстановке действовал уверенно, принимал грамотные решения, не раз обеспечивал успешное выполнение подразделением боевых задач».

«В схватках с бандформированиями погибло 18 сотрудников военной контрразведки, шесть из них удостоены ордена Красного Знамени: капитаны С. В. Григорьев, В. А. Ковтун, А. Н. Крамаренко, А. Е. Ломакин, В. В. Подлесных, Е. В. Свержев; девять — ордена Красной Звезды: подполковник Е. А. Шелохаев, майоры Ю. М. Очкин, В. И. Романов, Г. В. Сабельников, Г. П. Соловьев, капитаны И. В. Боровков, А. В. Никитин, В. А. Щендригин, старший лейтенант И. В. Матвеевков. При исполнении служебных обязанностей погибли подполковник В. В. Васалаев, старший лейтенант В. Р. Иванов и прапорщик М. В. Бондаренко.

Двадцать пятого октября 1981 года капитан Григорьев, находясь в блокированной противником колонне, занял место убитого пулеметчика и вел огонь по противнику, будучи уже смертельно раненным. Капитан Крамаренко погиб в 1985 году, спасая раненого солдата. Майор Романов,

участвовавший в тридцати боевых операциях по десантированию на контролируемую моджахедами территорию, был убит в 1987 году при десантировании в тыл противника. Капитан Боровков погиб в 1989-м, спасая военнослужащих из огня пожара»*.

«За время Афганской войны особыми отделами 40-й армии были выявлены 62 агента иностранных спецслужб — из них 47 были арестованы, 915 агентов вооруженных формирований оппозиции, были пресечены 556 случаев сбора военной информации, 328 случаев склонения к измене Родине в форме бегства за границу, 2120 случаев распространения наркотических веществ и прочее, прочее, прочее... Данные цифры наглядно свидетельствуют о том объеме работы, который проделали сотрудники особых отделов 40-й армии за время Афганской войны»**.

Глава двенадцатая

ГРАНЬ ВЕКОВ

Начнем эту главу «официальным разделом» — перечислением многочисленных реформирований и переформирований, чтобы сразу все было понятно. Конечно, по возможности...

Со второй половины 1991 года органы госбезопасности, как и многие другие государственные структуры нашей страны, вступили в полосу тотального реформирования. 22 октября на заседании Госсовета СССР было принято решение об упразднении КГБ и создании на его базе ряда структур на правах центральных органов государственного управления СССР. В самостоятельные ведомства были выделены внешняя разведка, погранвойска, служба охраны и правительственная связь. Для координации работы спецслужб и проведения согласованной оперативной деятельности была образована Межреспубликанская служба безопасности СССР, в состав которой Третье главное управление КГБ вошло как Главное управление военной контрразведки (ГУ ВКР).

Вскоре, в соответствии с Указом Президента РСФСР от 26 ноября 1991 года «О преобразовании Комитета государ-

* Христоворов В. С. КГБ в Афганистане... С. 32.

** Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 232.

ственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР», ГУ ВКР было переподчинено этому агентству уже в качестве Управления военной контрразведки.

Затем, Указом Президента России от 24 января 1992 года, на базе АФБ РСФСР и МСБ СССР было создано Министерство безопасности РФ, которое 21 декабря 1993 года было преобразовано в Федеральную службу контрразведки РФ, ставшую 3 апреля 1995 года Федеральной службой безопасности Российской Федерации. Управление военной контрразведки входило в состав этих ведомств.

В ходе последующей реорганизации служб безопасности, с 6 июня 1997-го по 10 августа 1998 года, управление входило в состав Департамента контрразведки ФСБ РФ, после чего вновь стало самостоятельным подразделением ФСБ России — Управлением военной контрразведки. С 7 февраля 2000 года УВКР, сохраняя это название, стало также именоваться еще и Третьим управлением ФСБ. 4 августа 2004 года оно было преобразовано в Департамент военной контрразведки (3-й департамент) ФСБ России, в каком статусе пребывает и поныне.

Наряду с различными структурными изменениями совершенствовалось правовое регулирование работы военной контрразведки. В настоящее время задачи и направления ее деятельности определены Федеральным законом РФ «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ с соответствующими изменениями и дополнениями, а также «Положением об управлениях (отделах) Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах (органах безопасности в войсках)», утвержденным Указом Президента РФ от 7 февраля 2000 года № 318.

«В систему органов безопасности в войсках входят Департамент военной контрразведки ФСБ России, а также управления и отделы Федеральной службы безопасности по военным округам и флотам, внутренним войскам МВД, Космическим войскам РФ, Командованию специального назначения*, объединениям центрального подчинения; отделы ФСБ по объединениям, соединениям, воинским частям, гарнизонам, военным образовательным учреждениям вооруженных сил, других войск, воинских форми-

* В настоящее время упразднено.

рований и органов. ДВКР осуществляет непосредственное руководство органами безопасности в войсках, обеспечивает безопасность в центральных органах управления вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов, а также в непосредственно подчиненных им воинских частях и организациях.

Задачи органов безопасности в войсках стали гораздо шире и разностороннее тех, которые решались военной контрразведкой в советский период. Но, как и прежде, на первом месте стоит выявление, предупреждение и пресечение разведывательной и иной деятельности спецслужб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации, Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов. Важное значение имеет добывание разведывательной информации об угрозах безопасности нашей стране и ее вооруженным силам; совершенно новым стало выявление, предупреждение и пресечение террористической и диверсионной деятельности, а также преступлений, отнесенных федеральным законодательством к подследственности органов Федеральной службы безопасности, и предотвращение несанкционированных действий с оружием массового поражения. Задачу обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну, также можно назвать традиционной, зато организация и осуществление в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах во взаимодействии с другими государственными органами борьбы с организованной преступностью, коррупцией, контрабандой, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств и психотропных веществ, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, с незаконными вооруженными формированиями, преступными группами, отдельными лицами и общественными объединениями, ставящими своей целью насильственное изменение конституционного строя, насильственный захват или насильственное удержание власти вошли в функции военной контрразведки сравнительно недавно. В числе задач остаются также участие в обеспечении Президента РФ, председателя Правительства России и по их поручениям федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов РФ информацией об угрозах безопасности Российской Фе-

дерации и ее вооруженных сил, а также участие в оперативном (контрразведывательном) обеспечении защиты государственной границы Российской Федерации.

Как и прежде, военная контрразведка обеспечивает руководство Минобороны и Генштаба, командование на местах информацией о предпосылках к чрезвычайным происшествиям в войсках и возникающих угрозах их безопасности, оказывает помощь в поддержании на должном уровне боеготовности и боеспособности частей и соединений, вносит весомый вклад в борьбу с негативными явлениями и фактами искривления дисциплинарной практики в воинских коллективах»*.

* * *

Нет необходимости объяснять, что 1990-е годы стали для органов военной контрразведки сложнейшим временем. В стране и армии резко обострилась оперативная обстановка, в кадровом составе органов безопасности происходили очень болезненные процессы. Не все сотрудники смогли выдержать тот шквал подлой критики и несправедливых обвинений, которые «срежиссированно» сыпались в их адрес; многие опытные контрразведчики по той или иной причине ушли в запас. Все же основной состав органов военной контрразведки — как в центре, так и на местах — тогда сохранился.

Из нескольких надежных источников нам стало известно, что в пору первых «кардинальных реформ» тогдашнее руководство Минобороны вознамерилось подчинить военную контрразведку себе. В подтверждение целесообразности предлагался пример «Смерш» без учета того, что функции УВКР МБ РФ во многом отличались от задач воюющей контрразведки НКО, подчиненной лично наркому И. В. Сталину. Был уже заготовлен Указ Президента, но против такой идеи восстал генерал-полковник Д. А. Волкогонов. Как военачальник высокого ранга, военный историк и вообще человек мудрый (какие-то иные претензии к нему — в данном случае не наша тема), он понял опасность такой «реформы» и убедил Б. Н. Ельцина не подписывать указ. Думается, если б военная контрразведка стала тогда для Минобороны «карманной», вооруженные силы развалили и развалили бы гораздо раньше...

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 235—236.

Помнится, в ту пору бытовало мнение, что спецслужбы нашему государству, возвратившемуся в «братскую семью «цивилизованных» государств», более не нужны... Впрочем, эта эйфория давно прошла и «братской» для нас эта «семья» реально так и не стала. Мероприятия по поддержанию обороноспособности, в том числе новые разработки вооружений, а также планы строительства и развития военной составляющей России сегодня вызывают беспрецедентную активность иностранных разведок, деятельность которых на некоторых направлениях приобретает исключительно дерзкий характер. Но если в 1980-е годы и ранее основными противниками военной контрразведки являлись спецслужбы США, Великобритании и Германии, то сейчас количество желающих стать обладателями оборонных тайн Российской Федерации увеличилось многократно. Отмечается особое стремление к добыванию информации, касающейся развития стратегических ядерных сил, создания новых образцов вооружений для РВСН.

Однако при этом существенно изменились методы и характер разведывательной деятельности... Так, Великобритания после нескольких громких провалов поумерила свои разведывательные аппетиты. США, Япония, а особенно ФРГ стараются работать на российской территории чужими руками.

Пожалуй, самым верным и исполнительным их слугой стали сегодня спецслужбы Грузии, сотрудники которых очень гордятся доверием новых «хозяев». По их заданию они проявляют интерес к таким масштабным стратегическим вопросам, которые для маленькой, но гордой Грузии не могут представлять никакого интереса. Строительство Вооруженных сил России, состояние ее военного и мобилизационного потенциалов, боевые системы управления РВСН, ВВС и ПВО, ВМФ, научно-исследовательские и конструкторские разработки в военных областях — это все-таки область интересов спецслужб ведущих держав.

А «невеликие» — бывшие наши союзники по СЭВ и Варшавскому договору, некоторые бывшие союзные республики — обычно собирают разведывательную информацию своего уровня, по своим интересам. Например, сейчас наблюдается активность по линии научно-технической разведки одной из восточноевропейских стран, с которой у России всегда были хорошие отношения. Причина проста: на ее территории остались предприятия по производству

нашей военной техники — вот и приходится проявлять интерес к новым технологиям...

У грузинских спецслужб также есть собственные интересы. Так, они изначально проявляют интерес к российским военным объектам — как на своей, так и на близлежащих территориях. Когда из Грузии выводились российские войска, сотрудники Специальной службы внешней разведки, Департамента военной разведки и других «контор» старались вербовать всех и каждого, как абвер в начале войны, вне зависимости от должностей и чинов. Особое внимание обращали на грузин и на тех, кто ранее жил и имел родственников в Грузии, — им обещали многие блага, шантажировали и родственниками, и могилами предков...

«В январе 2008 года офицер А. Имерлишвили, проходивший службу в частях Северо-Кавказского военного округа, выехал в очередной отпуск в Грузию. Там его ждали не только родственники, но и сотрудники спецслужбы. Судя по всему, они получили на Имерлишвили оперативную наводку и знали о нем почти всё... ими был пущен в ход весь арсенал средств. А. Имерлишвили пошел на сотрудничество и по возвращении в часть приступил к выполнению задания. Используя служебное положение, а также под различными предложениями, он принялся собирать информацию и подыскивать новых кандидатов в агенты. Эта его активность не осталась без внимания контрразведчиков. На очередном подходе к секретам он “засветился”»*.

Основной трудностью в работе по сотрудникам и агентам спецслужб наших бывших республик военные контрразведчики считают излишнее доверие к противнику. Часто случается, что встречаются люди, которые вместе жили, учились, служили — а потом вдруг оказались по разные стороны границы. Конечно, тут и воспоминания, и рассказы про сегодняшний день, и информация об общих знакомых... Но, к сожалению, далеко не вся эта информация оказывается просто «житейской» — кое-что переходит в разряд «шпионских сведений», на разглашение которых собеседника может умело подтолкнуть мнимый друг, связанный со спецслужбой своего государства, а то и далекой державы... Кстати, некоторое время назад был объявлен персоной нон грата и выдворен из России военный атташе одной из стран СНГ, выпускник престижного советского военного вуза. Через бывших однокашников и сослуживцев он сумел най-

* Лузан Н. Н. Военная контрразведка: тайная война. С. 348.

ти подходы к засекреченному оборонному объекту, где и был задержан военными контрразведчиками с поличным.

Не будем, однако, судить военного атташе слишком строго — у него работа такая. А вот то, что среди наших граждан, в том числе и военнослужащих, оказываются те, кто за счет продажи секретов иностранным спецслужбам пытается «поправить» свое материальное положение или решить проблему выезда на постоянное жительство за рубеж, — это уже гораздо неприятнее и страшнее. Но такие люди забывают, что военная контрразведка продолжает действовать, притом достаточно эффективно.

В подтверждение можно перечислить целый ряд разоблачений агентов западных и восточных спецслужб периода «новейшей» истории нашей военной контрразведки.

В мае 1994 года был изобличен в шпионской деятельности старший научный сотрудник одного из санкт-петербургских НИИ Моисей Финкель, который, намереваясь выехать на постоянное жительство в США, инициативно связался с сотрудниками ЦРУ. Он рассчитывал, что собираемая им секретная информация о научных разработках института обеспечит материальное благополучие его семьи на новом месте. Однако его шпионские усилия были замечены военными контрразведчиками, и Моисей Зусманович вместо Америки отправился на 12 лет «в места не столь отдаленные».

В июле 1996 года, когда в Калининград с дружеским визитом приходила группа кораблей ВМС Швеции, свои услуги шведским разведчикам предложил начальник службы обработки разведывательных данных российского корабля «Пеленгатор» капитан 3-го ранга Сергей Величко. «Аналитик» — под таким псевдонимом он проходил в оперативных разработках — и не догадывался, что уже после первого контакта военная контрразведка взяла его «под колпак» и что с этим связаны многие его неприятности, вплоть до увольнения в запас по истечении срока контракта. Впрочем, главная неприятность ждала его впереди: 5 февраля 1999 года он был задержан на Калининградском вокзале с весьма малоценной шпионской информацией. Так как Величко чистосердечно раскаялся и активно сотрудничал со следствием, то наказание бывшему капитану 3-го ранга определили ниже низшего предела — пять лет лишения свободы.

Двадцать третьего декабря 1996 года в ФСБ России поступило сообщение из службы безопасности одной из

стран СНГ о попытке неустановленного лица инициативно выйти на контакт с разведкой США. Незвестный предлагал продать за 500 тысяч долларов секретную информацию о Ракетных войсках стратегического назначения России. В результате проведенной военными контрразведчиками операции был установлен «инициативник» — майор Игорь Дудник, офицер штаба Оренбургской ракетной армии. 7 марта он и его соучастник Валерий Литвинюк были задержаны при попытке вынести секретные материалы за пределы военного городка. Если бы эти сведения попали в руки сотрудников ЦРУ, то пришлось бы менять практически все параметры систем защиты и управления РВСН, что обошлось бы минимум в 100 миллионов долларов. Учитывая, что секретные данные все же не попали к иностранной спецслужбе, суд счел возможным назначить Дуднику минимальный срок наказания за «государственную измену в форме шпионажа»: 12 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Двадцать шестого февраля 2002 года в посольство США в Москве обратился некий Александр Сыпачев. Он очень нервничал, и его поведение показалось неадекватным постовому милиционеру, а потому информация на странного посетителя поступила в органы ФСБ. В результате предварительной проверки оказалось, что Сыпачев — полковник ГРУ; военные контрразведчики выяснили, что задания на посещение посольства он не получал... 4 апреля, когда Сыпачев закладывал в условленное место пакет с секретной информацией, он был задержан. 11 ноября 2002 года Московский окружной военный суд признал его виновным в покушении на государственную измену и, учитывая чистосердечное раскаяние и содействие следствию, приговорил к восьми годам лишения свободы.

Две большие шпионские сети были раскрыты и обезврежены военными контрразведчиками во взаимодействии с сотрудниками других подразделений ФСБ в 2002 и 2004 годах на Дальнем Востоке. «Дядя Ваня», сотрудник одной из спецслужб, вербовал агентов из числа ездивших в Китай «челноков», не гнушавшихся мелкой контрабандой: это давало возможность их шантажировать. Проинструктированные агенты вовлекали в свой преступный «бизнес» бывших и действующих военнослужащих, притом что некоторые из них собирали сведения на основе материальной заинтересованности, а другие разглашали секреты из желания помочь друзьям. В итоге к отправке за рубеж были

подготовлены секретные документы, образцы вооружения и боевой техники — вплоть до авиационного двигателя и противотанковых реактивных снарядов. Но далеко не всех привлекали «заманчивые» предложения; сначала до военных контрразведчиков дошла информация о шпионской сети, развернутой «коммерсантами» Александром Белошапкиным и Виктором Поповым, а затем о «бизнесмене» Павле Носике, о привлеченном им к «делу» бывшем заместителе командира авиационной эскадрильи майоре запаса Викторе Смале и офицерах, доверчивостью которых воспользовался бывший сослуживец... В итоге Смаль был приговорен к пятнадцати с половиной годам заключения. Попов сам себе вынес приговор, повесившись в тюремной камере. Серьезные сроки наказаний получили также и те, кто, забыв о необходимости «строго хранить военную и государственную тайну», «по дружбе» помогал шпионам.

В 2004 году в поле зрения военных контрразведчиков попал еще один бывший сотрудник ГРУ — полковник запаса Сергей Скрипаль. Он позволял себе дорогостоящие поездки за границу, под различными предлогами выходил на свои старые связи в центральном аппарате военной разведки, пытался завязать новые знакомства, получить конфиденциальную информацию. Было установлено, что во время работы в Испании Скрипаль тайно открыл банковский счет, на который регулярно поступали денежные перечисления; в 1999 году он приобрел для сына трехкомнатную квартиру, произвел дорогостоящий ремонт собственной дачи, купил дачу и автомобиль. Военные контрразведчики предположили, что они имеют дело с агентом иностранной спецслужбы, — и действительно, в конце 2004 года была зафиксирована встреча Скрипала с сотрудником британской МИ-6, после чего он был арестован. 9 августа 2006 года Московский окружной военный суд приговорил изменника к тринадцати годам заключения в колонии строгого режима.

Выехавший в 1996 году на жительство в Германию Андрей Думенков занимался перегоном в Россию «серых» иномарок и прочими спекуляциями, на чем его и «зацепила» германская разведка, знавшая, что он выходец из региона, где находилась дивизия РВСН, имеет широкие связи среди военнослужащих. Отправившись в родные края, Думенков стал предлагать своим знакомым «хорошо подзаработать» путем продажи секретной информации. В результате комплекса оперативных и предупредительных мер, осу-

шестивленных военной контрразведкой, немцы не только получили ряд дезинформационных материалов, но и увидели одного из «источников» Думенкова, который приехал с ним в Германию. Правда, чего не знали ни шпион, ни его «хозяева», «источник» действовал по заданию органов безопасности... За свою шпионскую деятельность 23 августа 2006 года Думенков был приговорен к двенадцати годам лишения свободы.

Семнадцатого января 2008 года, за шпионаж в пользу Литвы, был приговорен к лишению свободы на семь с половиной лет бывший подполковник внутренней службы Василий Хитрюк, сотрудник Управления ФСИН по Калининградской области. Он слишком доверился новому знакомому — Артурасу Армонавичюсу, выпускнику одного из советских военных училищ, а потом, завербованный этим сотрудником литовской разведки «на материальной основе», начал собирать информацию о дислоцированных в регионе воинских частях, что не прошло мимо внимания военных контрразведчиков.

«Шпионский» интерес к Вооруженным силам России не только нарастает, но и расширяет свою географию.

В декабре 2003 года, возвращаясь из отпуска в африканскую страну, где он находился в командировке, сотрудник одного из НИИ Минобороны подполковник Игорь Арсентьев вывез из России и передал представителю тамошней разведки сведения, составляющие государственную тайну. В августе 2004 года, вновь приехав в отпуск, он продолжил сбор секретной информации по тематике радиоэлектронной борьбы... Повышенная «деловая активность» отпускника привлекла внимание военных контрразведчиков, которые и пресекли преступную деятельность Арсентьева. 3 августа 2004 года он был задержан при попытке вывоза из страны большого объема секретных сведений, 12 сентября 2007 года приговорен к семи годам заключения в колонии строгого режима.

«Черная Африка», конечно, экзотика. Зато польский шпионаж был знаком военным контрразведчикам еще с 1920-х годов. Теперь активная деятельность польской разведки на российском направлении ориентирована прежде всего на агентурное проникновение в правительственные, экономические, военные и правоохранительные структуры. Одним из ее приоритетов является добывание сведений о боеготовности вооруженных сил, повседневной деятельности и боевой подготовке воинских частей, в особенности

ПВО, ВВС и ВДВ, их личном составе, штатной численности, вооружении и технике.

В феврале 2007 года сотрудниками органов безопасности в войсках был арестован военнослужащий 202-й зенитно-ракетной бригады ПВО майор Сергей Юренин, завербованный резидентом польской военной разведки в 2006 году на территории Республики Беларусь. Его преступная деятельность по сбору секретных сведений о Вооруженных силах России и братской Белоруссии была полностью вскрыта и задокументирована военными контрразведчиками. 29 октября 2007 года он был приговорен к семи годам заключения в колонии строгого режима.

Усиливается шпионаж и с восточного направления: разведчик одной из стран был осужден за незаконное приобретение и перемещение через государственную границу России изделий, агрегатов и документации военного назначения; целая группа сотрудников спецслужбы другой страны была задержана при получении от российского военнослужащего документации по системам ПВО и выдворена из России.

* * *

Для решения задач по сбору разведывательной информации по Вооруженным силам РФ спецслужбы активно используют своих сотрудников, имеющих официальные прикрытия. В первую очередь это относится к военным атташе, пользующимся дипломатической неприкосновенностью. В соответствии с международными договорами, в России аккредитованы военные атташе около ста зарубежных стран общей численностью более двухсот человек. С целью сбора информации военного характера дипломаты активно контактируют с военнослужащими, осуществляют поездки на военные объекты, как самостоятельно, так и в составе групп иностранных военных атташе. Впрочем, военные секреты нередко интересуют и «дипломатов в штатском».

В 2004 году при проведении операции по связи со своим осведомителем из числа российских граждан, «завязанных» на военные секреты, был взят с поличным 3-й секретарь консульского отдела посольства США в Москве Томас Биллард. Госдепартаменту США был заявлен официальный протест, а сам американец объявлен персоной нон грата и выдворен из страны.

В 2007 году при получении секретных сведений от российского военнослужащего военными контрразведчиками был задержан сотрудник атташата одной из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в связи с чем его и откомандировали на родину. В том же году на одном из военных аэродромов были задержаны трое американских военных дипломатов, решивших самостоятельно осмотреть российские стратегические бомбардировщики.

Ну а военные контрразведчики Северного флота помогли досрочно возвратиться домой военно-морскому атташе Великобритании Саймону Листеру, который «грубо нарушал правила пребывания иностранцев на территории России. В связи с этим он неоднократно задерживался сотрудниками милиции и ФСБ. Тем не менее Листер не прекращал попыток проникновения в районы дислокации режимных объектов Северного флота и Ленинградского военного округа. Поэтому в целях нейтрализации и пресечения его разведывательной деятельности [военными контрразведчиками] был спланирован и реализован комплекс последовательных мероприятий, в рамках которых проведено документирование незаконной деятельности английского разведчика»*.

Для сбора развединформации военного характера спецслужбами используется и процесс инспектирования объектов Вооруженных сил России в рамках различных военных договоров. Только лишь в 2007 году наши военные объекты посетило свыше 140 иностранных инспекций, и в состав практически каждой из них входили сотрудники спецслужб. Военные контрразведчики принимали соответствующие меры по недопущению получения ими закрытой информации о вооруженных силах.

В шпионских целях активно используется также канал обучения зарубежных военнослужащих в российских военно-учебных заведениях. В том же 2007 году была пресечена противоправная деятельность пяти иностранных граждан, целенаправленно собиравших сведения военного характера, не входящие в программу обучения.

* * *

Даже сейчас, когда в прошлом осталось противостояние двух систем и политики рассуждают о «перезагрузке» и партнерстве, иностранные спецслужбы занимаются не

* Госбезопасность — наш долг. Мурманск, 2007. С. 387.

только сбором информации, но и подрывной деятельностью, используя деструктивные силы для дестабилизации обстановки в нашей стране.

В частности, ряд зарубежных неправительственных организаций, в целях компрометации Вооруженных сил РФ, поддерживают, в том числе и финансово, отдельные оппозиционные российские общественные структуры, стремящиеся оказывать негативное влияние на Российскую армию. Некоторое время назад сотрудники военной контрразведки получили информацию о том, что под видом миссионеров иностранные разведчики проповедовали среди слушателей военных академий нетрадиционные для российского общества религиозные взгляды, одновременно решая свои оперативные задачи. Со временем они пошли дальше, организовав среди слушателей академий школу по подготовке проповедников для армии, воспитывая их на так называемых «демократических ценностях», не имеющих ничего общего с подлинной демократией. Эта пагубная деятельность по созданию «пятой колонны» в войсках была пресечена уже на начальном этапе.

В июле 2007 года Байконурским городским судом Республики Казахстан за противоправную экстремистскую деятельность был приговорен к трем годам лишения свободы лидер ячейки международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» гражданин Казахстана Р. С. Оразбек. Радикальная исламская организация действовала в окружении космодрома Байконур и была пресечена совместными усилиями российских военных контрразведчиков и сотрудников казахстанского Комитета национальной безопасности.

* * *

В начале декабря 1994 года Президент России, в соответствии с Указом от 30 ноября 1994 года «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», принял решение о проведении специальной операции с задействованием армии, внутренних и пограничных войск, ФСК России. Подразделениям вооруженных сил и внутренних войск была поставлена задача занять столицу Чечни — Грозный и разоружить боевиков, блокируя места их базирования вне города.

Численность Объединенной группировки, которая на-

чала создаваться с 1 декабря, насчитывала 23,8 тысячи человек. В ее состав входили части и подразделения из семи военных округов, с трех флотов, а также — центрального подчинения. Вместе с ними прибыли и сотрудники военной контрразведки. Была создана Оперативная группа ФСК России, на которую возлагались общее руководство и координация деятельности всех участвовавших в операции органов военной контрразведки.

В ходе как первой чеченской кампании, так и последующей контртеррористической операции военные контрразведчики с честью справились со своей основной задачей — обеспечением безопасности войск в зоне боевых действий, надежно оградили части и соединения федеральных войск от проникновения агентуры незаконных вооруженных формирований и иностранных спецслужб, предотвратили многие диверсионно-террористические акты боевиков.

Начинать пришлось без какой-либо помощи территориальных органов контрразведки: УКГБ по Чечено-Ингушской АССР было ликвидировано, а большинство его архивов захвачено дудаевцами. Лишь несколько месяцев спустя стало работать создаваемое Управление ФСК по Чеченской Республике.

В ходе специальной операции военные контрразведчики делали все возможное, чтобы содействовать командованию в обеспечении выполнения боевых задач. С их участием создавались специальные группы и оперативно-боевые отряды для ведения разведки на контролируемой боевиками территории, проводки войсковых колонн, выявления и разоружения незаконных вооруженных формирований, обнаружения и вывода из строя их пунктов управления, боевой техники, уничтожения снайперов. Оперативно-боевые группы вскрыли все основные пункты дислокации НВФ в Грозном, установили места расположения сорока восьми складов оружия и боеприпасов, пунктов размещения бронетехники и вертолетов.

Так, при выдвижении в район Грозного 51-го парашютно-десантного полка оперуполномоченный отдела ФСК по 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии капитан Сергей Громов, проявив оперативное мастерство, в условиях смертельной опасности добыл информацию о засаде боевиков на маршруте движения колонны. Благодаря упреждающим действиям, предпринятым командованием, потеря личного состава удалось избежать. Это лишь один эпи-

зод успешной оперативной работы Громова. Пришлось ему участвовать и в боях: так, когда боевики напали на командный пункт полка, он лично уничтожил пятерых из них. Но 5 февраля 1995 года, во время боя в городе Грозном, на правом берегу Сунжи, военный контрразведчик был смертельно ранен.

Сергею Сергеевичу Громову посмертно присвоено звание Героя России.

Громов Сергей Сергеевич (1965—1995). В 1986 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, проходил службу в должностях командира взвода и заместителя командира парашютно-десантной роты. В органах госбезопасности с 1990 года; в 1991 году окончил Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР, работал оперуполномоченным и старшим оперуполномоченным Особого отдела КГБ СССР по спецчастям ПВО Закавказского военного округа, отдела военной контрразведки по воздушно-десантной дивизии Московского военного округа. С 30 ноября 1994 года находился в Северо-Кавказском регионе; был награжден медалью «За отвагу». По личной просьбе оставлен в зоне боевых действий на второй срок. 5 февраля 1995 года погиб в бою в городе Грозном. Капитану С. С. Громову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

О работе военных контрразведчиков в «первую Чечню» сообщают скупые строчки оперативных отчетов: ими было выявлено порядка ста укрытий боевиков, обнаружены в горных районах три базы — склады оружия, боеприпасов и продовольствия для ведения «партизанской войны». Были добыты сведения о местах расположения засад, минирования коммуникаций, маршрутов передвижения войск — и это позволило не только избежать потерь, но и нанести боевикам неожиданные чувствительные удары. При участии сотрудников военной контрразведки предотвращено уничтожение двадцати объектов, взрыв которых привел бы к большим человеческим жертвам и тяжким экологическим последствиям.

Военные контрразведчики, как некогда сотрудники «Смерш», осуществляли фильтрационные мероприятия среди задержанных лиц и беженцев, получали сведения о наемниках, действующих на стороне боевиков, предотвращали дезертирство и возможные переходы военнослужащих на сторону бандформирований, передачу им оружия и боеприпасов. Благодаря их усилиям были получены важ-

ные документы чеченских спецслужб, материалы архивов Джохара Дудаева и его близкого окружения. Их изучение способствовало внесению корректив в проводимые оперативно-разыскные мероприятия как в Чечне, так и на территории других регионов России.

Только в 1995 году за мужество и героизм 412 военных контрразведчиков были награждены орденами и медалями.

* * *

После нападения боевиков на Дагестан в августе 1999 года на территории Чеченской Республики началась контртеррористическая операция, для контрразведывательного обеспечения которой при Объединенной группировке войск (сил) на Северном Кавказе была создана Временная оперативная группа Управления военной контрразведки ФСБ России в Северо-Кавказском регионе. Силами этого специального формирования только до конца 2001 года было выявлено 57 баз боевиков, шесть укрепрайонов, 65 блиндажей, около 60 укрытий и 230 схронов и тайников с оружием. Военными контрразведчиками были добыты данные о каналах переправки через государственную границу наемников и финансовых средств, маршрутах выхода из Чечни раненых боевиков для лечения и легализации за рубежом.

«По информации Временной оперативной группы военным командованием были спланированы и проведены спецоперации, в ходе которых уничтожены полевой командир Ш. Я. Баталов, а также Абу-Умар, входивший в ближайшее окружение эмира Хаттаба. По информации военных контрразведчиков, в населенном пункте Дарго был задержан полевой командир М. К. Мунцигов, в Чири-Юрте захвачен главарь одного из бандформирований Ш. Ш. Дадаев, задержаны финансист Аслана Масхадова А. Гаибов и полевой командир Х. Хатуев. Военные контрразведчики принимали непосредственное участие в планировании и осуществлении операции по нейтрализации бандитского главаря А. Бараева, выявив более тридцати человек из его окружения.

Проводились мероприятия по дезинформированию бандглаварей. В результате такой работы были уничтожены основные силы бандформирований, пытавшиеся прорваться из Грозного в феврале 2000 года»*.

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 243.

Одним из направлений работы военных контрразведчиков в Чечне было освобождение из плена российских военнослужащих. Так, совместными усилиями военных контрразведчиков, членов Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, сотрудников территориальных органов и военного командования только в 2000 году было освобождено 78 военнослужащих и 22 гражданских лица.

* * *

В обеих чеченских кампаниях активно действовала агентура спецслужб самопровозглашенной Ичкерии, собиравшая информацию о действиях российских войск. В числе таких агентов оказался бывший прапорщик В. Калинин, который в 1991 году дезертировал из части и переехал в Чечню, где был завербован департаментом госбезопасности Ичкерии. В 1993 году он был направлен в центр по подготовке террористов в одной из арабских стран, а по окончании учебы был «повязан кровью», участвуя в уничтожении жителей приграничного селения. Затем ему была присвоена кличка «Вахид» и дано задание устроиться на службу в одну из воинских частей СКВО.

Но здесь агент вскоре попал в поле зрения военной контрразведки. Разработка оказалась недолгой — он сам явился с повинной. Оказалось, «хозяева» Вахида потребовали от него достать большое количество взрывчатки и боеприпасов для совершения теракта, и он решил не рисковать, «сдав» прибывших к нему на связь боевиков. Расследование установило, что Шамиль Басаев готовил взрыв шлюзов Волжской ГЭС...

С целью сбора разведывательной информации боевики постоянно вели допросы пленных военнослужащих, некоторых из них вербовали. Вербовочной обработке в той или иной степени подвергались большинство плененных, но особенное внимание уделялось тем, кто самовольно оставил место службы и сам пришел к боевикам с оружием. Чтобы завербованные верно служили «хозяевам», их привлекали к участию в казнях российских воинов, снимая это на видеокамеру. «Оборотни» проходили специальную подготовку: одних обучали минно-взрывному делу, другие, из числа «перспективных», проходили разведывательную и диверсионно-террористическую подготовку в лагерях на

территории Чечни или за границей. Так, обезвреженные военными контрразведчиками и осужденные на 15 лет лишения свободы бывшие рядовые внутренних войск К. Лимонов и Р. Клочков служили надзирателями у боевиков. Они жестоко издевались над пленными военнослужащими, забивали своих жертв до смерти, а в июне 1996 года участвовали в казни шестнадцати российских солдат.

Органами военной контрразведки был также изобличен и задержан пособник бандитов бывший заместитель командира 19-й мотострелковой дивизии по воспитательной работе полковник А. А. Савченко, который за деньги вывозил раненых боевиков из зоны боевых действий в безопасные места. 7 апреля 2000 года он был взят с поличным в селении Шатой, а следовавшие с ним боевики уничтожены при попытке сопротивления.

Около трех лет воевал в составе банды боевиков бывший рядовой А. Н. Ардышев. В результате операции, проведенной военными контрразведчиками, этот иуда, скрывавшийся под именем Сераджи Дудаева, был вывезен из стана бандитов. В процессе следствия было доказано, что Ардышев после дезертирства из части в июне 1995 года принял ислам и добровольно вступил в банду, активно участвовал в боевых действиях, нес караульную службу по охране штаба бандитов, конвоировал пленных военнослужащих, издевался над ними, имитируя расстрелы, и призывал вступать в незаконные вооруженные формирования...

* * *

В контрразведывательных операциях, проводившихся на Северном Кавказе, были задействованы наиболее подготовленные кадры руководящего и оперативного состава военной контрразведки. И это не просто красивые слова, так сказать — «дань уважения». Вот что говорил об этих людях заместитель руководителя Департамента военной контрразведки ФСБ России, начальник оперативной группы ДВКР в Северо-Кавказском регионе генерал-майор... впрочем, учитывая ряд обстоятельств, назовем только его радиопозывной — «Сибиряк»:

«Во всех управлениях ФСБ по округам и флотам создан резерв для прохождения службы в “горячих точках”. Желающие проходят специальное медицинское освидетельствование, в том числе психологическое, это самое главное, потому что случайные люди сюда попасть не должны. Ведь

здесь боевая работа, здесь находятся люди, которым доверено оружие. А чтобы доверять, сначала нужно научить человека как следует пользоваться этим оружием. Поэтому все в этом деле поставлено на плановую основу, люди проходят подготовку на высочайшем профессиональном уровне»*.

Вот почему эти специально отобранные, прошедшие серьезную подготовку военные контрразведчики проявляют себя с лучшей стороны, за что неоднократно поощрялись руководством, были удостоены государственных наград. Шестерым из них, работавшим в Северо-Кавказском регионе, присвоено звание Героя России, в том числе капитанам С. С. Громову и И. В. Яцкову — посмертно.

Яцков Игорь Владимирович (1972—2000). В 1994 году окончил Воронежское высшее военное авиационное инженерное училище, проходил службу в должности начальника радиостанции роты связи. В органах безопасности с декабря 1996 года — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный отдела ФСБ России по 136-й отдельной мотострелковой бригаде Северо-Кавказского военного округа. В сентябре 1999 года награжден медалью «За отвагу». 11 января 2000 года находился в составе передовых подразделений бригады, выполнявших задачу по боевому охранению автоколонны в районе населенного пункта Кири. Погиб в бою. Капитану И. В. Яцкову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

На Чеченской земле оборвалась жизнь тринадцати военных контрразведчиков.

Старший оперуполномоченный отдела ФСБ России по Отдельной дивизии особого назначения внутренних войск майор Г. М. Медведев был в «первой Чечне» с 27 декабря 1994 года. 25 февраля 1995 года, при боях в Грозном, подразделение, с которым он был, попало в зону подрыва мощного фугаса. Военный контрразведчик погиб.

Двадцать восьмого апреля 1995 года старший оперуполномоченный ОВКР по Пятигорскому гарнизону СКВО майор В. А. Кольцов выехал в Грозный для выполнения специального задания. В пути следования ЗИЛ-131 попал в засаду бандформирования. Майор Кольцов, вместе с военнослужащими срочной службы, грамотно организовал отражение нападения. Завязался неравный, ожесточенный бой. Военный контрразведчик получил тяжелое ранение,

* *Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н.* Военная контрразведка... С. 311—312.

но продолжал вести огонь по наседавшим боевикам. Когда кончились патроны, истекающий кровью офицер был захвачен бандитами, а затем расстрелян.

Шестнадцатого апреля 1996 года у поселка Ярышмарды попала в засаду колонна мотострелкового полка, возвращавшегося из района боевых действий в лагерь в Шатое. В этой колонне находились два оперработника — майор В. Л. Милованов и капитан А. К. Лахин. Офицеры сумели организовать под перекрестным огнем противника оборону подразделений, подавали пример мужества и хладнокровия, истинного боевого мастерства. В неравном бою они оба погибли.

Седьмого мая 1996 года, следуя на встречу с негласным источником, попал в засаду, устроенную боевиками, и героически погиб в бою майор В. Л. Косолапов.

Пятого февраля 2000 года во время «зачистки» населенного пункта Катыр-Юрт крупная и хорошо вооруженная группа боевиков попыталась заблокировать отряд спецназначения ВВ МВД. Бок о бок с солдатами и офицерами оперативно обеспечиваемой им части мужественно сражался капитан А. И. Горбунов. Бандформирование было уничтожено ценой жизни тринадцати военнослужащих внутренних войск. В бою погиб и капитан Горбунов.

За два месяца во «второй Чечне» майор А. В. Алимов установил личности и местонахождение четырнадцати боевиков и пособников незаконных вооруженных формирований, получил информацию о местах расположения пяти баз террористов, четырежды получал предупреждающие информации о возможных нападениях боевиков. 8 июля 2000 года, выполняя специальное задание, майор Алимов попал в засаду в пригороде города Грозного и героически погиб, отражая нападение боевиков.

Восьмого октября 2000 года попал в засаду боевиков на пути из Шали-Юрта в Алхан-Юрт и погиб в неравном бою майор А. В. Зачиняев, который оперативно обеспечивал батальоны 2-го сводного милицейского полка.

Старший оперуполномоченный майор Г. И. Мольков находился в Северо-Кавказском регионе с 14 сентября 2001 года, принял участие в трех разведывательно-поисковых и специальных операциях в условиях непосредственного боевого столкновения с бандформированиями. Его отличали высокая войсковая выучка, выдержка и самообладание. Вот только нагрузки оказались слишком высоки даже для подготовленного человека: 30 декабря 2001 года, работая в

штабе по проведению специальной операции, офицер скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности.

Двадцать первого августа 2004 года при проведении спецоперации по ликвидации бандформирования в Старопромысловском районе Грозного маневренная группа Отдельной бригады оперативного назначения ВВ МВД России попала в засаду. Когда был убит командир, командование принял тяжело раненный капитан Р. Б. Саитов, который первым открыл огонь по боевикам. Смелые и решительные действия офицера позволили личному составу избавиться от минутной растерянности, развернуться в боевой порядок и отразить нападение. Капитан Саитов скончался от полученных ранений, до конца выполнив свой воинский долг.

Все эти погибшие офицеры военной контрразведки были посмертно награждены орденами Мужества.

31 мая 2001 года на военной базе в Ханкале скоропостижно скончался заместитель директора ФСБ России — руководитель Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, руководитель Регионального оперативного штаба на Северном Кавказе Герой Российской Федерации Герман Алексеевич Угрюмов. При его непосредственном участии были разработаны и проведены специальные мероприятия в рамках контртеррористической операции в регионе, в результате которых были обезврежены руководители и активные члены бандформирований. За день до этого, 30 мая, был подписан Указ о присвоении ему звания адмирала. Почти четверть века Герман Алексеевич отдал службе в военной контрразведке, и контрразведчики воспринимают его уход из жизни как большую утрату.

Угрюмов Герман Алексеевич (1948—2001). В 1972 году окончил Каспийское высшее военно-морское училище; служил на Каспийской военной флотилии — старший помощник командира, командир большого пожарного катера. В органах безопасности с 1975 года; в 1985—1992 годах — начальник Особого отдела КГБ СССР — Отдела военной контрразведки МБ РФ по Каспийской флотилии, затем по Новороссийскому военно-морскому гарнизону; с 1993 года — начальник Управления военной контрразведки ФСК России — Управления ФСБ России по Тихоокеанскому флоту; с 1998 года — заместитель начальника Управления военной контрразведки Департамента контр-

разведки — Управления военной контрразведки (3-го Управления) ФСБ России. С 1999 года — первый заместитель руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (2-го Департамента) ФСБ России, с ноября — заместитель директора и руководитель 2-го Департамента. С начала августа 1999 года руководил работой военных контрразведчиков в Северо-Кавказском регионе. 20 декабря 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации. Награжден орденами «За военные заслуги» и «Знак Почета», нагрудным знаком «Почетный сотрудник контрразведки». 21 января 2001 года утвержден руководителем Регионального оперативного штаба на Северном Кавказе. 31 мая 2001 года адмирал Г. А. Угрюмов скончался от сердечного приступа в своем рабочем кабинете на территории штаба российской военной группировки в поселке Ханкала Чеченской Республики.

Свидетельство сослуживца:

«Когда началась первая чеченская кампания, Герман Алексеевич каждое утро собирал нас, своих замов, и давал анализ происходящих событий. Мы поражались его осведомленности, способности дать точную оценку действиям противоборствующих сторон. Но более всего поражало его умение спрогнозировать поведение чеченских боевиков. Нас удивляло, насколько точно он предугадывал, какие действия будут предприняты боевиками в той иной складывающейся ситуации. Все это свидетельствовало о том, что Герман Алексеевич великолепно владел оперативной обстановкой в Чечне, глубоко знал национально-психологические особенности этого воинственного народа».

Контр-адмирал Николай Николаевич Соцков

Имена всех погибших военных контрразведчиков высечены на скромном обелиске, что находится в Ханкале, на территории военного городка Временной оперативной группы Департамента военной контрразведки ФСБ России.

* * *

Только за 2006—2007 годы сотрудниками Временной оперативной группы Департамента военной контрразведки ФСБ России и органов безопасности в войсках, во взаимодействии со спецподразделениями армии и внутренних

войск, было предотвращено четыре диверсионно-террористических акта, обнаружено и уничтожено более двадцати баз боевиков и 121 тайник, из которых изъято более пятисот единиц стрелкового оружия, свыше девятистот тысяч боеприпасов различного калибра, 1576 взрывных устройств, более 1400 килограммов взрывчатых веществ.

В 2007 году, в результате реализации информации органов военной контрразведки, была пресечена противоправная деятельность шести членов бандформирований — Р. В. Идигова, А. С. Дадаева, Л. Д. Орзумаева, А. М. Шитаева, М. А. Пайхаева, И. Б. Дибаета, были склонены к явке с повинной участники бандгрупп Ш. И. Мусатов и Ш. Х. Тасуев — у последнего был изъят электронный носитель, содержащий материалы информационно-аналитического центра при так называемом «президенте Ичкерии».

* * *

Немалых оперативных успехов достигли военные контрразведчики, обеспечивая безопасность российских войск при отражении грузинской агрессии на Южную Осетию в августе 2008 года. Тогда, кстати, было взято несколько совершенно новеньких военных машин, напичканных дорогостоящей разведывательной и специальной аппаратурой, — щедрый подарок грузинским спецслужбам от заокеанских «хозяев». Узнав про этот конфуз своих «младших партнеров» и подсчитав выкинутые на ветер доллары, экономные «хозяева» не придумали ничего лучше, как обратиться в ФСБ России с просьбой возратить им технику, которую — как они с чистосердечной наивностью обещали — они грузинам больше не дадут. Ответ наших товарищей был предсказуем: мол, «что с бою взято — то свято», а «спички детям не игрушка».

Впрочем, тогда и сами грузинские спецслужбы не поспешили на подарки для наших военных контрразведчиков!

Сотрудники спецслужб знают, что агентов нужно не только беречь, но и любить — особенно в разведке. Неизвестно, сколько разведчиков в полном смысле слова пожертвовали собой, чтобы спасти, вывести из-под удара или подозрения своих надежных и ценных агентов. Однако оказалось, что грузинским товарищам «закон не писан»: «Специальная служба внешней разведки и Департамент

военной разведки Минобороны позволили себе то, чего до этого не делала ни одна спецслужба. Они безжалостно “палили” своих агентов. На них — “шот”, “ках”, “гоч”* — обрушился шквал телефонных звонков. Господам из грузинской разведки было наплевать на то, что эфир находится под электронным “колпаком” и через час-другой содержание переговоров становилось достоянием российской контрразведки. Они настаивали, угрожали и требовали информацию о направлениях движения частей Северо-Кавказского военного округа, их боевом составе и состоянии техники»**.

О последующих событиях и действиях сотрудников российской военной контрразведки мы рассказывать не будем... Впрочем, не надо также думать, что все так просто и что грузинские спецслужбы «эпохи Саакашвили» не являются серьезным и опасным противником.

* * *

Борьба с коррупцией — самая «молодая» из задач военной контрразведки. Впервые она была поставлена перед органами госбезопасности в 1991 году, а для военных контрразведчиков конкретизирована указом Президента от 7 февраля 2000 года, что было вызвано обстановкой в стране и кардинальными переменами, которые не могли не сказаться на вооруженных силах.

Когда же в 1992 году задача организации борьбы с коррупцией и контрабандой была возложена на соответствующий отдел Управления ВКР Министерства безопасности России, времени на раскачку у его сотрудников не было. Им следовало практически «с колес» создавать систему противодействия коррупции, выявлять наиболее значимые угрозы, организовывать разработку преступных группировок, рвущих на куски имущество вооруженных сил.

Первые же результаты работы показали, что нависшая над армией угроза более чем реальна — различного рода мошенники, дельцы и откровенные бандиты втянули в преступную деятельность практически все институты вооруженных сил, иных войск и воинских формирований; подкуп, взятки, «административный рычаг», порой и прямые угрозы жизни и здоровью позволили вовлечь в

* Шота, Каха, Гоча — грузинские имена.

** Лузан Н. Н. Указ. соч. С. 347–348.

преступный бизнес представителей почти всех категорий военнослужащих. Злоупотребления отмечались в самых различных областях, порой далеких от тех, что считаются «традиционно коррумпированными». По сути, везде, где есть деньги, земельные фонды, материальные ценности, рабочая сила, производственные мощности государства в лице Минобороны России, военным контрразведчиками необходимо было быть на страже национального достоинства. Объемы работы тут воистину титанические, и военным контрразведчикам пришлось фактически осваивать формы и методы деятельности сразу нескольких правоохранительных структур — таких как РУБОП, ОБЭП, налоговая полиция.

Одним из первых их значительных успехов явилось пресечение незаконной деятельности бывшего начальника Главного финансово-экономического управления Минобороны генерал-полковника Г. С. Олейника...

Время диктовало свои требования, и в 1999 году функции отдела были существенно расширены: в число задач, решаемых его сотрудниками, вошли организация, координация и оказание практической помощи органам безопасности в войсках в контртеррористической деятельности и борьбе с терроризмом, организованной преступностью, коррупцией, контрабандой, незаконным оборотом оружия и наркотических средств в воинских формированиях, выявление в среде военнослужащих и их окружении лиц, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя РФ.

Можно сказать, что сегодня проблема борьбы с коррупцией и организованной преступностью в армии и на флоте имеет особую остроту в связи с увеличением финансовых и материальных средств, выделяемых на оборону и реформирование военной организации государства. Работу на данном направлении органы безопасности в войсках осуществляют в тесном контакте с руководством вооруженных сил и во взаимодействии с другими подразделениями ФСБ, Главной военной прокуратуры, командованием, органами военной прокуратуры на местах и другими правоохранительными структурами.

Лишь за предыдущие три неполных года, по материалам военной контрразведки, за совершение коррупционных преступлений были осуждены начальник центрального и заместитель начальника главного управлений Минобороны, три заместителя командующих войсками округов и

флотов, республиканский и краевой военкомы, начальник полигона, начальник военного института и другие руководители высокого ранга.

Достаточно яркий пример коррупционного дела: 11 марта 2005 года в Департамент военной контрразведки поступила информация о возможных хищениях бюджетных средств, выделяемых внутренним войскам МВД России для оплаты исполнительных листов судебных органов в пользу военнослужащих, принимавших участие в контртеррористической операции. В результате было установлено, что эти выплаты, как правило, производились финансовым управлением главкомандования ВВ МВД России по фиктивным доверенностям. Только по двадцати трем выявленным фактам нарушений порядка оплаты общий ущерб государству составил 6 880 358 рублей. 4 апреля 2005 года Главной военной прокуратурой ГП РФ по информации ДВКР было возбуждено уголовное дело. Изобличенный в преступных действиях главный бухгалтер — заместитель начальника финуправления ГК ВВ МВД России полковник С. А. Юрасик был приговорен к восьми годам заключения в колонии строгого режима.

И еще в одном деле, связанном с денежными выплатами военнослужащим внутренних войск за участие в контртеррористической операции, пришлось разбираться сотрудникам военной контрразведки — теперь в июне 2007 года. Как оказалось, более чем 50 миллионов рублей пытались получить по подложным документам лидер организованной «ногайской» преступной группировки города Минеральные Воды Л. М. Нуралиев, ранее судимый за квартирные кражи А. В. Шпак и некий Р. Д. Аджимусаев, также советник Государственной гражданской службы РФ 3-го класса Н. А. Артовский и преподаватель Академии Генштаба полковник Ш. Н. Кучуков... Сколь разных, оказывается, людей объединяют «финансовые интересы»!

Опасность коррупции заключается в ее всепроникающем характере. «Коррупционеры в погонах», полагая, что все продается, не скупаются на взятки всем, кто может вывить и пресечь их преступления.

Двадцатого февраля 2008 года, при проверке сотрудниками военной контрразведки финансовой отчетности по Федеральной целевой программе «Создание системы базирования Черноморского флота на территории Российской Федерации в 2005—2020 годах», выяснилось, что

начальник Управления капитального строительства флота полковник А. Л. Маза организовал «преступную схему», в соответствии с которой преднамеренно завышались цены на поставляемые товары и стоимость проводимых строительных работ, осуществляемых подконтрольными коммерческими структурами. Образовывавшуюся прибыль Маза присваивал. Надеясь избежать ответственности, он предложил представителю ДВКР взятку в размере 1,5 миллиона рублей, 21 февраля был задержан с поличным при попытке передачи денежных средств и вскоре осужден Новороссийским гарнизонным судом. Что интересно, бывший полковник пытался оспорить в Конституционном суде действия военных контрразведчиков, задокументировавших его попытку дачи взятки — мол, «нарушение прав человека», однако 28 мая 2009 года его жалоба была отклонена... Оперативники сработали на совесть и строго в рамках закона.

Еще в 2001 году сотрудники Управления ФСБ по СКВО начали проверку доходивших до них сведений о многомиллионных махинациях в продовольственной службе Северо-Кавказского военного округа, в результате чего в декабре 2002 года Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело в отношении ее начальника полковника Сергея Серкина. Однако обвиняемый передал взятку в 160 тысяч долларов первому заместителю председателя Северо-Кавказского окружного военного суда полковнику юстиции Владимиру Букрееву, и 24 февраля 2004 года гарнизонный суд Ростова-на-Дону изменил статью вменяемого Серкину преступления. В итоге тот был оштрафован на 100 тысяч рублей и освобожден из-под стражи. Однако оперативным сотрудникам Департамента военной контрразведки ФСБ России удалось доказать факт получения взятки судьей Букреевым и причастности к этому коррупционному делу еще нескольких «служителей Фемиды». Состоялся новый суд, и теперь уже бывший полковник юстиции Букреев был отправлен в колонию на семь лет...

За почти двадцатилетнюю историю небезуспешной борьбы органов военной контрразведки с проявлениями коррупции в вооруженных силах и иных войсках и воинских формированиях имело место немало достижений, значительных по уровню общественного резонанса, объему вскрытого и предотвращенного ущерба, положительному влиянию на общую криминогенную ситуацию в стране.

По материалам органов безопасности в войсках, органами военной прокуратуры в 2006—2007 годах в отношении коррупционеров и расхитителей выделяемых на оборону бюджетных средств было возбуждено более шестисот уголовных дел. Предотвращено нанесение ущерба государству на сумму свыше четырех миллиардов рублей, а в доход государства обращено денежных средств и ценных бумаг на сумму более пятисот миллионов. По материалам военной контрразведки за коррупционные преступления осуждено свыше четырехсот человек.

* * *

Борьба с наркоманией, превратившейся в серьезную угрозу безопасности вооруженным силам, также стала одним из направлений работы военной контрразведки. Основная задача органов безопасности в войсках — выявление и перекрытие каналов поступления наркотиков, избличение причастных к таким преступлениям лиц, недопущение возникновения на этой почве чрезвычайных ситуаций в вооруженных силах. Только в 2007 году по материалам Департамента военной контрразведки и органов безопасности в войсках за преступления, связанные с наркотиками, было возбуждено 141 уголовное дело и осуждены 83 человека — 14 военнослужащих и 69 гражданских лиц.

Также в числе важнейших задач — работа по выявлению, предупреждению и пресечению незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, являющаяся одной из превентивных мер противодействия терроризму. Только за последние пять лет по материалам органов безопасности в войсках было изъято более 3300 единиц огнестрельного оружия, свыше двух миллионов боеприпасов, около двух тысяч взрывных устройств, более десяти тысяч килограммов взрывчатых веществ. Возбуждено более четырехсот уголовных дел в отношении лиц, причастных к незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, около шестисот человек осуждены на различные сроки лишения свободы.

* * *

Одной из ярких, но достаточно «закрытых» страниц боевой биографии военной контрразведки ФСБ России стало обеспечение безопасности российских воинских контин-

гентов (РВК), участвующих в международных миротворческих операциях.

Воины миротворческих контингентов Российской армии остановили вооруженные конфликты в Приднестровье и в Южной Осетии, обеспечили контроль обстановки в установленных «зонах безопасности» грузино-абхазского конфликта. В январе 1996 года российская Отдельная воздушно-десантная бригада во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН была переброшена в зону межэтнического конфликта в Боснии и Герцеговине для разделения противоборствующих сторон и установления между ними буферной зоны; с 5 июля 1999-го по август 2003 года российский воинский контингент в составе международных сил обеспечивал мир и стабильность в Косове. В соответствии с просьбой Секретариата ООН, в августе 2000 года российская авиагруппа — 107 военнослужащих и вертолеты Ми-4 с вооружением — была направлена в миссию наблюдателей ООН в Сьерра-Леоне. Примерно такая же авиационная группа с апреля 2006 года входит в состав миротворческих сил в Судане.

Миротворческие российские силы находились и находятся в ряде других «взрывоопасных» регионов планеты. И во всех точках земного шара, где они выполняют задачи по поддержанию мира и стабильности, их безопасность обеспечивает военная контрразведка.

«Перемещение на территории зарубежных стран воинских подразделений с оружием и боеприпасами, организация их размещения в полевых условиях, несения караульной и внутренней службы, практического выполнения поставленных задач на блокпостах, наблюдательных и контрольно-пропускных пунктах в составе международных патрулей, потребовали от военной контрразведки максимального учета всех факторов, способствующих формированию угроз безопасности российских миротворцев. Возникла необходимость принятия нестандартных решений по созданию условий для проведения эффективной оперативно-разыскной деятельности по выявлению и нейтрализации угроз на всех этапах боевой деятельности миротворческих сил.

В частности, в период миротворческих операций на Балканах военные контрразведчики, командированные в зоны конфликтов, внесли свой достойный вклад в обеспечение безопасности РВК, ограждение российских подразделений от разведывательно-подрывной деятельности

зарубежных спецслужб, криминальных и экстремистских организаций»*.

О некоторых результатах проводимой оперативной работы свидетельствуют выдержки из докладов сотрудников:

«Задокументированы действия установленного сотрудника разведки одной из стран НАТО по несанкционированному проникновению на территорию штаба РВК, осуществлению фотосъемки прилегающих к штабу подземных ангаров бывшей югославской армии и отбору проб грунта из воронок от авиабомб. Через командующего РВК заявлен официальный протест командованию КФОР, в результате чего иностранец откомандирован из Косово».

«На сербском рынке вблизи госпиталя РВК в г. Косово Поле албанскими экстремистами осуществлен подрыв СВУ**, в результате которого погибло 2 человека и 39 получили ранения различной тяжести. В результате мероприятий, проведенных в окружении, исполнители теракта установлены, проинформирована международная полиция ООН. Террористы арестованы и находятся под следствием в тюрьме международной полиции ООН в п. Гнилане».

«Получена информация о подготовке полевыми командирами ОАК серии терактов против РВК и болгарских военнослужащих. При этом экстремисты намерены переодеться в униформу югославской армии и использовать югославское оружие. После проведения акции ее исполнители должны быть уничтожены и их тела оставлены на месте преступления. Через возможности в окружении до албанцев доведена информация, что российские войска готовы к отражению нападения и в случае провокаций предпримут жесткие меры по пресечению актов терроризма».

«Предотвращен захват боевиками так называемой “Освободительной армии Косово” нескольких российских военнослужащих, нарушивших установленные маршруты передвижения в населенных пунктах».

«Силами полиции ООН организована проверка расположенного вблизи территории штаба РВК и якобы “служащего убежищем для боевиков НВФ” частного дома, в котором накануне было достоверно установлено скрытное размещение пункта технической разведки США».

* Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 248–249.

** Самодельное взрывное устройство.

«Выявлены и нейтрализованы подходы к российским военнослужащим ряда иностранцев с вербовочными предложениями о поступлении на службу во французский Иностраннный легион».

«Выявлен канал ввоза на территорию Косово наркотических веществ из Албании. Проинформирована международная полиция ООН».

«Со стороны военнослужащих РВК вскрыт ряд правонарушений, способных негативно отразиться на авторитете российских миротворческих сил. Задержан с личным офицер, вымогавший взятку с солдата-контрактника за сокрытие факта хищения дизельного топлива. Через командование и орган военной прокуратуры приняты меры к устранению нарушений воинской дисциплины, восстановлению законности и наказанию виновных».

За период работы военной контрразведки на Балканах среди иностранных участников миротворческих операций были выявлены десятки сотрудников разведывательных служб, а их подходы к российским военнослужащим пресечены. Для этого порой приходилось и приходится принимать и «нестандартные» решения.

В числе иностранных военных, охотно и часто посещавших лагерь наших десантников, выделялся американский майор по имени Майкл — улыбчивый, обаятельный детина под два метра ростом. Он сносно говорил по-русски и легко заводил себе друзей. Военные контрразведчики быстро установили, что американец — сотрудник военной разведки Соединенных Штатов, а потому задумались, как бы отвадить этого не в меру компанейского «союзника». В конце концов решили прибегнуть к старому и проверенному способу... На одной из вечеринок к Майклу подвели пару ребят покрепче, которые изрядно его «накачали» — за мир, за дружбу и взаимопонимание между народами... Когда же американец, еле ворочая языком, стал восхищаться героизмом и мужеством русских десантников, кто-то из его новоявленных друзей предложил «махнуть не глядя» свою десантную куртку на американский мундир. Майкл был счастлив, это дело еще «отметили», в результате чего мирно спящего разведчика благополучно доставили к его руководству — в тельняшке и камуфляже... После этого случая Майкл стал гораздо реже появляться в расположении десантников и по первой же ротации вообще покинул Косово.

Устойчивые устремления в отношении российских военнослужащих со стороны сотрудников консульства США были выявлены и в ходе оперативного обеспечения российской авиационной группы, находящейся в составе миссии ООН в Судане.

В Сьерра-Леоне также были вскрыты и нейтрализованы попытки представителей разведывательных служб одной из стран НАТО приобрести среди российских военнослужащих источники информации, в том числе на длительную перспективу. Были пресечены и попытки вовлечь наших офицеров в компрометирующие ситуации, чтобы затем их шантажировать, в частности, в контрабандные сделки с природными алмазами и золотыми самородками.

Кстати, характерным является то обстоятельство, что определенные деструктивные элементы в различных регионах стремятся дискредитировать как конкретных российских миротворцев, так и саму роль российского воинского контингента в урегулировании конфликта. Поэтому одной из многих задач, которые приходится решать военным контрразведчикам, является предотвращение провокаций, нацеленных на дискредитацию РВК.

* * *

Успешное решение целого ряда задач в современных условиях невозможно без развития международных связей с иностранными партнерами — спецслужбами различных государств для максимального использования имеющихся возможностей в целях надежного обеспечения безопасности как самих вооруженных сил, так и воинских формирований, дислоцированных за рубежом. Поэтому, в соответствии с указом от 7 февраля 2000 года, Департамент военной контрразведки наделен правом поддерживать контакты со спецслужбами иностранных государств, с которыми осуществляется сотрудничество в военной области или на территории которых дислоцируются российские воинские контингенты. При установлении и поддержании контактов с иностранными партнерами ДВКР прежде всего ориентируется на перспективные планы Минобороны России, отражающие важнейшие внешнеэкономические и военно-политические приоритеты России по развитию связей с вооруженными силами зарубежных государств.

Глава тринадцатая
(Заключительная, но далеко не последняя)

ДЕСЯТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В книге «Военная контрразведка. 1918—2010», вышедшей в 2011 году, мы писали, что в определенном смысле она подводит промежуточный итог за девять с лишним десятилетий активного существования военной контрразведки. Книга завершалась такими словами: «Но говорить о том, что когда-нибудь будут подведены окончательные итоги и раскрыты все ее секреты, не приходится: пока существуют вооруженные силы, они будут вызывать повышенный интерес зарубежных спецслужб, а потому военная контрразведка, обеспечивающая безопасность армии, флота и иных воинских формирований, будет продолжать свою работу».

Прошло без малого десять лет, а данное утверждение подтвердилось уже далеко не один раз. Вот некоторая своеобразная хроника минувшего десятилетия, отражающая результативную работу военной контрразведки — перечень этот мы составляем по датам, когда «ставилась точка» в очередных «шпионских делах», то есть фигурантам выносился обвинительный приговор. Уточняем, что вся нижеприведенная информация получена из открытых источников — то есть официальных сообщений информационных агентств ТАСС и РИА «Новости», а также — из периодических изданий, однозначно не имеющих отношения к так называемой «желтой прессе». (К сожалению для пишущих людей, в настоящее время — без сомнения, по объективным причинам — информация о работе спецслужб становится все более и более закрытой.)

Итак, официальная информация, которую мы можем сообщить.

Шестнадцатого октября 2009 года — в то время книга «Военная контрразведка. 1918—2010» уже готовилась к печати, поэтому данный случай в нее не вошел — Северо-Кавказский окружной военный суд признал виновным в государственной измене старшину из отдельного батальона охраны штаба того же самого округа Джемала Накаидзе, оказавшегося агентом военной разведки Грузии...

Маленькое отступление. Помнится, в начале 1990-х годов, вскоре после развала Советского Союза, когда многие у нас в стране еще верили в «потепление отношений с Западом» и прочие сказки об «общечеловеческих ценностях» и

единой «мировой семье народов», один из тогдашних руководителей Российской внешней разведки не без гордости рассказывал нам, как он сумел «срезать» своего заокеанского коллегу. В то время проводились неформальные «дружеские встречи» между «верхними эшелонами» СВР и ЦРУ, и вот во время одного такого общения какой-то высокопоставленный церэушник задал нашему генералу вопрос: «А как вы будете вести разведывательную деятельность против бывших республик СССР?» (Точно не помним, возможно, что и по-другому спросил: «Как вы будете противостоять их разведывательным усилиям?») «Никак не будем! — “срезал” его российский генерал. — Это ведь наши люди, и друг против друга мы никогда работать не будем!» К сожалению, это «срезал» слишком напоминает одноименный рассказ Василия Шукшина. А вот представитель ЦРУ, как кажется, изначально предвидел, а может быть, даже и знал то, в чем нам вскоре пришлось с горечью убедиться: некоторые (или многие?) из недавних наших «братьев» превратились для нас в очень опасных противников. Особая опасность заключается в том, что, пройдя зачастую одну и ту же школу, они прекрасно знают тех, по кому работают (разведка, говоря профессиональным языком, работает не против кого-то, но по кому-то); к тому же многим из нас оказалось очень сложно осознать, что тот, кто недавно еще был твоим товарищем или другом, теперь находится «по ту сторону баррикад». В общем — далеко не товарищ и доверять ему, к сожалению, нельзя. Нас разделила политика, а она сегодня так же несовместна с моралью, как некогда, по словам Александра Сергеевича Пушкина, были несовместны гений и злодейство...

Ну так вот, возвращаясь к бывшему старшине-контракtnику Накаидзе, можно понять, что грузинская спецслужба работает достаточно серьезно и оперативно. На службу по контракту в Российскую армию Джемал поступил в сентябре 2006 года, а в конце следующего года к нему уже был осуществлен «вербовочный подход» со стороны грузинской разведки. Будто бы случайно с ним познакомились представители соответствующего ведомства, пообщались, то есть, как говорится, «прощупали», и сделали соответствующий вывод: вполне подходит. Человеку невоенному и не понять: всего лишь старшина, что он-то может знать, какой интерес представляет для разведки? Между тем служба в батальоне охраны штаба округа делала потенциального агента весьма перспективным — вокруг большое количество

во очень серьезного народа, нужно только суметь найти к людям правильный подход, заинтересовать их своими возможностями...

Кстати, к самому Накаидзе грузинские разведчики такой подход сумели найти достаточно быстро. В феврале 2008 года, когда старшина ездил в отпуск в грузинский город Батуми к бывшей жене и детям, с ним как бы случайно встретился некий Гия, который, пообщавшись, воззвал к грузинскому патриотизму Накаидзе: мол, тебе нужно помочь родине, что же ты за грузин, если не хочешь откликнуться на зов своей республики? Джемал откликнулся. Забыть о том, что военную присягу он приносил не Грузии, но России, ему помогли обещание ежемесячных денежных субсидий в американской валюте и предоставление квартиры в том самом теплом городе Батуми.

Что бы впоследствии ни говорили изменники о своих патриотических чувствах и идеологических убеждениях, толкнувших их на путь предательства, на самом деле в основе любой измены реально лежит либо жадность, либо трусость. Впрочем, нередко — то и другое вместе взятое и тесно переплетенное. Вот и в данном случае, как можно понять, сработали банальные корыстные мотивы. Разговоры о «патриотизме» и помощи родине играли роль пресловутого «фигового листа».

Грузинскую разведку более всего интересовали директивы штаба Северо-Кавказского военного округа по формированию воинских частей на территории Абхазии и Южной Осетии, а также места их дислокации, боевой и численный состав, установочные данные и характеристики на командиров, схемы расположения отдельных воинских объектов в Ростове; следовало собирать даже номера телефонов и автотранспорта, используемых должностными лицами округа... Впрочем, это далеко не всё — в задание агента входило получение информации, составляющей не только военную, но и государственную тайну. Ему также рекомендовалось вербовать и привлекать к сотрудничеству офицеров штаба округа, особенно тех, кто имел доступ к секретной информации.

С интересующими его людьми Накаидзе обычно встречался в каком-нибудь кафе и денег для этого не жалел, потому как расходы компенсировались: известно ведь, что хорошее застолье развязывает языки. Для встреч со своими «хозяевами» агент чаще всего выезжал в соседнюю Республику Украину. По тем временам это не составляло труда,

зато и риск попасться на глаза тому, кому не следует, был гораздо меньше.

Однако то ли Джемал переоценил свои возможности и понимание людей, то ли недооценил собственных сослуживцев, но интерес, проявляемый старшиной к служебным вопросам, не имеющим к нему никакого отношения и явно выходящим за рамки его компетенции, насторожил офицеров. Естественно, что своими сомнениями они поделились с сотрудниками военной контрразведки, которые стали присматриваться к излишне любознательному старшине. Кстати, в прессе потом прошла информация, что, по оценке руководства Главной военной прокуратуры, военные контрразведчики Управления по Северо-Кавказскому военному округу «сработали сверхпрофессионально». Что ж, мы этому не удивляемся!

Старшина Накаидзе был, что называется, взят в разработку, и уже с начала июля 2008 года вся его деятельность проходила под контролем «компетентных органов», о чем агент, разумеется, не догадывался, а потому преспокойно хранил у себя дома и даже на службе доказательств собственной преступной деятельности...

Двадцать девятого ноября 2008 года Накаидзе ехал куда-то с приятелем на своей «семерке» и был остановлен сотрудником ГИБДД для обыкновенной проверки документов. Ничего не подозревая, старшина вышел из машины, стал разговаривать со словоохотливым инспектором, но вдруг из стоявшего поблизости микроавтобуса выскочили несколько человек в штатском — группа захвата... В общем, «Конец агента» — была когда-то чехословацкая кинокомедия с таким названием. Хотя в данном случае кому-то уже оказалось не до смеха.

Припертый, как говорится, неопровержимыми уликами, Джемал быстро забыл про «грузинский патриотизм» и «интересы родины» и стал активно сотрудничать со следствием, подробно рассказывая про своих «хозяев», методы их работы и получаемые от них шпионские задания.

Учитывая такую подкупающую откровенность, а также ряд других смягчающих вину обстоятельств, суд принял решение о назначении ему наказания «ниже низшего предела» — девять лет лишения свободы в колонии строгого режима. Ведь соответствующая статья Уголовного кодекса предусматривает срок от двенадцати до двадцати лет... Приговор, как мы уже сказали, был вынесен 16 октября 2009 года.

А в марте следующего, 2010 года в СМИ появились сообщения, что тот же Северо-Кавказский окружной военный суд вынес обвинительный приговор двум куда более серьезным агентам грузинской разведки — «Хирургу» и «Марине», получившим, соответственно, тринадцать и пятнадцать лет колонии. К сожалению, за этими псевдонимами скрывались два офицера Российской армии: заместитель начальника одного из военных госпиталей подполковник Хвича Имерлишвили и офицер разведывательного отдела одной из войсковых частей 58-й армии подполковник Марлен Богданов (Балашвили). По возрасту, служебному положению и воинским званиям это были люди вполне серьезные, а потому и при их вербовке сотрудники грузинской разведки напирали не на абстрактный «грузинский патриотизм» офицеров Российской армии и «зов предков», но на конкретную «материальную составляющую».

Сначала «вербовочный подход» был сделан к Имерлишвили — в то время, когда он приезжал в Грузию встретиться с родными Новый, 2007 год. Предложенная сумма все в той же американской валюте вполне удовлетворила подполковника, и он был принят на связь нелегальным резидентом Специальной службы внешней разведки Грузии старшим лейтенантом Зазой Херкеладзе, который в том же 2007 году прибыл в Россию по поддельным документам, а затем, обосновавшись в Северной Осетии, коим-то путем сумел обзавестись подлинным российским паспортом. (В принципе, были бы деньги — всё остальное решить не так и сложно...) Легализовавшись, он приобрел во Владикавказе кафе — идеальное прикрытие для разведчика среднего уровня. Задачей Херкеладзе было создание агентурной сети для сбора разведанных о частях и военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации на Северном Кавказе, получение конфиденциальной информации о деятельности руководства Северной Осетии, изучение обстановки в этом непростом регионе.

Имерлишвили оказался для резидента очень ценным кадром: заместителю начальника госпиталя ничего не стоило «разговорить» любого раненого, не вызывая ни малейших подозрений ни с чьей стороны. Наоборот! Все видели в нем очень душевного, внимательного и заботливого человека, не жалеющего своего личного времени для общения с бойцами и офицерами, оказавшимися на госпитальной койке... И кто бы мог предполагать, что при этом подполковник выполнял функции агента-наводчика, определяя

военнослужащих, представляющих наибольший интерес для вербовки сотрудниками грузинской разведки! Обладая хорошей памятью, Хвича также пересказывал резиденту и содержание поступавших в госпиталь секретных телеграмм.

Пожалуй, главной удачей Имерлишвили стало знакомство с подполковником Марленом Богдановым, вскоре получившим агентурный псевдоним «Марина» (странно, обычно мужчинам женских псевдонимов не дают, но выводов из этого мы делать не будем). «Хозяева» очень высоко оценили этот успех «Хирурга»: кроме солидной «денежной премии» он получил «в подарок» новенький джип «тойота прадо». Как видим, пресловутые «тридцать серебряников» — первый известный нам «гонорар» за предательство — в последнее время серьезно видоизменились и здорово выросли в денежном эквиваленте.

Вскоре Богданов стал передавать резиденту ценнейшую разведывательную информацию. В частности, он скопировал со служебного компьютера доклад о военно-политической обстановке на российском юго-западном стратегическом направлении, переписал из служебного справочника информацию о должностных лицах не только своей части, но и взаимодействующих с ней подразделений МВД и ФСБ, информацию об абонентах спецсвязи пограничных войск. В декабре 2007 года он «разжился» справкой о результатах деятельности подразделений военной разведки округа...

Казалось бы, работали эти шпионы очень осторожно и аккуратно, но «переиграть» военную контрразведку все-таки не смогли. В начале лета 2008 года резидент Заза Херкеладзе и его агенты были задержаны.

Повторим еще раз: в основе предательства всегда лежат трусость и жадность. Подполковник Хвича Имерлишвили вообще оказался патологически жадным человеком: при обыске в его гараже были найдены не только ворованные комплекты военного обмундирования в достаточно большом количестве, но даже упаковки с посудой из солдатской столовой! Большие количества ГСМ для его личной машины также были «позаимствованы» на службе, а для продуктов, «сэкономленных» с «госпитального стола», подполковник имел целый промышленный холодильник...

Остальное, в принципе, мы уже рассказали: Имерлишвили и Богданов были признаны виновными в государственной измене и получили соответствующие сроки нака-

зания, а также, разумеется, лишены воинских званий. Не ушел от меча карающей Фемиды и резидент Заза Херкеладзе, обвиненный в шпионаже. Насколько известно, он активно сотрудничал со следствием, а потому был приговорен к далеко не самому большому сроку за шпионаж — одиннадцать лет заключения... Впрочем, из всей этой компании Херкеладзе был единственно порядочным человеком, потому как работал в интересах того государства, которому присягал. Профессиональных разведчиков нужно уважать вне зависимости от их государственной принадлежности, но это совсем не значит, что провалившийся сотрудник не должен нести соответствующего наказания. Если, конечно, его не прикрывает дипломатический иммунитет.

Так, 12 мая 2011 года в Москве был задержан военный атташе Израиля полковник Вадим Лейдерман: его взяли в кафе, где дипломат встречался с неназванным в официальных источниках офицером Российской армии. По информации военной контрразведки, Лейдерман (кстати, в Израиль он был увезен родителями из Молдавии в 1977 году, когда ему было пятнадцать лет) — кадровый разведчик АМАН, военной разведки. На встрече, которая закончилась для разведчика столь неудачно, он рассчитывал получить от своего собеседника материалы о военно-техническом сотрудничестве России с рядом государств Ближнего Востока и стран СНГ, составляющие государственную тайну.

Опыт подсказывает, что работал полковник достаточно результативно или мог нащупать хорошие, перспективные связи — в противном случае его бы просто именовали в служебных отчетах «установленным разведчиком» и не трогали, тем более что срок его пребывания в Москве уже подходил к концу. Но после задержания с поличным Лейдерман был объявлен персоной нон грата — то есть нежелательным для нашей страны иностранным дипломатом — и 14 мая 2011 года выдворен из России.

Разумеется, в ряде израильских газет тут же было написано, что полковник — совершенно «чистый» дипломат (то есть никак с разведкой не связанный), а все обвинения в его адрес являются чьими-то коварными и провокационными происками. Но это общеупотребительная практика: ни одна разведка мира никогда не признается, что выдворенный из страны дипломат или, допустим, арестованный коммерсант является ее официальным сотрудником или агентом. Впрочем, никто на подобных откровениях и не настаивает — таковы общепринятые «правила игры».

А вот гражданин Китайской Народной Республики Тун Шэнюн, приехавший в Россию в октябре 2010 года в качестве переводчика официальных делегаций, дипломатического иммунитета не имел. По таковой причине 17 ноября 2011 года Московский городской суд с полным основанием приговорил его к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима — за шпионаж. Как сообщили наши информационные агентства, в ходе следствия было установлено, что, выполняя задание, предположительно министерства госбезопасности КНР, Тун Шэнюн пытался купить у предприимчивых российских граждан технологическую и ремонтную документацию по зенитно-ракетному комплексу С-300. Между тем эта документация снабжена наивысшими грифами секретности...

Конечно, «знатоки» могут возразить, что, мол, нам нечего скрывать от своих, как их раньше называли, «китайских братьев». Известно ведь, что в 1990-х и начале 2000-х годов Китаем было закуплено в России более двадцати ЗРК С-300, состоящих ныне на вооружении Народно-освободительной армии Китая. Вот только не стоит забывать, что между этими комплексами и теми, что в настоящее время защищают российское небо, есть определенные отличия: у наших ЗРК боевые возможности несколько шире. Есть и еще причины, по которым «грифованная» техническая документация не должна передаваться даже нашим союзникам, но о том долго рассказывать...

Так что мнимый переводчик Тун Шэнюн пострадал вполне заслуженно.

Не обошелся 2011 год и без очередного скандала с «грузинским шпионажем», ставшим уже традиционным. На сей раз Северо-Кавказский окружной военный суд на своем заседании 19 декабря признал виновными в совершении государственной измены офицера Южного военного округа старшего лейтенанта Давида Алиева и его мать Ирину Алиеву, граждан Российской Федерации.

«Финальным аккордом» работы военных контрразведчиков по этому «семейному подряду» было задержание Ирины Яковлевны Алиевой на автовокзале Ростова-на-Дону. Когда при обыске, проведенном, разумеется, с санкции прокурора, в ее личных вещах была обнаружена флеш-карта, Алиева сказала, что на ней — фотографии ее любимых маленьких внуков, которые она везет показать родственникам, проживающим в Грузии. Но после того как элек-

тронный носитель был открыт, на мониторе компьютера появились не беззаботные маленькие ребятишки, а схемы, отражающие размещение и численность воинского контингента в Южном военном округе — то есть информация, составляющая государственную тайну. Впрочем, такая подмена не была сюрпризом для военных контрразведчиков: старший лейтенант Алиев давно попал в поле зрения российских спецслужб и был задержан на территории воинской части одновременно со своей матерью, задержанной на автовокзале.

А началось все с того, что представители грузинских спецслужб обратились к Ирине Яковлевне, имевшей двойное гражданство — российское и грузинское, и пригрозили неприятностями для ее родственников, проживавших в городе Рустави. Неприятностей, по их словам, можно избежать, если Давид станет помогать своей «малой родине». Причем — совсем не бескорыстно. Грузинским разведчикам было известно, что старший лейтенант Алиев — связист, имеет допуск к работе с совершенно секретными документами и так называемой аппаратурой ЗАС, обеспечивающей закрытые переговоры на уровне командования Южного военного округа. Старшему лейтенанту следовало немедленно доложить о происшедшем своему командованию или, что называется, в «компетентные органы» — тогда ему могли бы помочь как-то защитить родственников, вывести их из-под возможного удара. Впрочем, известно, что в подавляющем большинстве случаев подобные угрозы являются откровенным блефом — ведь и у грузинских «секретносителей» и сотрудников спецслужб есть родственники на нашей стороне, так что все понимают, что подобный «обмен любезностями» может привести к непредсказуемым последствиям. Но, очевидно, решающую роль тут сыграл реальный «пряник», выраженный в приличной сумме долларов, сопроводивший абстрактный «кнут» в отношении родственников. В общем, проявилось все то же сакраментальное сочетание жадности и трусости во всей его красе...

Да только работала «семейная резидентура» совсем недолго и, как оказалось, вхолостую, хотя сами исполнители были уверены, что все у них получается должным образом. Давид добросовестно собрал необходимые материалы, передал флешку с государственными тайнами Ирине, собравшейся в поездку в родные края для встречи с родственниками и сотрудниками грузинской разведки. Однако успешно и оперативно сработавшие военные контрразведчики по-

могли Алиевым не усугубить свою вину, так что все ограничилось «намерениями», потому как совершенно секретная информация к заказчику не попала.

Учитывая это, а также чистосердечное раскаяние и готовность неудавшихся агентов сотрудничать со следствием и снисходя к их желанию защитить родственников от посягательств коварных грузинских спецслужб, суд ограничился довольно мягким (по сравнению с возможным) наказанием. Давид Алиев был лишен воинского звания и приговорен к десяти годам лишения свободы в колонии строгого режима, его заботливая мама — к восьми годам колонии общего режима...

Двадцать восьмого августа 2012 года Московский городской суд вынес приговор гражданину Латвийской Республики Лоскутовсу Павелсу, обвиненному в шпионаже.

(Имечко-то какое! Невольно вспоминается анекдот. В Риге встречаются два бывших одноклассника: «Ой, Иван, ты?» — «Я не Иван, я Иванс!» — «О, это же твоя собачка, Шарик!» — «Не Шарик, а Шарикс! Шарикс, голос!» — «Гавс, гавс, гавс!» Такой вот скороспелый патриотизм по месту проживания...)

Между тем наши военные контрразведчики выяснили, что бывший Павел Лоскутов, теперь приезжающий на территорию России в качестве латыша, активно работает на... МОССАД, очень эффективную израильскую разведку! Объектом его интересов являлись центры нашей радиоэлектронной разведки. Так как все это дело очень сложное и серьезное, визуальным образом не разведаешь, то гражданин сопредельного государства был снабжен специальными техническими средствами для транспортировки через границу добываемой на территории России информации.

Однако шпиону не помогли ни современные технические средства, ни иностранное гражданство. Лоскутовс был осужден на двенадцать лет колонии строгого режима.

Десятого февраля 2012 года 3-й Окружной военный суд Московской области приговорил к лишению свободы сроком на тринадцать лет в исправительной колонии строгого режима Владимира Васильевича Нестерца, теперь уже бывшего подполковника, старшего инженера-испытателя космодрома «Плесецк». Он признал себя виновным в передаче за денежное вознаграждение представителям ЦРУ США сведений об испытаниях новейших российских стратегических боевых ракетных комплексов, составляющих государственную тайну.

На полигоне подполковник Нестерец занимался испытаниями боевого ракетного комплекса «Тополь-М». О важности и сложности этой работы мы говорить не будем — и так понятно. Денежное довольствие, которое он получал там, в Архангельской области, вдали от цивилизации, конечно же, не сравнить с зарплатой обыкновенного российского гражданина, но и до зарплат многих чиновников, преспокойно заседающих в уютных московских и иных кабинетах, оно явно недотягивало — и это подполковника угнетало. В данной ситуации ему бы следовало просто завершить службу и, по совету небезызвестного Остапа Бендера, хотя бы «переквалифицироваться в управдомы» (как известно, доходное дело), но подполковник выбрал тупиковый путь предательства. Как нередко случается, не оказалось у него внутреннего стержня, того самого качества личности, что именуется «офицерская честь». И, думается, опять сыграла свою черную роль все та же жадность: ему хотелось не только обеспечить себе незаконным путем материальное благополучие, но и дослужить до пенсии.

Как специалист-ракетчик, Нестерец прекрасно знал, что объект, на котором он проходит службу, представляет огромный интерес для наших «американских партнеров», тем более интересны для них испытываемые здесь системы, новые образцы боевой техники, в перспективе поступающие на вооружение Российской армии. Естественно, знал он и то, что так просто сотрудникам ЦРУ или РУМО, военной разведки США, свои услуги не предложишь. Американские разведчики с давних уже пор смертельно боятся провокаций со стороны советских — российских спецслужб, а потому потенциальному агенту следует убедить представителей резидентуры в собственной профессиональной ценности и серьезности своих намерений, что требует личного контакта и определенного времени. Однако в Москве или Санкт-Петербурге так просто к американскому дипломату не подойдешь, они пешком по улицам не ходят. Если же записываться на прием в посольство или генконсульство США, то на тебя сразу обратят внимание сотрудники российских «компетентных органов».

Поразмыслив, Владимир Васильевич принял, как ему казалось, соломоново решение: он отправился на Украину, где в столичном городе Киеве пришел в посольство Соединенных Штатов. Там он побеседовал с соответствующими «специалистами», ознакомив их с кое-какими, отнюдь не самыми важными секретными и совершенно секретными

материалами, касающимися знаменитого ракетного комплекса «Тополь-М». Вываливать всю имеющуюся информацию было бы глупо — дозированно передавая материалы, Нестерец рассчитывал хорошо зарабатывать в течение продолжительного времени.

И заработал: на полную катушку — целых тринадцать лет заключения. Не будем вдаваться в подробности, но «дипломатический» визит российского подполковника не остался незамеченным нашими военными контрразведчиками. Нестерец был взят в разработку и задержан в начале января 2010 года. Так что продолжения сотрудничества не последовало, дальнейшая утечка информации была предотвращена.

Можно предполагать, что с нашими военными контрразведчиками бывший подполковник оказался гораздо откровеннее, нежели с сотрудниками ЦРУ, время тянуть не стал и сразу выложил абсолютно все, что знал: с кем он общался в посольстве, какое задание там получил, как должна была быть организована связь. Тем самым, очевидно, объясняется и сравнительно мягкий приговор — все-таки тринадцать лет это не двадцать, которые вполне можно было получить за шпионаж.

Соответственно, «переквалифицироваться в управдомы» Владимир Васильевич сможет только где-то после 2025 года. То есть выйдя на свободу.

Двадцать пятого июля 2013 года Северо-Кавказский окружной военный суд признал виновным в «государственной измене в форме шпионажа» бывшего прапорщика Пограничного управления России в Абхазии Дениса Каймакова. К сожалению, приходится говорить о повсеместном падении нравов: в прежние времена представить себе в одном лице пограничника и шпиона казалось просто невозможным. И дело тут было не только в особом отборе личного состава, но и в том, что, как их называли, «бойцы в зеленых фуражках» в полном смысле слова считались элитой Вооруженных сил СССР, служба в погранвойсках являлась предметом особой гордости.

Но тут — все тот же пример постыдной человеческой жадности. Очевидно, подметив это качество в Каймакове, к нему сделали вербовочный подход агенты военной разведки Министерства обороны Грузии Отар Джгаркава и Джемико Окуджава, граждане Республики Абхазия. Они предложили пограничнику снабжать их сведениями, представляющими военную и государственную тайну, и полу-

чать за это неплохое материальное вознаграждение. Денис согласился.

Избрав себе оперативный псевдоним «Кот», Каймаков с февраля 2011 года стал передавать грузинской стороне информацию о количестве и дислокации республиканских войск и российских миротворческих сил, состоящей у них на вооружении боевой техники, о маршрутах движения пограничников и многое иное... Для сбора информации агент использовал технические средства: вел скрытую съемку и осуществлял прослушку, передавая затем своим «хозяевам» видео- и аудиозаписи.

Впрочем, благодаря работе военных контрразведчиков эта шпионская деятельность продолжалась не так долго. Денис Каймаков был задержан и в марте 2012 года доставлен из Абхазии в Россию. Он полностью признал свою вину и активно сотрудничал со следствием. Кстати, на это стоит обратить особое внимание: все изобличенные шпионы, даже и те, кто встал на путь предательства как бы по идейным соображениям, движимые ложно понимаемым «национальным патриотизмом», потом довольно быстро предают и своих «хозяев». Они не просто каются в содеянном, но именно предают, рассказывая абсолютно все, что знают о их работе и них самих, за что получают желанное смягчение наказания...

Вот так и Каймаков, лишенный звания «прапорщик», благодаря своей откровенности «отделался» восемью годами колонии строгого режима. И он, и его защита оказались вполне согласны с таким приговором. Ниже нижнего предела, чего уж тут еще пожелать?

Ну а с задержанными местными жителями — агентами грузинской разведки Отаром Джгаркавой и Джемико Окуджавой — разбирались правоохранительные органы Абхазии, так что тюремные сроки они получили посерьезнее...

В 2014 году — году Сочинской Олимпиады и возвращения Крыма в состав России — вроде бы никаких особо интересных, резонансных, как сейчас говорится, «шпионских» судебных процессов не было. Так что этот год мы пропускаем и следуем в своем рассказе дальше.

Двадцать пятого декабря 2015 года Калининградский областной суд приговорил к двенадцати годам заключения подполковника запаса Федора Борискина, бывшего военнослужащего Балтийского флота, за шпионаж в пользу Польши.

Про мотив предательства мы уже и говорить не будем,

чтобы не повторять одно и то же. А сам Борискин определил его как «тяжелое материальное положение семьи». Недолго подумав, как это «положение» поправить, подполковник решил инициативно обратиться к польской военной разведке. Конечно, это не самая богатая организация, зато находится рядом, потому с ней проще общаться, а значит, полагал он, меньше риска засыпаться. Интересующий его номер телефона «инициативник», как называют в спецслужбах подобных «волонтеров», элементарно нашел в Интернете. По этому номеру он и позвонил, когда приехал в Варшаву летом не то 2012-го, не то 2013 года, точно не знаем. Поляки отнеслись к предложению с пониманием и интересом: это же не суперпопулярные церэушники, измученные шизофрениками и авантюристами и боящиеся провокаций. Они-то вниманием «инициативников» не избалованы. Поэтому, не заставляя себя долго упрашивать, сотрудники польской военной разведки сразу же встретились с Борискиным в одной из варшавских гостиниц. Побобщались, поняли, на что могут рассчитывать, очертили круг своих интересов, оговорили условия взаимодействия и связи, обсудили «гонорары». В общем, рядовая шпионская рутина и никакой романтики.

Хотя, пожалуй, сам Федор Александрович ощущал себя таким «суперагентом» — ведь если почитать детективы и посмотреть сериалы, то кажется, что всему можно научиться. В частности, определил он, никаких «тайниковых операций», на которых, как известно, нередко «горят» агенты — только личные встречи за пределами России. Удобнее всего — на территории Польши, в Варшаве, Сопоте, Гданьске. При этом, как истинный шпион, Борискин выезжал туда не напрямую, что было бы гораздо проще, удобнее и естественнее, а через Литву и Белоруссию, так сказать, путая следы. Своим «хозяевам» он поставлял информацию о деятельности одного из подразделений Балтийского флота — какого именно, можно только догадываться, но мы гадать не станем.

Вознаграждение агент получал довольно скромное, да еще и в польских злотых, однако это его вполне устраивало, а потому он продолжал сотрудничать с польской разведкой даже после того, как уволился в запас, и сообщал информацию по памяти. Впрочем, продолжалось это сотрудничество уже недолго: в конце концов офицер запаса попал в поле зрения военной контрразведки. На том шпионская деятельность бывшего подполковника бесславно завершилась.

Тринадцатого апреля 2016 года тем же самым Калининградским областным судом был признан виновным в совершении государственной измены и приговорен к тринадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима бывший капитан 3-го ранга Военно-морского флота России Евгений Матайтис. Таков был закономерный финал достаточно долгого дела.

Все началось в 2013 году, когда российскими спецслужбами была получена информация о том, что во Второй департамент оперативных служб Министерства охраны края Литовской Республики — это военная разведка и контрразведка — стали поступать некоторые материалы о российских войсках, дислоцированных в Северо-Западном федеральном округе и Калининградской области. Военные контрразведчики начали выяснять, откуда эта информация поступала, где происходила «утечка».

Через некоторое время оперативники обратили внимание на капитана 3-го ранга запаса Матайтиса, имевшего российское и литовское гражданство. Ранее он служил на Балтийском флоте, затем, уволившись в запас, постоянно проживал в Литовской Республике. Выяснилось, что Евгений довольно часто бывает в Калининградской области, поддерживает контакты с бывшими сослуживцами, охотно приходит к ним в гости — причем не только домой, но и на службу.

Кстати, это воистину общая беда, когда российские военнослужащие с открытой душой встречают своих бывших сослуживцев, однокашников по военным училищам и академиям, которые превратились в военнослужащих, а то и сотрудников спецслужб иностранных государств. В процессе общения нередко задаются самые невинные на первый взгляд вопросы: «Что нового у нас в части, как там ребята? А разве технику до сих пор не заменили, пора ведь вроде бы? Ты помнишь имярек — где он сейчас?» — и так далее, и тому подобное. К тому же Матайтис, как было установлено военными контрразведчиками, активно использовал в своей разведывательной деятельности спецтехнику. Предлагал показать бывшим сослуживцам привезенные им личные фотографии или видеоролик о своей «красивой жизни» на Западе, вставлял в компьютер — порой даже и в служебный — самую обыкновенную, казалось бы, флешку, но не простую, а полученную им в литовской разведке, и все содержимое «компа» моментально оказывалось переписано на эту флеш-карту.

Контрразведчики узнали, что к негласному сотрудничеству со Вторым департаментом Матайтис был привлечен еще в 2009 году, так что уже шесть лет, получая ежемесячное денежное вознаграждение, агент собирал и поставлял в свой «центр» информацию о Вооруженных силах России. Ряд полученных им сведений составлял государственную тайну.

Но, как говорится, сколько веревочке ни виться, все равно конец придет. Вполне возможно, что агент литовской разведки себя несколько переоценил — ведь столько времени этот мнимый друг водил за нос бывших сослуживцев! Но в июне 2015 года военные контрразведчики успешно реализовали оперативную комбинацию, в результате которой Матайтис, надеявшийся получить ценную информацию, выехал на территорию Калининградской области и 24 июня был задержан в городе Советске. Так как российское гражданство у Евгения сохранялось и от присяги, данной в свое время России, его никто не освобождал, против него было возбуждено уголовное дело по статье Уголовного кодекса РФ «Государственная измена».

Вину свою Матайтис признал полностью. Остальное нам уже известно.

Кстати, информация об итогах контрразведывательной деятельности — не только военной контрразведки, но и территориальных органов ФСБ России — в том самом 2016 году прошла по каналам РИА «Новости» 20 декабря 2017 года. Вот что там, в частности, сообщалось:

«По данным Судебного департамента Верховного суда, в 2016 году за госизмену были осуждены 13 россиян, а троим иностранцам вынесен приговор за шпионаж. Цифры скромные, однако, как считают эксперты, они не являются маркером активности зарубежных разведок.

“Численность иностранной агентурной сети в России на протяжении последних 25 лет постоянна, число установленных агентов разведок составляет около четырех тысяч человек, — рассказал РИА Новости генерал-майор ФСБ в отставке Александр Михайлов. — Главный вопрос заключается в ее активности: в период любых обострений агентурная сеть начинает действовать более активно, ей ставятся более глобальные задачи”.

По словам Михайлова, лишь немногие из разоблаченных иностранных агентов в итоге оказываются на нарах. Как правило, дело ограничивается их депортацией на историческую родину, причем, что интересно, далеко не всег-

да информация о шпионских скандалах просачивается в СМИ. Некоторые разоблаченные агенты даже не подозревают о том, что находятся под колпаком и используются спецслужбами как канал для дезинформации...»

А вообще надоели нам все эти шпионы, агенты и предатели! Поэтому, обращаясь к 2017 году, расскажем о людях гораздо более «земных», хотя и служивших в авиации Черноморского флота. Впрочем, и здесь без государственной измены не обошлось — вернее, чуть было не обошлось.

Еще в 2016 году внимание военных контрразведчиков привлекли два военнослужащих полка морской авиации (их воинские звания почему-то нигде не указываются, а раз так, то и мы уточнять не стали). Роман Голято был начальником группы регламента и ремонта авиационного оборудования ТЭЧ (техничко-эксплуатационной части), Алексей Басенко — авиационным техником вертолетного звена. Эти предприимчивые специалисты наладили выгодный для себя «бизнес»: получая новые детали для авиационной техники, они заменяли их контрафактными или списанными, которые и устанавливали на крылатые и винтокрылые машины, совершенно не задумываясь о том, что тем самым подвергают смертельной опасности своих сослуживцев — летчиков. «Сэкономленные» подобным образом детали оставались у них, но куда было девать это достаточно дорогое добро? На личный автомобиль не установишь, в огороде не используешь, да и никакому аэропорту ворованные агрегаты не предложишь — не возьмут.

Решение, однако, созрело довольно быстро: до Украины — рукой подать, а там запасные части для военных вертолетов Ка-27, Ка-50, Ка-52, Ми-8т, Ми-24, Ми-26 и даже для бомбардировщиков Ту-22М3, несомненно, вызовут интерес. Тем более по демпинговым ценам, как обычно реализуется ворованное.

Чтобы претворить в жизнь свои откровенно преступные замыслы, «деловые люди» связались с одним из украинских заводов, который ремонтировал авиационную технику, и готовились начать «коммерцию». Но на свое счастье Голято и Басенко оказались в поле зрения военных контрразведчиков, так что уголовное дело, возбужденное 16 мая 2016 года, инкриминировало им всего лишь «попытку вывоза на Украину запчастей от самолетов и вертолетов». Ведь если бы «технарям» удалось воплотить в жизнь задуманное, то статья оказалась бы совершенно иная, а главное — вынесенный им приговор был бы гораздо жестче.

Первого ноября 2017 года Крымский гарнизонный суд города Симферополя признал военнослужащих виновными «в попытке контрабанды на Украину авиационно-технического оборудования». При этом отмечалось, что данное оборудование «могло быть использовано при создании средств доставки оружия массового поражения и иной военной техники», что усугубляло вину подсудимых. И все-таки можно говорить, что Голято и Басенко «отделались легким испугом» по сравнению с вышеперечисленными агентами и шпионами, оказавшимися за решеткой на долгие сроки. Начальник группы был приговорен к условному лишению свободы на три с половиной года и штрафу в 300 тысяч рублей, техник — к трем годам условно и штрафу в 200 тысяч.

В общем, желание подзаработать не только погубило репутацию военнослужащих, но и нанесло существенный ущерб семейному бюджету обоих. Зато благодаря труду военных контрразведчиков представители Вооруженных сил Украины не получили «халявные», в общем-то, запчастей, а наши российские летчики продолжают летать на качественно отремонтированных самолетах и вертолетах — без контрафактных деталей...

Не надо, разумеется, думать, что этот эпизод мы привели только потому, что в 2017 году иностранные разведки снизили свою активность — напротив, эта активность неуклонно возрастает. Осенью 2018 года в СМИ был опубликован комментарий вице-президента Ассоциации ветеранов спецслужб «Беркут», генерал-майора ФСБ в отставке Валерия Малеванного. Он рассказал, что только в 2017 году, согласно открытым источникам, в России были раскрыты 147 иностранных разведчиков, среди которых было 45 человек, работавших под дипломатическим прикрытием.

От себя можем добавить, что, как нам кажется, большая часть этих шпионов была обнаружена и раскрыта военной контрразведкой, воистину — боевым отрядом ФСБ России.

Ну и вот — конкретный пример уже из 2018 года.

В середине февраля в Симферополе был задержан гражданин Украины Константин Давыденко, который собирал и передавал в Киев сведения о деятельности частей и соединений Росгвардии, а также о сотрудниках ФСБ России. Между прочим, эти сведения составляют государственную тайну. Соответственно, было возбуждено уголовное дело по статье «шпионаж»...

Вот такая «шпионская хроника» минувшего десятилетия — далеко не все и, может быть, совсем даже не самые яркие события. Ведь, как мы уже говорили, не все успехи спецслужб становятся достоянием гласности. К тому же не исключается, что ряд этих операций был проведен сотрудниками военной контрразведки во взаимодействии с коллегами из территориальных органов безопасности — точно сказать, кому какие заслуги принадлежат, не представляется возможным, это пока не рассекречено.

Читатель вправе удивиться: мы должны рассказывать о спецслужбе и ее работе, но говорим исключительно о тех личностях, по которым она работает, о ее противниках. Что же делать, таковы «правила игры»: деятельность спецслужб по многим причинам надежно скрыта грифом «секретно». Достоянием широких кругов общественности становятся лишь некоторые результаты этой работы.

Помнится, когда-то в личном разговоре один сотрудник КГБ СССР применил к своей работе известные слова Максима Горького: «Ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют». Не потому, что рассказывать нечего, но потому, что рассказывать нельзя...

В общем, позавидуем историкам и писателям будущего, которые десятилетия спустя получают возможность описывать деятельность сотрудников 3-го Департамента ФСБ России примерно так же, как мы сегодня описываем боевую работу и подвиги героев Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР.

Хотя и мы все-таки обладаем некоторым, но весьма мизерным количеством открытой информации по этой теме. В частности о структуре современной военной контрразведки.

Двадцатого сентября 2010 года президент подписал Указ «О военно-административном делении Российской Федерации». Позднее — в 2014 году, например, — в него внесли некоторые изменения, а потому мы можем сказать, что в настоящее время вместо Особых отделов КГБ СССР по шестнадцати военным округам, как было в 1991 году, действуют четыре Управления ФСБ России: по Западному, Южному, Центральному и Восточному военному округам. Количество флотов в составе Военно-морских сил России, а следовательно, и соответствующих Управлений осталось неизменным. К этому можно добавить еще ряд других управлений, а также отделы ФСБ по объединениям, соединениям, воинским частям, гарнизонам, военным образова-

тельными учреждениям вооруженных сил, другим войскам, воинским формированиям и органам.

Думается, что всё предельно ясно. Ведь образцом тут служит структура легендарного ГУКР «Смерш» НКО СССР, опыт которого взят на вооружение современными военными контрразведчиками. Во время Великой Отечественной войны структура «Смерша» полностью соответствовала структуре сражающейся армии — ну и сейчас примерно так же. Все это можно узнать из официальных, открыто опубликованных документов.

Не является тайной и то, что в 2015 году ушел в запас начальник 3-го Департамента ФСБ России генерал-полковник Безверхний, возглавлявший службу полтора десятилетия.

Безверхний Александр Георгиевич (род. 1950). В 1976 году окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР. Руководил Управлением — Департаментом военной контрразведки с 2000 по 2015 год. (Об остальном мы расскажем через несколько лет или десятилетий.)

Афоризмы от А. Г. Безверхнего:

«Экономика должна быть экономной, а контрразведка — военной».

«У вас есть только один недостаток: вы не служили в военной контрразведке».

(Известны всем военным контрразведчикам, но публикуются впервые.)

Александр Георгиевич руководил военной контрразведкой дольше, нежели кто-либо иной (только генерал-полковник Николай Алексеевич Душин возглавлял 3-е Управление — 3-е Главное управление КГБ СССР почти столько же — с февраля 1974-го по июль 1987 года, а все остальные начальники на протяжении столетней истории военной контрразведки руководили ею гораздо меньше).

Душин Николай Алексеевич (1921—2001). С января 1940 года — курсант Сталинградского военно-политического училища; с января 1941-го — политрук роты, комиссар полковой школы, слушатель курсов «Выстрел»; с марта 1943 года — командир роты, с июня — оперуполномоченный, затем — следователь Отдела контрразведки «Смерш» 8-й отдельной стрелковой бригады. С декабря 1944 года — следователь, старший следователь Отдела контрразведки

«Смерш» 393-й стрелковой дивизии 25-й армии Дальневосточного фронта — Приморской группы войск. С июля 1955 года — в центральном аппарате военной контрразведки; с августа 1970 года — заведующий сектором органов госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС. С февраля 1974 года — начальник 3-го Управления КГБ при СМ СССР (с июня 1978 года — КГБ СССР), с июня 1982 года — 3-го Главного управления КГБ СССР. Член Коллегии КГБ СССР с февраля 1974 года. Генерал-полковник. Вышел в отставку в июле 1987 года.

Свидетельство сослуживца:

«Судьба свела меня с Душиным еще в 1961 году: он был начальником 1-го отдела УОО ГСВГ, в который я получил назначение после Высшей школы КГБ. Это был человек, исключительно подготовленный в оперативном плане. До назначения на пост руководителя Третьего главка Николай Алексеевич несколько лет проработал в ЦК КПСС, а так, что особо подчеркну, прошел все ступени начиная с оперуполномоченного, участвовал в боевых действиях против Японии в 1945 году, получил опыт по всем линиям работы, в том числе за границей. Любил, чтобы его указания выполнялись с абсолютной точностью, а если возможности их выполнить не было, то все должно было быть оговорено заранее. Он ценил в подчиненных умение доказать свою правоту на фактах, на анализе информации. Умел рисковать и доверять людям. Терпеть не мог пьянства, сам был очень умерен в употреблении спиртного. Не любил лести... Конечно, нет людей без недостатков, но Николая Алексеевича я без преувеличения могу назвать человеком с большой буквы».

Генерал-майор Владимир Александрович Широков

Представляется, что время с 2000 года в военной контрразведке по праву можно называть «эпохой Безверхнего». Не только по сроку пребывания Александра Георгиевича «у руля», но и по масштабам проделанной работы, по тому, как изменился облик самой службы: при нем Управление военной контрразведки было преобразовано в 3-й Департамент ФСБ России, по результативности ее деятельности, по тому, как продолжались и приумножались старые традиции, идущие еще от «Смерша», и как закладывались новые. Особого внимания заслуживает развитие в «эпоху Безверхнего» ветеранского движения, о чем еще будет сказано.

К сожалению, подробно рассказать о работе Департамента в этот период можно будет лет так через... Нет, даже

не знаем когда! Тогда же можно будет раскрыть и очень интересную оперативную биографию Александра Георгиевича, поступившего в Высшую школу КГБ СССР после срочной службы в Советской армии. В общем, весь его путь от солдата до генерал-полковника.

Из официальных источников можно узнать, что в 2015 году 3-й Департамент ФСБ России возглавил Николай Петрович Юрьев, в настоящее время — генерал-полковник. Человек мыслящий, компетентный, очень организованный. Ничего более, кроме того, что он прошел прекрасную школу под руководством Безверхнего, мы добавить не можем. Впрочем, судя по тому, что Николай Петрович с большим уважением относится к своему предшественнику, успешно продолжает заложенные им традиции и ведет вверенный ему коллектив курсом, определенным и выверенным Александром Георгиевичем, «эпоху Безверхнего» в истории военной контрразведки нельзя считать завершенной.

Это, наверное, и все, что можно сегодня сообщить о работе ДВКР на сотом году его существования. Между тем в это время произошли такие значимые события, как возвращение Крыма в состав Российской Федерации и начало военной операции в Сирии, проводимой Воздушно-космическими силами РФ в поддержку законного правительства этого государства.

О роли военных контрразведчиков в сирийских событиях сказал на заседании Коллегии ФСБ России 26 февраля 2016 года Президент Российской Федерации Владимир Путин:

«Прежде всего, хотел бы поблагодарить вас, всех сотрудников центрального аппарата, территориальных структур, спецподразделений, за грамотные действия по обеспечению безопасности и стабильного развития России, в том числе и тех наших товарищей, которые работают по линии военной контрразведки, имею в виду обеспечение деятельности наших летчиков при проведении контртеррористических операций в Сирии, и антитеррористические подразделения, работающие внутри страны».

Коротко и ясно. Когда-нибудь мы обо всем этом узнаем. А может быть, и нет, потому как спецслужбы, как мы не раз повторяли, скрывают информацию о своей работе по весьма объективным причинам...

Впрочем, сейчас мы можем перейти к несколько более открытой теме — работе Совета ветеранов Департамента

военной контрразведки и Межрегиональной общественной организации «Ветераны военной контрразведки». В частности — к реализации Общественной благотворительной программы «Молчаливое эхо войны» по увековечению памяти павших защитников Отечества.

В рамках этой программы были разработаны мероприятия по оказанию помощи поисковым отрядам, которые работают на местах боев Великой Отечественной войны, разыскивают и торжественно предают земле останки советских воинов, а также по установке мемориальных часовен на местах таких захоронений. Еще в конце 2000-х годов после горячих обсуждений ветеранским активом проект такой часовни-памятника был разработан специалистами компании «Белый камень», входящей в состав группы ИРА-ПРОМ, и прошел строгую экспертизу в Троице-Сергиевой лавре на соответствие всем церковным канонам.

Первая беломраморная памятная часовня во имя святых благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского, защитников и подвижников земли Русской, была освящена 22 июня 2009 года, в День памяти и скорби — годовщину начала Великой Отечественной войны. Местом ее установки был выбран воинский мемориал в Жидиловом Бору Псковского района Псковской области — там, где проходили ожесточенные бои по прорыву немецкой укрепленной линии «Пантера». Затем подобные часовни были возведены в Ельне Смоленской области, в Ленинградской области — в Невской Дубровке, а также на берегу Ладожского озера, по которому проходила легендарная Дорога жизни, связывавшая блокированный город со страной, в Волгограде, Калининграде, Севастополе, Волоколамске Московской области, Хабаровске (там похоронено немало воинов, скончавшихся в госпиталях), Североморске.

В свое время этот проект получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

А 21 сентября 2017 года в Кемии, Республика Карелия, — в городе, где родился комиссар госбезопасности 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев, возглавлявший военную контрразведку в самом начале Великой Отечественной войны и погибший в бою 21 сентября 1941 года, был открыт памятник герою. Бюст этот также был установлен по инициативе и на средства МРОО «Ветераны военной контрразведки», которой руководит Касим Ибрагимович Яхиен. Впрочем, были и еще памятники и мемориальные доски.

Можно также немало рассказать о том, какую заботу

проявляют ветераны и сотрудники военной контрразведки о своих товарищах и бывших сослуживцах, но... Не все имена пока еще можно назвать, многие подробности до сих пор не подлежат гласности. Что ж, служба такая, эти люди сознательно ее выбирали, понимая, что будут служить и приносить пользу Родине, ее вооруженным силам, а не греться в лучах славы.

Подобное отношение к ветеранам и героям прошлого свидетельствует о том, что сотрудники военной контрразведки верны традициям своей службы, а воистину бесценный опыт, накопленный поколениями их предшественников, востребован и сегодня.

Наш рассказ хочется завершить словами из давнего нашего интервью с генерал-полковником Александром Георгиевичем Безверхним для газеты «Красная звезда»:

«Итоги подводить рано. Можно лишь уверенно сказать, что военные контрразведчики сегодня обладают всем необходимым для качественного решения тех задач, о которых мы сейчас говорили».

Слова эти, без всякого сомнения, не потеряли своей актуальности и сегодня, в условиях значительно усложнившейся обстановки в мире. Вот почему мы и уточнили в самом начале этой главы, что она «заключительная, но далеко не последняя». Ведь история нашей военной контрразведки будет продолжаться и, соответственно, фиксироваться добросовестными летописцами до тех пор, пока будут существовать на планете вооруженные силы — и среди них, разумеется, армия Российского государства. Так что, думается, в этой книге еще будут написаны очередные главы.

Нам давно уже не верится в то, что человечество в конце концов поумнеет и навсегда откажется от военных конфликтов, а следовательно, и от вооруженного самоуничтожения. Значит, всегда будет нужна армия, а чтобы она не оказалась беззащитной — помните, мы говорили, что «без разведки армия слепа, а без военной контрразведки — беззащитна», — всегда будут существовать и органы безопасности в войсках.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Организационные формы военной разведки

- 1918, 19 декабря — Особый отдел Советской республики.
1919, 6 февраля — Особый отдел ВЧК при СНК РСФСР.
1922, 6 февраля — Особый отдел ГПУ при НКВД РСФСР.
1923, 2 ноября — Особый отдел ОГПУ при СНК СССР.
1934, 10 июля — Особый отдел ГУГБ НКВД СССР.
1936, 25 декабря — 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР.
1938, 9 июня — Управление особых отделов (Второе управление) НКВД СССР.
29 сентября — 4-й отдел (Особый отдел) ГУГБ НКВД СССР.
1941, 8 февраля — Третье управление НКО СССР.
Третье управление НК ВМФ СССР.
Третий отдел НКВД СССР.
17 июля — Управление особых отделов НКВД СССР.
1943, 19 апреля — ГУКР «Смерш» НКО СССР (Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР).
УКР «Смерш» НК ВМФ СССР (Управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Военно-морского флота СССР).
ОКР «Смерш» НКВД СССР (Отдел контрразведки «Смерш» Народного комиссариата внутренних дел СССР).
1946, 25 февраля — ГУКР «Смерш» НК ВС СССР (Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Вооруженных сил СССР).
3 марта — ГУКР «Смерш» МВС СССР (Главное управление контрразведки «Смерш» Министерства Вооруженных сил СССР).
4 мая — Третье главное управление МГБ СССР.
1953, 14 марта — Третье управление МВД СССР.
1954, 13 марта — Третье главное управление КГБ при СМ СССР.
1960, 5 февраля — Третье управление КГБ при СМ СССР.
1978, 7 июня — Третье управление КГБ СССР.
1982, 25 мая — Третье главное управление КГБ СССР.
1991, 22 октября — Главное управление ВКР МСБ СССР (Главное управление военной контрразведки Межреспубликанской службы безопасности СССР).
26 ноября — УВКР АФБ РСФСР (Управление военной контрразведки Агентства федеральной безопасности РСФСР).

1992, 24 января — УВКР МБ РФ (Управление военной контрразведки Министерства безопасности РФ).

1993, 21 декабря — УВКР ФСК РФ (Управление военной контрразведки Федеральной службы контрразведки России).

1995, 3 апреля — УВКР ФСБ РФ (Управление военной контрразведки Федеральной службы безопасности России).

1997, 6 июня — УВКР ДКР ФСБ РФ (Управление военной контрразведки Департамента контрразведки ФСБ России).

1998, 10 августа — УВКР ФСБ РФ (Управление военной контрразведки ФСБ России).

2000, 7 февраля — УВКР (Третье управление) ФСБ РФ (Управление военной контрразведки ФСБ России).

2004, 4 августа — ДВКР (3-й департамент) ФСБ РФ (Департамент военной контрразведки ФСБ России).

Руководители военной контрразведки

Михаил Сергеевич Кедров (январь—август 1919 года);

Феликс Эдмундович Дзержинский (август 1919 — июль 1920 года);

Вячеслав Рудольфович Менжинский (июль 1920 — июль 1922 года);

Генрих Григорьевич Ягода (июль 1922 — октябрь 1929 года);

Ян Калистович Ольский (октябрь 1929 — июль 1931 года);

Георгий Евгеньевич Прокофьев (август—октябрь 1931 года);

Израиль Моисеевич Леплевский (ноябрь 1931 — февраль 1933 года; ноябрь 1936 — июнь 1937 года);

Мирон Ильич Гай (июнь 1933 — ноябрь 1936 года);

Николай Галактионович Николаев-Журид (июнь 1937 — март 1938 года);

Леонид Михайлович Заковский (март—апрель 1938 года, по совместительству);

Николай Николаевич Федоров (май—ноябрь 1938 года);

Виктор Михайлович Бочков (ноябрь 1938 — август 1940 года);

Анатолий Николаевич Михеев (август 1940 — июнь 1941 года);

Виктор Семенович Абакумов (июнь 1941 — май 1946 года);

Николай Николаевич Селивановский (май 1946 — ноябрь 1947 года);

Николай Андрианович Королев (ноябрь 1947 — декабрь 1950 года);

Яков Афанасьевич Едунов (январь 1951 — февраль 1952 года);

Сергей Арсеньевич Гоглидзе (февраль 1952 — март 1953 года, по совместительству); (март—июнь 1953 года);

Дмитрий Сергеевич Леонов (июнь 1953 — июнь 1959 года);

Анатолий Михайлович Гуськов (июнь 1959 — февраль 1963 года);
Иван Анисимович Фадейкин (февраль 1963 — февраль 1966 года);
Георгий Карпович Цинев (февраль 1966 — июль 1967 года);
Виталий Васильевич Федорчук (июль 1967 — июль 1970 года);
Иван Лаврентьевич Устинов (сентябрь 1970 — ноябрь 1973 года);
Николай Алексеевич Душин (февраль 1974 — июль 1987 года);
Василий Степанович Сергеев (июль 1987 — ноябрь 1990 года);
Александр Владиславович Жардецкий (ноябрь 1990 — август 1991 года);
Юрий Емельянович Булыгин (октябрь 1991 — январь 1992 года);
Алексей Алексеевич Моляков (январь 1992 — декабрь 1997 года);
Владимир Иванович Петрищев (декабрь 1997 — сентябрь 2000 года).

Биографии руководителей военной контрразведки

Михаил Сергеевич Кедров (1878—1941) родился в Москве в семье нотариуса; из дворян. Учился в Демидовском юридическом лицее (Ярославль).

В 1897 году исключен «за беспорядки» с юридического факультета Московского университета. Член РСДРП с 1901 года. Передал РСДРП полученное наследство — 100 тысяч рублей золотом, купив на эти деньги оружие и устроив в Петербурге оружейную мастерскую; на Невском проспекте открыл типографию, в которой выпускал сборник работ Ленина «За 12 лет», за что был арестован. После освобождения в 1911 году уехал в Швейцарию, окончил медицинский факультет Бернского университета. Возвратившись в Россию в 1916 году, был призван в армию военврачом, воевал на Кавказском фронте, вел пропаганду среди солдат.

В 1917 году — член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), редактор газет «Солдатская правда» и «Рабочий и солдат». С ноября 1917 года — заместитель наркома по военным делам, комиссар по демобилизации старой армии. В мае 1918 года направлен командующим войсками Северо-Восточного участка завесы; руководил борьбой с контрреволюцией в Архангельске, где разогнал городскую думу, арестовав меньшевиков и эсеров. Широко применял репрессии, из-за чего вступил в конфликт с местными органами

советской власти. Организованная им оборона Архангельска оказалась неудачной, город был оккупирован английскими войсками.

По возвращении в Москву, в сентябре 1918-го — январе 1919 года, М. С. Кедров занимал должность начальника Военного отдела ВЧК. В январе—августе 1919 года — заведующий (председатель) Особого отдела (Управления особого отдела) ВЧК, одновременно, с марта 1919 года, член Коллегии ВЧК, с мая — особоуполномоченный ВЧК в г. Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. С конца 1919 года — председатель Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния РСФСР; с марта 1920 года — член Специальной правительственной комиссии по расследованию злодеяний белогвардейцев и интервентов на Севере. За заслуги в Гражданской войне награжден орденом Красного Знамени (1927).

После войны находился на административной работе в Наркомпросе, ВСНХ, Верховном суде СССР, Госплане СССР. В апреле 1939 года был арестован; в июле 1941 года был оправдан Военной коллегией Верховного суда СССР, но по личному указанию Л. П. Берии расстрелян.

Посмертно реабилитирован в 1954 году.

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926) родился в имении Дзержиново Виленской губернии, в дворянской семье. Окончил семь классов гимназии.

В 1895 году вступил в Литовскую социал-демократическую организацию, примкнул к ее левому крылу; руководил кружками ремесленников и фабричных учеников. В июле 1897 года арестован и в августе 1898 года сослан на три года в Вятскую губернию; совершил побег из ссылки и в сентябре 1899 года возвратился в Варшаву. В январе 1900 года арестован вновь и после двухлетнего заключения в крепости на пять лет сослан в Вилейск; в июне 1902 года бежал из Верхоленска и эмигрировал за границу. С 1903 года — член Главного правления СДКПил; в 1907 году избран членом ЦК РСДРП(б). Арестован в июле 1905 года — освобожден по амнистии в октябре; арестован в декабре 1906 года — освобожден под залог в мае 1907 года; арестован в апреле 1908 года, выслан на вечное поселение в Сибирь, но в ноябре 1909 года бежал за границу; в сентябре 1912 года арестован в Варшаве и освобожден в результате февральских событий 1917 года. Вошел в бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), руководил изданием газеты «Солдат»; 16 октября 1917 года избран в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием в Петрограде и в состав ВРК — один из органи-

зателей Октябрьского вооруженного восстания. На II Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК и его Президиум.

Вошел в коллегию Наркомата внутренних дел; 21 ноября (4 декабря) 1917 года по инициативе Ф. Э. Дзержинского при Петроградском ВРК была создана комиссия по борьбе с контрреволюцией. 7 (20) декабря Совнарком принял решение о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), председателем которой, по предложению В. И. Ленина, был назначен Дзержинский.

Восемнадцатого августа 1918 года Феликс Эдмундович был утвержден председателем Особого отдела ВЧК, призванного пресекать подрывную деятельность в Красной армии. Под руководством Дзержинского в августе—сентябре того же года был раскрыт и ликвидирован крупнейший антисоветский заговор дипломатов и разведчиков Антанты во главе с руководителем английской миссии в Москве Робертом Локкартом — «заговор послов».

Руководя ВЧК, Особым отделом ВЧК, а с 1919 года — Народным комиссариатом внутренних дел, Дзержинский одновременно выполнял ответственные поручения ЦК РКП(б) и советского правительства непосредственно на фронтах, проявив при этом незаурядные способности военного деятеля. В январе 1919 года он выезжал на Восточный фронт в составе комиссии ЦК, чтобы выяснить причины оставления Перми войсками 3-й армии, укрепить ее фронт и тыл. В сентябре 1919 года входил в состав Комитета обороны Москвы, руководил ликвидацией белогвардейского «Национального центра».

В Постановлении ВЦИК от 28 января 1920 года о награждении Ф. Э. Дзержинского орденом Красного Знамени указывалось, что как председатель ВЧК он «проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию, хладнокровие и выдержку...». 29 мая 1920 года был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта, а 9 августа — членом РВС Западного фронта.

Десятого сентября того же года Дзержинский возвратился непосредственно к руководству ВЧК. 15 октября он был назначен председателем комиссии для выработки мер по усилению охраны государственной границы; 27 января 1921 года — председателем комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей, 7 марта — председателем комиссии по улучшению быта московских рабочих.

С 14 апреля 1921 года — нарком путей сообщения, одновременно председатель ВЧК и нарком внутренних дел. С

июля 1923 года — член Совета труда и обороны СССР. 13 сентября 1923 года Дзержинский назначен председателем коллегии Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ), а 2 февраля 1924 года — и председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР.

Феликс Эдмундович участвовал в работе конгрессов и пленумов Исполкома Коминтерна; на VII—XIV съездах партии большевиков избирался членом ЦК; с апреля 1920 года — кандидат в члены Оргбюро ЦК, а с июня 1924 года — и кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874—1934) родился в Санкт-Петербурге, в семье статского советника, преподавателя Пажеского корпуса. Окончил гимназию с золотой медалью, в 1898 году — юридический факультет Петербургского университета.

В революционном движении с 1895 года; в 1902 году вступил в РСДРП(б). Вел подпольную партийную работу в Петербурге и Ярославле; член редколлегии большевистской газеты «Казарма», работал в Боевой технической группе при ЦК РСДРП. В декабре 1907 года эмигрировал в Бельгию и Швейцарию; вернулся в Россию после Февральской революции. Входил в состав Всероссийского бюро военных организаций РСДРП(б), был членом редколлегий газет «Солдат» и «Правда». В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского Военно-революционного комитета, комиссар ВРК в Министерстве финансов и Госбанке, с ноября — заместитель наркома финансов, руководил мероприятиями по переходу Госбанка под контроль большевиков, национализацией частных банков.

В январе—марте 1918 года — нарком финансов РСФСР; одновременно с 8(21) декабря 1917 года до января 1918 года — член коллегии ВЧК, заведующий финансовой частью ВЧК. В марте—апреле 1918 года — член президиума Петроградского совета, член коллегии Наркомата юстиции РСФСР и коллегии Петроградской ЧК. В апреле—ноябре 1918 года — генеральный консул РСФСР в Берлине. В декабре 1918 года был назначен членом коллегии и заведующим 1-м Западным отделом НКВД; в январе—августе 1919 года — заместитель наркома социалистической и военной инспекции и особоуполномоченный правительства УССР в Черниговской губернии.

С сентября 1919 года Менжинский — особоуполномоченный Особого отдела и член Президиума ВЧК. В феврале—июле 1920 года — заместитель председателя ОО ВЧК; с июля 1920-го по июль 1922 года — начальник Особого отдела и член Коллегии ВЧК. С января 1921 года — начальник Секретно-оперативного управления ВЧК, с февраля 1922 года — член Коллегии ГПУ. С сентября 1923 года — 1-й заместитель председателя Объединенного государственного политического управления, с 30 июля 1926 года — председатель ОГПУ. Под его руководством были пресечены подрывные действия английской разведки, ликвидированы 89 крупных банд общей численностью 56 тысяч человек. Он сыграл активную роль в операциях по поимке Б. В. Савинкова и британского разведчика С. Рейли. В 1924 году награжден орденом Красного Знамени. В 1927 году избран членом ЦК ВКП(б).

С апреля 1929 года практически отошел от дел по состоянию здоровья.

Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Генрих Григорьевич Ягода (Иегуда Енох Гершелев-Гершонов) (1891—1938) — генеральный комиссар госбезопасности (1935).

Родился в г. Рыбинске Ярославской губернии в семье мастера-гравера; образование среднее.

Ученик аптекаря в Нижнем Новгороде, в 1907 году вошел в нелегальную молодежную группу анархистов-коммунистов; в этот период сблизился с А. М. Горьким и Я. М. Свердловым. В мае 1912 года арестован в Москве, куда выехал с целью приобретения взрывчатки для осуществления «экса» в одном из нижегородских банков; выслан на два года под надзор полиции в Симбирск. Там экстерном сдал экзамен за шесть классов гимназии. Амнистирован в связи с 300-летием Дома Романовых, вернулся в Нижний Новгород в июле 1913 года, а в ноябре того же года выехал в Санкт-Петербург, где работал в статистическом отделе большой кассы на Путиловском заводе и участвовал в деятельности легальных большевистских организаций. С 1915 года — рядовой, ефрейтор в 20-м стрелковом полку 5-го армейского корпуса; в 1916 году демобилизован по ранению.

С 1917 года — на прежнем месте работы; вел революционную агитацию в частях столичного гарнизона, участвовал в издании газет «Солдатская правда» и «Беднота», состоял в Военной организации РСДРП(б) и большевистской фракции Петросовета. Принимал участие в подготовке вооруженного восстания. В 1918—1919 годах — управляющий делами и заместитель председателя Высшей военной инспекции РККА. Принимал участие в боях на Южном и Юго-Западном фрон-

тах, в обороне Царицына. В октябре 1919 года направлен на работу в ВЧК; с ноября — управляющий делами Особого отдела ВЧК, член Коллегии ВЧК; с сентября 1920 года — управляющий делами ВЧК; в июле—сентябре 1921 года (по совместительству) исправляющий должность начальника Административно-организационного управления ВЧК.

С марта 1921 года Г. Г. Ягода — заместитель начальника СОУ ВЧК, с декабря того же года — заместитель начальника Особого отдела СОУ ВЧК. С июня 1922 года — начальник ОО СОУ, член Коллегии и заместитель председателя ГПУ. С сентября 1923 года — член Коллегии и 2-й заместитель председателя ОГПУ, одновременно заместитель начальника СОУ и начальник ОО ОГПУ. С мая 1926 года — уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР. С июля 1927 года — начальник СОУ ОГПУ. С мая 1934 года исполнял обязанности руководителя ОГПУ, с июля 1934 года — нарком внутренних дел Союза ССР. Руководил подготовкой и проведением ряда «показательных» процессов.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени ЗСФСР, Красного Знамени УССР.

Двадцать шестого сентября 1936 года освобожден от руководства НКВД и назначен народным комиссаром связи СССР; 29 января 1937 года уволен в запас. 29 марта 1937 года арестован по обвинению в причастности к «антисоветскому правотроцкистскому блоку», в руководстве антисоветским заговором в НКВД и террористической деятельности. Выведен из составов ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, исключен из списков почетных пограничников 62-го Владивостокского и 23-го Каменец-Подольского погранотрядов, почетных красноармейцев 9-го Новосибирского кавалерийского полка и 6-го отдельного авиаотряда, почетных слушателей Центральной школы НКВД и ордена Ленина Высшей пограничной школы ОГПУ, почетных курсантов 2-й Объединенной пограничной школы имени Ф. Э. Дзержинского. Имя Ягоды снято с 1-го Ухтинского нефтепромысла Ухтпечлага НКВД, ордена Ленина ВПШ НКВД, Болшевской трудовой коммуны НКВД, а также с моста через реку Тунгуску (железная дорога Волочаевка — Комсомольск, Дальневосточный край).

Тринадцатого марта 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и через день расстрелян. Не реабилитирован.

Ян Калистович Ольский (Ян Константинович Куликовский) (1898—1937) родился в деревне Бутримонис Шальчининского уезда Виленской губернии, в польской дворянской семье, отец — врач.

С 1914 года — член СДКПиЛ, в 1917 году — секретарь Польской секции Петроградского комитета РСДРП(б), работал в Петроградском ВРК. В 1918 году вступил в Красную армию. Работал в подполье в оккупированном немцами Вильно. С августа 1919 года — в органах военной контрразведки: исполняющий обязанности начальника, начальник Особого отдела 16-й армии, начальник Особого отдела Польской Красной армии, в 1920 году — особоуполномоченный ОО Западного фронта и вновь начальник ОО 16-й армии. Руководил ликвидацией резидентур польской разведки в Могилеве и Витебске. С июня 1921 года — председатель ЧК Белоруссии (с 1922 года — ГПУ при Президиуме ЦИК БССР). С февраля 1923 года — начальник Третьего отделения (контрразведывательная работа против Польши, Румынии и Балканских стран), помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ, с июля 1923 года, по совместительству, — начальник отдела погранохраны ОГПУ; одновременно, с октября 1923 года, — главный инспектор Главной инспекции войск ОГПУ и начальник Высшей пограничной школы. С декабря 1923 года — одновременно заместитель начальника Особого отдела ОГПУ (с мая 1927 года — 1-й помощник начальника ОО, фактически руководил им ввиду загруженности начальника отдела Г. Г. Ягоды) и КРО ОГПУ. В ноябре 1927-го — сентябре 1930 года — начальник КРО ОГПУ; в октябре 1929-го — сентябре 1930 года — по совместительству начальник ОО ОГПУ. В сентябре 1930 года (после объединения ОО и КРО) — июле 1931 года — начальник Особого отдела ОГПУ, 1-й помощник начальника СОУ ОГПУ.

Награжден орденом Красного Знамени, знаком «Почетный чекист», почетным боевым оружием.

В июле 1931 года решением Политбюро ЦК снят с должности за выступление, вместе с другими руководителями ОГПУ, против Г. Г. Ягоды. С 1931 года работал в системе Наркомата внутренней торговли СССР. На VII съезде Советов в марте 1935 года был избран членом ЦИК СССР.

Арестован 31 мая 1937 года; 27 ноября 1937 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован посмертно в 1955 году.

Георгий Евгеньевич Прокофьев (1895—1937) — комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935).

Родился в Киеве, в семье чиновника казенной палаты; дворянин. Окончил юридический факультет Киевского университета и 1-й курс Коммерческого института.

С 1915 года в революционном движении; в 1916—1919 годах — анархо-коммунист; в 1917 году участвовал в революционных событиях в Киеве; в 1917—1918 годах возглавлял Исполком высших учебных заведений; в 1918—1919 годах — на подпольной работе на Украине; с 1919 года — заместитель наркома РКИ УССР. С 1919 года — начальник политпросвета 12-й армии, в 1920 году — Первой конной армии. После демобилизации — на политработе в системе железнодорожного транспорта.

В августе 1920 года принят на работу в органы ВЧК. С сентября 1920 года — помощник начальника Закардонной части Особого отдела ВЧК; с февраля 1921 года — уполномоченный 6-го и 12-го спецотделений ИНО ВЧК, одновременно с мая по декабрь 1921 года — помощник начальника 15-го спецотделения ОО ВЧК; с декабря 1921 года помощник начальника ЗЧ ИНО ВЧК — ГПУ. С июля 1922-го по февраль 1924 года — помощник начальника ИНО ГПУ — ОГПУ, одновременно в ноябре—декабре 1922 года — помощник начальника Особого бюро при Секретно-оперативном управлении ГПУ по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции.

С февраля 1924-го по июль 1926 года — начальник информационного отдела ОГПУ, одновременно в феврале 1926 года назначен начальником Экономического управления ОГПУ (в этой должности проработал до августа 1931 года). С октября 1929 года — член Коллегии ОГПУ; одновременно с ноября 1930-го по август 1931 года — член Президиума ВСНХ и уполномоченный СТО СССР по строительству автомобильных заводов в Нижнем Новгороде, с апреля 1931 года — начальник Управления Беломорстроя НКПС СССР.

В августе—октябре 1931 года — начальник Особого отдела ОГПУ. С октября 1931 года — заместитель наркома РКИ СССР. С ноября 1932 года — заместитель председателя ОГПУ СССР, одновременно с декабря 1932-го по январь 1934 года — начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции ОГПУ. Состоял членом комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам. С июля 1934 года — 2-й заместитель наркома внутренних дел СССР; с февраля 1934 года — член Комиссии советского контроля при СНК СССР; с сентября 1934 года (по совместительству) — уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР и председатель Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо».

Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

В сентябре 1936 года был освобожден от постов в НКВД

и назначен 1-м заместителем наркома связи СССР. 5 апреля 1937 года отстранен от должности, а 12 апреля арестован по обвинению в участии в антисоветском заговоре в НКВД и подготовке теракта против наркома Н. И. Ежова. 14 августа 1937 года решением комиссии в составе наркома внутренних дел, прокурора и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен в особом порядке к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Мирон Ильич Гай (Марк Исаевич Штоклянд) — комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935).

Родился в Виннице Подольской губернии в семье владельца шапочной мастерской. По окончании четырехклассного высшего начального училища обучался в гимназии. В 1916 году окончил Киевское художественное училище, а в 1918 году — два курса вечернего отделения юридического факультета Киевского университета.

В 1917 году призван в армию вольноопределяющимся, с марта 1917 года — дружинник Рабочего отдела Киева, с октября — красногвардеец. С февраля 1918 года — на нелегальной работе в киевском подполье; с октября 1918 года — красноармеец в Таращанском полку. С марта 1919 года — уполномоченный Чрезвычайной комиссии снабжения РККА на Южном фронте; с августа 1919 года — комендант штаба полка, группы Проскуровского направления РККА, уполномоченный по эвакуации, комендант г. Херсона, политрук комендантской роты и военком 84-го отдельного батальона 24-й стрелковой бригады Юго-Западного фронта. С 1920 года — военный комиссар и начальник политотдела 36-й бригады 12-й дивизии, заместитель начальника ПО 12-й дивизии, начальник ПО 59-й дивизии. С мая 1920 года — начальник ПО 59-й дивизии войск ВЧК. В 1921 году — заместитель начальника, начальник политотдела войск охраны и обороны железных дорог Украины и Крыма.

С 1921 года — помощник начальника, с марта 1922 года — временно исполняющий обязанности начальника, с апреля 1922 года — заместитель начальника политического секретариата и начальник агитационно-пропагандистской части (АПЧ) ПО войск ГПУ Украины и Крыма. С мая 1922 года — начальник оргинспекторской части, с сентября 1922 года — заместитель начальника АПЧ, с ноября 1922 года — помощник начальника Политсекретариата — Политотдела войск ГПУ Республики. С октября 1923 года — старший инспектор по политработе Главной инспекции войск ОГПУ. С мая 1924 года — помощник начальника по политчасти Отдела по-

граничной охраны и помощник главного инспектора войск ОГПУ.

С октября 1924 года — слушатель курсов усовершенствования командного состава при Военной академии РККА. В январе 1927 года М. И. Гай обращается с рапортом о переводе на оперативную работу в ОГПУ. С мая 1927 года — помощник начальника 4-го отделения; с декабря 1927 года — начальник 8-го, потом 9-го отделения ЭКУ ОГПУ. С июля 1930 года — помощник начальника ЭКУ и с апреля 1931 года — начальник его 1-го отделения; с августа 1931 года — заместитель начальника ЭКУ ОГПУ. С декабря 1932 года — заместитель начальника, а с июня 1933 года — начальник Особого отдела ОГПУ. С 10 июля 1934 года — начальник ОО ГУГБ НКВД СССР. С 28 ноября 1936 года — начальник УНКВД по Восточно-Сибирскому краю.

Был редактором журнала «Гвардия пролетариата» — центрального политического органа войск ГПУ — и сатирического журнала «Крысодав» — издания политработников войск ГПУ.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ», почетным боевым оружием, золотыми часами.

Двадцать девятого марта 1937 года снят с должности; в апреле 1937 года арестован по подозрению в причастности к антисоветскому заговору в органах НКВД и шпионаже в пользу Германии. Лишен государственных наград. 20 июня 1937 года постановлением комиссии НКВД СССР в особом порядке приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Израиль Моисеевич Леплевский (1894—1938) — комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935).

Родился в Брест-Литовске Гродненской губернии. Член РСДРП(б) с 1917 года. В 1906—1908 годах — «мальчик» в шапочной мастерской, в 1908—1914 годах — рабочий, приказчик аптекарского склада. С октября 1914-го по июнь 1917 года — служил рядовым в 3-м Кавказском пограничном полку. С июля 1917 года — член комитета Военной организации РСДРП(б) в Екатеринославе (Днепропетровске).

С 1918 года — командир отряда ВЧК, принимал активное участие в подавлении эсеровского восстания в Саратове, затем работал в большевистском подполье в занятой белочехами Самаре. С октября 1918 года — помощник и заместитель заведующего СОО Самарской ГубЧК; с мая 1919 года — в Екатеринославе, во время занятия города деникинцами — на под-

польной работе. В 1920—1921 годах — уполномоченный 1-й группы, помощник заведующего, заведующий секретно-оперативным отделом и начальник Особого отдела Екатеринославской ГубЧК. В 1921—1922 годах — начальник активной части и член коллегии, заместитель председателя Екатеринославской ГубЧК. В 1922—1923 годах — председатель Екатеринославского губотдела ОГПУ; в 1923—1925 годах — начальник Подольского губотдела ОГПУ; в 1925—1929 годах — начальник Одесского окротдела ОГПУ; в 1929—1930 годах — заместитель начальника, в 1930—1931 годах — начальник СОУ ГПУ УССР. С ноября 1931-го по 1933 год — начальник Особого отдела ОГПУ; в 1933—1934 годах — заместитель председателя ГПУ УССР; в 1934 году — начальник УНКВД по Саратовскому краю. В 1934—1937 годах — народный комиссар внутренних дел БССР. В ноябре 1936 года — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД. С 14 июня 1937 года — нарком внутренних дел УССР; с 14 января 1938 года — начальник 6-го отдела ГУГБ, а с 28 марта 1938 года — заместитель начальника Второго управления (транспорта и связи) НКВД СССР.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

Двадцать шестого апреля 1938 года арестован по обвинению в «участии в правотроцкистской организации и проведении контрреволюционной и предательской деятельности». 28 июля 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день. Не реабилитирован.

Николай Галактионович Николаев-Журид (1897—1940) — комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935).

Родился в г. Конотопе Черниговской губернии, в купеческой семье. В 1915 году окончил гимназию, два курса юридического факультета Киевского университета.

С января 1917 года — рядовой, юнкер Одесской школы прапорщиков, прапорщик в 251-м запасном пехотном полку в Москве, член ротного и полкового комитетов. С марта 1918 года работал в Регистрационном управлении Полевого штаба РВСР, с января 1919 года — сотрудник разведывательного отдела Киевского губернского военного комиссариата. С июня 1919 года в военной контрразведке ВЧК — следователь, помощник начальника агентуры, уполномоченный по информации, начальник ИНФО ОО ВЧК 12-й армии. В конце 1920 года — уполномоченный Реввоенсовета 12-й армии, затем — РВС Киевского военного округа. Находился на нелегальной

работе, под видом офицера забрасывался в расположение белых, провел ряд разведывательных и диверсионных операций. В 1920 году вступил в РКП(б), однако в 1921 году во время «чистки» исключен из партии как «интеллигент и чуждый элемент». В 1928 году восстановлен в рядах ВКП(б) с перерывом партстажа.

С марта 1921 года — в аппарате Всеукраинской ЧК: сотрудник для поручений при начальнике СОУ, помощник начальника, начальник военного подотдела, начальник 3-го отделения СОУ и иностранного отделения ОО. С мая 1922 года — начальник 3-го отделения СОУ, начальник КРО и по совместительству начальник ИНО ПП ОГПУ на Правобережной Украине. С 1923 года — начальник КРО ОО Киевского губотдела ГПУ; с июля того же года — начальник КРО ОО — СОУ ПП ОГПУ по юго-востоку России, с февраля 1924 года — по Северо-Кавказскому краю; в 1923—1924 годах — также и начальник Отдела погранохраны ПП. Участвовал в чекистских операциях по подавлению бандформирований на территории Чечни.

С января 1930 года — помощник начальника КРО ОГПУ; с февраля — член опергруппы ОГПУ «по проведению ликвидации кулачества как класса». С сентября 1930 года — помощник начальника Особого отдела ОГПУ, одновременно — начальник 2-го отдела/отделения. С ноября 1932 года — второй заместитель ПП ОГПУ в Северо-Кавказском крае; с января 1934 года — первый заместитель ПП ОГПУ Азово-Черноморского края (с июля — заместитель начальника УНКВД в АЧК); с января 1935 года — заместитель начальника УНКВД Ленинградской области. С ноября 1936 года — начальник Оперативного (2-го) отдела ГУГБ НКВД СССР; с июня 1937 года — начальник 5-го отдела (военная контрразведка) ГУГБ НКВД СССР. С 28 марта 1938 года — начальник 3-го отдела (КРО) и замначальника Первого управления НКВД СССР. Одновременно, 20 апреля — 28 мая 1938 года, — заместитель начальника Второго управления (ОО) НКВД СССР. С 29 сентября 1938 года — начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ», почетным боевым оружием.

Первого октября 1938 года снят с должности и назначен начальником 3-го Транспортного отдела УГБ НКВД Армянской ССР. 25 октября арестован. 4 февраля 1940 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и через день расстрелян. Не реабилитирован.

Леонид Михайлович Заковский (Штубис Генрих Эрнестович) (1894—1938) — комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935).

Родился в Либавском уезде (Лиепайский р-н, Латвия) в семье лесника. В 1909—1911 годах — ученик-ремесленник; в 1911—1912 годах — моряк Русско-Восточного Азиатского пароходства; в 1912—1913 годах — подмастерье в мастерских; за участие в революционном движении сослан в Олонецкую губернию. В 1917 году бежал из ссылки по документам Л. М. Заковского; работал в Петрограде металлистом.

С июля 1917 года — в отряде Красной гвардии; с декабря — разведчик, начальник разведки, комендант ВЧК в Петрограде и Москве. В 1918 году — особоуполномоченный Президиума ВЧК на Западном, Восточном и Южном фронтах. С 1918 по 1919 год — начальник Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта, заведующий осведомительным отделением ОО Московской ЧК. С декабря 1919 года — уполномоченный, с марта 1920 года — начальник ОО и начальник СОЧ, член Коллегии и заместитель председателя, затем — временно исправляющий должность председателя Одесской ГубЧК. В 1921—1922 годах — председатель Подольской ГубЧК, начальник Подольского губотдела ГПУ. С марта 1923 года — начальник Одесского губотдела — окротдела ГПУ, с ноября 1924 года, по совместительству, — уполномоченный ГПУ по Молдавской АССР и уполномоченный ГПУ при СНК Азово-Черноморской Республики. С февраля 1926 года — полпред ОГПУ по Сибирскому (с 1930 года — Западно-Сибирскому) краю и начальник ОО ОГПУ Сибирского военного округа. С апреля 1932 года — полпред ОГПУ по Белорусскому военному округу и БССР, председатель ГПУ Белоруссии и начальник ОО ОГПУ БВО. С 15 июля 1934 года — нарком внутренних дел БССР и начальник ОО ГУГБ НКВД БВО.

С декабря 1934 года — начальник Управления НКВД по Ленинградской области. С января 1938 года — начальник УНКВД по Московской области и заместитель наркома внутренних дел СССР. С 22 марта 1938 года, по совместительству, — начальник Управления особых отделов НКВД СССР.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ», почетным оружием.

В апреле 1938 года решением Политбюро ЦК назначен начальником строительства Куйбышевского гидроузла. 29 апреля 1938 года арестован; 29 августа того же года Военной коллегией Верховного суда приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Не реабилитирован.

Николай Николаевич Федоров (1900—1940) — комбриг (1937).

Родился в Томске в семье рабочего; окончил приходское училище.

В 1912—1915 годах — раскупорщик на складе. В 1915—1917 годах — рядовой команды разведчиков 132-го Бендерского полка; в 1917—1918 годах — член исполкома, ответственный секретарь Союза фронтовиков, помощник командира боевого отряда фронтовиков и рабочих Томска. Член ВКП(б) с 1918 года — состоял в подпольной большевистской организации. С 1920 года в РККА — секретарь военкома 2-х Сибирских артиллерийских командных курсов, помощник военкома 6-й Сибирской артшколы в Томске, политкомиссар Политехнического института — по совместительству. С 1924 года — ответственный секретарь и управделами губисполкома. Затем вновь в РККА — с 1924 по 1926 год — помощник военкома 25-й пехотной школы, помощник начальника Крымской кавалерийской школы по политчасти; в 1926 году окончил Высшую военно-педагогическую школу РККА.

С августа 1926 года — в погранвойсках ОГПУ в Средней Азии: помощник инспектора Политинспекции, военком окружной пограншколы УПО ПП ОГПУ. С сентября 1926 года — комендант 46-го Туркменского погранотряда; с августа 1927-го по 1930 год — уполномоченный отделения и помощник коменданта по СОЧ Отдельной Каракольской комендатуры УПО ПП ОГПУ в Средней Азии, одновременно — заместитель начальника Ошского окротдела ГПУ. С сентября 1930 года в Ташкенте — начальник оперотделения, Третьего отделения 1-го отдела УПО ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии. С февраля 1933 года — начальник оперотделения УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Казахстану; в 1935 году — начальник Джаркентского и Зайсанского погранотрядов ОГПУ—НКВД, начальник 6-го Ораниенбаумского морского погранотряда НКВД.

С июля 1937 года — начальник Управления НКВД по Одесской, с февраля 1938 года — по Киевской области. С марта 1938 года — в центральном аппарате Управления особых отделов НКВД СССР — начальник 4-го отдела, заместитель и временно исправляющий должность начальника, а с мая 1938 года — начальник Второго управления НКВД СССР. С сентября 1938 года — начальник 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД СССР.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени УзбССР и др., знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ», почетным оружием.

Арестован 20 ноября 1938 года. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года. Не реабилитирован.

Виктор Михайлович Бочков (1900—1981) — генерал-лейтенант (1944).

Родился в деревне Казимилова Слобода Мстиславского уезда Могилевской губернии, в крестьянской семье. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В 1917—1919 годах — коммунарь Пустынской коммуны. В 1919—1922 годах служил в эскадроне конных разведчиков Особой бригады; в 1922—1924 годах — командир отделения, командир взвода кавалерийского дивизиона. В 1924—1932 годах — начальник заставы, начальник маневренной группы 23-го и 24-го погранотрядов, начальник штаба 8-го кавалерийского полка; в 1932—1935 годах — командир дивизиона 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ; в 1935—1938 годах — учеба в военной академии.

Работал начальником Главного тюремного управления НКВД СССР; с октября 1938 года — начальник 4-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и в советско-финляндской войне. С августа 1940-го по ноябрь 1943 года — прокурор СССР, с 19 июля по декабрь 1941 года — начальник ОО НКВД Северо-Западного фронта. С января 1944-го по июнь 1951 года — начальник Управления конвойных войск НКВД — МВД СССР; в 1951—1959 годах — начальник Управления охраны ГУЛАГ МВД СССР, заместитель начальника ГУЛАГ МВД СССР, начальник отдела конвойной охраны, заместитель начальника Главного управления исправительно-трудовых колоний МВД СССР, начальник отдела охраны.

Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Анатолий Николаевич Михеев (1911—1941) — комиссар госбезопасности 3-го ранга (1941).

Родился в г. Кемь Архангельской губернии, в семье таможенного чиновника. После смерти отца его мать в 1914 году вышла замуж за рабочего лесопильного завода. Окончил Ленинградскую военно-инженерную школу, три курса Военно-инженерной академии РККА.

В 1927—1928 годах — чернорабочий лесопильного завода; в 1928—1931 годах — курсант военно-инженерной школы; затем — командир взвода и роты в отдельном саперном батальоне 7-го стрелкового корпуса. С 1933 года — курсовой командир саперно-маскировочного дивизиона, командир роты

4-й Пограншколы НКВД (г. Саратов); с декабря 1935 года — слушатель Военно-инженерной академии имени Куйбышева. В январе 1939 года, по мобилизации ЦК ВКП(б), откомандирован в распоряжение НКВД СССР, назначен начальником Особого отдела НКВД Орловского военного округа; с августа 1939 года — начальник ОО НКВД Киевского особого ВО; с августа 1940 года — начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В феврале 1941 года — комиссар государственной безопасности 3-го ранга А. Н. Михеев был назначен начальником Третьего управления НКО СССР. 17 июля 1941 года, по личной просьбе, — начальником Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта.

Погиб в бою при выходе из окружения 21 сентября 1941 года.

Награжден орденом Красной Звезды (1940).

Виктор Семенович Абакумов (1908—1954) — генерал-полковник (1945).

Родился в Москве, в семье рабочего. Окончил полный курс начального городского училища.

С 1920 года — рабочий на заводе, санитар во 2-й Московской бригаде ЧОН. С ноября 1923 года — в Москве: поденщик, стрелок охраны, упаковщик на складах; с 1930 года — секретарь организации ВЛКСМ торгово-посылочной конторы Наркомата внутренней торговли РСФСР, секретарь комитета ВЛКСМ штамповочного завода, член бюро — заведующий военным отделом Замоскворецкого райкома МГК ВЛКСМ.

В органах госбезопасности с 1932 года — уполномоченный ЭКО ППП ОГПУ по Московской области; с 1933 года — уполномоченный ЭКУ ОГПУ СССР, уполномоченный 1-го отделения ЭКО ГУГБ НКВД СССР. С августа 1934 года по август 1935 года — уполномоченный 3-го отделения ГУЛАГ НКВД СССР; затем — оперуполномоченный 3-го отделения отдела охраны ГУЛАГ НКВД СССР. С апреля 1937-го по март 1938 года — оперуполномоченный отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С марта по сентябрь 1938 года — помощник начальника отделения 4-го отдела Первого управления НКВД СССР. С сентября по ноябрь 1938 года — помощник начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С ноября по декабрь 1938 года — начальник 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С декабря 1938 года по апрель 1939 года — временно исполняющий дела начальника УНКВД Ростовской области. С апреля 1939-го по февраль 1941 года — начальник УНКВД Ростовской области.

С февраля 1941-го по апрель 1943 года — заместитель

наркома внутренних дел СССР; с 19 июля 1941 года по 14 апреля 1943 года — начальник УОО НКВД СССР; с 19 апреля 1943-го по 27 апреля 1946 года — начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР (27 апреля — 4 мая 1946 года — ГУКР «Смерш» МВС СССР), заместитель наркома обороны СССР; с 11 января по 4 июля 1945 года — уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту.

С 6 сентября 1945 года — член Комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале по делу главных немецких военных преступников. С 4 мая 1946-го по 4 июля 1951 года — министр госбезопасности СССР, член Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам; с 31 декабря 1950-го по 4 июля 1951 года — председатель Коллегии МГБ СССР.

Награжден орденами Суворова 1-й и 2-й степени и Кутузова 1-й степени.

Двенадцатого июля 1951 года арестован по обвинению в государственных преступлениях; 19 декабря 1954 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу — приговор приведен в исполнение в тот же день. Постановлением Военной коллегии Верховного суда РФ от 28 июня 1994 года приговор со статьи «за измену Родине» переквалифицирован на статью «за злоупотребление властью». Мера наказания оставлена прежней. Не реабилитирован.

Николай Николаевич Селивановский (1901—1997) — генерал-лейтенант (1943).

Родился в местечке Хойники Речицкого уезда Полесской области в семье железнодорожного служащего. Окончил Высшую пограншколу ОГПУ.

В 1920—1922 годах служил в РККА; с 1922 по 1929 год — в Особом отделе ОГПУ Среднеазиатского ВО. В 1930 году, после окончания Высшей пограншколы ОГПУ, переведен в аппарат Особого отдела ОГПУ (с 1934 года — ГУГБ НКВД СССР), где работал помощником уполномоченного, уполномоченным, заместителем начальника 7-го отделения (1938—1939), начальником 9-го (1939—1940) и 5-го (1940—1941) отделений. В 1937 году выезжал в заграничные командировки в Париж и Прагу.

С мая 1941 года — начальник 5-го отдела Третьего управления НКО СССР. С октября 1941 года — начальник особых отделов НКВД Юго-Западного, Сталинградского (с августа 1942 года), Донского, вновь Сталинградского, Южного (с января 1943 года) фронтов. С апреля 1943-го по май 1946 года

занимал должность заместителя начальника Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР по разведработе. Одновременно, в январе—апреле 1945 года, был уполномоченным НКВД на 4-м Украинском фронте и в Польше — официально должность называлась «Советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши». С мая 1946 года — заместитель министра госбезопасности СССР и (до ноября 1947 года) начальник Третьего главного управления МГБ СССР. С 1947 года — председатель Ученого совета МГБ СССР, с 1950 года — председатель комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б).

В августе 1951 года был снят с занимаемых должностей и в ноябре арестован «по делу Абакумова»; в марте 1953 года освобожден за отсутствием состава преступления, в июне уволен в запас по состоянию здоровья.

Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени и орденом «Знак Почета».

Николай Андрианович Королев (1907—1986) — генерал-лейтенант (1944).

Родился в деревне Подольно Боровичского района Ленинградской области. Окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского.

В 1921—1925 годах работал на заводе «Красный керамик» и учился в школе ФЗУ; в 1925—1926 годах — секретарь комитета ВЛКСМ фабрики «Вельгия»; в 1926—1929 годах работал на заводе «Красный керамик». С марта 1929-го по июнь 1931 года — курсант, затем слушатель курсов инструкторов 1-й Военной школы авиационных техников в Ленинграде.

С июня 1931-го по декабрь 1933 года — инструктор и инспектор сектора штаба 1-й Военной школы; с декабря 1933-го по январь 1939 года — слушатель инженерного факультета Военно-воздушной академии имени Жуковского.

В феврале 1939 года — начальник Особого отдела НКВД Армии особого назначения Киевского военного округа; в декабре 1939 года — ОО НКВД авиационной армии ЛенВО; с марта 1940 года — начальник ОО НКВД Одесского военного округа; в сентябре 1940 года — заместитель начальника ОО НКВД Северо-Кавказского военного округа. В июне 1941 года — заместитель начальника 3-го отдела ОО СКВО. В августе—сентябре 1941 года — начальник ОО НКВД 19-й армии Западного фронта; с сентября 1941-го по январь 1942 года — заместитель начальника ОО НКВД Западного фронта; в январе—мае 1942 года — начальник ОО НКВД Северо-Запад-

ного фронта; в мае—июле 1942 года — начальник ОО НКВД Северо-Кавказского фронта; с августа 1942 года по апрель 1943 года — начальник ОО НКВД Брянского фронта. С апреля 1943-го по апрель 1944 года — начальник УКР «Смерш» НКО СССР Степного округа; с апреля 1944 года — начальник УКР «Смерш» НКО СССР 2-го Украинского фронта, а затем УКР «Смерш» Центральной группы войск. В июне—ноябре 1947 года — начальник УКР МГБ ГСОВГ, затем — начальник Третьего главного управления МГБ СССР. В январе 1951 года — заместитель министра госбезопасности Союза ССР.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны и двумя орденами Красной Звезды, знаком «Заслуженный работник НКВД».

В августе 1951 года был освобожден от занимаемой должности, а в июне 1954 года уволен в запас Советской армии, лишен генеральского звания.

Яков Афанасьевич Едунов (1896—1985) — генерал-лейтенант.

Родился в селе Суромна Владимирской области. Окончил три класса сельской школы, один курс Института внешних сношений, воскресный комвуз и командные курсы ОГПУ.

В 1910—1915 годах работал в Москве кровельщиком; в 1915—1916 годах — рядовой 5-го запасного саперного батальона Западного фронта; с февраля по июнь 1918 года — надзиратель Владимирской тюрьмы; в августе — ноябре 1918 года — боец железнодорожной охраны (войска ВОХР); с ноября 1918-го по июнь 1919 года — красноармеец, старшина роты Особого железнодорожного полка Южного фронта.

В органах госбезопасности с августа 1919 года — агент 3-го и 2-го разрядов Гомельской водной участковой транспортной ЧК (УТЧК) Южного фронта, агент 2-й категории, старший агент, делопроизводитель, секретарь Коростеньской УТЧК. С мая 1920 года — секретарь головной транспортной ЧК Киевского направления Польского фронта, секретарь отделения районной транспортной ЧК (ОРТЧК), заместитель начальника, начальник секретно-оперативной части ОРТЧК (ст. Коростень), с июня 1922 года — секретарь, сотрудник особых поручений, уполномоченный СОЧ дорожно-транспортного отдела (ДТО) ОГПУ Юго-Западной железной дороги. Принимал участие в боях с белополяками и бандами Тютюника.

С 1924 года — курсант командных курсов 1-й Московской школы имени Ф. Э. Дзержинского, в январе 1925 года — начальник отделения ДТО ОГПУ (ст. Омск), с июля 1925 года — помощник начальника ударной группы ДТО ОГПУ Мо-

сковско-Белорусско-Балтийской железной дороги, уполномоченный, старший уполномоченный 6-го отделения ЭКУ ОГПУ СССР. В 1929—1931 годах — слушатель курсов директоров зерносовхозов. С февраля 1931 года — старший уполномоченный, оперуполномоченный, начальник 5-го отделения экономического отдела, начальник экономического отделения Тульского оперативного сектора, начальник Богородицкого горотдела ПП ОГПУ по Московской области; в 1934—1937 годах — начальник Подольского горотдела УНКВД Московской области.

В 1937 году переведен на работу в органы милиции: в 1937—1938 годах — начальник отдела уголовного розыска и помощник начальника Управления РКМ УНКВД Московской области, в 1938—1939 годах — начальник Управления; в ноябре 1939 года был уволен из органов РКМ «по служебному несоответствию».

В июле 1941 года Я. А. Едунов был восстановлен на работе в органах НКВД оперуполномоченным УОО НКВД СССР; в августе—ноябре 1941 года — заместитель начальника ОО НКВД 50-й армии. С ноября 1941-го по сентябрь 1942 года — начальник ОО НКВД 9-й армии Южного фронта, затем — 48-й армии Брянского фронта. В марте—апреле 1943 года — начальник ОО НКВД ПриВО; в 1943—1944 годах — начальник УКР «Смерш» Северо-Западного, в 1944—1945 годах — 2-го Белорусского фронтов.

С 1945 по 1946 год — начальник УКР «Смерш» Северной группы войск. В 1946—1947 годах — начальник 1-го отдела Третьего главного управления МГБ СССР; с 1947 по 1951 год — заместитель начальника Второго главного управления МГБ СССР. С января 1951-го по февраль 1952 года — начальник Третьего главного управления МГБ СССР. С февраля 1952 года — начальник ОО Третьего управления МВД — Третьего ГУ КГБ при СМ СССР по Белорусскому военному округу. В октябре 1956 года уволен в отставку по болезни.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени. (Второй орден Отечественной войны вручен в октябре 1948 года за разработку и проведение мероприятий по разгрому националистических банд в западных областях Украины.)

Сергей Арсеньевич Гоглидзе (1901—1953) — комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935), генерал-полковник (1945).

Родился в селе Корта Рачинского округа Кутаисской гу-

бернии в крестьянской семье. Учился в коммерческом училище; окончил шесть классов.

С 1917 года — рядовой в 1-м Сибирском полку в Ташкенте; с января 1918 года — красногвардеец на Ташкентском, Ашхабадском, Бухарском и Оренбургском участках фронта; с мая 1919 года — красноармеец Ташкентского Коммунистического полка; с октября 1919 года — делопроизводитель, помощник коменданта, инспектор Реввоен трибунала, а в 1920—1921 годах — сотрудник Политуправления Туркестанского военного округа. С июня 1921 года — заведующий партстроительством Политсекретариата штаба войск ВЧК Туркестанского фронта. С ноября 1921 года — военный комиссар 37-й пограничной бригады в г. Алма-Ате, с 1922 года — военный комиссар штаба войск по охране китайской границы.

С июня 1922 года — инструктор-организатор Штаба войск ГПУ в Москве, одновременно в 1922—1923 годах — уполномоченный ГПУ по укреплению западной границы на Украине; с 1923 года — инструктор, инспектор Политинспекции ЧПО Закавказской ЧК — ГПУ; с 1926 года — инспектор Политчасти; с декабря 1927 года начальник орготделения ПО УПВО ПП ОГПУ ЗСФСР. С октября 1928 года — слушатель Отдельных курсов усовершенствования высшего командного состава при Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе.

С 1929 года — начальник орготделения ПО, с июня 1930 года — начальник ПО, одновременно — помощник, заместитель начальника Управления по политчасти УПО ПП ОГПУ ЗСФСР; с июня 1933 года — начальник УПО ПП ОГПУ ЗСФСР и Закавказского ГПУ; с 13 июля 1934 года — начальник Управления пограничной и внутренней охраны НКВД ЗСФСР и начальник УНКВД Грузинской ССР. С 11 ноября 1934 года — народный комиссар внутренних дел ЗСФСР и начальник УНКВД ГССР; с 1 января 1937 года — нарком внутренних дел ГССР.

В ноябре 1938 года назначен начальником УНКВД по Ленинградской области. С апреля 1941 года — уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Молдавской ССР; с июля 1941 года — начальник УНКВД по Хабаровскому краю и уполномоченный НКВД СССР по Дальнему Востоку; с мая 1943 года — начальник УНКГБ — УМГБ по Хабаровскому краю и уполномоченный НКГБ — МГБ СССР по Дальнему Востоку.

С декабря 1950 года — начальник Главного управления охраны на железнодорожном и водном транспорте, член Коллегии МГБ СССР. С августа 1951 года — 1-й заместитель министра государственной безопасности СССР; с ноября 1951 года — министр госбезопасности Узбекской ССР. С 13 фев-

раля 1952 года — заместитель министра и член Коллегии МГБ СССР и по совместительству — начальник Третьего главного управления (военная контрразведка) МГБ СССР. С 20 ноября 1952 года — 1-й заместитель министра госбезопасности СССР. С 12 марта 1953 года — начальник Третьего управления и член Коллегии МВД СССР.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени и Трудового Красного Знамени ЗСФСР, Кутузова 2-й степени, знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

Девятнадцатого июня 1953 года направлен в Берлин для координации действий в связи с беспорядками в крупных городах ГДР. На следующий день после ареста Л. П. Берии, 27 июня, задержан и доставлен в Москву, где заключен под стражу.

На июльском Пленуме ЦК КПСС (1953) выведен из кандидатов в члены ЦК КПСС и исключен из партии. 23 декабря 1953 года приговорен Специальным Судебным присутствием Верховного суда СССР по обвинению в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Дмитрий Сергеевич Леонов (1899—1981) — генерал-лейтенант (1942).

Родился в деревне Роска Чернского уезда Тульской губернии в крестьянской семье. Учился в начальном городском и в ремесленном училищах.

С 1916 года работал на Тульском оружейном заводе. С февраля по май 1921 года — заведующий организационным отделом Зареченского райкома ВКП(б) Тулы. С марта 1922 года — красноармеец саперной роты 48-й стрелковой дивизии МВО; с августа 1922 года — политрук в 142-м стрелковом полку. С апреля по ноябрь 1923 года — заместитель заведующего орготделом центрального райкома ВКП(б) Тулы, затем — инструктор-организатор, начальник оргчасти политотдела 84-й стрелковой дивизии МВО. С февраля 1929-го по май 1930 года — старший инструктор Политуправления МВО. С мая 1930-го по апрель 1931 года — слушатель курсов усовершенствования старшего политсостава при Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

С апреля 1931-го по ноябрь 1933 года — начальник оргсектора Политуправления ПриВО, затем — начальник ПО 26-й стрелковой дивизии ОКДВА. С июля 1937-го по январь 1938 года — комиссар 20-го стрелкового корпуса ОКДВА. В 1938—

1941 годах — член Военного совета ЗабВО и УрВО. С января по июнь 1941 года — слушатель курсов высшего политсостава. С июня 1941 года — член Военного совета 22-й армии Западного фронта, с октября 1941 года — член Военного совета Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов; с октября 1944 года — заместитель начальника Генштаба РККА по политчасти; с мая 1945 года — член Военного совета 2-го Дальневосточного фронта и ДВО. С мая 1947 года — заместитель командующего войсками МВО по политчасти, член Военного совета округа; с июля 1950 года — член Военного совета ЛенВО.

В июле 1953 года, решением ЦК КПСС, направлен в органы госбезопасности: начальник Третьего управления МВД СССР — Третьего главного управления КГБ при СМ СССР. Уволен из кадров КГБ по болезни 3 июля 1959 года.

Награжден двумя орденами Ленина, тремя — Красного Знамени, двумя — Кутузова 1-й степени.

Анатолий Михайлович Гуськов (1914—2005) — генерал-майор (1956).

Родился в Москве; окончил Московский нефтяной институт, Высшую школу НКВД СССР и Военно-юридическую академию.

С марта 1929-го по сентябрь 1932 года учился в школе ФЗУ, работал токарем; с 1932 по 1937 год — студент технологического факультета Московского нефтяного института. Работал на Бердянском крекинг-заводе дежурным инженером, начальником цеха, главным инженером завода.

С сентября 1939-го по октябрь 1940 года — слушатель Высшей школы НКВД СССР. По окончании — начальник Зарайского, затем — Биржайского уездного отдела НКВД Литовской ССР. С июля 1941-го по февраль 1942 года — начальник ОО НКВД 269-й, потом — 307-й стрелковой дивизии Брянского фронта. С февраля по июнь 1942 года — начальник ОО 3-й бригады войск НКВД Брянского фронта. В июне 1942 года дивизия была переброшена на формирование Грозненского особого оборонительного района — Гуськов был назначен начальником ОО НКВД района, с мая 1944 года занимал должность начальника Особого отдела Грозненской дивизии войск НКВД. С мая 1944 года — начальник ОКР НКВД «Смерш» Управления войск НКВД охраны тыла 3-го Белорусского фронта. С сентября 1945 года — начальник ОКР НКВД «Смерш» Управления войск НКВД охраны тыла Южной группы войск. С февраля 1946 года — начальник ОКР «Смерш» НКВД СССР. С февраля по май 1947 года — начальник Третьего отделения ОКР МВД СССР.

С апреля 1947 года — начальник кафедры, заместитель начальника отдела заочного обучения Высшей офицерской школы МВД СССР, одновременно учился на заочном факультете Военно-юридической академии. С июля 1949 года — заместитель начальника ВШ МВД СССР по заочному обучению; с февраля по октябрь 1950 года — начальник 4-го отдела Управления кадров МВД СССР, затем — начальник Управления МВД СССР по Горьковской области. С 1951 по 1953 год работал в аппарате ЦК КПСС, затем — министр внутренних дел Азербайджанской ССР, председатель КГБ при СМ Азербайджанской ССР. С сентября 1956 года — заместитель начальника, с июня 1959-го — начальник Третьего главного управления КГБ при СМ СССР — Третьего управления КГБ при СМ СССР. С февраля 1963-го по 1970 год — начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Московскому военному округу.

Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Иван Анисимович Фадейкин (1917—1979) — генерал-лейтенант (1964).

Родился в селе Монастырское Спасского уезда Пензенской губернии. Окончил Куйбышевский институт журналистики, Военную академию имени М. В. Фрунзе, Высшую разведывательную школу Комитета информации.

В 1934—1936 годах — инструктор Беднодемьяновского райисполкома Пензенской области; в 1936—1939 годах — студент института журналистики. С ноября 1939 года, по окончании военно-политических курсов ГлавПУРККА, — редактор газеты и старший инструктор политотдела 1-го военно-авиационного училища (Оренбург); с июля 1941 года — заместитель начальника политотдела 352-й стрелковой дивизии 20-й армии Западного фронта; с 1942 года — военный комиссар 1162-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта; с ноября 1942-го по февраль 1943 года — на курсах усовершенствования командиров полков, затем — командир 94-го гвардейского стрелкового полка 30-й гвардейской стрелковой дивизии 10-й гвардейской армии Западного фронта; с августа 1943 года — на излечении после ранения; с октября 1943 года — командир 98-го гвардейского стрелкового полка 30-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта. В августе—ноябре 1944 года — начальник штаба 30-й гвардейской стрелковой дивизии.

С марта 1945-го по ноябрь 1946 года — заместитель начальника 6-го отдела ГУК ВС СССР; затем — слушатель Военной

академии имени М. В. Фрунзе; с августа 1949 года — слушатель Высшей разведшколы Комитета информации при МИД СССР; с августа 1950-го по ноябрь 1952 года — на различных должностях в Управлении КИ. С ноября 1952 года — в аппарате уполномоченного МГБ СССР в Германии; с июня 1954 года — заместитель начальника Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре СССР в Германии; с октября 1954 года — начальник отдела Первого главного управления КГБ при СМ СССР.

С января 1961-го по февраль 1963 года — первый заместитель начальника Третьего управления КГБ при СМ СССР; с февраля 1963-го по февраль 1966 года — начальник Третьего управления КГБ при СМ СССР, затем — уполномоченный Аппарата уполномоченного КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР.

Награжден орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Александра Невского и Красной Звезды.

Георгий Карпович Цинев (1907—1996) — генерал армии (1978).

Родился в Екатеринославской губернии. Окончил Днепропетровский металлургический институт, Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова.

В 1925—1929 годах — чернорабочий, помощник разметчика, бригадир Днепропетровского завода; в 1929—1934 годах — студент металлургического института; в 1934—1935 годах — инженер-мастер трубопрокатного завода. В 1935-м — курсант-одногодичник 15-го корпусного арtpолка Киевского ВО; в 1935—1939 годах — инженер, заместитель, исполняющий обязанности начальника цеха трубопрокатного завода. В 1939—1940 годах — заведующий металлургическим отделом Днепропетровского горкома КП(б) Украины; в 1940 году — секретарь Ленинского райкома КП(б) Украины; в 1940—1941 годах — второй секретарь Днепропетровского горкома КП(б) Украины.

С июля по ноябрь 1941 года — комиссар 824-го арtpолка 1297-й стрелковой дивизии 21-й армии Харьковского ВО (с августа — Юго-Западного фронта), затем — комиссар штаба 6-й оперативной группы 21-й армии. С февраля 1942 года — заместитель начальника политуправления Калининского фронта; с июля 1942 года — начальник политотдела 4-й Ударной армии Калининского фронта; с ноября 1942-го по май 1943 года — слушатель Особых курсов высшего политсостава Главного политуправления РККА. С мая 1943 года — начальник политотдела 57-й армии 2-го Украинского, 3-го Украинского

фронтов и Южной группы войск. С октября 1945-го по июнь 1946 года — начальник экономического отдела советской части Союзнической комиссии по Австрии, затем — помощник Верховного комиссара в исполнительном комитете советской части Союзнической комиссии по Австрии; с мая 1948 года — начальник штаба советской части Союзнической комиссии по Австрии; с ноября 1950-го по август 1951 года — заместитель Верховного комиссара советской части Союзнической комиссии по Австрии. Затем — слушатель Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова.

С сентября 1953-го по май 1958 года — начальник Управления особых отделов МВД ГСОВГ — КГБ при СМ СССР по ГСВГ. С июня 1958 года — начальник Военного института КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. С сентября 1960 года — начальник Спецуправления Третьего управления КГБ при СМ СССР; с мая 1961-го по июнь 1964 года — начальник Спецуправления, заместитель начальника Третьего управления КГБ при СМ СССР; с июня 1964-го по февраль 1966 года — заместитель начальника, затем — начальник Третьего управления КГБ при СМ СССР. Постановлением Совета министров СССР от 24 мая 1967 года утвержден членом Коллегии КГБ; с июля 1967-го по август 1970 года — начальник Второго управления КГБ при СМ СССР; с августа 1970-го по январь 1982 года — заместитель председателя КГБ СССР, затем — первый заместитель председателя КГБ СССР. С ноября 1985 года — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР.

Герой Социалистического Труда; награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Виталий Васильевич Федорчук (1918—2008) — генерал армии (1982).

Родился в селе Огиевка Сквирского уезда Киевской губернии в крестьянской семье. Окончил Киевское военное училище связи, Высшую школу КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского.

В 1934—1935 годах — инструктор-массовик политотдела машинно-тракторной станции; в 1935—1936 годах — литработник районной газеты; в 1936—1939 годах — курсант Киевского военного училища связи имени М. И. Калинина, в начале 1939 года зачислен в Центральную школу НКВД СССР.

В марте—июле 1939 года — помощник оперуполномоченного 3-го отделения Особого отдела НКВД Уральского воен-

ного округа. В июле—сентябре 1939 года — заместитель начальника ОО НКВД мотострелковой дивизии Забайкальского военного округа, участвовал в боях на реке Халхин-Гол. С октября 1941 года — заместитель начальника ОО НКВД 82-й мотострелковой дивизии 5-й армии Западного фронта; с марта 1942 года — начальник Особого отдела НКВД 92-й танковой бригады на Калининском и Западном фронтах, а с мая 1943 года — в Черноморской группе войск, входившей в состав Северо-Кавказского фронта; в июне—сентябре 1943 года — начальник ОКР «Смерш» по 92-й танковой бригаде; с октября 1943 года — заместитель начальника ОКР «Смерш» Ярославского гарнизона МВО; с мая 1944 года — начальник ОКР МГБ Калининского гарнизона МВО; с февраля 1949 года — начальник 3-го, потом 2-го отдела УКР МГБ СССР по МВО; с июля 1950 года — начальник 3-го, потом 2-го отдела УКР МГБ СССР по Центральной группе войск (Австрия). С июня 1952 года — заместитель начальника Управления контрразведки МГБ СССР (в 1953 году — МВД, с 1954 года — КГБ при СМ СССР) по Центральной группе войск, до вывода советских войск из Австрии в 1955 году. С июля 1955 года — заместитель начальника, а с февраля 1958-го по февраль 1963 года — начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Московскому ВО.

В 1960 году заочно окончил Высшую краснознаменную школу КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. С февраля 1963 года — заместитель начальника, а с февраля 1966 года — начальник Управления особых отделов КГБ при СМ СССР по ГСВГ. С сентября 1967-го по июль 1970 года — начальник Третьего управления КГБ при СМ СССР. С июля 1970 года — председатель КГБ при СМ Украинской ССР (с 1978 года — КГБ УССР). С мая 1982 года — председатель КГБ СССР; 17 декабря 1982 года назначен министром внутренних дел СССР; с января 1986-го по 1991 год — инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя — Красной Звезды. Почетный сотрудник госбезопасности.

Иван Лаврентьевич Устинов (род. 1920) — генерал-лейтенант (1971).

Родился в деревне Малая Бобровка Ирбитского района Свердловской области, в семье крестьянина. Окончил Камышловское военно-пехотное училище.

С августа 1938-го по ноябрь 1939 года, после окончания Ирбитской фельдшерско-акушерской школы, был началь-

ником санитарной части Таборинского отделения Северо-Уральских исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР. В ноябре 1939 года призван в РККА; в январе 1940 года зачислен курсантом Свердловского военно-пехотного училища, в марте 1940 года переведен в Камышловское училище, после окончания которого 10 июня 1941 года был направлен на курсы оперработников в Могилевскую школу НКВД.

Двадцать второго июня 1941 года назначен оперуполномоченным Особого отдела 6-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в Белостоке, однако прибыть к месту назначения не удалось — части дивизии оказались отрезаны и окружены немецко-фашистскими войсками. Примкнул к отступающим пехотным частям, принял участие в боях с захватчиками. По прибытии в Могилев был направлен в распоряжение резерва оперсостава и получил назначение в ОО НКВД 16-й армии на должность оперуполномоченного; с 1942 года — старший оперуполномоченный Второго отделения ОО НКВД — ОКР «Смерш» 16-й (с мая 1943 года — 11-й гвардейской) армии Западного, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. С апреля 1944 года — начальник ОКР «Смерш» 83-го армейского полевого эвакуопункта; с января по ноябрь 1945 года — начальник ОКР «Смерш» 3-го отдельного учебного танкового полка 3-го Белорусского фронта.

С ноября 1945 года — заместитель начальника ОКР «Смерш» — ОКР МГБ 36-го гвардейского стрелкового корпуса Прибалтийского военного округа. С апреля 1951-го по ноябрь 1952 года — заместитель начальника 3-го отдела УКР МГБ ГСОВ, затем, до октября 1954 года, — секретарь парткома УКР УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ; с октября 1954-го по февраль 1957 года — начальник 3-го отдела УОО КГБ при СМ по ГСВГ. С марта 1957-го по сентябрь 1958 года — заместитель начальника ОО КГБ по 69-й воздушной армии Киевского военного округа; с сентября 1958 года — начальник ОО КГБ при СМ СССР по 6-й гвардейской танковой армии Киевского ВО; с июля 1963 года — заместитель начальника, начальник ОО КГБ при СМ СССР по Дальневосточному военному округу.

С февраля 1968 года — заместитель начальника, с сентября 1970 года — начальник Третьего управления КГБ при СМ СССР. С ноября 1973 года — начальник УОО КГБ СССР по ГСВГ. С июля 1981-го по сентябрь 1991 года — советник при председателе Госплана СССР по проблемам безопасности.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и тремя орденами Красной Звезды.

Николай Алексеевич Душин (1921—2001) — генерал-полковник (1985).

Родился в поселке Ново-Николаевский Балаковского района Саратовской области, в крестьянской семье. Окончил педагогическое училище, Сталинградское военно-политическое училище, Высшую школу КГБ при СМ СССР.

После окончания педучилища в 1939 году — завуч неполной средней школы, село Саясан Чечено-Ингушской АССР, затем — инспектор РОНО. С января 1940 года — курсант Сталинградского военно-политического училища; с января 1941 года — политрук роты 3-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии 25-й армии Дальневосточного фронта; с мая по октябрь 1942 года — комиссар полковой школы 3-го стрелкового полка, затем — слушатель курсов «Выстрел» в г. Ворошилове-Уссурийском; в марте—июне 1943 года — командир роты 21-й отдельной стрелковой бригады 25-й армии; с июня 1943 года — оперуполномоченный отдела контрразведки НКО «Смерш» 8-й отдельной стрелковой бригады 25-й армии; с октября по декабрь 1944 года — следователь ОКР «Смерш» НКО 8-й отдельной стрелковой бригады; затем — следователь, старший ОКР «Смерш» НКО 393-й стрелковой дивизии 25-й армии Дальневосточного фронта — Приморской группы войск; с июля 1946-го по июнь 1948 года — старший оперуполномоченный 4-го отделения УКР МГБ Приморского военного округа; с июня 1948-го по февраль 1949 года — помощник начальника опергруппы УКР МГБ Приморского военного округа в Северной Корее; с февраля 1949 года — временно исполняющий должность начальника отделения ОКР МГБ 9-й Воздушной армии Приморского военного округа. С апреля 1949-го по май 1950 года — начальник 1-го отделения ОКР МГБ 54-й воздушной армии; с мая 1950 года — временно исполняющий должность начальника, затем — начальник ОКР МГБ 34-й бомбардировочной авиадивизии 54-й воздушной армии.

С сентября 1952-го по июль 1955 года — слушатель Высшей школы МГБ СССР — КГБ при СМ СССР; с июля 1955 года — старший оперуполномоченный, заместитель начальника и начальник отделения Третьего главного управления, затем — Третьего управления КГБ при СМ СССР; с декабря 1960 года — начальник отдела УОО КГБ при СМ СССР по ГСВГ. С июня 1964 года — заместитель начальника, затем — начальник отдела Третьего управления КГБ при СМ СССР. С августа 1970 года — заведующий сектором органов госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС. С февраля 1974 года — начальник Третьего управления КГБ при СМ СССР (с июня 1978 года — КГБ СССР), с июня 1982

года — Третьего главного управления КГБ СССР. Член Коллегии КГБ СССР с февраля 1974 года. Уволен в отставку по возрасту в июле 1987 года.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Василий Степанович Сергеев (род. 1927) — генерал-лейтенант (1988).

Родился в селе Чернолесское Новоселицкого района Ставропольского края. Окончил Высшую школу КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского.

С июля по сентябрь 1944 года — бухгалтер Арзгирской МТС Ставропольского края; с ноября 1944-го по октябрь 1945 года — курсант 19-й школы снайперов Прикарпатского военного округа; в октябре—декабре 1945 года — стрелок 128-го запасного стрелкового полка; с декабря 1945 года — курсант, инструктор-радиотелеграфист, с марта 1951 года — курсант Харьковской школы МГБ СССР.

В сентябре 1953-го — апреле 1954 года — помощник оперуполномоченного 10-го спецотделения УМВД Ставропольского края; в апреле—сентябре 1954 года — помощник оперуполномоченного 1-го спецотделения УКГБ при СМ СССР по Ставропольскому краю, затем — оперуполномоченный 1-го спецотделения, оперуполномоченный и старший оперуполномоченный 2-го отдела того же управления. С сентября 1959-го по август 1963 года — слушатель Высшей школы КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. С августа 1963-го по май 1965 года — заместитель уполномоченного аппарата УКГБ при СМ СССР по Ставропольскому краю в Пятигорске; с мая 1965-го по август 1968 года — начальник 2-го отдела УКГБ при СМ СССР по Ставропольскому краю; затем — заместитель начальника этого управления; с июля 1973-го по декабрь 1977 года — председатель КГБ Кабардино-Балкарской АССР; с декабря 1977-го по август 1983 года — начальник УКГБ СССР по Алтайскому краю. С августа 1983 года — первый заместитель начальника, с июля 1987 года — начальник Третьего главного управления КГБ СССР, член Коллегии КГБ СССР.

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Александр Владиславович Жардецкий (1931—2005) — вице-адмирал (1990).

Родился в городе Кимры Калининской области, в семье

служащего. Окончил Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, Школу № 201 КГБ при СМ СССР.

После окончания в 1953 году ВВМУ имени М. В. Фрунзе командовал торпедным катером, большим торпедным катером и звеном торпедных катеров в 25-й дивизии торпедных катеров Тихоокеанского флота. С декабря 1958 года — в органах безопасности: оперуполномоченный (на курсах) ОО КГБ по 14-й дивизии крейсеров ТОФ; с января 1959-го по апрель 1960 года — оперуполномоченный ОО КГБ при СМ СССР по спецчастям Владивостокского военно-морского гарнизона; с января по сентябрь 1960 года — учеба в Школе № 201 КГБ при СМ СССР; с апреля по сентябрь 1960 года — оперуполномоченный на отдельных объектах 1-го сектора ОО КГБ по ТОФ; с сентября 1960-го по июнь 1961 года — старший оперуполномоченный ОО КГБ по ВМБ «Стрелок» ТОФ; с июня 1961 года — начальник ОО КГБ при СМ СССР по 9-й отдельной бригаде, а с октября того же года по август 1965 года — по 26-й дивизии подводных лодок ТОФ. В августе 1965-го — июне 1969 года — заместитель начальника ОО КГБ при СМ СССР по Камчатской военной флотилии. С июня 1969 года — начальник сектора ОО КГБ при СМ СССР по Балтийскому флоту; с октября 1971 года — заместитель начальника ОО КГБ при СМ СССР по Балтийскому флоту.

С марта 1975 года — заместитель начальника, с августа 1976 года — начальник отдела Третьего управления КГБ при СМ СССР; с августа 1979 года — заместитель начальника Третьего управления — Третьего главного управления КГБ СССР; с января 1989 года — первый заместитель, а с ноября 1990 года — начальник Третьего главного управления КГБ СССР.

Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени и орденом Красной Звезды, нагрудным знаком «За службу в контрразведке» 3-й степени.

Уволен в запас по возрасту в августе 1991 года.

Юрий Емельянович Булыгин (род. 1934) — генерал-майор (1985).

Родился в Воронеже, в семье служащего. Окончил Воронежский инженерно-строительный институт, Школу № 311 КГБ при СМ СССР, аспирантуру Высшей школы КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского.

После окончания Воронежского инженерно-строительного института, с августа 1956-го по февраль 1957 года, работал производителем работ в УНР № 93 строительного треста № 118; затем — инженер-конструктор Воронежской областной проектной конторы «Облпроект». С сентября 1957-го по

февраль 1959 года — слушатель Школы № 311 КГБ при СМ СССР; в марте—апреле 1959 года находился на оперативной практике в ОО КГБ при СМ СССР по Прибалтийскому военному округу; с июня 1959-го по январь 1966 года — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный, заместитель начальника сектора ОО КГБ по ПриБВО; с января 1966-го по декабрь 1967 года — учеба в аспирантуре Высшей школы КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Кандидат юридических наук; с декабря 1967-го по май 1971 года — преподаватель, старший преподаватель ВКШ КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. С июля 1975-го по март 1980 года — заместитель начальника Оперативно-аналитической службы Третьего управления КГБ СССР; с марта 1980-го по май 1983 года — начальник отдела Третьего управления КГБ СССР; с мая 1983-го по июль 1986 года — заместитель начальника УОО КГБ СССР по ГСВГ; с июля 1986-го по ноябрь 1987 года — заместитель, первый заместитель начальника Высшей школы КГБ СССР. С ноября 1987-го по январь 1991 года — заместитель начальника Управления кадров КГБ СССР.

С января 1991 года — первый заместитель начальника Третьего главного управления КГБ СССР; с 26 августа — временно исполняющий обязанности, а с 15 октября 1991 года — начальник Третьего главного управления КГБ СССР. С 9 декабря 1991 года — начальник Главного управления военной контрразведки МСБ СССР. Уволен в запас по болезни в апреле 1992 года.

Награжден орденом Красной Звезды.

Алексей Алексеевич Моляков (род. 1939) — генерал-полковник (1995).

Родился в деревне Буньково Краснохолмского района Калининской области. Окончил Высшую школу КГБ при СМ СССР имени Ф. Э. Дзержинского.

В 1956—1958 годах — учащийся технического училища № 3 г. Рыбинска; затем — механик-электрик стройучастка № 7 г. Красный Холм; с ноября 1958-го по сентябрь 1960 года — курсант, замкомвзвода 1176-го зенитно-артиллерийского полка 25-й зенитной артиллерийской дивизии 6-й отдельной армии ПВО; с сентября 1960-го по июль 1962 года — слушатель курсов переводчиков Высшей школы КГБ при СМ СССР. С июля 1962-го по ноябрь 1964 года — переводчик, оперуполномоченный ОО КГБ по 94-й мотострелковой дивизии ГСВГ; с августа 1968 года — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный Третьего управления КГБ при СМ СССР.

С января 1976-го по июнь 1978 года — заместитель началь-

ника отделения; с июня 1978 года — заместитель начальника отдела Третьего управления, затем — Третьего главного управления КГБ СССР. С января 1984-го по декабрь 1988 года — начальник отдела Третьего главного управления КГБ СССР; с декабря 1988 года — начальник ОО КГБ СССР по Московскому военному округу, Отдела военной контрразведки МСБ по МВО.

Принимал непосредственное участие в разоблачении агентов ЦРУ США Филатова, Иванова, Сметанина, Васильева и Полякова.

С января 1992 года — начальник Управления военной контрразведки МБ РФ, Управления военной контрразведки ФСК России, Управления военной контрразведки ФСБ России. С июня 1997 года — начальник Управления военной контрразведки Департамента контрразведки ФСБ России; с октября того же года — заместитель руководителя департамента — начальник Управления военной контрразведки Департамента контрразведки ФСБ России.

Тридцать первого октября 1997 года назначен начальником Управления военных инспекторов Государственной военной инспекции Президента Российской Федерации. В 1998—1999 годах — заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации.

Награжден орденами Красного Знамени, «За военные заслуги», орденом Дружбы, знаком «За службу в контрразведке».

Владимир Иванович Петрищев (род. 1941) — генерал-лейтенант (1996).

Родился в Гурьевске Кемеровской области, в семье рабочего. Окончил Омское Краснознаменное высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе, Школу № 311 КГБ при СМ СССР.

С сентября 1963 года, после окончания Омского высшего общевойскового командного училища, — командир взвода курсантов Ачинского военного авиационно-технического училища. С сентября 1965-го по сентябрь 1966 года — слушатель Школы № 311 КГБ при СМ СССР; затем — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный Особого отдела КГБ при СМ СССР по Сибирскому военному округу; с октября 1972-го по декабрь 1976 года — помощник начальника ОО КГБ при СМ СССР по СибВО по кадрам; с декабря 1976-го по сентябрь 1978 года — заместитель начальника ОО КГБ СССР по 20-й дивизии ПВО СибВО; с сентября 1978 года — заместитель начальника Особого отдела КГБ СССР по 135-й мотострелковой дивизии, а с октября 1979 года — начальник

Особого отдела КГБ СССР по 29-й мотострелковой дивизии Дальневосточного военного округа; с мая 1982-го по октябрь 1985 года — заместитель начальника отдела УОО КГБ СССР по ДВО; с октября 1985-го по октябрь 1987 года — начальник отдела УОО КГБ СССР по войскам Южного направления. С октября 1987-го по декабрь 1991 года — старший инспектор отдела Инспекторского управления КГБ СССР.

С декабря 1991-го по январь 1992 года — начальник Управления военной контрразведки АФБ РСФСР; в январе—мае 1992 года — заместитель начальника Инспекторского управления — начальник отдела Инспекторского управления МБ России; с сентября 1992 года — заместитель начальника Инспекторского управления Штаба МБ России; с октября 1993-го по декабрь 1995 года — заместитель начальника Организационно-инспекторского управления МБ России, ФСК России, ФСБ России. С декабря 1995-го по декабрь 1997 года — начальник Управления ФСБ России по внутренним войскам МВД России.

С декабря 1997-го по июль 1998 года — заместитель руководителя департамента — начальник Управления военной контрразведки Департамента контрразведки ФСБ России; с июля 1998-го по август 2000 года — начальник Управления военной контрразведки (Третьего управления) ФСБ России.

Награжден орденом «За военные заслуги», нагрудными знаками «Почетный сотрудник контрразведки» и «За службу в контрразведке» 1, 2 и 3-й степени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПЧ — агитационно-пропагандистская часть.
АФБ РСФСР — Агентство федеральной безопасности РСФСР.
АЧК — Азово-Черноморский край.
ВКР — Военная контрразведка.
ВНУС — Внутренняя служба Республики, Войска внутренней службы.
ВПШ ОГПУ/НКВД — Высшая пограничная школа ОГПУ/НКВД.
ВРК — Военно-революционный комитет.
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.
ГКО — Государственный Комитет Обороны.
ГлавПУРККА — Главное политическое управление РККА.
ГПУ — Государственное политическое управление.
ГСВГ — Группа советских войск в Германии.
ГСОВ — Группа советских оккупационных войск в Германии.
ГУ — Главное управление.
Губотдел — губернский отдел.
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности.
ГУК — Главное управление кадров Министерства обороны.
ДВКР — Департамент военной контрразведки.
ДКР — Департамент контрразведки.
ДТО — дорожно-транспортный отдел.
ЗСФСР — Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
ЗЧ — Закордонная часть.
ИНО — Иностранный отдел.
ИНФО — Информационный отдел.
КИ — Комитет информации при МИД СССР.
КРО — Контрразведывательный отдел.
МБ РФ — Министерство безопасности Российской Федерации.
МВС СССР — Министерство Вооруженных сил СССР.
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР.
НКО СССР — Народный комиссариат обороны СССР.
НК ВМФ СССР — Народный комиссариат Военно-морского флота.
НК ВС СССР — Народный комиссариат Вооруженных сил СССР.
ОГПУ — Объединенное Государственное политическое управление.
ОКР — отдел контрразведки.
Окротдел — окружной отдел.
ОО — особый отдел.

ОРТЧК — отделение районной транспортной ЧК.
ПО — политический отдел.
ПП — Полномочное представительство.
РВСН — Ракетные войска стратегического назначения.
РВС — Революционный военный совет.
РВСР — Революционный военный совет Республики.
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция.
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.
РКМ — Рабоче-крестьянская милиция.
СВР — Служба внешней разведки России.
сд — стрелковая дивизия.
СДКПиЛ — Социал-демократия Королевства Польского и

Литвы.

СМ СССР — Совет министров СССР.
СНК — Совнарком — Совет народных комиссаров.
СОО — Секретно-оперативный отдел.
СОУ — Секретно-оперативное управление.
СОЧ — Секретно-оперативная часть.
СТО — Совет труда и обороны.
УВКР — Управление военной контрразведки.
УКР МГБ — Управление контрразведки МГБ.
УНКВД — управление НКВД области или края.
УПО — Управление пограничной охраны.
УПВО — Управление пограничной и внутренней охраны.
УТЧК — участковая транспортная ЧК.
ФСБ — Федеральная служба безопасности России.
ФСК — Федеральная служба контрразведки России.
ЦУПРЧРЕЗКОМ — Центральное управление чрезвычайных

комиссий.

ЧОН — части особого назначения.
ЧПО — часть пограничной охраны.
ЭКО — экономический отдел.
ЭКУ — Экономическое управление.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Глава первая.</i> «Дело первостепенной важности...»	11
<i>Глава вторая.</i> Время безвременья	48
<i>Глава третья.</i> Борьба за «контрразведывательное поле» ...	85
<i>Глава четвертая.</i> «На той единственной Гражданской...» ..	126
<i>Глава пятая.</i> В канун грозных потрясений	161
<i>Глава шестая.</i> Война у границ и на границах.	192
<i>Глава седьмая.</i> В ожидании Великой Отечественной	217
<i>Глава восьмая.</i> Плечом к плечу с Красной армией	253
<i>Глава девятая.</i> «Смерть шпионам!»	294
<i>Глава десятая.</i> На тайных фронтах холодной войны	333
<i>Глава одиннадцатая.</i> Последние рубежи КГБ	377
<i>Глава двенадцатая.</i> Грань веков	423
<i>Глава тринадцатая (Заключительная, но далеко не последняя).</i> Десятое десятилетие	455
<i>Приложения</i>	479
Организационные формы военной контрразведки	479
Руководители военной контрразведки	480
Биографии руководителей военной контрразведки	481
Список сокращений	515

Бондаренко А. Ю.
Б 81 Военные контрразведчики / Александр Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 517[11] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1793).

ISBN 978-5-235-04282-7

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

УДК 94(47):351
ББК 63.3-36

знак информационной
продукции **16+**

Бондаренко Александр Юльевич
ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **А. С. Козаченко**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 14.01.2019. Подписано в печать 14.02.2019. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
27,72+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1911440.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04282-7

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Суцневская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Ю. Бондаренко ГЕРОИ «СМЕРШ»

Эта книга — о войне и о тех людях, которые обеспечивали безопасность сражающейся Красной армии. Автор не отделяет работу сотрудников легендарного Смерша, военных контрразведчиков, от того, что происходило на фронтах, и это помогает читателю самому сделать вывод о нужности и важности их деятельности. Герои книги — сотрудники Смерша различных рангов, от начальника Главного управления контрразведки Наркомата обороны до зафронтового агента. Особое внимание уделено судьбам оперативных работников, находившихся непосредственно в боевых порядках войск, в том числе — павших в сражениях. Здесь помещены биографии сотрудников Смерша, впоследствии занявших высшие должности в органах безопасности, и тех, уйдя в запас, достиг вершин в совершенно иных областях, а также рассказано обо всех «смершевцах» — Героях Советского Союза. Книга «Герои “Смерш”» развенчивает многие «легенды» и исправляет заблуждения, зачастую общепризнанные. Она открывает малоизвестные страницы Великой Отечественной войны и помогает понять и осмыслить ту роль, которую сыграла военная контрразведка в деле достижения Великой Победы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. С. Антонов

КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА

Во второй половине 1930-х годов в Англии советским разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем была сформирована агентурная группа, впоследствии получившая известность как «Кембриджская пятерка». В нее вошли выпускники привилегированного Кембриджского университета Джон Кернкросс, Гай Бёрджесс, Ким Филби, Дональд Маклин и Энтони Блант. Поступавшая от «пятерки» информация касалась в первую очередь состояния вооруженных сил Германии и отношения к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. В течение длительного времени «Кембриджская пятерка» являлась для Москвы наиболее продуктивным источником документальной информации, и не случайно бывший директор ЦРУ Аллен Даллес назвал ее «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны».

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Е. Михеенков
МАРГЕЛОВ

Генерал армии Василий Филиппович Маргелов (1909—1990) — пожалуй, самый известный советский военачальник послевоенного времени. Он командовал самыми героическими войсками — Воздушно-десантными. Вооружил их самым современным оружием, провел со своими «орлами» ряд блистательных операций, после которых за ВДВ прочно закрепилась слава самых мобильных и дерзких войск, способных выполнять задачи, которые по плечу только им. Слова Маргелова: «Никто, кроме нас» — стали девизом ВДВ, где имя десантника № 1 и поныне окружено легендами. Известный военный писатель Сергей Михеенков подробно и проникновенно рассказывает о жизни генерала Маргелова, куда вписаны Польский поход, советско-финляндская война, Великая Отечественная, особые миссии ВДВ в Венгрии и Чехословакии. В книге использованы редкие документы из архива семьи Маргеловых, многие из них публикуются впервые.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. Г. Бодрихин
АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ

Анатолий Петрович Александров (1903—1994) — выдающийся советский ученый, академик, в течение 28 лет — директор Курчатовского института, 11 лет — президент Академии наук СССР. Еще в довоенные годы предложил метод размагничивания кораблей. Ни один корабль, защищенный от магнитных мин по его методике, не был потерян. В 1944 году И. В. Курчатовым был привлечен к работе по «атомному» проекту, в 1952-м — назначен научным руководителем работ по созданию ядерной силовой установки для первой атомной подводной лодки (АПЛ). До конца жизни оставался научным руководителем работ по созданию большинства ядерных реакторов. Координировал научные работы всего Советского Союза в годы его наивысшего могущества.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. Л. Быков ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Поколение шестидесятников оставило нам романы и стихи, фильмы и картины, в которых живут острые споры о прошлом и будущем России, напряженные поиски истины, моральная бескомпромиссность, неприятие лжи и лицемерия. Их часто ругали за половинчатость и напрасные иллюзии, называли «храбрыми в дозволенных пределах», но их произведения до сих пор остаются предметом читательской любви. Новая книга известного писателя, поэта, публициста Дмитрия Быкова — сборник биографических эссе, рассматривающих не только творческие судьбы самых ярких представителей этого поколения, но и сам феномен шестидесятничества.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
<http://gvardiya.ru> E-mail: dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

И. З. Фаликов БОРИС СЛУЦКИЙ

Борис Слуцкий (1919—1986), один из крупнейших поэтов военного поколения, прожил значительную и трагическую жизнь. Знаковую, как видится сегодня, — не случайно сказал о себе: «Я историю излагаю». Уроженец донецкого Славянска, прошедший детство и юность в Харькове, к началу Великой Отечественной войны в Москве окончил два вуза. Образование дополнил суровым опытом фронта, пройдя всю войну — от Подмосковья до Австрии. Раны и контузии, послевоенные хвори и бездомность... — много испытаний досталось гвардии майору в отставке Слуцкому. И счастьем, и горем стала женщина его судьбы, ее болезнь и смерть. Бесстрашные стихи поэта долго не печатались, ходили по рукам в списках; первый сборник «Память» вышел в 1957-м. Предшественник громких шестидесятников, признанный ими мэтр, Слуцкий воспитал много учеников. Крушение идеалов, одиночество и безумие до времени свели его в могилу. Илья Фаликов, автор жизнеописаний Евг. Евтушенко, Б. Рыжего, М. Цветаевой («ЖЗЛ»), книгу о Слуцком писал долгие годы, и вот, в канун 100-летия поэта, она сложилась. Вольно или невольно, строки Слуцкого — «Мелкие пожизненные хлопоты / По добыче славы и деньжат / К жизненному опыту / Не принадлежат» — стали и лейтмотивом книги и звучат как завещание поэта.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Рабинер, В. Галедин
«ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ»

Е. Новицкий
«ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ»

Е. Лобанкова
«ГЛИНКА»

Г. Чернявский, Л. Дубова
«ПРЕЗИДЕНТЫ США»

Н. Петрова
«НАХИМОВ»

А. Карпов
«ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Устинов
«ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

Д. Быков
«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»

Е. Глаголева
«РОКФЕЛЛЕРЫ»

А. Якимович
«КАНДИНСКИЙ»

Г. Прашкевич, С. Соловьев
«СТИВЕН ДЖОБС»

М. Девлин
«НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Александр Бондаренко

Военный журналист, писатель, историк, автор ряда художественных и публицистических книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе — премии СВР России, премии Александра Невского, премии ФСБ России (в составе авторского коллектива).

ISBN 978-5-235-04282-7

9 785235 042827 >

Военная контрразведка — это огромная тяжелая работа.

В. О. Богомолов

«В августе сорок четвертого»

При прорыве обороны противником и вынужденном отходе оперработник обязан предотвратить панику, бегство, разброд. Он имеет право лишь на организованный отход в боевых порядках. В любом случае он должен показывать личный пример мужества и стойкости... Армейский чекист в критический момент боя должен заменить выбывшего из строя командира, не говоря уже о политруке.

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга

А. Н. Михеев

Задача военной контрразведки — своими специфическими средствами помочь командованию обеспечить победу над врагом. То есть бороться с агентурой, с изменой, добывать информацию о противнике и т. д. Я считаю, что если бы не было активной, эффективной работы Смерша, то Победы именно в мае 1945-го могло и не быть. Она бы была, но, видимо, позже и с большими, гораздо большими потерями.

Генерал-майор Л. Г. Иванов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ